

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

ЖЮЛЬ ВЕРН
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

**В ДВЕНАДЦАТИ
ТОМАХ**

*Государственное Издательство
Художественной Литературы
Москва 1957*

ЖЮЛЬ ВЕРН

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ ДВЕНАДЦАТЫЙ

МАТИАС ШАНДОР

Роман

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

Государственное Издательство
Художественной Литературы
Москва 1957

Издание осуществляется под редакцией
Б. Н. Агапова, проф. Ю. И. Данилина,
акад. Д. И. Щербакова

Переводы с французского

Иллюстрации художника
П. И. Луганского

МАТИАС ШАНДОР

*Перевод Е. Гунста, О. Моисеенко
и Е. Шишмаревой
под редакцией Е. Бирukовой*

Часть первая

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Почтовый голубь

Триест, столица Иллирии, распадается на два совсем непохожих города: богатый новый город — Терезиенштадт, с прямыми, широкими улицами, на берегу залива, где с давних пор обосновался человек, и бедный старый город, построенный кое-как, зажатый между широкой улицей Корсо, отделяющей его от нового города, и склонами невысокой горы Карст, вершину которой украшает старинная крепость.

Триестский порт защищен молом Сан-Карло, возле которого стоят на якоре преимущественно торговые суда. Здесь околачивается множество бродяг, не имеющих ни кола ни двора, одетых в драные штаны, жилеты и куртки, не нуждающиеся ни в каких карманах, ибо у их владельцев никогда не было и, вероятно, никогда не будет, чем их наполнить; порой эти оборванцы собираются в довольно многочисленные шайки, наводящие страх на местных жителей.

В этот день, 18 мая 1867 года, среди множества бродяг можно было заметить двух человек, одетых немного лучше других. Однако их тоже вряд ли когда-либо обременяло излишнее количество флоринов или крейцеров, для этого им должно было бы улыбнуться счастье. И, право, эти двое готовы были на все, лишь бы заставить его улыбнуться!

Один из них, по имени Саркани, говорил, что родился в Триполитании. Другой — Зироне — был выходцем

из Сицилии. Спутники раз десять прошли по молу туда и обратно и, наконец, остановились на самом его конце. Они пристально смотрели на запад в морскую даль, как будто ждали, что там появится судно, везущее им богатство!

— Который час? — спросил Зироне по-итальянски; его спутник так же свободно владел этим языком, как и другими наречиями, распространенными на берегах Средиземного моря.

Саркани не ответил.

— Ах я дурак! — воскликнул сицилиец. — Ведь теперь как раз тот час, когда человеку хочется есть, особенно если он забыл позавтракать!

В этой части Австро-Венгерского государства люди австрийского, итальянского и славянского происхождения так перемешались, что дружба двух иностранцев, которые были несомненно чужаками в этом городе, не могла никому показаться странной. К тому же, если их карманы и были пусты, никто не мог об этом догадаться, так важно они расхаживали в своих длинных коричневых плащах.

Младший из них, Саркани, был стройный молодой человек среднего роста, с изящными манерами, лет двадцати пяти. Его звали Саркани — и все. Иного имени он не имел. Вероятно, он даже не был крещен, так как, повидимому, родился в Африке — в Триполи или Тунисе; но хотя у него и была смуглая кожа, правильные черты лица скорее указывали на арабское, чем на негритянское происхождение.

Вряд ли когда-либо встречалась на свете более обманчивая внешность! Только очень проницательный наблюдатель мог бы разгадать, какое глубокое коварство таится в этом красивом лице с большими черными глазами, тонким носом и хорошо очерченным ртом, опущенным темными усиками. Пожалуй, никто бы не разглядел в этих бесстрастных чертах тайной ненависти и презрения, свидетельствующих о постоянных злоумышлениях против общества. Хотя физиономисты утверждают (и в большинстве случаев справедливо), что всякий обманщик, несмотря на всю свою ловкость, когда-нибудь да выдаст себя, Саркани был несомненно

исключением из этого правила. Глядя на него, никто не заподозрил бы, ни кто он такой, ни кем он был раньше. Он не вызывал того невольного отвращения, какое возбуждают в нас мошенники и воры. Тем он был опаснее.

Как прошли детские годы Саркани? Этого никто не знал. Вероятно, он был совсем заброшенным ребенком. Кто и как его воспитывал? В какой дыре ютился он первые годы своей жизни в Триполитании? Чьи заботы оградили мальчика от многочисленных опасностей, подстерегавших его в этой дикой стране? По правде сказать, на эти вопросы никто не мог бы ответить, вероятно, даже он сам, — родился он по воле случая, рос по воле случая и был обречен жить по воле случая! Однако за время своей юности он кое-чему научился, вернее, приобрел практические навыки, так как ему с ранних лет пришлось колесить по свету, встречаться со всевозможными людьми, пускаться на всякие уловки, чтобы не умереть с голоду. И вот, по прихоти судьбы, несколько лет тому назад он вошел в сношения с одним из самых богатых домов Триеста — с домом банкира Силаса Торонталя, имя которого неразрывно связано с нашим рассказом.

Спутник Саркани — итальянец Зироне — был из тех людей без стыда и совести, которые всегда готовы участвовать в грязном деле или оказать любую услугу тому, кто хорошо заплатит, и тут же перейти на сторону того, кто заплатит еще лучше. Этому выходцу из Сицилии было лет тридцать; ему ничего не стоило подстрекнуть человека на злое дело или послушаться дурного совета и с охотой привести его в исполнение. Где он родился? Быть может, он бы и ответил, если бы только знал сам. Во всяком случае, он неохотно сообщал, где живет, даже когда у него и было жилье. Скитаясь по Сицилии, он случайно встретился с Саркани. С тех пор они вместе бродили по свету, стараясь правдами или неправдами набить себе карманы. Зироне, рослый, бородатый детина, с очень смуглым лицом и черными, как смоль, волосами, был человеком себе на уме; его врожденную хитрость выдавали всегда прищуренные глаза и манера лукаво покачивать головой.

Свое коварство он пытался спрятать под напускной болтливостью. Впрочем, он обладал скорее веселым нравом и был настолько же развязен, насколько его молодой спутник сдержан и молчалив.

На этот раз Зироне болтал меньше, чем всегда. Видно, его тревожила мысль об обеде. Накануне, когда Саркани сел за карты в каком-то грязном при-тоне, удача окончательно отвернулась от них, и они оказались совсем на мели. Теперь оба не знали, за что взяться. Они могли надеяться только на счастливый случай, а так как этот покровитель босяков не спешил им навстречу на молу Сан-Карло, то они решили сами поискать его на улицах нового города.

Там, на проспектах и площадях, на набережных и бульварах, в порту и прилегающих к нему кварталах, на берегах большого канала, пересекающего Триест, толпятся, снуют туда-сюда, спешат, суетятся, бегут по своим делам обитатели этого города, насчитывающего семьдесят тысяч жителей итальянского происхождения, и их венецианский говор смешивается с многоязычным говором моряков, купцов, чиновников и разных должностных лиц, которые вносят в этот разноголосый концерт звуки немецкого, английского, французского и славянских языков.

Но как ни богат новый город, не следует думать, что все встречные и поперечные на его улицах непременно люди состоятельные. Нет! Даже самые зажиточные из его жителей не могут тягаться с английскими, армянскими, греческими и еврейскими купцами, занимающими самое высокое положение в Триесте и чьи роскошные дома ничуть не уступают лучшим домам австро-венгерской столицы. Но, помимо них, сколько несчастных бедняков с утра до вечера бродят по богатым торговым улицам, мимо запертых, подобно несгораемым шкапам, высоких зданий, где заключают всевозможные торговые сделки многие дельцы, съехавшиеся в этот порт, так удачно расположенный в самом сердце Адриатики! Сколько оборванцев, которым не пришлось позавтракать и вряд ли удастся пообедать, толпятся вокруг причалов, где с судов, принадлежащих самой могущественной в Европе мореход-

ной компании «Австрийский Ллойд», выгружают несметные богатства, привезенные со всех концов света! Сколько жалких бродяг, каких мы видим сотни в Лондоне, Ливерпуле, Марселе, Гавре, Антверпене, Ливорно, сталкиваются здесь с богатыми судовладельцами, бродя возле складов, куда им вход воспрещен, возле Биржи, двери которой для них всегда закрыты, у входа в Тергестеум, где «Ллойд» разместил свои конторы и приемные и где он ведет свои дела в полном согласии с Торговой палатой.

Известно, что во всех больших портовых городах Старого и Нового Света можно видеть совсем особую толпу обездоленных, встречающихся только в этих крупных центрах. Откуда они взялись, никто не знает. Что они пережили — никому нет дела. Что с ними будет — они и сами не ведают. Среди них довольно много людей опустившихся и немало иностранцев. Железные дороги и торговые суда выбросили их словно тюки с негодным товаром, и они всем мешают, нарушая нормальную жизнь города, откуда полиция тщетно старается их изгнать.

Итак, Саркани и Зироне, последний раз окинув взглядом бухту с маяком на мысу св. Терезы, покинули мол и, пройдя между зданием «Театро Коммунале» и сквером, вышли на Пьяцца Гранде; с четверть часа они прогуливались у подножия памятника Карлу VI возле фонтана, сложенного из камня, добытого на ближней горе Карст.

Затем они свернули налево. Зироне так внимательно приглядывался к прохожим, как будто испытывал непреодолимое желание их обогнать. Они подошли к громадному квадратному зданию Тергестеума как раз в час закрытия Биржи.

— Сейчас на бирже пусто, как у нас в кармане! — воскликнул, смеясь, Зироне, хотя ему было вовсе не до смеха.

Но равнодушный Саркани, казалось, даже не слышал плоской остроты своего спутника, который поеживался и зевал от голода.

Они пересекли треугольную площадь, на которой возвышалась бронзовая статуя императора Леопольда I.

Зироне свистнул, словно уличный мальчишка, и перед ним взлетела стая сизых голубей, которые обычно воркуют под портиком старой биржи, подобно серым голубям, живущим под аркадами Прокураций на площади св. Марка в Венеции. Здесь начиналась улица Корсо, отделяющая старый Триест от нового.

Они двинулись по этой широкой, но довольно неприглядной улице, с бойко торгующими, но безвкусно отделанными магазинами, скорей напоминающей Риджент-стрит в Лондоне или Бродвей в Нью-Йорке, чем Итальянский бульвар в Париже. По ней сновало множество прохожих и то и дело проезжали кареты, направляясь от Пьяцца Гранде к Пьяцца делла Ленья, — эти названия указывают на несомненное итальянское происхождение города.

Саркани шел с видом человека равнодушного ко всяким искушениям, но Зироне, проходя мимо магазинов, бросал на них жадные взгляды, как человек, который стремится, но не имеет возможности туда войти. А сколько там было вещей, в которых оба они так нуждались! Особенно соблазняли их лавки со съестными припасами или пивные, где пиво всегда льется рекой, больше, чем в любом другом городе Австро-Венгерского государства.

— На Корсо есть и пить хочется еще сильнее! — заметил Зироне и прищелкнул пересохшим языком, словно трещоткой.

В ответ Саркани только пожал плечами.

Они свернули в первую улицу налево, вышли к каналу возле подъемного моста Понто Россо и направились вдоль набережной, к которой могли приставать даже самые крупные морские суда. Тут приятелей больше не соблазняли приманки, выставленные в витринах магазинов. Дойдя до церкви Сант-Антонио, Саркани внезапно свернул направо. Его спутник последовал за ним без всяких возражений. Они снова пересекли Корсо и углубились в старый город, узкие, непроезжие улочки которого карабкаются по склонам Карста и расположены таким образом, чтобы их не продувал жестокий ветер «бора» — ужасный ледяной северо-восточный ветер. В старом Триесте Саркани и Зироне, не

имевшие ни гроша в кармане, чувствовали себя как дома, не то что в роскошных кварталах нового города.

Действительно, приехав в столицу Иллирии, они поселились в скромной гостинице, близ церкви Санта-Мария-Маджоре. Но так как хозяин, до сих пор не получивший от них ни флорина, все настойчивей требовал оплаты счета, который с каждым днем увеличивался, они обошли этот опасный риф, пересекли площадь и некоторое время прогуливались вокруг Арко ди Рикардо.

Однако они пришли сюда совсем не для осмотра этого памятника римской архитектуры. А так как счастливый случай все не подвертывался им и на этих безлюдных улицах, они отправились искать его на крутых тропинках, ведущих к старому собору, стоявшему на террасе почти у самой вершины Карста.

— И дернула же тебя нелегкая карабкаться наверх! — пробормотал Зироне, подбирая полы своего плаща.

Но он не покинул своего молодого товарища, и снизу можно было видеть, как они взбирались друг за другом на склоны Карста по лестницам, которые называются здесь улицами. Десять минут спустя они добрались до террасы, еще более голодные и усталые, чем раньше.

С этой высокой точки перед приятелями открылся великолепный вид: Триестский залив, уходящий в безбрежное море; оживленная гавань, где сновали рыбацьи лодки и медленно двигались громадные пароходы и торговые суда; большой город, раскинувшийся у их ног, со всеми его пригородами, маленькими домиками, громоздившимися по склонам, и красивыми виллами, разбросанными на холмах. Однако это зрелище не восхищало приятелей. Они уже повидали на своем веку немало живописных мест, да к тому же не раз гуляли здесь и раньше, спасаясь от скуки и безделья. Зироне во всяком случае предпочел бы слоняться перед заманчивыми витринами на Корсо. Но раз уж они залезли так высоко в погоне за счастливым случаем, оставалось только терпеливо его дожидаться.

У самой лестницы, выходящей на террасу, возле византийского собора св. Юста есть огороженное место, бывшее кладбище, ставшее музеем старины. Там не сохранилось могил, кругом валяются лишь каменные обломки старых надгробных памятников: разбитые римские стелы и средневековые столбы, куски триглифов и разных украшений эпохи Возрождения, черепки разбитых урн со следами пепла — все эти осколки старины лежат вперемежку в траве, у подножия прекрасных деревьев.

Калитка кладбища была не заперта. Саркани толкнул ее и вошел, а за ним и Зироне, который меланхолически заметил:

— Вот самое подходящее место для самоубийства.

— А что, если бы тебе предложили покончить с собой? — насмешливо спросил Саркани.

— Ну нет, приятель, я бы отказался наотрез! Пусть у меня будет всего один счастливый день в неделю, с меня и этого довольно.

— Ты его получишь, и даже больше!

— Да услышат тебя все святые Италии, а их здесь, клянусь богом, насчитывают целые сотни!

— Ну идем!

Они прошли по полукруглой аллее, между двумя рядами урн и уселись на лежащей в траве огромной каменной розетке.

Сначала они молчали, что было по душе Саркани, но совсем не устраивало его спутника. Подавляя зевоту, Зироне вскоре сказал:

— Черт подери! Счастливый случай что-то не торопится, а мы-то сдуру так надеялись на него!

Саркани промолчал.

— Что за дурацкая затея искать его среди этих развалин! Боюсь, что мы дали маху, приятель! За каким чертом полезет он сюда на это старое кладбище? Когда души покинули свою земную оболочку, он им больше не нужен. И когда я буду тут лежать, мне тоже будет наплевать на запоздавший обед или пропущенный ужин. Идем-ка отсюда!

Но Саркани, погруженный в свои мысли, сидел с отсутствующим видом и не двинулся с места.

Несколько минут Зироне молчал, но вскоре на него напала обычная болтливость.

— Саркани, — начал он, — знаешь, в каком обличье мне больше всего хотелось бы повстречать счастливый случай, который, кажется, забыл своих старых клиентов? В образе кассира из банка Торонталья, который явился бы сюда с портфелем, набитым банковыми билетами, и передал бы нам сей портфель от имени упомянутого банкира, рассыпаясь в извинениях за то, что заставил нас ждать!

— Слушай, Зироне, — ответил Саркани, сердито хмурия брови, — в последний раз говорю тебе, что нам нечего больше ждать от Силаса Торонталья.

— Ты уверен?

— Да! Кредит, которым я у него пользовался, теперь исчерпан, и на мою последнюю просьбу он ответил решительным отказом.

— Плохо дело!

— Очень плохо, но это именно так.

— Ладно, допустим, что сейчас твой кредит исчерпан, но раньше ты ведь пользовался кредитом? А на чем он был основан? На том, что ты не раз отдавал свой ум и способности банку Торонталья для выполнения разных... щекотливых дел. Вот почему первые месяцы после нашего приезда Торонталь был не слишком прижимист. Не может быть, чтобы ты и сейчас не держал в руках каких-нибудь нитей, а если ему пригрозить...

— Если бы дело стало только за этим, оно давно было бы на мази, — пожал плечами Саркани, — и ты не бегал бы в поисках обеда! Нет, черт возьми! Я не держу Торонталья в руках, но если это когда-нибудь случится, уж я сорву с него хороший куш и заставлю его выплатить мне проценты и проценты на проценты с тех денег, в каких он мне сейчас отказывает! Вдобавок я подозреваю, что дела его банка последнее время немного запутались, он вложил большие суммы в сомнительные предприятия. Несколько крупных банкротств, произошедших в Германии — в Берлине и Мюнхене, — отразились и на банках Триеста, и что бы ни говорил Силас Торонталь при нашем послед-

нем свидании, мне показалось, что он чем-то встревожен. Надо дать воде замутиться, а в мутной воде...

— Пусть так, но пока у нас осталась только чистая вода для питья! Послушай, Саркани, мне кажется, надо еще разок попытаться выжать что-нибудь из Торонталья! Последний раз постучаться в его кассу и добыть хотя бы денег на дорогу в Сицилию через Мальту...

— А что нам делать в Сиции?

— Это уж моя забота! Я хорошо знаю страну и могу набрать по дороге шайку мальтийцев, смелых ребят, без предрассудков, с которыми можно пуститься на любые дела. Тысяча чертей! Чем тут сидеть на мели — лучше уедем и заставим этого проклятого банкира оплатить нам дорожные расходы! Хотя ты и мало знаешь о его делах, кое-что ты знаешь, и он будет рад, если ты уберешься подальше от Триеста!

Саркани покачал головой.

— Черт возьми! Дальше это не может продолжаться! Ведь так можно подохнуть с голоду!

Он встал и сердито топнул ногой о землю, словно она была ему злой мачехой и не желала его кормить.

В эту минуту глаза его остановились на птице, тяжело летевшей за оградой кладбища. Это был голубь; он с трудом махал усталыми крыльями и постепенно опускался все ниже к земле.

Зироне, не задумываясь над тем, к какой из ста семидесяти семи пород голубей, известных орнитологам, принадлежит эта птица, сразу решил, что она относится к разряду съедобных. Вот почему, указав на нее своему спутнику, он стал жадно следить за ней.

Голубь, повидимому, совсем выбился из сил. Он пытался отдохнуть, присев на выступ в стене старого собора, к которому примыкала высокая, квадратная, еще более старинная башня. Но, окончательно обессилев, он опустился ниже и сел на крышу над небольшой нишей, где стояла статуя св. Юста; вскоре его ослабевшие лапки разжались, и он соскользнул на капиталь античной колонны, стоявшей между башней и фасадом собора.

Саркани попрежнему сидел задумавшись и перестал следить за птицей, но Зироне не спускал с нее

глаз. Голубь прилетел с севера. Как видно, он проделал далекий путь, и силы его истощились. А в то же время инстинкт толкал его вперед, к какой-то отдаленной цели; поэтому он снова взлетел, но, описав в воздухе дугу, вынужден был опуститься и скрылся в ветвях одного из деревьев кладбища.

Тут Зироне решил его поймать и осторожно пополз по траве к дереву. Вскоре он добрался до подножия толстого, узловатого ствола, по которому мог бы легко вскарабкаться на вершину. Он застыл на месте, молчаливый и неподвижный, как собака на стойке, ожидая, когда дичь взлетит на дерево и спрячется в ветвях у него над головой.

Голубь не заметил Зироне и попытался продолжать полет, но силы вновь покинули его, и он упал на землю, в нескольких шагах от дерева.

Броситься вперед, протянуть руку и схватить птицу было для сицилийца делом одной секунды. Он собирался тут же задушить бедняжку, но вдруг вскрикнул от удивления и вернулся к Саркани.

— Почтовый голубь, — сказал он.

— Ну что ж! Этот почтальон, видно, совершил свое последнее путешествие!

— Конечно, и тем хуже для тех, кому он нес эту записку под крылом!

— Записку? — воскликнул Саркани. — погоди, Зироне, погоди! Если так, дадим ему отсрочку.

И он остановил руку своего товарища, собиравшегося уже свернуть пленнику шею. Затем, взяв мешочек, который Зироне достал из-под крыла птицы, открыл его и вынул зашифрованную записку.

В записке было всего восемнадцать слов, написанных в три колонки, следующим образом:

<i>з ц и ф н у</i>	<i>и с й т ч у</i>	<i>о е х и в р</i>
<i>с и г д к н</i>	<i>ы у е л м с</i>	<i>и о е т т ж</i>
<i>о и ш е в к</i>	<i>о н и в в н</i>	<i>о ш з я а г</i>
<i>в з а а и ь</i>	<i>л н а о д а</i>	<i>р и е в й о</i>
<i>к з т я с и</i>	<i>т л н с г о</i>	<i>с м п в с и</i>
<i>е о н р а м</i>	<i>с и у п в с</i>	<i>е а д н ж р</i>

Откуда была послана записка и кому она предназначалась? Об этом не говорилось ни слова. А разве можно разгадать эти восемнадцать слов, состоящих из равного количества букв, не зная шифра? Вряд ли! Для этого надо быть очень ловким отгадчиком; к тому же неизвестно, можно ли ее вообще расшифровать!

Саркани был очень разочарован и в замешательстве смотрел на криптограмму, в которой ничего не понимал. Быть может, в записке содержатся важные и даже компрометирующие кого-нибудь сведения? Весьма вероятно, судя по тому, какие предосторожности были приняты, чтобы ее не могли прочесть, если она попадет в чужие руки. Уж если записку не захотели доверить ни почте, ни телеграфу, а воспользовались необыкновенным инстинктом почтового голубя, чтобы ее переслать, значит речь шла о деле, которое хотели сохранить в абсолютной тайне.

— А вдруг в этой записке содержится такая тайна, которая могла бы принести нам богатство, — заметил Саркани.

— Так, значит, счастливый случай, за которым мы гонялись все утро, прилетел к нам в виде этого голубя! — воскликнул Зироне. — Черт возьми! А я-то чуть его не задушил! Впрочем, самое главное — захватить послание, а посланца можно с успехом сварить...

— Не спеши, Зироне, — ответил Саркани, еще раз спасая голубую жизнь, — птица поможет нам узнать, кому послана записка, если, конечно, этот человек живет в Триесте.

— Ну, а потом? Она не поможет тебе ее прочесть!

— Нет.

— И ты не узнаешь, откуда ее послали.

— Конечно. Но если мне удастся найти одного из корреспондентов, быть может, я смогу разыскать и второго. Значит, вместо того чтоб убивать эту птицу, надо помочь ей восстановить свои силы и долететь до места назначения.

— С запиской?

— Да, с запиской. Но сперва я сниму с нее точную копию и спрячу до того времени, когда она сможет мне пригодиться.

Саркани, вынув из кармана записную книжку и карандаш, тщательно переписал записку. Зная, что в криптограммах нельзя упускать ни одной мелочи, он постарался точно сохранить расстановку слов и букв. Затем спрятал копию в карман, а записку вложил в мешочек и снова привязал под крылом голубя.

Зироне следил за ним, по-видимому, не разделяя надежд, которые его товарищ возлагал на этот неожиданный случай.

— А теперь? — спросил он.

— Теперь позаботься о посланце и помоги ему оправиться.

В самом деле, голубь обессилел скорее от голода, чем от усталости. Крылья его были невредимы, на них не видно было ни переломов, ни ушибов, значит его слабость не была вызвана ни свинцовой дробиной охотника, ни камнем, брошенным скверным мальчишкой. Он просто хотел есть, а еще больше пить.

Зироне нашел на земле несколько червяков, насекомых и зернышек, и голубь с жадностью их проглотил; затем, подобрав черепок старинной урны, в котором осталось несколько капель воды после дождя, Зироне напоил его. Не прошло и получаса, как отдохнувший и подкрепившийся голубь был уже в состоянии продолжать свое прерванное путешествие.

— Если ему предстоит далекий путь, — заметил Саркани, — и место его назначения где-то за пределами Триеста, тогда нам все равно, долетит ли он, или свалится по дороге, ведь мы скоро потеряем его из виду. Если же он летит в один из триестских домов, то у него хватит сил до него добраться, ибо ему осталось лететь всего одну-две минуты.

— Ты совершенно прав, — ответил Зироне. — Но сможем ли мы проследить за ним до того места, где он сядет, даже если он не улетит за пределы города?

— Ну что ж, постараемся сделать все, что в наших силах,

И вот что они сделали.

К романскому собору, имевшему два придела, посвященные Богородице и покровителю Триеста св. Юсту, примыкает высокая башня; она стоит вплот-

ную к фасаду, где под большим круглым окном, с резным каменным переплетом, находится главный вход в здание. Эта башня господствует над всей Карстской возвышенностью, и город раскинулся под ней словно рельефная карта. С этой высокой точки легко разглядеть многочисленные крыши города, от самых склонов горы до берегов бухты. Значит, если выпустить голубя с верхушки башни, может быть, удастся проследить за его полетом и разглядеть, в какой дом он опустится, если только он летит в Триест, а не в какой-либо другой город на Иллирийском полуострове.

Возможно, что они добьются успеха. Во всяком случае, стоило попытаться. Оставалось только выпустить голубя на свободу.

Саркани и Зироне покинули старое кладбище, пересекли небольшую лужайку перед церковью и направились к башне. Одна из маленьких стрельчатых дверей под античным карнизом — та, что находилась под нишей со статуей св. Юста, — была открыта. Войдя в нее, они стали подниматься по крутым ступенькам винтовой лестницы.

Минуты через три они очутились под самой крышей башни; наверху не было открытой площадки, но два окна в стенах башни позволяли охватить взглядом весь горизонт — и холмы и море.

Саркани и Зироне стали перед окном, выходящим на северо-запад; внизу раскинулся Триест.

В эту минуту часы на башне старинного замка шестнадцатого века, стоявшего на вершине Карста позади собора, пробили четыре. Было еще совсем светло. Воздух был чист и прозрачен, солнце только начало склоняться к водам Адриатики, и городские дома, обращенные фасадами к башне, были ярко освещены.

Итак, все складывалось как нельзя лучше.

Саркани взял в руки голубя, покровительственно погладил его напоследок и выпустил на волю.

Птица забила крыльями, но сперва стала быстро опускаться вниз, и казалось, что воздушный гонец закончит свой путь ужасным падением.

Несдержанный сицилиец невольно воскликнул с досады.

— Нет! Он поднимается! — возразил Саркани.

И в самом деле, над землей голубь выровнял свой полет и, описав петлю, устремился к северо-западной части города.

Саркани и Зироне следили за ним, не отрывая глаз.

Выбрав нужное направление, птица, подчиняясь своему чудесному инстинкту, летела без всяких колебаний. Чувствовалось, что она стремится прямо к цели, туда, где она была бы уже час тому назад, если бы не эта вынужденная остановка под деревьями старого кладбища.

Саркани и его приятель продолжали следить за голубем с напряженным вниманием. Они спрашивали себя, не собирается ли он вылететь за черту города, что расстроило бы все их планы.

Но этого не случилось.

— Я его вижу! Я его вижу! — восклицал Зироне, обладавший на редкость острым зрением.

— Главное, надо приметить, куда он сядет, и точно определить, где находится это место.

Через несколько минут голубь опустился на крышу дома с высоким острым коньком, среди группы деревьев, в той части города, где расположена больница и городской сад. Он тут же исчез в слуховом окне мансарды, хорошо заметном издали, так как над ним поднимался ажурный металлический флюгер, который, будь Триест фламандским городом, наверняка оказался бы творением Квентина Метсу.

Теперь, установив основное направление, они думали, что будет не слишком трудно отыскать по резному флюгеру высокий конек крыши со слуховым окном, а затем и дом, где жил человек, которому предназначалось послание.

Саркани и Зироне сразу двинулись в путь и, спустившись по склону Карста, углубились в переулки, ведущие к Пьяцца делла Ленья. Они старались не сбиться с направления и выйти к группе домов, образующих западный квартал города.

Дойдя до пересечения двух крупных городских артерий: улицы Корса-Стадион, ведущей к городскому саду, и Акведотто, красивой, обсаженной деревьями аллеи, выходявшей к большому ресторану Боскетто, приятели остановились в нерешительности. Куда теперь свернуть — направо или налево? Они инстинктивно выбрали правую улицу, решив обследовать на ней один за другим все дома, пока не найдут того, над которым приметили флюгер, поднимающийся над группой деревьев.

Так шли они по Акведотто, внимательно разглядывая крыши домов, но все не находили той, которую искали, пока не дошли до самого конца улицы.

— Вот она! — воскликнул вдруг Зироне.

И он указал на крышу, над которой торчал на железном шпиле флюгер, скрипевший на ветру; под ним виднелось слуховое окно, с летающими вокруг голубями.

Тут не могло быть ошибки. Именно сюда спустился почтовый голубь.

Небольшой скромный дом стоял среди группы домов в самом начале улицы Акведотто.

Саркани навел справки у лавочников по соседству и вскоре разузнал все, что ему было нужно.

Этот дом уже много лет принадлежал жившему в нем графу Ладиславу Затмару.

— Кто такой граф Затмар? — спросил Зироне, которому это имя ничего не говорило.

— Как кто? Граф Затмар!

— Но ведь мы могли бы расспросить...

— Потом, Зироне, незачем спешить! Выдержка и спокойствие. А теперь пойдем к себе в гостиницу.

— Да! Теперь как раз время обеда для тех, кто может себе позволить сесть за стол! — иронически заметил Зироне.

— Если мы сегодня и не пообедаем, то весьма возможно, что пообедаем завтра.

— У кого?

— Как знать, Зироне, быть может, у графа Затмара!

Они отправились не торопясь — к чему спешить? — и вскоре пришли в свою дешевую и все же слишком роскошную для них гостиницу, раз им нечем было заплатить за ночлег.

Какой их ожидал сюрприз! На имя Саркани только что прибыло письмо.

В конверт был вложен кредитный билет на двести флоринов и коротенькая записка, всего несколько слов:

«Больше вы от меня ничего не получите. Этих денег вам хватит, чтобы добраться до Сицилии. Уезжайте, и чтобы я никогда о вас не слышал.

Силас Торонталь».

— Ура! — крикнул Зироне. — Банкир все-таки одумался и очень кстати! Право, никогда не надо отчаиваться, если имеешь дело с денежными тузами!

— И я так думаю, — ответил Саркани.

— Значит, теперь у нас есть деньги, и мы можем уехать из Триеста?

— Нет, мы можем остаться.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Граф Матиас Шандор

Венгры, или мадьяры, поселились в Венгрии в IX веке христианской эры. В настоящее время они составляют третью часть всего населения страны — более пяти миллионов человек. Являются ли венгры потомками испанцев, египтян или татар, произошли ли они от гуннов Аттилы или северных финнов — вопрос спорный. Да нам это и не важно. Однако следует подчеркнуть, что они не славяне и не немцы и, повидимому, вовсе не желают онемечиваться.

В XI веке венгры приняли католичество, которому остались верны до сих пор, и не раз показали себя ревностными католиками. Говорят они на своем древнем языке, на мягком, благозвучном языке своих предков, так хорошо передающем всю прелесть поэзии,

и хотя он менее богат, чем немецкий, зато более краток и энергичен; в XIV и XVI веках он заменил латынь, употребляемую в законах и уложениях, и вскоре стал национальным языком.

Но 21 января 1699 года по Карловицкому договору Венгрия и Трансильвания были присоединены к Австрии.

Двадцать лет спустя было торжественно объявлено, что Австро-Венгерское государство останется навеки неделимым. За неимением сына наследницей престола могла стать дочь, по праву первородства. Благодаря этому новому закону в 1749 году на трон взошла Мария-Тереза, дочь Карла VI, последнего отпрыска мужской ветви Австрийского дома.

Венгры были вынуждены склониться перед силой; однако и полтора столетия спустя во всех слоях общества встречалось немало людей, не признававших ни объединения с Австрией, ни Карловицкого договора.

В эпоху, к которой относится наш рассказ, в Венгрии жил мадьяр весьма знатного рода, которым всю жизнь владели два чувства: ненависть ко всему немецкому и надежда вернуть родине ее былую независимость. Он был еще молод, не раз встречался с Кошутом, и хотя вследствие своего происхождения и воспитания придерживался других политических взглядов, он искренне восхищался мужеством великого патриота.

Граф Матиас Шандор жил в Трансильвании, в округе Фагараш, в старинном феодальном замке. Этот замок, построенный на северных отрогах Восточных Карпат, отделяющих Трансильванию от Валахии, гордо возвышался над отвесной горной грядой во всей своей дикой красоте и казался неприступным убежищем заговорщиков, где они могли защищаться до последнего вздоха.

Хозяин замка Артенак получал крупные доходы от умелой разработки близлежащих рудников, богатых железной и медной рудой. В его владения входила часть округа Фагараш, в котором насчитывалось не менее семидесяти двух тысяч жителей. Население области — и горожане и крестьяне — были преданы

графу Шандору душой и телом и бесконечно благодарны ему за то добро, что он делал для всей округи. Вот почему его замок находился под особым наблюдением Венской канцелярии по венгерским делам, которая действовала совершенно независимо от других министерств империи. В высоких сферах знали о свободолюбивых идеях Шандора и были ими встревожены, хотя до поры до времени его и не трогали.

К этому времени Матиасу Шандору исполнилось тридцать пять лет. Широкоплечий, выше среднего роста, с гордо посаженной головой, он отличался крепким сложением и обладал большой физической силой. Его смуглое лицо, со слегка выдающимися скулами, представляло собой чисто мадьярский тип. Живость движений, четкость речи, спокойный и решительный взгляд, горячая кровь, струившаяся в его жилах и проявлявшаяся в легком трепете ноздрей и губ, часто мелькавшая улыбка — верный признак доброты, энергия, сквозившая и в словах и в жестах, — все свидетельствовало о прямой и великодушной натуре. Не раз замечали, что в характерах мадьяра и француза немало общих черт. Граф Шандор подтверждал это наблюдение.

Следует отметить еще одну важную черту графа Шандора: он был довольно снисходителен, когда затрагивали его интересы, и легко забывал причиненное ему зло, но никогда не прощал и не мог забыть оскорблений, нанесенных его друзьям. На редкость справедливый, он ненавидел всякое вероломство. Тут он проявлял необыкновенную стойкость и непреклонность. Граф был не из тех, кто предоставляет лишь богу наказывать виновных на этом свете.

Добавим, что Матиас Шандор получил весьма солидное образование. Он не любил бездельничать, хотя его состояние вполне ему позволяло это; у него были другие вкусы, и он занялся физикой, химией и медицинскими науками. Из него вышел бы замечательный врач, если бы ему пришлось ухаживать за больными, но он предпочел стать химиком и пользовался большим уважением среди ученых. Он прошел курс наук в Пештоком университете, Пресбургской

академии, Хемницком горном училище и Темешварском высшем педагогическом училище и всюду выделялся своими успехами. Скрамная жизнь и усиленные научные занятия развили и укрепили его природные дарования. Он стал человеком в самом высоком смысле этого слова. Вот почему все знакомые графа так ценили его, особенно профессора многих учебных заведений Австро-Венгрии, которые на всю жизнь остались его друзьями.

В прежние годы в замке Артенак царило веселье и оживление. Трансильванские охотники любили встречаться на этих суровых отрогах Карпатских гор. Они устраивали шумные и опасные облавы, в которых граф Шандор проявлял весь свой воинственный пыл, так как не принимал участия в политической борьбе. Он держался в стороне от политики, но пристально следил за ходом событий. Казалось, что жизнь графа проходит в научных занятиях и светских развлечениях. В эти годы графиня Рена Шандор была еще жива. Она была душой веселых собраний в замке Артенак. За полтора года до начала нашего рассказа жизнь графини внезапно оборвалась; она умерла в полном расцвете молодости и красоты, оставив маленькую дочь, которой теперь исполнилось два года.

Граф Шандор был глубоко потрясен этой утратой и никогда не мог с ней примириться. Замок затих и опустел. С той поры его владетель, погруженный в свою горе, вел жизнь отшельника. Он жил только для маленькой дочки, которую поручил заботам Рожены Лендек, жены управляющего замком. Эта преданная, еще не старая женщина посвятила всю свою жизнь наследнице Шандора и заботилась о ней как родная мать.

Первые месяцы после смерти жены Матиас Шандор не покидал замка. Он искал уединения и жил воспоминаниями о прошлом. Но через некоторое время мысли о бедствиях угнетенной родины отвлекли его от собственного горя.

Франко-итальянская война 1859 года нанесла страшный удар Австрийской империи. А спустя семь лет, в 1866 году, последовал еще более сокрушитель-

ный удар — разгром при Садове. Теперь Венгрия была прикована к дважды побежденной Австрии, которая не только лишилась своих итальянских владений, но и попала в зависимость от Германии. Национальная гордость венгров была оскорблена — такие чувства не повинуются голосу рассудка, здесь говорит голос крови. Венгры считали, что одержанные Австрией победы при Кустоце и Лиссе не могли возместить поражения при Садове.

Граф Шандор за этот год тщательно изучил политическую обстановку и решил, что борьба за отделение Венгрии может увенчаться успехом.

Итак, настало время действовать. 3 мая 1867 года, расцеловав свою дочурку и оставив ее на попечение верной Рожены Лендек, граф Шандор покинул замок Артенак и отправился в Пешт, где встретился со своими друзьями и единомышленниками, чтобы принять важные решения; затем, через несколько дней, он переехал в Триест, где собирался развить свою деятельность.

Здесь должна была находиться штаб-квартира заговорщиков. Отсюда протянутся во все стороны нити, сосредоточенные в руках графа Шандора. В этом городе руководители восстания будут не слишком на виду и смогут, не вызывая подозрений, пользуясь большей свободой и не подвергаясь опасности, осуществить свой великий замысел.

В Триесте жили два самых близких друга Матиаса Шандора. Они разделяли его убеждения и твердо решили идти за ним до конца. Граф Ладислав Затмар и профессор Иштван Батори, оба лет на десять старше Матиаса Шандора, были знатные мадьяры, но не имели состояния. Один из них жил на скромный доход от небольшого имения в округе Липто, по ту сторону Дуная; другой преподавал физику в Триесте и зарабатывал на жизнь уроками.

Ладислав Затмар жил на улице Акведотто, в доме, недавно привлечшем внимание Саркани и Зироне; это скромное жилище он предоставил в распоряжение Матиаса Шандора на все время его пребывания в Триесте, то есть до конца подготовлявшегося восста-

ния, чем бы оно ни кончилось. Единственным слугой в этом доме был старый Борик, венгр лет пятидесяти пяти, человек столь же преданный своему хозяину, как управляющий замком Лендек владельцу Артенака.

Иштван Батори занимал скромный домик на Корса-Стадионе, в том же квартале, что и граф Затмар. Его жизнь протекала в кругу семьи, состоявшей из жены и восьмилетнего сына Петера. Иштван Батори был подлинным, хотя и очень отдаленным потомком мажарских князей, которые в XVI веке царствовали в Трансильвании. С течением времени этот род дал многочисленные разветвления и постепенно измельчал, и никто не подозревал, что одним из последних его представителей является скромный профессор Пресбургской академии. Иштван Батори был выдающимся ученым, одним из тех жрецов науки, что живут в уединении и становятся знаменитыми лишь благодаря своим трудам. О нем можно было бы сказать, как о шелковичном черве: «*Inclusum labor illustrat*»¹. Из-за своих политических убеждений, которых он никогда не скрывал, ему пришлось уйти в отставку, и, перебравшись в Триест вместе с женой, которая мужественно поддерживала его во всех испытаниях, он стал давать частные уроки.

С приездом Матиаса Шандора, который официально снимал комнату в Палаццо Моделло — нынешнем отеле Делорм — на Пьяццо Гранде, три друга стали постоянно встречаться в доме Ладислава Затмара. Полиции и в голову не приходило, что в скромном доме на Акведотто находится штаб-квартира заговора, насчитывающего множество участников во всех крупных городах страны.

Ладислав Затмар и Иштван Батори без всяких колебаний примкнули к Матиасу Шандору и стали его ревностными сообщниками. Они также считали, что теперь настало время начать борьбу за освобождение родины и вернуть Венгрии подобающее ей место в семье европейских держав. Они знали, что рискуют жизнью, но это не могло их остановить. Итак,

¹ Уединение прославляет работу (лат.).

дом на Акведотто стал местом встреч руководителей заговора. Множество единомышленников приезжало сюда из разных уголков страны за указаниями и распоряжениями. Почтовые голуби — быстрые воздушные гонцы — обеспечивали постоянную, надежную связь между Триестом, главными городами Венгрии и Трансильванией, когда требовалось послать инструкции, которые нельзя было доверить ни почте, ни телеграфу. Короче говоря, были приняты все предосторожности, и заговорщики до сих пор не вызывали ни малейших подозрений.

К тому же, как мы знаем, они вели шифрованную переписку, совершенно непонятную без ключа, а потому безопасную.

Двадцать первого мая, через три дня после возвращения голубя, побывавшего в руках у Саркани, около восьми часов вечера, Ладислав Затмар и Иштван Батори сидели в рабочем кабинете хозяина дома и ждали Матиаса Шандора. Личные дела недавно заставили графа уехать в Трансильванию и побывать в своем замке. Он воспользовался этим путешествием, чтобы повидаться с некоторыми друзьями в Клаузенбурге, главном городе провинции, и сообщить им содержание той самой записки, с которой Саркани недавно снял копию; в этот день граф должен был вернуться в Триест.

После отъезда графа Шандора Триест и Буда не раз обменивались посланиями, и голуби перенесли немало шифрованных записок. Сейчас Ладислав Затмар как раз и занимался расшифровкой криптограмм, пользуясь ключом, известным под названием «сетки».

Эти секретные записки составлялись очень простым способом: с помощью перестановки букв. При этом каждая буква сохраняла свое обычное значение, то есть «б» означало «б», «е» означало «е» и так далее. Но буквы нарочно переставлялись, и прочесть написанное можно было только с помощью сетки, которая закрывала ненужные буквы, оставляя открытыми нужные, в том порядке, в каком их следует читать.

Эти сетки, известные с давних пор, усовершенствованы в наше время по системе полковника Флейснера; они остаются лучшим и самым верным способом составления криптограмм, не поддающихся расшифровке. Остальные системы с перестановкой букв, будь то системы с неизменной основой или же с простым ключом, где каждая буква алфавита всегда заменяется одной и той же буквой или значком (а также и системы с изменяющейся основой или с двойным ключом), не вполне надежны. Существуют опытные специалисты по расшифровке криптограмм, удивительные мастера в этом деле; иногда они основываются на простом расчете вероятностей, а иногда действуют наугад. Зная, какие буквы алфавита наиболее употребительны и потому должны чаще всего встречаться в криптограмме (так, например, «е» во французском, английском и немецком языках, «о» — в испанском, «а» — в русском, «е» и «и» — в итальянском), они находят их в зашифрованном тексте и постепенно отгадывают истинное значение каждой буквы в письме. Вот почему почти все криптограммы, составленные по такой системе, поддаются расшифровке умелых разгадчиков.

Другое дело сетки или зашифрованные словари (в которых отдельные слова и даже целые фразы заменены цифрами); это самый надежный способ составлять неподдающийся прочтению текст. Однако обе эти системы имеют большой недостаток: они требуют соблюдения строжайшей тайны, ибо надо быть абсолютно уверенным, что словарь или сетка, которая служит ключом к данному тексту, не попадет в чужие руки. В самом деле, без словаря или сетки письма невозможно прочесть, зато, если ключ будет похищен, их сможет прочесть каждый.

Итак, граф Шандор и его сообщники переписывались с помощью сетки, то есть квадратного куска картона, с прорезанными в нем дырочками; но из предосторожности, опасаясь, что сетка может быть украдена или потеряна, граф и его друзья, прочитав послания, немедленно их уничтожали. Таким образом не сохранилось никаких следов этого заговора, участники ко-

торого — самые знатные вельможи Венгрии, а также представители буржуазии и народа — рисковали своей головой.

Ладислав Затмар только что сжег последние письма, когда в дверь кабинета тихонько постучали.

Вошел Борик и ввел графа Матиаса Шандора, пришедшего пешком с вокзала.

Ладислав Затмар быстро встал ему навстречу.

— Ну, как прошла ваша поездка, Матиас? — с тревогой спросил он.

— Очень удачно, Затмар! Я не сомневался в чувствах моих трансильванских друзей, и мы можем твердо рассчитывать на их помощь.

— Ты сообщил им об известии, полученном из Пешта три дня назад? — спросил Иштван Батори, близкий друг графа, который был с ним на «ты».

— Да, Иштван, я их предупредил. Они тоже готовы! Они поднимутся по первому сигналу. Через два часа после выступления мы будем хозяевами Буды и Пешта, через двенадцать часов к нам присоединятся главные комитаты по обоим берегам Тиссы, а через день мы овладеем всей Трансильванией. И тогда восемь миллионов венгров вновь обретут независимость!

— А как же сейм? — спросил Батори.

— Большинство депутатов сейма — на нашей стороне. Они сейчас же сформируют новое правительство и возьмут управление страной в свои руки. Все произойдет быстро и в полном порядке, потому что комитаты пользуются самоуправлением, почти не зависят от власти короля и имеют собственную полицию.

— Но ведь существует еще совет при наместнике и сам наместник — палатин в Буде! — заметил Ладислав Затмар.

— Палатин и его совет будут лишены возможности действовать.

— И не смогут сноситься с Венской канцелярией по венгерским делам?

— Конечно. Мы приняли меры, чтобы выступить одновременно и сразу же добиться успеха.

— Добиться успеха! Ты уверен?

— Да, полного успеха! В армии все люди одной с нами крови, все венгры — за нас и выступят с нами! Разве найдется хоть один потомок древних мадьяр, чье сердце не затрепещет, когда взвывается славное знамя Родольфов и Корвинов!

Эти слова были проникнуты высоким патриотическим чувством.

— Но пока постараемся не возбуждать никаких подозрений. Будем осторожны, тогда мы станем еще сильнее! Вы не слыхали никаких тревожных разговоров в Триесте?

— Нет, — ответил Ладислав Затмар. — Здесь только и говорят, что о крупных работах, предпринятых правительством в Поле, для которых уже навербовали немало рабочих.

Еще пятнадцать лет тому назад австрийское правительство, боясь потерять Венецианскую область (которая и была у него отнята впоследствии), задумало основать в Поле, на южной оконечности Истрийского полуострова, громадные арсеналы и военный порт, чтобы господствовать на Адриатике. Несмотря на протесты Триеста, морскому могуществу которого этот проект наносил ущерб, работы велись с лихорадочной быстротой. Поэтому Матиас Шандор и его друзья могли предполагать, что триестинцы охотно примкнут к движению за независимость Венгрии, когда узнают о нем.

Но пока заговорщики соблюдали строгую тайну. Ничто не могло возбудить у полиции подозрений, ей и не снилось, что в этот день в скромном доме на улице Акведотто собрались руководители заговора.

Итак, казалось, что все предусмотрено и задуманному перевороту обеспечен успех; оставалось только ждать подходящей минуты, чтобы начать решительные действия. Шифрованная переписка между Триестом, главными венгерскими городами и Трансильванией должна была сильно сократиться или даже совсем замереть, если только не произойдет каких-либо непредвиденных событий. Теперь, когда все приготовления уже закончены, почтовым голубям уже не придется переносить никаких посланий. Из осторожности

решили даже не давать им больше пристанища в доме Ладислава Затмара.

Известно, что деньги — главная пружина войны; то же можно сказать и о заговорах. Необходимо, чтобы в час восстания участники не испытывали недостатка в средствах. В такую минуту они должны быть всем обеспечены.

Мы знаем, что Ладислав Затмар и Иштван Батори готовы были отдать жизнь за независимость родины, однако они не могли отдать своего состояния, так как обладали весьма ограниченными средствами. Но граф Шандор был чрезвычайно богат и вместе с жизнью готов был пожертвовать родине все свое достояние. Вот почему с помощью управляющего Лендека он за последние месяцы заложил свои земли и собрал очень крупную сумму — более двух миллионов флоринов.

Он хотел иметь эти деньги под рукой и поэтому поместил их на свое имя в крупный и весьма солидный триестский банк с безупречной репутацией. Это был тот самый банк Торонталья, о котором толковали Саркани и Зироне, сидя на кладбище в старом городе.

И это случайное совпадение имело самые серьезные последствия, как мы увидим из дальнейшего рассказа.

В описанный вечер Матиас Шандор сообщил Затмару и Батори, что он решил зайти на днях к Силасу Торонталью и предупредить банкира, что в ближайшее время ему может понадобиться крупная сумма денег.

В самом деле, события быстро развивались, и граф должен был вскоре подать из Триеста условленный сигнал к восстанию. А между тем в этот вечер ему показалось, будто за домом Ладислава Затмара кто-то следит, и это его сильно встревожило.

Около восьми часов граф Шандор и Иштван Батори вышли на улицу; один из них направлялся домой на Корса-Стадион, а другой — в гостиницу Делорм; но тут им почудилось, что за ними, прячась в тени, следуют два подозрительных субъекта.

Матиас Шандор и его друг решили узнать, кто их

преследует, и, повернувшись, направились прямо к ним; но неизвестные быстро скрылись за углом церкви Сант-Антонио, стоявшей на берегу большого канала, так что друзья не успели их разглядеть.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Банк Торонто

В Триесте почти нет «высшего света». Люди разных национальностей и разных сословий встречаются очень редко. Австрийские должностные лица, на какой бы ступени административной лестницы они ни стояли, считают себя представителями светского общества. В большинстве это люди воспитанные, образованные и любезные; но получаемое ими более чем скромное жалование не соответствует их положению, и они не могут тягаться с купцами и финансистами. Богатые семьи редко устраивают приемы, а официальных собраний почти не бывает, поэтому денежные тузы вынуждены демонстрировать свое богатство вне дома: они появляются на улицах в роскошных каретах, а их жены выставляют свои пышные туалеты и драгоценности в ложах «Театро Коммунале» и «Армонии».

Одним из самых богатых домов города считался в то время дом банкира Силаса Торонто.

Его главе, пользовавшемуся влиянием и за пределами Австро-Венгерской империи, исполнилось в то время тридцать семь лет. Банкир и его жена, которая была на несколько лет моложе, занимали большой особняк на улице Акведотто.

Силас Торонто считался очень богатым человеком, и, повидимому, не без оснований. Смелые и удачные биржевые операции, крупные дела с обществом «Австрийского Ллойда» и другими торговыми компаниями, значительные вклады, хранящиеся в его банке, должны были приносить ему огромные доходы. Вот почему его дом был поставлен на широкую ногу, а сам он занимал очень видное положение в городе.

Однако Саркани был, повидимому, прав, и в настоящее время Торонталь попал — быть может, ненадолго — в затруднительное положение. Он, конечно, понес крупные потери семь лет тому назад, когда франко-итальянская война нанесла удар всем биржам и банкам; а затем после военной кампании, закончившейся разгромом при Садове и вызвавшей падение фондов во всей Европе, а особенно в австро-венгерских городах — Вене, Пеште, Триесте, его дела пошатнулись. В то время необходимость выплаты крупных сумм, положенных на текущий счет в его банк, поставила его в тяжелое положение. Но, повидимому, он оправился после этого кризиса, и если Саркани сказал правду, то, значит, банкир с тех пор пустился в новые рискованные спекуляции, которые и подорвали дела его солидного банка.

Действительно, за последние месяцы Силас Торонталь сильно изменился, хотя он, вероятно, этого не замечал. Выражение его лица стало другим, и он утратил бывшее самообладание. Теперь он не смотрел людям прямо в глаза, как прежде, а лишь украдкой бросал на них косые взгляды. Эту перемену заметила даже госпожа Торонталь, женщина болезненная, нерешительная, беспрекословно подчинявшаяся мужу и очень мало знавшая о его делах.

Надо признаться, что если бы на банк Торонталья обрушился какой-нибудь серьезный удар, его владелец не мог рассчитывать на сочувствие общества. Правда, у него было множество клиентов и в городе и во всей стране, но очень мало друзей. Необыкновенное самомнение, тщеславие и заносчивость, с которой он обращался со всеми, не располагали к нему людей, и они сохраняли с ним лишь деловые отношения. Вдобавок жители Триеста считали его иностранцем, так как он приехал из Рагузы и по происхождению был далмат. У него не было в городе никаких родственных связей, хотя он и прожил здесь уже около пятнадцати лет, с тех пор как основал свой банк.

В таком положении находился банк Торонталья. И хотя Саркани подозревал, что дела богатого банкира пошатнулись, ничто не подтверждало его мне-

ния. Никто не выражал недоверия Торонталю, по крайней мере открыто. Вот почему граф Матиас Шандор без колебаний доверил ему очень крупную сумму, с условием, что в любой день может взять ее обратно, предупредив об этом банкира лишь за сутки.

Быть может, читатель удивится, как могли возникнуть какие-то отношения между одним из самых уважаемых банкиров и такой темной личностью, как Саркани. Однако эти отношения существовали и продолжались уже два-три года.

В то время Силас Торонталь вел довольно крупные дела в Триполитании. Саркани, ловкач и пройдоха, хорошо разбиравшийся в денежных вопросах, сумел втереться в эти дела, по правде сказать, порой довольно подозрительные. Были тут и тайные взятки, и неблагоприятные поручения, и незаконные поборы, с которыми Торонталь не хотел связывать свое имя. И вот Саркани взялся выполнять эти грязные махинации, а затем оказал Силасу Торонталю еще несколько услуг такого же рода. С тех пор Саркани не упускал случая сунуть нос в дела, или, вернее, запустить руку в карман банкира. Из Триполитании он приехал в Триест и продолжал шантажировать Торонталья. Не то чтобы банкир был действительно у него в руках, — после этих сделок не осталось никаких вещественных доказательств, — но положение банкира требует особой щепетильности в делах. Достаточно одного слова, чтобы причинить банку большой вред. А Саркани знал слишком много, и с этим приходилось считаться.

Силас Торонталь был очень осторожен. Саркани не раз получал от него порядочные суммы, но быстро спускал их в разных притонах, с беспечностью пройдохи, не думающего о завтрашнем дне. Перебравшись в Триест, Саркани вскоре стал так назойлив и требователен, что банкир потерял терпение и решительно отказался давать ему деньги. Саркани стал угрожать, но Силас Торонталь не испугался. И в самом деле, у вымогателя не было никаких улик, и Саркани должен был признаться, что он в сущности бессилен.

Вот почему Саркани и его доблестный соратник

Зироне с некоторых пор сидели на мели и даже не могли уехать из Триеста в погоне за счастьем. Мы знаем, что, желая, наконец, отделаться от них, Торонталь в последний раз пришел им на помощь. Присланных им денег хватило бы на дорогу до Сицилии, где Зироне собирался вернуться в шайку бандитов, орудовавшую в восточных и центральных провинциях острова. Банкир надеялся, что теперь больше не увидит своего триполитанского агента и даже никогда не услышит о нем. Однако в этом он ошибался, как и во многом другом.

Вечером 18 мая двести флоринов с запиской от Торонталья были доставлены в гостиницу, где остановились приятели.

Шесть дней спустя, 24 мая, Саркани явился в дом банкира и потребовал свидания с ним; он был так настойчив, что банкиру в конце концов пришлось его принять.

Силас Торонталь находился в своем кабинете. Войдя к нему, Саркани тщательно затворил за собой дверь.

— Вы снова явились! — воскликнул банкир, едва завидел Саркани. — Что вам еще надо? Я послал вам достаточно денег, а теперь убирайтесь из Триеста! Что бы вы ни говорили, что бы ни делали, вы больше не получите от меня ни гроша! Почему вы не уехали? Предупреждаю, я приму меры, чтобы избавиться от вас! Мне надоели ваши вымогательства! Чего вы от меня хотите?

Саркани очень хладнокровно встретил это нападение, к которому приготовился заранее. На этот раз у него был даже не такой наглый и вызывающий вид, как обычно, когда он бывал в доме банкира.

Он не только прекрасно владел собой, но держался с достоинством. Не дожидаясь приглашения сесть, он невозмутимо направился к стулу и, усевшись, стал ждать, когда бурный поток упреков раздраженного банкира иссякнет.

— Ну, будете вы, наконец, говорить? — спросил Силас Торонталь; несколько раз пройдясь по комнате, он сел против Саркани, продолжая кипеть от гнева.

— Я ждал, когда вы успокоитесь, — хладнокровно ответил Саркани, — и могу еще подождать, если угодно.

— Успокоился я или нет — не ваша забота! Последний раз спрашиваю, чего вам надо?

— Силас Торонталь, мне надо поговорить с вами, я хочу предложить вам одно дело.

— Не желаю я ни говорить с вами, ни иметь с вами никаких дел! У нас нет ничего общего, и я требую, чтоб вы покинули Триест сегодня — сейчас же! И больше сюда не возвращались!

— Я и собираюсь покинуть Триест, но не хочу уезжать, пока не рассчитаюсь с вами.

— Рассчитаться? Вы? Вернуть мне деньги?

— Да, вернуть свой долг с процентами и вдобавок разделить с вами прибыль, если...

Услышав это неожиданное предложение, Силас Торонталь только плечами пожал.

— Деньги, что я вам давал, давным-давно списаны в графу непредвиденных расходов! Теперь мы квиты, и я ничего с вас не требую, я выше таких мелочей!

— А если я не хочу оставаться вашим должником?

— А если я хочу остаться вашим кредитором?

Силас Торонталь и Саркани посмотрели друг другу прямо в глаза. Саркани пожал плечами и заметил:

— Все это фразы, пустые фразы! Повторяю, я пришел предложить вам очень серьезное дело.

— Не менее грязное, чем серьезное, вероятно?

— Ну, вы не в первый раз воспользуетесь моими услугами для...

— Все это слова, пустые слова! — воскликнул банкир, передразнивая наглый ответ Саркани.

— Выслушайте меня, — сказал Саркани, — я буду краток.

— Вот это хорошо.

— Если то, что я предлагаю, вам не подойдет, мы прекратим разговор и я исчезну.

— Отсюда или из Триеста?

— И отсюда и из Триеста.

- Завтра же?
- Сегодня вечером.
- Ну говорите!

— Дело вот в чем, — начал Саркани. — Но вы уверены, что нас никто не услышит? — добавил он, оглядываясь.

— Вы настаиваете, чтобы разговор остался между нами? — насмешливо спросил банкир.

— Да, Торонталь, ибо в наших руках может оказаться жизнь высокопоставленных людей!

— В ваших, может быть, но не в моих!

— Решайте сами! Я напал на след заговора. Какова его цель, я еще не знаю. Но после ломбардской кампании, после катастрофы при Садове в стране очень много недовольных, готовых участвовать в заговоре против Австрии. И у меня есть основания думать, что готовится какое-то выступление, повидимому, в пользу Венгрии, на котором мы можем здорово нажиться.

— Я не наживаюсь на заговорах... — насмешливо ответил Торонталь.

— А могли бы!

— Каким же это образом?

— Если донести!

— Что вы хотите сказать?

— Слушайте же!

И Саркани рассказал банкиру все, что произошло на старом кладбище: как он случайно поймал почтового голубя и нашел зашифрованную записку, с которой снял копию, а затем разыскал дом, где жил тот, кому она предназначалась. Вот уже пять дней как они с Зироне следят за всем, что происходит если не в самом доме, то вокруг него. Каждый вечер в особняке собирается несколько человек, все одни и те же лица, и перед тем как войти, они опасливо озираются по сторонам. За это время сюда прилетало и вновь улетало на север много почтовых голубей. Двери дома охраняет старый слуга, который очень неохотно впускает посетителей и внимательно наблюдает за всеми, кто приближается к подъезду. Саркани и его товарищу пришлось прибегать ко всяким уловкам,

чтобы не привлечь к себе внимания. Да и то они опасаются, что с некоторых пор у слуги появились какие-то подозрения.

Силас Торонталь слушал Саркани все с большим вниманием. Он спрашивал себя, чему можно верить в этом рассказе, так как знал, что его бывший маклер человек весьма ненадежный, а главное, банкир не понимал, чем тот думает заинтересовать его в этой истории и какую хочет извлечь из нее выгоду?

Кончив свой рассказ, Саркани стал вновь уверять, что дело идет о важном политическом заговоре против Австрии и что им было бы очень выгодно его раскрыть. Однако банкир, не отвечая, стал задавать ему вопросы.

— Где этот дом?

— На улице Ажведотто, номер восемьдесят девять.

— Кому он принадлежит?

— Знатному венгерскому вельможе.

— Как его зовут?

— Граф Ладислав Затмар.

— А кто у него бывает?

— Чаще всего два человека, оба венгры.

— Кто такие?

— Триестский профессор по имени Иштван Батори.

— А второй?

— Граф Матиас Шандор!

При этом имени на лице Силаса Торонталья мелькнуло легкое удивление, не укрывшееся от Саркани. Этому прохожему ничего не стоило узнать имена трех названных им людей, проследив Батори до его дома на Корса-Стадионе, а графа Шандора до гостиницы Делорм.

— Видите, Торонталь, — закончил Саркани, — я не побоялся доверить вам их имена. Теперь вы убедились, что я не собираюсь водить вас за нос?

— Все это слишком туманно! — ответил банкир, которому хотелось узнать побольше, прежде чем брать на себя какие-либо обязательства.

— Туманно?

— Ну конечно! У вас нет никаких улик!

— А это что?

И Саркани передал Торонталю копию записки. Банкир стал разглядывать ее с некоторым любопытством. Но зашифрованные слова, казалось, не имели никакого смысла, и вряд ли можно было придавать письму такое важное значение, какое приписывал ему Саркани. Банкира это дело могло интересовать лишь потому, что оно имело какое-то отношение к графу Шандору, клиенту, который очень его беспокоил, так как в любой момент мог потребовать возвращения сделанного им вклада.

— По-моему, чем дальше, тем это становится все непонятней! — заметил он.

— А по-моему, напротив, все ясно, как день, — ответил Саркани, которого ничуть не смущало скептическое отношение банкира.

— Вы можете расшифровать записку?

— Нет, Торонталь, но со временем расшифрую.

— Каким же это образом?

— Мне уже приходилось участвовать в такого рода делах, как и во многих других, — ответил Саркани, — и в мои руки не раз попадали шифрованные записки. Изучив вот эту, я пришел к выводу, что ключом ей служит не числовая таблица и не условный алфавит, где каждой букве придают новое значение. Нет! В этой записке буква «с» значит «с», а буква «н» значит «н», но они расположены в таком порядке, что их можно вновь расставить по местам только с помощью сетки.

Мы знаем, что Саркани не ошибался. Именно такую систему применяли заговорщики. Но поэтому-то их послания и невозможно было расшифровать.

— Пусть так, — заметил банкир, — не стану спорить, быть может вы и правы. Но, не имея сетки, записку невозможно прочесть.

— Несомненно.

— А где же вы достанете сетку?

— Этого я еще не знаю, но будьте уверены — уж я сумею ее достать!

— Вот как! Знаете, Саркани, на вашем месте я не стал бы возиться с этим делом!

— А я готов возиться сколько угодно!

— К чему? Я бы просто сообщил триестской полиции о своих подозрениях и передал ей эту записку.

— Я так и сделаю, Торонталь, но не хочу ограничиваться пустыми догадками, — ответил холодно Саркани. — Прежде чем говорить, мне надо иметь вещественные доказательства, неопровержимые улики! Я стану хозяином этого заговора, да! полным хозяином, и извлеку из него все выгоды, которые и предлагаю вам разделить со мной. Впрочем, кто знает! Возможно, нам будет выгодней стать на сторону заговорщиков, вместо того чтобы доносить на них!

Такие рассуждения ничуть не удивили Силаса Торонталья. Он знал, на что способен хитрый и двуличный Саркани. Но и Саркани говорил с банкиром не стесняясь и не боялся предложить Силасу Торонталью любое дело, зная, что у того достаточно гибкая совесть. Ведь Саркани уже давно знал банкира и к тому же имел основания думать, что его банк с некоторых пор находится в затруднительном положении. Значит, если бы им удалось овладеть тайной заговора, а затем донести и нажиться на нем, это могло бы поправить пошатнувшиеся дела банка. Вот на чем Саркани строил свои расчеты.

Но Силас Торонталь был начеку и вел себя очень осторожно, не доверяя своему бывшему триполитанскому агенту. Он допускал, что готовится какой-то заговор против австрийского правительства и что Саркани напал на его след. Дом Ладислава Затмара, где происходили какие-то тайные сборища, шифрованная переписка, опромная сумма, вложенная графом Шандором в его банк, с условием, что он может потребовать ее в любое время, — все это казалось ему довольно подозрительным. Весьма возможно, что Саркани сделал правильные выводы. Но банкир не хотел принимать участия в этом деле, не ознакомившись с ним поглубже и не узнав всех подробностей. Поэтому он заметил с равнодушным видом:

— Ну, а потом, когда вы расшифруете эту записку, — если вам вообще удастся ее расшифровать, — вдруг окажется, что речь идет о совершенно незна-

чительном, чисто личном деле, из которого невозможно извлечь никакой выгоды ни для вас... ни для меня!

— Нет! — воскликнул Саркани с глубоким убеждением. — Нет! Я напал на след очень серьезного заговора, во главе которого стоят высокопоставленные люди, и знаю, что и вы не сомневаетесь в этом, Торонталь!

— Так чего же вы от меня хотите? — спросил банкир напрямик.

Саркани встал и сказал, понизив голос, глядя банкиру прямо в глаза:

— Вот чего я хочу от вас: я хочу под любым предлогом и как можно скорей проникнуть в дом Лади-слава Затмара и завоевать его доверие. Когда я водворюсь в доме, где меня никто не знает, я сумею выкрасть сетку и расшифровать записку, чтобы использовать ее в наших интересах.

— В наших интересах? — переспросил Силас Торонталь. — Почему вы непременно хотите впутать меня в это дело?

— Потому что оно того стоит, и вы можете извлечь из него немалую выгоду.

— Ну так и займитесь им сами!

— Нет! Мне нужна ваша помощь!

— Так объясните же наконец!

— Чтобы добиться своей цели, мне нужно время, а чтобы ждать, мне нужны деньги. А денег у меня больше нет.

— Для вас кредит у меня закрыт, — вы отлично знаете!

— Пусть так. Вы мне откроете новый.

— А что я на этом выиграю?

— Слушайте: из трех названных мною людей двое — граф Затмар и профессор Батори — не имеют состояния, но третий богат, чрезвычайно богат! У него очень крупные поместья в Трансильвании. А вам известно, что если он будет арестован как заговорщик и осужден, то большая часть его конфискованного имущества пойдет в виде вознаграждения тем, кто раскрыл заговор. И мы с вами разделим между собой эту часть, Торонталь!

Саркани замолчал. Банкир не отвечал ему. Он думал о том, стоит ли ему вступать в эту игру. Конечно, он не стал бы компрометировать себя, принимая личное участие в подобном деле, но он знал, что его агент способен вести игру за двоих. И если Торонталь решит косвенно участвовать в этой махинации, он сумеет связать Саркани таким договором, который даст банкиру полную власть над его агентом и позволит самому остаться в тени... Однако он колебался. А впрочем, чем он рискует? Ведь он не будет фигурировать в этом грязном деле, а только воспользуется всеми его выгодами, а выгоды, возможно, будут огромные, и он сможет упрочить положение своего банка...

— Итак, что же? — спросил Саркани.

— Итак — нет! — ответил Силас Торонталь, решив, что слишком опасно иметь дело с таким сотрудником, или, вернее, сообщником.

— Вы отказываетесь?

— Да, отказываюсь! Прежде всего я не верю в успех ваших происков...

— Берегитесь, Силас Торонталь! — воскликнул Саркани угрожающим тоном, уже больше не сдерживаясь.

— Чего же мне беречься, позвольте вас спросить?

— Ведь я знаю за вами кое-какие дела...

— Ступайте вон, Саркани!

— И сумею вас заставить...

— Убирайтесь!

В эту минуту послышался легкий стук в дверь кабинета. Саркани быстро отступил к окну, дверь открылась, и лакей громко возвестил:

— Граф Шандор просит господина Торонталья его принять!

И тут же удалился.

— Граф Шандор! — воскликнул Саркани.

Банкир был очень недоволен, что Саркани узнал об этом посещении. Вместе с тем он предчувствовал, что неожиданный визит графа грозит ему большими неприятностями.

— Вот как! Зачем сюда пожаловал граф Шан-

дор? — спросил Саркани насмешливо. — Значит, вы поддерживаете связь с заговорщиками из графского дома? Уж не попал ли я к одному из них?

— Уберетесь ли вы наконец?

— Ну нет! Я не уберусь, Торонталь, пока не узнаю, зачем граф Шандор посещает ваш банк!

С этими словами он бросился в соседнюю комнату и скрылся за портьерой.

Силас Торонталь хотел было крикнуть, чтобы его прогнали, но передумал.

— Нет, — пробормотал он, — если уж так, то, пожалуй, лучше, чтоб Саркани слышал наш разговор.

Банкир позвонил и приказал лакею немедленно ввести графа Шандора.

Матиас Шандор вошел в кабинет, как всегда сдержанный и спокойный, холодно ответил на низкий поклон Торонталья и сел в пододвинутое банкиром кресло.

— Господин граф, — сказал банкир, — я не ожидал вашего визита, так как не знал, что вы вернулись в Триест; но банк Торонталья всегда гордится таким гостем.

— Господин Торонталь, — ответил Матиас Шандор, — я лишь один из ваших многочисленных клиентов и, как вы знаете, не веду никаких дел. Но я вам благодарен за то, что вы согласились принять на хранение наличные деньги, которые были у меня на руках.

— Позвольте вам напомнить, господин граф, что эти деньги положены в моем банке на текущий счет и приносят вам доход.

— Да, я знаю, но повторяю, что это было не помещение капитала, а простой вклад для хранения.

— Пусть так, однако в наше время деньги очень дороги, и было бы неразумно, если бы ваш капитал лежал без движения. Стране грозит финансовый кризис. Создалось очень трудное внутреннее положение. Все дела парализованы. Несколько крупных банкротств подорвали всякий кредит, и можно опасаться новых катастроф.

— Однако ваш банк стоит прочно попрежнему, — заметил Матиас Шандор, — и мне известно из досто-

верных источников, что на нем мало отразились все эти банкротства.

— Да, очень мало! — ответил Силас Торонталь совершенно спокойно. — Мы ведем также крупные дела, связанные с торговлей на Адриатическом море, что недоступно для банков Пешта и Вены, вот почему нас лишь слегка коснулся кризис. Нас не приходится жалеть, господин граф, да мы и не жалуемся.

— Очень рад за вас, господин Торонталь. Однако я хотел вас спросить, не приходилось ли вам слышать о каких-нибудь внутренних осложнениях в стране, связанных с этим кризисом?

Хотя граф Шандор задал свой вопрос равнодушным тоном и как бы невзначай, услышав его, Силас Торонталь насторожился. Не имел ли этот вопрос отношения к тому, о чем ему только что говорил Саркани?

— Я ничего не знаю, — ответил он, — и не слышал, чтобы австрийское правительство питало какие-либо опасения на этот счет. Может быть, у вас, господин граф, есть основание думать, что готовится какое-нибудь событие...

— Отнюдь нет, но нередко в банковских кругах бывает гораздо раньше известно о событиях, которые широкая публика узнает лишь впоследствии. Вот почему я задал вам этот вопрос, разумеется, оставляя за вами право не отвечать на него.

— Нет, я ничего не слышал, и будьте уверены, господин граф, что я счел бы своим долгом предупредить такого клиента, как вы, если бы узнал, что его интересам что-нибудь угрожает!

— Очень вам благодарен, господин Торонталь, я тоже думаю, что нам нечего опасаться, ибо в стране все спокойно. Поэтому я собираюсь вскоре покинуть Триест и вернуться в Трансильванию, где меня ждут неотложные дела.

— Вот как! Вы скоро уезжаете, господин граф? — с живостью спросил Торонталь.

— Да. Недели через две, самое большее.

— Но, вероятно, скоро вернетесь в Триест?

— Не думаю. Но прежде чем уехать, я хотел бы привести в порядок всю отчетность по моему поместью

Артенак, немного запущенную за последнее время. Я получил от моего управляющего много счетов, арендных договоров и других бумаг, которыми мне некогда заняться. Не можете ли вы рекомендовать мне счетовода или кого-нибудь из ваших служащих, кто сделал бы для меня эту работу?

— Мне ничего не стоит найти такого человека.

— Я буду вам очень обязан.

— А когда вам нужен этот счетовод?

— Чем скорее, тем лучше.

— Куда он должен явиться?

— В дом моего друга, графа Затмара, на улицу Акведотто, номер восемьдесят девять.

— Все будет сделано.

— Эта работа займет всего дней десять, а как только мои дела будут приведены в порядок, я уеду в замок Артенак. Поэтому я прошу вас приготовить мой вклад.

Услышав эти слова, Силас Торонталь невольно вздрогнул, но граф Шандор этого не заметил.

— Какого числа вы хотели бы получить ваши деньги?

— Восьмого будущего месяца.

— Деньги будут в вашем распоряжении.

Закончив разговор, граф Шандор встал, и банкир проводил его до передней.

Когда Силас Торонталь вернулся в свой кабинет, он застал там Саркани, который коротко сказал ему:

— Через два дня вы введете меня в дом графа Затмара в качестве счетовода.

— Придется, ничего не поделаешь, — ответил Силас Торонталь.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Шифрованная записка

Два дня спустя Саркани водворился в доме Ладислава Затмара. Он был представлен Силасом Торонталем и по его рекомендации принят графом Шандо-

ром. Итак, банкир и его агент стали сообщниками в этом грязном деле. Какова их цель? Раскрыть тайну заговора, которая может стоить жизни его руководителям. Что это им даст? За донос они получат огромную сумму, часть которой попадет в карман пройдохи, жаждущего легкой наживы, а часть в кассу запутавшегося банкира, неспособного выполнить свои обязательства.

Нечего и говорить, что Силас Торонталь и Саркани заключили между собой договор, по которому обязались разделить поровну будущие доходы. Кроме того, банкир должен был дать Саркани денег, чтобы тот мог вести приличную жизнь в Триесте со своим товарищем Зироне и приобретать все, что потребуются для выполнения задуманного плана. Со своей стороны Саркани в качестве гарантии отдал банкиру копию записки, с помощью которой он раскроет — в этом он не сомневался — тайну заговора.

Многие, пожалуй, обвинят Матиаса Шандора в неосторожности. Вводить неизвестного человека в дом, где решаются самые важные дела, накануне восстания, сигнал к которому будет подан с минуты на минуту, — это и в самом деле может показаться величайшей неосторожностью. Но граф действовал так под давлением обстоятельств.

Во-первых, ему необходимо было привести в порядок свои дела перед тем, как броситься в это опасное предприятие, которое в случае неудачи могло бы окончиться его гибелью или по меньшей мере изгнанием. Во-вторых, он думал, что если введет в дом графа Затмара постороннего человека, то это может рассеять подозрения. Вот уж несколько дней ему казалось, что какие-то шпионы рыщут вокруг дома на Акведотто, и мы знаем, что он не ошибался, ибо этими шпионами были Саркани и Зироне. Неужели триестская полиция что-то заподозрила и следит за ним и за его друзьями? Граф Шандор мог это предположить, во всяком случае он этого опасался. Если место собранных заговорщиков, куда до сих пор не допускали посторонних, стало вызывать подозрения, то лучший способ рассеять эти подозрения — ввести в дом кон-

торщика, который будет заниматься простой проверкой счетов. С другой стороны, могло ли присутствие в доме постороннего человека представлять опасность для графа Затмара и его друзей? Нет, никакой. Шифрованная переписка между Триестом и другими австро-венгерскими городами прекратилась. Все бумаги, связанные с заговором, были уничтожены. Не осталось никаких следов деятельности заговорщиков. Все было подготовлено, все нужные меры приняты. Графу Шандору оставалось только дожидаться подходящей минуты и подать сигнал. Следовательно, если правительство что-то заподозрило, то введение в дом этого конторщика поможет графу отвести от себя подозрения.

Несомненно, такое рассуждение было бы правильным, а принятая предосторожность разумной, если бы этим конторщиком не оказался Саркани, а его поручителем — Силас Торонталь!

К тому же Саркани, искусный актер, умел прекрасно использовать свои внешние данные: открытое лицо, добродушный взгляд, простые и скромные манеры. Граф Шандор и его друзья, обманутые его наружностью, попали в расставленные им сети. Молодой конторщик оказался старательным, услужливым, способным и вдобавок очень умелым счетоводом. В этом доме ничто не могло бы навести Саркани на мысль (если б он не знал об этом заранее), что он находится среди руководителей заговора, готовых поднять венгерский народ против австрийских угнетателей. Друзья Ладислава Затмара, казалось, приходят только для того, чтобы поговорить о науке и об искусстве. Не было никакой секретной переписки, никаких таинственных посетителей. Но Саркани знал, что за этим что-то кроется. В конце концов ему должен представиться счастливый случай, и он ждал его.

Саркани проник в дом Ладислава Затмара с единственной целью: достать сетку, которой пользовались для расшифровки писем. Но теперь в Триест не приходило ни одного зашифрованного письма, и он спрашивал себя: уж не уничтожили ли сетку для полной безопасности? Он очень этого боялся, так как на ней

строился весь его план: без сетки невозможно прочесть записку, принесенную почтовым голубем.

Итак, проверяя и приводя в порядок счета Матиаса Шандора, он не переставал наблюдать, подсматривать, подслушивать. Доступ в кабинет, где собирались Ладислав Затмар и его друзья, не был ему закрыт. Часто он даже работал там в одиночестве. Тут уж он не читал бумаги и не записывал цифры — он был занят совсем другим: с помощью набора отмычек, изготовленных Зироне, мастером этого дела, он открывал ящик за ящиком и рылся в бумагах. Однако он был все время настороже, опасаясь, как бы его не увидел Борик, которому он, казалось, не внушал ни малейшей симпатии.

Первые пять дней поиски Саркани оставались безуспешными. Каждое утро он приходил с новой надеждой; каждый вечер возвращался в гостиницу ни с чем. Он уже начал опасаться, как бы его преступная затея не провалилась. И правда, восстание (а он не сомневался, что речь шла о восстании) могло разразиться каждый день, то есть прежде, чем он успеет раскрыть заговор и донести о нем куда следует.

— Чем лишиться вознаграждения за донос, дожидаясь прямых улик, — говорил ему Зироне, — не лучше ли сообщить свои подозрения полиции и передать ей копию записки?

— Да! — отвечал Саркани. — И я это сделаю, если понадобится.

Нечего и говорить, что Силас Торонталь был в курсе всех его махинаций, и Саркани стоило немалых трудов успокаивать нетерпеливого банкира.

И все же случай снова пришел ему на помощь. В первый раз он помог ему найти зашифрованную записку, а во второй — прочесть ее.

Был последний день мая, около четырех часов полудни. Саркани собирался, как обычно, в пять часов покинуть дом графа Затмара. Он был сильно обескуражен: с первого дня он не продвинулся ни на шаг, а между тем работа, порученная ему графом Шандором, подходила к концу. Как только она будет закончена, его несомненно рассчитают, поблагодарив

и заплатив за труды, и у него не останется никакого предлога бывать в этом доме.

Сейчас Ладислав Затмар и его друзья ушли. В доме оставался один Борик, занятый какой-то работой в зале на нижнем этаже. Воспользовавшись случаем, Саркани решил проникнуть в комнату графа Затмара, что ему до сих пор не удавалось, и заняться самыми тщательными розысками.

Дверь была заперта на ключ; Саркани открыл ее с помощью отмычки и вошел.

В простенке между двумя выходящими на улицу окнами стоял старый секретер, который привел бы в восторг любителя старинной мебели. Его опускающаяся крышка была заперта, скрывая расположение ящиков.

Впервые Саркани представилась возможность обыскать этот секретер, и не такой он был человек, чтоб упустить подобный случай. Чтобы добраться до ящиков, надо было лишь открыть опускающуюся крышку, что Саркани и сделал, пустив в ход отмычку, насколько не повредив при этом замка.

Роясь в столе, Саркани дошел уже до четвертого ящика, когда заметил под грудой бумаг, которые его ничуть не интересовали, квадратный кусочек картона, в котором были прорезаны дырочки. Он тотчас же обратил на него внимание.

«Вот она, сетка!» — подумал он.

И не ошибся.

В первую минуту Саркани хотел было выкрасть ее, но, поразмыслив, решил, что если граф Затмар обнаружит пропажу сетки, то это навлечет на него подозрения.

— Ладно, — сказал он себе, — если я снял копию с записки, то сумею скопировать и сетку, а тогда мы с Торонталем спокойно расшифруем послание.

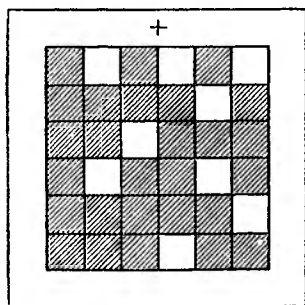
Сеткой служил квадратный кусочек картона, размером шесть на шесть сантиметров, разделенный на тридцать шесть клеточек, примерно в квадратный сантиметр каждая. Из этих тридцати шести квадратов, расположенных в шесть вертикальных и горизонтальных рядов, подобно таблице Пифагора, но

построенной на шести числах, девять были вырезаны, то есть в картоне было проделано девять дырочек.

Чтобы снять точную копию сетки, Саркани положил ее на листок чистой бумаги и обвел карандашом, причем указал место, где стоял маленький, сделанный чернилами крестик, повидимому обозначавший верхний край сетки.

Затем он обвел карандашом пустые квадратики и пронумеровал места, которые они занимали; оказалось, что в первом ряду вырезаны 2-й, 4-й и 6-й квадратики; во втором ряду 5-й; в третьем — 3-й; в четвертом — 2-й и 5-й; в пятом — 6-й; а в шестом — 4-й.

Мы приводим здесь эту сетку, которая вскоре помогла Саркани и банкиру Торонталю осуществить их преступный замысел¹.

Срисовать сетку было для Саркани делом нескольких минут. Теперь ему ничего не стоит перевести рисунок на картон и вырезать его, а тогда он, без сомнения, сможет прочесть шифрованную записку, хранившуюся у Силаса Торонталю. Итак, Саркани сунул сетку обратно в ящик под бумаги и вышел из комнаты, а затем из дома Ладислава Затмара и поспешил вернуться к себе в гостиницу.

Спустя четверть часа он уже входил в комнату, которую занимал вместе с Зироне; у него был такой

¹ На рисунке все белые клетки вырезаны.

торжествующий вид, что тот, взглянув на товарища, громко крикнул:

— Эй! Что с тобой, приятель? Будь осторожней! Ты лучше умеешь скрывать свои неудачи, чем радости. Смотри, как бы лицо тебя не выдало...

— Будет тебе болтать, Зироне, — ответил Саркани. — Время не терпит! Скорее за дело!

— Как, даже не поужинав?

— Сейчас не до ужина!

С этими словами Саркани достал кусок тонкого картона. Положив на него свой рисунок, он вырезал квадрат точно такого же размера, не забыв поставить крестик на его верхнем краю, и, взяв линейку, расчертил картон на тридцать шесть равных квадратиков.

Затем он аккуратно вырезал ножом девять квадратов, указанных на рисунке, так, чтобы в эти отверстия можно было видеть слова, буквы или цифры криптограммы, на которую наложится сетка.

Зироне, сидя против Саркани, следил за каждым его движением возбужденным взглядом сообщника. Работа товарища тем более интересовала его, что он сообразил, какая система зашифровки применялась в этой переписке.

— Ловко! — воскликнул он. — Очень ловко! Эта штука сослужит нам хорошую службу! Как подумаю, что в каждой пустой клеточке может поместиться целый миллион...

— Даже больше!

Закончив работу, Саркани встал и спрятал картонный квадрат в бумажник.

— Завтра чуть свет я буду у Торонталя, — сказал он.

— Ну, горе его кассе!

— Записка, правда, у него, но зато сетка у меня!

— На этот раз он должен сдаться!

— Еще бы!

— Значит, теперь можно поужинать?

— Можно.

— Так приступим!

И Зироне, не страдавший отсутствием аппетита, отдал честь прекрасному ужину, который он, по обыкновению, заказал себе.

На другой день, 1 июня, в восемь часов утра, Саркани явился в банк, и Силас Торонталь приказал немедленно ввести его к себе в кабинет.

— Вот сетка, — коротко сказал Саркани, протягивая ему вырезанный им накануне кусочек картона.

Банкир взял его и стал вертеть в руках, пожимая плечами; казалось, он не разделял надежд своего сообщника.

— Давайте попробуем, — сказал Саркани.

— Попробуем.

Силас Торонталь достал из ящика стола копию записки и положил ее перед Саркани.

Эта записка, как помнит читатель, состояла всего из восемнадцати слов по шести букв в каждом и не имела никакого смысла. Очевидно, каждая буква слова должна занять одну из клеточек, расположенных в шесть рядов. Таким образом, первые шесть слов записки, насчитывающие тридцать шесть букв, должны занять все клетки.

Действительно, можно легко убедиться, что квадратички этой сетки так хитро расположены, что если повернуть ее четыре раза с ребра на ребро, то пустые клеточки всякий раз занимают новые места.

Нетрудно доказать, что это именно так. Для этого положим сетку на лист чистой бумаги и напишем во всех вырезанных клеточках цифры, начиная от 1 до 9, по одной в каждой клеточке; затем повернем сетку направо, на следующее ребро, и напишем цифры от 10 до 18; снова повернем сетку направо и напишем цифры от 19 до 27; и, наконец, повернем ее в последний раз и напишем цифры от 28 до 36, тогда цифры займут все тридцать шесть квадратиков, образующих сетку.

Поэтому Саркани следовало сначала расшифровать первые шесть слов записки, приложив к ним сетку четыре раза, затем проделать ту же операцию со следующими шестью словами и, наконец, с последними шестью словами и таким образом разобрать все восемнадцать слов, из которых состояла криптограмма.

Разумеется, Саркани сообщил Силасу Торонталю свои домыслы, и банкир должен был с ним согласиться.

Оставалось узнать, подтвердится ли на практике эта теория?

Вот как выглядела криптограмма, которую мы считаем нужным вновь показать читателю:

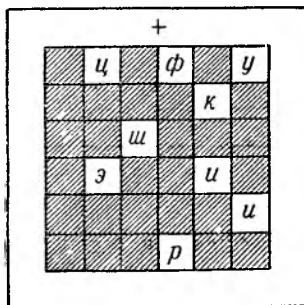
<i>з ц и ф н у</i>	<i>и с ъ т ч у</i>	<i>о е х и в р</i>
<i>с и г д к н</i>	<i>ы у е л м с</i>	<i>и о е т т ж</i>
<i>о и ш е в к</i>	<i>о н и в в п</i>	<i>о ш з я а г</i>
<i>в з а а и ь</i>	<i>л н а о д а</i>	<i>р и е в ъ о</i>
<i>к з т я с и</i>	<i>т л н с г о</i>	<i>с м п в с и</i>
<i>с о н р а м</i>	<i>с и у п в с</i>	<i>е а д н ж р</i>

Сначала надо было расшифровать первые шесть слов. Саркани написал их на листе чистой бумаги, расставив буквы таким образом, чтобы каждая из них приходилась против одной из клеточек сетки.

У него получилась следующая табличка:

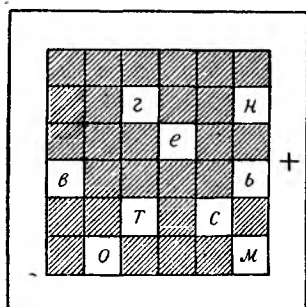
з ц и ф н у
с и г д к н
о и ш е в к
в з а а и ь
к з т я с и
с о н р а м

Затем он наложил на эту табличку сетку так, чтобы отмеченная крестиком сторона оказалась сверху. Тогда в прорезанных клеточках появились такие буквы:

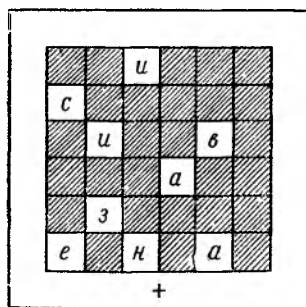

Теперь Саркани поставил сетку так, чтобы ее верхняя сторона стала правым боковым ребром таблицы.

На этот раз в прорезанных квадратиках появились следующие буквы:

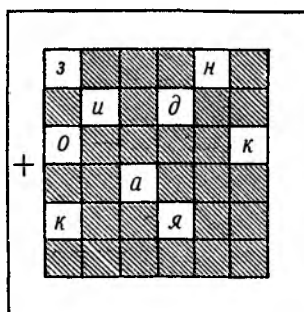

Когда Саркани приложил сетку в третий раз, он получил и тщательно записал такие буквы:

Торонत्या и Саркани чрезвычайно удивляло, что получавшиеся слова не имели никакого смысла. Они думали, что смогут свободно прочесть текст, найденный с помощью сетки, но у них всякий раз получалась полная бессмыслица. Неужели записку невозможно расшифровать?

Они приложили сетку в четвертый раз и получили следующий результат:

Опять никакого смысла!

Вот какие у них получились слова:

*ц ф у к ш э и и р
г н е в ь т с о м
и с и в а з е н а
з н и д о к а к я*

Увы, они совершенно ничего не значили!

Саркани не мог сдержать свою злость и разочарование. Банкир покачал головой, не скрывая насмешки.

— Возможно, что заговорщики для расшифровки своей переписки пользовались какой-нибудь другой сеткой! — язвительно заметил он.

Саркани так и подскочил на месте.

— Давайте продолжать! — воскликнул он.

— Давайте.

Саркани была нервная дрожь, но он взял себя в руки и вновь принялся за прерванный опыт, перейдя к шести словам, стоявшим в следующем столбце. Четыре раза прикладывал он к ним сетку, поворачивая ее направо с ребра на ребро, и получил четыре ряда букв. Опять полная бессмыслица!

*с т у м и н д о п
е с в л а н г и е
й ы н в о л с у в
и ч у л о п а т с*

На этот раз Саркани швырнул сетку на стол и выругался, словно матрос. Как ни странно, но Торонталь, напротив, сохранял полное хладнокровие. Он внимательно рассматривал получившиеся слова, вдумываясь в них.

— К черту все сетки и того, кто их выдумал! — воскликнул Саркани, вскакивая.

— Может быть, вы сядете? — сказал Силас Торонталь.

— Зачем?

— И попробуете еще раз?

Саркани с удивлением посмотрел на Торонталья и снова сел. Четыре раза приложил он сетку к последним шести словам, но делал это как-то машинально, не вдумываясь.

Вот слова, полученные им в последний раз:

*е и р т з и й и н
е ж я р о п с а р
х и ш а в м е д ж
о в о т о г е с в*

Как и все предыдущие, они не имели ни малейшего смысла.

Саркани, вне себя от ярости, схватил листок, на котором стояли эти нелепые слова, и хотел его разорвать. Но Торонталь удержал его.

— Спокойнее, — сказал он.

— Бросьте! — воскликнул Саркани. — На кой черт нам эта записка, если ее невозможно расшифровать!

— Напишите все эти слова подряд одно за другим, — невозмутимо сказал банкир.

— А зачем?

— Посмотрим.

Саркани послушался и получил следующий набор букв: *цфукизииргневътсомисивазенидокакястумин
допесвлангисийнволсувичулопатсеиртзийинежяропсарх
ишавмеджовотогесв*

Как только эти буквы были написаны, Силас Торонталь выхватил листок из рук Саркани и, прочитав их, громко вскрикнул. Теперь банкир в свою очередь поте-

рял самообладание. Саркани с удивлением спрашивал себя, уж не сошел ли тот с ума.

— Читайте же! — воскликнул Торонталь, протягивая Саркани листок. — Читайте!

— Что тут читать?..

— Да неужели вы не видите, что, прежде чем зашифровать слова с помощью сетки, их написали в обратном порядке?!

Саркани схватил листок и прочел справа налево следующую фразу:

Все готово. Ждем ваших распоряжений из Триеста. Получив условный сигнал, все поднимутся как один за независимость Венгрии. Эшкуфц.

— А что значат последние шесть букв? — спросил он.

— Это условная подпись!

— Наконец-то они в наших руках!

— Но пока еще не в руках полиции.

— Это уж мое дело!

— Но вы сохраните полную тайну?

— Будьте спокойны. Кроме губернатора, никто не узнает имена двух благородных патриотов, которым удалось раскрыть заговор против Австрийской империи!

И в тоне и в жестах этого негодяя сквозила злая насмешка.

— Значит, теперь от меня ничего не требуется? — холодно спросил банкир.

— Ничего, — ответил Саркани. — Вам останется только получить свою долю барыша.

— Когда же?

— Когда падут три головы, которые принесут нам больше миллиона каждая.

На этом Торонталь и Саркани расстались. Если они хотели воспользоваться попавшей им в руки тайной и донести на заговорщиков прежде, чем вспыхнет восстание, им следовало торопиться.

На другой день Саркани, как ни в чем не бывало, отправился в дом Ладислава Затмара. Он продолжал

свою счетную работу, которая уже подходила к концу. Граф Шандор, поблагодарив его за усердие, предупредил, что через неделю не будет нуждаться в его услугах.

Саркани догадался, что примерно в это время из Триеста будет послан сигнал во все крупные венгерские города.

Итак, Саркани продолжал внимательно наблюдать за всем, что происходило в доме графа Затмара, не вызывая ни малейших подозрений. Всем нравился этот скромный молодой человек, который казался искренним сторонником освободительных идей, — он не скрывал своего непреодолимого отвращения ко всему немецкому, — короче говоря, проходимец так ловко вел свою игру, что граф Шандор даже думал впоследствии, когда Венгрия станет свободной страной, взять его к себе на службу. Борик, и тот отказался от предложения, которое чувствовал вначале к молодому человеку.

Саркани полностью достиг своей цели.

Посоветовавшись с друзьями, граф Шандор решил дать сигнал к восстанию 8 июня. И вот этот день наступил.

Но предатели уже сделали свое дело.

Около восьми часов вечера триестская полиция неожиданно ворвалась в дом Ладислава Затмара. Всякое сопротивление было бесполезно. Граф Шандор, граф Затмар, профессор Батори, сам Саркани, который и не думал протестовать, и старый Борик были арестованы, и в городе никто не узнал об их аресте.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Перед судом, на суде и после суда

Истрия, вошедшая по договорам 1815 года в Австро-Венгерскую империю, как ее провинция, представляет собой треугольный полуостров, причем основанием треугольника служит перешеек. Этот полуостров

расположен между Триестским заливом и заливом Кварнеро, и на его побережье немало портов. Среди них на южном мысу находится порт Пола, где в то время правительство начало строить первоклассную морскую гавань и арсенал.

Истрия, особенно ее западное побережье, оставалась чисто итальянской, даже венецианской, как по своим обычаям, так и по языку. Славянский дух еще кое-где боролся в Истрии с итальянским, но немецкое влияние проникало туда лишь с большим трудом.

В этой стране, омываемой волнами Адриатики, немало крупных городов как на побережье, так и в глубине полуострова. Таковы Капо д'Истрия и Пирано, почти все население которых работает в громадных солеварнях в устьях Ризано и Корна-Лунги; Паренцо, административный центр, где собирается сейм и находится резиденция епископа; Ровинь, богатство которого составляют оливковые деревья; и, наконец, Пола, посещаемый многочисленными туристами, которые приезжают осматривать там великолепные памятники римской культуры; этот город должен со временем стать одним из самых крупных военно-морских портов на Адриатическом море.

Но ни один из этих городов не мог бы по праву называться столицей Истрии. Эта честь принадлежит Пизино, находящемуся почти в самом центре полуострова; туда и должны были отправить не подозревавших об этом заговорщиков сразу же после ареста.

У ворот дома Ладислава Затмара их ожидала почтовая карета. Все четверо тотчас же вошли в нее, а рядом с ними уселись два австрийских жандарма, из тех, что охраняют безопасность путешественников на истрийских дорогах. Значит, заключенным не позволят разговаривать в пути, чтобы они ни о чем не могли договориться до суда.

Эскорт из двенадцати конных жандармов под командой лейтенанта окружил карету, и через десять минут она уже выехала за город. А Борик был немедленно отправлен в триестскую тюрьму и посажен в одиночную камеру.

Куда же везли арестованных? В какую крепость собиралось заключить их австрийское правительство, повидимому, считавшее триестскую тюрьму недостаточно надежной? Вот что очень хотелось бы узнать графу Шандору и его друзьям, но их попытки ни к чему не привели.

Стояла темная ночь. Фонари кареты освещали лишь кусок дороги и спины скакавших впереди жандармов. Лошади мчались во весь опор. Матиас Шандор, Иштван Батори и Ладислав Затмар молча и неподвижно сидели по углам кареты. Молчал и Саркани, не пытаясь протестовать против своего ареста или хотя бы выснить его причину.

Выехав из Триеста, почтовая карета свернула в сторону и снова приблизилась к берегу моря. Сквозь стук копыт и бряцание сабель граф Шандор слышал отдаленный гул прибоя. Во мраке мелькнули несколько огоньков и через минуту исчезли. Карета пронеслась, не останавливаясь, мимо маленького городка Муджа. Затем графу Шандору показалось, что дорога снова удаляется от моря.

Около одиннадцати часов вечера они остановились, чтобы сменить лошадей. Почтовой станции здесь не было, только небольшая ферма, где лошади уже стояли наготове. Повидимому, жандармы не хотели заезжать в Капо д'Истрия.

Карета снова двинулась в путь. Теперь они ехали среди виноградников; лозы свисали фестонами с тутовых деревьев, окаймлявших дорогу; местность была ровная, и лошади неслись вскачь. Стояла непроглядная тьма: все небо заволокли густые облака, принесенные сильным юго-восточным ветром — сирокко. Хотя окна кареты иногда открывали, чтобы впустить немного свежего воздуха, — в Истрии летние ночи очень жарки, — даже вблизи ничего нельзя было разглядеть. Как ни напрягали зрение граф Шандор и его друзья, пытались примечать в пути каждую мелочь, как ни старались определить направление ветра и сообразить, сколько времени они уже в пути, им не удалось даже понять, в какую сторону они едут. Повидимому, власти решили

вести следствие в строжайшей тайне и в месте никому не известном.

Около двух часов ночи вновь сменили лошадей. Как и в первый раз, на это ушло не больше пяти минут.

Графу Шандору показалось, что он смутно видит очертания домов, стоящих у дороги, должно быть на окраине какого-то города. Это был город Буг, районный центр, расположенный в двадцати милях к югу от Муджа.

Как только запрягли лошадей, жандармский лейтенант шепнул несколько слов кучеру, и карета помчалась дальше.

Около половины четвертого должен был начаться рассвет. Через час пленники могли бы определить по солнцу, в каком направлении они двигаются, хотя бы узнать, едут ли на север или на юг от Триеста. Но тут жандармы захлопнули ставни на окнах кареты, и пассажиры продолжали путь в полной темноте.

Никто из них не произнес ни слова. Они знали, что от жандармов ничего не добьешься. Лучше всего набраться терпения и ждать.

Прошел час, а может быть, и два, — путникам трудно было определить время, — когда карета остановилась последний раз в городке Визинаде и, быстро сменив лошадей, покатила дальше.

Путники заметили, что теперь карета поднимается в гору. Слышались крики кучера, подгонявшего лошадей, шелканье бича и стук подков о крутую каменистую дорогу в какой-то гористой местности. Кругом уступами вздымались холмы, покрытые сероватыми лесами, закрывая далекую линию горизонта. Несколько раз до пленников доносились звуки свирели, это пастухи перегоняли стада черных коз, наигрывая причудливые мелодии; но по этим признакам пленники не могли догадаться, где проезжают, а видеть они по-прежнему ничего не могли.

Было, наверно, часов девять утра, когда они почувствовали, что дорога изменилась. Ошибиться было невозможно: подъем кончился; преодолев какой-то перевал, они быстро покатали под гору. Лошади неслись с такой

быстротой, что приходилось несколько раз притормаживать колеса кареты.

Действительно, в этих местах дорога сначала извивается, поднимаясь среди холмов, над которыми господствует гора Маджоре, а затем начинается спуск к городу Пизино. Хотя этот город и расположен на плоскогорье высоко над уровнем моря, но если смотреть на него с близлежащих холмов, кажется, что он спрятался в глубокой долине. Еще задолго до въезда в город вдали показывается колоколенка, возвышаясь над живописными группами домов, карабкающихся по уступам горного склона.

Пизино — главный город округа, насчитывающего около двадцати пяти тысяч жителей. Он находится почти в центре треугольного полуострова, и в него со всех сторон стекаются представители различных славянских народностей, морлаки и даже цыгане, особенно во время ярмарок, когда тут идет бойкая торговля.

Древняя столица Истрии до сих пор сохранила средневековый облик; особенно характерна старинная крепость, которая возвышается над более современными зданиями, где помещаются австрийские административные учреждения.

Девятого июня, около десяти часов утра, почтовая карета, после пятнадцатичасового пути, въехала во двор этой крепости и остановилась. Граф Шандор, его товарищи и Саркани вышли из кареты. Через несколько минут арестованных заперли в отдельных камерах с низкими сводами, куда их провели по лестнице, насчитывавшей не менее пятидесяти ступеней.

Заговорщиков ждало строгое одиночное заключение.

В дороге они не могли общаться друг с другом и не успели обменяться мыслями, но всех мучил один и тот же вопрос. Как удалось полиции раскрыть заговор? Случайно ли она напала на его след? Ведь были приняты все меры предосторожности! Между Триестом и городами Венгрии и Трансильвании давно не велось никакой переписки. Неужели их предали? Но в таком случае кто же предатель? Они никому не вверяли своей тайны. Ни одно письмо не могло попасть в руки

шпиона. Все бумаги тотчас же уничтожались. Сколько бы ни рылись во всех углах дома на улице Акведотто, там все равно ничего не могли бы найти! Впрочем, так оно и было. Полиции ничего не удалось обнаружить, кроме сетки, которую граф Затмар не уничтожил, считая, что она еще может ему понадобиться. И, к несчастью, эта сетка послужит вещественным доказательством, ведь нельзя будет отрицать, что ею пользовались для шифрованной переписки.

В действительности (этого заключенные еще не знали) все обвинение было построено на копии записки, которую Саркани с Торонталем передали губернатору Триеста, расшифровав ее текст. Но, к несчастью, этого было достаточно, чтобы обвинить заговорщиков в государственной измене. За это графа Шандора и его друзей могли посадить на скамью подсудимых перед военным судом, который выносит самые суровые приговоры.

И все это было делом рук предателя, а он находился тут же рядом. Ни слова не говоря, он дал себя арестовать и спокойно дожидался суда, и даже осуждения, не сомневаясь, что в свое время будет выпущен; таким образом он отводил от себя все подозрения. Саркани вел эту игру хладнокровно и уверенно, как и все свои темные дела.

К тому же граф Шандор, обманутый этим негодяем (как было ему не поверить?), твердо решил сделать все, что в его силах, чтобы снять с Саркани обвинение. Нетрудно доказать, думал граф, что Саркани не был его сообщником, что это просто счетовод, совсем недавно появившийся в доме Ладислава Затмара и занятый лишь частными делами графа, не имеющими ни какого отношения к заговору. Если понадобится, граф призовет в свидетели банкира Силаса Торонталея, чтобы доказать невиновность молодого счетовода. Он не сомневался, что в конце концов Саркани будет оправдан, как человек непричастный к этому делу, если полиции вообще удастся состряпать какое-нибудь дело, в чем он далеко не был уверен.

Австрийское правительство не могло знать, что заговор раскинул сети за пределами Триеста. Имена

других заговорщиков в Венгрии и Трансильвании были ему неизвестны. Полиция не могла напасть на их след. Матиас Шандор, Ладислав Затмар и Иштван Батори были совершенно спокойны на этот счет. Поэтому они решили все отрицать; но если им будут предъявлены неопровержимые вещественные доказательства, то они готовы пожертвовать жизнью. Наступит день, когда на смену им явятся новые борцы за независимость. Другие вожди продолжают их дело. А если их признают виновными, они заявят во всеуслышание, на что надеялись и какова была их цель; рано или поздно эта цель будет достигнута. Они даже не станут защищаться и с честью падут за родину.

Граф Шандор и его друзья не ошиблись: полиция почти ничего не знала об этом деле. Она пыталась отыскать нити заговора в Буде, Пеште, Клаузенбурге и других городах, где по сигналу из Триеста должно было начаться восстание, но там ничего не удалось обнаружить. Вот почему правительство окружило такой тайной арест заговорщиков в Триесте. Заключив арестованных в Пизинскую крепость и стараясь, чтобы дело не получило огласки, пока не будут выяснены все обстоятельства, власти надеялись, что тем или иным путем им удастся разыскать автора зашифрованной записки, посланной в столицу Иллирии неизвестно откуда.

Но их надежды не оправдались. Ожидаемый сигнал не был, да и не мог быть подан. Движение замерло, и заговорщики на время притаились. Правительству пришлось ограничиться привлечением к суду только графа Шандора и его сообщников по обвинению в государственной измене.

Однако потребовалось несколько дней для предварительных розысков. Поэтому следствие по делу началось только 20 июня, тогда же состоялся и первый допрос обвиняемых. Им даже не дали очной ставки, и они впервые встретились лишь в зале суда.

По распоряжению правительства триестские заговорщики должны были предстать перед военным трибуналом. Известно, как спешно ведется следствие по делам, которые рассматриваются на чрезвычайных засе-

даниях такого суда, как быстро проходят прения и приводится в исполнение приговор.

И на этот раз все происходило именно так.

Двадцать пятого июня военный трибунал собрался в сводчатом зале Пизинской крепости, и в тот же день обвиняемые предстали перед судом.

Нельзя было ожидать ни долгих и оживленных прений, ни каких-либо непредвиденных осложнений.

Заседание суда началось в девять часов утра. Граф Шандор, граф Затмар, профессор Батори и Саркани увиделись впервые после ареста на скамье подсудимых. Граф Шандор и его друзья обменялись крепким рукопожатием, как бы скрепляя свой союз. Легким кивком Ладислав Затмар и Иштван Батори дали понять графу Шандору, что они предоставляют ему говорить за них перед судом. Ни один не захотел поручать свое дело защитнику. Они одобряли все действия графа Шандора и были уверены, что на суде он сумеет постоять за всех.

Заседание суда проводилось открыто, то есть двери зала заседаний были открыты. Однако в зале почти никого не было, так как дело велось втайне и никто о нем не знал. Собралось не больше двадцати человек из числа служителей тюрьмы.

Прежде всего установили личность обвиняемых. Потом граф Шандор спросил председателя суда, куда их привезли и где происходит суд; однако он не получил ответа на свой вопрос.

Затем была установлена личность Саркани, но и на этот раз он не пытался выгородить себя.

Теперь обвиняемым была предъявлена копия записки, переданная предателями в руки полиции.

Когда их спросили, признают ли они, что получили оригинал этой записки, они ответили, что предоставляют суду доказать свое обвинение.

Тогда им предъявили сетку, найденную при обыске в столе графа Затмара.

Граф Шандор и его друзья не могли отрицать, что эта сетка принадлежит им. Да они и не пытались. В самом деле, что тут можно было сказать, как опровергнуть такую улику? Если эта сетка является ключом

к зашифрованной записке, значит записка предназначалась именно им.

Тут обвиняемые узнали, каким образом была раскрыта тайна заговора и на чем основывалось обвинение.

Дальше вопросы судьи и ответы обвиняемых были очень лаконичны.

Граф Шандор уже не мог отрицать своей вины. Он говорил не только от своего имени, но и от имени своих друзей. Да, они возглавляли движение, имевшее целью отделить Венгрию от Австрии и восстановить автономное Мадьярское государство. Если бы их не арестовали, вскоре вспыхнуло бы восстание и Венгрия вновь обрела бы независимость. Матиас Шандор великодушно взял основную вину на себя и сказал, что он главный вдохновитель заговора, а его друзья играли лишь второстепенную роль. Но они опровергли его слова, заявив, что имеют честь быть его сообщниками и сочтут долгом чести разделить его участь.

Судебное разбирательство длилось недолго. Когда председатель суда стал допрашивать обвиняемых об их связях с другими городами, они наотрез отказались отвечать и не назвали ни одного имени.

— Довольно с вас и наших трех голов, — сказал просто граф Шандор.

Затем он постарался снять обвинение с Саркани, доказав непричастность к заговору молодого конторщика, работавшего в доме Ладислава Затмара по рекомендации банкира Силаса Торонталя.

Саркани полностью подтвердил показания графа Шандора. Он ни о чем не подозревал и был поражен, услышав, что мирный дом на улице Акведотто был очагом такого опасного заговора. Если он не протестовал против своего ареста, то лишь потому, что не имел понятия, в чем его обвиняют.

Графу Шандору и Саркани удалось без труда убедить суд в правильности своих показаний, к тому же судьи, повидимому, имели особое мнение по этому вопросу. Вот почему, по просьбе следователя, обвинение, выдвинутое против Саркани, было почти тотчас же снято.

Около двух часов дня прения по этому делу были закончены, и суд тут же вынес приговор.

Граф Шандор, граф Ладислав Затмар и профессор Иштван Батори были признаны виновными в государственной измене и приговорены к смертной казни.

Осужденные должны быть расстреляны во дворе крепости.

Казнь будет приведена в исполнение через сорок восемь часов.

С Саркани обвинение было снято, но он должен находиться под стражей и оставаться в крепости до приведения приговора в исполнение.

В этом же приговоре сообщалось и о конфискации имущества осужденных.

Затем был отдан приказ отвести подсудимых обратно в тюрьму.

Саркани поместили в прежней камере, на втором этаже крепостной башни. Эта камера выходила в коридор, имевший в плане форму эллипса. Графа Шандора и его друзей перевели в довольно большую камеру, находившуюся на противоположной стороне того же коридора. Последние часы, оставшиеся до казни, осужденным разрешили провести вместе.

Для них это было утешением, даже радостью; оставшись наконец одни, они дали выход переполнявшим их сердце чувствам. До сих пор перед судьями они сохраняли самообладание, но тут, оставшись с глазу на глаз, крепко обнялись.

— Друзья мои! — воскликнул граф Шандор. — Я один виноват в вашей смерти! Но я не стану просить у вас прощения. Ведь речь шла о независимости Венгрии! Мы боролись за правое дело! Мы выполняли свой долг. И нам выпала великая честь умереть за родину!

— Матиас, — ответил Иштван Батори, — мы глубоко благодарны тебе за то, что ты объединил нас для борьбы за великое дело — дело всей твоей жизни...

— А потом нас объединит смерть! — спокойно добавил граф Затмар.

Наступило молчание, и трое заключенных окинули взглядом темную камеру, где им предстояло провести

последние часы своей жизни. Узкое окно, пробитое в толстой стене, в четырех-пяти футах от пола, едва освещало ее. В ней было всего три железных койки, несколько стульев, стол и две-три прибитые к стенам полочки с самыми необходимыми предметами.

Ладислав Затмар и Иштван Батори стояли, погруженные в свои думы, а граф Шандор молча шагал взад и вперед по камере.

Ладислав Затмар был один как перст, у него не было родственников, он никого не оставлял на этом свете. И оплакивать его некому, кроме старого слуги Борика.

Другое дело — Иштван Батори. Его смерть нанесла тяжкий удар близким. У него была жена и маленький сын. Этот удар может их убить! А если они выживут, какая ужасная жизнь им предстоит! Какое будущее ожидает эту несчастную женщину без всяких средств, с восьмилетним сыном на руках! Даже если бы у Иштвана и было состояние, им все равно ничего бы не досталось, ведь суд приговорил его не только к смерти, но и к конфискации имущества!

Перед графом Шандором вставало все его прошлое... Образ молодой жены, всегда живший в его сердце; маленькая дочь, двухлетняя крошка, оставленная на попечение управляющего, которому придется ее воспитывать! Его друзья, которых он увлек за собой на гибель! Он спрашивал себя, правильно ли поступил, выполнил ли свой долг перед родиной, не может ли упрекнуть себя в том, что погубил ни в чем не повинных людей?

— Нет! Нет! Я только выполнил свой долг! — повторял он. — Родина прежде всего, выше всего!

Около пяти часов в камеру вошел тюремный сторож; он поставил на стол миски с едой и вышел, не проронив ни слова. Матиасу Шандору хотелось знать, в каком городе они находятся и в какую крепость их заточили. Но судья не счел нужным отвечать на этот вопрос, и, конечно, сторожу было запрещено разговаривать с заключенными.

Узники едва притронулись к принесенному обеду. Конец дня они провели в дружеской беседе, выражая

горячую надежду, что настанет день, когда движение за независимость Венгрии вновь возродится. Они обсуждали также все подробности своего дела.

— Теперь мы знаем, — сказал граф Затмар, — почему нас арестовали; полиция узнала о заговоре только из записки, которую ей передали..

— Все это так, Ладислав, — ответил граф Шандор, — но в чьи руки попала записка, — одна из последних полученных нами, — и кто снял с нее копию?

— А когда копия была снята, — добавил Иштван Батори, — как могли расшифровать ее без сетки?

— Для этого кто-то должен был выкрасть у нас сетку хотя бы на очень короткое время... — заметил граф Шандор.

— Выкрасть? Но кто же? — спросил граф Затмар. — В день нашего ареста она лежала в ящике стола в моей комнате, где ее и захватила полиция!

Это было просто необъяснимо. Можно допустить, что записку нашли под крылом у почтового голубя, что с нее сняли копию, прежде чем отправить по назначению, что удалось обнаружить дом, куда прилетел голубь. Но прочесть зашифрованное письмо без ключа было совершенно невозможно!

— И тем не менее записка была прочитана, — сказал граф Шандор, — это ясно как день, и прочесть ее могли только с помощью сетки! Именно эта записка навела полицию на след заговора, и обвинение было построено только на ней!

— В конце концов теперь это не важно! — заметил Иштван Батори.

— Напротив, очень важно! Быть может, нас предали! Если тут замешан предатель... а мы не знаем...

Граф Шандор замолчал. Имя Саркани мелькнуло у него в голове; но он тотчас же отбросил эту мысль и даже не поделился ею со своими друзьями.

Трое узников продолжали обсуждать все необъяснимые обстоятельства своего дела, и беседа их затянулась до глубокой ночи.

Наутро они крепко спали, когда их разбудил сторож. Наступил предпоследний день их жизни. Через двадцать четыре часа должна была совершиться казнь.

Иштван Батори спросил сторожа, разрешат ли ему повидать перед смертью своих близких.

Сторож ответил, что не получил никаких распоряжений на этот счет. Едва ли можно было ожидать, что правительство окажет заключенным эту последнюю милость, — ведь следствие велось в строжайшей тайне и на суде никто даже не упоминал названия крепости, где находились заключенные.

— Можно ли нам хоть написать письма, и дойдут ли они по назначению? — спросил граф Шандор.

— Я принесу вам бумагу, чернила и перья, — ответил сторож, — и даю вам слово, что передам письма в руки губернатору.

— Мы вам очень благодарны, мой друг, — ответил граф Шандор, — вы делаете для нас все, что в ваших силах! Как нам отплатить за ваши труды...

— С меня довольно вашей благодарности, господа, — ответил сторож, не скрывая своего волнения.

Этот добрый человек тут же принес им все, что нужно для письма. Осужденные провели часть дня за письмами, выражая в них свою последнюю волю. Граф Шандор, как любящий отец, излил свое сердце, давая советы и высказывая пожелания крошечной дочке, которой суждено было остаться сиротой; Иштван Батори, как любящий муж, выразил всю свою нежность, посылая последнее прощание жене и сыну; Ладислав Затмар высказал глубокую привязанность к старому слуге и верному другу.

И хотя заключенные были поглощены своими письмами, весь этот день они прислушивались к каждому звуку. Сколько раз старались они уловить отдаленный шум шагов в коридорах башни! Сколько раз им казалось, что дверь их темницы сейчас откроется и они смогут в последний раз прижать к груди жену, сына, дочь! Это было бы для них утешением. Но, пожалуй, даже лучше, что беспощадный приговор, лишив их последнего свиданья, избавил и от этой душераздирающей сцены.

Дверь так и не отворилась. Наверное, ни госпожа Батори с сыном, ни управляющий Лендек, которому была поручена дочка графа Шандора, даже не знали,

куда увезли заключенных после ареста, не знал этого и Борик, попрежнему сидевший в триестской тюрьме. Наверное, им еще неизвестно, какой приговор вынесен руководителям заговора. Значит, осужденные не увидят их перед казнью!

Так шли часы за часами. Порой Матиас Шандор разговаривал со своими друзьями. Порой они надолго замолкали, погруженные в свои мысли. В такие минуты вся жизнь проходила у них перед глазами с необыкновенной силой и яркостью. У них не было чувства, что они уходят в прошлое. Нет, они заново переживали свою жизнь. Быть может, то было предчувствие вечности, на пороге которой они находились, или предвосхищение иного, неведомого и непостижимого бытия?

Но в то время как Иштван Батори и Ладислав Затмар целиком ушли в воспоминания, Матиаса Шандора преследовала все та же неотвязная мысль. Он был уверен, что в этой таинственной истории замешан доносчик. А для человека его склада умереть, не покарвав предателя, кто бы это ни был, даже не узнав его имени, значило дважды умереть. Кто перехватил записку, позволившую полиции раскрыть заговор и арестовать его вдохновителей? Кто нашел к ней ключ? Кто предал или, может быть, продал их? Граф ломал голову, стараясь ответить на этот неразрешимый вопрос, и его возбужденный мозг работал с лихорадочным напряжением.

Пока его друзья писали письма или сидели в раздумье, молчаливые и неподвижные, граф Шандор взволнованно шагал из угла в угол, словно запертый в клетку зверь.

Странное, но вполне объяснимое законами акустики явление неожиданно открыло ему тайну, которую он уже не надеялся разгадать.

Шагая по камере, граф Шандор несколько раз оставался в углу, около двери, выходящей в коридор эллиптической формы, куда вели и двери других камер. Стоя в этом углу, он услышал звуки отдаленных голосов, но слов не мог разобрать. Сперва он не обратил на это внимания; но вдруг расслышал имя — свое собственное имя, — тогда он насторожился.

Здесь, повидимому, происходило акустическое яв-

ние, подобное тем, какие наблюдаются в круглых галереях под куполами или под сводами эллиптической формы. Слова, произнесенные на одной стороне эллипса, как бы пробегают вдоль изогнутой стены и раздаются на противоположной стороне, но их невозможно услышать ни в какой другой точке эллипса. То же явление можно наблюдать в skleпах парижского Пантеона, в куполе собора святого Петра в Риме, а также в «Галерее вздохов» собора святого Павла в Лондоне. В таких случаях каждое слово, даже сказанное шепотом в одном акустическом фокусе, можно расслышать в противоположном фокусе.

Было ясно, что двое или несколько человек разговаривают в коридоре или в камере, расположенной на оси эллипса, проходившей и через дверь камеры Матиаса Шандора.

Граф сделал знак рукой, и друзья подошли к нему. Все трое замерли, напрягая слух.

До них явственно долетали обрывки фраз, но они тотчас прерывались, когда говорившие хоть на шаг удалялись от акустического фокуса.

И друзья расслышали следующие фразы, прерывавшиеся длительными паузами:

— Завтра после казни вы будете на свободе...

— Значит, имущество графа Шандора... разделят на две части...

— Без меня вам не удалось бы расшифровать записку...

— А если бы я не снял ее с шеи голубя, она никогда не попала бы в ваши руки...

— Во всяком случае, никто не может заподозрить, что это мы сообщили полиции...

— А если осужденные что-нибудь и подозревают...

— Ни родные, ни друзья их больше не увидят...

— До завтра, Саркани...

— До завтра, Силас Торонталь...

Тут голоса затихли, и вдали послышался стук запираемой двери.

— Саркани!.. Силас Торонталь! — воскликнул граф Шандор. — Так вот это кто!

Побелев, он смотрел в глаза друзьям. Сердце его на мгновение остановилось, словно сжатое спазмой. Яростно сверкавшие глаза с расширенными зрачками, втянутая в плечи шея, напряженная поза — все указывало на то, что графа охватил бешеный приступ гнева.

— Так вот это кто! Мерзавцы! Так это они! — повторял он, и из груди его вырвался хриплый звук, похожий на рычание.

Затем он выпрямился, огляделся вокруг и стал взволнованно шагать по камере.

— Надо бежать! Бежать! — восклицал он. — Бежать во что бы то ни стало!

И этот человек, не пожелавший защищать свою жизнь и готовый через несколько часов бесстрашно встретить смерть, был теперь поглощен одной лишь мыслью — жить, жить для того, чтобы покарать двух предателей — Торонталья и Саркани!

— Да! Мы должны отомстить! — воскликнули Иштван Батори и Ладислав Затмар.

— Отомстить? Нет! Свершить правосудие!

Весь характер графа Шандора выразился в этих словах.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Пизинская крепостная башня

Пизинская крепость — одно из самых интересных оборонительных сооружений, воздвигнутых в средние века. У этого феодального замка очень внушительный вид. В его просторных сводчатых залах недостает только рыцарей, в его стрельчатых окнах глаз ищет прекрасных дам в длинных расшитых платьях и в остроконечных головных уборах, у бойниц на его зубчатых стенах, у амбразур в его галереях и у решетки подъем-

ного моста хочется видеть воинов, вооруженных самострелами и арбалетами. Каменное строение нигде не повреждено. Но комендант крепости в австрийской военной форме, солдаты в современных мундирах, сторожа и тюремщики, не сохранившие своей старинной желто-красной одежды, вносят фальшивую ноту в этот величественный памятник минувшей эпохи.

Из крепостной башни этого замка и задумал бежать граф Шандор в последние часы перед казнью. Поистине безумная затея, ведь заключенные не знали даже, что за башня служит им тюрьмой, не имели понятия, по какой местности придется им пробираться после побега!

Впрочем, их полное неведение, пожалуй, было даже к лучшему. Будь они более осведомлены, они, наверно, остановились бы перед предстоящими им трудностями, вернее перед этой невыполнимой задачей.

Не потому, что местность в Истрийской провинции не благоприятствует побегу, напротив — в каком бы направлении ни двинулись беглецы, они могли бы за несколько часов добраться до морского берега. И не потому, что улицы города Пизино слишком строго охраняются и беглецов могли бы сразу схватить. Но побег из крепости, а тем более из башни, где были заперты заключенные, считался до тех пор совершенно невозможным. Это никому не могло даже прийти в голову!

Вот каково было расположение и внутреннее устройство крепостной башни в Пизино.

Эта башня стоит на возвышенности, на самом краю города. Если облокотиться на перила, которыми обнесена площадка у подножия башни, взору открывается глубокая пропасть, крутые склоны которой густо поросли плющом. На этих склонах нет ни одного выступа. Никаких ступеней, по которым можно было бы спуститься на дно ущелья. Никакой площадки, где можно было бы передохнуть. Ни малейшей точки опоры. Только неглубокие извилистые трещины пересекают поверхность скал, разделяя пласты осыпавшихся горных пород. Эта бездна пугает и притягивает, и все, что падает в нее, исчезает навек.

Над этой пропастью возвышается боковая стена башни, кое-где прорезанная маленькими отверстиями

ями — оконцами камер, расположенных на разных этажах. Если бы узник выглянул в такое оконце, он отшатнулся бы в ужасе или у него закружилась бы голова и он свалился бы вниз! А что стало бы с ним после падения? Он либо разбился бы насмерть об острые утесы в глубине, либо погиб в бурном потоке на дне пропасти, который унес бы его тело неизвестно куда.

Это ущелье местные жители называют Буко. Оно служит руслом реки Фойбы. Река эта во время половодья с силой низвергается в громадную пещеру, прорытую ею в скалах, на которых раскинулся город. Куда она несется дальше? Никто не знает. Где она появляется вновь? Никому не известно. Невозможно определить ни длину, ни высоту, ни направление этой пещеры, или, вернее, туннеля, прорытого рекой в глине и сланцах. Кто знает, не разбиваются ли ее воды о сотни каменных устоев, о целый лес опор, на которых покоится громадный фундамент крепости и даже весь город? Когда уровень воды в реке спадал, находились смельчаки, спускавшиеся в легком челноке по течению Фойбы и проникавшие в этот темный туннель; но своды пещеры нависали так низко, что им приходилось вскоре поворачивать назад. В конце концов об этой подводной реке так ничего и не узнали. Быть может, она исчезала в какой-нибудь подземной трещине или вливалась в Адриатическое море!

Вот каково было ущелье Буко, о существовании которого граф Шандор даже не подозревал. А так как бежать можно было только через окно камеры, пробитое в стене над самой бездной, то он должен был встретить там такую же верную смерть, как и во дворе крепости в день казни.

Ладислав Затмар и Иштван Батори ждали, когда придет время действовать, готовые или пожертвовать жизнью и помочь графу Шандору бежать, или последовать за ним, если это не осложнит его задачу.

— Мы убежим все трое, — сказал Матиас Шандор, — а там расстанемся, если будет нужно.

На городской башне пробило восемь. Осужденным оставалось жить всего двенадцать часов.

Сумерки сгущались, ночь обещала быть очень темной. По небу медленно ползли свинцовые тучи. Воздух был тяжелый, влажный; дышалось с трудом. Надвигалась гроза. Над лежащим в котловине городом скопились густые испарения, и создались благоприятные условия для разряда атмосферного электричества. Молнии еще не сверкали, но вдалеке, за горными грядками, уже слышались глухие раскаты грома.

Обстоятельства, казалось, благоприятствовали побегу, если бы только под ногами беглецов не зияла бездна, о которой они не подозревали. Темная ночь скроет беглецов. Грохот грозы заглушит всякий шум.

Как сразу же заметил граф Шандор, бежать можно было только через окно камеры. Взломать замок или высадить окованную железом дубовую дверь — нечего было и думать! К тому же все время слышались мерные шаги часового, ходившего взад и вперед по каменным плитам коридора. Да и выбравшись из камеры, как пробраться по сложному лабиринту переходов крепости? Как выйти за опускающуюся решетку, как перейти подъемный мост, — ведь они несомненно строго охраняются сторожевыми постами? А со стороны Буко не было часовых. Зато Буко охраняло эту стену башни лучше всякого отряда караульных!

Итак, граф Шандор занялся осмотром окна, чтобы выяснить, нельзя ли через него ускользнуть.

Окно около трех с половиной футов в высоту и двух в ширину было пробито в стене толщиной не менее четырех футов и забрано крепкой решеткой из толстых железных прутьев, вделанных в камень с внутренней стороны стены. Его не закрывал деревянный щит, какие обычно применяют в тюрьмах, чтобы свет проникал в помещение лишь сверху. Да этого и не требовалось, так как узник все равно не мог видеть пропасть Буко, зиявшую глубоко внизу. Следовательно, если бы удалось выломать или раздвинуть железные перекладки, было бы нетрудно выбраться из окна, напоминавшего амбразуру в крепостной стене.

Но как спуститься вниз по отвесной стене башни? С помощью лестницы? Но откуда ее взять или из чего ее сделать? Из простынь? Но у пленников были лишь

грубые шерстяные одеяла да жесткие матрасы, лежавшие на железных койках, ножки которых были вделаны в каменный пол. Побег казался невозможным; но вот граф Шандор заметил, что за окном свисает канат, или, вернее, железный прут, который может облегчить им побег.

Прут служил проводником громоотводу, стоявшему на крыше башни, стена которой вздымалась над пропастью Буко.

— Видите этот прут? — спросил своих друзей граф Шандор. — Надо набраться смелости и спуститься по нему вниз.

— Смелости у нас хватит, — ответил Ладислав Затмар, — но хватит ли сил?

— Не все ли равно? — возразил Иштван Батори. — Если у нас не хватит сил, мы умрем на несколько часов раньше — только и всего!

— Мы не должны умирать, — ответил граф Шандор. — Слушай, что я тебе скажу, Иштван, и вы, Ладислав, слушайте внимательно. Будь у нас веревка, мы, не долго думая, спустили бы ее из окна и соскользнули по ней на землю, правда? А ведь этот железный прут гораздо лучше веревки, хотя бы потому, что он не гнется, и спускаться по нему будет гораздо легче. Я не сомневаюсь, что он, как и все проводники громоотводов, прикреплен к стене железными скобами. Эти скобы будут служить нам точками опоры, и мы сможем отдыхать, став на них ногами. Нам нечего бояться, что прут будет раскачиваться, так как он укреплен. Нам нечего опасаться головокружения, так как на дворе ночь, и мы ничего не увидим внизу. Значит, если мы вылезем в окно, нам надо только побольше выдержки и смелости, — и мы вскоре окажемся на свободе! Быть может, мы рискуем жизнью. Быть может, на спасение у нас только десять шансов из ста — пускай! Ведь когда за нами явится стража, мы потеряем и последний шанс остаться в живых!

— Это верно, — ответил Затмар.

— Но куда спускается этот прут? — спросил Батори.

— Вероятно, в какой-нибудь колодец, — ответил граф Шандор, — но во всяком случае он находится за крепостной стеной, а нам только этого и надо. Я знаю одно: конец этого прута ведет нас к свободе... быть может!

Граф Шандор не ошибался, предполагая, что проводник громоотвода прикреплен скобами к стене. Это облегчало спуск беглецам, которые могли становиться на них, как на ступеньки, и не слишком быстро скользить вниз. Но они не знали, что ниже подножия башни, стоявшей над пропастью, прут висел свободно, раскачиваясь над бездной, и что его конец погружался в воды Фойбы, вздувшиеся после недавних дождей. Они надеялись стать на твердую почву, а между тем в глубине ущелья неся бурный поток, стремительно врывающийся в пещеру Буко.

Ну, а если бы они знали, что их ждет впереди, разве они отказались бы от своей попытки бежать? Нет!

— Если нам суждено умереть, — сказал бы Матиас Шандор, — то мы умрем лишь после того, как сделаем все, что в наших силах, чтобы спастись!

Итак, прежде всего следовало сделать проход в окне. Для этого необходимо было выломать железный переплет. Но можно ли это сделать, не имея ни клещей, ни плоскозубцев, вообще без всякого инструмента? Ведь у пленников не было даже ножа.

— Впереди нас ждут большие трудности, — сказал граф Шандор, — но сейчас мы должны совершить невозможное! Итак, за дело!

С этими словами он бросился к окну, крепко схватил решетку рукой и, сильно тряхнув ее, почувствовал, что выломать ее будет не так уж трудно.

Действительно, железные перекладины слегка шатались в своих гнездах, ибо камень у их оснований весь растрескался и был не очень прочен. Весьма вероятно, что проводник громоотвода был некоторое время поврежден и плохо проводил ток. Быть может, электрические искры искали другой путь, попадали в железный переплет и тем самым повредили камень, ведь известно, что сила тока почти безгранична. Вот почему образовались трещины вокруг гнезд, в которые были встав-

лены концы железных прутьев, и даже самый камень стал пористым, как будто его пробили тысячи электрических искр.

Иштван Батори в нескольких словах объяснил это явление, когда в свою очередь осмотрел окно.

Но надо было не объяснять, а приниматься за дело, и как можно скорей. Если бы удалось вырвать из гнезд крайние перекладыны, то переплет было бы уже не так трудно протолкнуть через окно и сбросить вниз, так как проем окна расширялся к наружной стороне стены. Стук его падения заглушат раскаты грома, который теперь непрерывно гремел в нижних слоях атмосферы.

— Но не можем же мы ломать камень голыми руками! — заметил Ладислав Затмар.

— Нет! — ответил граф Шандор. — Нам нужен какой-нибудь кусок железа, хотя бы гвоздь...

Действительно, это было необходимо. Как ни хрупок был камень вокруг гнезд, они бы только обломали ногти и раскровянили пальцы, пытаясь его раскрошить.

Граф Шандор огляделся кругом при слабом свете, проникавшем в камеру из плохо освещенного коридора, сквозь дверной глазок. Он обшарил руками стены, надеясь наткнуться на гвоздь, но ничего не нашел.

Тогда ему пришло в голову выломать ножку у одной из железных коек. Все трое принялись за дело, но вскоре Иштван Батори, прервав работу, тихонько окликнул друзей.

Оказалось, что у его койки выскочил болтик, державший одну из поперечных перекладин, на которые кладут матрас. Теперь, отгибая перекладину вверх и вниз, ему удалось ее отломить.

Через минуту граф Шандор уже держал в руках железную полоску длиной в пять дюймов и шириной в дюйм; он обмотал ее конец своим галстуком и, подойдя к окну, принялся обламывать края гнезд, в которых держались железные прутья.

Конечно, он не мог работать беззвучно. Но, к счастью, шум заглушали раскаты грома. Когда гром затихал, граф Шандор останавливался, но тут же снова принимался за работу, которая быстро подвигалась вперед.

Батори и Затмар стояли возле двери, прислушиваясь к шагам часового, и останавливали графа, когда тюремщик приближался к камере.

Внезапно Затмар прошептал: «Тшшш...» — и работа сразу прекратилась.

— В чем дело? — спросил Батори.

— Слушайте, — ответил Затмар.

Он оказался в акустическом фокусе, и снова повторилось прежнее явление, открывшее заключенным тайну предательства.

Вот отрывки фраз, которые им удалось расслышать:

— Завтра... будете... свободе...

.....
— Да... выпустят... стража... и...

.....
— ...После казни... Затем... вместе с моим товарищем Зироне... ждет меня в Сицилии...

.....
— Вам не придется долго сидеть в крепости...

.....
Повидимому, Саркани разговаривал с одним из сторожей. Он назвал имя какого-то Зироне, должно быть, тоже замешанного в этом деле, и Матиас Шандор постарался его запомнить.

На беду, последнее слово, которое узникам было бы так важно узнать, до них не долетело. Конец последней фразы был заглушен могучим ударом грома, и пока электрический ток пробегал по проводнику громоотвода, на железную перекладину в руке графа Шандора падал фонтан светящихся искр. Если б он не обернул конец перекладины шелковым галстуком, его, наверно, ударило бы током.

Итак, последнее слово — название крепости — потонуло в громовом раскате. Узникам не удалось его расслышать. А между тем, если б они знали, в какую крепость их заключили, через какую страну им придется бежать, насколько это облегчило бы им побег!

Граф Шандор снова принялся за работу. Камень вокруг трех гнезд был уже так раскрошен, что можно было выдернуть перекладины. Теперь он принялся за

четвертое гнездо при свете беспрестанно вспыхивавших молний.

К половине одиннадцатого работа была закончена. Железный переплет уже не держался в стене, оставалось только пропихнуть его сквозь амбразуру и сбросить вниз, за крепостную стену. Это узники и сделали, как только Затмар услышал, что шаги часового удалились.

Пройдя сквозь амбразуру окна, переплет рухнул вниз и исчез в темноте.

В эту минуту как раз наступило затишье. Граф Шандор прислушался, думая, что тяжелая решетка загрохочет, упав на землю... Но он ничего не услышал.

— Должно быть, наша башня стоит на высоком утесе, над долиной, — заметил Батори.

— Не все ли равно, на какой она высоте! — ответил граф Шандор. — Нет никаких сомнений, что прут громоотвода доходит до земли, иначе он не выполнял бы своего назначения. Значит, и мы благополучно доберемся до земли!

Граф рассуждал вполне логично, но пришел к неправильному выводу, ибо конец проводника спускался в воды Фойбы.

Теперь окно было без решетки. Наступило время бежать.

— Друзья мои; — сказал Матиас Шандор, — вот как мы будем действовать. Я самый молодой и, кажется, самый сильный из нас. Поэтому я попробую спуститься первым. Если что-нибудь помешает мне добраться до земли, у меня, может быть, хватит сил вернуться обратно. Через две минуты ты, Иштван, выскользнешь из окна и последуешь за мной. Еще через две минуты вы, Ладислав, проделаете тот же путь. Когда мы спустимся все трое к подножию башни, — увидим, что нам делать дальше.

— Мы готовы тебя слушаться, Матиас, — ответил Батори. — Мы будем делать все, что ты скажешь, и пойдем всюду, куда ты нас поведешь, но мы не хотим, чтобы ты брал на себя самую опасную задачу.

— Ваша жизнь нужнее нашей! — добавил Затмар.

— Наши жизни равны, когда долг велит нам пока-
рать предателей, — ответил граф Шандор. — И если
хоть один из нас останется в живых, он и свершит пра-
восудие. Обнимемся, друзья мои!

Три друга горячо обнялись и, казалось, почерпнули
новые силы в этих объятиях.

Затем Ладислав Затмар стал на страже у дверей
камеры, а Матиас Шандор пополз в амбразуру окна.
Мгновение спустя он уже висел над бездной. Крепко
зажав провод коленями, он скользил вниз, перехваты-
вая руками железный прут и время от времени нащу-
пывая ногой скобу, чтобы опереться на нее.

Между тем гроза разразилась с неистовой силой.
Дождя не было, но ветер бушевал и ревел. Непрестанно
сверкали молнии. Огненные зигзаги скрещивались над
башней, притягивавшей молнии благодаря своему вы-
сокому местоположению. Острый конец громоотвода
блестел беловатым светом, раскачиваясь под ударами
налетавшего шквала.

Понятно, какой опасности подвергался человек, ви-
севший на проводнике, по которому то и дело пробе-
гал ток, уходя в воды Фойбы. Когда проводник в пол-
ной исправности, человек не так рискует, что его уда-
рит током, ибо металл несравненно лучший проводник,
чем человеческое тело. Но когда громоотвод повреж-
ден или образовался разрыв в проводнике, его может
убить электрическим током даже без удара молнии¹.

Граф Шандор прекрасно понимал, что ему грозит,
но им владело чувство более сильное, чем инстинкт са-
мосохранения, и он пренебрег опасностью. Медлен-
но, осторожно спускался он по пруту среди ослепи-
тельных вспышек молний. Нашупав ногой железную
скобу, он становился на нее, чтобы минуту передохнуть.
Всякий раз, как молния освещала зияющую под ним
пропасть, он тщетно пытался измерить взглядом ее глу-
бину.

¹ Так, в 1753 г. Рихман был убит шаровой молнией, хотя и
находился на некотором расстоянии от громоотвода. (Прим.
автора)

Спустившись футов на шестьдесят, Шандор почувствовал под ногами более прочную опору. Узкий карниз шириной всего в несколько дюймов проходил вдоль каменного фундамента. Проводник громоотвода спускался гораздо ниже, но дальше (чего не могли знать беглецы) уже не был прикреплен скобами, а свободно висел над пропастью, раскачиваясь в воздухе; конец его то погружался в реку, то цеплялся за прибрежные камни.

Граф Шандор остановился, чтобы перевести дух. Он прочно стоял обеими ногами на карнизе, держась рукой за прут. Ему было ясно, что он добрался до фундамента. Но он еще не мог себе представить, на какой высоте стоит башня над долиной.

«Должно быть, очень высоко!» — подумал он.

Большие птицы, ослепленные яркими молниями, в испуге носились вокруг него, тяжело махая крыльями, но они не улетали вверх, а устремлялись куда-то вниз. Из этого Шандор заключил, что под ним находится глубокое ущелье, быть может, даже пропасть.

В это время он услышал наверху какой-то шум. При новой вспышке молнии Шандор смутно разглядел темную фигуру, отделившуюся от стены.

То был Иштван Батори. Он вылез из окна и медленно спускался по железному пруту вслед за графом, который ждал его, стоя на каменном выступе. Здесь Батори должен остановиться, пока его спутник будет спускаться ниже.

Через несколько минут они уже стояли рядом на карнизе.

Когда раскаты грома на минуту утихли, они могли сказать друг другу несколько слов.

— А Ладислав? — спросил Шандор.

— Через минуту он будет здесь.

— Наверху все спокойно?

— Да.

— Хорошо! Я освобожу место для Ладислава, а ты подожди его.

— Так я и сделаю.

В этот миг их ослепила необыкновенно яркая молния. Им казалось, что ток, бегущий по проводнику, пронизывает их насквозь и сейчас испепелит.

— Матиас! Матиас! — вскрикнул Батори вне себя от ужаса.

— Спокойней!.. Я спускаюсь!.. Следуй за мной, — ответил Шандор.

И он уже схватился за железный прут, собираясь соскользнуть вниз до первой железной скобы, чтобы дожидаться там своего спутника.

Вдруг сверху послышались крики. Казалось, они раздаются из окна камеры. Затем громко прозвучали слова:

— Спасайтесь! Спасайтесь! — То был голос Ладислава Затмара.

В ту же минуту яркая вспышка прорезала мрак и раздался резкий сухой звук. На этот раз то была не изломанная стрела молнии и не удар грома, а выстрел из ружья, — видимо, стреляли наудачу из какой-нибудь амбразуры в стене башни. Был ли то сигнал, данный сторожам, или пуля предназначалась одному из беглецов, — так или иначе, это значило, что побег обнаружен.

Действительно, услышав какой-то шум, часовой позвал стражников, и несколько человек вбежало в камеру. Они тотчас же увидели, что двое заключенных исчезли. Заметив выломанную решетку в окне, они поняли, какой беглец избрал путь. Вот тут-то Затмар, прежде чем ему успели помешать, высунулся в амбразуру окна и предупредил их об опасности.

— Несчастный! — вскричал Иштван Батори. — Матиас! Неужели мы покинем его!

Тут снова раздался выстрел, и его звук слился с раскатом грома.

— Да хранит его бог! — ответил граф Шандор. — А мы должны бежать... хотя бы для того, чтобы отомстить! Идем, Иштван, идем!

И правда, нельзя было медлить. Окна в нижних этажах башни стали открываться, и засверкали выстрелы. Откуда-то доносились громкие голоса. Быть может, сторожа пробирались по карнизу у подножья башни, чтобы перерезать путь беглецам. Их могли настигнуть и выстрелы из других частей крепости.

— Идем! — воскликнул Шандор в последний раз,

Схватившись за прут, он начал быстро спускаться, и Батори последовал за ним.

Тут только они заметили, что железный прут свободно висит над бездной. Теперь у них не было никаких точек опоры, никаких крюков в стене, где можно было бы остановиться и передохнуть. Беглецы повисли на раскачивающемся пруте, который резал им руки. Они скользили вниз, судорожно сжав колени, не в силах задержаться, а пули свистели вокруг.

С минуту они стремительно спускались вниз и пролетели добрых восемьдесят футов, спрашивая себя, есть ли дно у этой пропасти. Теперь до них доносился гул ревущего внизу потока, и они поняли, что конец прута опускается в воды какой-то бурной реки. Но что делать? Если бы они даже захотели подняться обратно до выступа в стене, у них не хватило бы сил. К тому же в обоих случаях их ждала смерть, так уж лучше умереть в волнах этой стремнины.

В эту минуту раздался страшный удар грома, сопровождаемый ослепительной вспышкой. Хотя молния и не попала прямо в громоотвод на крыше башни, напряжение тока было на этот раз так велико, что прут накалился и обжигал им руки.

Вскрикнув от боли, Иштван Батори разжал пальцы. Матиас Шандор увидел, как товарищ пролетел мимо него, раскинув руки, и чуть-чуть его не задел.

Но в следующий миг и граф невольно выпустил обжигавший ему руки железный прут и, сорвавшись с высоты сорока футов, полетел в волны Фойбы, бежавшей по дну неведомого ущелья Буко.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Поток Фойбы

Было около одиннадцати часов вечера. Грозовые тучи разразились бешеным ливнем. К дождю примешивался крупный град, хлеставший по водам Фойбы и по окружающим ее скалам. Выстрелы из бойниц крепости

прекратились. Зачем теперь тратить пули на беглецов! Фойба быстро расправится с ними и даже вряд ли вернет мертвые тела!

Как только граф Шандор погрузился в поток, его подхватило стремительное течение, увлекая в пещеру Буко. Через несколько мгновений из освещенного молниями ущелья он попал в непроглядную тьму. Рев воды сменил раскаты грома. В подземную пещеру не проникало снаружи ни луча света, ни единого звука.

— Помогите! — раздалось во мраке.

Это крикнул Иштван Батори. Холодная вода привела его в сознание, но он не мог удержаться на поверхности реки и сразу утонул бы, если бы сильная рука не подхватила его в тот самый миг, когда он уже погружался в глубину.

— Я здесь, Иштван!.. Не бойся!

Граф Шандор плыл, поддерживая одной рукой своего товарища.

Положение было чрезвычайно опасное. Батори, наполовину парализованный током, еле шевелил руками. Хотя боль от ожогов значительно смягчилась в холодной воде, он не мог плыть из-за охватившей его слабости. Шандор не отпускал его ни на минуту, боясь, что Батори тут же пойдет ко дну, и графу приходилось бороться за двоих.

Вдобавок Шандора мучила неизвестность: в каком направлении несется этот поток, по какой местности протекает, впадает ли в реку или в море? Впрочем, если бы Шандор и знал, что попал в Фойбу, от этого положение его не изменилось бы, ведь никто не ведал, куда она несет свои бурные воды. В реку у входа в пещеру не раз бросали закупоренные бутылки, но их никогда не находили ни в одной реке на Истрийском полуострове. То ли они разбивались о подводные скалы в темной пещере, то ли поток уносил их в какую-нибудь подземную пропасть...

Между тем течение несло беглецов с головокружительной скоростью, что помогало им держаться на поверхности воды. Иштван Батори лежал почти без чувств на руках Матиаса Шандора, который сознавал, что ему долго не выдержать такого напряжения.

К опасности разбиться о подводный камень или о скалистые берега пещеры прибавилась еще худшая опасность: как бы их не втянуло в один из многих водоворотов, образующихся там, где река, налетая на скалы, делала крутой поворот, изменяя направление течения. Сколько раз Шандор чувствовал, как их с непреодолимой силой всасывает в воронку! Их крутило в воде вместе с потоком, пока не выбрасывало течением из этой вертящейся ловушки, как камень из пращи.

Так прошло полчаса, и каждую минуту, каждую секунду им грозила гибель. Матиас Шандор, человек несокрушимой силы воли, продолжал бороться. В сущности даже лучше, что его товарищ был почти без чувств. Если бы Батори, повинуясь инстинкту самосохранения, стал отбиваться, Шандору было бы гораздо труднее справиться с ним. Тогда ему пришлось бы либо его бросить, либо погибнуть вместе с другом.

Однако так не могло долго продолжаться. Шандор уже выбивался из сил. Когда он поддерживал голову Иштвану, его собственная голова порой уходила под воду. Ему становилось все труднее дышать. Он тяжело переводил дух и по временам начинал задыхаться. Несколько раз он даже выпускал своего товарища, но голова Иштвана тотчас же погружалась в воду, и графу, к счастью, удавалось снова его схватить. И все это посреди стремительно несущегося потока, воды которого, сдавленные тесными берегами, разбивались о скалы с оглушительным грохотом.

Наконец Шандор почувствовал, что погибает. Тело Батори выскользнуло у него из рук. Напрягая последние силы, он попытался его схватить... но не нашел и сам опустился под воду.

Вдруг Шандор ощутил резкий толчок в плечо. Инстинктивно он вытянул руку и ухватился за какие-то корни, висевшие в воде.

То были корни дерева, плывшего в потоке. Крепко уцепившись за них, Шандор снова вынырнул на поверхность реки. Теперь, держась за корни одной рукой,

он начал шарить вокруг другой, отыскивая своего товарища.

Минуту спустя графу удалось схватить Батори за руку; с невероятным трудом втащил он его на ствол дерева и сам вскарабкался за ним. Теперь им пока не угрожала опасность утонуть, но жизнь их зависела от этого обломка, несущегося по воле воли своенравной реки.

От напряжения Шандор на минуту потерял сознание. Придя в себя, он прежде всего позаботился, чтобы Батори не мог соскользнуть со ствола. Из предосторожности он сел позади него, поддерживая его голову. Затем стал вглядываться в темноту. Если бы в пещеру проник хоть луч света, он попытался бы разглядеть, куда течет река. Но казалось, этому туннелю не будет конца.

Однако положение беглецов все же немного улучшилось. Дерево было не менее десяти футов длиной, и погруженные в воду корни не давали ему перевернуться. Несмотря на бурное течение, оно устойчиво держалось на поверхности и, казалось, не опрокинется, если избежит слишком сильных толчков. Оно плыло со скоростью не менее трех лье в час, таква же была и скорость потока.

Теперь к Шандору вернулось самообладание. Он постарался привести в чувство товарища, голова которого покоилась у него на коленях. Он убедился, что сердце Иштвана бьется равномерно, но дыхание очень слабо. Наклонившись над ним, он попытался вдохнуть воздух в его легкие. Если Иштван не успел захлебнуться, быть может теперь он придет в себя!

И правда, вскоре Батори шевельнулся. Дыхание его стало глубже, и он приоткрыл рот. Наконец он пробормотал:

— Жена!.. Сын!.. Матиас!..

Вся его жизнь заключалась в этих словах.

— Иштван, ты слышишь? Ты слышишь меня? — воскликнул Шандор, которому приходилось кричать, чтобы слова его можно было расслышать в грохоте воды, гулко отдававшемся под сводами Буко.

— Да... да... Я слышу! Говори... говори! Я чувствую твою руку в своей!

— Иштван, сейчас нам уже не грозит страшная опасность. Мы плывем на обломке дерева... Куда — я не знаю, но во всяком случае у нас есть какая-то опора!

— Матиас, а где крепость?

— Мы от нее очень далеко! Там, наверно, думают, что мы погибли в пропасти, и уж теперь не станут нас преследовать. Куда бы ни впадал этот поток, в реку или в море, мы туда приплывем, и приплывем живыми! Не падай духом, Иштван! Я с тобой. А ты отдохни и наберись сил, они тебе скоро понадобятся! Через несколько часов мы будем спасены! Мы будем свободны!

— А Ладислав? — пробормотал Батори.

Матиас Шандор промолчал. Что он мог ответить? После того как Ладислав Затмар крикнул в окно о грозившей им опасности, он, очевидно, был схвачен. Теперь товарищи ничем не могли ему помочь!

Батори вновь опустил голову. Он все еще не мог стряхнуть овладевшее им оцепенение. Но Шандор был готов встретить любую опасность и даже покинуть дерево, если оно разобьется о какую-нибудь преграду, которой невозможно избежать в окружающем их мраке.

Было, наверно, около двух часов ночи, когда скорость течения, а следовательно, и дерева стала заметно уменьшаться. Повидимому, проход начал расширяться, берега его расступились, и разлившаяся вода замедлила свой бег. Быть может, это означало, что выход из подземного туннеля уже недалеко?

Однако, в то время как берега расширялись, своды пещеры становились все ниже. Подняв руку, Шандор коснулся неровной поверхности свода, нависшего у него над головой. Иногда он слышал какой-то шорох: это торчащие сверху корни дерева цеплялись за камни свода. Вот почему по временам ствол сильно встряхивало, и он поворачивался, меняя направление. Иногда, зацепившись за свод, он начинал вращаться на

месте или сильно раскачиваться, и беглецы боялись сорваться в воду.

Но вдобавок им угрожала еще одна опасность, и Шандор пытался хладнокровно обдумать создавшееся положение. Дело в том, что своды пещеры все понижались. Несколько раз графу пришлось резко откинуться назад, чтобы не разбить голову о каменный выступ, который нащупывала его рука. Не придется ли ему вскоре спрыгнуть с дерева в воду? Сам он еще, пожалуй, сможет плыть, но как спасти товарища? А если своды подземного туннеля будут и дальше понижаться, можно ли выбраться из него живым? Нет! Сколько раз им удавалось избежать смерти, но теперь им грозит неминуемая гибель!

Несмотря на все свое мужество, Матиас Шандор почувствовал, что у него сжалось сердце. Он понимал, что приближается роковая минута. Корни дерева все сильнее терлись о каменные своды, и порой ствол совсем погружался в воду.

— Надо надеяться, — говорил себе Шандор, — что конец пещеры теперь недалеко!

И он напряженно всматривался в темноту: не покажется ли впереди свет. Быть может, ночь уже на исходе и снаружи не так темно, как в пещере? Быть может, молнии еще освещают темный небосвод над скалами? Тогда слабый отблеск проник бы и в туннель, который, казалось, уже не мог вместить вздувшиеся воды Фойбы.

Нет, ничего не видно! Все та же беспросветная тьма и рев потока; даже пена его кажется черной!

Внезапно графа очень сильно встряхнуло. Дерево наскочило на громадный каменный выступ, спускавшийся со свода до самой воды. От этого толчка ствол перевернулся. Но Шандор не отпустил его. Одной рукой он судорожно вцепился в корни, а другой — подхватил своего спутника в тот миг, когда течение уже уносило его. После этого он отдался на волю потока, волны которого бились о своды пещеры.

Так продолжалось около минуты. Шандор чувствовал, что наступает конец. Инстинктивно он удерживал

дыхание, чтобы сохранить ту каплю воздуха, которая еще оставалась у него в легких.

Вдруг сквозь толщу воды в его закрытые глаза ударил довольно сильный свет. Это была вспышка молнии, вслед за которой послышался раскат грома.

Наконец-то он увидел свет!

Действительно, вырвавшись из подземного туннеля, Фойба снова текла под открытым небом. Но куда? В какую реку впадала? Или она вливалась в море? Все тот же неразрешимый вопрос, а между тем это был вопрос жизни или смерти.

Дерево снова всплыло на поверхность. Шандор, по-прежнему поддерживавший Батори, с огромным трудом вновь втащил его на ствол и, вскарабкавшись сам, уселся позади него.

Затем он начал осматриваться по сторонам...

Позади виднелась темная громада, постепенно расплывавшаяся во мгле. То была гигантская скала Буко, в которой воды Фойбы пробили себе выход. Приближался рассвет, и на небо ложились легкие блики, словно прозрачная дымка, еле заметная в ясные зимние ночи. Время от времени беловатые молнии освещали далекий горизонт, и слышались долгие, но глухие раскаты грома. Гроза удалялась или постепенно затихала, исчерпав всю свою энергию в молниях.

Шандор озибался вокруг в сильной тревоге. Он увидел, что река несетя все с той же быстротой в глухом скалистом ущелье.

Беглецов попрежнему мчал стремительный поток среди порогов и водоворотов. Но над их головами, наконец, простиралось бездонное небо вместо низких скалистых сводов, где каждый нависший камень грозил разломить им голову. Однако тут не было отлогих берегов, на которые можно было бы выйти, ни одного мыса, куда можно было бы пристать. Река текла между двумя отвесными стенами. Словом, это был все тот же узкий проход среди отшлифованных волнами скал, только без каменного потолка.

Падение в воду привело в чувство Иштвана Батори. Он нащупал руку Матиаса Шандора, а тот наклонился над ним и воскликнул:

— Мы спасены!

Однако имел ли он право это говорить? Он сказал «спасены», не зная, куда впадает эта река, ни по какой местности она течет, ни когда им удастся покинуть обломок дерева! Но он был попрежнему готов бороться и, выпрямившись, три раза повторил звонким голосом:

— Спасены! Спасены! Спасены!

Впрочем, кто мог его услышать? Никто. Скалистые берега, состоящие из бесплодных каменистых пород и сланцев, не покрытых даже тонким слоем почвы, где мог бы вырасти кустарник, были совсем пустынно. Окрестности реки не могли привлечь ни одного человеческого существа. Здесь Фойба протекала по необитаемым местам, сдавленная крутыми берегами, словно канал, скованный гранитными стенами. В нее не впадал ни один ручеек. Ни одна птица не летала над рекой, даже рыба не водилась в ее стремительных водах. Кое-где из реки торчали высокие утесы, сухие вершины которых говорили о том, что этот бурный поток вызван недавно прошедшими дождями. В обычное время по ложу Фойбы, вероятно, струился лишь небольшой ручеек.

Однако беглецам нечего было бояться, что дерево наскочит на один из этих утесов. Оно само обходило их и проносилось мимо, оставаясь в быстрине потока. Но в то же время они не могли бы и вырваться из этого течения или замедлить скорость плывущего дерева, если бы захотели пристать к берегу, увидав подходящее место.

Так прошло около часа; все это время им не угрожала непосредственная опасность. Последние вспышки молний угасали вдали. Гроза прошла, только изредка доносились глухие раскаты, словно отдаваясь в высоких слоистых облаках, уплывавших к горизонту. День занимался, и омытое ночным ливнем небо постепенно светлело. Было, вероятно, около четырех часов утра.

Иштван Батори полулежал, отдыхая на руках у графа Шандора, который бодрствовал за двоих.

В это время где-то на юго-западе послышался далекий выстрел.

«Что это такое? — подумал Матиас Шандор. — Может быть, этот пушечный выстрел извещает об открытии какого-нибудь порта? В таком случае мы находимся недалеко от морского берега. Что же это за порт? Триест? Нет. Восток вон в той стороне, откуда встает солнце. Может быть, Пола, на южном конце полуострова? Но тогда...»

Тут раздался второй выстрел, и вслед за ним прокатился третий...

«Три пушечных выстрела? — размышлял Шандор. — Пожалуй, это больше похоже на сигнал, запрещающий судам выходить в море. Уж не имеет ли это отношение к нашему побегу?»

Этого можно было опасаться. Наверно, власти приняли все меры, чтобы помешать беглецам скрыться на каком-нибудь судне, стоящем у берега.

— Да поможет нам бог! — пробормотал Шандор. — Он один может нас спасти!

Между тем высокие скалы, окаймлявшие берега Фойбы, понемногу становились все ниже, и ложе ее заметно расширялось. Однако окружающую местность еще нельзя было разглядеть. Река делала крутые повороты, и берега ее закрывали горизонт; поле зрения было ограничено — всего несколько сотен футов. Ориентироваться было попрежнему невозможно.

В расширившемся русле реки, берега которой были все так же пустынные и безмолвные, течение стало значительно спокойней. Несколько деревьев, вырванных в верховьях реки, медленно плыли вниз по течению. Июньское утро было довольно прохладно. Беглецы дрожали в своей промокшей насквозь одежде. Давно пора было найти какое-нибудь убежище и обсушиться на солнце.

Около пяти часов утра последние скалистые уступы исчезли, их сменили ровные плоские берега, и река продолжала свой путь по голой равнине. Теперь берега ее раздвинулись уже на полмили; здесь Фойба впадала в обширный водоем со спокойной водой, что-то вроде лагуны или озера. В глубине, у восточного берега, вид-

нелось несколько рыбацких лодок: некоторые еще стояли на якоре, другие, подняв паруса, тронулись в путь с первым дуновением утреннего ветерка; все это указывало на то, что лагуна соединяется с морем. Следовательно, море уже недалеко, и до него будет нетрудно добраться. Но было бы неблагоразумно просить пристанища у этих рыбаков. Если они уже прослышали о побеге из тюрьмы, им опасно доверяться: они могут выдать беглецов австрийским жандармам, которые, наверно, уже разыскивают их по всей стране.

Матиас Шандор не знал, на что решиться, как вдруг дерево, на котором он сидел, зацепилось за торчащую из воды корягу у левого берега лагуны. Его корни запутались в камышах, и оно остановилось у самого берега, словно лодка на якоре.

Шандор вышел на сушу, но был очень осторожен. Прежде всего он хотел убедиться, что их никто не заметил.

Но сколько граф ни осматривался кругом, он не увидел на берегу лагуны ни души.

А между тем меньше чем в двухстах шагах на песке лежал человек, который мог ясно видеть беглецов.

Считая себя в полной безопасности, Шандор вернулся к дереву, поднял на руки товарища и перенес его на берег; он не имел ни малейшего представления, в каком месте они находятся и куда им следует направиться.

На самом деле Фойба впадала не в лагуну и не в озеро, а в закрытую бухту. Местные жители называют ее каналом Лема, ибо она сообщается с Адриатическим морем через узкий пролив между городами Орсера и Ровинь, на западном берегу Истрийского полуострова. Но в то время никто не знал, что река, впадающая в этот канал, — Фойба, которая во время паводка проходит сквозь ущелье и пещеру Буко и изливает свои воды в эту бухту.

В нескольких шагах от берега стояла заброшенная охотничья хижина. Отдыхавшись, Шандор и Батори вошли в нее, чтобы обсушиться. Там они сняли свою

мокрую одежду и развесили ее под лучами горячего солнца. Рыбачьи лодки уплыли из бухты, и, насколько хватало глаз, берега были совершенно пустынные.

Тогда человек, издали наблюдавший эту сцену, встал, подошел к хижине, как будто для того, чтобы хорошенько запомнить ее местоположение, а затем направился к югу и исчез за каменистой грядой.

Три часа спустя Матиас Шандор и его друг вновь натянули на себя одежду, она еще не совсем просохла, но пора было идти.

— Больше нам нельзя здесь оставаться, — сказал Иштван Батори.

— Хватит ли у тебя сил, чтобы двинуться в путь?

— Я ослабел больше всего от голода.

— Попытаемся добраться до побережья. Там мы постараемся раздобыть себе еды и, может быть, нам удастся устроиться на какое-нибудь отплывающее судно! Идем, Иштван!

И они покинули хижину, обессилевшие не столько от усталости, сколько от голода.

Граф Шандор решил идти вдоль южного берега канала Лема, надеясь выйти к морю. Эту пустынную равнину пересекает множество ручейков, бегущих по направлению к лагуне.

Примыкающая к реке низменность, орошенная ручьями, словно сетью каналов, представляет собой болотистую равнину с толкой почвой, по которой очень трудно идти. Поэтому беглецам пришлось обойти ее с юга; им было нетрудно придерживаться нужного направления по восходящему солнцу. В течение двух часов они шли вперед, не повстречав ни одной живой души, но и не утолив терзавшего их голода.

Между тем местность постепенно становилась менее суровой. Впереди показалась дорога, тянувшаяся с востока на запад; беглецы увидели верстовой столб, но он ничего не сказал им о местах, где они брели словно вслепую. На пути им попались тутовые изгороди и сорговое поле, и они смогли если не насытиться, то хотя бы немного обмануть свой голод. Если бы не семена

сорго и освежающие тутовые ягоды, у них, вероятно, не хватило бы сил добраться до побережья.

Но если теперь кое-где стали попадаться возделанные поля, свидетельствующие о присутствии человека, то следовало ожидать и встречи с местными жителями.

Так и случилось около полудня.

На дороге показались пять-шесть путников. Матиас Шандор не хотел, чтоб эти люди их увидели. К счастью, шагах в пятидесяти влево от дороги он разглядел полуразвалившуюся ферму, обнесенную оградой. Там и спрятались беглецы, забывшись в темный чулан, прежде чем их успели заметить. Если бы какой-нибудь прохожий и остановился у этой фермы, он бы их не заметил, и они решили сидеть тут до темноты.

Путники оказались местными крестьянами и солеварями. Некоторые из них гнали гусей, повидимому на базар в какой-нибудь городок или соседнее селение. Все они были в национальной одежде; и мужчины и женщины, по обычаю истрийских крестьян, носили разные украшения: ожерелья, медали, серьги, кресты и серебряные подвески. Солевары, одетые гораздо проще, с мешком за плечами и палкой в руке, вероятно, направлялись в ближайшие солеварни, а может быть, и на более крупные соляные промыслы в Станьон или Пирано, в западной части провинции.

Некоторые из них, подойдя к заброшенной ферме, останавливались и даже присаживались отдохнуть на крыльцо. Они громко и оживленно разговаривали, но только о своих местных делах.

Беглецы, прижавшись в уголке, внимательно слушали. Быть может, эти люди уже знают о побеге из тюрьмы и заговорят об этом? Быть может, из их разговора граф Шандор и его товарищ поймут, в какую часть Истрии они попали?

Но об этом не было сказано ни слова, и они попрежнему терялись в догадках.

— Если местные жители не говорят о нашем побеге, — заметил Матиас Шандор, — то надо думать, они о нем не слыхали!

— А это доказывает, — добавил Иштван Батори, — что мы довольно далеко от крепости. Впрочем, это меня ничуть не удивляет, ведь поток нес нас под скалами с большой скоростью добрых шесть часов.

— Да, должно быть, так оно и есть.

Однако часа через два несколько солдаваров, проходивших мимо фермы, упомянули в разговоре об отряде жандармов, повстречавшихся им у ворот города.

Какого города? Они не назвали.

Это встревожило наших друзей. Если жандармы рыщут вокруг, то весьма возможно, их послали на розыски беглецов.

— А между тем мы сбежали при таких обстоятельствах, что нас должны бы считать погибшими и прекратить поиски...

— Они поверят, что мы погибли лишь тогда, когда найдут наши трупы! — ответил Матиас Шандор.

Как бы то ни было, беглецы опасались, что полиция поставлена на ноги и разыскивает их. Поэтому они решили прятаться на ферме до ночи. Их мучил голод, но они не осмелились покинуть свое убежище и хорошо сделали.

Около пяти часов вечера на дороге послышался стук копыт — приближался небольшой конный отряд.

Граф Шандор осторожно подполз к двери, но тотчас же вернулся и увлек своего друга в самый темный угол чулана. Там они зарылись в кучу хвороста и замерли, не шевелясь.

Шесть-семь жандармов под командой бригадира ехали по дороге, направляясь на восток. «Остановятся ли они у фермы?» — с тревогой думал Шандор. Если жандармы вздумают обыскать дом, они несомненно обнаружат спрятавшихся беглецов.

В самом деле, бригадир велел своим людям остановиться. Двое жандармов и бригадир спешили, другие остались в седлах.

Бригадир приказал им обыскать местность вокруг Лемского канала и затем возвращаться на ферму. Он будет ждать их до семи часов вечера.

Четверо жандармов тотчас усаkali. Оставшиеся привязали лошадей к сломанной изгороди, окружав-

шей ферму, и, усевшись перед домом, принялись болтать. Притаившиеся в чулане беглецы слышали каждое слово.

— Вечером мы вернемся в город и узнаем, куда нас пошлют ночью, — ответил бригадир на вопрос одного из жандармов. — Быть может, из Триеста получены по телеграфу новые указания.

Значит, этот город не Триест, отметил про себя Шандор.

— Вот мы охотимся за ними здесь, — сказал второй жандарм, — а что, если они пошли другой дорогой и вышли к каналу Кварнеро?

— Очень может быть, — ответил первый жандарм, — они, верно, думают, что там им будет легче скрыться.

— Куда бы они ни двинулись, — возразил бригадир, — их все равно поймают, ведь сейчас обшаривают все побережье провинции из конца в конец!

Граф Шандор отметил новую подробность: значит, они находятся на западном побережье Истрии, то есть у Адриатического моря, а не на берегу узкого залива, в глубине которого расположен Фиуме.

— Наверно, их будут искать и на соляных промыслах в Пирано и Капо д'Истрии, — продолжал бригадир, — там легче спрятаться, а потом они могут захватить лодку, переплыть Адриатическое море и скрыться в Римини или в Венеции.

— Эх, сидели бы уж они лучше у себя в камере да ждали своей участи! — заметил глубокомысленно один из жандармов.

— Да, — добавил второй. — Рано или поздно их все равно поймают, а может, и выудят из Буко! Тогда всему делу конец, и нам уж не придется больше мыкаться по дорогам, а каково это в такую жару!

— Кто знает, может с ними уже давно покончено? — заметил бригадир. — Фойба небось сама свершила казнь, подумать только — удрать из Пизинской башни и угодить в Фойбу в самое половодье! Хуже не придумаешь!

Фойба! Так вот как называлась река, в которую

попали граф Шандор и его друг! Пизинская крепость — вот куда привезли их после ареста, где их заперли, судили, приговорили к смерти! Вот где их должны были казнить! Вот из какой башни они бежали! Граф Шандор хорошо знал город Пизино. Наконец-то у него открылись глаза — ему не придется больше бродить наудачу по Истрийскому полуострову. Теперь он знает, куда им бежать!

На этом разговор жандармов окончился. Но беглецы успели узнать все, что им было нужно, кроме, пожалуй, названия ближайшего города у канала Лема на Адриатическом побережье.

Между тем бригадир встал и принялся шагать взад-вперед у ограды фермы, поглядывая, не возвращаются ли его люди. Два-три раза он заходил в полуразрушенный дом и обошел его комнаты, скорей по привычке, чем питая какие-нибудь подозрения. Он заглянул и в чулан, где несомненно заметил бы беглецов, не будь там так темно. Он даже потыкал концом своей сабли в кучу хвороста, но, к счастью, не задел съевшихся беглецов. Трудно описать, что пережили за эти минуты Матиас Шандор и Иштван Батори. Однако они решили дорого продать свою жизнь, если их обнаружат. Броситься на бригадира и обезоружить, захватив его врасплох, напасть на жандармов и либо убить их, либо погибнуть самим — таков был их план.

В эту минуту бригадира позвали с дороги, и он вышел из чулана, не заметив там ничего подозрительного. Четверо жандармов, отправленных на поиски, вернулись на ферму. Хотя они добросовестно объездили всю равнину между дорогой, морским побережьем и Лемским каналом, однако не нашли и следа беглецов. Но они вернулись не одни. С ними пришел какой-то человек.

То был испанец, работавший на соседней солеварне. Он возвращался в город, когда встретился с жандармами. Так как он сказал им, что каждый день ходит из города в солеварню и обратно, они решили свести его к бригадиру, чтобы тот его допросил. А он не отказался следовать за ними.

Увидев испанца, бригадир спросил, не видел ли он среди рабочих солеварни двух чужестранцев.

— Нет, бригадир, — ответил человек. — Но нынче рано поутру, через час после того, как я вышел из города, я заметил двух человек, которые вышли на берег в самых верховьях Лемского канала.

— Двух человек, говоришь?

— Да. Но в наших местах думали, что преступников уже казнили нынче утром в Пизинской башне; весть о побеге к нам еще не дошла, вот я и не обратил внимания на этих людей. Теперь, когда я знаю, в чем дело, я бы не удивился, если б это они самые и оказались.

Сидя в темном чулане, Шандор и Батори слушали, затаив дыхание, этот разговор, от которого, быть может, зависела их судьба. Итак, в ту минуту, когда они выходили на берег канала, их кто-то заметил.

— Как тебя зовут? — спросил бригадир.

— Карпена, я работаю в здешней солеварне.

— А ты узнал бы людей, которых видел сегодня утром на берегу Лемского канала?

— Да. Может быть...

— Так вот, отправляясь в город, сообщи все это полиции и предложи ей свои услуги.

— Как прикажете.

— Знаешь ли ты, что тот, кто разыщет беглецов, получит в награду пять тысяч флоринов?

— Пять тысяч флоринов!

— А тот, кто даст им приют, угодит на каторгу!

— Первый раз слышу!

— Ну, ступай! — сказал бригадир.

Выслушав сообщение испанца, жандармы заторопились. Бригадир приказал им тотчас садиться в седло, и хотя уже темнело, они отправились еще раз обшарить берега Лемского канала. Карпена же быстро зашагал по направлению к городу, думая о том, что, если ему посчастливится изловить беглецов, он получит кругленькую сумму, которая будет выплачена из средств графа Шандора.

После отъезда жандармов Матиас Шандор и Иштван Батори некоторое время сидели притаившись, не ре-

шаяся выйти из темного чулана, служившего им убежищем. Они думали о том, что теперь, когда жандармы напали на след, когда их видели и могли опознать, им слишком опасно оставаться в Истрийской провинции. Необходимо как можно скорей покинуть эту страну и либо отправиться в Италию, переплыв Адриатическое море, либо пересечь Далмацию, пройти военные заставы и перебраться через австрийскую границу.

Первый путь, казалось, был надежнее, только бы им удалось раздобыть лодку или убедить какого-нибудь рыбака перевести их на итальянский берег. На этом они и порешили.

Вот почему около половины девятого, когда окончательно стемнело, Матиас Шандор и его спутник, покинув заброшенную ферму, двинулись на запад, к побережью Адриатического моря. Однако им пришлось идти по дороге, чтоб не завязнуть в Лемских болотах.

Но, быть может, эта неизвестная дорога связывала город с Триестом, сердцем Истрии? Идти по ней — не значило ли двигаться навстречу самой большой опасности? Да, конечно! Но другого выхода не было.

Около половины десятого на расстоянии четверти мили впереди показались смутные очертания города, но его было трудно узнать в темноте.

Дома громоздились уступами на скалистом массиве, возвышавшемся над морем, а внизу виднелась глубокая бухта, служившая гаванью. Над городом поднималась высокая колокольня, в темноте похожая на громадное копьё.

Матиас Шандор твердо решил не входить в этот город, где двух иностранцев могли скоро заметить, и, если возможно, обогнуть его стены и выйти прямо к морю.

Но возле города ничего не подозревавших беглецов заметил человек, видевший их на берегу Лемского канала, тот самый Карпена, чье сообщение бригадиру жандармов они недавно слышали; он издали последовал за ними. Соблазнившись богатой наградой, испанец решил понаблюдать за дорогой, и, к несчастью для

наших друзей, ему удалось снова напасть на их след.

В это время из городских ворот выехал небольшой полицейский отряд и чуть не перерезал им дорогу. Они бросились в сторону и поспешно направились к морскому побережью вдоль городской стены.

Впереди они заметили скромный рыбацкий домик, его окошки были освещены, а дверь полуоткрыта. Если Матиас Шандор и Иштван Батори не найдут здесь убежища, если их откажут впустить — они пропали! Искать тут приюта — значило рисковать головой, но у них не было выбора.

Друзья подбежали к домику и остановились у входа.

Какой-то человек чинил сети при свете судовой лампы.

— Друг мой, — спросил граф Шандор, — не скажете ли вы, что это за город?

— Ровинь.

— А кто хозяин этого дома?

— Рыбак Андреа Феррато.

— Не согласится ли Андреа Феррато приютить нас на эту ночь?

Андреа Феррато оглядел незнакомцев, подошел к двери и заметил полицейский отряд, выезжающий из-за угла городской стены. Без сомнения, он сразу догадался, что за люди пришли просить у него приюта, и понял, что еще минута — и они пропали...

— Входите, — сказал он.

Однако беглецы не спешили переступить его порог.

— Друг мой, — сказал граф Шандор, — тот, кто выдаст узников, бежавших из Пизинской башни, получит в награду пять тысяч флоринов!

— Знаю.

— А тот, кто их укроет, пойдет на каторгу!

— Знаю.

— Вы можете нас выдать, если хотите...

— Я уже сказал вам — входите, да поживей! — ответил рыбак.

И Андреа Феррато запер дверь в ту минуту, когда отряд жандармов подъезжал к его дому.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

В доме рыбака Феррато

Андреа Феррато был корсиканец, уроженец маленького портового городка Санта-Манца в округе Сартен, на восточном побережье острова, недалеко от его южного мыса. Кроме Санта-Манца, Бастии и Порто-Веккьо, на этом берегу Корсики нет других портов. Это побережье, некогда причудливо изрезанное, теперь имеет однообразные очертания, — в течение тысячелетий море постепенно размыло его мысы, заполнило наносами заливы, сгладило выступы, уничтожило бухты.

Здесь, в узком проливе между Корсикой и Италией, а иногда среди скал пролива Бонифачо и у берегов Сардинии, рыбачил Андреа Феррато.

Лет двадцать тому назад он женился на молодой девушке из тех же мест. Спустя два года у них родилась дочь, которую назвали Марией. Ремесло рыбака не из легких, особенно когда приходится заниматься еще и ловлей кораллов, которые образуют подводные рифы в самых опасных местах пролива. Но Андреа Феррато был человек смелый, сильный, не знающий усталости, он так же ловко управлялся с сетями, как и с драгой. Дела его шли неплохо. Жена Феррато, деятельная и толковая женщина, очень умело вела хозяйство в их маленьком домике в Санта-Манца. И муж и жена умели читать, писать и считать, — словом, были людьми сравнительно образованными, особенно если вспомнить, что, по данным статистики, из 260 тысяч человек, населяющих Корсику, 150 тысяч и по сей день неграмотны.

Может быть, именно благодаря своей образованности Андреа Феррато — итальянец по происхождению, как и большинство корсиканцев, — скорее походил на француза и образом мыслей, и чувствами, и симпатиями. А в те времена этого было достаточно, чтобы в округе к нему относились с неприязнью.

Население этого глухого южного района, удаленного от крупных городов Бастии и Аяччо и от административных центров острова, в глубине души оставалось враждебным ко всему не итальянскому. Такое положение вещей достойно сожаления, однако можно надеяться, что с распространением просвещения оно постепенно изменится.

Как уже было сказано, семья Феррато вызывала к себе глухую неприязнь окружающих. Но на Корсике от недружелюбия до ненависти один шаг, а от ненависти до насилия и того меньше. Вскоре эти отношения обострились до крайности. Однажды Андреа, выведенный из себя угрозами грубого соседа, к слову сказать, изрядного негодяя, в порыве гнева совершил убийство и должен был бежать.

Андреа Феррато был не таким человеком, чтобы скрываться в *маки* и вести непрерывную войну как с полицией, так и с родными и друзьями убитого, войну, где одно убийство влечет за собой другое, — ведь в конце концов месть неминуемо настигла бы и членов его семьи. Он решил покинуть Корсику. Ему удалось незаметно бежать из поселка и перебраться на побережье Сардинии. Жена его продала их маленький участок, уступила за небольшие деньги домик в Санта-Манца, распродала все имущество, лодку, рыболовные снасти и вместе с дочкой отправилась к мужу. Феррато навсегда отказался от мысли вернуться на родину.

К тому же это убийство, хотя и совершенное для самозащиты, лежало тяжким бременем на его совести. Немного суеверный, как и все его соотечественники, рыбак горячо хотел искупить свой грех. Он говорил себе, что эта смерть простится ему, если он, рискуя собственной жизнью, спасет другого человека. И он твердо решил поступить так при первой возможности.

Покинув Корсику, Феррато недолго оставался в Сардинии, где его легко могли обнаружить. Человек энергичный и смелый, он боялся не за себя, а за свою семью, которая могла стать жертвой кровной мести. Поэтому, как только ему представился случай уехать,

не вызывая подозрений, он отправился в Италию. Некоторое время он жил в Анконе, а потом перебрался на противоположный берег Адриатического моря, в Истрию. Там он и поселился.

Вот почему корсиканец Андреа Феррато оказался в маленьком порту Ровинь. Он жил там уже семнадцать лет, занимаясь, как и на Корсике, ловлей рыбы, и вернул семье прежний достаток. Спустя девять лет после приезда в Ровинь у него родился сын, Луиджи. Рождение этого мальчика стоило жизни его матери.

Овдовев, Феррато жил исключительно для своих детей. Мария, — ей к этому времени исполнилось восемнадцать лет, — заменяла мать брату, которому шел восьмой год. И если бы не тоска по верной подруге жизни, Андреа был бы вполне счастлив тем счастьем, которое дает труд и сознание исполненного долга. В округе все любили его, ибо он каждому готов был помочь и дать добрый совет. Он заслуженно пользовался славой хорошего рыбака, искусного в своем ремесле.

Здесь среди скал у берегов Истрии ему не приходилось жалеть об уловах в заливе Санта-Манца или в проливе Бонифачо. К тому же, прекрасно изучив море у этих берегов, где говорили на том же языке, что и на Корсике, он нередко в качестве лоцмана водил суда вдоль побережья от Пола до Триеста. Это давало ему дополнительный заработок, помимо того, что он выручал от уловов в здешних богатых рыбой местах. Словом, жилось ему неплохо; не забывал он и о бедняках. Они знали, что в его доме им никогда не откажут в куске хлеба, и Мария вместе с отцом всегда старалась каждому помочь.

Но рыбак из Санта-Манца помнил клятву, которую он себе дал — жизнь за жизнь! Он убил человека и должен спасти человека.

Вот почему, когда два беглеца подошли к двери его дома, он, угадав, кто они, и зная, что ему грозит, без всякого колебания сказал им: «Войдите!» — а про себя добавил: «И да хранит господь всех нас!»

В эту минуту полицейский отряд проскакал мимо

дома Феррато. Теперь граф Шандор и Иштван Батори, укрывшись в доме корсиканского рыбака, могли считать себя в относительной безопасности хотя бы на эту ночь.

Дом Андреа Феррато стоял не в самом городе, а шагах в пятистах от его стен, ближе к гавани, на скалистом массиве над отмелью. Перед ним, менее чем в кабельтове, море, пенясь, разбивалось о береговые рифы, сливаясь вдали с линией горизонта. На юго-западе выступал, закругляясь, высокий мыс, защищавший маленькую Ровиньскую бухту.

Небольшой одноэтажный домик Андреа Феррато состоял из четырех комнат; две выходили окнами на улицу, две другие — на противоположную сторону. К дому примыкала дощатая пристройка, куда складывали рыболовные снасти. Андреа рыбачил на парусной лодке «баланселе» длиной в тридцать футов, с квадратной кормой и оснащенной длинной реей с треугольным парусом; такое судно очень удобно для ловли рыбы тралом. Когда рыбак не был в море, лодка стояла на якоре, под защитой скал, а маленький ялик, в котором Феррато добирался до нее, лежал на песчаной отмели. Позади дома был небольшой участок, обнесенный оградой, где среди шелковиц, оливковых деревьев и виноградных лоз росли на грядках овощи. По другую сторону ограды протекал ручей шириной в пять-шесть футов, отделявший участок рыбака от невозделанной земли.

Таков был скромный, но гостеприимный дом, куда providение привело беглецов, таков был его хозяин, рисковавший жизнью, чтобы их спасти.

Как только рыбак затворил дверь, граф Шандор и Иштван Батори внимательно оглядели помещение, в котором очутились. Это была самая большая комната в доме, очень опрятная и даже убранная со вкусом — всюду видна была рука заботливой хозяйки.

— Прежде всего вам надо перекусить, — сказал Феррато.

— Да, мы ничего не ели со вчерашнего дня и умираем с голода!

— Слышишь, Мария? — сказал рыбак.

В одно мгновение на столе появились небольшой кусок свинины, рыба, хлеб, фляга с местным вином, изюм, два стакана, две тарелки и чистая салфетка. Комната освещалась трехфитильной лампой, горевшей на масле, по-здешнему — «вельоне». Граф Шандор и Иштван Батори сели за стол, они падали с ног от голода.

— А что же вы сами? — спросил граф.

— Мы уже отужинали, — ответил Феррато.

Изголодавшиеся беглецы с жадностью набросились на еду, предложенную им так просто и с таким радушием. Но в то же время они внимательно разглядывали рыбака, его сына и дочь, которые уселись в углу и молча смотрели на них.

Андреа Феррато исполнилось в то время сорок два года. Его загорелое лицо, с выразительными чертами и живыми черными глазами, казалось строгим и немного печальным. Одет он был как все рыбаки Адриатического побережья, а под платьем его угадывалось сильное мускулистое тело.

Мария, фигурой и лицом напоминавшая покойную мать, была высокая, стройная девушка, скорее красивая, чем хорошенькая. Жгучие черные глаза, темные волосы, смуглый румянец — все говорило, что в ее жилах течет горячая корсиканская кровь. Многочисленные обязанности и заботы, с детства лежавшие на ней, сделали ее серьезной не по летам. Движения ее были спокойны и неторопливы, но в этой тихой и сдержанной девушке чувствовалась скрытая энергия, которая всегда приходила ей на помощь в трудные минуты жизни и могла поддержать ее в любых испытаниях. К ней уже сватался не один молодой рыбак с побережья, но она и слышать не хотела о замужестве. Разве ее жизнь не принадлежала целиком отцу и младшему братишке, которого она нежно любила, — ведь она заменяла ему мать!

Луиджи был мальчик смелый, решительный и трудолюбивый, он уже успел привыкнуть к суровой жизни рыбака: отец брал его с собой в море в дождь, в ветер

и непогоду, и мальчик держался молодцом. Он обещал со временем стать крепким, статным парнем, отважным моряком, настоящим морским волком, которому нипочем любая опасность. Отца он любил, в сестре же души не чаял.

Граф Шандор внимательно изучал лицо рыбака и его детей, которых связывала такая трогательная любовь. Хорошие, простые люди, на них вполне можно положиться, в этом граф не сомневался.

Когда все было съедено, Андреа Феррато встал и подошел к графу Шандору.

— А теперь вам надо выспаться, господа, — просто сказал он. — Никто не знает, что вы здесь. Завтра мы решим, что делать дальше.

— Нет, Феррато! — возразил граф. — Мы подкрепились и восстановили силы. Мы должны сейчас же уйти. Наше присутствие слишком опасно для вас и вашей семьи.

— Да, надо уходить, — сказал Иштван Батори. — Господь наградит вас за все, что вы сделали для нас.

— Ложитесь спать, — повторил рыбак, — это самое разумное, что вы можете сделать. Нынешней ночью берег будут строго охранять. На всем побережье судам запрещено выходить из портов, — сегодня предпринять ничего нельзя. Оставайтесь у меня.

— Хорошо, если вы так хотите, — проговорил граф.

— Да, я так хочу.

— Еще один вопрос — когда здесь узнали о нашем побеге?

— Сегодня утром. Рассказывают, что в башне Пизино вас было четверо. Вы двое бежали. Третьего, говорят, скоро выпустят...

— Это Саркани! — вырвалось у Матиаса Шандора, но он тотчас же подавил вспышку гнева, вызванную ненавистным именем.

— Ну, а четвертый? — спросил Иштван Батори, боясь услышать ответ.

— Четвертый еще жив, — ответил рыбак. — Казнь отложили.

— Он жив! — воскликнул Батори.

— Не иначе, как нам хотят доставить удовольствие умереть всем вместе и ждут, пока нас поймают, — иронически заметил граф.

— Проводи гостей в заднюю комнату, Мария, — сказал Феррато. — Да смотри, не зажигай огня. Не надо, чтобы в окне видели свет сегодня вечером. Потом можешь лечь. Мы с Луиджи будем сторожить.

— Хорошо, отец, — откликнулся мальчик.

— Пожалуйте сюда, господа, — сказала Мария.

Крепко пожав руку рыбаку, граф Шандор и его товарищ прошли в заднюю комнату, где для них уже были приготовлены два толстых тюфяка, набитых маисовой соломой. Наконец-то они могли хоть немного отдохнуть после всего, что им пришлось пережить.

Тем временем Андреа Феррато и Луиджи вышли из дома посмотреть, не бродит ли кто-нибудь поблизости на отмели или за ручьем. Никого. Беглецы могли спокойно спать до восхода солнца.

Ночь прошла без всяких происшествий. Рыбак несколько раз выходил из дома, но не заметил ничего подозрительного.

Рано утром, 18 июня, когда его гости еще спали, Андреа Феррато отправился на разведку. Он дошел до центра города, обойдя все причалы. Там и тут стояли небольшие группы людей, оживленно обсуждая последние новости. Накануне по городу были расклеены объявления, извещавшие о побеге заключенных, о вознаграждении, обещанном за их поимку, и о наказании, ожидавшем того, кто поможет им скрыться. Все говорили только об этом. Рассказывали всевозможные новости, передавали довольно туманные слухи. Однако было ясно, что графа Шандора и Батори не видели в окрестностях города, и никто не подозревает, что они находятся в этой провинции. Но к десяти часам утра, когда отряд жандармов с бригадиром во главе вернулся в Ровинь после ночного дозора, распространился слух, что сутки назад на берегу канала Лема видели каких-то двух неизвестных. Жандармы обшарили всю местность до самого моря, но безрезульт-

татно. Беглецы бесследно исчезли. Неужели им удалось добраться до побережья, достать лодку и бежать в другую часть Истрии или даже перейти австрийскую границу? Многие считали, что это возможно.

— Ну и слава богу! — раздавалось в толпе. — Пусть лучше пять тысяч флоринов останутся в казне.

— И пусть они пойдут на что-нибудь другое, только не на плату за подлый донос!

— Хоть бы им удалось спастись!

— Не сомневайтесь, дело сделано! Они уже в безопасности, на итальянском берегу!

Все эти разговоры крестьян, рабочих и буржуа, толпившихся перед объявлениями, показывали, что симпатии населения, которое в этой части Истрии состоит из итальянцев и славян, на стороне осужденных. Австрийские власти понимали, что среди этих людей вряд ли найдется доносчик, поэтому сами принимали все меры, чтобы разыскать беглецов. Со вчерашнего утра вся полиция, все отряды жандармов были подняты на ноги; депеши так и летали взад и вперед между Ровинем, Пизино и Триестом.

Около одиннадцати часов утра Андреа Феррато вернулся домой; он принес неплохие известия. Граф Шандор и Батори в той же комнате, где они провели ночь, заканчивали завтрак, поданный им Марией. Несколько часов сна, сытная еда и заботливый уход совершенно восстановили их силы.

— Какие новости, мой друг? — спросил граф Шандор рыбака, как только тот вошел в комнату.

— Думаю, что пока вам нечего опасаться.

— Что говорят в городе? — спросил Батори.

— Рассказывают, что вчера утром видели, как двое неизвестных высадились на берегу канала Лема... Если речь идет о вас...

— Да, это были мы. Какой-то человек, солевар, живущий по соседству, видел нас и донес жандармам.

И они рассказали рыбаку о том, что произошло возле заброшенной фермы, когда они сидели, притаившись в чулане.

— Каков из себя этот человек? Тот, который донес? Вы его видели? — допытывался Феррато.

— Нет, мы только слышали его голос.

— Вот это досадно! Ну, ничего. Самое главное — они потеряли ваш след. Но, впрочем, если даже кто-нибудь и заподозрит, что вы скрываетесь у меня в доме, никто из здешних жителей не донесет на вас. В Ровине все хотят, чтобы вы спаслись.

— Это меня не удивляет, — ответил граф. — Здесь у вас хороший, честный народ. Зато австрийские власти сделают все, чтобы вновь схватить нас.

— Вас должно успокоить одно — почти все считают, что вы уже успели перебраться на другой берег моря, в Италию.

— Господи, сделай, чтобы так и было! — прошептала Мария, сложив ладони как для молитвы.

— Так и будет, мое дорогое дитя, — проговорил граф, и в его голосе звучала глубокая вера. — Так и будет, с божьей помощью!

— И с моей тоже, господин граф, — сказал Феррато. — А пока я пойду и займусь своими обычными делами. Нас с Луиджи привыкли видеть на берегу за починкой сетей или за уборкой судна, и сегодня все должно идти, как всегда. К тому же надо взглянуть на небо, — очень многое зависит от погоды. Вы же ни в коем случае не выходите из этой комнаты. Пожалуй, чтобы не вызывать подозрений, можно открыть окно, — вот это, оно выходит на огород. Но сами вы не показывайтесь и держитесь в глубине комнаты. Я вернусь часа через два.

И Андреа с Луиджи ушли на берег, а Мария принялась хозяйничать около дома, стараясь не отходить далеко от двери.

На отмели было несколько рыбаков. Андреа решил перекинуться с ними двумя-тремя словами, прежде чем начать расстилать на песке свои сети.

— Восточный ветер крепчает... — заметил один из рыбаков.

— Да, он здорово очистил небо после вчерашней грозы, — сказал Андреа.

— Но к вечеру бриз, глядишь, посвежеет, а если еще поднимется бора, — жди шторма, — заметил другой рыбак.

— Ничего! Ветер дует с суши, а среди скал море не бывает сердитым.

— Посмотрим еще, что будет к вечеру.

— Ты нынче выйдешь в море на ночь, Андреа?

— Да, если только погода не подведет.

— А как же запрещение?

— Запрещение относится только к большим судам, а не к рыбацким лодкам, мы ведь не уходим далеко от побережья.

— Вот и хорошо! С юга идут стаи тунца, надо бы поскорей расставить сети.

— Это еще успеется.

— Как сказать!

— Говорю тебе, время еще терпит. Если я выйду в ночь, то отправлюсь за бонитами в сторону Орсера или Паренцо.

— Ну, как знаешь. Мы все будем ставить сети у подножья скал.

— Дело ваше.

Андреа и Луиджи притащили из пристройки сети и расстелили их на берегу, чтобы просушить на солнце. Часа через два рыбак ушел с отмели, велел сыну приготовить багры, которыми оглушают бониты — рыбу с мясом темнокрасного цвета, из породы тунцов.

Вернувшись домой, Андреа постоял некоторое время на пороге и, выкурив трубку, прошел в комнату, где находились граф Шандор и Батори.

Мария попрежнему возилась перед домом.

— Господин граф, — сказал рыбак, — ветер дует с суши, и я не думаю, что ночью разыграется буря. Вам лучше всего будет отправиться со мной на моей лодке, тогда никто не узнает о вашем бегстве. Если вы согласны, мы отправимся сегодня около десяти вечера. К этому времени вы проберетесь на отмель, по тропинке между скалами, и вас никто не увидит. На моем ялике вы подъедете к «баланселе», и мы тотчас же выйдем в море. Это не вызовет подозрений, потому что все знают, что нынче в ночь я собирался выйти на лов. Если ветер усилится, мы пойдем вдоль берега, и я высажу вас за бухтой Катаро, по ту сторону границы.

— А если не будет сильного ветра? — спросил граф. — Что вы думаете делать?

— Тогда мы выйдем в открытое море, пересечем его, и я высажу вас около Римини или в устье По.

— И ваша лодка выдержит такое путешествие? — спросил Батори.

— Судно у меня хорошее, полупалубное. Оно не подведет. Нам с Луиджи случалось выходить на нем во всякую погоду. Да и дело такое, что без риска нельзя...

— Мы-то готовы на все. Ведь от этого зависит наша жизнь. Но вы, мой друг, не должны рисковать ради нас.

— Это уж мое дело, господин граф, к тому же я только исполняю свой долг.

— Ваш долг?

— Да!

И рыбак рассказал им, как из-за несчастного случая он вынужден был покинуть Санта-Манца и Корсику. Теперь же ему представилась возможность искупить добрым делом причиненное им зло.

— Вы честный и мужественный человек! — воскликнул граф, взволнованный его рассказом. — Но пойдем ли мы к бухте Катаро или к итальянскому берегу, в любом случае вам придется надолго уехать из дома, и это может вызвать подозрения здесь, в Ровине. Насто вы доставите в безопасное место, но как бы вас не арестовали по возвращении.

— Об этом не беспокойтесь, господин граф. Во время больших уловов мне случается не возвращаться по пяти, а то и по шести суток кряду. Я вам сказал, это уж мое дело. Мы правильно решили — так мы и сделаем!

Продолжать спор было бесполезно. План рыбака казался хорошо продуманным и легко осуществимым, конечно, если, как он надеялся, не испортится погода. Опасен был только самый момент посадки. Но к десяти часам уже совсем стемнеет, ночи сейчас безлунные, и, по всей вероятности, к вечеру опустится густой туман, который обычно не распространяется на море, а

задерживается на берегу. В этот час редко кого можно встретить на пустынной отмели, разве случайно пройдет какой-нибудь стражник в поисках контрабандистов. Что же до соседних рыбаков, то Андреа знал, что все они сегодня уйдут в море ставить сети среди скал в двух-трех милях ниже Ровиня. Если они и заметят баркас, что мало вероятно, он уже будет далеко в море с двумя беглецами, спрятанными под палубой.

— Сколько миль по прямой от Ровиня до ближайшей точки на итальянском побережье? — спросил Батори.

— Около пятидесяти.

— Сколько же нам потребуется времени, чтобы добраться туда?

— При таком попутном ветре, как сегодня, часов двенадцать. Да, вот что — у вас нет денег, а они вам необходимы. Наденьте этот пояс, в нем зашито триста флоринов.

— Но, друг мой... — попытался было возразить граф.

— Вы их вернете мне потом, когда будете в безопасности. Ну, а теперь ждите меня!

Договорившись обо всем, Андреа вышел из комнаты и принялся за свои обычные дела, работал то на отмели, то возле дома. Луиджи незаметно доставил на судно запас провизии на несколько дней, завернув ее в запасный парус, чтобы не обратить на себя внимание. Казалось, ничто не могло возбудить подозрений, которые помешали бы осуществить план рыбака. Из предосторожности Андреа решил до вечера не заходить к своим гостям. Шандор и Батори притаились в глубине комнаты, окна которой оставались открытыми целый день. Рыбак обещал предупредить их, когда придет время идти на берег.

Несколько раз в течение дня к нему заходили соседи потолковать о рыбной ловле и о стаях тунца, появившихся у берегов Истрии. Андреа принимал их в большой комнате и подносил, по местному обычаю, стаканчик вина.

Так прошла большая часть дня. Соседи приходили,

уходили, судачили о разных делах. Несколько раз заходил разговор о побеге заключенных. Рассказывали даже, будто их уже поймали недалеко от канала Кварнеро, в восточной части Истрии, однако этот слух вскоре был опровергнут. Итак, пока все шло хорошо.

Без сомнения, за побережьем внимательно наблюдали и пограничная стража, и полиция, и жандармы. Однако с наступлением темноты нетрудно будет обмануть бдительность дозоров. Запрещение выходить в море относилось, как уже было сказано, только к кораблям дальнего плавания и каботажным судам, приходившим из Средиземного моря, но не к рыбацким лодкам с побережья, поэтому снаряжение баркаса к отплытию не должно было вызвать никаких подозрений.

Андреа Феррато принял все это во внимание, но одного посещения он, конечно, не мог предвидеть. Сначала этот визит лишь удивил, но не встревожил рыбака, и только после ухода незваного гостя он понял, какая опасность нависла над ними.

Наступил вечер. Пробило восемь часов, и Мария уже накрыла к ужину на стол в большой комнате, когда кто-то два раза постучал в дверь. Андреа тотчас же отворил и с изумлением увидел испанца Карпену.

Этот Карпена был родом из Аммаяте, местечка в провинции Малага. Ему пришлось бежать оттуда, как в свое время Андреа с Корсики, но, вероятно, вследствие каких-то темных дел, и он поселился в Истрии. Здесь Карпена устроился на соляных промыслах на западном побережье и занимался перевозкой соли в глубь материка. Это очень тяжелый, неблагодарный труд, которым можно едва заработать на жизнь.

Карпена был здоровенный детина лет двадцати пяти, невысокого роста, но широкий в плечах, с большой головой и жесткими курчавыми черными волосами. Грубыми чертами лица он походил на бульдога, такое выражение как у человека, так и у собаки равно не вызывает доверия.

Его не любили за нелюдимость, за злобный, мстительный и завистливый нрав. Никто как следует не

знал, почему он покинул родину. Дурной славе его немало способствовали частые ссоры с другими рабочими на промыслах. Задев кого-нибудь, он тут же переходил к угрозам, и дело обычно кончалось дракой. Вообще от него старались держаться подальше.

Сам Карпена, напротив, был о себе очень высокого мнения, вот почему он стремился, — с какой целью, будет видно далее, — сблизиться с Феррато. Однако рыбак с самого начала отнесся к нему с неприязнью. Почему — мы узнаем из последующего разговора, в котором испанец обнаружит свои намерения.

Карпена хотел было пройти прямо в комнату, но рыбак остановил его вопросом:

— Что вам здесь нужно?

— Да вот, шел мимо, вижу в окне свет, — дай, думаю, зайду.

— Зачем?

— Да просто в гости.

— А мне не нравится, когда вы приходите ко мне в гости, и вы сами это знаете!

— Знаю, но сегодня, я думаю, вы заговорите по-другому.

Андреа не понял и не мог угадать, что значили эти загадочные слова; и все же он невольно вздрогнул, и это не ускользнуло от Карпены.

Испанец вошел и плотно притворил дверь.

— Нам надо поговорить.

— Не о чем нам разговаривать!

— Нам надо поговорить, — повторил испанец, понижая голос, — поговорить с глазу на глаз.

— Ну ладно, пройдите сюда, — и рыбак, у которого в этот день были особые причины пускать к себе всех и каждого, провел его в соседнюю комнату.

Это была спальня рыбака. Лишь тонкая перегородка отделяла ее от той комнаты, где притаились беглецы. Окна спальни выходили на улицу, окна второй комнаты — на огород.

— Ну, в чем дело? — спросил рыбак.

— Сосед, я еще раз прошу вас, будьте мне другом.

— Зачем вам моя дружба?

— Вы же знаете: из-за вашей дочери.

— Хватит об этом!

— Выслушайте меня. Я давно люблю Марию и хочу жениться на ней.

Вот чего добивался Карпена. Он уже несколько месяцев надоедал Марии своими ухаживаниями. Разумеется, его побуждала не столько любовь, сколько корысть. По сравнению с другими рыбаками Феррато жил в достатке, испанцу же, у которого не было ни гроша за душой, он казался богачом. Вполне понятно, что Карпена задумал стать его зятем. Но также понятно, что Андреа и слышать не хотел об этом: испанец ему очень не нравился.

— Карпена, — ответил Феррато холодно, — вы уже говорили с моей дочерью. И она сказала вам — нет! Вы говорили и со мной, я тоже сказал вам — нет! Сейчас, когда вы опять заговорили об этом, в последний раз говорю вам — нет и нет!

Лицо испанца исказилось от бешенства; он оскалил зубы и с ненавистью взглянул на рыбака. Но в комнате было темно, и Андреа не мог видеть этой злобной гримасы.

— Это ваше последнее слово?

— Да, если вы не придете опять. Если же вы снова заведете этот разговор, то получите тот же ответ.

— Я приду опять, потому что я уверен — Мария сама пошлет меня к вам.

— Кто? Мария? Будто вы не знаете, как она к вам относится!

— А что, если ее чувства изменятся после того, как я с ней поговорю?

— Вы?! Поговорите с ней?

— Да, Феррато, мне надо ей кое-что сказать.

— Когда же?

— Сейчас! Сию же минуту! Слышите? Мне необходимо с ней поговорить!

— Вам не о чем разговаривать с ней! Я отказываю вам от ее имени!

— Ах, вот как! — крикнул Карпена. — Вы еще пожалеете об этом!

— Ты мне угрожаешь?

— Да! Берегись, я тебе отомщу!

— Ну, что же, мсти, если можешь и если посмеешь! Я не боюсь твоих угроз, ты сам знаешь. А сейчас убийся! Не то я вышвырну тебя вон! — крикнул Андреа, выйдя из себя.

На испанца страшно было смотреть. Глаза его налились кровью. Казалось, еще мгновение, и он бросится на Андреа. Но он сдержал себя и, с силой толкнув дверь, выбежал в большую комнату, а оттуда на улицу, не сказав больше ни слова.

Дверь соседней комнаты тотчас отворилась, и на пороге показался граф Шандор, не пропустивший ни звука из этого разговора. Он быстро подошел к Андреа.

— Это он донес на нас жандармам, — шепотом сказал граф. — Он нас знает. Он видел, как мы высадились на берег Лемского канала, и, должно быть, следил за нами до самого Ровиня. Повидимому, он пронюхал, что вы спрятали нас у себя. Нам нужно немедленно бежать, иначе мы пропали, и вы с нами!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Последнее усилие в последней борьбе

Андреа промолчал. Ему нечего было ответить графу. Его корсиканская кровь кипела. В эту минуту он забыл даже о беглецах, ради которых шел на такой риск. Перед его глазами стоял только Карпена.

— Мерзавец! Мерзавец! — пробормотал он сквозь зубы. — Он знает все, мы в его руках. Как я не догадался об этом!

Шандор и Батори с тревогой смотрели на рыбака. Что он скажет? Что он решит? Нельзя терять времени на размышления. Быть может, сейчас испанец уже донес о них полиции.

— Вот что, граф, — сказал наконец Феррато, — жандармы нагрянут ко мне с минуты на минуту. Да, конечно, негодяй знал или предполагал, что вы скрываетесь у меня. Он приходил сюда заключить сделку!

Он хотел получить мою дочь в уплату за молчание. И теперь он погубит вас, чтобы мне отомстить! Если придет полиция, вам некуда спрятаться, вас сейчас же схватят. Надо немедленно бежать!

— Вы правы, Феррато, — сказал граф, — но прежде, чем мы расстанемся, позвольте мне поблагодарить вас за все, что вы для нас сделали и хотели сделать.

— Что я хотел, то я и сделаю, — решительно сказал Андреа.

— Мы не можем принять вашей помощи, — возразил Батори.

— Да, мы отказываемся, — поддержал его граф. — Вы и без того слишком многим рискуете. Если нас найдут здесь, вас ждет каторга! Мы не хотим, чтобы горе и разорение постигло вашу семью. Бежим, Иштван, но бежим одни.

Андреа движением руки остановил их.

— Куда вы пойдете? По всей стране бродят патрули. Полиция и жандармы день и ночь рыщут кругом. На побережье вам не найти безопасного места, чтобы отплыть. К границе вам не пробраться, на всех тропинках дозоры. Без меня вы погибнете!

— Послушайте моего отца, — сказала Мария, — идите за ним. Что бы ни случилось, он выполнит свой долг.

— Правильно, дочка, — ответил Феррато, — ты верно сказала, это мой долг. Луиджи уже ждет нас у ялика. Ночь очень темная. Они и спохватиться не успеют, как мы уже будем в море. Обними меня, Мария, прощай! Скорее за мной!

Но Шандор и Батори не сдавались. Они не могли принять такую жертву. Надо бежать, немедленно бежать, чтобы не подвергать опасности рыбака. Но бежать одним, без Феррато.

— Идем! — крикнул граф Иштвану Батори. — Мы должны сами отвечать за себя!

Они бросились к окну, собираясь бежать через огород и скрыться либо на побережье, либо в глубине страны, как вдруг в комнату запыхавшись вбежал Луиджи.

— Полиция! — крикнул он.

— Прощайте! — воскликнул граф и выпрыгнул в окно, а за ним Батори.

В то же мгновение в большую комнату ворвался отряд полицейских. Их привел Карпена.

— Подлец! — крикнул ему Андреа.

— Вот мой ответ, пеняй на себя! — воскликнул испанец.

Рыбака схватили и связали. Полицейские тотчас же рассыпались по всему дому. Открытое окно, выходящее на огород, указало им, куда скрылись беглецы. Полицейские бросились вслед за ними.

Граф Шандор и Батори успели добежать лишь до ограды, за которой протекал ручей. Граф одним прыжком перемахнул через нее и повернулся, чтобы помочь Батори, как вдруг шагах в пятидесяти грянул выстрел.

Пуля задела плечо Батори, рана была неопасная, но действовать рукой он не мог. Несмотря на все усилия друга, ему никак не удавалось перелезть через ограду.

— Беги, Матиас! — крикнул он. — Беги!

— Нет, Иштван! Умирать, так вместе! — И Шандор обхватил обеими руками Батори, в последний раз пытаясь перетащить его.

— Беги, Матиас! Ты должен жить, чтобы покарать предателей!

Эти слова прозвучали как приказание. Да, он, Шандор, должен жить, чтобы покарать преступников и воздать им за всех троих! Нет больше графа Шандора, венгерского магната, нет триестского заговорщика, нет друга Затмара и Батори, — есть только вершитель правосудия.

В этот миг полицейские добежали до ограды и бросились на раненого Батори. Секунда промедления, и граф оказался бы в их руках.

— Прощай, Иштван! Прощай! — крикнул граф Шандор, он собрал все силы, перепрыгнул через ручей и скрылся в темноте.

Вслед ему раздалось пять-шесть ружейных выстрелов, но пули не настигли беглеца, который, метнувшись в сторону, бросился бежать к морю.

Полицейские кинулись за ним, но в потемках быстро

потеряли его из виду. Боясь упустить свою жертву, они рассеялись по всем направлениям, чтобы отрезать графу дорогу и в город, и в глубь страны, и к мысу, закрывавшему выход из бухты. На помощь полиции явился отряд жандармов и расположился так, что беглецу осталась только одна дорога — к берегу моря.

Но что он будет делать на берегу среди рифов? Достанет лодку и пустится в открытое море? Он не успеет: пули настигнут его прежде, чем он отчалит. Однако на восток бежать нельзя, это он хорошо понимал. Выстрелы и крики полицейских и жандармов приближались и доказывали, что назад путь уже отрезан. Значит, он мог бежать только к морю. Там его ждала верная смерть, но лучше погибнуть в волнах, чем стоять перед взводом солдат во дворе Пизинской крепости.

Вот он уже на берегу. Несколько прыжков, и он у самой воды, там где маленькие волны набегают на песчаную отмель. Он чувствовал, что жандармы бегут за ним по пятам; выпущенные наудачу пули свистели вокруг его головы.

Как и на всем побережье Истрии, здесь сразу же за отмелью взморье было усеяно обломками скал и острыми утесами. Между скалами, во впадинах, скопилась вода, местами она достигала нескольких футов глубины, местами едва доходила до щиколотки.

Граф Шандор бросился к этим камням. Другого пути не было. Хотя он не сомневался, что бежит навстречу верной гибели, он без колебаний мчался по берегу.

Прыгая с камня на камень, перескакивая через глубокие ямы, он уходил все дальше к открытому морю. Но теперь он стал виден на более светлом фоне неба. С громкими криками полицейские устремились за ним.

Но граф Шандор твердо решил, что живым он им в руки не дастся. Море вернет им только его труп!

Скользкие, поросшие мокрыми водорослями камни качались под ногами; прыгая в темноте над водой, он мог сорваться каждую секунду. Эта утомительная погоня продолжалась минут десять. Полицейским никак не удавалось нагнать графа, но камни скоро кончатся, а впереди — море.

И вот граф на одном из последних камней. Дальше бежать некуда. Двое или трое полицейских уже совсем близко, шагах в десяти, остальные немного отстали.

Граф Шандор выпрямился, громко крикнул, посылая в небо последнее прощание, и бросился в воду. В то же мгновение грянул залп.

Полицейские, добежав до последних камней, увидели лишь голову беглеца, словно черную точку в открытом море.

Раздался еще один залп, и море вспенилось вокруг Шандора. Очевидно, одна или две пули попали в цель — голова его исчезла и больше не появлялась.

Жандармы и полицейские оставались на берегу до самого рассвета, они тщательно обследовали отмель и прибрежные камни на всем протяжении от северного мыса до порта Ровинь. Но тщетно. Они не нашли никаких следов, повидимому графу не удалось выбраться на берег. Значит, он либо был убит пулей, либо утонул.

Однако, несмотря на самые тщательные поиски тела, ни у берега, ни в море, на расстоянии двух миль от суши, ничего не нашли. Ветер дул с берега, к тому же тут проходило юго-западное течение, и, повидимому, тело унесло в морские просторы.

Так граф Шандор, мадьярский вельможа, нашел могилу в волнах Адриатического моря.

После самого тщательного расследования австрийские власти приняли эту версию гибели графа Шандора как наиболее правдоподобную.

Теперь ничто уже не мешало привести в исполнение приговор над двумя другими осужденными. Иштван Батори, как мы знаем, был схвачен полицией и в ту же ночь под сильным конвоем доставлен в Пизинскую крепость, где его поместили в одну камеру с Ладиславом Затмаром. Им предстояло провести вместе всего несколько часов.

Казнь была назначена на другой день — 30 июня.

Перед смертью Иштван Батори, конечно, хотел в последний раз увидеть жену и сына, а Ладислав Затмар — обнять своего верного слугу. Власти разрешили

родным приехать в Пизинскую крепость. Но свидание не состоялось.

Госпожа Батори с маленьким сыном покинула Триест; вместе с ними отправился и Борик, которого выпустили из тюрьмы. Арест заговорщиков был произведен тайно, и, не зная, где находятся арестованные, госпожа Батори и Борик разыскивали их по всей Венгрии и даже в Австрии. Когда же был объявлен приговор суда, их не смогли во-время найти и известить.

Иштван Батори был лишен последнего утешения — увидеть жену и сына. Он не мог назвать им имена предателей, которым теперь, после гибели Шандора, нечего было опасаться кары!

В пять часов вечера Иштван Батори и Ладислав Затмар были расстреляны во дворе Пизинской крепости. Они мужественно встретили смерть, как борцы, отдавшие жизнь за освобождение родины.

Теперь Силас Торонталь и Саркани могли считать себя в полной безопасности. Об их предательстве не знал никто, кроме губернатора Триеста. За свой донос они получили половину всего состояния графа Шандора. Другая половина, в виде особой милости, была оставлена малолетней дочери графа и должна была перейти к ней, когда ей исполнится восемнадцать лет.

Таким образом, Силас Торонталь и Саркани, которым были неведомы угрызения совести, могли спокойно наслаждаться богатством, доставшимся им в награду за гнусное предательство.

Мог быть спокоен и третий предатель — испанец Карпена, получивший за донос обещанные деньги — пять тысяч флоринов.

Никто не знал о подлом поступке банкира и его сообщника, и они могли высоко держать голову, как честные люди, и попрежнему оставаться в Триесте, но Карпена, от которого все с презрением отвернулись, вынужден был уехать из Ровиня. Впрочем, это его мало трогало! Ему теперь нечего было бояться, даже мести Андреа Феррато!

Действительно, рыбак был брошен в тюрьму, затем его судили и приговорили к пожизненной каторге за оказанную им помощь беглецам. Мария с братом

остались одни в опустевшем доме. Никогда не вернется к ним отец... Впереди разорение и нищета...

И все это было делом рук трех негодяев, которые из голой корысти, не испытывая даже ненависти к своим жертвам (за исключением, может быть, Карпены), один, чтобы поправить свои дела, а двое других, чтобы разбогатеть, пошли на самое гнусное преступление!

Неужели это предательство не получит возмездия здесь на земле, где суд божий не всегда карает виновных? Неужели так и останется неотомщенной гибель трех патриотов, графа Шандора, графа Затмара и Иштвана Батори, неужели никто не отплатит злодеям за мужественного и честного рыбака Андреа Феррато?

Будущее покажет.

Часть вторая

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Пескад и Матифу

Пятнадцать лет спустя после событий, завершивших пролог этой истории, 24 мая 1882 года, в Рагузе, одном из главных городов Далмации, был праздник.

Далмация — всего-навсего узкая полоска земли, расположенная между северными отрогами Динарийских альп, Герцеговиной и Адриатическим морем. Население ее не превышает пятисот тысяч человек, — да и тем живет тесновато.

Славный народ далматинцы! Они неприхотливы, потому что земля тут не отличается плодородием, но, несмотря на пережитые политические превратности, они не утратили чувства собственного достоинства, они не раболепствуют перед Австрией, к которой страна их была присоединена по Кампо-Формийскому договору 1815 года; наконец, они — честны, недаром этот край, по словам г-на Ириарте, прозвали «страной, где двери без замков».

В состав Далмации входят четыре провинции, носящих названия: Зара, Спалато, Катаро и Рагуза. Провинции в свою очередь делятся на округа. Столица одной из провинций — город Зара — является резиденцией генерал-губернатора. Именно в Заре заседает сейм, некоторые члены которого являются в то же время членами Венской верховной палаты.

Положение сильно изменилось с XVI века, когда ускоки — беглые сербы, — воевавшие с мусульманами

и с христианами, с султаном и с Венецианской республикой, наводили ужас на всех, кто плавал по Адриатическому морю. Но ускоки исчезли, и ныне следы их можно встретить лишь в Карниоле. И теперь Адриатическое море столь же безопасно, как и всякая другая часть поэтического и великолепного Средиземного моря.

Рагуза, вернее сказать, маленькое Рагузское государство долгое время представляло собою республику, и республикой оно стало даже раньше Венеции, а именно в IX веке. Лишь в 1808 году Наполеон издал указ, в силу которого Рагуза через год должна была слиться с Иллирийским королевством в качестве герцогства, правителем которого был назначен маршал Мармон. Еще с IX века рагузские купцы, бороздившие на своих кораблях все восточные моря, обладали монопольным правом торговли с неверными. Монополия была дарована Рагузе папою Римским, что выделяло Рагузу среди других мелких республик Южной Европы; но она обладала и более почтенными заслугами: слава ее ученых, ее словесности, безупречный вкус ее живописцев привели к тому, что ее стали называть славянскими Афинами.

Однако для успешной морской торговли необходим удобный и глубокий порт, куда могли бы заходить корабли большого тоннажа. А такого порта в Рагузе не было. Тамошняя гавань узка, усеяна подводными скалами, поднимающимися до самой поверхности моря, и может служить убежищем только для мелких каботажных судов и рыбацких барок.

Зато на полмили севернее, в одном из небольших заливов бухты Омбра-Фиумера, имеется превосходный порт, годный для самой оживленной торговли. Этот порт — Гравоза, — пожалуй, лучший на всем далматинском побережье. Здесь достаточно глубоко даже для военных кораблей, здесь нашлось место и для доков и для верфей, так что есть где и строить и ремонтировать суда; сюда, наконец, могут заходить и большие пакетботы, которые с некоторых пор появились на всех морях земного шара.

Дорога между Рагузой и Гравозой стала в описываемые нами времена своего рода бульваром, обрамленным тенистыми деревьями; по обе ее стороны тянулись прелестные виллы; здесь постоянно гуляли жители Рагузы, которых тогда насчитывалось тысяч шестнадцать — семнадцать.

В тот праздничный день, часа в четыре пополудни, рагузцы, пользуясь дивной весенней погодой, толпами направлялись в Гравозу.

В этом пригороде — ведь Гравозу, расположенную у самых городских ворот, позволительно назвать пригородом — был местный праздник со всевозможными играми, ярмарочными лавками, музыкой и плясками под открытым небом, с фокусниками, акробатами и чревовещателями, которые своими песнями, зазываниями и барабанным боем оглашали все улицы до самой пристани.

Для иностранца тут представлялся удобный случай познакомиться с различными типами славянской расы, к которым вдобавок примешивались многочисленные цыгане. На праздник съехался не только этот кочевой люд, рассчитывавший поживиться за счет ярмарочной толпы, но явились также и крестьяне и горцы, которые не прочь были принять участие в народных развлечениях.

Тут было множество женщин — горожанок, рыбачек с побережья, крестьянок из окрестных деревень. Некоторые из них в своих нарядах старались подражать последним модам Западной Европы. Другие сохраняли свой национальный костюм; здесь можно было видеть белые рубахи с расшитыми рукавами и грудью, пестрые безрукавки, пояски, усеянные серебряными кнопками; это была подлинная мозаика, где краски пестрели, как на персидском ковре. На волосах, уложенных косами с вплетенными в них разноцветными ленточками, красовался белый чепец, так называемая «окронга», покрытая вуалью, которая спадает сзади наподобие «пускула» восточного тюрбана; на ногах чулки, привязанные соломенной тесьмой. Вдобавок ко всему этому — всевозможные побрякушки в виде браслетов, ожерелий, серебряных монеток, сработанных на тысячу

ладов, для украшения шеи, рук, груди и талии. Такие безделушки можно было встретить у крестьян, которые любят также украшать вышивкой ворот и рукава своей одежды.

Все эти самобытные наряды очень шли к местным жителям, даже портовые рабочие умели носить их не без изящества. Но особенно выделялся наряд комиссионеров, образующих привилегированную корпорацию. У них совсем восточный вид: тюрбаны, безрукавки, широкие кушаки, турецкие шаровары и чувяки. Они пришли бы к месту и на набережной Галаты и на площади Топхане в Константинополе.

Праздник был в полном разгаре. Балаганы на набережной и на площади были битком набиты народом. Помимо различных увеселений, предстоял еще «аттракцион», привлекавший толпы любопытных, а именно спуск на воду трабаколо. Это особого типа судно, часто встречающееся на Адриатическом море, с двумя мачтами и двумя парусами трапецевидной формы, привязанными к реям их верхним и нижним ликтросом.

Спуск был назначен на шесть часов вечера, корпус трабаколо был уже освобожден от подпорок, и оставалось только вынуть клин, чтобы спустить его на воду.

В ожидании этого события клоуны, акробаты и бродячие музыканты взапуски соревновались в ловкости и талантах, к вящему удовольствию зрителей.

Особенно много народу толпилось вокруг музыкантов; больше всего зарабатывали гуслеры. Они распевали гортанными голосами песни, любимые у них на родине, и подыгрывали себе на своих причудливых инструментах. Песни этих бродячих музыкантов стоило послушать.

Гусли, на которых играют эти уличные виртуозы, представляют собой инструмент со струнами, натянутыми на длинный-предлинный гриф; по струнам водят незатейливым смычком. Создается впечатление, что у гуслеров мощные голоса, потому что поют они не только грудью, но и горлом.

Один из певцов — здоровенный малый, желтолицый и черноволосый, — держал между коленами инструмент,

похожий на искудавшую виолончель, и всей позой и жестами старался выразить содержание песенки, смысл которой можно передать так:

Берегись, когда поет
Черноглазая Зингара!
Ты не стой, разинув рот, —
Приглядишься к ней: как поет?
Опасны чары
Зингары!

Если томный блеск очей
Сжурли длинные ресницы,
Если ты не виден ей, —
Можешь пеньем насладиться.

Берегись, когда поет
Черноглазая Зингара!
Ты не стой, разинув рот, —
Приглядишься к ней: как поет?
Опасны чары
Зингары!

Спев первый куплет, певец взял деревянную чашку и обошел слушателей в надежде собрать несколько медяков. Но сбор был, как видно, скудноват, ибо певец вернулся на прежнее место и решил растрогать слушателей вторым куплетом песенки.

Если ж бросит важный взгляд, —
Сердце взять твое сумеет,
Не отдаст его назад,
Им навеки завладеет ..

Берегись, когда поет
Черноглазая Зингара!
Ты не стой, разинув рот, —
Приглядишься к ней: как поет?
Опасны чары
Зингары!¹

Один из гуляющих, мужчина лет пятидесяти — пятидесяти пяти, слушал цыгана, как и все остальные, но поэтические чары песенки не возымели на него ни малейшего действия и кошелек его так и не раскрылся. Правда, пела не сама Зингара, «взираая на него черными очами», а черномазое страшилище, выступавшее от ее имени. Незнакомец собирался было уже уйти, так

¹ Перевод Е. Бируковой.

ничего и не заплатив, но сопровождавшая его девушка остановила его:

— Папа, у меня нет с собою денег. Дайте, пожалуйста, что-нибудь певцу.

Так гуслир получил пять-шесть крейцеров, которых ему бы не видать, если бы не вмешательство девушки. Ее отец, человек несметно богатый, был вовсе уж не так скуп, чтобы отказать ярмарочному певцу в нескольких грошах; просто он был из числа тех, кого мало трогают людские горести.

Затем отец с дочерью направились, пробираясь сквозь толпу, к другим, не менее шумным балаганам, а гуслиры разбрелись по соседним кабачкам, намереваясь хорошенько выпить и закусить. Они и впрямь опорожнили немало бутылок сливанки — весьма крепкой водки, настоянной на сливах, впрочем для цыганской глотки это не более как жиденький сиропчик.

Но надо сказать, что далеко не все уличные артисты, певцы и клоуны пользовались расположением публики. В числе отверженных было двое акробатов, которые тщетно фиглярничали на подмостках, зазывая зрителей.

У входа в их балаган висели пестрые, но уже сильно потертые холсты с изображением диких зверей, грубо намалеванных клеевой краской; там красовались львы, шакалы, гиены, тигры, боа и тому подобные хищники, которым живописец придал весьма причудливые очертания; звери лежали или прыгали на фоне самых невероятных пейзажей. За подмостками находилась маленькая арена, отгороженная старыми дырявыми холстинами; поэтому не удивительно, что людей, не слишком щепетильных, так и тянуло приложиться глазком к дырочке, а от таких зрителей акробатам было, разумеется, мало проку.

Перед подмостками в землю был воткнут шест с шершавой доской в виде вывески; на ней значилось всего лишь пять слов, грубо нацарапанных углем:

**ПЕСКАД И МАТИФУ,
французские акробаты.**

Внешностью своею, да и душевным складом эти два человека так отличались друг от друга, как только могут отличаться двое смертных. Видимо, лишь общая родина сблизила их и связала для совместной житейской борьбы: оба они были провансальцы.

Но откуда же взялись их странные прозвища? Быть может, на их далекой родине эти имена звучали не так причудливо? Не имеют ли они отношения к названиям двух географических пунктов, между которыми расположена Алжирская бухта, а именно к мысу Матифу и косе Пескад? Так оно и есть, и, надо сказать, прозвища были этим бродячим акробатам столь же к лицу, как имя Атланта какому-нибудь ярмарочному борцу-великану.

Мыс Матифу — это огромный выступ, могучий и неприступный, возвышающийся на северо-востоке Алжирской бухты. Он словно бросает вызов бушующей стихии, и к нему вполне применим знаменитый стих:

Громада мощная незыблема в веках.

Именно таков был силач Матифу, этот Геркулес, этот Портос, этот удачливый соперник Омпрая, Николай Крэта и прочих знаменитых борцов, гордости южных балаганов.

«Пока не увидишь этого исполина собственными глазами, не поверишь, что такие существуют» — такая шла о нем молва. Рост его равнялся шести футам, голова — как пивной котел, плечи — косая сажень, грудь была подобна кузнечному меху, ноги — стволам двенадцатилетнего дерева, руки — шатунам машины, пальцы — клещам. Он олицетворял собою человеческую силу во всем ее великолепии. Люди немало удивились бы, если бы узнали, что ему пошел всего двадцать второй год. Но он и сам точно не знал, сколько ему лет.

У этого существа, — правда, не отличавшегося большим умом, — было доброе сердце и мягкий, покладистый нрав. Он не ведал ни гнева, ни ненависти. Он никому не причинял зла. Когда с ним здоровались, он робко пожимал протянутую руку, боясь раздавить ее в своей могучей лапице. Он был силен, как тигр, но

ничего звериного в нем не было. Он слушался своего приятеля с первого слова, повиновался движению его руки, так что можно было подумать, что природа, шутки ради, наградила щуплого фокусника таким огромным сыном.

Коса Пескад, расположенная на западе Алжирской бухты, напротив мыса Матифу, в отличие от последнего представляет собою узкую каменистую полосу земли, протянувшуюся далеко в море. Отсюда и прозвище второго паяца. Это был двадцатилетний паренек — маленький, слабый, тощий, весивший раз в восемь меньше своего приятеля. Зато Пескад был ловок, проворен, умен; умел владеть собой как в хороших, так и в дурных обстоятельствах; он был настроен философически, отличался практичностью и выдумкой; в нем было что-то от обезьяны, только без обезьяней раздражительности. Какие-то нерасторжимые узы связывали его с громадным ласковым толстокожим гигантом, которого он вел сквозь многочисленные превратности, встречающиеся в жизни странствующих паяцев.

Оба они были акробатами и ходили с ярмарки на ярмарку, потешая народ. Мыс Матифу, или просто Матифу, как обычно величали его, выступал на арене в качестве борца, показывал в различных упражнениях свою диковинную силу, гнул руками железные бруски, носил самых толстых зрителей на вытянутых руках и жонглировал своим юным приятелем, как бильiardным шаром. Коса Пескад, или просто Пескад, как его чаще называли, пел, зазывал, фиглярничал, забавлял публику неиссякаемым скоморошеством, поражал ее чудесами эквилибристики, а также карточными фокусами, в которых он был на диво ловок; кроме того, он брался обыграть любого партнера в любой игре, где требуется расчет и сметка.

— Я прошел хорошую *вымучку*, — говаривал он.

Но «почему, скажите на милость» (излюбленное выражение Пескада), почему же в тот день эти два бедных малых никак не могли привлечь к себе внимание публики? Почему ее тянуло к другим балаганам, раскинувшимся на набережной Гравозы? Почему от наших приятелей ускользал даже самый скудный и столь необ-

ходимый им заработок? Это казалось прямо-таки необъяснимым.

А ведь их речь — приятная смесь провансальского с итальянским — была вполне понятна далматинцам. Родителей своих наши друзья не знали, потому что были поистине сынами случая; они уже давно покинули родину, пустившись наудачу в странствия по большим дорогам, по базарам и ярмаркам. И они кое-как выходили из положения, жили скорее плохо, чем хорошо, но все-таки жили, и если завтракали не всякое утро, зато ужинали почти каждый день. А этого было вполне достаточно, ибо «нельзя же, — как говаривал Пескад, — требовать невозможного».

Хотя требовать невозможного и нельзя, все же славный малый стремился к этому невозможному, всячески стараясь завлечь в балаган хоть десяток зрителей, и не терял надежды, что они все-таки посетят его убогую арену. Но ни зазывания, столь занятные благодаря иностранному акценту Пескада, ни остроты, которые могли бы прославить любого водевилиста, ни ужимки, способные рассмешить даже статую святого в соборной нише, ни гимнастические номера, во время которых тело Пескада складывалось самым невероятным образом, ни травяной парик с косичкой из укропа, болтавшейся на его красном камзоле, ни двусмысленности, достойные римского Пульчинелло и флорентинского Стентарелло, — ничто не действовало на публику.

А между тем Пескад и Матифу уже несколько месяцев забавляли жителей здешних мест и знали, чем угостить славянскому населению.

Покинув Прованс, приятели перешли Прибрежные Альпы, миновали Миланскую провинцию, Ломбардию, Венецианскую область и во всех случаях жизни прекрасно дополняли друг друга, ибо один пускал в ход свою силу, а другой — изворотливость. Успех довел их до Триеста — до самого сердца Иллирии. Затем они прошлись по Истрии и добрались до далматинского побережья — до Зары, Салоны и Рагузы — и все еще считали, что выгоднее идти вперед, чем возвращаться вспять. Позади лежали места, где их уже видели. А продвигаясь вперед, они несли с собой новый репер-

туар, что сулило известный заработок. Однако теперь они все более убеждались, что их турне, и без того не слишком прибыльное, начинает принимать уже совсем плачевный оборот. Поэтому бедные неудачники мечтали лишь об одном: как бы вернуться на родину, вновь увидеть Прованс. Они давали себе зарок, что больше никогда не будут так далеко уходить от родных мест. Но к ногам их были привязаны тяжелые колодки, колодки нищеты, и пройти несколько сот лье с такими колодками было делом нелегким!

Однако, прежде чем думать о будущем, следовало позаботиться о настоящем, то есть об ужине, который был еще отнюдь не обеспечен. В кассе не было ни гроша, — если позволительно назвать кассою уголок носового платка, куда Пескад обычно завязывал их совместный капитал. Тщетно паясничал он на подмостках! Тщетно бросал в пространство отчаянные призывы! И тщетно Матифу выставял напоказ свои мускулы, на которых вены выступали, как ветви плюща на узловатом стволе! Ни единый зритель не проявлял желания пропикнуть за холщовый занавес.

— Ну и тяжелы же далматинцы на подъем, — говорил Пескад.

— С места не сдвинешь, — соглашался Матифу.

— Право же, сегодня, видно, почину так и не будет! Придется нам, Матифу, складывать пожитки.

— А куда мы отправимся? — осведомился великан.

— Много хочешь знать, — ответил Пескад.

— А ты все-таки скажи.

— Как ты думаешь, не отправиться ли нам в страну, где есть надежда поесть хоть раз в сутки?

— Что же это за страна, Пескад?

— Она далеко, очень-очень далеко... страсть как далеко... и даже еще дальше.

— На краю земли?

— У земли нет края, — многозначительно изрек Пескад. — Будь у нее край, она не была бы круглой. А не будь она круглой, она не вертелась бы. А не вертись она — она стояла бы на месте, а стой она на месте...

— Что же тогда? — спросил Матифу.

— Ну, тогда она свалилась бы на солнце, да так быстро, что за это время и кролика не своровать.

— А тогда что?

— А тогда случилось бы то, что бывает, когда у неуклюжего жонглера сталкиваются в воздухе два шара. Крак! Все трещит, все валится, публика свистит, требует, чтобы ей вернули деньги, и их приходится возвращать, и уж в такой день ужина не бывает.

— Значит, — уточнил Матифу, — если бы земля свалилась на солнце, ужинать уж не пришлось бы.

И Матифу погрузился в бескрайние размышления. Он уселся на подмостках, скрестил руки на груди, обтянутой трико, покачивал головой, как китайский болванчик, ничего не видел, ничего не слышал и молчал. Он был захвачен течением причудливых мыслей. Все смешалось в его огромной башке. И вдруг он почувствовал, что где-то внутри, в самых глубинах его существа, разверзлась некая бездна. Ему показалось, будто он куда-то поднимается — очень, очень высоко. Страсть как высоко. (Выражение, только что употребленное Пескадом, произвело на Матифу сильное впечатление.) Потом ему почудилось, что кто-то выпустил его из рук и он падает... в свой собственный желудок, то есть в пустоту!

Истинный кошмар! Бедняга встал со скамейки и протянул руки как слепой. Еще немного, и он свалился бы с подмосток на землю.

— Что с тобой, Матифу? — воскликнул Пескад, схватив товарища за руку и не без труда оттаскивая его назад.

— Со мной... со мной... Что?

— Да, что с тобой?

— Вот что... — проговорил Матифу, собираясь с мыслями; хоть их было и не много, задача все же была не из легких. — Вот что... Надо мне с тобой поговорить, Пескад.

— Ну так говори, друг мой. Можешь не бояться, нас никто не подслушает, — вся публика разбрелась!

Матифу присел на скамейку и могучей рукой осторожно, словно боясь переломать своему маленькому товарищу кости, привлек его к себе.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Спуск трабаколо

- Значит, ни с места? — спросил Матифу.
- Что ни с места? — переспросил Пескад.
- Да дела.
- Они могли бы идти походче, слов нет, но могло бы быть и того хуже.
- Пескад!
- Что, Матифу?
- Ты не рассердишься, если я что-то скажу?
- Может быть, и рассержусь, если оно того стоит.
- Так вот... тебе бы лучше со мной расстаться.
- Как это «расстаться»? Оставить тебя в беде? — спросил Пескад.
- Да.
- Говори, говори, чудака. Что ты еще придумал?
- Ну да... Я уверен, что если ты останешься один, ты живо выпутаешься из беды. Я тебя связываю, а без меня тебе ничего не стоит...
- Скажи-ка, Матифу, — серьезно отвечал Пескад, — ты ведь толстый, правда?
- Толстый.
- И большой?
- Большой.
- Так вот, никак не пойму, как это в тебе, хоть ты и толстый и большой, могла уместиться такая непомерная глупость, какую ты сейчас отмочил.
- Да почему же, Пескад?
- Да потому, друг мой, что она больше и толще тебя самого. Не хватало еще, чтобы я тебя бросил, дурья ты голова! Да если меня с тобой не будет, чем же ты, спрашивается, станешь жонглировать?
- Чем стану жонглировать?..
- Кто с опасностью для жизни станет прыгать через твою башку?
- Да я не говорю...
- Или перелетать с одной твоей руки на другую?
- Н-да, — промычал Матифу, не зная, что ответить на такие вопросы, поставленные ребром.

— Кто будет с тобой перед неистовствующей публикой... если паче чаяния публика соберется...

— Публика! — повторил Матифу.

— Итак, замолчи, — продолжал Пескад, — и давай-ка лучше смекнем, как бы нам заработать на ужин.

— Мне что-то не хочется есть.

— Тебе всегда хочется есть, Матифу, значит хочется и сейчас, — возразил Пескад и тут же обеими руками раздвинул огромные челюсти своего товарища, который прекрасно обходился без зубов мудрости. — Это видно по твоим клыкам, они у тебя, как у доброго бульдога. Да, что там ни говори, есть тебе хочется, и заработай мы хотя бы только полфлорина, хоть четверть флорина — ты поешь!

— Ну, а ты, малыш?

— С меня хватит и зернышка проса! Мне незачем набираться силы, а ты, сынок, — другое дело! Послушай, как я рассуждаю. Чем больше ты ешь, тем больше жиреешь! Чем больше ты жиреешь, тем становишься чудней на вид.

— Чуднее... это верно.

— А я — наоборот. Чем меньше ем, тем больше худею, а чем больше худею — тем тоже становлюсь чуднее на вид. Так ведь?

— Так, — простодушно согласился Матифу. — Значит, Пескад, в моих же интересах как можно больше есть?

— Совершенно верно, толстый пес! А в моих интересах — есть поменьше.

— Значит, если еды окажется только на одного...

— Значит, она вся твоя.

— А если ее будет на двоих?

— Опять-таки она твоя. Какого черта, Матифу, ведь ты же стоишь двоих!

— Четверых... шестерых... десятерых... — вскричал силач, с которым и вправду не справились бы и десятеро.

Оставляя в стороне склонность к преувеличениям, свойственную всем атлетам как в древности, так и в наши дни, все же нельзя не признать, что Матифу одо-

левал всех борцов, которым приходило в голову померяться с ним силою.

О нем рассказывали две истории, свидетельствующие об его поистине сказочной силе.

Как-то вечером в немском цирке покосился один из столбов, поддерживавших деревянное перекрытие. Раздался треск, зрители пришли в ужас, решив, что крыша вот-вот обрушится и всех задавит, а не то они сами передавят друг друга в узком проходе. Но, к счастью, в цирке оказался Матифу. Он бросился к покосившемуся столбу и подпер его своими богатырскими плечами; так он и простоял до тех пор, пока не опустел весь зал. Потом он ринулся вон из помещения, и крыша тотчас же рухнула.

Тут сказалась мощь его плечей. А вот о силе его рук.

Однажды в долине Камарги из загона вырвался разъяренный бык; он бросался на людей, ранил несколько человек и натворил бы великих бед, если бы не наш силач. Он двинулся навстречу быку, а когда тот стал к нему приближаться, занял оборонительную позицию. Вот бык, опустив голову, ринулся на великана, но тот схватил его за рога, мощным рывком повалил на спину, вверх ногами, и держал его в таком положении до тех пор, пока животное не связали и не обезвредили.

Можно бы вспомнить еще немало случаев, когда проявилась сверхчеловеческая сила Матифу, но и этих двух достаточно, чтобы представить себе не только его мощь, но и его отвагу и самоотверженность: ведь он не колеблясь ставил на карту свою жизнь, когда требовалось помочь ближним. Итак, это было существо столь же доброе, сколь и сильное. Но как-никак, чтобы не ослабнуть, ему надо было есть, — как утверждал Пескад. И Пескад заставлял его есть; он обденял самого себя, когда еды было только на одного и даже когда ее было на двоих. Однако в этот вечер на горизонте не виднелось ужина — даже на одного.

— Туманно, — шутил Пескад.

И чтобы рассеять туман, неунывающий Пескад снова принялся зазывать публику и паясничать. Он бегал по подмосткам, кувыркался, выкидывал всевозмож-

ные трюки, расхаживал на руках, хотя от голода и на ногах-то держался с трудом; но он уже не раз замечал, что когда ходишь вверх ногами, не так хочется есть. Он без устали выкладывал на полупровансальском-полуславянском наречии балаганные шуточки, которые будут в ходу до тех пор, пока не переведутся клоуны, пока будут находиться охотники их слушать.

— Милости просим, почтеннейшая публика, милости просим! — надрылся Пескад. — Вход бесплатный, а за выход — всего лишь жалкий крейцер!

Но чтобы выйти, надо было сначала войти, а из пяти-шести человек, собравшихся перед размалеванным холстом, ни один не решался перешагнуть порог балагана.

Тут Пескад стал палочкой, дрожавшей в его руке, показывать на диких зверей, красовавшихся на холщовой панораме. Он не может, конечно, предложить вниманию зрителей настоящий зверинец. Но где-то в дебрях Африки или Индии все эти страшные хищники в самом деле живут, и случись его другу повстречать их на своем пути, он бы живо с ними расправился.

За этим следовал обычный каскад зазываний, который то и дело прерывал силач, ударяя по турецкому барабану с такой силой, что получалось нечто вроде пушечных выстрелов.

— Вот гиена, господа. Взгляните на гиену, *уроженцу* мыса Доброй Надежды; это зверь ловкий и кровожадный. Вот она перепрыгивает через ограду кладбища в поисках добычи.

Тут Пескад перебежал на другую сторону и указывал на желтую воду и берег, поросший диковинной синей травой:

— Смотрите! Смотрите! Вот любопытный носорог пятнадцати месяцев от роду. Он воспитывался на Суматре, а когда его перевозили, чуть не потопил корабль, потому что продырявил борт своим ужасным рогом!

На переднем плане была нарисована куча зеленоватых костей, — это были останки львиных жертв.

— Смотрите, господа! Смотрите! Свирепый атласский лев! Водится в недрах Сахары во время самой го-

рячей *атропической* жары и прячется в пещерах. Когда ему удастся найти несколько капель воды, он бросается в них и выходит оттуда весь *обкапанный*. Очень любит сахар, поэтому и пустыня, где он водится, называется Сахара.

Но все приманки, казалось, были тщетны. Пескад лез из кожи вон зря. Зря Матифу колотил по барабану с таким остервенением, что инструмент чуть не разлетался в щепки. Какое отчаяние!

Тем временем несколько коренастых горцев-далматинцев подошли к силачу и усталились на него с видом знатоков.

Пескад решил их подзадорить и предложил поместиться силами с его товарищем.

— Входите, господа! Входите! Вы подошли как раз во-время! В самый момент! Сейчас начнется умопомрачительная борьба. Борьба без кулаков. Плечом к плечу! Матифу берется повалить всякого любителя, который удостоит его своим доверием. Тот, кто его осилит, получит прекрасную пушистую фуфайку! Не желаете ли сразиться, господа хорошие? — добавил Пескад, обращаясь к трем молодцам, которые глазели на него разинув рот.

Но молодцы почли за благо не рисковать своей репутацией, как ни лестен был этот поединок для обеих сторон. Поэтому Пескаду пришлось объявить, что за отсутствием любителей бороться будут Матифу и он сам. Да, ловкость сразится с силой!

— Итак, милости просим. Милости просим! Торопитесь, пока есть места! — надрывался бедняга Пескад. — Вы увидите нечто такое, чего в жизни еще не видывали! Схватка Пескада с Матифу. Провансальские близнецы! Да, близнецы... только не ровесники... и не от одной матери. Смотрите, как мы похожи друг на друга... в особенности я!

Какой-то юноша остановился перед балаганом. Он сосредоточенно слушал все эти давным-давно известные шутки.

Юноше было года двадцать два, роста он был выше среднего. Красивые черты его несколько изнуренного лица, весь его облик, отмеченный какой-то строгостью,

говорили о том, что это натура задумчивая и что, вероятно, он немало выстрадал. Большие черные глаза, коротко подстриженная бородка, рот, не привыкший к улыбке, но четко очерченный под тонкой линией усов,— все это свидетельствовало о его венгерском происхождении. Он был одет скромно по-современному, без притязаний на последнюю моду. Держался он так, что при взгляде на него не оставалось никаких сомнений: в юноше уже созрел мужчина.

Как уже было сказано, он внимательно слушал бесплодные зазывания Пескада. Он наблюдал не без сочувствия, как распинается бедняга. Видимо, и ему пришлось хлебнуть горя, поэтому он не мог оставаться равнодушным при виде чужих страданий.

«Это французы, — подумал он. — Несчастные! Сегодня они не заработают ни гроша!»

И ему пришла в голову мысль превратиться в публику, — публику платную. Это будет, конечно, милостыня, но по крайней мере милостыня завуалированная. Ее получают у входа, то есть у холщовой занавески, которая, приподнимаясь, открывает доступ в огороженный круг.

— Милости просим, сударь! Милости просим, — кричал Пескад. — Сейчас начнем!

— Но... я один... — немного смущенно заметил молодой человек.

— Сударь, — ответил Пескад с чуть насмешливой гордостью, — истинные артисты ценят не столько количество, сколько качество зрителей.

— Однако позвольте... — продолжал молодой человек, вынимая из кармана кошелек.

И он положил на оловянное блюдо, стоявшее на краю подмостков, два флорина.

«Вот щедрая душа!» — подумал Пескад. И он обернулся к компаньону:

— Подтянись, Матифу, подтянись! Позабавим молодого человека на все денежки!

Единственный зритель французского и провансальского цирка направился было ко входу, как вдруг остановился. Неожиданно он увидел девушку с отцом, которая за несколько минут до того слушала гусляра.

Молодой человек и барышня произвольно сошлись на одном и том же желании — сделать доброе дело. Одна помогла цыганам, другой решил поддержать акробатов.

Но, как видно, той беглой встречи показалось молодому человеку мало, ибо при виде девушки он позабыл, что он уже почти зритель, забыл о деньгах, уплаченных за место в балагане, и опрометью бросился в ту сторону, где она только что исчезла в толпе.

— Эй, сударь! Сударь! — кричал Пескад. — А деньги-то? Ведь мы, черт возьми, их еще не заработали! Да куда же он девался! Сгинул! Эй, сударь!..

Но тщетно искал Пескад пропавшую «публику». Ее и след простыл. Потом он взглянул на Матифу; а тот был так изумлен, что замер на месте, широко разинув рот.

— А мы-то собирались начать представление, — проговорил, наконец, великан. — Что и говорить, — не везет!

— Наперекор всему — начнем! — ответил Пескад, пристраивая лесенку, чтобы спуститься на арену.

Так они, играя перед пустыми скамьями (которых, впрочем, и не было), по крайней мере отработали бы полученные деньги.

Но в это время со стороны набережной донесся какой-то гул. Видно было, как толпа заколыхалась и устремилась к морю, и издали доносился крик, вырывавшийся из тысячи грудей:

— Трабаколо! Трабаколо!

Действительно, наступил час, когда маленькое судно должны были спустить на воду. Это зрелище, всегда притягательное, неизбежно должно было привлечь внимание толпы. И вот площадь и набережные, только что запруженные народом, опустели: все спешили на верфь, где предстоял спуск нового судна.

Пескад и Матифу поняли, что теперь уже никак нельзя рассчитывать на публику. Но им все же хотелось найти единственного зрителя, который чуть было не заполнил собою их балаган, и они ушли, даже не заперев двери, — да и к чему было ее запирать? — и тоже направились к верфи.

Верфь находилась на конце мыса, близ порта Гравозы, на отлогом берегу, обрамленном легкой пеной набегавших волн.

Пескад и его товарищ изрядно поработали локтями и оказались в первом ряду зрителей. Никогда, даже в дни бенефисов, не бывало такой давки перед их балаганом! Вот до чего доходит безвкусица!

С трабаколо уже сняли подпорки, поддерживавшие его борта, и судно было готово к спуску. Якорь уже был наготове, и как только корпус войдет в воду, — достаточно будет бросить якорь, чтобы сдержать силу инерции, которая может отнести судно слишком далеко в канал. Хотя водоизмещение трабаколо не превышало пятидесяти тонн, все же это было порядочное судно, и при спуске его на воду необходимо было принять все меры предосторожности. На корме у флагштока, где развевался далматинский флаг, стояли двое рабочих с верфи, а двое других поместились на носу, собираясь бросить якорь.

Как истари ведется, трабаколо должны были спустить на воду кормою вперед. Киль судна покоился на натертых мылом спусковых салазках, которые удерживались при помощи клина, и достаточно было выбить этот клин, чтобы судно начало скользить по наклонной плоскости. Набирая скорость под действием тяжести, оно уже само собою погрузилось бы в родную ему стихию.

Человек шесть плотников колотили железными молотами по клиньям, вбитым под носовой частью киля судна, чтобы несколько приподнять и раскатать его и таким образом облегчить ему начало скольжения.

Все присутствующие молча, с напряженным волнением следили за этой операцией.

В это время из-за мыса, прикрывающего с юга порт Гравозу, показалась спортивная яхта. То была шкуна водоизмещением тонн в триста пятьдесят. Лавируя, она огибала мол верфи, направляясь в гавань. Дул сильный норд-вест, и яхта, идя круто к ветру левым галсом, направилась к месту своей стоянки. Минут через десять яхта должна была отдать якорь, а сейчас она быстро

увеличивалась, словно на нее смотрели в зрительную трубу, которая все время раздвигалась.

Но чтобы попасть в гавань, шкуне предстояло миновать верфь, где уже начался спуск трабаколо. Поэтому, едва с берега завидели яхту, решено было во избежание аварии приостановить спуск трабаколо и продолжить работу после того, как яхта минует верфь. Столкновение этих двух судов, одно из которых с большой скоростью шло наперерез другому, угрожало катастрофой для яхты.

Итак, рабочие перестали бить по клиньям под носовой частью судна, а тому из них, который должен был выбить клин, было приказано подождать. Речь шла всего лишь о нескольких минутах.

Тем временем яхта быстро приближалась. Уже видно было, как на ней готовятся бросить якорь. Два топселя были уже убраны, грот-гика-шкоты выбраны в тугую, в это же время фок взят на гитовы. На яхте оставались только стакель и второй кливер, но благодаря инерции она все же шла с большой скоростью.

Все взоры обратились к этому изящному судну, белые паруса которого были позлащены лучами заходящего солнца. Матросы, одетые по-восточному, в красных фесках, бегали на палубе, убирая паруса, а капитан, стоя на корме возле рулевого, спокойным голосом отдавал приказания.

Вскоре яхта, которой оставалось только обогнуть мол, чтобы войти в гавань, оказалась на траверзе верфи.

Вдруг на верфи раздался крик ужаса. Трабаколо сдвинулось с места. По какой-то причине клин внезапно подался, и в тот самый миг, когда яхта повернулась правым бортом к эллингу, трабаколо начало медленно сползать на воду.

Суда неминуемо должны были столкнуться. Не было ни времени, ни средств предотвратить катастрофу. Возможность какого-либо маневрирования исключалась. К воплям толпы примешались крики ужаса, доносившиеся с яхты.

Капитан, не теряя присутствия духа, приказал быстро положить руль под ветер, но яхта не успела ни

изменить курса, ни пересечь канал достаточно быстро, чтобы избежать столкновения.

Действительно, трабаколо уже скользило по спусковой дорожке. Из-под носа его поднимался пар, вызванный трением, а корма уже окунулась в воду.

Вдруг из толпы зрителей выскакивает какой-то человек. Он хватается трос, висящий на носу трабаколо. Но тщетно старается он, упираясь в землю ногами, удержать трос в руках. Его не страшит мысль, что трабаколо может увлечь его за собою. Поблизости врыта в землю швартовая пушка. В мгновение ока неизвестный набрасывает на нее трос, который начинает медленно разматываться, а храбрец, рискуя попасть под него и быть раздавленным, сдерживает его со сверхчеловеческой силой. Это длится секунд десять.

Наконец трос лопнул. Но этих десяти секунд оказалось достаточно. Трабаколо погрузилось в воды залива, закачалось, как при килевой качке, и, устремясь на канал, прошло за кормой яхты на расстоянии не более фута и, наконец, было остановлено брошенным якорем.

Яхта была спасена.

А неизвестный, которому никто не успел помочь, — до того неожиданным оказался его поступок, — был не кто иной, как Матифу.

— Молодчина! Вот молодчина! — воскликнул Пескад, бросившись к товарищу; а тот схватил его на руки — на этот раз не для того, чтобы им жонглировать, а чтобы поцеловать, как он всегда целовал: до того крепко, что у человека перехватывало дыхание.

Тут со всех сторон раздались рукоплескания. Толпа обступила силача, а он держался скромно, как мифологический герой, совершивший двенадцать подвигов, и понять не мог, чем это так восторгаются люди.

Пять минут спустя яхта бросила якорь в середине гавани, и изящная шестивесельная шлюпка доставила ее владельца на набережную.

То был человек высокого роста, лет пятидесяти, с почти белыми волосами, с седеющей бородой, подстриженной на восточный лад. Лицо его, отличавшееся правильностью черт, слегка загорелое и все еще прекрас-

ное, освещали большие, пронизательные, на редкость живые глаза. С первого же взгляда на этого человека поражало то благородство, даже величие, которым веяло от всего его облика. Морской костюм — темносиние брюки, такой же китель с металлическими пуговицами, черный пояс, перехватывавший талию, легкая коричневая полотняная шляпа — все это было ему к лицу, и подо всем этим угадывалось могучее и безупречное телосложение, еще не тронутое временем. По всему видно было, что это человек энергичный и могущественный.

Сойдя на берег, он сразу же направился к акробатам, которых окружала и приветствовала шумная толпа. Люди расступились, давая приезжему дорогу.

Подойдя к Матифу, он не стал сразу же вынимать из кармана кошелек, чтобы наградить силача щедрым подаванием. Нет! Он протянул великану руку и сказал по-итальянски:

— Благодарю вас, друг мой, за то, что вы сейчас сделали.

Матифу страшно смутился от неожиданной чести. Право, стоит ли говорить о таких пустяках!

— Нет, молодчина ты! Молодчина! — снова воскликнул Пескад, и в этом восторженном возгласе явно прозвучал его провансальский акцент.

— Вы француз? — осведомился иностранец.

— Самый что ни на есть француз, — не без гордости ответил Пескад. — Из Южной Франции.

Иностранец посмотрел на них с искренней симпатией и заметным волнением. Нищета их была так очевидна, что сомневаться в ней не приходилось. Перед ним действительно стояли два бедных циркача, из коих один, рискуя собственной жизнью, оказал ему великую услугу: ведь столкновение трабаколо с яхтой могло повлечь за собою многочисленные жертвы.

— Прошу навестить меня на борту яхты, — сказал им незнакомец.

— А когда прикажете явиться, ваша светлость? — спросил Пескад с самым любезным поклоном, на какой он только был способен.

— Завтра утром, в первом часу.

— В первом часу, — повторил Пескад, в то время как Матифу в знак согласия лишь молча покачал своей огромной головой.

А толпа попрежнему окружала героя дня. Его несомненно приняли бы качать, если бы вес его не устрашал даже самых решительных и крепких. Что касается Пескада, который всегда был себе на уме, то он решил не упускать счастливого случая и воспользоваться расположением окружающих. Поэтому, когда иностранец, еще раз дружески поблагодарив силача, направился к набережной, Пескад весело и зазывно закричал:

— Господа! Сейчас начнется схватка между Матифу и Пескадом! Входите, милостивые государи, входите! Платить только при выходе... А по желанию можно и при входе.

На этот раз призыв его возымел действие, и за папьем последовало такое множество зрителей, какого он никогда и не видывал.

Представьте себе, — даже мест не хватило. Многим пришлось отказать! Пришлось возвращать деньги!

Между тем иностранец, пройдя несколько шагов по направлению к набережной, повстречался с девушкой, которая вместе с отцом присутствовала при спуске трабаколо.

Неподалеку шел и юноша, бросившийся за нею вслед. На его поклон отец девушки ответил свысока, и это не ускользнуло от внимания иностранца.

Самому же иностранцу при виде этого господина еле удалось сдержать охватившее его чувство отвращения; его слегка передернуло, а в глазах блеснула ненависть.

Но вот отец девушки подошел к незнакомцу и весьма любезно осведомился:

— Я вижу, что вы, сударь, благодаря мужеству этого акробата избежали большой опасности?

— Да, сударь, — ответил чужестранец, и голос его дрогнул от непреодолимого волнения.

Потом он спросил у собеседника:

— Позвольте узнать, сударь, с кем я имею честь говорить?

— С Силасом Торонталем из Рагузы, — ответил

бывший триестский банкир. — Позвольте и мне узнать, кто является владельцем этой прекрасной яхты?

— Доктор Антекирт, — ответил иностранец.

Они обменялись поклоном и расстались, в то время как издали доносились восторженные крики и рукоплескания, гремевшие на арене французского цирка.

В этот вечер не только Матифу поел досыта, другими словами за четверых, но еды хватило и еще на одного человека. А такой порции было вполне достаточно для его славного товарища, маленького Пескада.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Доктор Антекирт

Есть люди, задающие немало хлопот Славе, этому тысячеустому глашатаю, которому приходится возвещать о них трубным гласом всем народам мира.

Таков был знаменитый доктор Антекирт, только что прибывший в порт Гравозу. Вдобавок его прибытие ознаменовалось происшествием, которое и само по себе привлекло бы внимание даже к самому заурядному путешественнику. А доктора Антекирта никак нельзя было назвать человеком заурядным.

Действительно, уже несколько лет вокруг доктора Антекирта создалась своего рода легенда во всех легендарных странах Востока. По всей Азии от Дарданелл до Суэцкого канала, по всей Африке от Суэца до крайних пределов Туниса, по всему населенному арабами побережью и на берегах Красного моря беспрестанно повторяли его имя, как имя человека, стяжавшего славу в области естественных наук, как имя некоего гностика, посвященного в сокровенные тайны вселенной. В библейские времена его называли бы пророком. В долине Евфрата его почитали бы как потомка древних магов.

Преувеличивала ли молва способности и познания этого человека? Да, преувеличивала, когда делала из него чернокнижника, приписывая ему сверхъестествен-

ную власть. В действительности доктор Антекирт был простым смертным — человеком очень образованным, справедливым, проницательным, изумительно прозорливым, обладающим ясным и глубоким умом; к тому же обстоятельства на редкость благоприятствовали ему. Например, в одной из центральных областей Малой Азии ему удалось спасти целое племя от страшной, повальной болезни, против которой он нашел нужное лекарство. Вот чем объяснялась его беспримерная слава.

Вдобавок доктора окружала атмосфера тайны. Откуда он родом? Этого никто не знал. Каково его прошлое? Это также никому не было известно. Где, в каких условиях он жил — на этот вопрос никто не мог бы ответить. Утверждали только, что население Малой Азии и Восточной Африки боготворит доктора Антекирта, что его считают из ряда вон выдающимся врачом, что в европейских научных центрах уже стало известно о его чудесном врачевании, что он с одинаковой готовностью лечит и бедняков, и богачей, и восточных правителей. Но в западных странах его никогда не видели, а последние годы даже не знали, где он живет. Вот почему его появление в том или ином месте склонны были связывать с очередным таинственным перевоплощением, вроде тех, о каких говорят индусы, и почитали его существом сверхъестественным, исцеляющим сверхъестественными средствами.

Доктор Антекирт до сих пор еще не обнаруживал своего искусства в крупнейших странах Европы, и все же молва о нем опередила его появление. Хотя он прибыл в Рагузу как простой путешественник, как богатый турист, который плавает на собственной яхте и знакомится с различными уголками Средиземного моря, — имя его сразу же стало переходить из уст в уста, и в ожидании доктора все взоры были прикованы к его яхте. Впрочем, подвига Матифу, предотвратившего катастрофу, было бы вполне достаточно, чтобы привлечь к чужестранцу всеобщее внимание.

И в самом деле, яхта делала бы честь самому богатому, самому тщеславному спортсмену Америки, Англии и Франции. Две стройных мачты, расположенные

ближе к центру корабля, что давало большой размах латинскому фоку, а также и гроту, длинный бугшприт с двумя кливерами, расположение прямых парусов на фок-мачте, изящество флажштоков — все это парусное вооружение сообщало яхте необыкновенную скорость в любую погоду. Водоизмещение яхты равнялось тремстам пятидесяти тоннам. Она была длинная и изящная, подвижная и быстроходная, при этом довольно широкая, с достаточно глубокой осадкой для обеспечения отличной остойчивости — настоящее морское судно, отлично повиновавшееся рулю. При полном бакштаге, при хорошем бризе яхта делала тринадцать с половиной узлов в час. Никакие британские «Боадии», «Гаетаны» и «Мордоны» не могли бы соперничать с ней в международных соревнованиях.

Даже самому требовательному яхтсмену не удалось бы обнаружить в яхте никаких недостатков, — так красив был ее облик и так тщательно она была оборудована. Белизна палубы, доски которой были из канадской ели, без единого сучка, тонкая полировка с внутренней стороны фальшборта, входные рубки и световые люки из тикового дерева, медные части, сверкающие, как золото, отделка штурвала, расположение роостр, накрытых ослепительно белыми чехлами, полировка блоков с металлической гальванизированной оковкой, фалы и шкоты для подъема и управления парусами, лакированные шлюпки, изящно подвешенные на шлюпбалках, весь корпус, черный и блестящий, с украшением из деревянной золоченой рейки, протянувшейся от носа до кормы, скромный орнамент на корме — все было сделано на этом судне с отменным вкусом и изяществом.

Нам важно знать как внешний вид, так и устройство яхты, ибо она почти все время служила жилищем таинственного человека, который станет героем настоящей истории. Между тем посещать яхту посторонним было запрещено. Но всякий сочинитель наделен как бы вторым зрением, и это позволяет ему описывать даже то, чего ему не дано видеть.

Во внутренних помещениях яхты комфорт соперничал с роскошью. Каюты, салоны и кают-компания

были тщательно выкрашены и богато отделаны. Ковры, обивка, мебель, — словом, вся обстановка отвечала требованиям, какие предъявляются к судну, предназначеному для приятного отдыха. Каждая мелочь была обдумана, образцовый порядок царил не только в каютах капитана и офицеров, но и в буфете, где особые приспособления предохраняли серебряную и фарфоровую посуду от толчков, связанных с килевой и носовой качкой, и на кухне, которая содержалась с поистине голландской опрятностью, и в просторном кубрике, где покачивались койки матросов. Экипаж, состоявший из двенадцати человек, был одет в нарядную форму мальтийских моряков: шаровары, морские сапоги, полосатая рубашка, коричневый пояс, красная феска и фуфайка, на которой выделялись белые инициалы названия яхты и имени ее владельца.

Но к какому порту была приписана яхта? В каком морском реестре она числилась? В какой средиземноморской гавани была ее зимняя стоянка? Наконец, какова была ее национальность? Этого никто не ведал, как не известна была и национальность доктора. На гафеле ее развевался зеленый флаг с красным крестом в верхнем углу. Но тщетно стали бы искать такой флаг в справочниках и перечнях флагов, какие можно встретить на всех морях и океанах земного шара.

Прежде чем доктор Антекирт сошел на берег, документы яхты были представлены портовому чиновнику и, как видно, оказались в полном порядке, ибо после санитарного осмотра судна пассажирам и экипажу была предоставлена полная свобода действий.

Название яхты было обозначено на корме маленькими золотыми буквами: «Саварена», без указания порта приписки.

Таково было великолепное спортивное судно, которым всякий мог любоваться на рейде Гравозы. Пескад и Матифу, которых на другой день должен был принять на борту своей яхты доктор Антекирт, в этот вечер, закончив представление, отправились в гавань. Как и местные моряки, они рассматривали яхту с большим интересом, но у них к любопытству примешивалось известное волнение. Эти простодушные уро-

женцы прованского побережья любили море и не равнодушны были к кораблям, особенно Пескад, который любовался яхтой как истинный знаток.

— Да-а! — мычал Матифу.

— Ого! — вторил ему Пескад.

— Ну что, Пескад?

— Что и говорить, Матифу!

Эти восклицания выражали неподдельный восторг.

К тому времени все работы, связанные с постановкой на якорь, были на «Саварене» уже закончены, паруса убраны и закреплены, такелаж тщательно обтянут, над кормовой палубой натянут тент. Яхта заняла место в глубине гавани, что означало, что она простоит здесь более или менее продолжительное время.

Вечером доктор Антекирт ограничился прогулкой в окрестностях Гравозы. В то время как Силас Торонталь с дочерью возвращались в Рагузу в своем экипаже, поджидавшем их на набережной, а молодой человек, о котором шла речь, брел пешком по длинной аллее, покинув ярмарку, находившуюся в полном разгаре, — доктор Антекирт осматривал порт. Это один из лучших портов побережья, и в тот вечер там находилось немало судов разных национальностей. Затем доктор направился за город и пошел по берегу бухты Омбра-Фиумера, простирающейся на двенадцать лье в глубь материка до устья небольшой речки — Омбры, русло которой все же настолько глубоко, что корабли, даже имеющие большую осадку, могут следовать по ней до подножья Властицких гор. Часам к девяти доктор вернулся на пристань и наблюдал, как в гавань входил большой пароход компании Ллойда, прибывший из Индии, затем доктор вернулся на яхту, спустился в свою каюту, освещенную двумя лампами, и уже не выходил из нее до следующего дня.

Таково было обыкновение доктора, и капитану «Саварены», моряку лет сорока, по имени Нарсос, было приказано не беспокоить хозяина по вечерам и не нарушать его одиночества.

Надо сказать, что не только широкая публика, но и служащие Антекирта и его матросы ничего не знали о прошлом этого человека. Тем не менее они были пре-

даны ему душою и телом. Доктор Антекирт не допускал ни малейшего нарушения дисциплины, но был ко всем добр, не жалел денег и отечески опекал свой экипаж. Поэтому не было матроса, который не мечтал бы состоять в экипаже «Саварены». И доктору никогда не приходилось делать выговора, налагать взыскания и увольнять кого-либо из матросов. Экипаж яхты представлял собою как бы одну семью.

По возвращении доктора были сделаны все приготовления к ночи. На корме и на носу были зажжены фонари, вахтенные встали на свои посты, и на борту яхты воцарилась глубокая тишина.

Доктор Антекирт уселся на широкий диван, стоявший в углу его каюты; на столике лежало несколько газет, купленных лакеем в Гравозе. Доктор рассеянно пробежал их, останавливаясь не столько на серьезных статьях, сколько на происшествиях, прочел сообщения о кораблях, прибывших в порт и ушедших в море, а также о значительных лицах, отправившихся в путешествие или прибывших на свои дачи в окрестности Рагузы. Потом он отложил газеты. Им овладела дремота. Часов в одиннадцать доктор лег в постель, даже не вызвав камердинера. Но он долго не мог заснуть.

И если бы можно было прочесть мысль, особенно занимавшую доктора, то, как это ни странно, ее пришлось бы передать такими словами:

«Кто же тот юноша, который поклонился Силасу Торонталю на набережной?»

На следующее утро, часов в восемь, доктор Антекирт вышел на палубу. Все обещало восхитительную погоду. Солнце позлатило вершины гор, обрамляющих бухту. Тень постепенно покидала порт, скользя по водной глади. Вскоре вся «Саварена» была залита солнцем.

Капитан Нарсос подошел к доктору, чтобы получить очередные распоряжения; доктор поздоровался с ним и дал ему краткие указания.

Немного погодя от яхты отошла шлюпка с четырьмя матросами и старшиной; она направилась к набережной, где ее должны были ждать, как было условлено, Пескад и Матифу.

Великий день, великое событие в бродячей жизни этих двух славных малых, заброшенных судьбою далеко от родины, на несколько сот лье от Прованса, который им так хотелось бы увидеть вновь!

Они уже стояли на набережной. Сбросив наряд, добавляющий их ремеслу, они переоделись в сильно поношенное, но опрятное платье и теперь смотрели на яхту и, как накануне, восхищались ею. Настроение у них было прекрасное. Они не только поужинали накануне, но и позавтракали утром. Умопомрачительная роскошь! Она объяснялась небывалым сбором: они заработали сорок два флорина! Но не думайте, пожалуйста, что они все это уже растратили. Нет! Пескад был человек осторожный, аккуратный, предусмотрительный, и приятели были обеспечены по крайней мере дней на десять.

— А ведь такой удачей мы обязаны тебе, Матифу!

— Брось, Пескад.

— Тебе, тебе, великий ты человек!

— Ну, пускай мне... раз тебе так хочется, — согласился Матифу.

В это время шлюпка «Саварены» причалила к набережной. Старшина сошел на берег и, подойдя с феской в руке к нашим приятелям, вежливо доложил им, что «он к услугам господ».

— Господ? — удивился Пескад. — Каких это господ?

— К вашим услугам, — отвечал старшина, — к услугам господ, которых доктор Антекирт ждет на борту яхты.

— Вот как! Значит, мы уже господами стали, — заметил Пескад.

Матифу вытаращил глаза и растерянно мямл в руках шляпу.

— Когда вам будет угодно, господа? — спросил старшина.

— Да нам угодно... вот сейчас угодно! — ответил с галантным жестом Пескад.

Минуту спустя приятели сидели в шлюпке, на скамье, покрытой черным ковром с красной каймой, а старшина стоял позади них.

Как и следовало ожидать, от тяжести Геркулеса лодка погрузилась на четыре-пять дюймов ниже своей обычной ватерлинии. Пришлось даже подобрать уголки ковра, чтобы они не намокли.

Раздался свисток, четыре весла одновременно опустились в воду, и шлюпка понеслась к «Саварене».

Нечего скрывать, наши бедные малые были несколько взволнованы и даже смущены. Такой почет — и кому? — комедиантам! Матифу не смел шевельнуться. А Пескад, как ни конфузился, не мог сдержать добродушной улыбки, осветившей его тонкое и умное лицо.

Шлюпка обошла яхту с кормы и пристала к правому, почетному борту.

По трапу, который под тяжестью Матифу заметно прогнулся, друзья поднялись на палубу, и их тотчас же провели к доктору Антекирту, поджидавшему их на корме.

Он дружески поздоровался с ними, но они согласились сесть лишь после долгих церемоний и уговоров.

Доктор некоторое время смотрел на них молча. Его внешность, холодная и величественная, производила на акробатов сильное впечатление. Однако можно было с уверенностью сказать, что если на лице доктора не видно было улыбки, то в глубине души он улыбался.

— Друзья мои, — сказал он, — вчера вы спасли экипаж моей яхты и меня самого от большой беды. Мне хотелось еще раз поблагодарить вас, поэтому я и пригласил вас к себе на яхту.

— Господин доктор, вы очень добры, а дело-то пустячное, — ответил Пескад, понемножку набравшийся храбрости. — Мой товарищ сделал то, что на его месте сделал бы и всякий другой, будь он такой же силач. Правда ведь, Матифу?

Тот в знак согласия кивнул головой.

— Допустим, — сказал доктор. — Но как-никак сделал это не кто иной, как ваш товарищ. Он рисковал жизнью, и я у него в долгу.

— Что вы, господин доктор, — возразил Пескад, — от ваших слов мой приятель, пожалуй, покраснеет, а

он такой полнокровный, что кровь может ему в голову броситься...

— Хорошо, друзья мои; видно, вы не охотники до комплиментов, — продолжал доктор Антекирт. — Поэтому я воздержусь от похвал. Однако всякая услуга должна быть...

— Господин доктор, простите, что перебиваю вас, — вставил Пескад, — но всякий благородный поступок уже в самом себе заключает награду, как говорится в книгах по вопросам морали. Поэтому мы уже вполне вознаграждены.

— Уже? Каким же это образом? — спросил доктор; он подумал, что кто-то его опередил.

— Очень просто, — ответил Пескад. — Когда люди убедились в необыкновенной силе нашего Геркулеса, всем захотелось полюбоваться им на подмостках. Вот публика и ринулась толпой в наш провансальский балаган. Матифу положил на лопатки с полдюжины здоровенных горцев и дюжих грузчиков из здешнего порта, и мы выручили огромную сумму!

— Огромную?

— Да. Небывалую в наших странствиях.

— А именно?

— Сорок два флорина.

— Да-а! Скажите на милость! А я и не подозревал этого, — добродушно отвечал доктор. — Если бы я знал, что вы даете представление, я счел бы приятным долгом присутствовать на нем! Позвольте же мне уплатить за билет.

— Вечером, господин доктор, вечером, если вам угодно почтить своим присутствием наши сеансы борьбы, — ответил Пескад.

Матифу вежливо поклонился, играя могучими плечами, которые «еще ни разу не приложились к земле», как объявлял с подмостков Пескад.

Доктор Антекирт понял, что акробаты ни за что не примут от него награды, во всяком случае в виде денег. Поэтому он решил изменить тактику. Впрочем, этот план возник у него еще накануне. Еще вечером он навел кое-какие справки и убедился, что эти акро-

баты — люди порядочные, вполне достойные доверия.

— Как вас зовут? — спросил он.

— Пескад, господин доктор. Другого имени не припомню.

— А вас?

— Матифу, — отвечал Геркулес.

— Точнее — силач Матифу, — поправил его Пескад, не без гордости произнеся имя, прославленное во всех балаганах Южной Франции.

— Но ведь это прозвища... — заметил доктор.

— А других имен у нас нет, — отвечал Пескад, — может быть, они и были, но карманы у нас дырявые, вот мы их и посеяли...

— А... ваши родители...

— Родители, господин доктор? Такая роскошь нам не по средствам. Но если мы со временем разбогатеет — наследники небось найдутся.

— Вы французы? Из каких мест?

— Мы из Прованса, — гордо отвечал Пескад, — следовательно, мы вдвойне французы.

— А жизнерадостности у вас, Пескад, хоть отбавляй!

— В нашем ремесле иначе нельзя. Представьте себе, господин доктор, паяца, фигляра, балаганного шута с мрачным характером. Ведь его в один вечер закидают такой уймой яблок, что их за всю жизнь не съесть! Да, ничего не скажешь, — я человек веселый, даже очень веселый!

— А Матифу?

— Матифу будет посерьезнее, глубокомысленнее, сдержаннее! — ответил Пескад, награждая товарища дружеским шлепком, как хлопают по шее лошадь, когда хотят ее приласкать. — Это опять-таки связано с ремеслом. Когда жонглируешь гирями килограммов в пятьдесят, поневоле будешь серьезным. Когда борешься — работаешь не только руками, но и головой! А Матифу с детских лет только и знает, что со всеми бороться... даже с нуждой. И она его еще не одолела!

Доктор Антекирт с любопытством слушал этого маленького человечка, которому выпала такая тяже-

лая судьба, хоть он и не жаловался на нее. Доктор чувствовал, что это умное и благородное существо, и думал о том, что могло бы из него получиться, если бы нищета не надломилась на него в самом начале жизни.

— А куда вы теперь направитесь? — спросил он.

— Куда глаза глядят, наудачу, — ответил Пескад. — Случай — не всегда плохой вожатый; можно даже сказать, что дороги он знает хорошо. Боюсь только, не завел ли он нас теперь уж слишком далеко от родины. Впрочем, мы сами виноваты. Надо было у него спрашивать, куда он держит путь.

Доктор Антекирт внимательно присматривался к приятелям. Помолчав, он спросил:

— Чем же я могу быть вам полезен?

— Да ничем, господин доктор; уверяю вас — ничем...

— Может быть, вам хочется поскорее вернуться в родной Прованс?

У акробатов сразу же загорелись глаза.

— Я мог бы отвезти вас туда, — продолжал доктор.

— Вот это здорово! — воскликнул Пескад.

Потом он обратился к товарищу:

— Хочется тебе в Прованс, Матифу?

— Еще бы... но, ясное дело, вместе с тобой.

— А что мы там будем делать? Чем будем жить?

Матифу почесал затылок, — это он делал во всех затруднительных случаях.

— Мы будем... будем... — замялся он.

— Вот и не знаешь... и я тоже не знаю. Да что ж, ведь это родина! Ну разве не чудно, господин доктор, что у таких голодранцев, как мы, есть родина, что бедняки, не имеющие даже родителей, все-таки где-то родились? Это мне всегда казалось прямо-таки необъяснимым.

— А не согласитесь ли вы оба остаться со мной? — спросил доктор Антекирт.

От такого неожиданного предложения Пескад вскочил с места, а Геркулес смотрел на него, недоумевая, следует ли и ему встать.

— Остаться с вами, господин доктор? — ответил,

наконец, Пескад. — Но какой вам от нас толк? Ведь мы всю жизнь только и делаем, что жонглируем да показываем свою силу. Если только вам угодно, чтобы мы вас развлекали во время путешествия или у вас на родине...

— Послушайте, — сказал доктор. — Мне нужны смелые, преданные, ловкие и смысленные люди, которые помогли бы мне осуществить кое-какие мои замыслы. Ведь вас здесь ничто не удерживает и на родине никто по вас не скучает. Хотите помочь мне?

— А когда вы осуществите свои замыслы — тогда что? — спросил Пескад.

— Вы так и останетесь у меня, если вам понравится, — ответил доктор, улынувшись. — Останетесь на яхте. Можете давать матросам уроки вольтижировки. Если же вам вздумается вернуться на родину — вы получите возможность уехать туда, тем более что вы уже будете обеспечены на всю жизнь.

— Господин доктор! — воскликнул Пескад. — Но ведь не хотите же вы, чтобы мы бездельничали. Признаться, это нам не по нутру!

— Я обещаю предоставить вам работу, которая вполне удовлетворит вас.

— Что и говорить, предложение очень даже заманчивое, — сказал Пескад.

— Какие же у вас возражения?

— Да, пожалуй, только одно. Вот нас двое — Матифу и я. Мы земляки, и, будь у нас семьи, мы, вероятно, были бы родственники. Мы — как братья. Матифу не может жить без Пескада, Пескад — без Матифу. Все равно как сиамские близнецы! Тех нельзя было разъединить, потому что это стоило бы им жизни. Так вот — мы такие же сиамские близнецы. Господин доктор, мы любим друг друга!

И Пескад протянул Матифу руку, а тот прижал приятеля к своей груди, как ребенка.

— Дети мои, никто не собирается вас разлучать, — отвечал доктор Антекирт, — вы ни при каких условиях не должны расставаться.

— В таком случае дело пойдет, господин доктор. Если только...

— Что «если»?

— Если Матифу согласен.

— Соглашайся, Пескад,— ответил Геркулес,— это будет значить, что ты даешь согласие за нас двоих.

— Итак, по рукам, — сказал доктор. — Вы об этом не пожалеете. Начиная с сегодняшнего дня можете уже ни о чем не заботиться.

— Смотрите, не просчитайтесь, господин доктор! — воскликнул Пескад. — Вы и не подозреваете, как много берете на себя!

— А что?

— Ведь мы вам обойдемся недешево, особенно Матифу. У моего друга аппетит аховый, а ведь вы не захотите, чтобы он у вас исхудал!

— Наоборот, пусть еще наберется сил!

— В таком случае он вас пустит по миру!

— Меня, Пескад, не так-то легко разорить.

— Но ведь кормить два... три раза в день...

— Пять, шесть, десять, если будет аппетит! — улыбнулся доктор. — Для него всегда будет накрыт стол!

— Смотри-ка, дружище! — радостно воскликнул Пескад. — Ты сможешь наесться досыта!

— И вы тоже, Пескад.

— Я — что! Я — птичка! Но позвольте узнать, доктор, будем мы плавать по морям?

— Очень часто, друг мой. У меня сейчас намечаются дела во всем бассейне Средиземного моря. Клиентура моя рассеяна по всему побережью. Моя врачебная практика принимает международный размах. Если, скажем, больной вызовет меня в Танжер или на Балеарские острова, когда я буду находиться в Суэце, я все равно отправлюсь к нему. То, что врач делает в большом городе, переезжая из квартала в квартал, я буду делать на пространстве от Гибралтара до Архипелага, от Адриатики до Лионского залива, от Ионического моря до бухты залива Габес. Я располагаю судами, гораздо более быстроходными, чем эта яхта, и в большинстве случаев вы будете сопровождать меня.

— Дело подходящее, господин доктор! — ответил Пескад, потирая руки.

— Вы не боитесь моря?

— Мы-то? Мы, сыны Прованса? Боимся моря? — воскликнул Пескад. — Да мы еще мальчишками не вылезали из лодок. Нет, мы не боимся моря, и нам не страшна морская болезнь. Мы привыкли ходить на голове вверх тормашками. Если бы господа и дамы, что отправляются в плаванье, месяца два поупражнялись вроде нас, им не пришлось бы тыкаться носом в тазик. «Входите, почтеннейшие, входите! Не отставайте, берите пример с других!»

И Пескад начал сыпать шуточками, словно находился на подмостках у входа в балаган.

— Отлично, Пескад! — ответил доктор. — Я вижу, мы с вами прекрасно уживемся. Прошу вас об одном: не теряйте своей жизнерадостности. Смейтесь, друг мой, смейтесь и пойте сколько душе угодно. Быть может, нас ожидают большие огорчения, и очень хорошо, если вы будете веселить нас в пути!

Лицо доктора омрачилось. Пескаду, внимательно наблюдавшему за ним, подумалось, что в прошлом доктор Антекирт, вероятно, пережил сильные потрясения, о которых они, быть может, со временем узнают. И акробат сказал:

— Господин доктор, с нынешнего дня мы ваши телом и душой.

— И сегодня же, — отвечал доктор, — вы можете перебраться на судно и обосноваться у себя в каюте. Я думаю еще несколько дней пробыть в Гравозе и Рагузе; и хорошо, если вы сразу же начнете привыкать к жизни на борту «Саварены».

— В ожидании дня, когда вы отвезете нас к себе на родину, — добавил Пескад.

— У меня нет родины, — ответил доктор, — или, вернее, родину я создал себе сам; если захотите, она станет и вашей отчизной.

— Пойдем, Матифу, — воскликнул Пескад. — Пойдем скорее, — нам надо закрыть свою лавочку. Будь покоен, — долгов у нас нет, и мы не обанкротимся.

С этими словами друзья простились с доктором, сели в поджидавшую их шлюпку и вернулись в Гравозу.

Здесь за каких-нибудь два часа они составили

опись инвентаря и продали некоему товарищу по ремеслу свой балаган, размалеванные холсты, бубны и турецкий барабан, — словом, все свое имущество. Это было делом недолгим и несложным, а несколько флоринов, вырученных ими от продажи, не слишком обременили их.

Однако Пескад не захотел расстаться со своим акробатским трико и корнет-а-пистоном, а Матифу — с тромбоном и нарядом борца. Им жалко было лишиться этих тряпок и инструментов, напоминавших о былых успехах и триумфах. И друзья сунули их на дно сундучка, где был спрятан их убогий скарб и одежда.

К часу дня Пескад и Матифу уже вернулись на борт «Саварены». Им отведена была просторная комфортабельная каюта, «где все располагало к научным занятиям», — как шутил Пескад.

Экипаж оказал новым товарищам весьма радушный прием: ведь благодаря им удалось избежать страшной катастрофы!

Сразу же по водворении на яхте Пескад и Матифу убедились, что кормят здесь куда лучше, чем в деревенских трактирах.

— Вот видишь, Матифу, — твердил Пескад, попивая доброе вино, — если прилично себя вести — можно всего на свете добиться. Главное — вести себя прилично!

Матифу в ответ только кивнул головой, ибо рот у него был набит до отказа жареной ветчиной. В один миг он уничтожил огромный ломоть ветчины да два печеных яйца в придачу.

— Если только показывать, как ты ешь, Матифу, — заметил Пескад, — и то можно бы громадные деньги загребать.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Вдова Иштвана Батори

Появление доктора Антекирта вызвало большой шум не только в Рагузе, но и во всей Далмации. Газеты возвестили о прибытии яхты в гравозский порт,

репортеры так и кинулись на добычу, сулившую им захватывающие фельетоны. Владелец «Саварены» не мог уклониться от почестей и избежать неприятностей, сопряженных со славой. Он стал героем дня. Им завладела молва. Никто не знал, кто он такой, откуда прибыл, куда направляется. И это разжигало всеобщее любопытство. Ведь когда ничего не знаешь, остается простор для догадок и фантазия разыгрывается вовсю. Всякий делает вид, будто знает больше других.

Желая угодить читателям, репортеры устремились в Гравозу, а некоторые даже проникли на борт яхты. Однако им не удалось повидать того, чье имя было у всех на устах. Доктор никого не принимал. На все расспросы посетителей капитан Нарсос отвечал одно и то же.

— Откуда прибыл доктор?

— Это его дело.

— А куда направляется?

— Куда ему заблагорассудится.

— Но кто же он такой?

— Никому не известно, а может быть, он и сам этого не знает.

Что же можно рассказать читателям на основе столь скудных данных? Итак, воображению предоставлялась полнейшая свобода. Доктора Антекирта превращали кто во что горазд. Рыскавшие по его следам репортеры делали из него все, что им приходило в голову. Одни утверждали, будто он главарь пиратов. Другие — что он король большого африканского государства и отправился в путешествие инкогнито, чтобы расширить свой кругозор. Третьи — что он политический изгнанник. Четвертые — что он был свергнут с престола восставшим народом и теперь странствует как философ и любознательный человек. Каждый выбирал версию себе по вкусу. Что же касается его докторского звания, то люди разделились на два лагеря: одни допускали, что у него это звание действительно имеется, и уверяли, что он великий врач, излечивший множество больных, признанных безнадежными; в другом лагере утверждали, что он — король шарлата-

нов и, если у него потребуют, не сможет предъявить никакого диплома или аттестата.

Как бы то ни было, гравозским врачам не пришлось жаловаться, что он незаконно практикует в их городе: доктор Антекирт держался крайне замкнуто, и когда кто-нибудь обращался к нему за советом, он тут же уклонялся от этой чести.

К тому же владелец «Саварены» не поселился на берегу. Он даже не снял комнаты в гостинице. Первые два дня он никуда не ездил дальше Рагузы. Он ограничивался небольшими прогулками в окрестностях Гравозы и два-три раза брал с собой Пескада, природный ум которого уже успел оценить.

В Рагузе он почти не бывал, зато в один прекрасный день послал туда Пескада. Этому славному малому было, повидимому, дано какое-то поручение, может быть, требовалось навести ту или иную справку.

— Итак, он живет на Страдоне? — спросил доктор Пескада, когда тот вернулся на яхту.

— Да, господин доктор, иначе говоря, на самой лучшей улице. У него собственный особняк неподалеку от площади, где показывают иностранцам дворец древних дождей, — роскошный особняк со множеством челяди, с выездами. Он живет как миллионер.

— А другая?

— Другая? Вернее сказать: другие, — ответил Пескад. — Они живут, правда, в том же самом квартале, но их дом сразу не найдешь, — там множество узких, извилистых переулочков, которые круто поднимаются в гору, точь-в-точь как лестницы, и домишки там совсем жалкие. Их домик — невзрачный на вид, маленький, хотя внутри там, как видно, полный порядок. Сразу чувствуется, господин доктор, что в нем живут люди бедные, но гордые.

— А сама хозяйка?

— Я ее не видал, и мне сказали, что она почти не выходит из своего домика.

— А ее сын?

— Его я мельком видел, господин доктор, — в тот момент, когда он пришел к матери.

— Какое же он на тебя произвел впечатление?

— Он мне показался очень серьезным, даже чем-то озабоченным. Молодой человек, должно быть, много выстрадал... Это сразу видно.

— Но ведь и ты, Пескад, много выстрадал, а это совсем даже незаметно.

— Страдания телесные не то, что душевные, господин доктор. Поэтому-то мне всегда удавалось скрывать их, и я даже подтрунивал над ними.

Доктор уже говорил Пескаду «ты», об этом клоун просил его как о знаке благоволения. Вскоре этой милостью стал пользоваться и Матифу. Что и говорить, у Геркулеса был слишком внушительный вид, чтобы кто-либо осмелился сразу же обратиться к нему на «ты».

Расспросив Пескада и получив от него вышеприведенные ответы, доктор прекратил свои прогулки в окрестностях Гравозы. Он, видимо, кого-то поджидал, но сам не хотел давать повода к этому визиту и поэтому не ездил в Рагузу, где о прибытии «Саварены» всем и без того уже было известно. Итак, доктор не покидал борта яхты. И то, чего он ждал, вскоре случилось.

Двадцать девятого мая, около одиннадцати часов утра, доктор, осмотрев в бинокль набережную Гравозы, распорядился спустить шлюпку, сел в нее и высадился возле мола, где стоял какой-то человек, по-видимому, поджидавший его.

«Это он! — подумал доктор. — Это он! Хотя он и сильно изменился, я его узнаю!»

То был старик, очень дряхлый, хотя ему было не более семидесяти лет. Его седая голова клонилась книзу. Лицо у него было строгое, печальное; тусклые, потухшие глаза, как видно, часто заливались слезами. Он неподвижно стоял на пристани, не спуская глаз со шлюпки с того момента, как она отделилась от яхты.

Доктор не хотел подавать вида, что он обратил внимание на старика, тем более что его узнал. Поэтому он притворился, что даже не замечает его. Но не успел доктор пройти несколько шагов, как старик, почтительно сняв шапку, приблизился к нему и спросил:

— Доктор Антекирт?

— Да, — отвечал доктор, всматриваясь в беднягу, который стоял потупившись.

Потом он добавил:

— Кто вы такой, друг мой, и что вам нужно?

— Меня зовут Борик, — отвечал старик, — я слуга госпожи Батори; она послала меня к вам сказать, что хотела бы повидаться с вами.

— Госпожа Батори? — повторил доктор. — Неужели это вдова того венгра, который поплатился жизнью за любовь к отечеству?

— Она самая, — ответил старик. — И раз вы доктор Антекирт, вы не можете не знать ее, хотя никогда с ней не встречались!

Доктор внимательно слушал старого слугу, который попрежнему стоял понурившись. Антекирт, казалось, думал: а нет ли у старика какой-нибудь задней мысли?

— А что госпоже Батори угодно от меня? — спросил он, помолчав.

— По причинам, которые должны быть вам известны, господин доктор, ей хотелось бы переговорить с вами.

— Я к ней заеду.

— Она предпочла бы встретиться с вами у вас на яхте.

— Почему?

— Разговор ваш должен остаться в тайне.

— В тайне? От кого?

— От ее сына. Господин Петер не должен знать, что вы виделись с госпожой Батори.

Такой ответ, казалось, изумил доктора, но он ничем не выдал своего удивления.

— Я предпочитаю посетить госпожу Батори на дому, — возразил он. — Разве этого нельзя сделать в отсутствие ее сына?

— Можно, но только в том случае, если вы приедете к ней завтра, господин доктор. Петер Батори сегодня вечером уезжает в Зару, но через сутки он уже вернется.

— А чем занимается Петер Батори?

— Он инженер, но до сего времени не нашел места. О, им обоим живется нелегко.

— Нелегко... — повторил доктор Антекирт. — А разве госпожа Батори не располагает средствами?..

Он умолк. Старик опустил голову, и грудь его содрогнулась от рыданий.

— Господин доктор, я больше ничего не могу вам сказать, — проговорил он наконец. — Во время встречи, о которой просит госпожа Батори, вы узнаете все, что вам следует знать.

Доктору пришлось призвать на помощь все свое самообладание, чтобы скрыть, до какой степени он потрясен.

— Где живет госпожа Батори? — спросил он.

— В Рагузе, в районе Страдона, на улице Маринеллы, дом номер семнадцать.

— Может она меня принять завтра от часа до двух?

— Может, господин доктор, и я сам доложу ей о вас.

— Передайте госпоже Батори, что в назначенный день и час я буду у нее.

— Благодарю вас от ее имени! — сказал старик.

Потом, после некоторого колебания, он добавил:

— Не думайте, пожалуйста, что она собирается просить вас о чем-то...

— А если бы и так? — живо возразил доктор.

— Она ни о чем не будет просить, — ответил Борик.

И, почтительно поклонившись, он побрел по дорожке, ведущей из Гравозы в Рагузу.

Видно было, что последние слова старого слуги несколько озадачили доктора Антекирта. Он долго простоял на месте, глядя вслед удаляющемуся Борикку. Вернувшись на яхту, он отпустил Пескада и Матифу погулять. Потом заперся у себя в каюте и весь остаток дня провел в уединении.

Пескад и Матифу, ставшие теперь настоящими рантье, решили как следует воспользоваться полученным отпуском. Они даже позволили себе роскошь заглянуть в ярмарочные балаганы. Утверждать, что

ловкого клоуна не подмывало утратить нос иному незадачливому эквилибристу или что могучему великану не хотелось принять участие в схватках силачей, — значило бы погрешить против истины. Но оба хорошо помнили, что они имеют честь принадлежать к экипажу «Саварены». Поэтому они не выходили из роли простых зрителей и не скупились на рукоплескания, когда номер им нравился.

На другой день доктор около полудня приказал доставить себя на берег. Он отослал шлюпку обратно, а сам пошел по дороге, соединяющей Гравозу с Рагузой, — по прекрасной дороге, осененной тенистыми деревьями и обрамленной виллами, которые уступами расположены по обеим ее сторонам.

Дорога была еще почти безлюдна, потому что оживляется она позже, когда появляются многочисленные экипажи и толпы гуляющих: кто прогуливается пешком, кто — верхом на лошади.

Размышляя о предстоящей встрече с госпожой Батори, доктор шел по одной из боковых дорожек и вскоре добрался до Борго-Пилле — это каменный выступ, своего рода башня, примыкающая к Рагузской крепости. Ворота были растворены, и, миновав три пояса укреплений, можно было войти в самую крепость.

Страдон — великолепный проспект, выложенный каменными плитами и идущий от Борго-Пилле до предместья Плоссе, то есть через весь город. Он начинается у подножья холма, на котором расположено амфитеатром множество домиков. В конце этой улицы высится старинный дворец дождей — величественное сооружение XV века, с внутренним двором, портиком в стиле эпохи Возрождения и сводчатыми окнами, стройные колонки которых напоминают о цветущей поре тосканской архитектуры.

Доктору не пришлось дойти до этой площади. Улица Маринелла, названная ему накануне Бориком, начинается приблизительно в середине Страдона и тянется влево от него. Шаги доктора слегка замедлились, когда он бросил беглый взгляд на гранитный особняк, богатый фасад которого, с флигелями по бокам, воз-

вышелся с правой стороны улицы. Во дворе, через раскрытые ворота, виднелся барский экипаж с превосходной упряжкой; на козлах сидел кучер, а выездной лакей дожидался на крыльце, под изящным навесом.

Почти в тот же миг какой-то господин сел в экипаж, лошади понеслись через двор на улицу, и ворота захлопнулись.

Господин этот был не кто иной, как человек, подошедший три дня тому назад к доктору Антекирту на гравозской набережной, другими словами, бывший триестский банкир Силас Торонталь.

Желая избежать этой встречи, доктор поспешно отступил назад и продолжал путь лишь после того, как быстро мчавшийся экипаж исчез за углом Страдона.

«Оба в одном городе! — прошептал он. — Это вина случая, я тут ни при чем».

Как узки, круты, как плохо вымощены и убоги переулки, расположенные слева от Страдона! Представьте себе широкую реку, притоками которой служат только мутные ручьи, вливающиеся в нее лишь с одного берега. Чтобы глотнуть немного воздуха, домишки лезут тут один на другой. Они смотрят друг другу прямо в глаза, если только позвоительно называть глазами их невзрачные оконца. Домики эти громоздятся до самых вершин двух холмов, на которых расположены форты Минчетто и Сан-Лоренцо. Здесь не проехать ни одному экипажу. Правда, тут не видно горного потока (он появляется только в сильные ливни), все же улочка представляет собою не что иное, как овраг, и чтобы сгладить ее уступы и рытвины, пришлось прибегнуть ко множеству площадок и ступенек. Какая разница между этими скромными жилищами и роскошными особняками и зданиями Страдона!

Доктор дошел до улицы Маринелла и стал подниматься по бесконечной лестнице, заменяющей тут мостовую. Ему пришлось пройти более шестидесяти ступенек, пока он не остановился возле дома № 17.

Дверь немедленно растворилась. Старый Борик поджидал доктора. Ни слова не говоря, он провел его в бедно обставленную, но чистенькую гостиную.

Доктор сел. Он не обнаруживал ни малейшего волнения, даже когда госпожа Батори вышла и спросила:

— Доктор Антекирт?

— Да, сударыня, — ответил он, вставая.

— Я хотела избавить вас от необходимости идти так далеко и так высоко подниматься.

— Мне очень хотелось посетить вас, сударыня, и прошу верить, что я весь к вашим услугам.

— Доктор, я только вчера узнала о вашем прибытии в Гравозу, — продолжала госпожа Батори, — и немедленно же послала Борика, чтобы просить вас о встрече.

— Я готов выслушать вас, сударыня.

— Я пойду, — сказал старик слуга.

— Нет, останьтесь, Борик! — возразила госпожа Батори. — Вы единственный друг нашей семьи, и все, что я хочу сказать доктору Антекирту, для вас не тайна.

Госпожа Батори села, доктор занял место возле нее, а старик продолжал стоять у окна.

Вдове профессора Иштвана Батори было в то время шестьдесят лет. Невзирая на возраст, она еще держалась прямо, однако совершенно седые волосы, лицо, изборозженное морщинами, свидетельствовали о том, как упорно пришлось ей бороться с невзгодами и нищетой. Но чувствовалось, что она все так же энергична, как и в былые годы. Это была все та же доблестная подруга, которой поверял свои сокровенные мысли человек, пожертвовавший карьерой ради великого дела, — словом, это была сообщница того, кто вместе с Матиасом Шандором и Ладиславом Затмаром возглавлял заговор.

— Сударь, раз вы доктор Антекирт, — сказала она взволнованным голосом, — значит, я многим обязана вам, и мой долг — рассказать вам о том, что произошло в Триесте пятнадцать лет тому назад...

— Сударыня, раз я доктор Антекирт, избавьте себя от рассказа, который для вас слишком мучителен. Все, что вы хотите мне сказать, мне известно. Больше того, раз я доктор Антекирт, мне известно, как вы жили

после незабываемого дня тридцатого июня тысяча восемьсот шестьдесят седьмого года.

— Скажите же, доктор, чем объясняется то участие, которое вы принимали в моей жизни? — продолжала госпожа Батори.

— Такое участие, сударыня, должен проявлять каждый порядочный человек ко вдове мадьяра, который не задумываясь поставил на карту свою жизнь ради независимости отечества!

— Вы знали профессора Иштвана Батори? — спросила вдова дрогнувшим голосом.

— Знал, сударыня, любил и чту всех, кто носит его имя.

— Вы из той же страны, за которую он пролил свою кровь?

— Я ниоткуда, сударыня.

— Кто же вы в таком случае?

— Мертвец, еще не погребенный, — холодно ответил доктор Антекирт.

При этом неожиданном ответе госпожа Батори и Борик вздрогнули. Но доктор поспешил добавить:

— Я просил вас не рассказывать мне об этих событиях. Однако я сам должен вам рассказать все, как было, ибо вам далеко не все известно, а между тем вы должны знать все подробности.

— Что же, я слушаю вас, доктор, — ответила госпожа Батори.

— Сударыня, — продолжал доктор Антекирт, — пятнадцать лет тому назад три благородных венгра возглавили заговор, целью которого было вернуть Венгрии ее былую независимость. То были граф Матиас Шандор, профессор Иштван Батори и граф Ладислав Затмар, три друга, долгие годы связанные общими надеждами и едиными чувствами.

Восьмого июня тысяча восемьсот шестьдесят седьмого года, накануне того дня, когда должны были подать сигнал к восстанию, которому предстояло охватить всю венгерскую землю и Трансильванию, в дом графа Затмара в Триесте, где находились главы заговора, нагрянула австрийская полиция. Граф Затмар и его два друга были арестованы, увезены и в ту же

ночь заключены в темницу в башне Пизино, а несколько недель спустя они были приговорены к смертной казни.

Молодой счетовод, по имени Саркани, задержанный одновременно с ними в доме графа Затмара, но совершенно чуждый заговору, вскоре был признан не причастным к делу и после развязки — освобожден.

Накануне казни трое приговоренных, находясь в общей камере, сделали попытку к бегству. Спустившись из окна башни по проводу громоотвода, двое из них — граф Шандор и Иштван Батори — упали в стремнину Фойбы, в то время как Ладислав Затмар был схвачен тюремщиками и не мог последовать за товарищами.

Хотя у беглецов и было очень мало надежды на спасение, поскольку подземная река увлекла их в местность, совсем им незнакомую, все же им удалось достичь берегов Лемского канала, затем пробраться в город Ровинь, где они и нашли приют в доме рыбака Андреа Феррато.

Этот рыбак — человек мужественный и благородный — уже готов был переправить их по ту сторону Адриатического моря, когда некий испанец по имени Карпена, проведав о том, что они скрываются у Феррато, из личной мести к нему выдал беглецов полиции. Они попытались ускользнуть вторично. Но Иштван Батори был ранен и сразу же попал в руки полицейских. Что же касается Матиаса Шандора, то за ним гнались до самого взморья; тут он пал, сраженный градом пуль, погрузился в воду, и даже трупа его обнаружить не удалось.

Через два дня Иштван Батори и Ладислав Затмар были расстреляны в Пизинской крепости. А рыбака Андреа Феррато за то, что он дал им убежище, приговорили к пожизненной каторге и сослали в Штейн.

Госпожа Батори склонила голову. Сердце ее обливалось кровью, но она выслушала рассказ доктора, ни разу не прервав его.

— Вы, сударыня, знали эти подробности? — спросил он.

— Да, доктор, знала. Знала, как и вы, из газет.

— Да, это из газет, — ответил доктор. — Но кое-что, чего не могли сообщить газеты, поскольку следствие велось в строжайшей тайне, я выведал у тюремщика, который проговорился мне. Вот это я вам сейчас и расскажу.

— Говорите, доктор, — насторожилась госпожа Батори.

— В доме рыбака Феррато граф Матиас Шандор и Иштван Батори были застигнуты потому, что их выдал испанец Карпена. А в Триесте, за три недели перед тем, они были арестованы потому, что на них донесли австрийской полиции.

— Донесли? — воскликнула госпожа Батори.

— Да, сударыня, донесли! И это подтвердилось во время судебного разбирательства. Во-первых, предателям удалось перехватить почтового голубя, который летел с зашифрованной запиской на имя графа Шандора; с этой записки негодаями была снята копия. Во-вторых, уже в доме графа Затмара им удалось снять копию сетки, которая давала ключ к зашифрованной переписке. Наконец, ознакомившись с содержанием перехваченной записки, они сообщили о ней триестскому губернатору. И, конечно, часть конфискованного имущества графа Шандора послужила наградой за этот донос.

— А известно ли, кто эти негодяи? — спросила госпожа Батори дрожащим от волнения голосом.

— Нет, сударыня, — отвечал доктор. — Но трое осужденных, вероятно, знали их и могли бы назвать их имена, если бы только им удалось перед смертью еще раз повидаться с родными!

А ведь действительно, ни госпожа Батори, которая тогда вместе с сыном была в отъезде, ни Борик, сидевший в триестской тюрьме, не могли посетить приговоренных в последние часы их жизни.

— Неужели так и не удастся выяснить имена этих негодяев? — спросила госпожа Батори.

— Сударыня, — отвечал доктор Антекирт, — всякий предатель в конце концов выдает и себя. А теперь я скажу вам еще кое-что в дополнение к своему рассказу.

Вы остались вдовою с восьмилетним сыном почти без средств. Борик, слуга графа Затмара, не захотел вас покинуть после смерти хозяина; но он был беден и не мог вам предложить ничего, кроме своей преданности.

Тогда вы уехали, сударыня, и поселились в Рагузе, в этом скромном жилище. Вы стали работать, работать собственными руками, чтобы удовлетворять как материальные, так и умственные свои потребности. Вы хотели, чтобы ваш сын последовал в науке по стопам отца. Какую ожесточенную борьбу, сколько лишений вы мужественно вынесли! И с каким беспредельным уважением я склоняюсь перед благородной женщиной, которая проявила столько твердости, перед матерью, стараниями которой ее сын стал человеком!

С этими словами доктор поднялся, и под его обычной сдержанностью почувствовалось волнение.

Госпожа Батори ничего не отвечала. Она не знала, закончил ли доктор свой рассказ, или собирается его продолжить и коснуться тех чисто личных вопросов, ради которых она и хотела с ним встретиться.

— Однако, сударыня, — продолжал доктор, уловив ее мысль, — силы человеческие ограничены, и вы, больная, истерзанная невзгодами, пожалуй, не вынесли бы этой борьбы, если бы некий незнакомец, — да что я говорю, — друг профессора Батори не пришел вам на помощь. Я никогда не заговорил бы об этом, если бы ваш старый слуга не сообщил мне, что вы желаете меня видеть...

— Да, я хотела вас видеть, — ответила госпожа Батори. — Разве мне не за что благодарить доктора Антекирта?

— За что ж благодарить, сударыня? За то, что лет пять-шесть тому назад, в память дружбы, которая связывала доктора Антекирта с графом Шандором и его единомышленниками, доктор послал вам сто тысяч флоринов, чтобы поддержать вас? Разве для него не было великим счастьем, что он имеет возможность предоставить в ваше распоряжение эту сумму? Нет, сударыня! Наоборот, я должен благодарить вас за то, что вы великодушно приняли дар, если только он принес пользу вдове и сыну Иштвана Батори!

Вдова поклонилась и ответила:

— Как бы то ни было, сударь, я непременно хотела выразить вам свою признательность. Ради этого главным образом я и собиралась нанести вам визит. Но есть и еще причина...

— Какая же, сударыня?

— Это... вернуть вам эту сумму...

— Как, сударыня? — живо возразил доктор. — Вы не пожелали принять...

— Доктор, я не сочла себя вправе распорядиться этими деньгами. Я не была знакома с доктором Антекиртом. Я никогда не слышала этого имени. Эти деньги могли быть своего рода подаянием со стороны тех, с кем боролся мой муж, а их жалость была бы мне невыносима. Поэтому я не воспользовалась этой суммой, не употребила ее на те нужды, какие имел в виду доктор Антекирт.

— Значит... эта сумма...

— Осталась нетронутой.

— А ваш сын?

— Мой сын всем будет обязан только самому себе...

— И матери! — добавил доктор, пораженный благородством и мужеством этой женщины, внушавшей ему глубокое уважение.

Тем временем госпожа Батори встала, открыла ключом секретер и, вынув из него пачку ассигнаций, протянула ее доктору.

— Прошу вас принять эти деньги, доктор, — ведь они ваши; поверьте, я глубоко вам благодарна за них, хотя и не воспользовалась ими для воспитания сына!

— Эти деньги уже не принадлежат мне, сударыня! — ответил доктор, отстраняя ассигнации.

— Повторяю, я не могу их принять.

— Но, может быть, Петер Батори найдет им применение...

— Мой сын выхлопочет в конце концов место, которого он достоин, и станет мне опорой, как я была опорой для него!

— Он не откажется от этих денег, если друг его отца будет настоятельно просить его их принять.

— Откажется!

— Все-таки позвольте мне, сударыня, попытаться?..

— Прошу вас, доктор, не делать этого, — возразила госпожа Батори. — Мой сын даже не знает, что я получила эту сумму, и мне хотелось бы, чтобы он так и не узнал об этом.

— Хорошо, сударыня. Я понимаю чувства, которые побуждают вас так поступать, ведь для вас я был и остаюсь незнакомцем. Да, эти чувства мне понятны, и я преклоняюсь перед вами. Но, повторяю, если эти деньги не принадлежат вам, то они уже не принадлежат и мне!

Доктор Антекирт встал. В отказе госпожи Батори для него не было ничего оскорбительного. Ее щепетильность не вызвала у него иного чувства, кроме глубокого благоговения. Он поклонился вдове и уже собирался уйти, но госпожа Батори остановила его.

— Доктор, — сказала она, — вы упомянули о кознях, из-за которых погибли Ладислав Затмар, Иштван Батори и граф Шандор.

— Я рассказал вам все, как было, сударыня.

— Но имена этих предателей никому не известны?

— Известны, сударыня!

— Кому же?

— Богу!

Тут доктор еще раз поклонился и вышел.

Госпожа Батори долго сидела в раздумье. Странное чувство, быть может, не вполне осознанное, непреодолимо влекло ее к этому загадочному человеку, причастному к важнейшим событиям ее жизни. Увидит ли она его еще когда-нибудь? Если он прибыл на своей яхте в Рагузу только ради этого свидания, то, быть может, «Саварена» скоро уйдет в море и больше не вернется?

На другой день газеты возвестили, что местная больница получила от неизвестного лица дар в сто тысяч флоринов.

Эти деньги были пожертвованы доктором Антекиртом, но не являлась ли жертвовательницей также и вдова, отказавшаяся от них и за сына и за себя?

ГЛАВА ПЯТАЯ

Различные происшествия

Между тем предположения госпожи Батори не оправдались: доктор не спешил покинуть Гравозу. Тщетно попытавшись оказать помощь матери, он решил помочь сыну. До сего времени Петер Батори не мог подыскать себе должность, на которую давали ему право его блестящие успехи в учении. «Поэтому, — думал доктор, — он, вероятно, не откажется от предложения, которое я ему сделаю. Создать ему положение, достойное его талантов, достойное имени, которое он носит, — это уж не милостыня! Это будет просто заслуженной наградой!»

Но, как уже сказал Борик, Петер Батори уехал по делам в Зару.

Поэтому доктор решил написать ему и сделал это в тот же день. В письме говорилось только, что он будет рад принять Петера Батори на борту «Саварены», ибо хочет сделать ему предложение, которое может его заинтересовать.

Письмо было отправлено на почту в Гравозу, и теперь оставалось только ждать, когда молодой инженер вернется домой.

Тем временем доктор продолжал жить на борту яхты уединенно, как никогда. «Саварена» стояла на якоре посреди бухты, ее экипаж никогда не сходил на берег, и яхта была изолирована от внешнего мира, как если бы находилась в Атлантике или в Средиземном море.

Эта странность немало смущала репортеров и прочих любопытных, которые еще не отказались от мысли «проинтервьюировать» этого легендарного человека, хотя им никакими путями не удавалось попасть на яхту, столь же легендарную, как и ее владелец! А так как Пескаду и его товарищу была предоставлена «свобода передвижения», к ним-то и стали обращаться корреспонденты в надежде раздобыть хоть какие-нибудь сведения, — а уж эти сведения газеты сумели бы превратить в самые умопомрачительные откровения.

Как известно, Пескад только и делал, что веселил всех, — с согласия доктора, разумеется. Если Матифу был тяжеловесен и серьезен, как бык, с которым он мог бы померяться силой, — то Пескад с утра до ночи хохотал и пел и был подвижен, как вымпел, с которым он мог бы сравниться легкостью. Он либо лазил по мачтам, потешая экипаж, которому давал уроки вольтижировки, будучи ловким, как матрос, и проворным, как юнга, либо развлекал товарищей бесконечными прибаутками. Ведь доктор Антекирт велел ему всегда быть в хорошем настроении! Вот оно у него и хорошее, да он еще старается, чтобы и другие не хмурились.

Выше было сказано, что Матифу и Пескад пользовались свободой передвижения. Это значит, что они имели право отлучаться с яхты и возвращаться обратно. Остальные члены экипажа не покидали борта, они же могли это делать, когда им заблагорассудится. Разумеется, любопытные ходили за ними по пятам, надеясь как-нибудь одурачить их и хоть что-нибудь у них выведать. Но выжать что-либо у Пескада, если он решил молчать, было совершенно невозможно; если же он начинал разглагольствовать, то говорил только для того, чтобы ничего не сказать.

— Кто такой доктор Антекирт?

— Он знаменитый врач. Он может вылечить от любой болезни, даже от такой, которая унесет вас на тот свет!

— Он богат?

— У него ни гроша. Не кто иной, как я, ссужаю ему по воскресеньям кой-какую толику.

— А откуда он прибыл?

— Из такой страны, название которой решительно никому неизвестно.

— Где же эта страна находится?

— Могу сказать только одно: на севере ее отделяет от соседней страны самый пустык, а с юга она и вовсе ничем не отделена.

Ничего другого добиться от Пескада не удавалось; что же касается его приятеля, то он и вовсе молчал, как гранитный столб.

Но если друзья не отвечали на нескромные вопросы репортеров, это не значит, что между собою они не говорили о своем новом хозяине. Они говорили о нем, и частенько. Они любили его, и любили крепко. Они горели желанием оказывать ему услуги. Между ними и доктором возникло что-то вроде химического сродства, происходило как бы взаимное притяжение, день ото дня они все крепче к нему привязывались.

Каждое утро приятели ждали, что вот-вот их позовут к доктору и он им скажет:

— Друзья, мне нужна ваша помощь.

Но, к великому их огорчению, ждали они напрасно.

— Долго ли так будет продолжаться? — сказал однажды Пескад. — Тягостно сидеть сложа руки, Матифу, особенно с непривычки.

— Да, руки заржавеют, — согласился Матифу, взглянув на свои огромные бицепсы, праздные, как шапуны остановившейся машины.

— Скажи-ка, Матифу...

— Что же тебе сказать, Пескад?

— Знаешь, что я думаю о докторе Антекирте?

— Нет, не знаю. Но ты мне, Пескад, скажи, что ты думаешь. Тогда мне легче будет тебе ответить.

— Слушай-ка. Верно, у него в прошлом были такие дела... такие дела... Это по глазам видно. У него во взгляде иной раз такие молнии сверкают, что ослепнешь... И когда грянет гром...

— Вот шуму-то будет!

— Да, Матифу, шуму будет немало... да и работы тоже. И вот тут-то, сдастся мне, мы и пригодимся!

Пескад говорил так не зря. Хотя на борту яхты и царило полнейшее спокойствие, сметливого малого многое наводило на размышления. Что доктор не простой турист, путешествующий по Средиземному морю ради развлечения, — в этом не могло быть ни малейшего сомнения. Повидимому, «Саварена» — некий центр, к которому сходятся многочисленные нити, сосредоточенные в руках ее таинственного владельца.

В самом деле, на яхту приходили письма и телеграммы даже из самых отдаленных уголков этого чудесного моря, волны которого омывают берега мно-

гих стран — и французское побережье, и испанское, и марокканское, и алжирское, и триполитанское. Кто посылал все эти письма и телеграммы? Очевидно, агенты, занятые какими-то чрезвычайно важными делами, — если только не клиенты, просившие у знаменитого врача заочного совета, — но последнее казалось маловероятным.

Добавок даже на телеграфе в Рагузе вряд ли понимали смысл этих телеграмм, ибо они передавались на каком-то неведомом языке, тайну которого знал, повидимому, только сам доктор. Но будь даже язык телеграмм вполне понятен, что можно было бы уразуметь, прочитав, например, такие фразы:

«Альмейра. Казалось, напали на след З. Р. Ошибка, поиски прекращены».

«Вновь найден корреспондент Г. В. 5. Связались группой К. З., между Катанией и Сиракузами. Дальнейшее сообщим».

«Установлено прохождение Т. К. 7 мимо Мандераджо, Ла-Валлетты, Мальты».

«Кирене. Ждем новых распоряжений. Эскадра Антек готова. Электро-3 стоит под парами днем и ночью».

«Р. О. З. Впоследствии умер каторге. Оба исчезли».

Или вот еще телеграмма, где применено условное цифровое обозначение:

«2117. Сарк. Бывший деловой посредник. Предприятия Торонт. Прервал связь с африканским Триполи».

А с «Саварены» на большинство этих телеграмм отправлялся один и тот же ответ:

«Продолжать розыски. Не жалеть ни сил, ни средств. Шлите новые данные».

Шел усиленный обмен какими-то непонятными посланиями, которые, казалось, являлись результатом наблюдения за всем бассейном Средиземного моря. Следовательно, доктор далеко не такой праздный человек, за какого он себя выдает! Об этой своеобразной переписке, конечно, не могла не узнать широкая публика, хотя телеграфные чиновники обязаны соблюдать профессиональную тайну. И это еще больше привлекало всеобщее внимание к таинственному незнакомцу.

Среди лиц, принадлежавших к высшему рагузскому обществу, одним из самых любопытствующих был Силас Торонталь. Как уже говорилось, бывший триестский банкир встретил доктора Антекирта на гравозской набережной несколько минут спустя после прибытия «Саварены». Эта встреча вызвала у одного из них чувство крайнего отвращения, а у другого возбудила не менее острый интерес. Но до последнего времени банкиру так и не удавалось удовлетворить свое любопытство.

Говоря по правде, доктор произвел на Силаса Торонталья какое-то совершенно особенное впечатление, определить которое он не мог бы и сам. Инкогнито, так тщательно соблюдаемое доктором, слухи, носившиеся в Рагузе на его счет, трудность получить у него аудиенцию — все это внушало банкиру острое желание еще раз повидаться с ним. С этой целью банкир несколько раз приезжал в Гравозу. Стоя на набережной, он подолгу смотрел на яхту и сгорал от желания попасть на ее борт. Дело дошло до того, что однажды он приказал отвезти себя к яхте, но услышал от вахтенного лишь неизменное:

— Доктор Антекирт не принимает.

И Силас Торонталь находился в состоянии какого-то постоянного раздражения, видя, что ему никак не удастся преодолеть препятствие.

Тогда банкир решил установить за доктором слежку на свой собственный счет. Надежному сыщику было дано поручение следить за каждым шагом таинственного иностранца, даже если он будет разъезжать только по Гравозе и ее окрестностям.

Судите же сами, в какую страшную тревогу повергло Силаса Торонталья известие, что старик Борик беседовал с доктором и что на другой день доктор посетил госпожу Батори!

«Кто же этот человек?» — думал банкир.

Но чего же было опасаться банкиру в его теперешнем положении? За истекшие пятнадцать лет ни одна из его темных проделок не обнаружилась. Однако все, что касалось семей тех, кого он предал и продал, всегда беспокоило его. Раскаяние было ему чуждо,

зато страх не раз овладевал им, и шаги, предпринятые таинственным незнакомцем, обладавшим страшным могуществом благодаря своей славе и богатству, не могли не тревожить его.

— Кто же этот человек? — твердил он. — Зачем ездил он в Рагузу к госпоже Батори? Вызвала ли она его в качестве врача? Словом, что может быть между ними общего?

Он не находил ответа на этот вопрос. Правда, Силас Торонталь немного успокоился, когда ему стало достоверно известно, что незнакомец больше не приезжал к госпоже Батори.

Но это отнюдь не поколебало решения банкира во что бы то ни стало познакомиться с доктором; наоборот, желание это разгорелось в нем еще сильнее. Эта мысль не давала ему покоя ни днем, ни ночью. Такому положению надо было положить конец. Вследствие странной иллюзии, которой нередко бывает подвержен чересчур возбужденный мозг, банкир воображал, что стоит ему вновь увидиться с доктором, поговорить с ним, узнать о цели его прибытия в Гравозу, — и он сразу же успокоится. Поэтому он всячески искал случая где-нибудь встретиться с ним.

И вдруг банкиру показалось, что случай этот подвернулся.

Госпожа Торонталь уже несколько лет страдала недомоганием, которого никак не удавалось излечить местным врачам. Несмотря на все их старания, несмотря на заботы дочери, госпожа Торонталь, хотя еще и держалась на ногах, все же явно погибала. Была ли эта болезнь следствием какого-то душевного потрясения? Возможно, но никому еще не удавалось этого выяснить. Только сам банкир мог бы ответить на вопрос: не утратила ли его жена вкус к жизни потому, что знала все его прошлое?

Как бы то ни было, именно недуг госпожи Торонталь, от которой уже почти совсем отступились местные врачи, показался банкиру вполне приличным предлогом, чтобы вновь встретиться с незнакомцем. Если попросить его приехать и осмотреть больную, — вряд ли он откажется, ведь это было бы бесчеловечно!

Итак, Силас Торонталь написал доктору письмо и отправил его с лакеем на борт «Саварены». «Мы были бы счастливы воспользоваться советом такого замечательного врача» — писал он. Он просил доктора Антекирта извинить, что причиняет ему беспокойство, нарушая обычное течение его столь уединенной жизни, и назначить день, когда доктор соизволит посетить их особняк на Страдоне.

На другой день доктор получил это письмо, посмотрел на подпись, и ни один мускул не дрогнул на его лице. Он прочел его до последней строки, ничем не выдав мыслей, вызванных этим посланием.

Что он ответит? Воспользуется он этим предложением, чтобы проникнуть в особняк Торонталья и завязать знакомство с семьей банкира? Но войти в этот дом, даже в качестве врача, не значит ли явиться туда при обстоятельствах, которые ему отнюдь не желательны?

Доктор сразу же принял решение. Он ответил простой запиской, которая тут же была вручена лакею банкира. Записка состояла всего из нескольких слов:

«Доктор Антекирт сожалеет, что не может быть полезным госпоже Торонталь. В Европе он не практикует».

Вот и все.

Получив этот лаконичный ответ, банкир с досадой разорвал записку. Было слишком очевидно, что доктор не желает вступать с ним ни в какие отношения. Отказ был еле завуалирован, и это означало преднамеренность.

«Но если доктор в Европе не практикует, — размышлял он, — то почему же он не отказался посетить госпожу Батори?.. Значит, он явился к ней не в качестве врача? Зачем же он в таком случае к ней приезжал? Что между ними общего?»

Неизвестность терзала Силаса Торонталья; присутствие доктора в Гравозе совершенно нарушило течение жизни банкира, и так должно было продолжаться до тех пор, пока «Саварена» не уйдет в море. Но банкир ни слова не сказал о своей неудаче ни жене, ни дочери. Свои жгучие тревоги он предпочел хранить при себе.

В то же время наемник его неослабно наблюдал за доктором и докладывал Торонталю обо всем, что Антекирт предпринимал как в Гравозе, так и в Рагузе.

На другой день произошло еще событие, повергшее банкира в неменьшую тревогу.

Петер Батори вернулся из Зары крайне расстроенный. Ему не удалось прийти к соглашению относительно должности, которую ему предлагали, а именно, места директора металлургического завода в Герцеговине.

— Условия неприемлемы, — вот все, что он сказал матери.

Госпожа Батори только посмотрела на сына, но не стала его расспрашивать, почему именно неприемлемы предложенные ему условия. Потом она передала Петеру письмо, полученное в его отсутствие.

Это было то самое письмо, в котором доктор Антекирт просил юношу прибыть на борт «Саварены» для переговоров по делу, которое может его заинтересовать.

Петер Батори протянул письмо матери. Предложение доктора ничуть ее не удивило.

— Я ждала этого, — сказала она.

— Вы ждали этого предложения, матушка? — спросил юноша, крайне удивленный ее словами.

— Да, Петер... Доктор Антекирт был у меня во время твоего отсутствия.

— Значит, вы знаете, кто этот человек, о котором так много говорят в Рагузе?

— Нет, не знаю, Петер. Но доктор Антекирт был знаком с твоим отцом, он был другом графа Шандора и графа Затмара, и именно поэтому он и посетил меня.

— А какие привел доктор доказательства тому, что он был другом моего отца?

— Никаких! — ответила госпожа Батори, не желавшая упоминать о ста тысячах флоринов, поскольку и доктор умолчал о них в письме к Петеру.

— А вдруг это какой-нибудь интриган, какой-нибудь шпион или австрийский агент? — продолжал молодой человек.

— Ты сам рассудишь, Петер.

— Значит, вы советуете мне съездить к нему?

— Да, советую. Не следует пренебрегать человеком, который хочет перенести на тебя дружеские чувства, какие раньше питал к твоему отцу.

— Но зачем он приехал в Рагузу? — продолжал Петер. — У него здесь дела?

— Может быть, он затевает здесь дела, — ответила госпожа Батори. — Говорят, он несметно богат, и весьма возможно, что он хочет предложить тебе какое-нибудь хорошее место.

— Я съезжу к нему, матушка, и узнаю, зачем я ему понадобился.

— Поезжай сегодня же, Петер; отдай визит, который сама я не могу ему нанести.

Петер Батори поцеловал мать. Он крепко прижал ее к груди. Казалось, какой-то секрет угнетает его, секрет, которым он не может с нею поделиться. Что же за мучительная, что за важная тайна тяготила его, тайна, которую он не мог открыть даже матери?

— Бедный мой мальчик! — прошептала она.

В час дня Петер вышел на Страдон и направился вниз, к гравозскому порту.

Проходя мимо особняка Торонталя, он на мгновение остановился — всего лишь на мгновение. Он бросил взгляд на боковой флигель, выходивший окнами на улицу. Занавески были спущены. Дом казался совсем необитаемым.

Петер Батори снова ускорил шаг. Но его остановка у особняка Торонталя не ускользнула от внимания женщины, прогуливавшейся на противоположном тротуаре.

Это была особа высокого роста. Возраст? От сорока до пятидесяти. Походка? Размеренная, почти механическая, словно шагал не человек, а какой-то автомат. О том, что это иностранка, красноречиво свидетельствовали ее волосы, черные и вьющиеся, и загар, свойственный жителям Марокко. На ней была темная накидка с капюшоном, который прикрывал прическу, украшенную монетками. Была ли то цыганка, «гитана», «романишель», как говорят на парижском жаргоне,

или существо, предки которого вышли из Египта или Индии? Трудно было бы сказать — настолько схожи между собою эти люди. Во всяком случае, милостыни она не просила и, конечно, не приняла бы ее. По своей ли надобности, или по чьему-либо поручению, но прогуливалась она здесь не зря: она шпионила сразу за двумя домами — и за особняком Торонталья и за домиком на улице Маринелла.

И в самом деле, как только она заметила молодого человека, направившегося по Страдону к Гравозе, она пошла вслед за ним с таким расчетом, чтобы не упустить его из виду, и вместе с тем, чтобы это не бросалось в глаза. Но Петер Батори был слишком занят своими мыслями, чтобы замечать, что творится у него за спиной. Когда он замедлил шаг у особняка Торонталья — женщина тоже приостановилась. Когда он двинулся дальше — пошла и она.

Петер довольно быстро прошел сквозь ворота в крепостной стене, но женщина лишь слегка от него отстала; за воротами она нагнала его и пошла по боковой дорожке, осененной высокими деревьями, шагах в двадцати от него.

В это время Силас Торонталь возвращался в открытом экипаже из Рагузы и неизбежно должен был встретиться с Петером Батори.

Предвидя эту встречу, марокканка на мгновение остановилась. Быть может, она подумала, что Петер Батори и Торонталь скажут что-нибудь друг другу. Взгляд ее оживился, и она притаилась за толстым деревом. Но если они начнут беседовать — как же ей подслушать их?

Однако ожидания ее не оправдались. Силас Торонталь еще издали заметил юношу и на этот раз не ответил ему даже тем надменным поклоном, от которого он не мог уклониться на гравозской набережной в присутствии дочери. Он просто отвернулся в тот момент, когда юноша приподнял шляпу, и экипаж быстро проследовал по направлению к Рагузе.

От иностранки не ускользнула ни единая подробность этой сцены; что-то вроде улыбки мелькнуло на ее бесстрастном лице.

А Петера Батори поведение банкира, видимо, не столько возмутило, сколько огорчило: он, не оборачиваясь, продолжал свой путь, но уже не так бодро.

Марокканка издали следовала за ним, и если бы кто-нибудь шел рядом с ней, он услышал бы, как она прошептала по-арабски:

— Пора бы ему приехать.

Четверть часа спустя Петер стоял уже на гравозской набережной. Несколько мгновений он любовался изящной яхтой, брейд-вымпел которой развевался на грот-мачте под дуновением легкого ветерка.

«Откуда прибыл доктор Антекирт? — неотступно думал он. — Такого флага я еще никогда в жизни не видел».

Потом он обратился к прогуливавшемуся по набережной лоцману:

— Друг мой, не знаете ли, что это за флаг?

Лоцман не знал. Он мог только сказать, что в судовом журнале яхты значится, что она идет из Бриндизи; документы ее были проверены начальником порта и оказались в полном порядке. А так как это была спортивная яхта, — власти решили уважить ее инкогнито.

Затем Петер Батори подозвал лодку и велел доставить себя на «Саварену», а марокканка с великим изумлением наблюдала, как он удаляется от берега.

Через несколько минут юноша уже стоял на палубе яхты и спрашивал, здесь ли доктор.

Приказ, запрещавший посторонним находиться на «Саварене», явно не касался Петера, так как боцман ответил ему, что доктор у себя в каюте.

Петер Батори передал свою визитную карточку и попросил узнать, может ли доктор принять его.

Вахтенный взял карточку и спустился по трапу, ведущему в салон на корме.

Через минуту он вернулся и доложил, что доктор просит гостя пожаловать к нему.

Молодого человека тотчас же провели вниз, и он очутился в салоне, где царил полумрак, ибо все иллюминаторы были занавешаны.

Доктор Антекирт сидел на диване, в темном углу. При виде сына Иштвана Батори он вздрогнул, но Петер не мог этого заметить. У доктора невольно вырвалось: «Это он! Это Иштван!»

И правда, Петер Батори был живой портрет отца, каким тот был в двадцать два года: та же решимость во взоре, та же благородная осанка, тот же взгляд, мгновенно воспламеняющийся при виде всего светлого, возвышенного, прекрасного.

— Я очень рад, господин Батори, — сказал доктор, вставая, — что вы приняли мое приглашение.

Доктор жестом указал ему на кресло, и Петер Батори сел в другом углу салона.

Доктор говорил по-венгерски, зная, что это родной язык юноши.

— Сударь, — ответил Петер Батори, — я отдал бы вам визит, нанесенный вами моей матери, даже если бы вы и не пригласили меня к себе. Я знаю, что вы — один из тех неведомых нам друзей, кому дорога память о моем отце и о двух патриотах, погибших вместе с ним. Я благодарен вам за то, что вы чтите их память.

Вспомнив прошлое, теперь уже далекое, назвав имена отца и его друзей, графа Матиаса Шандора и Ладислава Затмара, Петер не в силах был сдержать волнение.

— Простите, доктор, — сказал он. — Когда я вспоминаю их подвиг, я не могу...

Неужели он не чувствовал, что доктор растроган, пожалуй, больше него и молчит только потому, что боится выдать свое волнение?

— Вам незачем просить у меня извинения — ваша скорбь вполне естественна, господин Батори, — сказал он наконец. — К тому же в ваших жилах течет венгерская кровь, а у кого из сынов Венгрии не сожмется сердце при этих воспоминаниях! В то время, пятнадцать лет тому назад, — да, прошло уже пятнадцать лет, — вы были еще ребенком. Вы, можно сказать, почти не знали своего отца и не представляли себе тех событий, в которых он принимал участие.

— Моя мать — его двойник, доктор! — ответил Петер Батори. — Она с детства внушила мне благоговение к памяти человека, которого она оплакивает и по сей день! Все, что он сделал, все, что он хотел совершить, вся его жизнь, полная забот о соотечественниках, полная любви к отчизне, — все это мне хорошо известно благодаря ей. Когда отец умер, мне было всего восемь лет, но мне кажется, что он и не умирал, потому что он живет в сердце моей матери!

— Вы горячо любите мать, и она вполне этого заслуживает, Петер Батори, — отвечал доктор Антекирт, — мы же все чтим ее, как вдову мученика!

Петер был глубоко благодарен доктору за выраженные им чувства. Когда доктор говорил, сердце юноши взволнованно билось, и он даже не замечал того холодка, нарочитого или невольного, который чувствовался в словах собеседника и был, повидимому, присущ ему.

— Позвольте вас спросить, вы были знакомы с моим отцом? — продолжал Петер.

— Да, — ответил доктор не без колебания, — но я знал его лишь в той мере, в какой студент знает профессора, а ведь ваш отец был одним из самых талантливых венгерских профессоров. Я изучал медицину и физику у вас на родине. Я был учеником вашего отца, который был старше меня всего лет на десять. Он внушал мне искреннее уважение и любовь, потому что в его лекциях чувствовалось то душевное благородство, которое было свойственно этому пламенному патриоту. Я расстался с ним только тогда, когда мне пришлось уехать за границу, чтобы продолжить образование, начало которому было положено в Венгрии. Но вскоре после этого профессор Иштван Батори пожертвовал своей карьерой ученого ради идей, которые он считал благородными и справедливыми, и уже никакие личные интересы не могли остановить его на избранном им пути. Именно тогда он уехал из Братиславы и поселился в Триесте. В это трудное время ваша мать поддерживала его своими советами, окружила его нежной заботой. Она обладала всеми женскими добродетелями, как ваш отец — всеми муж-

скими. Простите, господин Петер, что я воскрешаю эти тягостные воспоминания, но ведь вы, конечно, не из тех, кто отрекается от прошлого.

— Разумеется, нет, доктор, — воскликнул Петер со всем пылом юности. — Я не забуду этого, как и Венгрия никогда не забудет трех героев, что отдали жизнь за родину — Ладислава Затмара, Иштвана Батори и, быть может, самого отважного из них, графа Матиаса Шандора.

— Если он и был самым отважным, — ответил доктор, — то его друзья, поверьте, не уступали ему ни в самоотверженности, ни в преданности, ни в храбрости! Все трое достойны равного уважения! Все трое заслуживают того, чтобы за них отомстили!

Доктор умолк. Он думал: сказала ли госпожа Батори сыну, при каких обстоятельствах были преданы главари заговора, произнесла ли она при нем слово «предательство»?.. Поведение молодого человека не давало ответа на этот вопрос.

В действительности госпожа Батори ничего не сказала ему об этом. Повидимому, ей не хотелось отравлять жизнь сына ненавистью, а, может быть, она боялась направить его на ложный след, поскольку имена предателей неизвестны.

Поэтому доктор счел себя не вправе — по крайней мере теперь — касаться этой темы.

Зато он не колеблясь сказал юноше, что если бы не гнусный поступок испанца, который выдал беглецов, укрывшихся в доме рыбака Андреа Феррато, то граф Шандор и Иштван Батори, вероятно, ускользнули бы от ровиньских жандармов. А перейди они в каком угодно месте австрийскую границу — все двери распахнулись бы перед ними, чтобы их принять.

— У меня они нашли бы убежище в любое время, — добавил он.

— А где именно, доктор?

— В Кефалонии, где я тогда жил.

— Да, на Ионических островах, под покровительством Греции, они были бы спасены, и отец мой был бы еще жив!

Некоторое время оба молчали, отдавшись воспоминаниям. Но вот доктор снова заговорил:

— Господин Петер, мы с вами унеслись в прошлое. Но вернемся к настоящему, даже более того, я хочу поговорить с вами о будущем, — я кое-что имею в виду для вас.

— Я слушаю вас, доктор, — ответил Петер. — В своем письме вы дали мне понять, что речь идет о моих интересах, быть может...

— Так оно и есть, господин Батори. Я знаю, как заботилась о вас ваша мать, когда вы были ребенком, как она отдавала вам все свои силы, но мне известно также, что вы достойно пережили тяжкие испытания, выпавшие вам на долю, и теперь, когда вы стали мужчиной...

— Мужчиной! — не без горечи повторил Петер Батори. — Мужчиной, который до сих пор не может прокормить себя, а тем более — отплатить матери за все, что она сделала для него!

— Пусть так, — возразил доктор, — но ведь это не ваша вина. Я отлично знаю, как теперь трудно пробиться, — конкурентов множество, а мест так мало. Вы инженер?

— Да, доктор. У меня аттестат инженера, но я не хочу иметь дело с государственными учреждениями. Поэтому я старался устроиться при какой-нибудь промышленной фирме, но до сих пор не нашел ничего подходящего — по крайней мере в Рагузе.

— А вне Рагузы?

— Вне... — повторил Петер Батори, замывшись.

— Да, в другом месте. Разве вы не по этому поводу ездили на днях в Зару?

— Действительно, мне говорили, что на одном металлургическом предприятии есть место...

— И что же?

— Мне его предложили.

— А вы отказались?

— Пришлось отказаться, потому что это связано с переездом в Герцеговину...

— В Герцеговину? Так, значит, госпожа Батори не может поехать туда вместе с вами?

— Матушка поехала бы со мною всюду, куда мне пришлось бы направиться.

— Так почему же вы не приняли это место? — настойчиво спросил доктор.

— Сударь, в настоящее время я не могу уехать из Рагузы по очень серьезной причине, — ответил юноша.

Доктор заметил, что Петер смущается, отвечая ему на последний вопрос. Когда юноша говорил о своем решении не покидать Рагузу — голос его заметно дрожал. Что же это за важная причина, по которой он отклоняет предложенную ему должность?

— Значит, неосуществим и тот план, который я хотел предложить вам, — продолжал доктор Антекирт.

— Он связан с отъездом из Рагузы?

— Да... в страну, где я провожу большие работы, руководство которыми я охотно поручил бы вам.

— Я весьма сожалею, сударь, но, поверьте, что такое решение я принял лишь...

— Верю, господин Петер, и сожалею об этом, быть может, даже больше, чем вы сами. Я был бы счастлив перенести на вас любовь, какую питал к вашему отцу.

Петер Батори молчал. В его душе происходила борьба; видно было, что ему очень тяжело. Доктор чувствовал, что юноша хотел бы высказаться, но не решается. Но вот какая-то непреодолимая сила повлекла Петера Батори к человеку, проявившему такое участие и к его матери и к нему самому.

— Доктор... доктор... — проговорил он в волнении, которого уже не пытался скрыть. — Пожалуйста, не думайте, что я отказываюсь из-за простой прихоти, из-за упрямства! Вы говорили со мною как друг Иштвана Батори!.. Вы всю эту дружбу хотите перенести на меня!.. Я тоже испытываю к вам безграничное доверие, хоть знаком с вами всего несколько минут... О сударь, я готов полюбить вас, как родного отца!..

— Петер!.. Дитя мое! — воскликнул доктор, схватив руку юноши.

— Да, сударь! — продолжал Петер Батори. — И я признаюсь вам во всем! Я люблю девушку, которая живет в этом городе!.. Между нами лежит бездна,

отделяющая нищету от богатства!.. Но я не пожелал считаться с этой бездной, да и девушка, вероятно, пренебрегает ею. Хотя я вижу ее редко — на улице или в окне, — для меня это такое счастье, от которого я не в силах отказаться... Мысль, что мне придется уехать, и уехать надолго, сводит меня с ума!.. Доктор!.. Поймите меня... и простите, что я отказываюсь...

— Да, Петер, я понимаю вас, и мне нечего вам прощать! — ответил доктор Антекирт. — Вы хорошо сделали, что откровенно признались мне. Это обстоятельство все меняет... А ваша мать знает то, о чем вы мне сейчас рассказали?

— Я еще ничего не говорил ей, сударь. Я не решился открыться ей потому, что она, приняв во внимание наше бедственное положение, вероятно, постаралась бы лишить меня всякой надежды!.. А может быть, она и сама догадывается и понимает, как мне тяжело!..

— Петер, вы мне доверились, и вы поступили правильно!.. Эта девушка богата?

— Очень богата! Очень! Слишком богата для меня!

— А она вас достойна?

— Если бы эта девушка была недостойна, разве я осмелился бы просить мать, чтобы она назвала ее своей дочерью?

— В таком случае, Петер, — продолжал доктор, — быть может, пропасть не так уж глубока и ее можно перейти.

— Сударь! Не смущайте меня несбыточной надеждой! — вскричал юноша.

— Несбыточной!

И в тоне, каким доктор Антекирт произнес это слово, звучала такая вера в свои силы, что Петер Батори как бы преобразился, почувствовав себя хозяином настоящего, хозяином будущего.

— Да, Петер, положитесь на меня!.. Когда сочтете удобным — назовите мне имя этой девушки, и я приму меры...

— Зачем мне скрывать его от вас, доктор? — возразил Петер Батори. — Это мадемуазель Торонталь!

Чтобы сохранить спокойствие при звуке этого нена-

вистного имени, доктору пришлось сделать неимоверное усилие; словно бомба разорвалась возле него. На некоторое время — всего лишь на несколько секунд — он умолк и замер на месте.

Потом, скрывая волнение, он сказал:

— Хорошо, Петер! Дайте мне время все это обдумать, все взвесить...

— Позвольте откланяться, доктор, — ответил юноша, крепко пожимая ему руку, — разрешите мне поблагодарить вас, как я поблагодарил бы своего отца!

Петер Батори вышел из салона, поднялся на палубу, сел в лодку и, высадившись на пристани, направился в Рагузу.

Иностранка, поджидавшая его возвращения с «Саварены», опять пошла вслед за ним.

Петер Батори испытывал огромное облегчение. Наконец-то ему удалось излить душу! Нашелся друг, которому можно все сказать... Может быть, даже больше, чем другу! Какой блаженный день! Судьба не часто дарит такие дни!

Когда он проходил мимо особняка на Страдоне, счастье еще раз улыбнулось ему: он заметил, как занавеска на одном из окон на мгновение приподнялась, потом сразу же опустилась!

Но движение занавески не ускользнуло и от взора иностранки, и как только Петер Батори завернул за угол улицы Маринелла, марокканка остановилась. Потом она поспешила на телеграф и отправила депешу, текст которой состоял из одного-единственного слова: «Приезжай!»

Адрес же был такой: «Сицилия. Сиракузы. До восребования. Саркани».

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Устье Катаро

Итак, рок, играющий решающую роль в этом мире, привел в один и тот же город семью Батори и семью Торонталь. И не только привел в один город, но при-

близил, ибо обе они жили в районе Страдона. Более того, Сава Торонталь и Петер Батори увидели друг друга, встретились, друг в друга влюбились — Петер, сын человека, погибшего из-за доноса, и Сава, дочь человека, который донес.

Вот о чем думал доктор Антекирт после того, как молодой инженер ушел от него.

«И Петер уходит полный надежды, — размышлял доктор, — и надежду, которой у него не было, внушил ему не кто иной, как я!»

Был ли доктор готов начать беспощадную борьбу с роком? Чувствовал ли он в себе достаточно сил, чтобы по-своему направить ход событий? Достанет ли у него могущества, нравственной мощи, чтобы обуздать судьбу?

— Да, я буду бороться! — воскликнул он. — Такая любовь немыслима, преступна! Если Петер Батори станет мужем дочери Силаса Торонталья и в один прекрасный день узнает истину — он уже не сможет отомстить за отца! У него не останется ничего другого, как только в отчаянии покончить с собою! Поэтому, если понадобится, я открою ему все!.. Я расскажу ему, какой удар эта семья нанесла его семье! Так или иначе — я эту любовь разобью!

И правда, в таком союзе было бы что-то чудовищное!

Как уже говорилось, во время беседы с госпожой Батори доктор Антекирт сообщил ей, что три вождя заговора стали жертвами отвратительных козней, вскрывшихся в процессе судебного разбирательства, и что он узнал об этом у подкупленного тюремщика башни Пизино.

Мы знаем также, что госпожа Батори по некоторым соображениям еще ничего не сказала сыну об этом предательстве. Впрочем, имена предателей были ей неизвестны. Она не знала, что один из них, человек богатый и уважаемый, живет в Рагузе, неподалеку от нее. Доктор не назвал ей имен предателей. Почему? Только потому, что час их разоблачения еще не пробил. Но он их знал. Он знал, что один из предателей — Силас Торонталь, а другой — Саркани. Он не расска-

зал все до конца потому, что рассчитывал на содействие Петера Батори; он хотел привлечь его к осуществлению справедливого возмездия за гибель отца и вместе с тем к отмщению за двух соратников Иштвана Батори — за Ладислава Затмара и за графа Матиаса Шандора.

И вот теперь он не может сказать этого сыну Иштвана Батори, не нанося ему удара в самое сердце!

— Что ж! — повторил он. — Придется разбить это сердце!

Приняв такое решение, он задумался: как же осуществить его? Рассказать госпоже Батори и ее сыну о прошлом триестского банкира? Но есть ли у него неопровержимые доказательства доноса? Нет, таких доказательств нет, поскольку Матиаса Шандора, Иштвана Батори и Ладислава Затмара, единственных людей, располагавших этими данными, уже нет в живых. Распространить по городу слух об этом гнусном предательстве, не предупредив семью Батори? Да, этого, конечно, было бы достаточно, чтобы углубить пропасть, отделяющую Петера от богатой девушки, — и эта пропасть стала бы и в самом деле непреодолимой. Но если об этом станут говорить, — то, пожалуй, можно опасаться, что Силас Торонталь уедет из Рагузы.

А доктор не хотел, чтобы Торонталь скрылся. Предатель должен оставаться в руках судьи до того часа, когда начнется суд.

Но событиям суждено было развернуться совсем иначе, чем думал доктор.

Взвесив все обстоятельства, доктор пришел к выводу, что в настоящее время не может принять никаких мер непосредственно против Силаса Торонталья; надо сначала заняться тем, что не терпит отлагательства. Прежде всего необходимо удалить Петера Батори из города, где может пострадать его доброе имя. Да! Он сумеет запрятать Петера так далеко, что никто не разыщет его следов. Когда юноша окажется в его руках, он откроет ему все, что знает о Силасе Торонтале и его сообщнике Саркани; он приобщит его к своей борьбе. Но нельзя терять ни одного дня!

Для осуществления этого плана доктор вызвал из порта, расположенного в устье Катаро, на Адриатическом море, к югу от Рагузы, свое быстроходное судно. То был один из чудесных «торникрафтов», которые послужили прототипом для современных миноносцев. Это было стальное судно, длиною в сорок один метр и водоизмещением в семьдесят тонн, без мачт и труб, с простой платформой снаружи и металлической рубкой с чечевицеобразными иллюминаторами, предназначенными для рулевого; оно могло герметически закрываться, если того требовало состояние моря, и плыть не сбиваясь при этом с курса и не тратя времени на борьбу с волнами. Судно это превосходило скоростью все миноносцы Старого и Нового Света и легко делало пятьдесят километров в час. Благодаря такой неслыханной скорости судам доктора Антекирта уже не раз удавалось покрывать большие расстояния в поразительно короткий срок, и доктор молниеносно переносился от берегов Триполитании к самым глухим островкам Архипелага; этим и объяснялась та вездесущность, которую приписывала ему молва.

Однако между торникрафтами и судами доктора имелась существенная разница: доктор заменил перегретый пар электричеством; мощные аккумуляторы, изобретенные им, давали возможность аккумулировать ток колоссального напряжения, который он употреблял для движения судов. Поэтому эти быстроходные суда назывались просто «Электро» и к этому названию прибавлялся только порядковый номер. Таков был «Электро-2», вызванный доктором из устья Катаро.

Отдав это распоряжение, доктор стал ждать часа, когда можно будет приступить к действиям. Одновременно он предупредил Пескада и Матифу, что в скором времени ему понадобятся их услуги.

Излишне говорить, как счастливы были приятели, что наконец-то представится возможность доказать свое усердие.

Их радость была омрачена лишь одним-единственным облачком.

Пескаду предстояло оставаться в Рагузе, чтобы вести наблюдение за особняком на Страдоне и за доми-

ком на улице Маринелла, в то время как Матифу должен был сопутствовать доктору Антекирту в Катаро. Значит, предстоит разлука — первая за много лет, проведенных бок о бок с товарищем по нищете. И силачом Матифу овладевало беспокойство при мысли, что возле него не будет его маленького Пескада.

— Терпенье, друг Матифу, терпенье! — успокаивал его Пескад. — Ведь это же ненадолго! Только разыграть представление — вот и все. А представление, сдается мне, готовится отменное, и директор наш — молодчина: он каждому из нас готовит завидную роль... Поверь, тебе на свою роль жаловаться не придется!

— Ты думаешь?

— Уверен. Конечно, нам не придется играть роль влюбленных. Это тебе не по нутру, хоть ты и чертовски сентиментален. Но также и не предателей. Для этого ты чересчур толст и добродушен. Нет, тебе суждено сыграть роль доброго волшебника, который появляется в конце пьесы, чтобы покарать порок и вознаградить добродетель.

— Как в цирке? — удивился Матифу.

— Как в цирке! Да, я прекрасно представляю тебя в этой роли, друг Матифу! В ту минуту, когда предатель меньше всего этого ждет, ты появляешься, поднимаешь могучий кулак, и тебе достаточно его опустить, чтобы злодею был положен конец! Может быть, роль не велика, зато она привлекательна, и какие рукоплескания, какие деньги ты заработаешь на этом, не говоря уж об удовольствии.

— Да, все это так, — вздохнул Геркулес, — а куда, что ни говори, придется разлучиться!

— Но ведь всего лишь на несколько дней! Только обещай мне, что в мое отсутствие не будешь изнывать от тоски. Не забывай есть шесть раз в день и смотри — толстей! А теперь, друг Матифу, обними меня или лучше, как в балагане, сделай вид, что обнимаешь меня, а то, пожалуй, удушишь насмерть! Ничего не подлаешь, в этом мире поневоле приходится разыгрывать комедии! Обними меня еще разок и не забывай

своего малыша Пескада, а уж он-то никогда не забудет своего толстяка Матифу.

Таково было трогательное расставание двух приятелей. Что и говорить, когда Матифу возвратился один на «Саварену», у него на душе было очень тяжело. В тот же день его друг, выполняя распоряжение доктора, обосновался в Рагузе; ему было приказано не упускать из виду Петера Батори, наблюдать за особняком Торонталя и собирать нужные сведения.

Пескаду предстояло долго пробыть в районе Страдона, и он должен был бы встретиться с иностранкой, исполнявшей, как видно, точно такое же поручение. И встреча эта неминуемо бы произошла, если бы марокканка, послав телеграмму, не выехала из Рагузы в заранее назначенное место, где должна была состояться ее встреча с Саркани. Итак, Пескад свободно мог выполнить данное ему ответственное поручение со свойственным ему умом и находчивостью.

Петеру Батори, конечно, никогда и в голову не приходило, что за ним так внимательно следят, и никак не мог он подумать, что глаза соглядатайки в какой-то момент сменились глазами Пескада. После разговора с доктором, после сделанного ему признания юноша несколько успокоился. Зачем же теперь скрывать ему от матери что-либо из беседы, имевшей место на борту «Саварены»? Разве она не поняла бы и без слов по его взгляду, по настроению, что творится в его душе? Разве не поняла бы, что произошла какая-то перемена, что горе и отчаяние уступили место надежде и радости?

Итак, Петер Батори все рассказал матери. Он назвал ей имя любимой девушки, признался, что только из-за нее отказался уехать из Рагузы. Пусть он беден — что же тут такого? Доктор Антекирт сказал, чтобы он надеялся.

— Так вот почему ты так грустил, любимый мой, — ответила госпожа Батори. — Да поможет тебе бог и пошлет тебе счастье, которого мы до сего времени были лишены!

Госпожа Батори жила очень уединенно. Она выходила из домика на улице Маринелла, только чтобы

направиться в сопровождении своего старого слуги в церковь в дни, установленные для исполнения христианских обязанностей; в ее набожности было что-то суровое и непреклонное, как это свойственно всем венграм-католикам. О семье Торонталь она никогда ничего не слыхала. Ни разу даже мельком не бросила она взгляда на особняк, мимо которого проходила по пути в храм Спасителя, находящийся во францисканском монастыре, в самом начале Страдона. Поэтому она не знала и дочери бывшего триестского банкира.

Петеру пришлось описать и внешний и духовный облик девушки, сказать, где он увидел ее впервые и почему он не сомневается, что любовь его не осталась без ответа. Все эти подробности он поведал с подлинным восторгом, и это ничуть не удивило господжу Батори: ведь у ее сына такая нежная и страстная душа!

Зато когда она узнала, что представляет собой семья Торонталь, когда узнала, что эта девушка — одна из самых богатых невест Рагузы, она не в силах была скрыть свою тревогу. Согласится ли банкир, чтобы его единственная дочь стала женой молодого человека если и не без будущего, то во всяком случае без состояния?

Петер же не считал нужным рассказать матери о том, как холодно, даже презрительно обходился с ним Силас Торонталь. Он еще раз повторил ей слова доктора. А доктор сказал, что Петер может, даже должен всецело положиться на друга своего отца, что он, Антекирт, питает к юному инженеру чисто отцовские чувства; и госпожа Батори не сомневалась в этом, зная все, что намеревался сделать доктор для нее и для ее сына. Словом, подобно Петеру и Борику, который считал долгом высказать свое мнение, госпожа Батори с надеждой смотрела вперед, и скромный домик на улице Маринелла озарился проблеском счастья.

Кроме того, Петеру Батори посчастливилось вновь увидеть Саву Торонталь в следующее воскресенье, у францисканцев. Лицо девушки, обычно слегка груст-

нее, явно оживилось, когда она заметила, что Петер как бы преобразился. Они обменялись красноречивыми взглядами и поняли друг друга. На Саву Торонталь эта встреча произвела сильное впечатление, и она вернулась домой, согретая лучами счастья, которое светилось в глазах юноши.

Между тем Петер больше не виделся с доктором. Он ждал приглашения вновь посетить яхту. Прошло несколько дней, а письма от доктора все не было.

«Вероятно, доктор наводит справки, — думал он. — Он либо сам поехал в Рагузу, либо послал кого-нибудь собрать сведения о семье Торонталь... Быть может, он даже пожелал познакомиться с Савой! Да, вполне возможно, что он уже повидался с ее отцом и попытался подготовить его... Получить бы от него хоть строчку, хоть одно слово — вот было бы счастье! Особенно если это слово будет: «Приезжайте!»

Но желанной вести все не было. Теперь уже госпожа Батори старалась успокоить сына, и это ей удавалось не без труда. Он приходил в отчаяние, ей хотелось поддержать в нем надежду, хотя и сама она была крайне встревожена. Дом на улице Маринелла открыт для доктора, и доктор этого не может не знать. И даже если не принимать в соображение его участия в судьбе Петера, то уже одно сочувствие, которое он проявлял к их семье, должно было бы привести его в их уединенный домик.

Петер считал дни и часы и, наконец, не выдержал. Ему надо было во что бы то ни стало повидаться с доктором. Непреодолимая сила влекла его в Гравозу. Когда он появится на борту яхты — там поймут его нетерпение, простят его тревогу, пусть она и преждевременна!

Седьмого июня около восьми часов утра Петер Батори простился с матерью, ничего, однако, не сказав ей о своих намерениях. Он вышел из Рагузы и направился в Гравозу таким поспешным шагом, что Пескаду трудно было бы за ним угнаться, если бы не его проворство. Придя к тому месту набережной, против которого еще недавно стояла «Саварена», Петер остановился.

«Саварены» в порту не было.

Петер стал искать глазами — не переменяла ли она место... Но он нигде не обнаружил ее.

Он спросил матроса, бродившего по набережной:
— Куда девалась яхта доктора Антекирта?

— «Саварена» вчера вечером снялась с якоря, — отвечал матрос.

И как никому не было известно, откуда прибыла яхта, так никто не знал, куда она направилась.

Яхта ушла! Доктор Антекирт исчез столь же загадочно, как и появился!

Петер Батори пошел по дороге к Рагузе, охваченный таким отчаянием, какого не испытывал еще никогда.

Если бы юноше кто-нибудь проговорился, что яхта направилась в Катаро, он, ни минуты не колеблясь, бросился бы ей вслед. Но поездка эта оказалась бы бесцельной. «Саварена» остановилась у устья Катарс, но не вошла в него. Доктор, в сопровождении Матифу, был доставлен на берег на шлюпке, после чего яхта ушла в неизвестном направлении.

Во всей Европе, а может быть, и во всем Старом Свете нет местечка более любопытного в орографическом и гидрографическом отношении, чем так называемое устье Катаро.

Катаро — не река, как можно было бы предположить. Это город, местопребывание епископа и центр области. Что же касается «устья», то оно состоит из шести бухт, расположенных одна за другой и соединяющихся между собою узкими проливами; по ним можно проехать за шесть часов. Бухты представляют собою как бы озера, нанизанные на ленту; они окружены горами, причем последняя из них, расположенная у подножья горы Норри, является границей австрийских владений. По другую ее сторону начинаются владения Оттоманской империи.

У входа в эти бухты и приказал высадить себя доктор, после того как прибыл сюда из Гравозы. Здесь доктора поджидал быстроходный катер с электрическим мотором, которому предстояло доставить его в самую дальнюю бухту. Обогнув мыс Остро, пройдя

мимо Кастель-Нуово, мимо городов и часовен, мимо Столиво и Перасто, знаменитого места паломничества, мимо Ризано, где далматские наряды уже смешиваются с турецкими и албанскими, пройдя озеро за озером, доктор достиг амфитеатра гор, в глубине которого расположен Катаро.

«Электро-2» стоял на якоре в нескольких кабельтовых от берега, среди уснувших темных вод, на которых в этот прекрасный июньский вечер не было ни малейшей ряби.

Но доктор решил не ночевать на этом судне. Видимо, по каким-то соображениям ему не хотелось, чтобы стало известно, что судно принадлежит ему. Поэтому он высадился в самом Катаро, намереваясь вместе с Матифу устроиться в какой-нибудь гостинице.

Доставивший их на берег катер тут же скрылся в ночной мгле и пошел направо от порта, в бухточку, где мог остаться незамеченным. Доктора в Катаро никто не мог узнать, и в этом отношении он считал себя в такой же безопасности, как если бы укрылся в самом отдаленном уголке земли. Жители этой богатой далматской провинции, славяне по происхождению, даже и не заметят иностранца.

Когда смотришь на город с моря, кажется, будто он построен в тесной расселине горы Норри. Его первые дома тянутся вдоль набережной, отвоеванной у моря, в глубине бухты, углом врезающейся в торный кряж. В самом углу этой бухты, берега которой радуют взор прекрасными деревьями и пышной зеленью, находится пристань, принимающая океанские пакетботы, преимущественно компании Ллойда, и большие каботажные суда, бороздящие Адриатику.

Доктор сразу же стал искать гостиницу. Матифу всюду следовал за ним, даже не осведомившись, где они высадились. Будь то Далмация, будь то Китай — ему было совершенно безразлично. Как верный пес, он шел туда, куда направлялся хозяин. Он был просто инструментом, послушным орудием, готовым вертеться, сверлить, буравить, и доктор собирался пустить его в ход как только понадобится.

Они прошли по аллее вдоль набережной, миновали крепостную стену и направились по узким крутым улицам городка, где живет около пяти тысяч человек. Это было как раз время, когда запирают Морские ворота, открытые только до восьми часов вечера, за исключением тех дней, когда прибывают пакетботы.

Доктор вскоре убедился, что в городе нет ни одной гостиницы. Следовательно, надо было искать человека, который согласился бы сдать помещение, что, впрочем, местные домовладельцы делают весьма охотно, так как это приносит им хороший доход.

Хозяин такой нашелся, нашлась и квартира. Вскоре доктор расположился в нижнем этаже домика, на довольно чистой улице, в помещении, вполне подходящем для него и его спутника. Сразу же условились, что Матифу будет столоваться у домовладельца, и хотя последний заломил неслыханную цену, — которая, впрочем, оправдывалась диковинными объемами его нового постояльца, — сделка была заключена к полному удовольствию договаривающихся сторон.

Сам же доктор оставил за собою право питаться вне дома.

На другой день, предоставив Матифу распоряжаться временем по его усмотрению, доктор пошел на прогулку и прежде всего заглянул на почту, куда должны были поступить письма и телеграммы, адресованные ему на условные инициалы. Корреспонденции еще не было. Тогда он отправился за город, желая ознакомиться с его окрестностями. Вскоре он набрел на довольно сносный ресторан, где обычно собирается катарское общество, австрийские чиновники и офицеры, которые считают пребывание здесь за изгнание, а то и вовсе за тюремное заключение.

Теперь доктор выжидал только подходящий момент, чтобы приступить к действиям. Вот каков был его план.

Он решил похитить Петера Батори. Но схватить его и перевезти на яхту, пока она стояла в рагузском порту, было бы затруднительно. В Гравозе молодого инженера все знали; общественное внимание было приковано к «Саварене» и ее владельцу; поэтому, даже

если допустить, что похищение удалось бы, — оно сразу же получило бы огласку. А ведь яхта была всего-навсего парусником, и пустись за ней вдогонку какой-нибудь пароход, — он быстро нагнал бы ее.

В Катаро же похищение могло осуществиться гораздо легче. Завлечь сюда Петра Батори не представляло никакой трудности. Можно было не сомневаться, что он примчится по первому же вызову доктора. Здесь его никто не знал, как не знали и доктора, а едва только Петер окажется на «Электро», — судно выйдет в открытое море, и тут юноша узнает всю правду о прошлом Силаса Торонталья, и образ Савы померкнет в его сердце, заслоненный образом покойного отца.

Таков был, в сущности очень незамысловатый, план. Еще два-три дня, — последняя отсрочка, назначенная доктором, — и замысел будет приведен в исполнение: Петер будет навеки разлучен с Савой Торонталь.

На другой день, девятого июня, пришло письмо от Пескада. Он сообщал, что в отношении особняка на Страдоне нет решительно ничего нового. Что же касается Петра Батори, то Пескад не видал его с того самого дня, как он ходил в Гравозу, за двенадцать часов до ухода яхты.

Между тем Петер не мог уехать из Рагузы; вероятно, он просто не выходит из своего домика. Пескад предполагал, — и он не ошибался, — что перемена в поведении молодого инженера вызвана отплытием «Саварены», ибо после ухода яхты он вернулся домой крайне расстроенный.

Доктор решил приступить к делу на следующий же день, а именно послать Петеру Батори письмо с приглашением немедленно приехать в Катаро.

Но неожиданное событие нарушило планы Антекирта, хотя в конечном итоге привело к той же цели.

Вечером, часов в восемь, когда доктор прогуливался по набережной, было получено сообщение о прибытии пакетбота «Саксония».

«Саксония» шла из Бриндизи, где она приняла на борт пассажиров. Теперь она направлялась в Триест, с заходом в Катаро, Рагузу, Зару и другие порты на австрийском побережье Адриатики.

В сумерках доктор стоял у схода, глядя, как высаживаются на берег пассажиры, как вдруг он вздрогнул и замер на месте при виде некоего пассажира, багаж которого выносили на набережную.

Человек этот, на вид лет сорока, с надменным, даже наглым взглядом, отдавал громким голосом распоряжения. Это был один из тех субъектов, в которых дурное воспитание сказывается даже тогда, когда они вежливы.

«Он? Здесь? В Катаро?»

Эти слова едва не сорвались с уст доктора, но он во-время сдержался и притушил гнев, вспыхнувший у него в глазах.

Этот пассажир был Саркани. Пятнадцать лет прошло с тех пор, как он работал счетоводом в доме графа Затмара. Теперь это был — если судить по платью — уже не тот авантюрист, которого мы в начале этой повести застали бродящим по Триесту. На нем был прекрасный дорожный костюм, легкое пальто самой последней моды, а многочисленные чемоданы, сверкавшие медными застежками, говорили о том, что бывший триполитанский деловой посредник привык к комфорту.

И действительно, огромная сумма, полученная им за предательство, позволила ему все эти пятнадцать лет жить в свое удовольствие, ни в чем себе не отказывая. Что оставалось у него от этого громадного состояния? Даже лучшие его друзья, если таковые имелись, не могли бы ответить на этот вопрос. Во всяком случае, лицо его носило следы забот, даже тревоги, причину которой трудно было бы выяснить, до того замкнут был этот человек.

«Откуда он приехал?.. Куда направляется?» — спрашивал себя доктор, не теряя его из виду.

Откуда ехал Саркани — это легко было установить, расспросив помощника капитана «Саксонии». Оказалось, что он сел на пакетбот в Бриндизи. Но где он был раньше — в Северной ли, в Южной ли Италии, — этого никто не знал. В действительности же он ехал из Сиракуз. Получив телеграмму марокканки, он немедленно покинул Сицилию и направился в Катаро.

Этот город уже давно был намечен ими как удобное место встречи, — там и ждала его эта женщина, после того как исполнила все, что ей было поручено сделать в Рагузе.

Иностранка стояла тут же, на набережной, поджидая прибытия пакетбота. Доктор заметил ее и увидел, как Саркани направился прямо к ней; доктор, знавший арабский язык, даже расслышал, как она сказала Саркани:

— Медлить нельзя.

Саркани в ответ только кивнул головой. Потом, предъявив багаж для таможенного осмотра, он пошел с марокканкой направо, видимо намереваясь обогнуть городскую стену, не заходя в город через Морские ворота.

В первый момент доктор растерялся. Неужели Саркани ускользнет от него? Идти ли за ним следом?

Повернувшись, он увидел Матифу, который, как истинный зевака, наблюдал за высадкой и посадкой пассажиров «Саксонии». Доктору достаточно было кивнуть, и Геркулес оказался около него.

— Видишь этого человека? — сказал он, указывая на удаляющегося Саркани.

— Вижу.

— Если я прикажу тебе схватить его, ты это сделаешь?

— Сделаю.

— А если он вздумает сопротивляться, справишься с ним?

— Справлюсь.

— Имей в виду, что я хочу получить его живым!

— Получите живым.

Матифу не любил краснбайства и выражался весьма определенно. Доктор мог вполне положиться на него. То, что ему прикажут, будет исполнено!

С марокканкой будет нетрудно справиться — достаточно ее связать, заткнуть ей рот и куда-нибудь ее запрятать. Прежде чем она успеет поднять тревогу, Саркани окажется на борту «Электро».

Темнота, правда, еще не особенно глубокая, должна была содействовать осуществлению этого замысла.

Тем временем Саркани и чужестранка продолжали свой путь вдоль крепостной стены, не замечая, что за ними наблюдают и идут им вслед. Они еще молчали. Они не хотели приступить к разговору, конечно, потому, что направлялись в такое место, где им никто не помешает. Так дошли они до Южных ворот, у которых начинается дорога, ведущая из Катаро в горы, к австрийской границе.

У этих ворот бывает большой базар, куда сходятся черногорцы. Здесь они продают и покупают всевозможные товары, ибо в город их впускают лишь в очень ограниченном числе и лишь после того, как они сдадут оружие. По вторникам, четвергам и субботам горцы являются сюда из Ниегу или из Цетинье, пройдя пешком часов пять-шесть, и приносят с собою яйца, картошку, дичь и даже вязанки хвороста, который очень бойко раскупается.

Саркани приехал как раз в базарный день. Кое-кто из горцев, поздно закончивших сделки, остался на базаре с намерением провести здесь ночь. Их было человек тридцать; они беспрестанно ходили туда и сюда, беседовали, спорили, ссорились; одни уже растянулись на земле, собираясь спать, другие, по албанскому обычаю, жарили на вертеле барашка.

Сюда-то и направились Саркани и его спутница; повидимому, это место было им уже знакомо. И в самом деле, здесь им удобно будет переговорить, здесь можно провести и всю ночь, вместо того чтобы разыскивать ночлег. Дело в том, что, приехав в Катаро, иностранка не позаботилась найти себе помещение.

Доктор и Матифу друг за дружкой появились на базарной площади, погруженной во мрак. Там и сям потрескивали догорающие костры, уже не дававшие света. В таких условиях похитить Саркани будет не легко, если только он не уйдет отсюда еще до рассвета. Доктор пожалел, что не напал на Саркани по дороге от Морских ворот к Южным. Но жалеть было уже поздно. Оставалось выжидать и воспользоваться первым же удобным моментом.

Во всяком случае, катер стоял наготове за скалами, шагах в двухстах от базара, а немного подальше, в двух кабельтовых от берега, смутно виднелись черные очертания «Электро» и мерцавший на нем огонек.

Саркани и марокканка уселись в одном из самых темных уголков, рядом с группой уже уснувших горцев. Здесь они могли поговорить о своих делах, не опасаясь, что их кто-нибудь услышит; но доктор, завернувшись в дорожный плащ, ловко пробрался к группе спящих. Никто не обратил на него внимания. Матифу тоже постарался как можно лучше спрятаться и стоял наготове, ожидая условленного знака.

Саркани и чужестранка говорили по-арабски, вполне уверенные, что их здесь никто не поймет. Но они ошибались. Доктор прекрасно знал все восточные и африканские наречия, и ни одно слово из разговора Саркани и марокканки не ускользнуло от него.

— Ты получил в Сиракузах мою телеграмму? — спросила женщина.

— Получил, Намир, — ответил Саркани, — и мы с Зироне на другой же день выехали.

— А где Зироне?

— В окрестностях Катании; он набирает там новую шайку.

— Тебе, Саркани, надо завтра же съездить в Рагузу и повидаться с Силасом Торонталем.

— Съезжу и повидаюсь. Но ты не ошиблась, Намир? Мне действительно пора показаться?

— Конечно. Дочь банкира...

— Дочь банкира... — повторил Саркани таким странным тоном, что доктор поневоле вздрогнул.

— Да, дочь Торонталья!

— Как же так? Она дает волю своему сердцу, не спросив моего согласия? — насмешливо продолжал Саркани.

— Тебя это удивляет? А между тем это так. Но ты еще больше удивишься, когда узнаешь, за кого хочет выйти Сава Торонталь.

— Верно, какой-нибудь разорившийся дворянчик, мечтающий поправить дела при помощи миллионов тестя.

— Да, — сказала Намир, — молодой человек очень знатного происхождения, но без средств...

— И как же зовут этого нахала?

— Петер Батори.

— Петер Батори! — вскричал Саркани. — Петер Батори собирается жениться на дочери Силаса Торонталя!

— Успокойся, Саркани! — сказала Намир. — Что дочь Силаса Торонталя и сын Иштвана Батори влюблены друг в друга — для меня это уже не тайна. Но, быть может, Силас Торонталь и не подозревает об этом?

— Это он-то! Не подозревает? — переспросил Саркани.

— Очень может быть. Да он ни за что и не согласится.

— Кто знает? — возразил Саркани. — Силас Торонталь способен на все... способен даже дать согласие на этот брак, — хотя бы для того, чтобы успокоить свою совесть, если только за эти пятнадцать лет у него пробудилась совесть. К счастью, я тут и постараюсь спутать его карты. Завтра же буду в Рагузе!

— Это хорошо, — одобрила Намир, видимо имевшая на Саркани большое влияние.

— Дочь Силаса Торонталя будет только моею, Намир, и благодаря ей я снова разбогатею.

Доктор узнал все, что ему было нужно знать, и дальнейший разговор чужестранки и Саркани его уже не интересовал.

Один негодяй приехал сватать дочь другого негодяя и будет домогаться ее руки. Вот он — суд божий! Теперь уже нечего опасаться за Петера Батори, ибо нависшую над ним опасность отведет не кто иной, как его соперник! Итак, незачем вызывать Петера в Катаро, незачем увозить человека, который добивается чести стать зятем Силаса Торонталя!

«Пусть эти мошенники породнятся и заживут одной семьей, — решил доктор. — А там мы посмотрим».

И он потихоньку ушел, подав Матифу знак следовать за ним.

Матифу не спрашивал, почему доктор Антекирт собирался похитить пассажира с «Саксонии»; не спро-

сил он и о том, почему доктор теперь отказывается от своего намерения.

На другой день, десятого июня, в девятом часу вечера двери парадной гостиной особняка на Страдоне широко распахнулись, и лакей громко доложил:

— Господин Саркани.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Осложнения

Прошло уже четырнадцать лет, как Силас Торонталь покинул Триест и поселился в Рагузе, в роскошном особняке на Страдоне. Он был далматинцем и, естественно, уйдя от дел, решил вернуться в родные края.

Тайна была строго соблюдена. Вознаграждение за донос в точности выплачено предателям. Таким образом в руки Торонталья и его бывшего триполитанского доверенного попало целое состояние.

После того как двое осужденных были казнены в крепости Пизино, после того как граф Матиас Шандор, совершив побег, погиб в волнах Адриатики, последовала конфискация их имущества. Дом и небольшое имение, принадлежавшие Ладиславу Затмару, были проданы за бесценок, не осталось даже денег на содержание его престарелого слуги. После Иштвана Батори также ничего не осталось, поскольку он не располагал состоянием и зарабатывал на жизнь уроками. Зато замок Артенак и его богатые уголья, рудники и леса, покрывающие северные склоны Карпат, — все это достояние графа Матиаса Шандора представляло значительную ценность. Его разделили на две части: одна была конфискована государством и пошла на уплату вознаграждения доносчикам, другая секвестрована, и ее должны были выдать наследнице графа по достижении ею восемнадцатилетнего возраста. А если бы девочка умерла, не достигнув совершеннолетия, то капитал окончательно перешел бы в казну.

На долю доносчиков пришлось более полутора миллионов флоринов, которыми они могли располагать по своему усмотрению¹.

Сообщники решили, что им прежде всего надо разлучиться. Хитрому Саркани вовсе не улыбалось оставаться подле Силаса Торонталья. У последнего тоже не было ни малейшего желания поддерживать отношения со своим бывшим агентом. Поэтому Саркани уехал из Триеста, захватив с собою Зироне, который, не покинув приятеля в беде, тем более не был склонен оставить его в дни преуспевания. Оба они куда-то канули, и банкир больше о них не слышал. Куда же они направились? Конечно, в какой-нибудь крупный европейский город, где мало интересуются происхождением человека, лишь бы он был богат, как не интересуются и происхождением его состояния, лишь бы он проматывал деньги не скупясь. Словом, в Триесте никто уже не вспоминал этих проходимцев; да знал-то их в сущности лишь один Силас Торонталь.

Когда они уехали, банкир с облегчением вздохнул. Он думал, что теперь ему уже нечего опасаться человека, который был замешан в его темных делах и всегда мог воспользоваться этим. С другой стороны, хоть Саркани и разбогател, полагаться на такого рода людей все-таки нельзя; легко доставшиеся деньги легко растрачиваются, а прокутив состояние, Саркани не постесняется вернуться к своему былому сообщнику.

Полгода спустя Силас Торонталь, предварительно поправив свои пошатнувшиеся дела, закрыл банковскую контору и окончательно переехал из Триеста в Рагузу. Он не сомневался, что губернатор — единственный человек, знавший, какую роль сыграл банкир в раскрытии заговора, — безусловно сохранит все в тайне, но этого ему было мало: он хотел удержать за собою весь престиж и воспользоваться всеми благами, какие сулило ему богатство, куда бы он ни переехал.

Быть может, он принял решение покинуть Триест в связи с одним обстоятельством, известным лишь ему самому и его жене. Именно поэтому — только один

¹ Больше трех миллионов франков. (Прим. автора.)

раз — он имел дело с Намир, об отношениях которой с Саркани мы уже знаем.

Итак, своим новым местопребыванием банкир избрал Рагузу. Он выехал оттуда очень молодым; ни родителей, ни семьи у него не было. Его вскоре позабыли. С тех пор прошло лет сорок, и теперь он появился здесь как лицо, никому не известное.

Вновь прибывший богач встретил со стороны рагузского общества весьма радушный прием. О нем было известно только одно, а именно, что он занимал в Триесте очень видное положение. Банкир подыскал и приобрел дом в самом аристократическом квартале города. Он зажил на широкую ногу; прежних его слуг сменили новые, нанятые в Рагузе. Он устраивал приемы и сам был принят повсюду. О прошлом его никто ничего не знал, и он поистине представлялся каким-то баловнем судьбы.

Правда, Силасу Торонталю были чужды угрызения совести. И если бы не опасение, что гнусный донос в один прекрасный день выплывет наружу, ничто не тревожило бы его.

Однако возле него, как живой укор, находилась его жена.

Несчастливая женщина, честная и прямодушная, знала об отвратительной интриге, в результате которой были казнены трое патриотов. Слово, случайно вырвавшееся у банкира, когда дела его пошатнулись, неосторожно высказанная им надежда, что ему перепадет часть состояния графа Матиаса Шандора, кое-какие документы, которые по его просьбе пришлось подписать госпоже Торонталь, — все это заставило его сознаться ей и рассказать, какое участие он принял в раскрытии триестского заговора.

Узнав истину, супруга банкира почувствовала непреодолимое отвращение к человеку, с которым связала ее судьба, и это чувство было тем острее, что госпожа Торонталь сама была венгеркой. Но, как уже говорилось, эта женщина не отличалась нравственной силой. Сраженная неожиданным ударом, она так и не могла оправиться. С тех пор она жила — и в Триесте и в Рагузе — замкнуто, насколько позволяло ее обществен-

ное положение. Она, разумеется, появлялась во время приемов в особняке на Страдоне — это было необходимо, и муж непременно потребовал бы этого; но, исполнив обязанности светской женщины, она опять долгое время не покидала своих комнат. Она старалась забыться, посвящая себя воспитанию дочери, на которой теперь сосредоточила свою любовь. Но как забыться, когда человек, замешанный в такое мерзкое дело, живет с тобою под одним кровом!

А между тем года через два после водворения Торнталей в Рагузе положение еще более осложнилось. Это послужило для банкира поводом к тревоге, а его жене принесло новые огорчения.

Госпожа Батори с сыном и Бориком тоже переселились из Триеста в Рагузу, где у нее были дальние родственники. Вдова Иштвана Батори не знала Силаса Торнталья; она даже не подозревала какой-либо связи между банкиром и графом Матиасом Шандором. О том же, что этот человек участвовал в злодеянии, которое стоило жизни трем благородным венграм, она и подавно не могла знать, поскольку ее муж перед смертью не имел возможности назвать ей имена негодяев, предавших его австрийской полиции.

Но если госпожа Батори не знала триестского банкира, то он-то ее знал. Жить в одном и том же городе, порою встречать на улице эту бедную женщину, с трудом воспитывающую сына, — было ему крайне неприятно. Наверное, он в свое время не остановил бы выбор на Рагузе, если бы знал, что там живет госпожа Батори. Но вдова сняла домик на улице Маринелла уже после того, как банкир купил особняк на Страдоне, поселился в нем и завязал отношения с местным обществом. Он не стал в третий раз менять местожительство.

«Ко всему привыкаешь», — подумал он.

И Торнталь решил не обращать внимания на женщину, самый вид которой напоминал ему об его предательстве.

Оказывается, стоило Силасу Торнталью зажмуриться, и он уже мог не видеть и того, что делается у него в душе.

Но то, что для банкира было лишь мелкой неприятностью, оказалось для его жены источником страданий и вызывало постоянные угрызения совести. Несколько раз госпожа Торонталь пыталась тайно оказать помощь вдове, которой приходилось зарабатывать на жизнь тяжелым трудом. Но помощь эта неизменно отвергалась, как и все попытки неизвестных друзей, старавшихся как-нибудь поддержать ее. Непреклонная женщина ничего не просила и не хотела ничего принимать.

Непредвиденное, даже невероятное обстоятельство сделало это положение совершенно нестерпимым.

Госпожа Торонталь перенесла всю свою любовь на дочку, которой ко времени их переезда в Рагузу, в конце тысяча восемьсот шестьдесят седьмого года, было около двух с половиной лет.

Теперь Саве шел восемнадцатый год. Это была прелестная девушка, скорее венгерского, чем далматского типа. Густые черные волосы, большие жгучие глаза, высокий лоб, который, по мнению френологов, говорит о развитии высших психических центров, красиво очерченный рот, яркий цвет лица, изящная фигура, немного выше средней, — все привлекало к ней взгляды.

Но в этой девушке особенно поражала и на чувствительные души производила неизгладимое впечатление ее серьезность, ее задумчивый вид, — казалось, она силилась припомнить что-то полузабытое; во всем ее облике было нечто неуловимое, привлекавшее к ней и вместе с тем наводившее странную грусть. Поэтому все, кто бывал у них в доме или встречал ее на улице, относились к ней с каким-то особенным уважением.

Разумеется, у Савы не было недостатка в претендентах на ее руку. Ведь известно было, что она наследница огромного состояния, которое рано или поздно целиком перейдет к ней. Ей было уже сделано несколько предложений, вполне подходящих со всех точек зрения, но на вопросы матери девушка неизменно отвечала, что не хочет выходить замуж, однако воздерживалась от каких-либо объяснений на этот счет. Впрочем, Силас Торонталь не принуждал ее и не

торопил с замужеством. Видимо, он просто еще не встретил человека, которого ему хотелось бы иметь зятем, — о склонностях Сава он не помышлял.

В довершение нравственного облика Сава Торонталь следует сказать, что она была склонна восторгаться подвигами, совершенными из любви к родине. Не то чтобы Сава интересовалась политикой, но всякий раз, когда речь заходила об отчизне, о жертвах, принесенных ради нее, о недавних случаях беззаветного патриотизма, — она испытывала глубокое волнение. Сава, конечно, не унаследовала эти чувства от отца, — будучи благородной и великодушной, она обрела их в своем собственном сердце.

Этим-то и объясняется то влечение, какое чувствовали друг к другу Петер Батори и Сава Торонталь. На беду банкира молодые люди встретились. Саве не было еще и двенадцати лет, когда однажды при ней сказали, указывая на Петера:

— Вот сын человека, который умер за Венгрию.

И слова эти навсегда запечатлелись у нее в памяти.

Потом дети выросли. Сава стала думать о Петере еще до того, как он обратил на нее внимание. Она замечала, что юноша всегда задумчив, всегда озабочен. Он беден, но усердно учится, чтобы быть достойным своего отца, имя которого было ей хорошо известно.

Остальное мы уже знаем: Петер, увидев Саву, был покорен и очарован этой девушкой, характер которой должен был быть ему близок; нам известно, что в то время как Сава, быть может, еще и не осознала зарождавшегося в ней чувства, юноша уже любил ее глубокой любовью, которую и ей вскоре предстояло разделить.

Но чтобы составить себе ясное представление о Саве, надо рассказать, какое положение занимала она в семье.

По отношению к отцу Сава была всегда очень сдержанна. Банкиру чужды были сердечные порывы, да и дочь никогда не ласкалась к нему. У одного здесь сказывалась прирожденная черствость, у другой холодок объяснялся полным расхождением во взглядах. Сава относилась к отцу с уважением, как подобает

всякой дочери, — и только. Впрочем, он предоставлял ей полную свободу, считался с ее вкусами, не ограничивал ее благотворительность, которая даже льстила его тщеславию. Словом, с его стороны налицо было безразличие. С ее же стороны — нечего скрывать — скорее отчужденность, даже неприязнь.

К матери Сава относилась совсем иначе. Хотя госпожа Торонталь находилась в полном подчинении у мужа, который мало считался с нею, у нее было доброе сердце, и в нравственном отношении она стояла неизмеримо выше своего супруга. Госпожа Торонталь горячо любила дочь. Она знала, что за ее сдержанностью таятся большие достоинства. В ее любви к дочери, доходившей до обожания, чувствовались и восхищение, и уважение, и даже некоторый страх. Возвышенный характер Савы, ее прямоту, а в некоторых случаях и непреклонность, в какой-то степени оправдывали эту безмерную материнскую любовь. Надо сказать, что девушка отвечала на любовь любовью. Даже не будь между ними кровной связи, они горячо привязались бы друг к другу.

Поэтому не удивительно, что госпожа Торонталь первая заметила то, что стало твориться в головке, а потом и в сердце Савы. Дочь нередко заводила с ней разговор о Петере Батори и его семье, не замечая, какое тяжелое впечатление производит на мать одно упоминание имени Батори. Когда же госпожа Торонталь узнала, что ее дочь влюблена в Петера, она прошептала:

— Неужели такова воля господня?

Нам понятно, что означали эти слова в устах госпожи Торонталь. Но еще неизвестно, могла ли бы стать любовь Савы к Петеру справедливым возмещением того зла, какое было причинено семье Батори.

Однако если благочестивой госпоже Торонталь казалось, что само небо благословляет сближение этих двух семей, то как-никак требовалось и согласие ее мужа. Поэтому, ничего не сказав дочери, она решила поговорить с ним на эту тему.

При первых же словах жены Силас Торонталь пришел в неопишемую ярость. Госпоже Торонталь,

которой этот разговор и без того стоил немало сил, пришлось поскорее выйти из комнаты и вернуться на свою половину, но банкир крикнул ей вслед:

— Берегитесь, сударыня! Если вы еще раз заикнетесь об этом — как бы вам не раскаяться!

Итак, та сила, которую банкир называл роком, не только привела семью Батори в этот город, но помогла Саве и Петеру встретиться и влюбиться друг в друга!

Может возникнуть вопрос: чем вызван был гнев банкира? Не было ли у него тайных планов относительно Савы, относительно ее будущего? Может быть, любовь ее противоречила этим планам? Если паче чаяния его гнусный донос когда-нибудь откроется, не лучше ли для него, чтобы последствия его преступления были в какой-то мере смягчены? Что сможет сказать об этом доносе Петер Батори, если станет мужем Савы Торонталь? Что сможет тогда сделать госпожа Батори? Слов нет, положение создалось бы ужасное: сын жертвы доноса оказался бы мужем дочери убийцы! Но все это было бы ужасно для них, а не для него, не для Силаса Торонталья!

Да, конечно. Но ведь не следовало забывать о Саркани, а он не подавал о себе вести. Вполне возможно, что он еще появится, и тогда, вероятно, вновь завяжутся какие-то отношения между ним и его сообщником, банкиром. А уж Саркани-то, конечно, не забудет, чем они были связаны в прошлом, если только судьба обернется против него.

Само собой разумеется, Силаса Торонталья постоянно занимала мысль: что же случилось с его бывшим триполитанским доверенным? После того как они расстались в Триесте, о нем не было ни слуху ни духу, а с тех пор прошло уже целых пятнадцать лет. Не дали никаких результатов и справки, наведенные в Сицилии, с которой Саркани был связан через своего приятеля Зироне. Саркани мог появиться в любой день. Эта мысль постоянно страшила банкира. Но, может быть, он умер? Такую новость Силас Торонталь встретил бы с вполне понятным удовлетворением. Тогда банкир, пожалуй, совсем иначе отнесся бы к мысли о возмож-

ности породниться с семьею Батори. А сейчас об этом нечего было и думать.

Поэтому Силас Торонталь не стал возобновлять разговора, вызвавшего у него такой гнев. Никаких объяснений на этот счет он жене не дал. Но он принял решение строго наблюдать за Савой, даже шпионить за ней. А с молодым инженером решил держаться высокомерно, при встречах с ним отворачиваться, — словом, поступать так, чтобы у молодого человека не оставалось ни тени надежды. И банкир ясно давал ему понять, что любые шаги с его стороны совершенно бесполезны!

Вот при каких обстоятельствах вечером десятого июня в гостиной Торонталья распахнулась дверь и прозвучало имя Саркани. В то утро Саркани, в сопровождении Намир, прибыл поездом из Катаро в Рагузу. Наглец остановился в одной из лучших гостиниц, оделся с особой тщательностью и, не теряя ни минуты, явился в дом своего бывшего сообщника.

Силас Торонталь принял его и распорядился, чтобы во время разговора их не беспокоили. Как отнесся он к визиту Саркани? Сумел ли он скрыть волновавшие его чувства и удалось ли ему сговориться с бывшим сообщником? А Саркани — держал ли он себя попрежнему нагло и вызывающе? Напомнил ли он банкиру о данных ему обещаниях, об условиях, заключенных между ними пятнадцать лет тому назад? Наконец, касалась ли их беседа прошлого, настоящего или будущего? Ответить на эти вопросы нельзя, ибо разговор между ними происходил с глазу на глаз.

Но вот что последовало за этой беседой.

Через сутки по городу уже разнеслась сенсационная новость. Говорили, что мадемуазель Сава Торонталь выходит замуж за некоего триполитанского богача по имени Саркани.

Повидимому, банкир пошел на капитуляцию, опасаясь, как бы этот человек не погубил его. Поэтому ни мольбы жены, ни отвращение, с каким отнеслась к этой сделке Сава, — ничто не в силах было поколебать решение Торонталья, который намеревался распорядиться судьбою дочери по собственному усмотрению.

Теперь поясним, почему именно так хотелось Саркани заключить этот брак. Эту причину он скрыл от Силаса Торонталья: Саркани был разорен. Суммы, благодаря которой Торонталью удалось поправить дела своей банкирской конторы, авантюристу Саркани еле хватило на эти пятнадцать лет. Покинув Триест, Саркани разъезжал по Европе, жил на широкую ногу и бросался направо и налево деньгами в самых шикарных гостиницах Парижа, Лондона, Берлина, Вены, Рима. Изведав все виды наслаждений, он отдался азартной игре и быстро проиграл остатки своего состояния в рулетку, которая еще существовала в Швейцарии и Испании; особенно же подвизался он в Монако — маленьком княжестве на границе Франции.

Само собой разумеется, Зироне все это время был с ним неразлучен. Когда у приятелей осталось всего-навсего несколько тысяч флоринов, они вернулись в Восточную Сицилию, где Зироне, как местный уроженец, чувствовал себя дома. Здесь они не сидели сложа руки в ожидании событий, то есть в ожидании момента, когда можно будет возобновить отношения с триестским банкиром. Правда, чего проще, как поправить дела, женившись на Саве, единственной наследнице несметно богатого Силаса Торонталья? Ведь банкир не посмеет в чем бы то ни было отказать Саркани!

И действительно, об отказе нечего было и помышлять, и банкир даже не пытался отказать Саркани. Впрочем, может быть, эти два негодяя были еще чем-то связаны между собой, и мы узнаем об этом впоследствии? Может быть, это и повлияло на решение вопроса о браке?

Однако Сава очень решительно потребовала от отца объяснений. Почему он так самовластно распоряжается ее судьбой?

— Честь моя зависит от этого брака, — сказал он ей наконец. — И брак этот состоится во что бы то ни стало!

Когда Сава передала этот ответ матери, последняя почти без чувств упала ей на руки и в полном отчаянии залилась слезами.

Значит, Силас Торонталь сказал правду!

Свадьба была назначена на шестое июля.

Можно себе представить, что переживал в течение этих трех недель несчастный Петер Батори! Он был совершенно ошеломлен. Им овладевали приступы бес- сильного бешенства; он то сидел взаперти в домике на улице Маринелла, то устремлялся куда глаза глядят, вон из этого проклятого города, — и госпожа Батори опасалась, что уже больше не увидит его.

Что могла она сказать ему в утешение? Пока не было речи об этом браке, Петер Батори, несмотря на явную неприязнь со стороны отца Савы, все же мог питать какую-то надежду. Но если девушку выдадут замуж — образуется новая пропасть, и теперь уже непреодолимая. А доктор Антекирт, вопреки всему, что он говорил, вопреки всем своим обещаниям, покинул Петера! И как могла, — размышлял молодой инженер, — девушка, которую он любит и о которой знает, что у нее твердый характер, как же она могла дать согласие на этот брак? Что за тайна царит в особняке на Страдоне, если там могут твориться такие вещи? Ах, лучше бы Петер уехал отсюда, лучше поступил бы на должность где-нибудь вне Рагузы, лучше удалился бы подальше от Савы, которую теперь отдают какому-то чужестранцу, какому-то Саркани!

— Нет, — твердил он. — Это невозможно! Я люблю ее!

Итак, в домике, который на несколько дней озарился лучом счастья, теперь воцарилось полное отчаяние.

Пескад, неустанно наблюдавший за тем, что творится в интересующих его семьях, прекрасно осведомленный обо всех слухах, носившихся по городу, одним из первых узнал о намечающемся событии. Как только до него дошла молва о женитьбе Саркани на Саве Торонталь, — он сообщил о ней в Катаро. Как только он обнаружил, в какое страшное горе повергла эта новость молодого инженера, которому он всей душой сочувствовал, — он немедленно дал знать об этом доктору Антекирту.

В ответ он получил распоряжение продолжать наблюдение за всем происходящим в Рагузе и обо всем сообщать в Катаро.

По мере того как приближался роковой день шестого июля, состояние Петра Батори становилось все тяжелее. Матери уже не удавалось хотя бы немного успокоить его. Ведь не было никакой возможности изменить решение Силаса Торонталья! По тому, с какой поспешностью была объявлена предстоящая свадьба и назначен срок, можно было не сомневаться, что дело решено давным-давно, что Саркани и банкир—старые знакомые и «триполитанский богач» имеет на отца Савы совершенно исключительное влияние.

Находясь во власти этих неотступных мыслей, Петер Батори осмелился написать Силасу Торонталью за неделю до предстоящего брака.

Письмо его осталось без ответа.

Петер попытался подкараулить банкира где-нибудь на улице...

Это ему не удалось.

Петер решил посетить Торонталья на дому...

Его не приняли.

Что же касается Савы и ее матери, то теперь они уже совсем не выходили из дому. Повидать их не было ни малейшей возможности.

Зато Петеру Батори несколько раз случилось встретиться на Страдоне лицом к лицу с Саркани. На взгляды юноши, полные ненависти, Саркани отвечал самым дерзким презрением. У Петра Батори мелькнула мысль вызвать Саркани на ссору и вынудить его драться на дуэли... Но ради чего и на каком основании встанет Саркани у барьера накануне своей свадьбы с Савой Торонталь? Это было бы не в его интересах.

Прошло шесть дней. Вечером четвертого июля, несмотря на мольбы матери, несмотря на уговоры Бэрика, Петер ушел из дома. Старый слуга попытался было пойти следом за ним, но вскоре потерял его из виду. Петер шел, как безумный, куда глаза глядят, по самым захолустным улицам, вдоль городских стен.

Не прошло и часа, как его принесли домой. Он находился при смерти. Верхняя часть левого легкого была у него проколота кинжалом.

Не было никаких сомнений: дойдя до крайнего отчаяния, Петер сам нанес себе этот удар.

Узнав о случившемся, Пескад бросился на телеграф.

Через час доктор Антекирт уже получил в Катаро известие о самоубийстве молодого человека.

Нет слов описать горе госпожи Батори, когда она увидела перед собой сына, которому, повидимому, оставалось жить лишь несколько часов. Но она быстро превозмогла женскую слабость. Прежде всего — помощь. Слезы — потом.

Вызвали врача. Он прибыл немедленно, осмотрел раненого, прислушался к его слабому, прерывистому дыханию, исследовал рану, наложил повязку, — словом, сделал все, что было в его силах. Но надежды у него не было никакой.

Через пятнадцать часов состояние больного осложнилось сильным кровотечением, дыхание стало еле заметно, казалось, оно вот-вот прекратится.

Госпожа Батори опустилась на колени, обращаясь к богу с горячей молитвой сохранить сыну жизнь.

В эту минуту дверь растворилась, и на пороге показался доктор Антекирт. Он направился прямо к постели умирающего.

Госпожа Батори хотела было броситься к нему — он жестом остановил ее.

Затем он склонился над Петером и внимательно, словно не говоря, осмотрел его. Потом он устремил на раненого какой-то особенно пристальный взгляд. Его глаза словно излучали некую магнетическую силу; он как бы хотел перелить в этот мозг, где сознание уже угасало, свою собственную жизнь и свою собственную волю.

Вдруг Петер приподнял голову. Веки его приоткрылись, он посмотрел на доктора и... упал бездыханным.

Госпожа Батори бросилась к нему, вскрикнула и без сознания рухнула на руки Борики.

Доктор закрыл юноше глаза. Потом он встал и, выходя из комнаты, прошептал изречение древнего индусского мудреца:

— «Смерть не уничтожает человека, она только делает его невидимым!»

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Встреча на Страдоне

Смерть эта наделала в городе много шума, но никто не подозревал истинной причины самоубийства Петера Батори и тем более того обстоятельства, что к нему в какой-либо степени причастны Саркани и Силас Торонталь.

На другой день, шестого июля, должна была состояться свадьба Савы Торонталь и Саркани.

Весть о самоубийстве, совершенном при таких волнующих обстоятельствах, еще не дошла ни до госпожи Торонталь, ни до ее дочери. Силас Торонталь в согласии с Саркани принял на этот счет строгие меры предосторожности.

Было решено, что свадьбу отпразднуют очень скромно. В виде оправдания ссылались на то, что семья Саркани якобы сейчас в трауре. Такая скромность, конечно, не вязалась с тщеславными замашками Торонталья, но он решил, что при сложившихся обстоятельствах лучше не возбуждать лишних толков. Предполагалось, что молодожены пробудут в Рагузе всего несколько дней, а потом отправятся в Триполи, в город, являющийся постоянным местопребыванием Саркани.

Чтение брачного договора, предусматривавшего значительное приданое, должно было состояться в особняке на Страдоне в присутствии лишь самых близких людей; обряд венчания предполагалось совершить у францисканцев сразу же после подписания договора. Гостей в этот день приглашено не было.

Пока в особняке Торонталь шли последние приготовления к свадьбе, на противоположной стороне улицы прохаживались двое мужчин.

То были Матифу и Пескад.

Вернувшись в Рагузу, доктор Антекирт привез с собою и Матифу. Его присутствия уже не требовалось в Катаро, и можно себе представить, как друзья, или, по выражению Пескада, «близнецы», были счастливы вновь увидеть друг друга.

Как мы знаем, доктор сразу же явился в домик на улице Маринелла; затем он удалился в скромную гостиницу в предместье Плоссе, где ожидал, когда состоится свадьба Саркани и Савы Торонталь, чтобы приступить к осуществлению намеченного им плана.

На другой день он снова пришел к госпоже Батори и собственноручно помог уложить тело Петера в гроб. Затем он вернулся в гостиницу, а Пескада и Матифу послал наблюдать за Страдоном.

Пескад был весь внимание, но это не мешало ему беседовать с приятелем.

— Ты, кажется, потолстел, друг Матифу! — говорил он, приподнимаясь на цыпочки, чтобы пощупать грудь великана.

— Да! И силы у меня поприбавилось!

— Я это заметил по тому, как ты меня обнял.

— Ну, а как представление, о котором ты говорил? — спросил Матифу; уж очень ему хотелось сыграть обещанную роль.

— Оно на мази, на мази. Но, знаешь ли, сюжет-то пьесы оказался очень запутанным.

— Запутанным?

— Да. Выходит, что это не комедия, а драма. Но начало ее прямо-таки захватывающее.

Пескад замолчал. Мимо них пронеслась карета; она остановилась у особняка Торонталья.

Ворота тотчас же распахнулись и, впустив карету, вновь закрылись, но Пескад успел рассмотреть, что в карете находился Саркани.

— Да, очень даже захватывающее начало, — продолжал он. — Успех, можно поручиться, будет огромный.

— А предатель? — спросил Матифу, которого этот персонаж, видимо, особенно интересовал.

— Предатель... пока что еще торжествует, как и полагается в хорошо написанной пьесе... Но терпение! Подождем развязки.

— В Катаро мне уже казалось, что вот-вот...

— Выйдешь на сцену?

— Да, я уж совсем приготовился.

И Матифу рассказал обо всем, что произошло на базаре в Катаро, то есть как его руки были уже зафрахтованы для похищения, которое, однако, не состоялось.

— Ничего! Значит, еще не время было, — отвечал Пескад; для отвода глаз он без умолку болтал, в то же время зорко посматривая по сторонам. — Твой выход — не раньше как в четвертом или пятом действии. А может быть, ты и вовсе появишься только в заключительной сцене. Но не беспокойся. Появление твое будет чертовски эффектно! Можешь не сомневаться!

В это время со стороны улицы Маринелла послышался смутный гул голосов.

Пескад замолчал и отошел от особняка Торонталя.

В это время с улицы Маринелла на Страдон вышла похоронная процессия; она направлялась к францисканской церкви, где должно было состояться отпевание.

За гробом следовало очень мало народа, ибо похороны, по скромности своей, не привлекали внимания прохожих: простой гроб, покрытый черным сукном, несли на руках.

Шествие медленно продвигалось вперед, как вдруг Пескад, еле сдержав возглас, вцепился в руку Матифу.

— Что с тобой? — изумился Матифу.

— Ничего! Долго объяснять!

Среди шедших за гробом он узнал госпожу Батори. Она пожелала проводить сына на кладбище.

Церковь не отказала в своих молитвах покойнику, которого толкнуло на самоубийство лишь беспросветное отчаяние, и священник дожидался его во францисканской часовне, чтобы затем сопутствовать ему на кладбище.

Госпожа Батори шла за гробом, однако она не плакала, у нее уже не было сил на слезы. Ее полубезумный взгляд то как бы искал чего-то по сторонам, то словно проникал под черный покров, скрывавший бездыханное тело ее сына.

Старик Борик, на которого жалко было смотреть, еле бред возле нее.

У Пескада навернулись слезы. Да, если бы этот добрый малый не был обязан стоять на посту, он непре-

менно присоединился бы к немногочисленным друзьям и соседям, провожавшим Петера Батори в последний путь.

В тот момент, когда процессия поравнялась с особняком Торонталья, ворота его вдруг растворились. Во дворе, у крыльца, стояли два экипажа.

Первый из них выехал со двора и повернул в сторону, направляясь вниз по Страдону.

В этом экипаже Пескад увидел Силаса Торонталья, его жену и дочь.

Госпожа Торонталь, подавленная горем, сидела рядом с Савой, которая была блее своей венчальной фаты.

Во втором экипаже ехал Саркани с двумя-тремя родственниками или друзьями.

Свадьба была такая же скромная, как и похороны юноши. И тут и там — безысходная печаль.

Но в то мгновение, когда первый экипаж показался в воротах, раздался душераздирающий крик.

Госпожа Батори остановилась и, протянув руку к Саве, прокляла девушку!

Крик этот вырвался у Савы. Она увидела мать, облеченную в траур. Она поняла все, что от нее скрыли. Петер умер, умер из-за нее и ради нее, и это его провожают на кладбище, в то время как свадебная карета везет ее к венцу.

Сава упала без сознания. Госпожа Торонталь, вне себя от ужаса, пыталась привести ее в чувство... Все напрасно! Девушка еле дышала!

Силас Торонталь не в силах был сдержать своего гнева. Зато подбежавший Саркани быстро овладел собой.

В таком состоянии невеста не могла предстать перед нотариусом. Волей-неволей кучерам было приказано повернуть обратно, и ворота особняка снова с шумом захлопнулись.

Саву перенесли в ее спальню, уложили в постель, но она была недвижима. Мать стояла на коленях возле нее. Спешно вызвали доктора. Тем временем погребальная процессия медленно подходила к францисканской

перкви. После отпевания она направилась на городское кладбище.

Пескад сообразил, что надо как можно скорес сообщить доктору Антекирту о неожиданном инциденте.

— Оставайся тут и наблюдай! — сказал он Матифу, А сам бегом направился в предместье Плоссе.

Доктор выслушал торопливый рассказ Пескада, не проронив ни слова.

«Превысил ли я свои права? — размышлял он. — Нет! Я нанес удар ни в чем не повинной девушке? Да, конечно! Но ведь она дочь Силаса Торонталя!»

Потом он спросил:

— Где Матифу?

— Возле дома Торонталя.

— Вечером вы мне оба понадобятся.

— В котором часу?

— В девять.

— Где прикажете вас дожидаться?

— У кладбищенских ворот.

Пескад помчался к Матифу; тот не сходил с места, в точности выполняя данное ему поручение.

Часов в восемь вечера доктор, закутавшись в широкий плащ, направился на рагузскую пристань. Выйдя за городскую стену, налево, он добрался до небольшой бухточки, расположенной в скалах, неподалеку от порта.

Место было совершенно пустынное. Ни домиков, ни судов. Рыбачьи барки никогда не становятся тут на якорь, так как бухта усеяна подводными камнями. Доктор остановился, осмотрелся вокруг и крикнул. Видимо, то был условный знак. Почти тотчас же к нему подошел матрос.

— Что прикажете, хозяин?

— Лодка здесь, Пацер?

— Да, за скалой.

— Со всеми твоими людьми?

— Со всеми.

— А «Электро»?

— Он подальше, к северу, кабельтовых в трех, за бухточкой.

И матрос указал на длинное судно, еле видневшееся в темноте, ибо ни единый огонек не выдавал его присутствия.

— Когда он прибыл из Катаро? — спросил доктор.

— Нет еще и часа.

— И он прошел незамеченным?

— Совершенно незамеченным, вдоль утесов.

— Пусть все будут на своих местах, Пацер. Ждите меня здесь, если понадобится, всю ночь!

— Слушаю, хозяин.

Матрос направился к лодке, очертания которой сливались с прибрежными скалами.

Доктор Антекирт подождал еще немного. Он, вероятно, хотел, чтобы тьма еще более сгустилась. Время от времени он начинал стремительно расхаживать по берегу. Потом останавливался. Скрестив руки, молчаливый и неподвижный, он устремлял взгляд в морскую даль, словно хотел поведать Адриатике свои тайны.

Ночь была темная, без луны, без звезд. Чувствовалось легкое дуновение ветерка, ненадолго поднимающегося по вечерам. Высокие, но густые облака обволакили небо до самого горизонта; на западе уже растаяла светлая полоска тумана.

— Пора! — проговорил, наконец, доктор.

Он снова пошел к городу и, придерживаясь городской стены, направился на кладбище.

Там у ворот его дожидались Пескад и Матифу. Они спрятались за деревом, так что их никто не мог бы увидеть.

В этот час кладбище было уже заперто. В домике сторожа только что погас огонек. Больше уже никто не мог прийти сюда до утра.

Доктор, повидимому, отлично знал план кладбища. Он не собирался войти туда через калитку, ибо то, что он задумал сделать, должно было остаться в полной тайне.

— Следуйте за мной, — сказал Антекирт Пескаду и его приятелю, когда они подошли к нему.

И они втроем стали крадучись пробираться вдоль стены.

Пройдя минут десять, доктор остановился.

— Сюда, — сказал он, указывая на отверстие в стене, образовавшееся после обвала кирпичей.

Он первым скользнул в брешь, Пескад и Матифу последовали за ним.

На кладбище, под густыми деревьями, осенявшими могилы, было еще темнее. Но доктор не колеблясь направился по одной из дорожек, потом свернул на другую, которая вела в верхнюю часть кладбища. Кое-где вспорхнули ночные птицы, испуганные его появлением. Но, если не считать этих сов и сычей, вокруг памятников, возвышавшихся над кустами, не было ни единой живой души.

Вскоре все трое остановились перед скромным надгробием в виде часовенки; замка на ее ограде не было.

Доктор толкнул калитку, потом нажал кнопку электрического фонарика, заслонив свет таким образом, чтобы его не было видно снаружи.

— Входи, — сказал он Матифу.

Матифу вошел в склеп и оказался перед стеной, в которую были вделаны три мраморные плиты.

На одной из них, средней, значилось:

И Ш Т В А Н Б А Т О Р И

1867

На левой плите ничего не было написано. На правой же надпись вскоре должна была появиться.

— Отодвинь плиту, — сказал доктор.

Матифу легко поднял еще не зацементированную плиту. Он положил ее на землю, и в образовавшемся отверстии можно было разглядеть крышку гроба.

Это был гроб с телом Петера Батори.

— Вытащи гроб, — приказал доктор.

Матифу вытащил тяжелый гроб, даже не прибегнув к помощи Пескада. Выйдя из склепа, он поставил гроб на землю.

— Возьми отвертку, — сказал доктор Пескаду, подавая ему инструмент, — и отвинти крышку гроба.

На это потребовалось лишь несколько минут.

Доктор Антекирт откинул белый саван, покрывавший тело, и приложил ухо к груди покойника, как

делают врачи, выслушивая больного. Потом он выпрямился и обратился к Матифу:

— Вынь тело.

Матифу повиновался. Ни он, ни Пескад ни слова не сказали, хотя дело шло об извлечении трупа, а это строго запрещено законом.

Когда тело Петера Батори было положено на землю, Матифу вновь обернул его саваном, поверх которого доктор накинуд свой плащ. Затем снова закрутили крышку, поставили гроб на место и закрыли отверстие плитой.

Доктор погасил электрический фонарик, и все кругом погрузилось в темноту.

— Возьми тело, — приказал доктор Матифу.

Матифу без всякого усилия взял труп юноши на руки, словно то был ребенок, и пошел вслед за доктором по аллее, выведившей прямо к отверстию в стене. Пескад замыкал шествие.

Минут через пять они миновали брешь и, обогнув городскую стену, направились к морю.

В пути они не проронили ни слова. В голове послушного гиганта мыслей было не больше, чем в любой машине, зато какой вихрь догадок и соображений пронеслся в мозгу Пескада!

По дороге от кладбища до моря доктор Антекирт и его спутники не встретили ни души. Но когда они подходили к бухточке, где их ждала шлюпка с «Электро», они заметили таможенного надсмотрщика, который расхаживал взад и вперед у прибрежных утесов.

Однако они продолжали идти, не обращая на него внимания. Доктор снова крикнул, и на его зов появилась лодка, которой до сих пор совершенно не было видно.

По знаку доктора Матифу стал спускаться со скалы.

В ту минуту, как он уже занес ногу в шлюпку, к ним подошел надсмотрщик.

— Кто вы такие? — спросил он.

— Люди как люди, и мы предоставляем вам на выбор: либо двадцать флоринов наличными, либо кулак этого господина... тоже наличный, — отвечал Пескад, указывая на Матифу.

Надсмотрщик не стал раздумывать: он предпочел флорины.

— Отчаливай, — скомандовал доктор.

Через мгновение шлюпка исчезла во тьме. Минут пять спустя они причалили к судну, совершенно не заметному с берега.

Шлюпку подняли на борт, машина «Электро» бесшумно заработала, и судно вскоре вышло в открытое море.

Матифу перенес тело Петера Батори в узкую каюту, иллюминаторы которой были тщательно занавешаны, чтобы наружу не пробился ни единый луч света.

Оставшись наедине с трупом, доктор склонился над ним и приложился губами к бледному лбу покойника.

— Теперь, Петер, очнись! — сказал он. — Я так хочу!

И Петер тотчас же открыл глаза, словно он только спал магнетическим сном, похожим на смерть.

Когда он увидел доктора Антекирта, лицо его перевернулось.

— Вы? — прошептал он. — Ведь вы покинули меня!

— Да, это я, Петер!

— Но кто же вы такой?

— Мертвец... как и ты!

— Мертвец?

— Я граф Матиас Шандор.

Часть третья

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Средиземное море

«Средиземному морю придают неизъяснимую прелесть гармонические очертания его берегов, прозрачность воздуха и обилие света... Оно на диво закаляет человека. Оно укрепляет его мускулы, делает его стойким и жизнеспособным, оно порождает наиболее крепкие расы».

Эти прекрасные слова принадлежат Мишле. К счастью для человека, природа, за отсутствием Геркулеса, сама раздвинула утесы Гибралтар и Сеуту, так что образовался Гибралтарский пролив ¹. Можно предположить вопреки мнению многих геологов, что пролив этот существует с древнейших времен. Иначе не было бы Средиземного моря. В самом деле: в этом море воды испаряется в три раза больше, чем ее поступает из впадающих в него рек, и если бы не воды океана, мощным потоком вливающиеся в него через Гибралтар, — оно давным-давно превратилось бы в своего рода Мертвое море, а между тем его с полным правом можно назвать морем Живым.

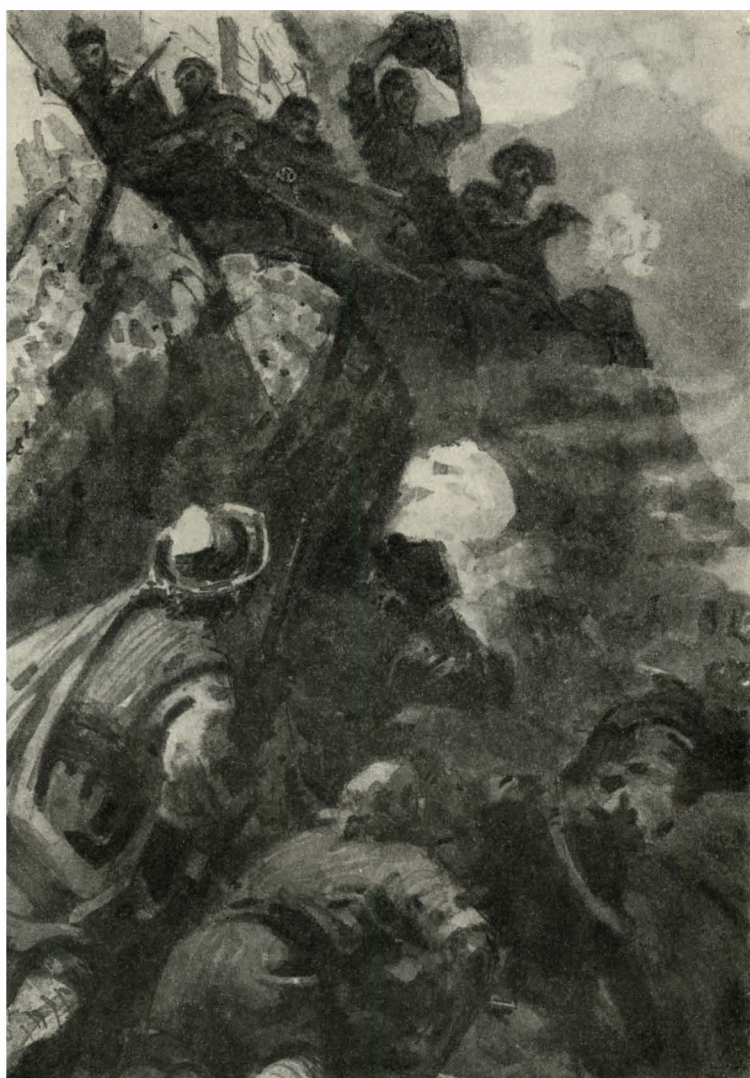
В одном из самых глухих, наименее исследованных уголков этого обширного средиземного озера и

¹ По античным сказаниям, эти утесы были раздвинуты Геркулесом, который тем самым соединил Средиземное море с океаном. Отсюда древнее название Гибралтара — «Геркулесовы столбы». (*Прим. ред.*)

укрылся граф Матиас Шандор, чтобы пользоваться всеми преимуществами, какие давала ему мнимая смерть, причем до намеченного срока, до полного осуществления своей жизненной задачи он хотел оставаться доктором Антекиртом.

На земном шаре есть два средиземных моря: одно в Старом Свете, другое — в Новом. Американское Средиземное море — это Мексиканский залив; поверхность его равняется в круглых числах четырем с половиной миллионам километров. Латинское же Средиземное море занимает всего два миллиона восемьсот восемьдесят пять тысяч пятьсот двадцать два квадратных километра, то есть половину поверхности Мексиканского залива; зато Средиземное море разнообразнее по своим очертаниям, богаче обособленными водоемами и бухтами, богаче гидрографическими подразделениями, заслужившими названия морей. Например: Греческий архипелаг, Критское море севернее одноименного острова, Ливийское море — южнее него, Адриатическое море между Италией, Австрией, Турцией и Грецией, Ионическое море, омывающее Корфу, Закинф, Кефаллинию и прочие острова, Тирренское море на западе от Италии, Эолическое море вокруг Липарских островов, Лигурийское море, заливы Лионский, Прованский, Генуэзский, Габес, бухты тунисского побережья, залив Большой Сирт, глубоко врезавшийся в африканский материк между Киренаикой и Триполитанией.

Какой же неведомый уголок этого моря, иные из островков которого еще мало известны, избрал для себя доктор Антекирт? В этом огромном бассейне острова насчитываются сотнями, островки — тысячами. Мысов и бухточек его не перечсть. Сколько народов, различных по происхождению, нравам, политическому устройству, теснятся на этом побережье, где история человечества оставляет свои следы уже в течение двадцати веков! Здесь и французы, и итальянцы, и испанцы, и австрийцы, и турки, и греки, и арабы, и египтяне, и триполитанцы, и тунисцы, и алжирцы, и марокканцы, даже англичане — в Гибралтаре, на Мальте и Кипре. Средиземное море омывает три великих материка: Европу, Азию и Африку. Где же граф

Матиас Шандор, принявший имя доктора Антекирта, — имя, столь дорогое всем обитателям Востока, — где же решил он обосноваться, чтобы в тишине и безвестности разработать план новой жизни? Все это Петер Батори вскоре должен был узнать.

Открыв на краткий миг глаза, Петер снова впал в оцепенение, в каком находился в Рагузе, когда его сочли умершим. В тот день доктор применил внушение — психическое воздействие, возможность которого теперь уже никто не отрицает. Доктор был наделен исключительной гипнотической силой, и ему удалось, не прибегая к вспышке магния и даже не пользуясь каким-либо блестящим металлическим предметом, — одной только силою своего пронизывающего взгляда привести умирающего юношу в состояние гипнотического сна и заменить его волю своею. Обессиленный от потери крови, Петер казался мертвым, но на самом деле он только спал, и в надлежащее время доктор пробудил его от сна. Но теперь надо было сберечь эту едва не оборвавшуюся жизнь. Задача не из легких. требовался тщательный уход, и необходимо было применить все средства, какими располагает врачебное искусство. Доктор решил преодолеть все эти трудности!

— Он будет жить! Я хочу, чтобы он жил! — твердил он себе. — Ах, почему я не осуществил в Катаро свой первоначальный план? Как досадно, что приезд Саркани в Рагузу помешал мне вырвать Петера из этого проклятого города! Но я спасу его! В дальнейшем Петер Батори должен стать правой рукой Матиаса Шандора!

Действительно, уже целых пятнадцать лет доктор Антекирт только и жил одной мыслью: покарать и вознаградить. Еще больше, чем о самом себе, он думал о своих соратниках Иштване Батори и Ладиславе Затмаре. Теперь пробил час решительных действий; поэтому-то «Саварена» и доставила доктора в Рагузу.

За эти долгие годы доктор сильно изменился, и узнать его было уже невозможно. Волосы его, подстриженные бобриком, поседели, цвет лица стал матово-бледным. Он принадлежал к числу тех мужчин, которые к пятидесяти годам еще сохраняют всю силу

молодости, приобретая в то же время спокойствие и холодок зрелого возраста. Ни пышная шевелюра, ни румяное лицо, ни рыжая, как у венецианца, борода молодого графа Шандора — ничто не могло уже вспомниться человеку, который смотрел теперь на сурового и замкнутого доктора Антекирта. Закалившись в испытаниях, приобретая огромный опыт, он оставался все тем же железным человеком, при одном приближении которого к магнитной стрелке, она, казалось, должна была бы заколебаться. Так вот: сына Иштвана Батори он намеревался перевоспитать и сделать его своим сподвижником.

Следует также иметь в виду, что доктор Антекирт был единственным представителем некогда многочисленной семьи Шандоров. Читатель помнит, что у доктора был ребенок, дочка, которую после его ареста поручили жене Ландека, управляющего замка Артенак. Эта девочка, которой тогда было всего два года, являлась единственной наследницей графа. По достижении восемнадцатилетнего возраста она должна была вступить во владение половиной отцовского состояния, согласно судебному приговору, который предусматривал смертную казнь заговорщика и конфискацию половины его имущества. Ландек был назначен управляющим неконфискованной половиной состояния графа и остался вместе со своей женой и дочкой графа в замке в Трансильвании; эти преданные слуги решили посвятить свою жизнь ребенку, оставленному на их попечении. Но, казалось, злой рок тяготел над семьей Шандоров, единственным отпрыском которой была теперь эта двухлетняя малютка. Через несколько месяцев после осуждения триестских заговорщиков и вызванных этим событий девочка исчезла, и все розыски ее остались безуспешными. Был найден только ее капор на берегу одного из многочисленных ручьев, которые, сбегая с окрестных гор, текут по парку. Итак, не оставалось сомнений в том, что крошку унесло течением в одну из тех пучин, куда впадают бурные карпатские потоки. Никаких других следов девочки, кроме капора, обнаружить не удалось. Рожена Ландек, жена управляющего, была так потрясена этим несча-

ством, что через несколько недель скончалась. Однако правительство не внесло никаких изменений в ранее принятое решение. Половина состояния графа Шандора попрежнему оставалась под секвестром и должна была поступить в казну лишь после того, как смерть наследницы графа будет официально установлена, и только в том случае, если к назначенному сроку наследница не объявится.

Таков был последний удар, постигший семейство Шандоров; после исчезновения младшего отпрыска этого благородного и могущественного рода ему грозило полное прекращение. Но со временем об исчезновении девочки забыли, как забыли и о других обстоятельствах, связанных с триестским заговором.

Весть о смерти дочери застала Матиаса Шандора в Отранто, где он жил, соблюдая строгое инкогнито. С исчезновением дочери исчезло все, что оставалось у него от графини Рены, которая так мало времени сопровождала ему в жизни и которую он так горячо любил. Немного спустя он уехал из Отранто, уехал таким же никому не известным человеком, как и пришел сюда, и никто не мог бы сказать, куда он направился, чтобы начать жизнь сызнова.

Через пятнадцать лет, когда граф Матиас Шандор вновь появился на житейском поприще, никому и в голову не могло прийти, что он играет роль доктора Антекирта и скрывается под этим именем.

С тех пор Матиас Шандор всецело посвятил себя осуществлению своего плана. Теперь он был один во всем мире и на нем лежал долг, долг, который он считал священным. Много лет спустя после отъезда из Отранто он приобрел могущество, какое дает человеку несметное богатство; о происхождении этого богатства мы скоро узнаем. Всеми забытый и защищенный непроницаемым инкогнито, он пустился по следам тех людей, которых поклялся наказать, и по следам тех, кого поклялся вознаградить. Он решил привлечь Пестера Батори к справедливому делу, которому посвятил свою жизнь. В различных городах средиземноморского побережья им были наняты соответствующие агенты. Доктор щедро оплачивал их и обязал хранить поручен-

ное им дело в строжайшей тайне; все они сносились непосредственно с доктором либо при помощи известных нам быстроходных судов, либо по подводному кабелю, который соединял остров Антекирту с Мальтой, а через Мальту — со всей Европой.

Таким путем доктору удалось напасть на след всех тех, кто прямо и косвенно был причастен к заговору графа Шандора. Доктор получил возможность издали наблюдать за этими лицами, знал об их поступках и, так сказать, следовал за ними шаг за шагом, особенно в течение последних четырех-пяти лет. О Силасе Торонтале он знал, что банкир покинул Триест и поселился с женою и дочерью в Рагузе, в особняке на Страдоне. За Саркани он наблюдал в различных городах Европы, где авантюрист проматывал свое богатство; затем в Сицилии и в восточных странах, где Саркани вместе со своим приятелем Зироне пытался затеять какое-нибудь предприятие, которое вновь поставило бы их на ноги. Относительно Карпены доктор знал, что он уехал из Ровиня, покинул Истрию и жил, ничего не делая, в Италии или Австрии, пока еще не растратил денег, полученных за донос. Доктору было известно, что Андреа Феррато отбывал каторгу в Штейне, в Тироле, расплачиваясь за великодушие, проявленное к беглецам из Пизино; доктор с радостью помог бы ему бежать, но смерть освободила честного рыбака от каторги через несколько месяцев после его осуждения. Его дети, Мария и Луиджи, тоже уехали из Ровиня и, потеряв отца, вероятно, прозябают в горькой нужде и лишениях. Но они так тщательно где-то укрылись, что напасть на их след не удавалось. А госпожу Батори, поселившуюся в Рагузе с сыном Петером и с Бориком, старинным слугою Ладислава Затмара, доктор никогда не терял из виду, и нам уже известно, что он послал ей значительную сумму денег, которая, однако, была отвергнута гордой и мужественной женщиной.

И вот настал, наконец, час, когда доктор мог приступить к осуществлению своей трудной задачи. Будучи вполне уверенным, что после пятнадцатилетнего отсутствия его никто не узнает (ведь его считали

умершим), он прибыл в Рагузу. И прибыл как раз во-время, ибо сын Иштвана Батори и дочь Силаса Торонталья оказались связанными взаимной любовью, и любовь эту нужно было во что бы то ни стало разбить.

Читатель помнит, что последовало за приездом доктора в Рагузу: помнит, как в дело вмешался Саркани, какие последствия имело это вмешательство, как Петера Батори принесли к матери почти без признаков жизни, что предпринял при этом доктор Антекирт, как и при каких обстоятельствах он вернул юношу к жизни и предстал перед ним под своим настоящим именем, как граф Матиас Шандор.

Теперь надо было вылечить юношу, поставить его в известность обо всем, чего он еще не знал, иначе говоря — рассказать ему, как Иштвана Батори и двух его единомышленников погубил гнусный донос, и назвать ему имена предателей; наконец, надо было приобщить его к делу неумолимого правосудия, которое доктор собирался осуществить, не прибегая к помощи правосудия людского, поскольку сам он явился жертвою последнего.

Итак, прежде всего необходимо было излечить Петера Батори, перевезенного на остров; этой задаче он решил посвятить все внимание и все силы.

В течение первой недели Петер находился в полном смысле слова между жизнью и смертью. Не говоря уже о том, что рана его была очень опасна, он пребывал в крайне тяжелом моральном состоянии. Воспоминание о Саве, которую он считал уже замужем за Саркани, мысль о матери, которая оплакивает его, наконец воскресение графа Шандора, живущего под именем доктора Антекирта, воскресение этого преданного друга его отца — все это не могло не потрясти душу, и без того уже страдавшую.

Доктор не отходил от Петера ни днем, ни ночью. Он слышал, как юноша в бреду шепчет имя Савы Торонталь. Он понял, насколько глубока эта любовь, и представлял себе, какие муки причиняло несчастному замужество любимой девушки. Он даже задумывался над вопросом: а что, если эта любовь устоит при

еских обстоятельствах, что, если Петер не перестанет любить Саву, даже узнав, что она дочь человека, который выдал, продал, погубил его отца? А доктор непременно скажет ему об этом. Так он решил. Это его долг.

Много раз казалось, что Петер Батори вот-вот скончается. Раненный физически и морально, он был так близок к смерти, что уже не узнавал графа Матиаса Шандора, сидевшего у его изголовья. У него уже не было сил даже произнести имя Савы.

Однако заботливый уход взял верх, и перелом произошел. Молодость восторжествовала! Больной стал выздоравливать физически гораздо раньше, чем началось выздоровление нравственное. Рана стала затягиваться, восстановилась нормальная деятельность легких, и семнадцатого июля у доктора появилась полная уверенность в том, что Петер будет спасен.

В этот день юноша узнал его. Еще совсем слабым голосом он назвал графа его подлинным именем.

— Да, сын мой, для тебя я Матиас Шандор, — ответил доктор, — но только для тебя!

А когда Петер посмотрел на него, как бы прося объяснений, которые ему не терпелось получить, доктор добавил:

— Подожди немного! Подожди!

Петер лежал в обставленной со вкусом комнате; в окна ее, выходящие на север и запад, врвался живописный морской ветерок; под окнами росли вечнозеленые тенистые деревья, возле которых протекал ключ. Больной быстро поправлялся. Доктор все время наблюдал за ним, то и дело подходил к его кровати. Но, уверившись в выздоровлении Петера, он взял к себе в помощники человека, которому мог вполне доверять, зная его ум и доброту.

Это был Пескад, преданный Петеру Батори не меньше, чем самому доктору. Нет нужды говорить о том, что Матифу и Пескад сохранили в глубокой тайне все, что произошло на рагузском кладбище; они никому ни слова не сказали о том, что молодого человека живым извлекли из могилы.

Пескад был непосредственным участником всех событий, имевших место за последние месяцы; поэтому он проявлял самую живую заботу о больном, за которым ему было поручено ухаживать. Любовь Петра Батори, которому стал поперек дороги Саркани — наглец, внушивший Пескаду вполне понятную ненависть; встреча похоронной процессии со свадебным поездом возле особняка на Страдоне; извлечение юноши из могилы на рагузском кладбище — все это глубоко взволновало доброго и отзывчивого Пескада, не говоря уже о том, что ему радостно было сознавать себя помощником доктора Антекирта, хотя конечная цель доктора еще от него ускользала.

Поэтому Пескад очень охотно принял на себя обязанность ухаживать за больным. Ему было дано указание по возможности развлекать юношу. И Пескад старался вовсю. Помимо всего прочего, он еще со времен гравозского праздника считал себя в долгу у Петра Батори и собирался при случае так или иначе его отблагодарить.

Вот почему Пескад, сидя возле выздоравливающего, всячески старался отвлечь его от мрачных мыслей, беседовал с ним, без умолку болтал и не давал ему задумываться.

И вот однажды, отвечая на вопрос Петра, Пескад рассказал ему, как он познакомился с доктором Антекиртом.

— Все дело в трабаколо, господин Петер! — сказал он. — Вы, вероятно, это помните. Все дело в трабаколо, благодаря которому Матифу стал прямо-таки героем!

Петер, конечно, не забыл несчастного случая, которым ознаменовался праздник в Гравозе во время прибытия яхты; но он не знал, что доктор тут же предложил акробатам бросить их ремесло и перейти к нему на службу.

— Да, господин Батори, — продолжал Пескад. — Да, так было дело, и подвиг Матифу принес нам счастье! Но как бы мы ни были обязаны доктору, нам не следует забывать, что мы многим обязаны и вам!

— Мне?

— Вам, господин Петер! Помните, в тот день вы чуть было не стали нашим зрителем? За нами два флорина, которых мы не заработали, раз публика от нас сбежала, хотя и уплатила за вход!

И Пескад напомнил Петеру Батори, как в тот день, уплатив за билет и совсем уже собравшись войти в провансальский балаган, он внезапно исчез.

Молодой человек уже позабыл об этом случае, но, выслушав рассказ Пескада, он улыбнулся. Улыбнулся печально, ибо вспомнил, что вышел из толпы только затем, чтобы последовать за Савой Торонталь!

Глаза его вновь сомкнулись. Он вспоминал, что последовало за событиями того дня. Размышляя о Саве, которую он считал, да и не мог не считать, женою другого, он впал в мучительную тоску и готов был проклясть тех, кто вырвал его из когтей смерти!

Пескад догадался, что разговор о гравозском празднестве пробудил в Петере грустные воспоминания. Поэтому он не стал продолжать этой беседы и даже немного помолчал, рассуждая про себя: «Давать больному по пол-ложки хорошего настроения через каждые пять минут — таково предписание доктора. Но не так-то просто это выполнить!»

Немного погодя Петер раскрыл глаза и заговорил первый.

— Значит, до случая с трабаколо вы не знали доктора Антекирта? — спросил он.

— Сроду не видывали, господин Петер, и даже имени его никогда не слыхали.

— А с того дня вы с ним уже не расставались?

— Ни на один день, если не считать тех случаев, когда доктор давал мне какое-нибудь поручение.

— А в какой стране мы находимся? Можете вы мне это сказать, Пескад?

— Насколько я понимаю, господин Петер, мы находимся на острове; ведь море окружает нас со всех сторон.

— Это верно. Но в какой части Средиземного моря расположен остров?

— Вот уж этого я не знаю, — отвечал Пескад. — В южной ли, в северной, в восточной или западной — понятия не имею. Да, впрочем, не все ли равно? Одно несомненно: мы находимся у доктора Антекирта, кормят нас прекрасно, одевают замечательно, спим мы всласть, относятся к нам так, что лучшего и желать нечего...

— Но если вам неизвестно, где находится этот остров, то знаете ли вы по крайней мере, как он называется? — спросил Петер.

— Как называется? Еще бы не знать! — возразил Пескад. — Он называется Антекирта.

Петер Батори тщетно рылся в памяти, припоминая такой остров; затем он посмотрел на Пескада.

— Так точно, господин Петер! — ответил добродушный малый. — Антекирта! И без всякой долготы, без всякой широты! Просто: Средиземное море. Будь у меня дядюшка, ему пришлось бы писать мне именно по такому адресу. Но судьба не наградила меня дядюшкой. Впрочем, нет ничего удивительного, что остров называется Антекирта, раз он принадлежит доктору Антекирту. Но, будь я даже ученым секретарем Географического общества, я не сумел бы сказать, доктор ли заимствовал свое имя у острова, или остров стал называться по имени доктора.

Между тем выздоровление Петера шло своим чередом. Осложнений, которых можно было опасаться, не последовало. Больного стали усиленно, хоть и осторожно, питать, и силы его восстанавливались с каждым днем. Доктор часто навещал его и беседовал с ним на разные темы, кроме тех, которые особенно интересовали юношу. А Петер, не желая преждевременно вызывать доктора на откровенный разговор, выжидал подходящего случая.

Пескад всегда в точности передавал доктору свои разговоры с больным. Видимо, таинственность, окружавшая не только графа Матиаса Шандора, но и остров, который он избрал своим местопребыванием, очень волновала Петера Батори. Без сомнения, он по-прежнему думал о Саве Торонталь, которая была теперь так далека от него, поскольку никакой связи между

Антекиртой и европейским материком не существовало. Однако Петер Батори уже достаточно окреп и вскоре должен был узнать всю правду!

Да! Всю правду! И в этот день, как хирург во время операции, доктор будет глух к воплям пациента.

Прошло несколько дней. Рана Петера совсем зарубцевалась. Он уже мог вставать и сидел в кресле у окна. Его ласкало животворными лучами средиземноморское солнце, а бодрящий морской ветерок, проникая в легкие, приносил ему здоровье и силы. Петер чувствовал, что возвращается к жизни. Но его глаза упорно устремлялись к бескрайнему горизонту, за который он хотел бы проникнуть взором, и тогда он чувствовал, что его душевная рана еще свежа. Широкий морской простор, расстилавшийся перед ним, почти всегда бывал пустынен. Лишь изредка какое-нибудь каботажное судно, шебека или тартана, полакра или шуна, показывалось на горизонте, но суда эти никогда не приставали к острову. В поле зрения ни разу не появлялись грузовые или пассажирские пароходы из тех, что бороздят по всем направлениям это огромное европейское озеро.

Можно было подумать, что Антекирта действительно находится на краю света.

Двадцать четвертого июля доктор заявил Петеру Батори, что на другой день, после обеда, ему можно будет пойти погулять, и предложил составить ему компанию.

— Доктор, раз у меня уже достаточно сил, чтобы гулять, значит я в силах и выслушать ваш рассказ, — заметил Петер.

— Выслушать мой рассказ? Что ты хочешь сказать, Петер?

— Я хочу сказать, что вы знаете мою историю во всех подробностях, а я вашей не знаю!

Доктор внимательно посмотрел на него, но уже не как друг, а как врач, решающий вопрос: прижечь или не прижигать каленым железом открытую рану больного? Потом он сел возле юноши и сказал:

— Ты хочешь знать мою историю, Петер? Так слушай же!

ГЛАВА ВТОРАЯ

Прошлое и настоящее

— Прежде всего выслушай историю доктора Антекирта. Она начинается с того момента, когда граф Матиас Шандор погрузился в волны Адриатики.

Несмотря на залпы полицейских, на целый град пуль, я остался цел и невредим. Ночь была очень темная. Видеть меня никто не мог. Морское течение шло от берега в открытое море, и я при всем желании не мог бы вернуться на сушу. Но я этого и не хотел. Лучше было умереть, чем вновь попасть в руки полиции и быть расстрелянным в тюрьме Пизино. Если бы я утонул — все было бы кончено. Если же мне суждено было спастись — меня по крайней мере считали бы умершим. Тогда уже ничто не мешало бы мне покарать виновных, как я поклялся графу Затмару и твоему отцу. И это возмездие я осуществлю любой ценой!

— Возмездие? — повторил Петер это неожиданное для него слово, и глаза его вспыхнули.

— Да, Петер, и ты сам будешь свидетелем этого возмездия, ибо именно для того, чтобы тебя привлечь к нему, я извлек тебя из могилы на рагузском кладбище, где ты был заживо погребен!

Слушая графа, Петер Батори как бы переносился в далекое прошлое, в те дни, когда его отец был казнен в крепости Пизино.

— Передо мной, — продолжал доктор, — простиралось безбрежное море. Хотя я и был превосходным пловцом, все же я не надеялся его переплыть и добраться до итальянского побережья. Я был обречен на гибель, если только само небо не придет мне на помощь — либо послав мне обломок какого-нибудь судна, либо направив ко мне моряков, которые подберут меня. Но тот, кто жертвует жизнью, всегда находит силы ее защищать, как только это становится возможным.

Прежде всего я несколько раз нырнул, спасаясь от последних залпов. Потом, убедившись, что меня никак нельзя разглядеть, я поплыл, удаляясь от берега.

Одежда почти не мешала мне, потому что была очень легкой и плотно облегала тело.

Было, вероятно, около половины десятого. По моим расчетам, я плыл уже больше часа, удаляясь от порта Ровинь, последние огоньки которого потонули во мгле.

Куда я плыл, на что мог надеяться? Я не надеялся решительно ни на что, Петер, но я был полон энергии и готов был до последнего издыхания бороться со стихией. Я не просто хотел спасти свою жизнь, нет, я хотел сберечь ее, чтобы осуществить свою великую задачу. И покажись в это время какой-нибудь рыбацкий баркас, я нырнул бы, прячась от людей. Ведь близ австрийского побережья я легко мог встретиться с предателем, — на одного честного Андреа Феррато там приходится множество подлецов вроде Карпены.

Не прошло и часа, как мои опасения сбылись. Почти внезапно из мглы выступил баркас. Он шел из открытого моря и держал курс к берегу. К тому времени я изрядно устал и поэтому лег на спину; но тут я инстинктивно перевернулся, собираясь погрузиться в воду. Рыбачий баркас, направляющийся в истрийский порт, естественно вызывал у меня опасения.

Я тут же убедился, что был прав. Один из моряков крикнул по-далматски, чтобы повернули на другой галс. Я нырнул, и, прежде чем могли меня заметить, судно прошло у меня над головой.

Мне уже не хватало дыхания, и, всплыв на поверхность, я с наслаждением глотнул свежего воздуха. Затем я продолжал продвигаться на запад.

С наступлением ночи ветер ослаб, и волнение стало затихать. Теперь меня мерно покачивало на пологих волнах, которые увлекали меня все дальше от берега.

Так проплыл я еще час, по временам делая передышки. Я видел перед собою цель, но не знал, как ее достигнуть. Предстояло пересечь Адриатику, другими словами — проплыть пятьдесят миль! Да, такова была моя воля! Да, я проплыл бы их! Ах, Петер, надо пройти через такие испытания, чтобы понять, на что способен человек, когда он в полноте своих нравственных и физических сил!

Прошел еще час, я всячески подбадривал себя. Море было совершенно пустынно. Последние птицы улетели на ночлег в расселины прибрежных скал. У меня над головой носились только чайки; они летали парами, издавая резкие крики.

Но хотя я твердо решил не обращать внимания на усталость, руки у меня еле двигались, ноги немели. Пальцы уже начали разжиматься, и я с трудом соединял их. Голова так отяжелела, словно на шее у меня висела гиля, и мне стоило немалых усилий держать голову над водой.

Тут у меня начались галлюцинации. Я уже не мог собраться с мыслями. В моем помраченном сознании стали всплывать странные образы. Я чувствовал, что уже не смогу отчетливо расслышать какой-нибудь звук, ни заметить свет, если он вдруг окажется у меня в поле зрения. Так и случилось.

Было, вероятно, около полуночи, когда с востока послышался отдаленный глухой шум, — я никак не мог понять, в чем дело. Сквозь веки, смыкавшиеся помимо моей воли, я почувствовал вспышку света. Я попытался приподнять голову, но для этого мне пришлось еще глубже погрузиться в воду. Я стал оглядываться вокруг.

Я привожу все эти подробности потому, что тебе, Петер, необходимо их знать, а заодно ты узнаешь и меня.

— Я все знаю о вас, доктор, решительно все! — ответил молодой человек. — Неужели вы думаете, что матушка не рассказывала мне о графе Матиасе Шандоре?

— Я допускаю, что она знала Матиаса Шандора, но доктора Антекирта она знать не могла! А с ним-то тебе и надо познакомиться. Слушай же, что он тебе говорит! Слушай меня!

Я увидел судно, шедшее с востока по направлению к итальянскому берегу. Белый свет разливал фонарь, подвешенный на фок-мачте, — итак, это был пароход. Я разглядел и бортовые огни — красный слева, зеленый справа; а я их видел одновременно, значит пароход шел прямо на меня,

Надо было на что-то решаться. Скорее всего это австрийский пароход, ведь он идет, повидимому, из Триеста. Попросить на нем убежища значило бы отдаться в руки жандармов! Я решил не делать этого и в то же время попытаться спастись.

Пароход был быстроходный. Приближаясь, он быстро увеличивался, и мне было видно, как пенится вода у его форштевня. Минуты через две он должен бы уже миновать место, где я неподвижно лежал.

Что пароход австрийский — в этом я уже не сомневался. Но можно было допустить, что он держит курс на Бриндизи или на Отранто или по крайней мере зайдет туда. А если так, он прибудет в один из этих портов не позже как через сутки.

Я быстро принял решение. Я понимал, что в темноте меня не могут заметить, поэтому поплыл навстречу пароходу. Он шел умеренным ходом, чуть заметно покачиваясь на волнах.

Пароход двигался прямо на меня; его корпус возвышался над уровнем моря по крайней мере футов на двадцать. Еще мгновение — и меня всего залило бурлящей водой. Проходя мимо, пароход слегка задел меня, но я изо всех сил оттолкнулся от него. Все это произошло в течение нескольких секунд. Разглядев очертания высокой кормы, я ухватился за руль, рискуя, что винт размозжит мне голову.

На мое счастье, пароход шел с полным грузом, поэтому винт был глубоко погружен в воду; если бы винт вращался у поверхности воды, мне не удалось бы выбраться из водоворота и удержать в руках руль, за который я уцепился. Как всегда, с кормы парохода свешивались две железных цепи, сходящиеся у руля. Я ухватился за одну из них, подтянулся до скобы, за которую они были закреплены, и кое-как примостился у ахтерштевня. Я был в относительной безопасности.

Часа через три начало светать. Я сообразил, что если пароход направляется в Бриндизи или Отранто, то мне придется пробыть в таком положении еще часов двадцать. Больше всего я буду страдать от голода и жажды. Но главное преимущество состояло в том, что здесь меня никак не могли заметить ни с палубы, ни

даже с шлюпки, подвешенной на корме. Правда, меня могли увидеть с какого-нибудь встречного корабля и дать обо мне знать капитану. Но в этот день нам встретилось лишь два-три судна, и прошли они на таком расстоянии, что обнаружить человека, примостившегося возле руля на цепи, было совершенно невозможно.

Между тем взошло солнце; вскоре стало жарко, я снял с себя одежду и просушил ее. Триста флоринов, данные мне Андреа Феррато, попрежнему находились у меня в поясе. Мне будет на что прожить, когда я окажусь на суше. Там мне уже нечего будет опасаться. В иностранном государстве графу Матиасу Шандору не будут страшны австрийские агенты. Политических эмигрантов не выдают. Но мне этого было мало, — я хотел, чтобы меня считали умершим. Никто не должен знать, что беглец из башни Пизино укрылся на итальянской земле.

Желание мое исполнилось. День прошел спокойно. Спустилась ночь. Часов в десять вечера на юго-западе появился огонек, который то вспыхивал, то гас. Это был бриндизийский маяк. Два часа спустя пароход вошел в порт.

Но еще мили за две до берега, до того как на борт ступил лоцман, я связал свою одежду в узелок, прикрепил его к шее и тихонько спустился с цепи в воду.

Минуту спустя я уже потерял пароход из виду, только слышал его резкие гудки.

Море было спокойно; через полчаса я вышел на пустынный берег и спрятался в расселине скал. Тут я оделся, нашел удобную впадину, улегся на сухие водоросли и мгновенно заснул. Усталость взяла верх над голодом.

На рассвете я отправился в Бриндизи, подыскал скромную гостиницу и стал выжидать дальнейших событий, прежде чем разработать план новой жизни.

Через два дня я узнал из газет, что триестский заговор ликвидирован. Сообщалось также, что разыскивают тело графа Шандора, но пока еще безрезультатно. В моей смерти все были так же уверены, как если бы я был расстрелян во дворе Пизинской крепости

вместе со своими единомышленниками — Ладиславом Затмаром и твоим отцом, Иштваном Батори!

Это я-то мертвец! Ну, нет, Петер! И я еще докажу им, что я жив!

Петер Батори жадно слушал рассказ доктора. Он был потрясен до глубины души. Юноше казалось, что голос доктора раздается из могилы. Да, это говорил граф Матиас Шандор! Петер был так разительно похож на отца, что обычно столь замкнутый доктор раскрыл ему свою душу. Столько лет он таился от людей, а теперь предстал пред Петером в своем истинном облике. Но граф еще ни словом не обмолвился о том, что Петеру не терпелось узнать, а именно о том, какой ждет от него помощи.

Рассказ доктора об его отважной переправе через Адриатику был правдив до малейших подробностей. Итак, он целым и невредимым добрался до Бриндизи, в то время как для всех Матиас Шандор был мертв.

Но следовало поскорее покинуть Бриндизи. Это всего-навсего транзитный порт. Отсюда отправляются в Индию, здесь высаживаются приезжающие в Европу. Обычно порт этот пустынен, за исключением одного-двух дней в неделю, когда прибывают пакетботы, преимущественно принадлежащие «Peninsular and Oriental Company». Поэтому беглеца из Пизино легко могли опознать. За жизнь свою он уже не опасался, но, как говорилось выше, ему крайне важно было, чтобы его считали умершим.

Об этом-то и размышлял доктор на другой день после прибытия в Бриндизи, прогуливаясь возле террасы, над которой возвышается колонна Клеопатры, — в том самом месте, где начинается древняя Аппиева дорога. План новой жизни у него уже созрел. Он решил отправиться на Восток, чтобы составить там себе состояние и вместе с богатством — могущество. Но ехать на одном из пароходов, совершающих рейсы в Малую Азию, вместе с пассажирами разных национальностей, ему не хотелось, — там он был бы слишком на виду. Надо было найти какой-нибудь другой способ передвижения, а в Бриндизи это было невозможно.

Поэтому он в тот же вечер отправился по железной дороге в Отранто.

Через полтора часа поезд доставил его в этот городок, расположенный на самом «каблуке» итальянского «сапога», возле узкого пролива, ведущего в Адриатическое море. Здесь, в глухом порту, доктор сторговался с хозяином трехмачтового парусника, собиравшимся плыть в Смирну, куда он вез табунок албанских лошадок, не нашедших покупателей в Отранто.

На другой день парусник вышел в море, и доктор с удовлетворением наблюдал, как скрывается за горизонтом маяк Пунта ди Лука, крайней точки Италии. А с другой стороны в тумане исчезали горы. Спустилось несколько дней, не ознаменованных никакими событиями, парусник миновал мыс Матапан, южную оконечность Греции, и прибыл в смирнский порт.

Доктор вкратце рассказал Петеру и об этой части своего путешествия, а также о том, как он узнал из газет, что его дочка неожиданно умерла; теперь у него не оставалось уже ни одной родной души в целом свете!

— Наконец, — продолжал он, — я очутился в Малой Азии, там, где мне суждено было прожить в неизвестности столько лет! Медицина, химия, естественные науки, которые я в юности изучал в Венгрии, где твой отец преподавал их с таким успехом, стали для меня источником существования.

Мне посчастливилось, и я выдвинулся даже скорее, чем рассчитывал. Сначала я жил в Смирне, где за семь-восемь лет занял положение выдающегося врача — это было не так трудно, ибо в тех местах медицина находится в самом плачевном состоянии. Мне удалось вылечить кое-кого от болезней, считавшихся неизлечимыми, что позволило завязать отношения с местными богачами. Потом я решил уехать из Смирны. Подобно ученым былых времен, я и лечил и обучал врачебному искусству, и сам изучал неведомую нам медицину малоазиатских талемов и индийских пандитов. Я объездил все эти области, останавливаясь где на несколько недель, где — на несколько месяцев;

меня вызывали и приглашали и в Карахисор, и в Биндун, и в Адану, и в Халеб, и в Триполи, и в Дамаск — и всюду мне предшествовала молва, все более и более громкая, а вместе со славой росло и мое богатство.

Но я не довольствовался этим. Мне надо было приобрести безграничную власть, вроде той, какой обладал бы какой-нибудь индийский раджа, будь его знания равны его богатству.

Такая возможность представилась.

В Хомсе, в Северной Сирии, был человек, погибавший от недуга, который мало-помалу подтачивал его организм. Ни одному врачу не удавалось определить характер этой болезни. Следовательно, нельзя было и применить соответствующее лечение. Человек этот, по имени Фаз-Рат, занимал в Османской империи очень высокий пост. В ту пору ему было всего сорок пять лет; ему не хотелось расставаться с жизнью, тем более что огромное состояние позволяло ему наслаждаться всеми земными благами.

До Фаз-Рата дошли слухи о моих познаниях, ибо к этому времени я пользовался уже очень широкой известностью. Он просил меня приехать в Хомс, и я исполнил его желание.

— Доктор, — сказал он мне, — если ты вернешь меня к жизни, половина моих сокровищ — твоя.

— Оставь эту половину себе, — отвечал я. — Я буду тебя лечить и, если на то будет воля господня, исцелю тебя!

Я стал внимательно изучать болезнь этого человека, от которого уже отступились все врачи. Они считали, что ему осталось жить самое большее несколько месяцев. Но мне удалось поставить верный диагноз. Три недели я не отходил от Фаз-Рата, наблюдая за действием назначенного мною лечения. Он совершенно выздоровел. Когда он захотел расплатиться со мной, я согласился принять лишь то, что казалось мне справедливым. Затем я уехал из Хомса.

Три года спустя Фаз-Рат погиб от несчастного случая на охоте. Ни прямых наследников, ни родственников у него не было, а в своем завещании он назначал меня единственным наследником всего своего состоя-

ния, достигавшего в общей сложности пятидесяти с лишним миллионов флоринов¹.

Прошло уже тринадцать лет с тех пор, как беглец укрылся в малоазиатских провинциях. Имя доктора Антекирта, ставшее легендарным, гремело по всей Европе. Итак, я достиг желаемого. Теперь оставалось осуществить основную задачу моей жизни.

Я решил вернуться в Европу или обосноваться в каком-нибудь отдаленном уголке Средиземного моря. Я объехал все африканское побережье и, наконец, за очень высокую цену приобрел порядочный остров, цветущий, плодородный, где можно было основать небольшую колонию — остров Антекирту. Там, Петер, я царю, там я полновластный хозяин; я король без подданных, зато я окружен людьми, которые преданы мне душою и телом; я изобрел могущественные и грозные способы обороны, и остров мой укрепляется; я применил усовершенствованные средства связи, что позволяет мне сноситься с различными пунктами Средиземного моря; я построил столь быстроходный флот, что море стало, так сказать, моей вотчиной.

— А где находится остров Антекирта? — спросил Петер Батори.

— В районе Большого Сирта, который еще со времен античности пользуется весьма дурной славой; это самая недоступная часть моря, потому что из-за северных ветров она чрезвычайно опасна даже для современных судов; остров расположен в самой глубине залива Сирт, который врезается в материк между Триполитанией и Киренаикой.

Да, здесь, к северу от группы Сиртских островов, и расположен остров Антекирта. За несколько лет перед тем доктор объездил все побережье Киренаики, посетил Сусу, древний порт Кирену, область Барка, все города, возникшие на месте древних Птоломеиса, Береники, Адрианополиса, — словом, всю античную Пентаполию, некогда греческую, затем македонскую, римскую, персидскую, сарацинскую и т. д., а ныне араб-

¹ Около ста двадцати пяти миллионов франков. (Прим. автора.)

скую и входящую в триполийский пашалык. Пришлось ему побывать (ибо он ездил всюду, куда бы его ни вызывали) на многочисленных островах, разбросанных вдоль ливийского побережья, — на Фаросе и Антироде, на «близнецах» Плинтина, Энезипте, Тиндарийских скалах, Пиргосе, Платье, Илосе, Ифалосе, Понтийских, Белых и, наконец, на Сиртских островах.

Здесь, в заливе Большой Сирт, в тридцати милях к юго-западу от вилайета Бенгази, который расположен вблизи побережья, внимание доктора привлек остров Антекирта. Его прозвали так потому, что он расположен перед группами Сиркитских, или Киртитских островов¹. У доктора сразу же возникла мысль сделать остров своим поместьем, и, еще прежде чем вступить во владение островом, он уже присвоил себе имя Антекирт, — имя, слава которого вскоре разнеслась по всему Старому Свету.

Доктор выбрал этот остров по двум причинам. Во-первых, он был достаточно обширен — его окружность равнялась восемнадцати милям, это позволяло разместить всех, кого доктор намеревался сюда пригласить, а холм высотой в восемьсот футов, венчающий остров, доминировал над заливом, и оттуда были видны даже берега Киренаики; остров орошался источниками и был достаточно плодороден, так что тут могло прокормиться несколько тысяч жителей. Вдобавок остров был расположен в глубине залива, знаменитого своими штормами, которые в доисторические времена оказались роковыми для аргонавтов. Аполлоний Родосский, Гораций, Вергилий, Проперций, Сенека, Валерий Флакк, Лукиан и многие другие, уже не поэты, а географы — Полибий, Саллюстий, Страбон, Мела, Плиний, Прокопий — отметили гибельные особенности этого моря, воспев или описав Сирты, вполне заслуженно прозванные «завлекающими».

Именно такое владение и требовалось доктору. Он приобрел его за весьма значительную сумму, приобрел в полную собственность, не взяв на себя никаких феодальных или иных обязательств. Купчая была

¹ «Анте» по-латыни означает «перед», «до».

утверждена султаном и предоставляла владельцу Антекирты все права полновластного хозяина.

Уже целых три года доктор жил на этом острове. Около трехсот семей европейцев и арабов, которых он пригласил сюда, обещав им счастливую жизнь, образовали небольшую колонию, в которой насчитывалось около двух тысяч человек. То были не рабы и даже не подданные, а просто люди, всецело преданные своему начальнику и полюбившие уголок земного шара, который стал их новой отчиной.

Мало-помалу было организовано постоянное управление с милицией, предназначенной для защиты острова; образовалась группа чиновников, избранных из числа самых почтенных граждан; но чиновникам почти не приходилось пользоваться своими полномочиями. Затем по чертежам, которые доктор выписал с лучших верфей Англии, Франции и Америки, был построен превосходный флот — пароходы, моторные яхты, катеры, или «электро», предназначенные для спешных выездов в различные пункты Средиземного моря. Одновременно на Антекирте приступили к сооружению укреплений, но работы эти еще не были окончены, хотя доктор и очень торопился с ними, имея для этого серьезные основания.

Значит, у Антекирты был в районе Сирта какой-то враг, которого можно было опасаться? Да, был. Некая грозная секта, вернее, объединение пиратов, с завистью и неприязнью наблюдала, как неведомый пришелец создает колонию неподалеку от ливийских берегов.

Это было мусульманское братство, созданное Сиди-Мохамедом Бен-Али-эс-Сенуси. В тот год, тысяча трехсотый год хиджры, братство было особенно могущественно и насчитывало около трех миллионов сторонников. Этим движением был охвачен целый ряд вилайетов, мощные отряды синуситов можно было встретить в Египте, в европейской и азиатской части Османской империи, в областях Баеле и Тубу, в Восточном Судане, Тунисе, Алжире, Марокко, в независимой Сахаре — вплоть до Западного Судана. А в Триполитании и Киренаике секта была еще могущественнее. Она

представляла постоянную угрозу для всех европейских предприятий и учреждений, находящихся в Северной Африке, угрозу для чудесного Алжира, которому суждено стать богатейшей в мире страной, и в особенности — для острова Антекирты, как читатель скоро убедится. Поэтому необходимо было вооружиться всеми современными средствами обороны.

Вот что узнал Петер из рассказа доктора; но это было еще не все. Его перевезли на остров Антекирту, в залив Большой Сирт, далекий уголок Старого Света, отделенный сотнями лье от Рагузы, где Петер покинул два существа, которых он никогда не забудет: мать и Саву Торонталь.

Потом доктор кратко рассказал о своей жизни на острове. Принимая меры, чтобы обезопасить остров от нападений, стараясь по возможности использовать богатства почвы, стараясь удовлетворить материальные и духовные потребности колонистов, он в то же время внимательно следил за судьбой своих старых друзей, которых он никогда не терял из вида, в том числе и госпожу Батори, ее сына и Борика, которые переселились из Триеста в Рагузу.

Теперь Петер узнал, почему яхта «Саварена» прибыла в Гравозу при обстоятельствах, возбуждавших у местных жителей такое острое любопытство, почему доктор нанес визит госпоже Батори, узнал о том, что деньги, предложенные госпоже Батори, были ею отклонены, узнал, как доктор подоспел во-время, чтобы вырвать Петера из могилы, где он спал магнетическим сном.

— Да, сын мой, я спас тебя, когда ты, окончательно потеряв голову, пошел на самоубийство!

Услыхав это слово, Петер в порыве негодования приподнялся на постели.

— Самоубийство? — вскричал он. — Неужели вы поверили, что я сам нанес себе рану?

— А что же, Петер... в минуту отчаяния...

— Отчаяние! Да, я был в отчаянии! Я думал, что даже вы, друг моего отца, покинули меня, покинули после того, как дали мне обещания, которых я не просил у вас! Да, я был в отчаянии! Да, я и сейчас в отчаянии. Но даже и впадшим в отчаяние господь запрещает

самоубийство. Он велит им жить... для того чтобы отомстить!

— Нет! Чтобы наказать, — поправил его доктор. — Но кто же ранил тебя?

— Человек, которого я ненавижу, — отвечал Петер, — человек, которого я случайно встретил в тот вечер на безлюдной дороге у городской стены. Может быть, он подумал, что я сам брошусь на него... Но он опередил меня... Он нанес мне удар... человек этот — Саркани, это...

Петер не в силах был договорить. При мысли об этом негодяе, который стал мужем Савы, разум его помрачился, глаза закрылись, и казалось, он вот-вот умрет, словно рана его вновь раскрылась.

В одно мгновение доктор привел его в чувство и, глядя на несчастного, прошептал:

— Саркани! Саркани!

После перенесенного нервного потрясения Петеру следовало бы немного отдохнуть, но ему было не до отдыха.

— Доктор, — сказал он. — Вы мне обещали, что сначала расскажете историю доктора Антекирта с того момента, как граф Матиас Шандор бросился в волны Адриатики...

— Да, Петер.

— А потом расскажете о графе Матиасе Шандоре то, что мне о нем еще неизвестно.

— У тебя хватит сил меня выслушать?

— Говорите!

— Хорошо! — ответил доктор. — Лучше покончить с этими тайнами, которые ты имеешь право знать, покончить с теми ужасами, которыми полно прошлое, чтобы больше уже никогда не возвращаться к ним! Петер! Неужели ты мог подумать, что если я уехал из Гравозы, значит я бросил тебя? Слушай же! Потом суди обо мне сам!

Тебе известно, Петер, что накануне того дня, когда была назначена казнь, я с товарищами сделал попытку бежать из крепости Пизино. Но в ту минуту, когда Ладислав Затмар собирался последовать за нами, он был схвачен тюремщиками. А нас с твоим отцом унес бурный поток, и нас не могли догнать.

Чудесным образом миновав водовороты Фойбы, мы вышли на берег Лемского канала, но тут мы попались на глаза одному негодяю, который поспешил продать наши головы, ибо правительство назначило за них крупную награду. Нас настигли в Ровине в тот самый час, когда рыбак, давший нам приют, собирался нас перевезти на другую сторону Адриатики; твоего отца схватили и снова заключили в Пизино. Мне же повеселилось ускользнуть от преследователей. Все это тебе уже известно, но кое-чего ты еще не знаешь.

Еще до того, как этот испанец — его зовут Карпена — совершил предательство, стоявшее жизни рыбаку Андреа Феррато, двое негодяев продали властям тайну триестского заговора.

— Их имена? — вскричал Петер Батори.

— Спроси сначала, как удалось разоблачить этих предателей, — сказал доктор.

И он описал все, что произошло в тюремной камере, рассказал, как благодаря своеобразному эффекту акустики он узнал имена двух доносчиков.

— Назовите их, доктор! — снова вскричал Петер Батори. — Вы должны назвать мне их!

— Я и назову.

— Кто же это?

— Один из них — счетовод, который проник в качестве соглядата в дом Ладислава Затмара. Это человек, который покушался на тебя. Это Саркани.

— Саркани! — воскликнул Петер, у которого хватило сил подойти к доктору. — Саркани! Этот подлец! И вы всё это знали! И вы, друг Иштвана Батори, вы, предлагавший его сыну свое покровительство, вы, которому я доверил тайну моей любви, вы, поддерживавший эту любовь, — вы позволили этому мерзавцу войти в дом Силаса Торонталя, когда вам достаточно было сказать одно слово, и двери особняка закрылись бы перед ним! И вы своим молчанием поощряли преступление... да, преступление, в результате которого несчастная девушка стала добычей Саркани!

— Да, Петер, я сделал это!

— Почему же?

— Потому что она не могла стать твоей женой.

— Не могла? Почему?

— Потому что, если бы Петер Батори женился на Саве Торонталь, это было бы еще более ужасным преступлением!

— Но почему? Почему? — повторял Петер в полном отчаянии.

— Потому что у Саркани был сообщник! Да, мерзкие козни, из-за которых погиб твой отец, они затеяли вдвоем... И этот сообщник... Тебе надо, наконец, узнать, кто это такой... Это триестский банкир Силас Торонталь!

Петер слышал. Петер понял. Ответить у него не было сил. Уста его судорожно сомкнулись. Охваченный ужасом и отвращением, он замер на месте. Его глаза с расширенными зрачками, казалось, созерцали бездонный мрак.

Это продолжалось лишь несколько секунд, в течение которых доктор сомневался — выживет ли пациент, подвергнутый им такой страшной операции.

Но Петер Батори был человеком несокрушимой воли. Ему удалось подавить все обуревавшие его порывы. Несколькими слезинками скатилось по его щекам. Потом, опустившись в кресло, он покорно положил руки в протянутую руку доктора.

— Петер! — сказал тот ласково и многозначительно. — Для всего света мы с тобою оба умерли. Теперь я одинок в мире, у меня нет больше друзей, нет больше потомства... Хочешь быть мне сыном?

— Да... отец! — ответил Петер Батори.

И они обнялись, как отец и сын.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Что происходило в Рагузе

Пока на Антекирте совершались описанные выше события, вот что происходило в Рагузе.

Госпожи Батори уже не было в этом городе. После смерти ее сына Борику и кое-кому из их друзей уда-

лось увезти ее из Рагузы. В первые дни можно было опасаться, что несчастная мать потеряет с горя рассудок. И действительно, эта энергичная женщина стала проявлять признаки умственного расстройства, тревожившие докторов. При таких обстоятельствах госпожу Батори по совету врачей увезли в деревушку Винтичелло, к другу ее семьи. Здесь ей был обеспечен прекрасный уход. Но что могло утешить несчастную женщину, лишившуюся и мужа и сына?

Старый слуга решил не покидать ее. Поэтому дом на улице Маринелла был наглухо заколочен, и верный Борик последовал за госпожой Батори.

Имя Савы Торонталь, которую мать Петра Батори прокляла, в их разговорах никогда не упоминалось. Они даже не знали, что ее свадьба отложена на неопределенный срок.

Девушка находилась в таком состоянии, что ее пришлось уложить в постель. Ужасный и к тому же неожиданный удар сразил ее. Любимый ею человек умер... умер несомненно от отчаяния!.. Это его тело везли на кладбище в тот час, когда она выезжала из дому, чтобы заключить ненавистный ей союз!

Целых десять дней, то есть до шестнадцатого июля, Сава находилась в тяжелом состоянии. Мать не отходила от больной. Но госпоже Торонталь не суждено было долго ухаживать за дочерью, ибо сама она немного спустя смертельно заболела.

О чем же разговаривали мать и дочь в эти долгие, томительные часы? Об этом легко догадаться. Среди рыданий и слез беспрерывно повторялись два имени: Саркани и Петер. Первое вызывало у них проклятия, а второе, ставшее теперь только именем, высеченным на могильной плите, вызывало неиссякаемые слезы.

Эти беседы, — в которых Силас Торонталь никогда не принимал участия (он даже избегал встречаться с дочерью), — кончились тем, что госпожа Торонталь сделала еще одну попытку воздействовать на мужа. Она хотела, чтобы он отказался от этого брака, одна мысль о котором вызывала в Саве отвращение и ужас.

Банкир остался непоколебим. Если бы он решал этот вопрос один, без давления со стороны, быть может

он и внял бы увещаниям жены, а то и сам одумался бы. Но сообщник имел на него огромное влияние, поэтому он наотрез отказался выслушать жену. Свадьба Савы и Саркани — дело решенное, и она состоится, как только улучшится здоровье девушки.

Легко представить себе, в какую ярость впал Саркани, когда произошло неожиданное осложнение, нарушившее его планы, как приставал он к Силасу Торонталю, торопя его со свадьбой. Конечно, это только отсрочка, но если болезнь Савы затянется, все его планы могут рухнуть. С другой стороны, он не мог не знать, что Сава питает к нему непреодолимое отвращение.

Но в какую лютую ненависть перешло бы это отвращение, если бы девушка узнала, что Петеру Батори был нанесен смертельный удар тем самым человеком, которого ей навязывают в мужья!

Саркани же был очень доволен, что устранил соперника. Он не испытывал ни малейших угрызений совести; казалось, ему были чужды человеческие чувства.

— Какое счастье, что этому парню пришла в голову мысль покончить с собой! — сказал он однажды Силасу Торонталю. — Чем меньше останется представителей рода Батори — тем лучше для нас! Право, само небо покровительствует нам!

И действительно, что осталось теперь от трех семейств — Шандор, Затмар и Батори? Лишь одна старая женщина, дни которой сочтены. Да, казалось, бог покровительствует этим негодяям, и покровительство это скажется в полной мере в тот день, когда Саркани станет мужем Савы Торонталь, а следовательно, владельцем всех ее богатств.

Между тем бог словно хотел испытать его терпение, ибо свадьба все откладывалась.

Когда девушка поправилась — по крайней мере физически — от страшного потрясения и Саркани стал опять настаивать на свадьбе, неожиданно заболела госпожа Торонталь. Здоровье этой несчастной женщины было окончательно подорвано. Да это и не удивительно, если вспомнить, в какой атмосфере она жила после триестских событий, узнав, что связала свою судьбу,

с негодяем! Затем последовала если не борьба, то во всяком случае хлопоты за Петера, имевшие целью хотя бы отчасти возместить вред, причиненный семейству Батори; но госпоже Торонталь ничего не удалось добиться, так как Саркани неожиданно вернулся в Рагузу, и банкир подпал под его влияние.

С первых же дней болезни госпожи Торонталь стало ясно, что жизнь ее скоро оборвется. Врачи считали, что больная протянет лишь несколько дней. Она умирала от истощения. Никакие средства уже не могли спасти ее, не спасло бы ее даже внезапное появление Петера Батори, если бы он встал из могилы, чтобы жениться на Саве!

Сава ухаживала за матерью, ни днем, ни ночью не отходя от ее постели.

Как отнесся к этой новой отсрочке Саркани — легко себе представить. Он осыпал банкира бесконечными упреками, хотя Торонталь был бессилен что-либо изменить.

Долго так продолжаться не могло.

Двадцать девятого июля госпоже Торонталь стало как будто лучше.

Но это мнимое улучшение было вызвано лихорадкой, которая все усиливалась, а через двое суток унесла ее в могилу.

В предсмертном бреду с уст госпожи Торонталь срывались какие-то непонятные фразы.

Особенно удивляло Саву, что умирающая то и дело повторяет одно имя. Имя это было — Батори; но не Петера Батори вспоминала госпожа Торонталь, а его мать, которую она звала, которую умоляла о чем-то, словно терзаясь жестокими угрызениями совести:

— Простите!.. Госпожа Батори!.. Простите!..

Когда бред у больной на время прекратился, Сава спросила мать, что означают эти слова, но госпожа Торонталь в ужасе закричала:

— Молчи, Сава! Молчи!.. Я этого не говорила!..

Настала ночь с тридцатого на тридцать первое июля. Некоторое время врачам казалось, что миновал кризис и госпожа Торонталь начинает выздоравливать.

День прошел без бреда, и все удивлялись неожиданному повороту в ходе болезни. Можно было надеяться, что ночь пройдет столь же спокойно, как и день.

Но дело было в том, что незадолго до смерти больная почувствовала прилив какой-то странной энергии, какой в ней даже нельзя было подозревать. Примирившись с богом, она приняла какое-то решение и теперь только ждала момента, чтобы привести его в исполнение.

В эту ночь она настояла на том, чтобы Сава несколько часов отдохнула. Сколько девушка ни возражала, ей пришлось подчиниться матери, ибо больная твердо стояла на своем.

Часов в одиннадцать Сава ушла к себе в комнату. Госпожа Торонталь осталась одна. В доме все спали; кругом царил безмолвие, которое по справедливости можно было бы назвать «безмолвием смерти».

Оставшись одна, госпожа Торонталь встала с постели. И вот больная, которой трудно было шевельнуть рукой, без посторонней помощи оделась и села за письменный стол.

Тут она взяла лист почтовой бумаги, дрожащей рукой написала всего несколько слов и поставила под ними свою подпись. Потом она вложила письмо в конверт, запечатала его и надписала адрес: «Рагуза, улица Маринелла, возле Страдона. Госпоже Батори».

Преодолевая усталость, вызванную таким усилием, госпожа Батори отворила дверь, спустилась по парадной лестнице, прошла по двору, не без труда отперла калитку, выходящую на улицу, и очутилась на Страдоне.

Было уже далеко за полночь; поэтому на улице было темно и безлюдно.

Госпожа Торонталь, пошатываясь, пошла по тротуару; пройдя шагов пятьдесят, она остановилась у почтового ящика, опустила в него письмо и направилась назад.

Но теперь, когда она исполнила свою последнюю волю, силы окончательно ее покинули, и она без чувств упала у ворот своего особняка.

Здесь ее и обнаружили через час. К воротам прибежали Силас Торонталь и Сава. Умиравшую перенесли в ее комнату, но она все не приходила в сознание.

На другой день Силас Торонталь сообщил Саркани о случившемся. Ни тому, ни другому и в голову не пришло, что госпожа Торонталь вышла ночью из дому для того, чтобы опустить в ящик письмо. Но зачем же она уходила? Они не могли придумать никакого объяснения этому странному поступку, и это очень тревожило их.

Больная прожила еще сутки. Только судороги, изредка пробегавшие по ее телу, доказывали, что она еще жива; то были последние усилия души, готовой отлететь. Сава держала ее за руку, словно желая удержать ее в мире, где она без матери будет такой одинокой! Но уста умирающей теперь безмолвовали, и с них уже больше не срывалось имя Батори. Теперь совесть ее успокоилась, она выполнила свою последнюю волю, и ей уже не о чем было просить, не надо было молить о прощении.

На следующую ночь, в три часа, когда Сава сидела одна возле матери, умирающая сделала движение и коснулась рукою руки дочери.

Глаза ее приоткрылись. Потом взгляд ее остановился на Саве. Ее глаза так красноречиво молили о чем-то, что Сава невольно спросила:

— Мама... ты хочешь что-то сказать?

Госпожа Торонталь утвердительно кивнула головой.

— Хочешь поговорить со мной?

— Да! — отчетливо произнесла госпожа Торонталь.

Сава склонилась к ее изголовью, а умирающая жестом попросила ее придвинуться к ней поближе.

Сава приникла к голове матери, а та прошептала:

— Дитя мое, я умираю!

— Мама! Мама!

— Тише! — прошептала госпожа Торонталь. — Тише! Чтобы нас никто не услышал!

Она продолжала с усилием:

— Сава, я должна вымолить у тебя прощение за все зло, которое я тебе причинила... у меня не хватило сил этому помешать...

— Что ты, мама! Ты никогда не причиняла мне зла. Тебе не за что просить у меня прощения.

— Поцелуй меня еще раз, Сава... в последний раз... в последний... В знак того, что ты прощаешь меня...

Девушка осторожно коснулась губами бледного лба умирающей.

У госпожи Торонталь хватило сил обвить рукою шею дочери. Приподнявшись и пристально всматриваясь в ее черты, она прошептала:

— Сава! Ты не дочь Силаса Торонталья! Ты мне не дочь! Твой отец...

Договорить она не смогла. Судорожным движением она вырвалась из рук Савы и испустила последний вздох.

Девушка склонилась над покойницей. Она попыталась вернуть ее к жизни, но тщетно.

Тогда она стала звать на помощь. На ее зов сбегались люди. Одним из первых появился Силас Торонталь.

При виде его Сава невольно отшатнулась, охваченная непреодолимым отвращением. Теперь она имела право презирать, ненавидеть его: ведь он ей не отец! Так сказала умирающая, а умирающие не лгут!

Сава вышла из комнаты; ее привело в ужас то, что открыла ей несчастная женщина, любившая ее, как родную дочь, и вместе с тем она была в отчаянии, что покойная не успела сказать ей всю правду до конца.

Через день состоялись пышные похороны. Банкира окружала толпа друзей, которых всегда много у богача. Рядом с ним за гробом шел Саркани, подчеркивая тем самым, что не произошло никаких изменений и что он намерен вскоре стать членом семьи Торонталей. Саркани твердо надеялся на это; но он прекрасно знал, что, если этому плану и суждено осуществиться, все же предстоит преодолеть еще немало препятствий. Впрочем, Саркани считал, что смерть госпожи Торонталь скорее ему на руку, ведь Сава лишилась теперь своей защитницы.

С другой стороны, в связи с кончиной госпожи Торонталь свадьба опять откладывалась. Пока семья будет в трауре, не может быть и речи о венчании.

Приличия требовали, чтобы после смерти госпожи Торонталь прошло по крайней мере полгода.

Разумеется, это вызвало крайнюю досаду Саркани, — ему не терпелось добиться своего. Но делать нечего, приходилось считаться с общепринятыми обычаями. Между ним и Силасом Торонталем то и дело происходили бурные объяснения. И всякий раз банкир говорил:

— Я тут бессилен. Но вам нечего беспокоиться, — ведь месяцев через пять свадьба непременно состоится.

Как видно, негодяи прекрасно понимали друг друга. Саркани приходилось соглашаться с доводами банкира, и тем не менее он выражал свое неудовольствие.

Вдобавок оба они были встревожены странным поступком умирающей. Саркани даже пришло в голову, не собиралась ли умирающая тайком кому-то отправить по почте письмо.

Он поделился своими догадками с банкиром, которому это предположение показалось весьма правдоподобным.

— А если так, — твердил Саркани, — то это письмо грозит нам большими неприятностями. Ваша жена всегда была на стороне Савы и настроена против меня; более того — она поддерживала моего соперника. Что, если у нее накануне смерти хватило сил выдать наши тайны? В таком случае нам с вами, пожалуй, благо-разумнее уехать из Рагузы — ведь оставаться здесь рискованно.

— Если бы это письмо было написано, — сказал ему несколько дней спустя Силас Торонталь, — на нас уже обрушились бы неприятности. А ведь до сих пор все идет попрежнему.

Саркани нечего было ему возразить. В самом деле, покамест все было спокойно, и казалось, им не грозит никакой беды.

Между тем беда надвигалась, но совсем иная, чем они предполагали. Произошло это через две недели после смерти госпожи Торонталь.

После кончины матери Сава стала уединяться и не покидала своей комнаты. Она не выходила даже к обеду. Банкир чувствовал себя в ее присутствии не-

ловко и не искал случая остаться с нею с глазу на глаз. Он предоставлял ей полную свободу и жил своей жизнью на другой половине дома.

Саркани резко осуждал поведение Силаса Торонталья. Ведь при таком положении вещей ему уже совсем не удавалось видеть Саву. Поэтому он резко высказывал банкиру свое неудовольствие. Хотя в первые месяцы после похорон не могло быть и речи о свадьбе, Саркани не хотелось, чтобы Сава думала, будто он отказался от мысли об этом союзе.

В конце концов Саркани стал так настойчив, что Силасу Торонталью пришлось сдаться, и шестнадцатого августа он велел передать дочери, что хочет с нею переговорить в тот же вечер. Он предупредил ее, что при их разговоре будет присутствовать Саркани, а потому думал, что Сава откажется прийти. Но он ошибся. Девушка ответила, что готова исполнить его желание.

Вечером Силас Торонталь и Саркани, сидя в большой гостиной, с нетерпением ждали прихода Савы. Первый решил прибегнуть к своей отцовской власти и не идти ни на какие уступки. Второй намеревался быть сдержанным, больше слушать, чем говорить, и надеялся, что ему удастся разгадать тайные помыслы девушки. Он попрежнему опасался, что ей кое-что известно.

В указанное время Сава пришла в гостиную. При ее появлении Саркани встал, но на его поклон девушка не ответила, даже не кивнула головой. Она словно не замечала его, или, вернее, не хотела замечать.

По знаку Силаса Торонталья она села и с равнодушным видом стала ждать, когда с нею заговорят. В траурном платье она казалась еще бледнее.

— Сава, я вполне понимаю, что ты убита горем, и до сих пор не нарушал твоего уединения. Но после этого прискорбного события волей-неволей приходится решать кое-какие материальные вопросы. Хотя ты еще и не совершеннолетняя, надо поставить тебя в известность, какая часть наследства приходится на твою долю...

— Если речь идет только о моих материальных интересах, — ответила Сава, — то незачем продолжать этот разговор. Я не притязую ни на какое наследство!

У Саркани вырвался жест удивления, и в глазах у него блеснула тревога.

— Мне кажется, Сава, ты сама не понимаешь, что говоришь, — продолжал Силас Торонталь. — Хочешь ты этого или нет — ты наследница своей матери, госпожи Торонталь, и по существующим законам в день твоего совершеннолетия я обязан дать тебе отчет...

— Если только я не откажусь от этого наследства, — спокойно возразила девушка.

— Откажешься? Но почему?

— Да потому, что не имею на него никакого права! Банкира передернуло. Такого ответа он никак не ожидал. Саркани упорно молчал. Он решил, что Сава затеяла какую-то игру, и старался разгадать, в чем дело.

— Не понимаю, Сава, — продолжал Силас Торонталь, раздраженный холодным тоном девушки, — решительно не понимаю, что ты хочешь этим сказать. Я вовсе не собираюсь обсуждать с тобой юридические вопросы. Ты, как несовершеннолетняя, находишься под моей опекой и не имеешь права самостоятельно принимать какие-либо решения. Ты должна мне подчиняться; надеюсь, ты признаешь отцовскую власть?

— Может быть, — ответила Сава.

— Вот как! — вскричал Силас Торонталь, теряя терпение. — Вот как! Но ты слишком торопишься, Сава. Подожди еще три года. Когда ты достигнешь совершеннолетия, ты сможешь распоряжаться своим состоянием, но в настоящее время я, как твой опекун, обязан защищать твои интересы.

— Хорошо, — ответила Сава, — я подожду.

— Чего ждать? — возразил банкир. — Ты забываешь, что, как только минет срок траура, твое положение изменится. Ты уже потому не имеешь права пренебрегать богатством, что вскоре уже не одна будешь заинтересована в этом деле...

— В этом деле? — презрительно подчеркнула Сава.

— Поверьте мне, мадемуазель... — почел нужным вставить Саркани, которого задел пренебрежительный тон Сава, — поверьте, что мною владеют самые возвышенные чувства...

Сава не обратила на него ни малейшего внимания, казалось даже не слышала, что он сказал; она пристально смотрела на банкира, а тот продолжал, еле сдерживая раздражение:

— Да, ты будешь не одна... ведь смерть твоей матери не внесла никаких изменений в наши планы.

— Какие планы?

— Планы насчет твоего замужества; ты притворяешься, будто забыла, что господин Саркани должен стать моим зятем!

— А вы уверены, что господин Саркани, вступив в этот брак, делается вашим зятем?

На этот раз намек был столь прозрачен, что Силас Торонталь вскочил с места и хотел было уйти, чтобы скрыть свое замешательство. Но Саркани жестом остановил его. Саркани упорно добивался своего, он хотел выяснить все до конца.

— Выслушайте меня, отец, я в последний раз называю вас этим именем, — продолжала девушка. — Господин Саркани домогается моей руки не из любви ко мне, но чтобы завладеть состоянием, от которого я теперь отказываюсь. Как он ни бессовестен, он не посмеет это отрицать. Он говорит, что я дала согласие на этот брак, — мне легко ему на это ответить. Да, я готова была пожертвовать собою, ведь тогда я думала, что от этого зависит честь моего отца. Но мой отец, — вы это прекрасно знаете, — не может быть замешан в такую отвратительную сделку. Итак, если вы желаете обогатить господина Саркани — отдайте ему свое состояние! Он только об этом и мечтает.

Сава встала и направилась к двери.

— Сава! — вскричал Силас Торонталь, преграждая ей дорогу. — Ты что-то путаешь... Я ничего не понимаю... да ты и сама не знаешь, что говоришь... Неужели смерть матери...

— Матери... да, она была мне матерью... она так меня любила... — прошептала девушка.

— Неужели ты от горя лишилась рассудка? — продолжал Силас Торонталь, уже не слушавший Саву. — Да, если только ты не помешалась...

— Помешалась?

— Но будет так, как я хочу: не далее как через полгода ты выйдешь за Саркани!

— Этому не бывать!

— Я заставлю тебя повиноваться!

— А по какому праву? — ответила девушка, уже не в силах сдерживать негодование.

— По праву отца!..

— Вы, сударь... мне не отец, и мое имя не Сава Торонталь. — При этих словах банкир попятился, не находя, что ответить, и девушка, даже не взглянув на него, вышла из гостиной.

Саркани, внимательно наблюдавший за Савой, не был удивлен ее выходкой. Такой конец он предвидел. Случилось то, чего он опасался. Сава знала, что ничем не связана с семейством Торонталей.

Но банкир был глубоко потрясен словами девушки, тем более что, потеряв самообладание, он во время разговора не замечал, к чему клонится дело.

Тут Саркани, наконец, заговорил и, как всегда ясно и четко, обрисовал создавшееся положение. Силас Торонталь молча слушал его. Да ему только и оставалось, что соглашаться с доводами Саркани, — так логично рассуждал его бывший сообщник.

— Теперь уже нечего и думать, что Сава когда-нибудь согласится выйти за меня, — говорил Саркани. — Но вы сами понимаете, что теперь более чем когда-либо необходимо заключить этот брак. Что знает она о нашем прошлом? Решительно ничего, — иначе она сейчас проговорила бы. Она знает только, что она не ваша дочь, — вот и все. Известно ли ей, кто ее отец? Это ей неизвестно. Если бы она знала, она непременно бросила бы нам в лицо его имя. Давно ли она узнала, что вы ей чужой человек? Конечно, совсем недавно, — вероятно, только перед смертью госпожа Торонталь сказала ей об этом. Весьма вероятно также, что она открыла Саве далеко не все, а ровно столько,

чтобы Сава могла больше не повиноваться человеку, который ей не отец!

Силас Торонталь кивнул головой, — да, он соглашался с рассуждениями Саркани. А мы знаем, что Саркани пришел к совершенно правильным выводам.

— Теперь подведем итоги, — продолжал Саркани. — Хотя Сава очень мало знает о своем происхождении и ровно ничего не знает о нашем прошлом, мы с вами находимся под ударом. Вам грозит потерять почетное положение, которое вы занимаете в Рагузе, а мне — лишиться огромных выгод, какие сулит мне этот брак, выгод, от которых я вовсе не намерен отказываться... Поэтому надо — и притом как можно скорее — предпринять следующее: нам с вами следует уехать из Рагузы и увезти с собою Саву, причем так, чтобы она не успела ни с кем повидаться и переговорить. Уехать надо немедленно. Вернуться сюда мы можем лишь после того, как будет заключен брак; когда Сава станет моей женой, в ее же интересах будет молчать! За границей уже некому будет оказывать на нее влияние, и нам нечего будет опасаться! И уж я сумею добиться у нее согласия на этот брак — поверьте, я не упущу своего, — будь я проклят, если я этого не добьюсь!

Силас Торонталь считал, что Саркани прав: положение было именно таково. Банкир и не думал возражать Саркани. Впрочем, он был бы не в силах бороться со своим сообщником, который сумел подчинить его своей воле. Да и с какой стати стал бы он защищать девушку, которая всегда относилась к нему неприязненно и к которой отнюдь не лежало его сердце?

Они решили как можно скорее привести в исполнение этот план, еще до того, как Сава попытается выйти из дому. На этом Силас Торонталь и Саркани расстались. И как мы сейчас убедимся, им действительно следовало торопиться.

Оказывается, через два дня госпожа Батори в сопровождении Борика покинула селение Винтичелло и вернулась в домик на улице Маринелла. Она решила навсегда уехать из этого дома и вообще из города,

с которым было связано столько тяжелых воспоминаний; она приехала в Рагузу, чтобы подготовиться к окончательному переселению.

Отперев дверь, Борик обнаружил в ящике для корреспонденции письмо.

Это было то самое письмо, которое госпожа Торонталь отправила накануне своей смерти при известных нам обстоятельствах.

Госпожа Батори взяла конверт, распечатала его, взглянула на подпись, потом быстро пробежала строчки, написанные слабеющей рукой и раскрывавшие тайну рождения Савы.

В уме госпожи Батори мгновенно сочетались имена Савы и Петера.

— Она!.. Он!.. — воскликнула несчастная мать.

И, не говоря ни слова — у нее не хватало на это сил, — оттолкнув старика слугу, который хотел было удержать ее, она бросилась вон из дома, побежала по улице Маринелла, пересекла Страдон и остановилась у особняка Торонталья.

Отдавала ли она себе отчет в том, что собиралась сделать? Понимала ли она, что в интересах Савы ей следовало бы действовать не так поспешно, а более обдуманно и осторожно? Нет, она этого не понимала. Ее неудержимо влекло к этой девушке, словно ее муж, Иштван Батори, и сын ее, Петер, поднявшись из могилы, кричали ей: «Спаси ее! Спаси ее!»

Госпожа Батори постучалась в парадное. Дверь отворилась. Вышел лакей и справился, что ей угодно.

Госпоже Батори было угодно повидаться с Савой. Мадемуазель Торонталь не было дома.

Госпожа Батори хотела переговорить с банкиром Торонталем.

Банкир еще накануне уехал вместе с дочерью, не сказав куда именно.

Сраженная этим ответом, госпожа Батори пошатнулась и упала на руки Борика, который прибежал вслед за нею.

Когда старый слуга привел ее в домик на улице Маринелла, она сказала ему:

— Завтра, Борик... завтра мы с тобою пойдем на свадьбу Савы и Петера!

Госпожа Батори лишилась рассудка.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

В водах Мальты

Пока разворачивались эти события, так близко затрагивавшие Петера Батори, здоровье его со дня на день улучшалось. Рана почти совсем зажила и уже не внушала никаких опасений.

Но с какой душевной болью думал Петер о матери, о Саве, которую он считал навек утраченной!

А мать? Ведь нельзя же, чтобы она продолжала считать его умершим! Поэтому было решено, что ей осторожно скажут всю правду, чтобы она могла приехать к нему на Антекирту. Одному из агентов доктора, жителю Рагузы, было предписано не терять ее из виду в ожидании полного выздоровления Петера, а оно было не за горами.

Петер решил никогда не упоминать о Саве в разговорах с доктором Антекиртом. Но хотя он и думал, что теперь она жена Саркани, — как ему было забыть ее? Разве он разлюбил ее, хотя и знал теперь, что она дочь Силаса Торонталя? Нет! Разве Сава отвечает за преступление, совершенное ее отцом? Но как бы то ни было, именно это преступление привело к гибели Иштвана Батори. Итак, Петер переживал мучительную душевную борьбу.

Доктор это понимал; он старался отвлечь мысли юноши от Савы, то и дело напоминая ему о возмездии, которое они должны совместно осуществить. Надо во что бы то ни стало наказать предателей, и они будут наказаны! Как до них добраться — покажет будущее, но не может быть сомнения, что рано или поздно до них доберутся!

— Дорог — тысячи, цель — одна! — твердил доктор.

И, если понадобится, он изведает тысячи дорог!

Наконец Петер настолько окреп, что мог совершать прогулки — то пешком, то в экипаже. Знакомясь с островом, он невольно дивился, какого расцвета достигла маленькая колония под управлением доктора Антекирта.

Безостановочно шли работы по сооружению укреплений, которые должны были защищать от нападений город, расположенный у подножья горы, гавань и весь остров. По окончании этих работ предполагалось расставить в соответствующих местах дальнобойные орудия, огонь которых закроет доступ к острову любому вражескому судну.

В системе обороны весьма важная роль принадлежала электричеству: при помощи электрического тока должны были взрываться мины, поставленные на фарватере, ведущем к гавани; стрельба из пушек также должна была производиться посредством электричества. В области использования электричества, которому принадлежит будущее, доктору удалось добиться замечательных результатов. Центральная станция, оборудованная котлами и паровыми двигателями, состояла из двадцати динамомашин усовершенствованной конструкции. Там вырабатывался ток, которым заряжались специальные мощные аккумуляторы. Электричество применялось для освещения и водоснабжения, с помощью тока работали телеграф и телефон; электричеством приводились в движение и поезда, ибо остров был охвачен сетью железных дорог. Словом, доктор сумел с успехом применить научные познания, приобретенные им в молодости, и разрешил одну из проблем современной науки, а именно проблему передачи электрической энергии на расстояние. Электричество приводило в движение и построенные доктором катера, о которых уже говорилось выше, а также быстроходные «электро», позволявшие ему со скоростью экспресса переноситься из одной части Средиземного моря в другую.

Для паровых машин, вырабатывавших электрическую энергию, необходимо было топливо; поэтому на складах Антекирты всегда имелись большие запасы угля, который постоянно подвозился из Англии.

Городок был расположен амфитеатром вокруг бухты, которая была превращена в превосходный порт. Благодаря двум дамбам, молу и волнолому порт был прекрасно защищен от штормов. Итак, при любой погоде флот Антекирты находился в полной безопасности. Флот этот состоял из яхты «Саварены», грузового парохода, предназначенного для перевозки угля из Суонси и Кардиффа, паровой яхты «Феррато» водоизмещением тонн в восемьсот и трех «электро», из которых два, переоборудованные в миноносцы, могли весьма пригодиться для защиты острова.

Итак, благодаря энергии доктора остров быстро укреплялся. Это прекрасно знали пираты Триполитании и Киренаики. Тем не менее они зарились на этот остров, подстрекаемые тогдашним главой секты сенуситов, Сиди-Мохамедом эль Махди, задумавшим овладеть Антекиртой. Но, понимая всю трудность такого предприятия, пираты терпеливо выжидали удобного случая, а терпение — одна из основных черт арабов. Доктору были известны их планы, и он торопился завершить работы по обороне острова. Когда они будут закончены, достаточно будет пустить в ход современные разрушительные орудия, чтобы рассеять нападающих, у которых не имелось такой артиллерии. К тому же все мужчины от восемнадцати до сорока лет несли военную службу; образуя отряды милиции, они были вооружены скорострельными ружьями и обучены стрельбе из орудий; командовали этими отрядами начальники, избранные из числа лучших людей острова. Всего в народной милиции было около шестисот человек, и она являлась надежной охраной.

Правда, некоторые колонисты жили на фермах, разбросанных по острову, но большинство обитало в городке, получившем название Артенак в память поместья, которым граф Шандор некогда владел в Карпатах. Артенак отличался живописностью. Там насчитывалось всего несколько сот домов. Они не были построены в шахматном порядке, на американский лад, и улицы не были вытянуты по линейке; дома разместились где придется, преимущественно на возвышенностях; они стояли в тенистых садиках, под раскидистыми

деревьями; там и сям попеременно попадались домики и европейской и арабской архитектуры; они расположились вдоль искусственных ручьев, где текла вода, которую направляли сюда водонапорные машины. Все кругом было приветливо, свежо, мило, привлекательно; то был скромный городок, обитатели которого, члены одной семьи, принимали большое участие в общественной жизни и чувствовали себя на острове как дома.

Да, жители Антекирты были счастливы. *Ubi bene, ibi patria*¹ — это, конечно, не слишком патристичный девиз; но да простится он славным людям, которым плохо жилось на родине и которые, съехавшись сюда на призыв доктора, нашли на гостеприимном острове счастье и достаток.

Дом доктора Антекирта колонисты называли Ратушей. Здесь жил не властелин, но первый среди равных. Это было прелестное здание в мавританском стиле с бельведерами и деревянными решетками на окнах, с внутренним двором, галереями, портиками, фонтанами, гостиницами и комнатами, стены которых были расписаны талантливыми художниками, приглашенными из арабских провинций. Дом был построен из ценного материала, из различных сортов мрамора и оникса, добытых в горе Филфила, у Нумидийского залива, в нескольких километрах от Филиппивия, где карьерами руководил инженер, обладавший не только большими знаниями, но и художественным вкусом. Этот мрамор прекрасно передавал все тонкости замысла архитектора и постепенно приобрел тот золотистый оттенок, который накладывает знойное африканское солнце, поводя по земле своими лучами, словно кисточкой.

Невдалеке от Артенака возвышалась изящная колоколенка небольшого храма; для его сооружения из тех же карьеров был привезен черный и белый мрамор, широко используемый и для построек и для ваияния, а также синий мрамор и желтый халцедон, который сродни древнему каррарскому и паросскому мрамору.

За пределами города, по окрестным холмам, были разбросаны домики, в том числе несколько вилл, а по-

¹ Где хорошо, там и отчизна (*лат.*).

выше виднелась небольшая больница, куда доктор, единственный врач на острове, намеревался помещать больных, если таковые окажутся. По склонам холмов, спускавшимся к морю, тоже расположились красивые домики; это был своего рода курорт. Один из самых благоустроенных домиков, хоть и низенький, как блокгауз, можно бы назвать виллой Пескада и Матифу. Именно здесь поселились неразлучные друзья, причем им прислуживал араб-саис. Никогда в жизни они и мечтать не смели о таком счастье!

— До чего здесь хорошо! — то и дело твердил Матифу.

— Даже слишком хорошо. Это не для нас, — отвечал Пескад. — Теперь, Матифу, нам надо бы подучиться, поступить в школу, загребать пятерки, получить аттестат.

— Но ведь ты и так образованный, — возражал Геркулес. — Умеешь читать, писать, считать...

И правда, по сравнению со своим товарищем Пескад мог сойти прямо-таки за ученого! Но бедный малый отлично сознавал, как много пробелов в его образовании. Где и как было ему учиться? Ведь, по его собственным словам, единственной школой, которую он посещал, был «Лицей для карпов в Фонтенбло». Поэтому он теперь часами просиживал в библиотеке Артенака, стараясь пополнить свои знания, читал, учился, в то время как Матифу с разрешения доктора ворочал прибрежные камни и копал песок, расчищая местечко для рыбной ловли.

Петер Батори всячески поощрял занятия Пескада; он оценил его незаурядный ум, которому не доставало только культуры. Петер стал его учителем, решив дать ему начальное образование, и ученик делал быстрые успехи. Но Петер сблизился с Пескадом и по другим причинам. Ведь Пескад многое знал о его прошлом. Ведь ему было поручено наблюдать за особняком Торонталей. Ведь он находился на Страдоне, когда Петера везли на кладбище, и видел, как Саву в обмороке вносили в дом. Пескаду пришлось не раз рассказать Петеру об этих прискорбных событиях, в которых он принимал косвенное участие. Только с ним и мог отве-

сти душу Петер, когда ему становилось слишком тяжело.

Между тем в скором времени доктор собирался осуществить двойную задачу — вознаградить пострадавших и покарать злодеев.

Он не успел оказать помощь Андреа Феррато, очень быстро умершему на каторге. И ему хотелось что-нибудь сделать для его детей. К сожалению, несмотря на все старания его агентов, никак не удавалось узнать о судьбе Луиджи и его сестры. После смерти отца они уехали из Ровиня, покинули Истрию и вновь обрекли себя на изгнание. Куда они направились? Этого никто не знал, и это очень огорчало доктора. Однако он все еще надеялся разыскать детей человека, который пожертвовал собою ради него, и, по распоряжению доктора, их усиленно разыскивали.

Заветным желанием Петера было перевезти мать на Антекирту, но доктор хотел воспользоваться преимуществами, какие им давала мнимая смерть Петера, и развяснил юноше, что следует действовать крайне осторожно. К тому же доктор хотел подождать, пока Петер окончательно окрепнет, чтобы взять его с собой в путешествие. Наконец, зная, что свадьба Савы и Саркани отсрочена из-за смерти госпожи Торонталь, доктор решил ничего не предпринимать до тех пор, пока брак этот не будет заключен.

Один из рагузских агентов доктора зорко наблюдал как за домом госпожи Батори, так и за особняком на Страдоне и осведомлял его обо всем, что там происходило.

Таково было положение вещей. Доктор с нетерпением ожидал подходящего момента, когда можно будет начать решительные действия. Правда, Карпена бесследно исчез, уехав из Ровиня, зато Силас Торонталь и Саркани, находившиеся в Рагузе, уже никак не могли выскользнуть у него из рук.

Легко себе представить, что пережил доктор, когда в Ратушу была доставлена депеша, принятая с Мальты. Там говорилось, во-первых, что Силас Торонталь, Сава и Саркани выехали из Рагузы, а во-вторых, что гос-

пожа Батори и Борик исчезли и никаких следов их разыскать не удастся.

Теперь уже нельзя было медлить. Доктор вызвал к себе Петера и познакомил его с содержанием телеграммы. Какой это был удар для Петера! Мать его исчезла, Сава увезена отцом неизвестно куда и, конечно, попрежнему находится во власти Саркани!

— Мы поедим завтра же, — сказал доктор.

— Нет, сегодня! — воскликнул юноша. — Но где нам искать мою мать? Где ее искать?..

Он не договорил. Доктор прервал его:

— Может быть, поспешный отъезд Торонталья и Саркани из Рагузы и исчезновение госпожи Батори ничем не связаны между собой и это лишь простое совпадение. Но первым делом надо разыскать этих двух негодяев.

— Где же их разыскивать?

— В Сицилии... вероятно.

Читатель помнит, что в разговоре Саркани с Зироне, который граф Шандор подслушал в башне Пизино, Зироне упомянул о Сицилии, как об арене своих подвигов, и предложил своему сообщнику вернуться туда, если понадобится. Доктор хорошо это запомнил, а также и имя Зироне. Конечно, то были скудные данные, но они все же могли помочь отыскать след Саркани и Силаса Торонталья.

Итак, было решено немедленно двинуться в путь. Пескада и Матифу предупредили, чтобы они были наготове, так как им придется сопровождать доктора. Тут Пескад впервые узнал, кто такие Силас Торонталь, Саркани и Карпена.

— Три прохвоста. Я так и думал!

Потом он обратился к Матифу:

— Скоро твой выход!

— Скоро?

— Да, но жди моей реплики.

Отъезд состоялся в тот же вечер. «Феррато» стоял под парами; продовольствие и уголь были запасены в достаточном количестве, компасы в исправности, и около восьми часов вечера яхта вышла в море.

От самой отдаленной точки залива Большой Сирт до мыса Портю ди Пало, на юге Сицилии, в круглых циф-

рах девятьсот пятьдесят миль. Быстроходная паровая яхта, делавшая более восемнадцати миль в час, могла пройти это расстояние в полтора суток.

«Феррато», этот миниатюрный крейсер флота Антекирты, был чудесным судном! Он был построен во Франции на Луарской верфи, его машина могла развить мощность до полутора тысяч лошадиных сил. Водотрубные котлы системы Бельвиля, при которой в трубах проходит горячая вода, в отличие от огнетрубных котлов, требовали мало топлива и давали возможность быстро поднять пар и свободно довести давление до четырнадцати и даже пятнадцати килограммов. Пар этот подвергался затем перегреву и превращался в механическую силу невероятной мощности. Это небольшое судно не уступало в скорости легким крейсерам европейских эскадр.

Разумеется, пассажиры пользовались на «Феррато» полным комфортом. Судно было вооружено четырьмя стальными пушками, заряжавшимися с казенной части, а также двумя револьверными пушками Гочкиса и двумя митральезами Гатлингса. Кроме того, на носовой части было установлено длинное орудие, метавшее конические снаряды на расстояние в шесть километров.

Командовал «Феррато» капитан по имени Кестрик, родом из Далмации; при нем состояли старший помощник и два лейтенанта; в машинном отделении работали старший механик, второй механик, четверо кочегаров и двое угольщиков; экипаж состоял из тридцати матросов, боцмана и двух его помощников; в камбузе работали два повара, и к услугам пассажиров были трое лакеев. Итак, персонал судна состоял из четырех офицеров и сорока трех рядовых.

«Феррато» пересек залив Большой Сирт и вышел в открытое море. Хотя и не было попутного ветра (дул очень прохладный норд-вест), капитану удавалось развивать значительную скорость, но воспользоваться парусами не было возможности.

Ночью доктор и Петер, занимавшие соседние каюты, а также Пескад и Матифу, расположившиеся в каюте на носу, могли спокойно спать при легкой бортовой качке. Но, по правде сказать, в то время как

друзья сладко почивали, доктор и Петер, которых мучили тревожные думы, лишь ненадолго сомкнули глаза.

На следующее утро, когда пассажиры вышли на палубу, яхта находилась уже более чем в ста двадцати милях от Антекирты, хотя со времени отплытия прошло всего двенадцать часов. Направление ветра было все то же, но он заметно крепчал. Небо застилало тяжелые свинцовые тучи, и воздух был тяжелый и душный, чувствовалось приближение грозы.

Пескад и Матифу радостно приветствовали доктора и Петера Батори.

— Здравствуйте, друзья мои, — сказал им в ответ доктор. — Хорошо ли вам спалось?

— Превосходно, совсем как лентяям, когда у них спокойно на совести, — весело отвечал Пескад.

— А Матифу уже позавтракал?

— Да, господин доктор, он выпил миску черного кофе и скушал два килограмма галет.

— Галеты, пожалуй, жестковаты!

— Что вы! Для человека, который еще недавно между завтраком и обедом грыз булыжник, — это такие пустяки!

Матифу слегка покачивал огромной головой, — так он обычно одобрял ответы своего друга.

Между тем «Феррато» по приказу доктора шел полным ходом, и его форштевень вздымал два бурлящих пенистых вала.

И в самом деле необходимо было спешить. Капитан Кестрик уже совещался с доктором и теперь подумывал, не лучше ли зайти на Мальту, огни которой должны показаться часов в восемь вечера.

Надвигалась буря. Невзирая на западный ветер, который к вечеру стал крепчать, с востока наполнили огромные тучи, уже закрывшие три четверти небосклона. Над морем опускалась пепельно-серая завеса, которая становилась чернильно-черной, едва на нее падал прорвавшийся сквозь тучи солнечный луч. Редкие молнии изредка прорезали насыщенную электричеством тучу, верхняя кромка которой вырисовывалась тяжелыми завитками с резко очерченными

контурами. Грома еще не было слышно. Казалось, западный ветер вступал в борьбу с восточным, еще почти неощутимым; море отзывалось на эту борьбу; росли волны, они пенились и порою обрушивались на палубу. Часам к шести совсем стемнело, небо было застлано густыми тучами, которые тяжелым сводом нависли над морем. Глухо ворчал гром, ослепительные молнии прорезали мрак.

— Маневрируйте, как вы находите нужным в этих условиях, — сказал доктор капитану.

— Да, это необходимо, господин доктор, — ответил капитан Кестрик. — На Средиземном море должен хозяйничать кто-нибудь один, а сейчас восток и запад решили померяться силами, и как бы не взял верх восток. Около острова Гоцо и Мальты море станет бурным, и нам, пожалуй, не избежать неприятностей. Я не предлагаю зайти в Ла-Валлетту, но не худо было бы укрыться до утра у западного берега одного из этих островов.

— Действуйте, как считаете нужным, — повторил доктор.

«Феррато» находился в то время милях в тридцати к западу от Мальты. На острове Гоцо, который расположен к северо-западу от Мальты и отделен от нее двумя узкими проливами, омывающими небольшой промежуточный островок, стоит первоклассный маяк, огонь которого виден за двадцать семь миль.

Несмотря на плохую погоду, с «Феррато» через час уже должны были увидеть его огонь. Определив свое место по пеленгу маяка, можно было затем приблизиться к острову и подыскать убежище, чтобы переждать там несколько часов.

Капитан Кестрик так и поступил, из осторожности убавив ход, чтобы не повредить корпус или механизмы судна.

Между тем прошел час, а маяка все еще не было видно. Остров тоже невозможно было разглядеть, хотя у него крутые скалистые берега.

Гроза была в полном разгаре. Теплые струи дождя хлестали по морю. Разорванные ветром мохнатые тучи неслись вдоль горизонта с бешеной скоростью. Порой

в разрывах туч проглядывали звезды, но они тотчас же гасли, а растрепанные облака, спускаясь к самому морю, мели по волнам, как гигантский веник. Молнии так и сыпались в пучину, со всех сторон освещая корабль; не смолкали раскаты грома.

До сих пор положение было трудное, теперь оно становилось опасным.

Капитан Кестрик не решался подходить ближе к острову, так как знал, что они находятся уже вблизи от маяка. Он даже опасался, что прибрежные скалы заслоняют от них огонь маяка. В этом случае «Феррато» находился совсем близко от острова. А наскочить на прибрежные скалы значило бы неминуемо погибнуть.

Поэтому капитан около половины десятого принял решение лечь в дрейф, держась малым ходом. Он не совсем остановил машину, а свел ее работу к нескольким оборотам в минуту, чтобы судно только слушалось руля и не становилось бортом к волнам. В таком положении «Феррато» отчаянно качало, зато они не рисковали, что их выбросит на берег.

Так продолжалось три часа — приблизительно до полуночи, когда обстановка еще ухудшилась.

Как это часто бывает во время грозы, борьба противоположных ветров вдруг прекратилась. Ветер снова принял то же направление, что и днем, но значительно покрепчал. Несколько часов он боролся с противником, но выдержал схватку, и теперь уже ничто не сдерживало его бешеных порывов; небо понемногу светлело.

— Огонь впереди, с правого борта! — крикнул вахтенный матрос, стоявший на баке возле бугшприта.

— Лево на борт! — тут же скомандовал капитан Кестрик, намереваясь удалиться от берега.

Он тоже заметил свет. Огонек говорил о том, что это маяк Гоцо. Надо было спешно повернуть назад, ибо ветер достиг большой силы. «Феррато» находился в каких-нибудь двух милях от мыса, над которым внезапно показался маяк.

Механику было приказано усилить давление паров, но внезапно машина стала работать с перебоями, а потом и вовсе замерла.

Доктор, Петер Батори и матросы бросились на палубу, опасаясь серьезного повреждения.

И действительно, случилась беда. Перестал действовать клапан воздушного насоса, конденсатор стал работать плохо; винт сделал несколько оборотов со зловещим шумом, напоминавшим взрывы, потом совсем остановился.

Повреждение было непоправимо, по крайней мере в данных условиях. Надо было разобрать насос, что потребовало бы нескольких часов. А между тем через несколько минут буря могла выбросить судно на берег.

— Ставить фок! Поднять кливер! Ставить бизань! — скомандовал капитан Кестрик, в распоряжении которого остались только паруса; матросы поспешно и дружно исполнили его приказ. Само собою разумеется, им помогали и на диво ловкий Пескад и сказочный силач Матифу, который, кажется, мог бы порвать любые тросы.

Но положение «Феррато» было тем не менее крайне опасным. Будучи паровым судном с удлинненным узким корпусом, при незначительной осадке, имея в общем недостаточную парусность, оно не было приспособлено для лавирования при встречном ветре. Если во время шторма идти в крутой бейдевинд, то судно могло даже опрокинуться.

Это и угрожало «Феррато». Он вообще плохо шел под парусами и не мог идти на запад против ветра. Судно мало-помалу относило к прибрежным скалам, и, казалось, остается только выбрать наименее опасное место, потому что его все равно выбросит на берег. К несчастью, ночь была до того темная, что капитану Кестрику не удавалось рассмотреть очертания берегов. Он знал, что остров Гоцо отделен от Мальты двумя проливами, а между ними лежит островок Комино. Но как отыскать в такую тьму вход в проливы, как войти в них при таком волнении, как добраться до восточного берега и укрыться в порте Ла-Валлетта? Только опытный лоцман, только местный рыбак мог бы отважиться на столь опасный маневр. Но в непроглядном мраке, в тумане, под проливным дождем какой же рыбак придет на помощь гибнущему судну?

«Феррато» давал тревожные гудки; порывистый ветер подхватывал и уносил его призывы; три раза падали из пушки.

Вдруг со стороны суши во мгле появилась какая-то черная точка. По направлению к «Феррато» шел баркас с зарифленным парусом. Повидимому, то был рыбачий баркас, которому пришлось укрыться от шторма в бухте Мелльеха. Рыбак, укрывшийся среди скал, нашедший приют в прелестном гроте Калипсо, который можно сравнить с Фингаловой пещерой на Гебридских островах, услышал тревожные гудки и выстрелы.

Тотчас же, не думая об опасности, он бросился на помощь.

Баркас постепенно приближался. На борту «Феррато» приготовили трос, чтобы бросить его, как только баркас подойдет. Минуты казались вечностью. До скал оставалось каких-нибудь полкабельтова.

Но вот трос брошен; однако огромный вал подхватил баркас и с силой ударил его о борт «Феррато». Баркас разнесло в щепки, и находившийся на нем рыбак неминуемо бы погиб, если бы его не подхватил Матифу. Силач взял его на руки и, словно ребенка, опустил на палубу.

Тогда, не говоря ни слова — до разговоров ли тут? — рыбак бросился на капитанский мостик и в тот миг, когда судно, обращенное носом к берегу, должно было наскочить на утес, круто повернул штурвал и направил судно в узкое устье пролива Норт Комино; корабль, гонимый попутным ветром, прошел пролив меньше чем за двадцать минут. Теперь он находился к востоку от Мальты, где море было гораздо спокойнее. Судно дрейфовало вдоль берега на расстоянии около полумили. Часам к четырем, когда начало светать, «Феррато» вошел в порт Ла-Валлетта и бросил якорь у пристани Сенглеа, близ входа в военную гавань.

Тут доктор поднялся на мостик.

— Вы спасли нас, друг мой! — сказал он молодому моряку.

— Я только исполнил свой долг.

- Вы лопман?
- Нет, я простой рыбак.
- А как вас зовут?
- Луиджи Феррато!

ГЛАВА ПЯТАЯ

Мальта

Итак, это был сын рыбака из Ровиня! По счастливой случайности не кто иной, как Луиджи Феррато, благодаря своей ловкости и мужеству спас от неминуемой гибели судно, его пассажиров и экипаж!

Доктор готов был крепко обнять Луиджи... Но он сдержался. Только граф Шандор мог бы так выразить свою благодарность, а графа Шандора все должны были считать умершим, даже сын Андреа Феррато!

Восхищенный подвигом Луиджи Феррато, Петер Батори, позабыв всякую сдержанность, ринулся к рыбаку, но доктор взглядом остановил его. Потом они спустились в кают-компанию, попросив Луиджи следовать за ними.

— Друг мой, вы сын истрийского рыбака Андреа Феррато? — спросил его доктор.

— Да, сударь, — ответил Луиджи.

— У вас есть сестра?

— Есть, и мы с нею живем вместе в Ла-Валлетте. Но разве вы, — спросил он с некоторым замешательством, — знали моего отца?

— Знал ли я вашего отца! — воскликнул доктор. — Ваш отец пятнадцать лет тому назад приютил у себя в доме в Ровине двух беглецов. Это были мои близкие друзья. Увы! Вашему отцу не удалось спасти их от смерти, да и сам он попал на каторгу и умер там.

— И он умер, ничуть не раскаиваясь в своем поступке! — отвечал Луиджи.

Доктор взял молодого рыбака за руку.

— Луиджи! — сказал он. — Мои друзья не успели отблагодарить вашего отца за его великодушный по-

ступок, и я считаю своим долгом что-нибудь сделать для вас. Я много лет разыскивал вас и вашу сестру, но с того дня как вы уехали из Ровиня, все следы ваши были потеряны. Благодарение богу, что он послал мне на помощь именно вас! Судно, которое вы спасли, названо мной «Феррато» в память вашего отца. Позвольте мне обнять вас, дитя мое!

Когда доктор сжал его в объятиях, у Луиджи выступили на глазах слезы.

При виде этой трогательной сцены Петер уже не мог совладать с собою. В горячем порыве он бросился к отважному юноше, который был ему, вероятно, ровесником.

— Позвольте мне... мне тоже! — воскликнул он, раскрыв объятия.

— А вы, сударь?

— Я... сын Иштвана Батори!

Пожалел ли доктор, что у Петера вырвалось это признание? Нет! Луиджи сумеет сохранить эту тайну, как хранят ее Пескад и Матифу.

Луиджи посвятили во все планы доктора Антекирта, рассказали, какую он преследует цель. Об одном только умолчали, что перед ним — граф Матиас Шандор.

Доктор пожелал, чтобы его немедленно отвезли к Марии Феррато. Ему хотелось вновь увидеть ее и узнать, как она живет, — ей, конечно, приходится много трудиться и бороться с нищетой, ведь после смерти Андреа она осталась одна, с младшим братом на руках.

— Хорошо, господин доктор, поедemте хоть сейчас, раз вы так хотите, — сказал Луиджи. — Мария, наверно, беспокоится обо мне. Прошло уже двое суток, как я расстался с ней и отправился на ловлю в бухту Мелльеха, а ночью разразился шторм, и она, пожалуй, думает — не попал ли я в беду.

— Вы очень любите сестру? — спросил доктор.

— Она мне и сестра и мать, — ответил Луиджи.

Мальта находится в ста километрах от Сицилии, и всего лишь двести пятьдесят километров отделяют ее от Европы. Однако вопрос о том, относится ли она к Африке или к Европе, сильно занимал географов.

Остров этот был отдан Карлом V в распоряжение ордена рыцарей госпитальеров, которые были изгнаны с Родоса Сулейманом и вновь объединились под названием мальтийских рыцарей; в настоящее время Мальта принадлежит англичанам, у которых ее не так-то легко отнять.

Остров имеет двадцать восемь километров в длину и шестнадцать в ширину. Столица Мальты — портовый город Ла-Валлетта, но есть там и другие города, например Нотабиле или Читта-Веккья — своего рода священный город, в рыцарские времена местопребывание епископа, — а также Боске, Дингли, Цеббуг, Имджар, Беркеркара, Лука, Фарруджи и проч. Восточная часть острова весьма плодородна, в противоположность западной, где весьма скудная растительность, поэтому чуть ли не все население сосредоточено на востоке, общая же численность его — сто с лишним тысяч человек.

На побережье Мальты имеется четыре-пять прекраснейших в мире гаваней, и вообще остров на диво живописен. Всюду вода, всюду скалы, мысы, холмы, пригодные для укреплений и удобные для артиллерии. Еще рыцари превратили Мальту в основательную крепость, англичане же, сохранившие за собою остров вопреки Амьенскому мирному договору, сделали его совершенно неприступным. Ни одному вражескому броненосцу не проникнуть в бухту Гранд-Марс, где расположен главный порт, ни в Карантинную гавань в бухте Марс Мушет. Но ведь к этим бухтам надо еще подойти, а теперь в сторону моря обращены две стоянны пушки с гидравлическими зарядными устройствами и прицельными аппаратами; эти орудия стреляют девятистоткилограммовыми снарядами на расстояние в пятнадцать километров, — к сведению держав, которым досадно, что в руках англичан находится превосходная база, господствующая над центральной частью Средиземного моря и способная принять все флоты или эскадры Великобритании.

Конечно, на Мальте довольно много англичан. Здесь живет генерал-губернатор, занимающий старинный замок великого магистра ордена, адмирал, коман-

дующий флотом и портами, имеется гарнизон в четыре-пять тысяч человек, — но есть на острове и итальянцы (издавна там поселившиеся), которым Мальта весьма по вкусу, немало и пришлого разношерстного люда, как в Гибралтаре; но больше всего там мальтийцев.

Мальтийцы — это африканцы. В портах их суда можно узнать по пестрой расцветке; по крутым улицам их экипажи несутся с головокружительной быстротой; на базарах, среди оглушительного гама, они торгуют фруктами, овощами, мясом и рыбой, осенив свой товар ярко раскрашенным образком. Все мужчины кажутся на одно лицо — загорелые, черноволосые, курчавые, с горящими глазами, приземистые и коренастые. Что же касается женщин, то можно обзаклад побиться, что все они — из одной семьи: у них большие глаза с длинными ресницами, темные волосы, прелестные руки, стройные ноги, гибкий стан, и они не лишены известной томности; кожа у них ослепительно белая, — они не загорают благодаря «фальцетте» — своеобразной черной накидке, напоминающей тунискую; такую накидку носят на Мальте женщины всех классов, и она одновременно служит им и головным убором, и шарфом, и даже веером.

Мальтийцы — прирожденные купцы. Их встретишь во всех окрестных торговых портах, на всех рынках. Они трудолюбивы, искусны в ремеслах, бережливы, нетребовательны, но вспыльчивы, мстительны, ревнивы; конечно, легче всего изучить нравы простонародья. Говорят мальтийцы на своеобразном наречии, основу которого составляет арабский язык, так как после падения Восточной Римской империи остров был завоеван арабами; язык мальтийцев отличается остротой, живостью, красочностью, богат метафорами и образами. Когда мальтийцев удастся приручить, они становятся хорошими моряками, и все они бесстрашные рыбаки, ибо вследствие частых штормов свыклись с опасностями.

Здесь-то и рыбачил теперь Луиджи, причем проявлял такую отвагу, словно был коренным мальтийцем. Здесь он и жил уже лет пятнадцать со своей сестрой Марией Феррато.

Вокруг Ла-Валлетты по берегам бухты Марсашлокк и Карантинной гавани расположено не менее шести городков. Флориана, Сенглеа, Коспика, Витториоса, Слиема, Мизиды — это не пригороды, не местечки, населенные беднотой, а настоящие городки с роскошными жилищами, особняками, церквями. Столица насчитывает двадцать пять тысяч жителей и украшена дворцами, которые скромно именуются гостиницами, — их пять: Провансальская, Кастильская, Оверньская, Итальянская и Французская.

Брат и сестра жили в Ла-Валлетте, вернее, под Ла-Валлеттой, ибо они приютились в своего рода подземном квартале, именуемом Мандераджо, куда можно проникнуть с улицы Сан-Марко. Там они нашли жилище себе по средствам; в это подземелье и провел Луиджи доктора Антекирта.

С трудом отбившись от осаждавших их со всех сторон лодочников-мальтийцев, Луиджи, доктор и Петер высадились на набережную. Они прошли Морские ворота, оставив позади столицу Мальты, над которой не смолкает оглушительный перезвон колоколов. Миновав крепостное укрепление с двойными казематами, они вскарабкались по крутому склону, затем направились по узкой улочке-лестнице, по обеим сторонам которой выстроились высокие дома с зелеными балкончиками и нишами, где горят лампы. Наконец они вышли с собору св. Иоанна, вокруг которого роился шумный люд.

Добравшись до вершины холма, который приблизительно такой же высоты, как и собор, доктор и его друзья вновь стали спускаться, направляясь к Карантинной гавани; на улице Сан-Марко они остановились перед лестницей, уходившей вправо, в глубь города.

Квартал Мандераджо подступает к самым городским стенам; в его тесные улочки никогда не заглядывает солнце: в высоких желтоватых стенах домов кое-как пробиты оконца, некоторые из них с решетками. На каждом шагу — лестницы, спускающиеся во дворы, похожие на клоаки; низенькие, заплесневевшие, грязные двери, размытые канавки, темные переходы, даже не заслуживающие названия переулка. У всех дверей,

у всех окошек, на перекошенных площадочках, на покосившихся ступеньках копошатся страшные на вид существа — старухи, похожие на колдуний, молодые женщины, бледные и чахлые от недостатка воздуха, растрепанные девочки, полуголые, худосочные мальчишки, валяющиеся в грязи, нищие со всевозможными увечьями и язвами, приносящими им немалый доход, мужчины — носильщики или рыбаки — со зверскими лицами, готовые на любое злодеяние; кое-где в толпе попадаетесь флегматичный полицейский, уже присмотревшийся к диковинному населению, не только освоившийся, но даже сроднившийся с этим сбродом! Словом, истинный Двор Чудес¹, но перенесенный в еще более причудливую обстановку. Улички этого квартала тянутся до Карантинной гавани, а решетчатые окошечки его последних лагун зарываются в землю, находятся на уровне мостовой и выглядывают на набережную, где все залито ярким солнцем и где веет свежий морской ветерок.

В одном из этих домов, на верхнем этаже, жили Мария и Луиджи Феррато. У них было всего две комнаты. Доктора поразила бедность и в то же время чистота этого убогого жилища. Здесь чувствовалась рука заботливой хозяйки, той самой, которая некогда хлопотала в доме ровиньского рыбака.

При появлении доктора и Петра Батори Мария встала. Увидев брата, она воскликнула:

— Луиджи! Дорогой мой!

Можно себе представить, как она исстрадалась за минувшую ночь!

Луиджи поцеловал сестру и представил ей своих спутников.

Доктор в нескольких словах рассказал, при каких обстоятельствах Луиджи, рискуя жизнью, спас погибшее судно. Он добавил, что его спутник — сын покойного Иштвана Батори.

Пока доктор говорил, Мария пристально, с глубоким волнением смотрела на незнакомца, и у него

¹ Площадь в средневековом Париже, где происходили сборища нищих; «Двор Чудес» описан в романе Виктора Гюго «Собор Парижской богоматери». (Прим. ред.)

мелькнула тревожная мысль: уж не догадывается ли она, что перед нею граф Шандор? Но он тут же успокоился. Как могла она узнать человека, который пятнадцать лет тому назад и вдобавок лишь несколько часов был гостем ее отца?

Дочери Андреа Феррато было года тридцать три. Она все еще была хороша: все те же правильные черты, в больших глазах все тот же огонь. Только в черных волосах появилось несколько седых нитей, свидетельствовавших о том, что, несмотря на молодые годы, она уже успела настрадаться. Преждевременная седина была следствием волнений, усталости и горя, которые выпали на ее долю после смерти отца.

— Теперь мы позаботимся о вас и о Луиджи, — сказал доктор, окончив свой рассказ. — Ведь мои товарищи так обязаны Андреа Феррато! Вы не возражаете, Мария, если Луиджи останется с нами?

— Сегодня ночью мой брат, оказав вам помощь, только исполнил свой долг, — отвечала Мария, — и я благодарю небо, что оно внушило ему эту добрую мысль. Он сын человека, который всегда свято выполнял свой долг.

— Вот и мы считаем, что наш долг сделать что-нибудь для детей человека, который...

Доктор умолк. Мария вновь стала всматриваться в него, и ее взгляд проникал ему в душу. Доктор испугался, не сказал ли он чего лишнего.

— Мария, вы позволите мне называть Луиджи своим братом? — обратился к ней Петер Батори.

— И позвольте мне заменить вам отца, — добавил доктор, протягивая ей руку.

Тут Мария рассказала, как они жили после отъезда из Ровиня, как за ней следили австрийские агенты, отравляя ей существование, как она надумала отправиться на Мальту, где Луиджи должен был обучиться морскому делу, не бросая своего рыбацкого ремесла; рассказала, наконец, о нужде, с которой им пришлось бороться долгие годы, ибо их скромные сбережения быстро растаяли.

Но вскоре Луиджи уже стал соперничать в отваге и уменье с мальтийцами, доблесть которых общез-

вестна. Он был такой же превосходный пловец, как знаменитый Николò Пешеи, уроженец Ла-Валлетты, который, как говорят, доставлял телеграммы из Неаполя в Палермо, пересекая вплавь Тирренское море. Луиджи с успехом охотился на кроншнепов и диких голубей, гнездящихся в бесчисленных прибрежных пещерах, куда можно пробираться лишь с опасностью для жизни, так как их постоянно захлестывает прибой. Но Луиджи был бесстрашным рыбаком и в любой шторм расставлял сети или забрасывал удочки. Минувшей ночью, когда он услышал тревожные гудки гибнущего парохода, он рыбачил в бухте Мелльеха.

Но на Мальте такое изобилие рыбы, морской птицы и моллюсков, что цены на них очень низки и промысел приносит лишь незначительный доход. Как Луиджи ни старался, его заработка не хватало на удовлетворение их скромных потребностей; поэтому Мария стала портнихой. Им приходилось снимать полутемную квартирку в Мандераджо.

Пока Мария рассказывала их историю, Луиджи, вышедший в соседнюю комнату, вернулся с письмом в руке. То были строки, написанные Андреа Феррато перед смертью.

«Мария, — писал он, — поручаю тебе твоего брата. Скоро на свете останешься у него ты одна. Я ничуть не сожалею о своем поступке, дети мои, хотя я и лишился свободы и скоро лишусь жизни, жаль только, что мне не удалось спасти людей, которые доверились мне. То, что мною сделано, я сделал бы и вторично. Не забывайте вашего отца, который перед смертью шлет вам свое благословение.

Андреа Феррато».

Петер Батори не скрывал волнения, овладевшего им при чтении письма, а доктор Антекирт отвернулся, чтобы избежать пристального взгляда Марии.

— Луиджи, — сказал он немного погодя с напускной суровостью, — ваша барка при столкновении с яхтой разбилась...

— Она была совсем ветхая, господин доктор, — ответил Луиджи, — и для любого рыбака это была бы небольшая потеря.

— Хорошо, Луиджи, но все же позвольте мне заменить ее другим судном, а именно тем самым, которое вы спасли.

— Как так?

— Хотите быть помощником капитана «Феррато»? Мне нужен предприимчивый молодой человек, хороший моряк

— Соглашайся, Луиджи, соглашайся! — воскликнул Петер.

— А как же... сестра?

— Ваша сестра станет членом той большой семьи, которая живет у меня на Антекирте, — ответил доктор. — Отныне ваша жизнь будет в моих руках, и я создам для вас такие условия, что вы уже не будете тужить с прошлым, — вот только отца вам никогда не забыть!

Луиджи схватил руки доктора, пожимал и целовал их, а Мария могла выразить свою признательность только слезами.

— Завтра я жду вас на борту! — сказал доктор.

И не в силах сдерживать овладевшее им волнение, он поспешно вышел, сделав Петеру знак, чтобы тот следовал за ним.

— Какое счастье, сын мой, когда есть кого вознаградить! — сказал он юноше.

— Да, это приятнее, чем наказывать, — ответил Петер.

— Но наказать все-таки надо!

На другой день на борту своей яхты доктор поджидал детей Андреа Феррато.

Капитан Кестрик уже принял меры к исправлению поврежденных частей машины. Работа эта была поручена фирме «Семюэль Греч и К^о», мореходной конторе на улице Леванте, и проходила весьма успешно. Тем не менее для ремонта яхты потребовалось пять-шесть дней, ибо необходимо было разобрать воздушный насос и конденсатор, некоторые трубы которого работали неудовлетворительно. Задержка очень огорчала док-

тора Антекирта, ибо ему не терпелось поскорее попасть на Сицилию. Поэтому он даже подумывал о том, не вызвать ли на Мальту яхту «Саварену», однако вскоре он отказался от этой мысли. И в самом деле, лучше было подождать еще несколько дней и отправиться в Сицилию на более быстроходном и лучше вооруженном судне.

Однако из предосторожности, ввиду возможных осложнений, по подводному кабелю, соединявшему Мальту с Антекиртой, была отправлена депеша с приказом «Электро-2» немедленно направиться к сицилийскому побережью, в район мыса Портио ди Пало.

Часов в девять утра на яхту прибыли в лодке Мария и Луиджи Феррато. Доктор принял их чрезвычайно радушно.

Он представил Луиджи капитану, офицерам и экипажу как помощника капитана, а моряк, до сих пор исполнявший эти обязанности, должен был перейти на «Электро-2», как только это судно прибудет к южному берегу Сицилии.

Достаточно было взглянуть на Луиджи, чтобы сказать: это прирожденный моряк. Вдобавок все знали, какую отвагу он проявил позапрошлой ночью в бухте Мелльеха. Его шумно приветствовали. Затем его друг Петер и капитан Кестрик показали ему судно, с которым он хотел основательно познакомиться.

Тем временем доктор беседовал с Марией и так хвалил ее брата, что она была глубоко растрогана.

— Да, он — вылитый отец! — говорила она.

Доктор предложил ей на выбор: либо остаться на «Феррато» до конца намеченной экспедиции, либо отправиться на Антекирту, куда он брался ее доставить; Мария предпочла ехать вместе с доктором в Сицилию. Поэтому было решено, что она воспользуется задержкой «Феррато» в Ла-Валлетте и приведет свои дела в порядок, распродаст те вещи, с которыми у нее не связано воспоминаний, уложится и накануне отплытия устроится в предназначенной ей каюте.

Доктор поделился с Марией своими замыслами, которые он собирался привести в исполнение. Кое-чего он уже добился, поскольку ему удалось обеспечить

детей Андреа Феррато. Оставалось, во-первых, разыскать Силаса Торонталя и Саркани, во-вторых, захватить Карпену. И доктор не сомневался, что это будет сделано! Он надеялся, что в Сицилии ему удастся напасть на следы банкира и его пособника. Карпену же еще предстояло разыскать.

Выслушав доктора, Мария выразила желание поговорить с ним с глазу на глаз.

— Я хочу сказать вам нечто такое, что считала необходимым скрыть от брата, — сказала она. — Он бы не сдержался, и тогда бы нам несдобровать.

— Луиджи сейчас проверяет вахту, — ответил доктор. — Спустимся в кают-компанию, Мария, там можно поговорить, не опасаясь, что кто-нибудь нас услышит.

Когда дверь кают-компания затворилась, они сели на диван и Мария сказала:

— Карпена здесь, господин доктор!

— На Мальте?

— Да, уже несколько дней.

— В Ла-Валлетте?

— Больше того — он в Мандераджо, неподалеку от нас.

Доктор был и удивлен и весьма обрадован этим сообщением. Немного помолчав, он спросил:

— А вы не ошибаетесь, Мария?

— Нет, не ошибаюсь. Я хорошо запомнила его лицо. Я бы и через сто лет узнала его. Он здесь!

— Луиджи об этом не знает?

— Не знает, господин доктор, и вы, конечно, догадываетесь, почему я не сказала ему о своем открытии. Он бы пошел к Карпене, вызвал бы его на ссору...

— Вы поступили правильно, Мария. Я сам расправляюсь с этим негодяем. Но как вы думаете: узнал он вас или нет?

— Не знаю, — ответила Мария. — Я раза два-три встречала его в переулочках Мандераджо; однажды он обернулся и как-то недоверчиво и пристально посмотрел на меня. Если он меня выследил, он мог справиться обо мне и узнать, кто я такая.

— Он ни разу не заговаривал с вами?

— Ни разу.

— А известно ли вам, Мария, зачем он приехал в Ла-Валлетту и что он здесь делает?

— Одно могу сказать, что живет он в самой отвратительной среде, какая только есть в Мандераджо. Он просиживает дни и ночи в самых подозрительных кабачках и якшается с самыми отчаянными головорезами. Деньги у него водятся, и он, видимо, подбирает шайку, чтобы совершить какое-то преступление.

— Здесь?

— Это узнать мне не удалось, господин доктор.

— Ну так я узнаю!

Тут в кают-компанию вошли Петер и Луиджи, и разговор оборвался.

— Ну как, Луиджи, вы остались довольны осмотром? — спросил доктор Антекирт.

— Что за чудесное судно «Феррато»! — воскликнул Луиджи.

— Я рад, что оно вам нравится, Луиджи, — продолжал доктор, — ведь вы будете на нем помощником капитана, а со временем и сами станете капитаном.

— Что вы, сударь!..

— Знай, дорогой Луиджи, что для доктора Антекирта нет невозможного! — заметил Петер.

— Да, он все может, Петер, но только с помощью божьей!

Мария и Луиджи попрощались с доктором и Петером и отправились домой. Было решено, что Луиджи приступит к исполнению своих обязанностей лишь после того, как сестра его переберется на яхту. Марию не следовало оставлять одну в Мандераджо, поскольку можно было опасаться, что Карпена узнал дочь Андреа Феррато. Когда брат с сестрой удалились, доктор вызвал к себе Пескада: он хотел с ним переговорить в присутствии Петера Батори.

Пескад немедленно явился и был, как всегда, готов выслушать приказ и в точности выполнить его.

— Пескад, ты мне нужен, — сказал доктор.

— Я и Матифу?

— Пока что — только ты.

— Что прикажете?

— Немедленно сойди на берег, отправься в Мандераджо, — это один из подземных кварталов Ла-Валлетты, — сними там какое-нибудь помещение, какую-нибудь комнатку или конуру, хотя бы в самом грязном притоне.

— Слушаю-с.

— Там тебе придется следить за человеком, которого нам никак нельзя терять из виду. Но надо действовать так, чтобы никто не мог заподозрить, что мы с тобой знакомы. В случае надобности — переоденся.

— Это-то мне нипочем!

— Человек этот, говорят, набирает шайку, вербует самых гнусных, отъявленных негодяев, какие только имеются в Мандераджо. На чей счет он это делает и с какой целью, пока еще неизвестно, и вот об этом-то тебе и надо разузнать как можно скорее.

— Я узнаю.

— Когда ты все выяснишь — не возвращайся на яхту, за тобою могут следить. Отправь мне из Ла-Валлетты письмо по почте и назначь мне свидание где-нибудь в пригороде Сенглеа. Я туда приду.

— Будет исполнено, господин доктор! — ответил Пескад. — Но по каким приметам можно опознать его?

— Ну, это не трудно. Ты, друг мой, умен, и я рассчитываю на твою сообразительность.

— Но не скажете ли вы мне по крайней мере имя этого джентльмена?

— Его зовут Карпена.

Услыхав это имя, Петер воскликнул:

— Как? Испанец здесь?

— Да, — ответил доктор Антекирт, — и околачивается в том самом квартале, где жили дети Андреа Феррато.

Доктор передал все, о чем только что поведала ему Мария, и Пескад понял, как важно разузнать, что затевает испанец в трущобах Ла-Валлетты.

Час спустя Пескад покинул судно. Чтобы сбить с толку соглядатаев, на случай если бы за ним следили, он стал прогуливаться по длинной улице Реале. Вечером он направился в Мандераджо.

Действительно, нет лучшего места, чем эта клоака, для того, кто желает набрать шайку проходимцев, готовых и на грабеж и на убийство. Здесь можно встретить людей всех национальностей, отребье Востока и Запада, беглецов с коммерческих судов и дезертиров с военных, а главное — отщепенцев из среды мальтийцев, отчаянных головорезов, в жилах которых течет пиратская кровь, ибо они потомки разбойников, прославившихся в варварские времена лютыми набегами.

Карпене, получившему задание подыскать человек двенадцать, готовых на все, оставалось лишь выбрать наиболее подходящих. Поэтому он с самого своего приезда почти не выходил из кабачков, приютившихся на самых глухих улочках Мандераджо, и вел переговоры с разным сбродом. Пескаду ничего не стоило разыскать его здесь, но куда труднее было выяснить, для кого он работает, чьи деньги расходует.

Разумеется, деньги эти не могли принадлежать ему. Пять тысяч флоринов, в свое время полученные за донос, он уже давно проел. Всеобщее осуждение заставило его уехать из Истрии, и он пустился по белу свету. Деньги свои он живо растратил и снова впал в нищету.

Не удивительно, что он стал обслуживать крупную шайку злоумышленников, подыскивая новых соучастников, которые должны были восполнить урон, нанесенный виселицей. С этой целью Карпена и прибыл на Мальту и обосновался в Мандераджо. Куда именно собирался он увезти завербованных, об этом Карпена никому не говорил: он отнюдь не доверял своим приятелям. Да, впрочем, нанятые им головорезы этим и не интересовались. Лишь бы им хорошо платили, лишь бы дали вволю воровать и грабить, и они, не рассуждая, готовы были поехать хоть на край света.

Надо сказать, что Карпена немало удивился, встретив Марию на улицах Мандераджо. Хотя прошло уже пятнадцать лет, он сразу же узнал ее, как и она узнала его. К тому же Карпене было досадно, что ей стало известно, где он обретается.

Итак, чтобы добыть нужные доктору сведения, Пескаду пришлось прибегнуть к хитрости. И он вскоре перехитрил Карпену. Да и как было испанцу не пристра-

ститься к молодому разбойнику, который стал увиваться около него, искал его дружбы, свысока отзывался об этом сброде из Мандераджо и то и дело хвастался совершенными им преступлениями, каждое из которых заслуживало на Мальте виселицы, в Италии — гильотины, в Испании — петли на шею; как было не заинтересоваться головорезом, отзывавшимся с глубоким презрением обо всех этих трусах, которым при виде полицейского становится не по себе, — короче говоря, как было не увлечься таким отъявленным негодяем? Карпена, большой ценитель подобного рода людей, искренне восхищался талантами своего нового знакомого.

Пескад ловко вел игру и быстро достиг своей цели; утром двадцать шестого августа доктор Антекирт получил от него записку, в которой доктору назначалось свидание в тот же вечер на окраине Сенглеа.

В эти дни на «Феррато» шли усиленные приготовления к отплытию. Дня через три ремонт должен был закончиться, запасы угля уже были пополнены, и судно могло выйти в море.

Вечером доктор отправился на указанное Пескадом место. Это была небольшая рыночная площадь, окруженная сводчатыми зданиями, вблизи крепостного вала, на самой окраине пригорода.

Было восемь часов. На площади находилось человек пятьдесят, ибо рынок еще не закрылся.

Доктор прогуливался в толпе мужчин и женщин, по преимуществу мальтийцев, как вдруг почувствовал чье-то прикосновение.

Какой-то жуткий проходимец, одетый в лохмотья, с продранной шляпой на голове, поднес к его лицу носовой платок и ухмыльнулся:

— Вот что я вытащил из кармана вашего превосходительства! Советую получше беречь карманы!

То был Пескад, но он так вырядился, что узнать его не было никакой возможности.

— Негодай! — возмутился доктор.

— Негодай, но все-таки кое на что пригодный, господин доктор,

Тут доктор узнал Пескада и не в силах был сдержать улыбку. Он сразу же спросил:

— Ну, как Карпена?

— Он действительно подбирает в Мандераджо дюжину самых отчаянных головорезов.

— Для кого?

— Для какого-то Зироне.

Для сицилийца Зироне, сообщника Саркани? Какая же может быть связь между этими злодеями и Карпеной?

Поразмыслив, доктор пришел к следующему выводу, — и он не ошибся.

Саркани непременно должен был узнать о предательстве, в результате которого был арестован Иштван Батори, бежавший из Пизинской тюрьмы. Повидимому, он разыскал Карпену, когда тот впал в полную нищету, сговорился с ним, и испанец стал одним из агентов, обслуживавших шайку Зироне. Итак, Карпена становился первою вехою на пути, который был назначен доктором, и теперь можно было действовать уже не вслепую.

— А знаешь ли ты, с какой целью он набирает людей? — спросил доктор.

— Для шайки, орудующей в Сицилии.

— В Сицилии? Ну да, так и должно быть! А точнее?

— В восточной части острова, между Сиракузами и Катанией.

Итак, они напали на след!

— Откуда же ты все это узнал?

— От самого Карпены, который воспытал ко мне горячей симпатией. Разрешите представить его вашему превосходительству.

Доктор кивнул в знак согласия.

— Теперь ты можешь вернуться на яхту, — сказал он, — и одеться поприличнее.

— Нет, этот наряд для меня самый что ни на есть подходящий.

— Почему?

— Потому что я имею честь состоять в шайке почтеннейшего Зироне.

— Берегись, друг мой! — ответил доктор. — Эта игра может стоить тебе жизни.

— Для вас я на все готов, господин доктор; ведь я вам так обязан, — возразил Пескад.

— Славный малый!

— Кроме того, не хвастаясь, скажу: я малый не промах и хочу поймать этих мерзавцев на удочку.

Доктору было ясно, что при сложившихся обстоятельствах Пескад может быть чрезвычайно ему полезен. Прикинувшись мошенником, умный малый настолько завоевал доверие Карпены, что даже выведал его тайны, — значит, надо предоставить ему свободу действий.

Поговорив минут пять, доктор и Пескад разошлись, чтобы их не застали вместе. Пескад пошел по набережной Сенглеа, в самом ее конце сел в лодку и направился в Мандераджо.

Не успел он туда доехать, как доктор вернулся на борт «Феррато». Он рассказал Петеру Батори обо всем, что узнал от Пескада. Потом счел долгом предупредить Матифу, что его друг пустился ради общего блага в довольно опасное предприятие.

Геркулес покачал головой и развел руками. Потом он несколько раз повторил, как бы обращаясь к самому себе:

— Лишь бы ни один волос не упал у него с головы! А не то...

Последние три слова прозвучали красноречивее длинной тирады, если бы Матифу был на нее способен.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

В окрестностях Катании

Если бы сотворение земного шара было поручено человеку, он, вероятно, выточил бы его на токарном станке, как бильярдный шар, не оставив на нем ни шероховатостей, ни складок. Но мир был создан великим творцом. Вот почему на прекрасном сицилийском

побережье между Аси-Реале и Катанией разбросано так много живописных мысов, рифов, гротов, утесов и гор.

В этой части Тирренского моря, между Сицилией и итальянским берегом, обрамленным отрогами Калабрийских гор, и находится Мессинский пролив. Какими были этот пролив, побережье и горы, над которыми господствует Этна, во времена Гомера, такими они остались и в наши дни. Они поистине великолепны! Если лес, в котором Эней отыскал Ахемениду, теперь исчез, то грот Галатеи, грот Полифема, острова Циклопов, а немного севернее скалы Сцилла и Харибда стоят и поныне на своих исторических местах, и мы можем увидеть тот самый берег, где некогда высадился троянский герой, чтобы основать новое государство.

Нельзя отрицать, что великан Полифем прославился такими подвигами, какими не может похвастаться наш гигант Матифу. Но у Матифу есть одно существенное преимущество — он жив, тогда как Полифем умер уже три тысячи лет тому назад, если он действительно жил на свете, как утверждает Улисс. Элизе Реклю, например, высказал предположение, что знаменитый циклоп не что иное, как вулкан Этна «Его кратер во время извержения сверкает, как громадный глаз, на самой вершине горы, с которой скатываются в море обломки скал и становятся островами и рифами, подобно островам Фаральони».

Острова Фаральони, разбросанные в нескольких сотнях метров от берега и от дороги в Катанию (а в наши дни и от железной дороги из Сиракуз в Мессину), — это и есть древние Циклоповы острова. Тут же недалеко и Полифемов грот. По всему побережью раздается оглушительный грохот прибоя, врывающегося в базальтовые пещеры.

Среди этих-то скал вечером двадцать девятого августа два человека, весьма равнодушные к преданиям исторической древности, беседовали о разных вещах, представлявших не малый интерес для сицилийских жандармов.

Один из них, некоторое время поджидавший другого, был Зироне. Другой, только что показавшийся на дороге из Катании, оказался Карпеней.

— Вот и ты! Наконец-то! — воскликнул Зироне. — Как ты запоздал! Я уж думал, что Мальта исчезла в морской пучине вслед за своим старинным соседом, островом Джульва, и ты отправился на съедение тунцам на дно Средиземного моря!

Читатель видит, что, несмотря на пролетевшие пятнадцать лет, компаньон Саркани не утратил ни своей болтливости, ни врожденной наглости. Он стоял, сдвинув шляпу на ухо, накинув на плечи коричневый плащ, в длинных до колен гетрах и больше всего смахивал на бандита, каким всегда был, да и теперь остался.

— Я не мог прийти раньше, — ответил Карпена. — Только нынче утром я высадился с пакетбота в Катании.

— Вместе с товарищами?

— Да.

— Сколько же их?

— Дюжина.

— Только-то?

— Да, но зато какие парни!

— Откуда они, из Мандераджо?

— Отовсюду понемногу, но больше всего с Мальты.

— Как бы они ни были хороши, их все равно мало.

В последнее время работа становится все трудней и опасней! Жандармы так расплодились в Сицилии, что их скоро станет больше, чем папских прихвостней. Впрочем, если у тебя товар хорошего качества...

— Да, Зироне, ты и сам увидишь. Кроме того, я привез с собой замечательного мальчишку, он раньше был ярмарочным акробатом, — ловкач и проныра, которого можно, если понадобится, переодеть девчонкой; я думаю, он сослужит нам хорошую службу.

— Что же он делал на Мальте?

— Добывал часы, когда подвернется случай, а когда не попадались часы — носовые платки.

— Как его зовут?

— Пескадор.

— Ладно, увидим, как пустить в дело его таланты и смекалку... Куда же ты девал своих парней?

— Они на постоялом дворе Санта-Гротта, над селением Николози.

— И ты снова собираешься там хозяйничать?

— Да, с завтрашнего дня.

— Нет, с сегодняшнего вечера, как только я получу новые указания. Я жду здесь, когда пройдет поезд из Мессины. Мне бросят записку из последнего вагона.

— Записку... от него?

— Да... от него! Его злополучная свадьба все откладывается, — добавил, смеясь, Зироне, — а мне приходится пока зарабатывать ему на жизнь! Ну, да чего не сделаешь для такого лихого товарища!

В это время со стороны Катании послышался далекий гул, непохожий на рокот прибоя. Приближался ожидаемый Зироне поезд. Вместе с Карпенной они поднялись на скалы и остановились против железнодорожного пути, который здесь не был огорожен.

Паровоз перед входом в небольшой туннель дал два свистка, возвещая о приближении поезда, который шел тут с небольшой скоростью; вскоре послышалось пыхтение паровоза, и два ярких луча прорезали мрак, освещая рельсы далеко впереди.

Зироне внимательно гляделся в вагоны, пробежавшие в трех шагах от него.

Перед тем как с ним поравнялся последний вагон, одно из окон опустилось, и в нем показалась женщина. Увидев бандита на его посту, она быстро выбросила из окна апельсин, который покатился по дороге и остановился шагах в десяти от него.

Эта женщина была Намир, шпионка Саркани. Через несколько минут она уже умчалась в поезде по направлению к Аси-Реале.

Зироне подобрал апельсин, или, вернее, две половинки апельсиновой кожуры, связанные бечевкой, и скрылся с Карпенной за высоким утесом. Там он зажег небольшой фонарик, раскрыл апельсин и вынул из него следующую записку:

«Он присоединится к вам в Николози через пять-шесть дней. Больше всего опасайтесь некоего доктора Антекирта!»

Саркани узнал в Рагузе, что этот таинственный человек, возбуждавший всеобщее любопытство, был два раза у госпожи Батори. Это встревожило Саркани, привыкшего опасаться всех и вся. Вот почему он послал эту записку своему сообщнику, не пользуясь даже почтой, прямо через Намир.

Зироне сунул записку в карман, потушил фонарь и, повернувшись к Карпене, спросил:

— Слышал ты когда-нибудь о докторе Антекирте?

— Нет! Но, может быть, маленький Пескадор слышал о нем. Он все знает, этот ловкий мальчишка!

— Ладно, увидим. Скажи, Карпена, как ты думаешь, тут не страшно путешествовать ночью?

— Не так страшно, как днем, Зироне!

— Да... Днем жандармы слишком любопытны! Ну тогда в путь! К трем часам мы должны добраться до харчевни Санта-Гротта.

И перейдя железную дорогу, они направились по хорошо известным Зироне извилистым тропинкам, проложенным на покрытых застывшей лавой отрогах Этны.

Восемнадцать лет тому назад в Сицилии, главным образом в ее столице Палермо, орудовала шайка опасных преступников. В ней насчитывалось несколько тысяч бандитов, связанных между собой своего рода уставом, напоминающим франкмасонский ритуал. Кражи и вымогательства всеми возможными способами — вот в чем заключалась деятельность этого общества Маффия, которому многие купцы и промышленники вынуждены были платить ежегодную дань, чтобы иметь возможность беспрепятственно заниматься торговлей или производством товаров.

В то время — это было еще до триестского заговора — Саркани и Зироне были в числе главарей Маффии, и притом довольно рьяных.

Однако с развитием прогресса во всех областях, с улучшением управления если не в глухих уголках провинции, то в главных городах, Маффии становилось все трудней вершить свои дела. Дани и поборы уменьшились, и большинство членов шайки разбредось и за-

нялось грабежами и разбоем, как более верным способом добычи денег.

В эту эпоху, после объединения Италии, ее политический режим изменился. Сицилия не избежала общей участи и должна была, как и другие провинции, подчиниться новым законам и прежде всего закону о всеобщей воинской повинности. Но нашлось немало бунтовщиков, не желавших признавать новые законы, и дезертиров, отказывавшихся отбывать военную службу. Все это были бесшабашные молодцы — среди них и члены Маффии и люди непричастные к ней: они объединялись в банды и грабили страну.

Зироне возглавлял одну из таких банд, и когда часть состояния Матиаса Шандора, доставшаяся Саркани за донос, была пущена на ветер, оба они взялись за старое, дожидаясь, когда им подвернется случай снова сорвать крупный куш.

И такой случай представился — Саркани должен был вскоре жениться на дочери Силаса Торонталья. Однако до сих пор ему это не удалось, и мы знаем, что было тому причиной.

Сицилия поистине удивительная страна! Она как будто нарочно приспособлена для разбойничьих налетов! Древняя Тринакрия, протяженностью в семьсот двадцать километров, представляет собой треугольник, на северо-востоке которого находится мыс Фаро, на западе мыс Марсала, а на юго-востоке мыс Пассеро. Остров пересекают горные хребты Пелор и Неброд, на нем есть несколько вулканов, из них самый крупный Этна, там протекают реки Джарелла, Кантара, Планти, множество горных потоков, есть также долины, равнины, города, соединенные труднопроходимыми дорогами, селения, до которых никак не доберешься, деревни, разбросанные на почти недоступных утесах, уединенные монастыри, затерянные в ущельях или на скалистых отрогах, разнообразные убежища, где можно скрываться, и, наконец, бесчисленное множество заливов и бухточек, откуда так легко бежать. Сицилия представляет собой как бы земной шар в миниатюре, там можно встретить все, что разбросано по всей земле: горы, вулканы, долины, луга, реки, ручьи, озера, водо-

пады, города, поселки, деревни, порты, бухты, полуострова, мысы, рифы, скалы, — и населяет эту страну около двух миллионов человек, разместившихся на площади в двадцать шесть тысяч квадратных километров.

Где еще вы найдете землю, столь удобную для нападений и разбоя? И хотя бандитизм в Сицилии понемногу уменьшается, хотя сицилийские и калабрийские разбойники как будто отжили свой век — по крайней мере в современной литературе — и многие считают, что честный труд выгоднее воровства, все же путешественникам лучше быть поосторожнее в этой стране, излюбленной Какусом и пользующейся покровительством Меркурия.

Однако за последние годы сицилийские жандармы, бывшие всегда настороже, всегда в боевой готовности, сделали ряд очень удачных облав в восточных провинциях. Несколько банд были окружены и частично уничтожены. В том числе и шайка Зироне, в которой осталось всего каких-нибудь тридцать — сорок человек. Вот почему и родилась у него мысль влить в нее немного свежей крови, в частности крови мальтийской. Он знал, что в трущобах Мандераджо, где он часто околачивался в былое время, можно найти сотни слоняющихся без дела бандитов. С этой целью Карпена и поехал в Ла-Валлетту, и хотя он привез всего дюжину молодых, зато это был самый отборный народ.

Пусть читатель не удивляется, что Карпена оказался преданным помощником Зироне. Такая работа была ему вполне по душе; но так как он был от природы трусом, то старался поменьше лезть вперед, уклоняясь от стычек, где легко получить пулю в лоб. Он предпочитал заниматься подготовкой налетов, разработкой планов и выполнять обязанности хозяина грязной харчевни Санта-Гротта, жуткого притона, стоящего на склоне вулкана.

Разумеется, Саркани и Зироне знали, какую роль сыграл Карпена в деле Андреа Феррато, Карпена же ничего не знал о триестском предательстве. Он думал, что вступил в компанию с честными бандитами, в течение многих лет занимавшимися «своим ремеслом» в сицилийских горах.

На всем пути от скал Полифема до Николози — около восьми итальянских миль — у Зироне и Карпены не было никаких неприятных встреч; они не видели по дороге ни одного жандарма. Поднимаясь по довольно крутым тропинкам, они шли то между виноградниками, оливковыми и апельсиновыми рощами, то мимо высоких кедров, пробковых дубов, зарослей ясеня и фиговых деревьев. Порой они поднимались по пересохшему руслу потоков, которые издали казались посыпанными щебнем дорогами, еще не укатанными тяжелым катком. Спутники миновали деревни Сан-Джованни и Траместieri и поднялись на значительную высоту над уровнем Средиземного моря. Около половины одиннадцатого они дошли до Николози. Это местечко расположено в середине довольно широкой котловины, с севера и запада обрамленной вулканическими массивами Монпилиери, Монте-Росси и Серра Пиццута.

В Николози шесть церквей, монастырь, патроном которого считается Сан-Николо Д'Арена, и два постоянных двора, что свидетельствует о важном значении местечка. Но эти постоянные дворы не интересовали Зироне и его спутника. Они спешили в харчевню Санта-Гротта, до которой оставался какой-нибудь час ходьбы; этот притон спрятался в одном из самых темных ущелий у подножия Этны. И они добрались туда раньше, чем на церковных башнях в Николози пробило полночь.

В Санта-Гротта не спали. Там собрались новобранцы Карпены. Они ужинали, оглашая харчевню криками и проклятиями, а принимал их один из старых членов шайки Зироне, по имени Бенито. Его товарищи — человек сорок бандитов, преимущественно горцев и дезертиров, — находились милях в двадцати к западу; они занимались разбоем по ту сторону Этны и должны были вскоре к нему присоединиться. А пока в Санта-Гротта расположились только двенадцать мальтийцев, набранных Карпеней. Среди них был и Пескадор, — иначе говоря Пескад, — принимавший деятельное участие в общем хоре ругательств и проклятий. Но он слушал, наблюдал и запоминал все, что

могло ему пригодиться. Так, незадолго до прихода Карпены и Зироне он отметил про себя слова Бенито, пытавшегося усмирить своих шумных гостей.

— Заткнитесь вы, чертовы мальтийцы, перестаньте орать! Этак вас услышат в Кассоне, куда главный комиссар, любезный квестор провинции, послал отряд карабинеров!

То была шуточная угроза, ибо Кассоне находился довольно далеко от Санта-Гротта. Однако новички поверили, что их крики могут долететь до ушей карабинеров, как называли местных жандармов, и они утихомирились, но зато принялись еще усерднее опустошать большие фляги с местным вином, которые Бенито разливал сам, поздравляя молодцов с приездом. Все они были уже более или менее пьяны, когда дверь харчевни открылась.

— Что за милые мальчики! — воскликнул Зироне, входя. — У Карпены легкая рука, а Бенито, видно, знает свое дело!

— Эти парни умирали от жажды! — ответил Бенито.

— А так как это самая страшная смерть, — подхватил Зироне со смехом, — то ты решил их от нее избавить! Ну, ладно! Пускай они теперь отправляются спать. Мы познакомимся завтра.

— Зачем же откладывать до завтра? — спросил один из новоприбывших.

— Да потому, что вы слишком пьяны, и вам ничего не втолкуешь!

— Пьяны! Скажет тоже! Разве можно опьянеть от нескольких бутылок вашего кислого вина, когда мы привыкли лакать джин и виски в кабаках Мандераджо!

— Ишь ты! Это что за фрукт? — спросил Зироне.

— Малютка Пескадор! — ответил Карпена.

— Ишь ты! А это кто такой? — спросил в свою очередь Пескадор, указывая на Зироне.

— Это Зироне!

Зироне стал присматриваться к юному бандиту, которого ему расхваливал Карпена; мальчишка дер-

жался весьма развязно. Повидимому, Зироне нашел, что у него смышленная и наглая рожица, — он одобрительно кивнул головой и спросил:

— Значит, ты выпил не меньше других?

— Даже больше!

— И голова у тебя в порядке?

— У меня в голове не мутится от такой малости!

— Послушай, малыш, Карпена сказал, что ты можешь дать мне небольшую справку.

— Задаром?

— Лови!

Зироне подбросил кверху полпиастра, и монета мгновенно исчезла в кармане Пескадора, как волшебный шарик, попавший в руки фокусника.

— Он, право же, мил! — воскликнул Зироне.

— Очень мил! — подтвердил Пескадор. — Так в чем же дело?

— Ты хорошо знаешь Мальту?

— Мальту, Италию, Истрию, Далмацию и всю Адриатику!

— Ты много путешествовал?

— Очень много — и всегда за собственный счет!

— Советую тебе и впредь путешествовать только таким способом, потому что когда тебя везут на казенный...

— Это обходится слишком дорого!

— Вот именно! — подхватил Зироне, радуясь, что у него появился товарищ, с которым можно поболтать в свое удовольствие.

— А дальше что? — спросил маленький пройдоха.

— А дальше, скажи-ка, Пескадор, не случилось ли тебе во время путешествий слышать о некоем докторе Антекирте?

При всей своей проницательности Пескадор никак не ожидал услышать «этакую штуку»! Однако он так хорошо владел собой, что ничем не выдал своего удивления.

Ведь Зироне не был ни в Рагузе, во время стоянки «Саварены», ни на Мальте, когда там стоял «Феррато». Где же он мог услышать о докторе и узнать его имя?

Но находчивый Пескадор тотчас же сообразил, как ему это выяснить.

— О докторе Антекирте? — ответил он. — Еще бы!.. Да ведь на всем побережье только о нем и толкуют!

— Ты когда-нибудь его видел?

— Нет, не довелось.

— А знаешь, что это за тип?

— Этот бедняга, говорят, имеет всего сотню миллионов и, отправляясь на прогулку, кладет по миллиону в каждый карман своей дорожной куртки, а их в ней не меньше шести штук! Этот неудачник вынужден заниматься медициной только как любитель, и практикует он то на борту своей шкуны, то на паровом катере и знает лекарства от всех двадцати двух тысяч болезней, которыми природа наградила род человеческий.

В Пескадоре весьма кстати проснулся прежний балаганный остряк, его болтовня восхищала и Зироне и Карпену, который всем своим видом говорил: «Ну что? Каков мой новичок?»

Пескадор замолчал, закурил папиросу и принялся пускать кольца дыма, который, казалось, выходил у него не только из носа, но даже из глаз и из ушей.

— Так этот доктор очень богат, говоришь? — спросил Зироне.

— Он так богат, что может купить всю Сицилию и превратить ее в английский парк! — ответил Пескадор.

Тут он решил забросить удочку и начать приводить в исполнение свой план.

— А знаете, капитан Зироне, хоть я и не видел доктора Антекирта, зато видел одну из его яхт, ведь, говорят, у него целая флотилия для прогулок по морю!

— Его яхту?

— Ну да, «Феррато». Замечательное судно! Оно бы меня вполне устроило, чтобы прокатиться в Неаполитанскую бухту с парочкой принцесс по моему выбору.

— Где ты видел эту яхту?

— На Мальте.

— Когда?

— Третьего дня в бухте Ла-Валлетта. Когда мы са-

дились на корабль с сержантом Карпенной, она стояла на якоре в военной гавани. Мне говорили, что яхта отплывает через сутки после нас.

— Куда?

— Тоже в Сицилию, прямо в Катанию.

— Вот как, в Катанию!

Отъезд доктора совпадал с полученным от Саркани предостережением, и Зироне насторожился.

Пескад понял, что Зироне тревожит какая-то тайная мысль, — но какая? Он не мог догадаться и решил выведать, что у него на уме. Поэтому, когда Зироне спросил:

— Интересно, что нужно этому проклятому доктору в Сицилии и особенно в Катании? — он ответил:

— Как что? Святая Агата! Он хочет осмотреть город и совершить восхождение на Этну! Так делают все знатные путешественники!

— Послушай, Пескадор, — заметил Зироне, которому новичок начал внушать некоторые подозрения, — сдается мне, ты что-то слишком много знаешь об этом человеке.

— Я знаю столько, сколько мне нужно, чтобы действовать, если представится случай!

— Что ты хочешь сказать?

— А то, что если доктор Антекирт и вправду решил прогуляться по нашим местам, то его превосходительству придется заплатить нам изрядную дорожную пошлину, черт возьми!

— Вот как!

— И если это обойдется ему всего в один или два миллиона, я скажу, что он дешево отделался!

— Ты думаешь?

— Да, и считаю, что в таком случае Зироне и его друзья покажут себя изрядными дураками!

— Ладно! — сказал Зироне смеясь. — А теперь, сделав нам этот комплимент, можешь идти спать.

— С великим удовольствием, капитан, ведь я знаю наперед, что сегодня увижу во сне!

— Что же?

— Миллионы доктора Антекирта... золотой сон, правда?

Выпустив последнее кольцо дыма, Пескадор присоединился к товарищам, разместившимся в сарае, а Карпена отправился в свою комнату.

Но храбрый малый и не думал спать: он мысленно проверял все свои поступки и слова.

Все ли он сделал, что нужно, услышав, к своему великому удивлению, о докторе Антекирте? Справился ли он со своей задачей? Об этом пусть судит читатель.

В Сицилии доктор надеялся настигнуть Саркани, а может быть, и Силаса Торонталья, ведь они вместе уехали из Рагузы. Если Саркани там не окажется, доктор хотел захватить его компаньона Зироне, а затем подкупом или угрозами выпытать у него, где находятся Саркани и Силас Торонталь. Таков был его план. И вот как он собирался действовать.

В дни своей молодости доктор не раз бывал в Сицилии, чаще всего в окрестностях Этны. Он знал дороги, по которым совершают восхождения на гору, из них самой удобной была та, что проходит мимо небольшого дома, построенного у самого подножия горы и названного «Casa Inglesa»¹ — «Приют англичан».

Как мы знаем, в это время шайка Зироне, для которой Карпена привез подкрепление с Мальты, рыскала по склонам Этны. Несомненно, приезд такого знаменитого человека, как доктор Антекирт, должен наделать шуму в городе. А так как доктор во всеуслышание заявит о своем намерении подняться на Этну, то и Зироне, конечно, узнает об этом, особенно с помощью Пескадора. Мы видели, что Пескадору ничего не стоило подготовить почву, ибо Зироне первый начал расспрашивать его о докторе Антекирте.

И тут Зироне готовилась ловушка, в которую он очень легко мог попасть.

Накануне дня, намеченного доктором для восхождения на вулкан, двенадцать хорошо вооруженных матросов с «Феррато» тайком отправятся в «Каса Инглеза». На завтра доктор в сопровождении Луиджи,

¹ Несколько английских джентльменов, любителей комфорта, основали убежище «Каса Инглеза», расположенное на высоте трех тысяч метров над уровнем моря. (*Прим. автора.*)

Петера и проводника выйдет из Катании, с тем чтобы добраться до «Каса Инглеза» к восьми часам вечера и там заночевать. Так всегда поступают туристы, желающие полюбоваться с вершины Этны восходом солнца и видом на Калабрийские горы.

Без сомнения, Зироне, подстрекаемый Пескадором, постарается завладеть доктором Антекиртом, думая, что ему придется иметь дело только с ним и с двумя его спутниками. Но когда он явится в «Каса Инглеза», негодяя встретят матросы с «Феррато» и живо справятся с ним.

Пескадору был известен этот план, он очень ловко воспользовался случаем и подал Зироне мысль завладеть доктором — богатой добычей, которую легко захватить, не нарушая полученного распоряжения. К тому же если Зироне следует опасаться этого человека, то не лучше ли избавиться от него, даже с риском потерять выкуп? Так и решил поступить Зироне в ожидании новых указаний от Саркани. Правда, с ним не было всей его шайки, но он решил, что ему хватит и мальтийцев Карпены. Однако замысел Зироне не тревожил Пескадора, знавшего, что эти негодяи и в подметки не годятся матросам с «Феррато».

Зироне никогда не полагался на случай. Зная со слов Пескадора, что яхта доктора должна прибыть на следующий день, он спозаранку ушел из Санта-Гротта и спустился в Катанию. Его там не знали, и он мог появиться в городе, ничем не рискуя.

Судно доктора уже несколько часов покачивалось на якорной стоянке. Оно остановилось не у пристани, где теснились суда, а в небольшой бухте, между северным молом и вдававшимися в море черными скалами — застывшим потоком лавы, спустившейся с горы во время извержения 1669 года.

На рассвете Матифу и одиннадцать матросов, под командой Луиджи, высадились в Катании. Затем они разбрелись в разные стороны и отправились по одному в «Каса Инглеза».

Зироне ничего не знал об этой высадке, а так как «Феррато» стоял на якоре в кабельтове от берега, никто не мог разглядеть, что делается на борту.

Около шести часов вечера с судна была спущена шлюпка, доставившая на берег двух пассажиров — доктора и Петера Батори. Они направились по Виа Стесикоро и Страда Этнеа к прекрасному городскому саду Вилла Беллини, одному из самых красивых парков в Европе, со множеством цветущих клумб, извилистых дорожек, журчащих потоков и террас, осененных высокими деревьями; а на заднем плане возвышается величественный вулкан, увенчанный султаном клубящихся паров.

Зироне следовал за двумя туристами, не сомневаясь, что один из них и есть доктор Антекирт. Пробираясь в толпе, собравшейся послушать музыку в городском саду, он подошел к ним довольно близко. Доктор и Петер заметили маневры этого подозрительного субъекта и решили, что если это Зироне, то им представляется удобный случай заманить его в расставленную западню.

Около одиннадцати часов, покидая городской сад, чтобы вернуться на судно, доктор сказал Петеру, нарочно повысив голос:

— Решено! Мы выходим завтра днем и переночуем в «Каса Инглеза».

Повидимому, шпион узнал все, что ему было нужно, ибо минуту спустя исчез.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

«Каса Инглеза»

На следующий день, около часу, доктор и Петер Батори приготовились съехать на берег; для них спустили шлюпку.

Перед отъездом доктор приказал капитану Кестрику направить «Электро-2», прибытия которого ждали с минуты на минуту, к скалам Полифема, как иногда называют острова Фарильони. Если план доктора удастся и Саркани или хотя бы Зироне и Карпена будут пойманы, это быстроходное судно тотчас доставит

их на остров Антекирту, где предатели окажутся в полной власти доктора.

Шлюпка отчалила. Через несколько минут она уже пристала к лестнице, ведущей на набережную Катании. Доктор Антекирт и Петер были одеты как альпинисты, собиравшиеся совершить восхождение на большую высоту, где температура могла упасть до 7—8 градусов мороза, тогда как здесь, у моря, стояла тридцатиградусная жара. На набережной их ждал проводник, взятый в местной секции клуба альпинистов, помещавшейся в доме № 17 на улице Линкольна. Для них приготовили лошадей, которых предполагали заменить в Николози мулами, — это спокойные и выносливые животные, самые надежные при путешествии в горах.

Путники быстро пересекли город, вытянувшийся узкой полосой вдоль берега моря. Доктор не заметил, чтобы за ними кто-нибудь следил. Свернув на Бельведерскую дорогу, они начали подниматься по предгорьям массива Этны, который сицилийцы называют Монджибелло; основание этого массива имеет не менее двадцати пяти миль в диаметре.

Дорога была неровная и извилистая, она то и дело круто поворачивала, огибая базальтовые скалы, образовавшиеся миллионы лет назад, нагромождения застывшей лавы и высохшие русла, по которым весной несутся бурные потоки. Склоны горы были покрыты ясенями, оливковыми, апельсиновыми и рожковыми деревьями, а между ними, цепляясь длинными побегами за ветви, росли виноградные лозы. Это был нижний из трех поясов, как бы первый этаж Этны, «горы-горнила», как называли ее финикийцы, а «геологи» тех далеких времен, когда еще не было геологии, считали ее «осью земли и столпом небес».

Часа через два путешественники остановились, чтобы дать отдохнуть лошадям. Доктор и Петер, взглянув вниз, увидели перед собой всю Катанию, город, не уступающий по красоте Палермо и насчитывающий не менее 85 тысяч жителей. Как на ладони, были видны его главные улицы, проложенные параллельно набережной, колокольни и купола многочисленных церквей, живописные монастыри, дома, построенные в несколько

вычурном стиле XVII века, а вокруг города тянулась зеленая лента деревьев, чудесный пояс, обвивавший его стан. Дальше виднелся порт, для которого Этна создала естественную дамбу во время чудовищного извержения 1669 года, когда она выбросила более миллиарда кубометров лавы, под которой были погребены четырнадцать городов и деревень и погибло около 18 тысяч человек.

Теперь, в XIX веке, Этна стала спокойней, и, пожалуй, она имеет право на отдых. Действительно, с начала христианской эры насчитывается более тридцати извержений Этны, и если Сицилия, несмотря на это, все еще существует, значит у нее крепкий костяк. Впрочем, у вулкана нет одного постоянного кратера. Он меняет их по своему капризу. Поверхность горы прорывается там, где вырастает один из тех огнедышащих нарывов, через которые изливается лава, накопившаяся в ее недрах. Отсюда множество небольших вулканов, среди них выделяется Монте Росси — гора с двумя вершинами, высотой в 137 метров, образовавшаяся за какие-нибудь три месяца из шлака и пепла, выброшенных Этной во время извержения 1669 года. Другие — Фрументо, Симони, Сторнелло, Крисинко — теснятся вокруг главного конуса, словно колоколенки, обступившие купол собора. Кроме того, после извержений 1809, 1811, 1819, 1838, 1852, 1865, 1879 годов осталось множество кратеров, воронки которых на склонах центрального конуса напоминают ячейки гигантских сот.

Проехав деревушку Бельведер, проводник свернул в сторону и кратчайшим путем вывел туристов к Траместьери, откуда начинается дорога на Николози. Они попрежнему ехали среди садов и виноградников; это все еще был первый пояс Этны, который тянется до самого местечка Николози, находящегося на высоте 2120 футов над уровнем моря. Около четырех часов дня показалось Николози. Итак, весь пятнадцатикилометровый путь от Катании путешественники проделали благополучно, не повстречав ни волка, ни дикого кабана. До «Каса Инглеза» оставалось еще двадцать километров.

— Сколько времени ваша светлость намерены пробыть в Николози? — спросил проводник.

— Как можно меньше. Нам надо быть на месте не позже девяти часов вечера, — ответил доктор.

— Сорок минут — это немного?

— Пожалуй....

За этот короткий промежуток времени путники успели закусить в одной из двух местных харчевен, хозяину которой удалось отчасти восстановить репутацию сицилийской кухни. И да послужит это к чести маленького селения Николози, в котором всего три тысячи жителей и великое множество нищих! Далеко не в каждом городке Италии, даже и в более значительном, чем Николози, могут так вкусно накормить, как накормили путешественников в этой скромной харчевне: им предложили кусок жареного козленка, фрукты — виноград, апельсины и гранаты, а также бутылку сан-плачидо, вина из винограда, растущего в окрестностях Катании.

Еще не было пяти часов, когда доктор, Петер и проводник — уже верхом на мулах — начали подыматься по второму поясу горного массива; теперь они вступили в полосу лесов. Однако деревьев там было не так уж много, ибо на склонах Этны, как, впрочем, и везде, дровосеки систематически уничтожают великолепные старинные леса, от которых скоро останутся одни воспоминания, да и то лишь в древних мифах. Все же местами, вдоль потоков застывшей лавы, на краю оврагов и пропастей, еще встречаются группы буков, дубов и смоковниц с темнозеленой, почти черной листвой, а еще выше — ели, сосны и березы. На этих склонах, где почва состоит из пепла, смешанного с перегноем, растут огромные папоротники, ясенец, мальва, а мох устилает землю зеленым ковром.

К восьми часам вечера доктор и Петер поднялись на высоту трех тысяч метров, где проходит граница вечных снегов. Здесь на склонах Этны столько снега, что им можно было бы снабдить всю Италию, не говоря уж о Сицилии.

Далее, за Валле дель Бове — огромной котловиной, имеющей форму амфитеатра, тянется полоса черной

лавы, пепла и шлака. Путешественникам пришлось огибать скалы высотой до трех тысяч футов, вздымавшиеся по краям котловины; на этих скалах можно было явственно различить пласты трахитов и базальта, еще не подвергшихся разрушительному действию времени.

Впереди возвышался главный конус вулкана, местами покрытый скудной высокогорной растительностью. Этот конус был как бы горой на горе — Пелионом на Оссе, — его закругленная вершина находилась на высоте 3316 метров над уровнем моря.

Путешественники уже ощущали под ногами колебания почвы. Покрытая снегом земля вздрагивала от непрерывных подземных толчков. Из жерла вулкана подымался столб сернистых паров, расходившийся кверху султаном; ветер изгибал его, и время от времени пары опускались и стлались у подножия конуса, а куски раскаленного шлака градом сыпались на снежный покров и с шипением гасли.

Было очень холодно, несколько градусов ниже нуля, и в разреженном воздухе дышать становилось все труднее. Путешественники плотнее закутались в свои плащи. Пронзительный ветер, дувший из-за горы, подхватывал снег, кружил его и уносил в пространство. Отсюда уже были ясно видны боковые кратеры, расположенные ниже огнедышащего жерла главного вулкана, — узкие дымящиеся воронки, глубокие колодцы, на дне которых гудело подземное пламя. Глухие раскаты следовали один за другим, по временам переходя в оглушительный грохот: казалось, то бурлит гигантский котел, в котором под давлением пара открылись все предохранительные клапаны. Однако извержения не предвиделось, и хотя недра вулкана содрогались от ярости, лава не вырывалась наружу, а только клокотала в главном и боковых кратерах, из которых с глухим шумом вылетали густые пары.

Было девять часов вечера. На небе уже зажглись мириады звезд, они особенно ярко сверкали в разреженном горном воздухе. Узкий серп молодого месяца отражался в волнах Эолийского моря. Ночь была бы торжественна и спокойна, если бы не глухое клокотанье вулкана.

— Мы, должно быть, уже приехали? — спросил доктор.

— Да, вот «Каса Инглеза».

Шагах в пятидесяти от них, примерно на четыреста метров ниже вершины главного конуса, стоял маленький домик, занесенный снегом; видна была только его передняя стена с двумя окнами и дверью, все остальное скрывалось под снеговой шапкой. Это и была «Каса Инглеза», домик, построенный в 1811 году английскими офицерами на небольшой площадке, образованной застывшей лавой и известной под названием Пьяно дель Лаго¹.

«Каса Инглеза», или иначе «Каса Этнеа», долгое время содержащаяся на средства синьора Джемелларо, брата известного ученого-геолога, носившего ту же фамилию, совсем недавно была отремонтирована клубом альпинистов. Неподалеку выступали из темноты мрачные развалины так называемой Башни философа, сохранившейся еще со времен Римской империи, — по преданию, с этой башни в жерло Этны бросился Эмпедокл, знаменитый философ, уроженец Агригента. Поистине нужно быть прирожденным философом, чтобы провести здесь неделю в полном одиночестве. И не удивительно, что Эмпедокл, не выдержав, покончил с собой.

Путешественники подъехали к «Каса Инглеза» и постучались в дверь, которая тотчас же отворилась. Через мгновение доктор и Петер оказались среди своих.

В «Каса Инглеза» только три комнаты. Стол, несколько стульев, кухонная посуда — вот все, что там можно найти, но этого вполне достаточно для путешественников, поднявшихся на высоту 2885 метров и останавливающихся здесь, чтобы передохнуть.

До прихода доктора Луиджи, хотя было очень холодно, не позволял развести огонь в очаге, — он боялся выдать присутствие своего маленького отряда. Но теперь эта предосторожность была излишней, так как

¹ В то время здесь должны были начаться работы по устройству в «Каса Инглеза» обсерватории. Работы эти предприняли итальянские власти вместе с муниципалитетом Катании. (Прим. автора)

Зироне знал, что доктор собирается переночевать в «Каса Инглеза». В очаг наложили дров, запас которых хранился в сарайчике, и огонь весело запылал, согревая и освещая комнаты.

Между тем доктор, отозвав Луиджи в сторону, спросил его, не случилось ли чего за время пребывания отряда в «Каса Инглеза».

— Нет, — ответил Луиджи, — пока все спокойно. Бсюсь только, они уже пронюхали, что мы здесь.

— Почему ты так думаешь?

— Да потому, что от самого Николози за нами шел какой-то человек. Он исчез, когда мы уже подходили к основанию конуса.

— Какая досада! Это может отбить у Зироне охоту напасть на меня. Никто не появлялся у «Каса Инглеза» после захода солнца?

— Нет, господин доктор. Из предосторожности я даже велел обыскать развалины Башни философа, но и там никого не было.

— Что ж, подождем. Только выставь дозорного. Ночь светлая, видно далеко. Нельзя, чтобы нас застали врасплох!

Распоряжение было тотчас же выполнено. Доктор сел на скамью перед очагом, остальные набросали на пол соломы и улеглись на нее.

Матифу подошел к доктору и молча смотрел на него, не решаясь заговорить. Нетрудно было догадаться, что его тревожит.

— Ты хочешь знать, где Пескад? Потерпи немного. Он скоро вернется, хотя, по правде сказать, он ведет опасную игру...

— И как всегда выиграет! — вставил Петер, которому хотелось успокоить великана, тревожившегося за своего маленького товарища.

Прошел час, но вокруг главного конуса все было так же мертво и безлюдно. Ни одна тень не появилась на покрытом снегом откосе перед Пьяно дель Лаго. Доктор и Петер уже начали терять терпение и не на шутку тревожиться. Ведь если Зироне предупредили, что здесь весь отряд, он, конечно, не решится напасть на них. Это было бы серьезной неудачей, так как за от-

существом Саркани необходимо было схватить хотя бы его сообщника, чтобы вырвать у него все тайны.

Около десяти часов в полумиле ниже «Қаса Инглеза» раздался выстрел.

Все выбежали из домика, но ничего не увидели.

— Без сомнения, это был ружейный выстрел, — заметил Петер.

— Вероятно, какой-нибудь охотник стрелял в орла или в вепря, — сказал Луиджи.

— Входите скорее в дом! Нас могут увидеть, — торопил доктор.

Все вернулись в помещение.

Не прошло и десяти минут, как в комнату вбежал матрос, стороживший снаружи.

— Тревога! — крикнул он. — Сюда идут!

— Много их? — быстро спросил Петер.

— Нет, всего один.

Доктор, Петер, Луиджи и Матифу бросились наружу, стараясь, однако, держаться в тени домика. По застывшему потоку лавы, доходившему до самой площадки, с быстротой серны бежал человек. Он был один. Мгновение — и он очутился в объятиях Матифу.

То был Пескад.

— Скорее, скорее в дом, господин доктор!

Все бросились обратно и тотчас же заперли дверь.

— Где же Зироне? Куда он делся? Ты убежал от него? — спрашивал доктор.

— Да, чтобы предупредить вас...

— Он не придет?!

— Он будет здесь через двадцать минут!

— Тем лучше!

— Нет, тем хуже! Не знаю как, но он узнал, что еще до вас сюда пришло двенадцать человек.

— Наверно, ему сказал об этом горец, который следил за нами, — заметил Луиджи.

— Так или иначе, но он узнал об этом и понял, что вы готовите ему западню.

— Ну и пускай! Только бы он скорее попал в нее! — воскликнул Петер.

— Он-то придет, господин Петер, но к двенадцати разбойникам, которых привезли с Мальты, теперь при-

соединилась вся его шайка. Сегодня утром его бандиты вернулись в Санта-Гротта.

— Сколько их? — спросил доктор.

— Человек пятьдесят.

Отряд Луиджи состоял из одиннадцати матросов; вместе с доктором, Петером, Луиджи, Матифу и Пескадом их было шестнадцать человек. Шестнадцать против пятидесяти! Положение становилось чрезвычайно опасным. Надо было немедленно принимать решение, бандиты могли напасть каждую минуту.

Но сперва доктор хотел узнать, что произошло за это время у Зироне. И вот что рассказал Пескад.

Сегодня утром Зироне возвратился из Катании, где он провел вечер, — именно его и видел доктор в парке Вилла Беллини. Придя в кабачок Санта-Гротта, Зироне застал там горца, который сообщил ему, что в «Каса Инглеза» разными дорогами прошло человек двенадцать.

Зироне тотчас же сообразил, в чем тут дело. Теперь уже не он готовит ловушку доктору Антекирту, а доктор ему. Недаром Зироне предупреждали, что этого доктора следует остерегаться. Но Пескад стал убеждать его все же идти в «Каса Инглеза», уверяя, что мальтийские бандиты легко справятся с маленьким отрядом доктора. Однако Зироне колебался, не зная, на что решиться. Настойчивые уговоры Пескада показались ему столь подозрительными, что он велел следить за юношей; впрочем, Пескад очень скоро это заметил. По всей вероятности, Зироне отказался бы от своего плана захватить доктора в плен, — слишком сомнительны были шансы на успех, — но к трем часам дня в Санта-Гротта возвратилась остальная часть банды. Теперь у Зироне было уже пятьдесят человек, и он решил действовать. Вскоре вся его шайка вышла из харчевни Санта-Гротта и направилась к «Каса Инглеза».

Пескад понимал, что необходимо немедленно предупредить доктора, тогда отряду, может быть, еще удастся скрыться или хотя бы приготовиться к обороне, но он не знал, где именно находится «Каса Инглеза».

Поэтому Пескад дождался, когда бандиты вышли на такое место, откуда домик был виден, — уже стемнело, и он заметил вдали светящиеся окна. До «Каса Инглеза» оставалось менее двух миль. Пескад стремглав бросился к домику. Зироне выстрелил ему вслед, но промахнулся. Этот-то выстрел и услышали в «Каса Инглеза». Пескад пустил в ход всю свою ловкость акробата, нечего было и думать сразить его пулей. Он прибежал в «Каса Инглеза», опередив банду Зироне минут на двадцать.

Выслушав рассказ смелого и сообразительного юноши, доктор с благодарностью пожал ему руку. Нужно было немедленно принимать решение.

Покинуть сейчас, ночью, «Каса Инглеза» и попытаться спуститься вниз по склонам горы, которую Зироне и его шайка знали как свои пять пальцев, значило идти на верную гибель. Гораздо лучше укрепиться в домике и, обороняясь в нем, как в блокгаузе, дожидаться утра. А тогда уже попробовать вырваться, если еще останется кому уходить. По крайней мере не придется бродить в темноте, рискуя провалиться в пропасть или в дымящееся отверстие какого-нибудь кратера. Итак, решено было оставаться на месте и сопротивляться. Тотчас же стали готовиться к обороне.

Прежде всего закрыли оба окна и закрепили изнутри ставни. Между крышей и передней стеной были щели, там, где проходили стропила, — их решили использовать как амбразуры. У каждого матроса было по скорострельному ружью и штук двадцать патронов, а у доктора, Петера и Луиджи по револьверу. У Матифу были только кулаки, а у Пескада — ловкие руки, и, право, они были вооружены не хуже остальных!

Прошло минут сорок, но бандиты все не появлялись. Может быть, Зироне, зная, что ему уже не удастся застать доктора врасплох, отказался от мысли напасть на него? Однако численный перевес его шайки и прекрасное знание местности давали ему значительное преимущество.

Около одиннадцати часов в комнату вбежал сторожевой матрос — банда приближалась. Разбойники

шли врассыпную, пытаясь окружить домик с трех сторон, — задняя стенка примыкала к склону горы, и с этой стороны подойти к нему было невозможно.

Разгадав маневр противника, доктор и его люди поспешно заперли дверь, забаррикадировали ее, и каждый встал на свое место у одной из щелей. Приказано было стрелять только наверняка.

Между тем Зироне и его бандиты, прячась за скалами, медленно поднимались по склону горы. На краю площадки была свалена груда огромных обломков базальтовых и трахитовых скал; их, очевидно, притащили сюда, чтобы защитить «Каса Инглеза» от снежных заносов во время зимних метелей. С этого места бандитам было удобнее всего напасть на домик, вышибить дверь и окна и, ворвавшись внутрь, захватить в плен доктора и его отряд.

Внезапно раздался выстрел, и из-под стропил взвился легкий дымок. Один из бандитов упал, смертельно раненный. Остальные тут же отступили на несколько шагов и притаились за скалами. Но вот шайка стала опять медленно продвигаться вперед. Вскоре они подобрались к краю площадки.

За это время раздалось не менее двенадцати выстрелов, их вспышки осветили крышу «Каса Инглеза», и на снегу осталось еще двое бандитов.

Зироне издал громкий клич, и шайка бросилась к домику, потеряв по пути несколько человек ранеными. Пули изрешетили дверь. В домике было ранено двое матросов, правда не особенно тяжело, но участвовать в сражении они уже не могли.

Завязался настоящий бой. Нападавшим удалось при помощи топоров и пик высадить дверь и одно из окон. Чтобы отогнать бандитов от домика, отряду доктора пришлось сделать вылазку. И те и другие стреляли не переставая. Пуля пробила шляпу Луиджи, а Петер едва не погиб от удара пики, когда на него бросился один из бандитов. К счастью, рядом оказался Матифу; Геркулес вырвал пик из рук бандита и закончил его одним ударом.

Матифу был страшен. В него все время стреляли, но пули даже не задевали его. Он понимал, что, если

Зироне одержит верх, Пескаду несдобровать, и при этой мысли ярость его удваивалась.

Натолкнувшись на такое сильное сопротивление, разбойники вынуждены были снова отступить. Доктор со своими людьми вернулся в «Каса Инглеза».

— Сколько у нас осталось патронов? — спросил он.

— Десять — двенадцать на человека.

— А который теперь час?

— Только начало первого.

До рассвета оставалось еще четыре часа. Необходимо было беречь патроны, чтобы прикрывать отступление отряда, когда рассветет.

Но как же защитить подступы к «Каса Инглеза», как помешать бандитам проникнуть в дом, если Зироне снова пойдет в атаку? А это неминуемо должно было случиться.

И действительно, после пятнадцатиминутной передышки, во время которой разбойники, оттачив назад своих раненых, спрятали их в ложбине, Зироне снова пошел на приступ.

Взбешенные упорным сопротивлением маленького отряда доктора и придя в ярость при виде своих потерь (у них было убито пять-шесть человек), бандиты вскарабкались по застывшей лаве, перебежали пространство, отделявшее скат от груды камней, и появились на площадке.

За все это время из домика не было сделано ни одного выстрела. Вот почему Зироне правильно заключил, что у осажденных мало патронов. И он бросился к домику, увлекая за собой бандитов. Они и без того рвались в бой, так не терпелось им захватить богача, у которого, по словам Зироне, было более ста миллионов.

Разбойники стали яростно ломиться в дверь и окна и наверняка ворвались бы в дом, но тут раздался новый залп, и шайка опять откатилась назад, потеряв еще несколько человек. Осажденные тоже понесли потери: у них было тяжело ранено еще двое матросов.

Патроны в домике кончались, оставалось не более четырех-пяти на каждого. При таких обстоятельствах нечего было и думать об отступлении, даже когда рас-

светет. Их могла спасти только какая-нибудь неожиданная помощь, но они понимали, что ее неоткуда ждать.

Рассчитывать, что Зироне и его сообщники откажутся от своего предприятия, не приходилось. Как ни велики были потери бандитов, у них оставалось еще человек сорок, к тому же хорошо вооруженных. Они знали, что осажденным скоро нечем будет отвечать на их выстрелы, и снова пошли в атаку.

В эту минуту вниз по откосу, прямо на карабкающихся бандитов, покатались огромные камни. Трое из них, не успевшие отскочить в сторону, были раздавлены.

Это силач Матифу сталкивал вниз обломки скал, сваленных у края площадки.

Конечно, это не могло остановить нападающих, да и камней хватило бы ненадолго. Осажденным грозила неминуемая гибель, если не придет помощь извне.

Тут Пескаду пришла в голову мысль, которой он поделился с одним только Матифу. Доктору же он ничего не сказал, опасаясь, что тот не согласится.

Из разговоров бандитов в кабачке Санта-Гротта Пескад знал, что в Кассоне стоит отряд жандармов. Чтобы добраться из «Каса Инглеза» до Кассоне и вернуться назад, требовалось около двух часов. Но как привести сюда жандармов? Для этого, разумеется, надо проскользнуть незамеченным мимо разбойников и уж тогда бежать со всех ног на запад, где находится деревня Кассоне.

«Надо пройти — и я пройду! — сказал себе Пескад. — Черт побери, акробат я или нет!»

И Пескад рассказал Матифу, каким образом он собирается все это проделать.

— Но ведь ты рискуешь... — возразил было Матифу.

— Все будет в порядке!

Спорить с Пескадом Матифу никогда не решался.

Справа от домика была целая гора снега, к ней друзья и направились.

Через десять минут на краю площадки появился Матифу, толкавший перед собой огромный снежный

ком. Сражение продолжалось. Матросы сбрасывали на карабкающихся бандитов громадные камни. Матифу тоже столкнул свой ком, и тот, скатившись по склону, пронесся сквозь толпу разбойников и остановился шагах в пятидесяти позади них, задержавшись в небольшом углублении.

Тогда из кома, уже наполовину развалившегося, выскочил маленький юркий человек. Это был Пескад, «парень со смекалкой», как он любил себя называть.

Он сидел внутри затвердевшего снежного кома, и рискуя вместе с ним скатиться в пропасть, пронесся вниз по склону горы и теперь, выйдя на свободу, мчался во весь дух в сторону Кассоне.

Было половина первого ночи.

Доктор, не видя Пескада и опасаясь, что его ранили, позвал его.

— Пескада нет! — ответил Матифу.

— Как нет?! Где же он?!

— Он сказал, что пойдет за помощью.

— Как же он сумел уйти отсюда?!

— А в снежном коме.

И Матифу рассказал доктору, как было дело.

— Молодец! — воскликнул доктор. — Мужайтесь, друзья! Мы еще им покажем!

Камни продолжали сыпаться на головы нападающих. Но и этого нового средства защиты хватило ненадолго — камни подходили к концу.

В три часа отряд доктора, унося своих раненых, отступил из «Каса Инглеза», которую тут же захватили бандиты. У Зироне было убито человек двадцать, однако численное превосходство все еще оставалось на его стороне. Поэтому маленький отряд доктора не мог идти напролом и вынужден был карабкаться по нагромождению застывшей лавы, шлака и пепла, вверх по склону главного конуса, на вершине которого зияла огненная пасть кратера.

Отряд вместе с ранеными, задыхаясь в сернистых парах, которые ветер гнал на них сверху, поднялся на двести пятьдесят метров, до кратера оставалось не больше пятидесяти метров.

Начинало светать, и первые отблески солнца озарили вершины Калабрийских гор, возвышавшихся над восточной частью Мессинского пролива.

Однако положение доктора и его отряда было настолько безнадежным, что теперь и дневной свет не мог им помочь. Они продолжали отступать, взбираясь по откосам вулкана, отстреливаясь последними патронами и сбрасывая на бандитов обломки скал, которые Матифу стаскивал вниз с нечеловеческой силой. Казалось, для них уже все было кончено... как вдруг у подножия конуса раздались выстрелы.

В шайке Зироне произошло замешательство, затем бандиты повернули назад и бросились удирать со всех ног.

Они увидели приближавшийся отряд жандармов, которых привел Пескад.

Смелому парню даже не пришлось добираться до Кассоне. Жандармы, услышав стрельбу в горах, сами направились туда. Пескад встретил их на дороге и привел к «Каса Инглеза».

Теперь в наступление перешел отряд доктора. Матифу как смерч налетел на убежавших бандитов и, уложив на месте двоих, бросился на Зироне.

— Браво, мой Матифу, брависсимо! — закричал подоспевший в эту минуту Пескад. — Так его! Положи его на обе лопатки! Внимание, внимание, господа! Начинается борьба! Зироне против Матифу!

Зироне, услышав голос Пескада, свободной рукой выхватил револьвер и выстрелил в него.

Юноша упал.

Тут произошло нечто ужасное. Матифу схватил Зироне за шиворот и, едва не задушив, поволок за собой. Бандит не мог даже сопротивляться.

Тщетно доктор, который хотел взять Зироне живым, кричал великану, чтобы тот оставил его. Петер и Луиджи бросились к Матифу, но ничего не могли сделать. Матифу никого не видел, ничего не слышал. Он знал только одно... Зироне, может быть, убил Пескада! Силач был вне себя. Он даже не смотрел на жалкое подобие человека, которое держал перед собой на вытянутых руках.

Добежав до отверстия одного из кратеров, Матифу с размаху швырнул Зироне в огненный колодец.

Пескад, довольно серьезно раненный, полулежал на коленях у доктора, который, осмотрев его рану, перевязывал ее. Матифу подошел к ним. Крупные слезы катились по его щекам.

— Ничего, мой Матифу, не бойся! Обойдется, — еле слышно прошептал Пескад.

Матифу взял его на руки, как ребенка, и начал спускаться вниз по склону вулкана. Остальные последовали за ним. Жандармы тем временем переловили уже почти всех бандитов и охотились за последними.

Шесть часов спустя доктор и весь его отряд, возвратившись в Катанию, уже поднимались на борт яхты «Феррато».

Пескада уложили в постель в его каюте. Доктор Антекирт лечил больного, а Матифу был его сиделкой. Лучшего ухода нельзя было и представить. К тому же рана Пескада — пуля застряла в верхней части плеча — оказалась не очень опасной. Выздоровление было лишь вопросом времени. Когда Пескаду полагалось уснуть, Матифу рассказывал ему сказку, всегда одну и ту же, и друг засыпал крепким сном.

Итак, доктора постигла неудача. Правда, он и его отряд не попали в руки разбойников, но Зироне был убит, тогда как доктору важно было взять его живым, чтобы узнать замыслы Саркани. И виноват в этом был Матифу. Но как сердиться на него?

Доктор пробыл в Катании еще неделю, но ему так ничего и не удалось узнать о Саркани. Если тот и намеревался приехать в Сицилию, чтобы встретиться с Зироне, то, услышав о происшествии в горах и гибели своего сообщника, конечно оставил это намерение.

Восьмого сентября яхта «Феррато» вышла в море и быстро понеслась по направлению к острову Антекирта. Вскоре доктор и его друзья были уже на острове.

Здесь доктор, Петер и Луиджи хотели еще раз тщательно продумать план отмщения, ставшего делом всей их жизни. Теперь прежде всего надо было разы-

скать Карпену, который без сомнения знал, где находятся Саркани и Силас Торонталь.

Испанец не участвовал в нападении, он оставался в харчевне Санта-Гротта и не попал в руки жандармов; однако удача эта была кратковременной.

Действительно, через десять дней один из агентов доктора донес ему, что Карпену арестовали в Сиракузах, но не как сообщника Зироне, а за убийство, совершенное им пятнадцать лет назад еще в Малаге; тогда же ему пришлось бежать из Испании и поселиться в Ровине.

Через три недели Карпена, выданный испанским властям, был приговорен к пожизненной каторге. Его отправили на марокканское побережье, в Сеуту, где находится одна из крупнейших каторжных тюрем Испании.

— Наконец-то один из этих негодяев угодил на каторгу! Надеюсь, он останется там до самой смерти! — воскликнул Петер, услышав об этом.

— До самой смерти! Ну нет! — ответил доктор. — Из-за него погиб на каторге Андреа Феррато, но Карпена умрет не там!

Часть четвертая

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Сеутская каторга

Двадцать первого сентября, через три недели после событий, разыгравшихся в Катании, паровая яхта «Феррато», подгоняемая крепким северо-восточным бризом, рассекала воды Гибралтарского пролива, проходя между мысом Европа, английским владением на испанской земле, и мысом Ла-Альмина, испанским владением на марокканской земле. Если верить мифологии, Геркулес, сей предшественник инженера Лессепса, расколол здесь ударом палицы прибрежные скалы, и воды Атлантики хлынули в Средиземное море, образовав пролив в четыре лье шириной.

Все это Пескад не преминул бы сообщить своему другу Матифу, показав ему на севере Гибралтарскую скалу, а на юге — гору Эль-Хорра. Два каменных столба — Кальпе и Авила — до сих пор напоминают нам о знаменитом герое мифологии. Без всякого сомнения, Матифу оценил бы такой «фокус», но зависть ни на минуту не закралась бы в душу скромного и простодушного гиганта. Геркулес из Прованса почти-точно склонил бы голову перед сыном Юпитера и Алкмены.

Однако Матифу не было в числе пассажиров паровой яхты, не было среди них и Пескада. Матифу не захотел покинуть раненого друга, и они остались на Антекирте. Если потребуется их помощь, обоих вызо-

вут телеграммой и быстро доставят по назначению на борту одного из «электро», входящих в состав эскадры острова Антекирты.

Доктор и Петер Батори были одни на борту «Феррато», которым командовал капитан Кестрик и его помощник Луиджи. Последняя экспедиция, снаряженная в Сицилию на розыски Саркани и Силаса Торон-таля, не дала никаких результатов, так как закончилась гибелью Зироне. Необходимо было вновь напасть на их след, заставив Карпену открыть все, что он знает о Саркани и его сообщнике. Но так как испанец был осужден на каторжные работы и сослан в Сеуту, туда и следовало отправиться, ибо только в Сеуте можно было установить с ним связь.

Сеута — небольшой укрепленный городок, нечто вроде испанского Гибралтара, расположенного на восточных склонах горы Эль-Хорра. В описываемый нами день, около девяти часов утра, паровая яхта «Феррато» маневрировала в трех милях от сеутского порта.

Что может быть оживленнее знаменитого Гибралтарского пролива — этих ворот Средиземного моря! Через них вливаются в море воды Атлантического океана, через них прибывают из Северной Европы, из Южной и Северной Америки тысячи судов, заполняющих затем многочисленные порты средиземноморского побережья. Через эти же ворота проходят огромные пассажирские пароходы и военные корабли, которым открыла путь в Индийский океан и южные моря творческая мысль Франции. Что может быть живописнее узкого Гибралтарского пролива, окаймленного ласкающими взор горами! На севере вырисовываются горы Андалузии. На юге, вдоль причудливо изрезанного берега, тянется от мыса Эспартель до мыса Ла-Альмина горная цепь Буллонес со своими черными вершинами, высится гора Обезьян и семиглавая громада, называемая *Septem fratres*¹. Справа и слева виднеются живописные города: они примостились в глубине заливчиков, карабкаются по склонам гор или вытянулись вдоль песчаного побережья, а далеко на заднем плане лежат

¹ Семь братьев (лат.).

такие порты, как Тарифа, Альхесирас, Танжер, Сеута. Между берегами пролива простирается беспокойная, изменчивая морская ширь, то серая, бурная, то голубая и спокойная, прочерченная зигзагами кружевной пены в тех местах, где сталкиваются встречные течения, а поверхность ее бороздят быстроходные паровые суда, которых ни волнение, ни ветер не могут остановить, и легкие парусники, что при западном ветре сотнями скопляются у выхода в Атлантический океан. Нет человека, который остался бы равнодушным к несравненной красоте континентов Европы и Африки, вставших друг против друга по обе стороны Гибралтарского пролива.

Между тем «Феррато» быстро приближался к африканской земле. Уже исчезла вдалеке глубокая бухта, в которой прячется Танжер, а сеутский утес вырисовывался все явственнее, тем более что берег здесь резко поворачивает к югу. Его громада мало-помалу выступала из моря, словно островок, всплывающий близ мыса, с которым его соединяет лишь узкий перешеек. У вершины горы Эль-Хорра показалась крепость, построенная на месте древней римской цитадели; там днем и ночью сменяются часовые, наблюдающие за проливом, а главное, за территорией Марокко, в которую вклинивается испанское владение — Сеута. В орографическом отношении эта местность сильно напоминает крошечное княжество Монако, расположенное на территории Франции.

В десять часов утра «Феррато» бросил якорь в Сеутской гавани, или, точнее, в двух кабельтовых от пристани, на которую яростно обрушиваются огромные морские валы. Действительно, здесь имеется лишь открытый рейд, не защищенный от морского прибоя. К счастью, когда суда не могут бросить якорь к западу от Сеуты, они находят отличное убежище по другую сторону утеса, где им уже не страшны западные ветры.

Около часу дня, после того как карантинные власти посетили корабль и подписали свидетельство о здоровье экипажа, доктор в сопровождении Петера сел в шлюпку, которая через несколько минут пристала к

маленькой пристани у подножия городских стен. Не подлежало сомнению, что он намеревается завладеть Карпенкой. Но каким образом? Это будет решено лишь после осмотра местности и в зависимости от того, как сложатся обстоятельства. Можно будет либо похитить Карпенку, либо устроить ему побег с сеутской каторги.

На этот раз доктор Антекирт не пожелал сохранить инкогнито. Побывавшие на борту «Феррато» портовые чиновники уже разнесли слух о прибытии столь выдающейся особы. В арабских странах от Суэца до мыса Эспартель все знали хотя бы понаслышке об ученом муже, жившем в последнее время на острове Антекирта в заливе Большой Сирт. Вот почему и испанцы и марокканцы оказали ему самый радушный прием. Впрочем, всем был открыт доступ на «Феррато», и многочисленные лодки тотчас же пристали к судну.

Весь этот шум, очевидно, входил в планы доктора. Известность, какой он пользовался, должна была содействовать их выполнению. Итак, ни сам доктор, ни Петер не стали прятаться от любопытных взглядов. В открытом экипаже, предоставленном им лучшей гостиницей Сеуты, они прежде всего осмотрели город, его узкие улочки, зажатые между шеренгами унылых бесцветных домов, небольшие площади, где под чахлыми пыльными деревьями ютились плохонькие кабачки, казенные здания, похожие на казармы; короче говоря, здесь не было ничего интересного, если не считать мавританского квартала, еще не совсем утратившего самобытность.

Около трех часов пополудни доктор приказал, чтобы его отвезли к губернатору Сеуты, которому он желал нанести визит — знак внимания, вполне естественный со стороны знатного иностранца.

Само собой разумеется, что в Сеуте губернатор не может быть гражданским лицом. Сеута прежде всего военная колония. Там насчитывается около десяти тысяч человек. Офицеры, солдаты, торговцы, рыбаки и матросы с каботажных судов живут частью в городе, частью на побережье — это узкая полоска земли, простирающаяся на восток до границы испанских владений.

Высшей административной властью в Сеуте в то время был наделен полковник Гиярре. Под его командованием было три пехотных батальона континентальной армии, отбывающих срок службы в Африке, дисциплинарный полк, постоянно находящийся в Сеуте, две артиллерийских батареи, понтонная рота и мавританская рота, где служат местные уроженцы, семьи которых живут в специальном квартале. Что касается заключенных, то их число достигало двух тысяч.

Направляясь в резиденцию губернатора, коляска выехала за город и покатила по мощенному щебнем шоссе, которое ведет к восточной границе Сеуты.

Вдоль дороги тянулись узкой полосой поля, ограниченные с одной стороны горами, а с другой морем; они были прекрасно обработаны местными жителями, которые упорно борются со скудостью каменистой почвы. Здесь в изобилии произрастают всевозможные овощи и фрукты, но надо признать, что и в рабочих руках нет недостатка.

В самом деле, арестанты работают в Сеуте не только на благо государства, то есть в специальных мастерских, на строительстве укреплений и дорог, требующих постоянного ремонта, и даже в полиции (в награду за благонравие этим людям, находящимся под надзором, иногда самим поручают следить за порядком). Ссылные, осужденные на двадцатилетнюю и даже вечную каторгу, порой обслуживают и частных лиц на условиях, определенных властями.

Осматривая Сеуту, доктор встречал каторжан, свободно разгуливающих по улицам: повидимому, они находились в услужении у горожан. Но большинство их все же работало вне крепостных стен Сеуты, на дорогах и в полях.

К какой категории каторжан принадлежал Карпена? Это следовало выяснить прежде всего. В самом деле, доктору пришлось бы применить ту или иную тактику, в зависимости от того, находился ли испанец взаперти или на свободе, работал ли он у частных лиц или на государство.

— Ведь испанец недавно осужден, — обратился к Петеру доктор Антекирт, — поэтому весьма возможно,

что он не пользуется льготами, какие предоставляются некоторым каторжанам за хорошее поведение.

— Ну, а если он находится в заключении? — спросил Петер.

— Тогда похитить его будет сложнее, — ответил доктор, — но похищение должно состояться, и оно состоится!

Между тем лошади бежали мелкой рысцой, и экипаж медленно катил по дороге. В каких-нибудь двухстах метрах от городских укреплений работали под присмотром сторожей человек пятьдесят каторжан. Одни разбивали камни, другие усыпали щебнем шоссе, третьи трамбовали его с помощью катков. Вот почему экипажу пришлось ехать по самой обочине.

Вдруг доктор схватил Петера Батори за руку и прошептал:

— Это он!

Какой-то человек стоял шагах в двадцати от своих товарищей, опершись на ручку мотыги.

Это был Карпена.

По прошествии пятнадцати лет доктор без труда узнал истрийского солевара, несмотря на его арестантское платье, так же как и Мария Феррато узнала его в мальтийском костюме на улочке Мандераджо. Этот бездельник, не способный ни к какому ремеслу, не мог работать в мастерских Сеуты. Единственное, что ему оставалось, — это разбивать камни у дороги.

Но если доктор узнал Карпену, тот никак бы не мог узнать графа Матиаса Шандора. Ведь негодяй лишь мельком видел знатного беглеца в доме рыбака Андреа Феррато, когда привел туда полицию. Однако до него, как и до всех, дошла весть о прибытии доктора Антекирта в Сеуту. А прославленный доктор был тот самый человек, о котором ему говорил Зироне во время их свидания близ грота Полифема в Сицилии, таинственная личность, которой советовал остерегаться Саркани, известный миллионер, захватить которого шайка Зироне напрасно пыталась в «Каса Инглеза».

Что произошло в уме Карпены, когда он внезапно увидел доктора? Какое впечатление он испытал и не было ли это впечатление столь же мгновенным, как

фотографическая съемка? Трудно сказать. Но испанец неожиданно почувствовал, что доктор овладевает им, его собственная личность как бы перестает существовать и посторонняя воля поработщает его волю. Напрасно он пытался сопротивляться: ему оставалось только одно — подчиниться.

Между тем доктор, приказав остановить экипаж, продолжал пристально смотреть на преступника взглядом, проникавшим ему в самую душу. Эти блестящие, пронизательные глаза оказали странное, неодолимое действие на Карпену. Сознание его затуманилось, веки замигали, сомкнулись и лишь изредка судорожно вздрагивали. Затем наступила полная потеря сознания, и он упал на краю дороги, но никто этого даже не заметил. Впрочем, Карпена заснул гипнотическим сном, пробудить от которого его мог только один человек.

Тогда доктор приказал ехать дальше в резиденцию губернатора. Этот инцидент задержал его не больше чем на тридцать секунд. Никто не обратил внимания на то, что произошло между ним и испанцем, за исключением Петра Батори.

— Теперь этот человек в моей власти, — сказал доктор, — и я заставляю его...

— Открыть нам все, что ему известно? — спросил Петер.

— Нет, сделать все, что я захочу, и притом бессознательно. При первом же взгляде на него я почувствовал, что могу стать его властелином, подчинить его волю своей.

— Однако он не производит впечатления больного.

— Неужели ты думаешь, что гипноз действует только на невропатов? Нет, Петер, сильнее всего сопротивляются внушению как раз люди ненормальные. Чтобы поддаться гипнозу, субъект должен обладать собственной волей, и в данном случае мне повезло, ибо по своей натуре Карпена склонен подчиниться моему влиянию. Вот почему он будет спать до тех пор, пока я не вмешаюсь и не разбужу его.

— Пусть так, — заметил Петер, — но к чему все это? Ведь в том состоянии, в каком он сейчас нахо-

дится, Карпена не сможет рассказать о том, что нас больше всего интересует!

— Несомненно, — ответил доктор, — и мне, конечно, не удастся заставить его рассказать то, чего я сам не знаю. Зато в моей власти заставить его сделать все, что я пожелаю и когда пожелаю, и он не сможет противиться моей воле. Стоит мне приказать, и Карпена убежит с каторги в указанный день — завтра, послезавтра, через неделю или через полгода, причем для этого ему вовсе не надо засыпать гипнотическим сном.

— Убежит с каторги, — воскликнул Петер. — Уйдет отсюда по собственной воле?.. Ну, а сторожа разве дремлют? Ведь сила внушения неограничена, она не заставит человека разорвать цепи, сломать решетку в тюрьме или перебраться через непреодолимую преграду...

— Конечно, нет, Петер, — ответил доктор, — и он никогда не сделает того, чего не сделал бы я сам. Вот почему мне не терпится отправиться с визитом к губернатору Сеуты!

Доктор Антекирт несколько не преувеличивал. Факты гипноза теперь общеизвестны. Работы и наблюдения Шарко, Броуна-Секара, Азана, Рише, Дюмонпалье, Модсли, Бернхейма, Хэка Тьюка, Ригера и многих других ученых не оставляют ни малейшего сомнения на этот счет. Путешествуя по Востоку, доктор имел возможность изучить любопытнейшие явления гипноза и внес в эту отрасль физиологии ценный вклад. Итак, он был весьма сведущ в гипнозе и знал о его замечательных результатах. Одаренный от природы огромной силой внушения, доктор часто пользовался ею, когда жил в Малой Азии. На эту силу он и рассчитывал, намереваясь овладеть Карпеной, ибо, по счастливой случайности, тот сразу же подпал под его влияние.

Да, доктор мог распоряжаться Карпеной, заставить его действовать по своему усмотрению, подчинив его волю своей. Но чтобы сделать то, что ему приказано, преступник должен пользоваться свободой передвижения, а на это требовалось согласие губернатора.

Такого разрешения доктор и надеялся добиться, иначе бегство испанца оказалось бы невозможным.

Десять минут спустя экипаж подъехал к длинным корпусам казарм, которые тянутся почти до границы Сеуты, и остановился перед резиденцией губернатора.

Полковник Гиярре был, конечно, осведомлен о прибытии доктора Антекирта в Сеуту. Этого знаменитого человека встречали повсюду, как принца крови, ибо слава о его талантах и огромном состоянии широко распространилась. Вот почему, когда доктора Антекирта и его молодого спутника Петра Батори ввели в гостиную губернаторского дома, полковник Гиярре оказал им самый радушный прием. Прежде всего он предложил показать гостям Сеуту — «этот кусочек Испании, так удачно расположенный на марокканской территории».

— Мы охотно принимаем ваше предложение, господин губернатор, — ответил доктор по-испански. Этим языком он владел столь же свободно, как и Петер Батори. — Но, право, не знаю, смогу ли я воспользоваться вашей любезностью, так как времени у меня очень мало.

— Полноте, доктор Антекирт, ведь колония невелика, — возразил губернатор. — За полдня мы вполне успеем осмотреть ее. Кстати, сколько времени вы думаете пробыть у нас?

— Четыре-пять часов самое большее. Сегодня же вечером я должен ехать, иначе не попаду завтра утром в Гибралтар, а меня там ждут.

— Неужели вы уедете сегодня вечером! — воскликнул губернатор. — Убедительно прошу вас, оставайтесь! Поверьте, доктор Антекирт, наша военная колония стоит того, чтобы вы с ней получше ознакомились. Несомненно, во время своих путешествий вы много видели, сделали немало интересных наблюдений, но, уверяю вас, Сеута заслуживает внимания и ученых и экономистов, взять хотя бы нашу пенитенциарную систему!

Разумеется, похвалы, которые губернатор расточал этой испанской колонии, были отчасти продиктованы честолюбием. Впрочем, он несколько не преувеличи-

вал, — сеутская пенитенциарная система (точно такая же существует и в севильской исправительной тюрьме) справедливо считается одной из лучших в Старом и в Новом Свете как в смысле содержания заключенных, так и в отношении морального на них воздействия. Итак, губернатор продолжал настаивать, он хотел, чтобы знаменитый доктор Антекирт согласился отсрочить отъезд и почтил своим присутствием исправительные заведения Сеуты.

— Это совершенно невозможно, господин губернатор. Но на сегодняшний день я в вашем распоряжении, и если вам угодно...

— Но сейчас уже четыре часа, — возразил полковник Гиарре, — и у нас остается слишком мало времени...

— Вы правы, — согласился доктор, — и это тем более досадно, что в ответ на ваше любезное приглашение мне тоже хотелось бы принять вас на своей яхте!

— Неужели, доктор Антекирт, вы не можете отложить свой отъезд хотя бы на один день!

— Я охотно сделал бы это, господин губернатор, если бы, как вам уже известно, свидание, назначенное на завтра, не вынуждало меня сегодня же вечером выйти в море!

— Как это обидно, — ответил губернатор, — я всю жизнь буду жалеть, что не сумел вас удержать подольше! Но берегитесь! Ваша яхта находится под угрозой моей береговой артиллерии, и стоит мне дать приказ, «Феррато» тут же пойдет ко дну.

— А вы не боитесь ответных мер, господин губернатор? — смеясь, спросил доктор. — Неужели вы хотите вступить в войну с могущественным государством Антекирты?

— Ну нет, это было бы слишком опасно! — в том же тоне ответил губернатор. — Но я готов пойти на какой угодно риск, лишь бы удержать вас здесь еще на один день!

Петер не принимал участия в разговоре. Он задавал себе вопрос: подвинулся ли доктор к намеченной цели? Решение доктора в тот же вечер покинуть Се-

уту несколько удивило Петера. Неужели за такое короткое время они успеют подготовить бегство Карпены? Ведь через несколько часов преступники вернутся в тюрьму, где их запрут на всю ночь. А в этих условиях вряд ли удастся вызволить испанца из заключения.

Но Петер понял, что у доктора уже созрел план действий, когда тот сказал:

— Я прямо в отчаянии, господин губернатор, что не могу исполнить вашего желания, по крайней мере сегодня! Но, может быть, нам удастся все уладить к обоюдному удовольствию.

— Говорите же, говорите, доктор Антекирт!

— Завтра утром я должен быть в Гибралтаре, и мне необходимо выйти в море сегодня же вечером. Но мое пребывание на этом британском утесе вряд ли продлится более двух-трех дней. Сегодня четверг; я могу вернуться в Сеуту в воскресенье утром, вместо того чтобы продолжать свое плавание к северным берегам Средиземного моря...

— Вот действительно самый лучший выход! — воскликнул губернатор. — Это будет так любезно с вашей стороны! Сознаюсь, для меня это вопрос самолюбия. Но у кого из нас нет тех или иных слабостей? Значит, решено, доктор Антекирт, вы вернетесь к нам в воскресенье!

— Да, но при одном условии!

— Какое бы оно ни было, я принимаю его заранее.

— При условии, что вы согласитесь позавтракать со своим адъютантом на борту «Феррато».

— Обещаю, доктор Антекирт, обещаю... но тоже при одном условии.

— Как и вы, господин губернатор, я безоговорочно принимаю его!

— Вы непременно должны отобедать у меня вместе с господином Батори, — заявил губернатор.

— Согласен, — ответил доктор, — а между завтраком и обедом...

— Я злоупотреблю своей властью и заставляю вас осмотреть все достопримечательности моего государ-

ства! — воскликнул полковник Гиярре, пожимая руку доктору.

Петер Батори также принял приглашение, вежливо поклонившись любезному губернатору Сеуты, который был в восторге от своих гостей.

Доктор тут же стал прощаться, и Петер заметил по выражению его лица, что он добился всего, чего хотел. Губернатор непременно пожелал проводить своих посетителей до самого города. Итак, все трое сели в коляску и поехали по дороге, соединявшей резиденцию губернатора с Сеутой.

Воспользовавшись случаем, губернатор принялся превозносить достоинства маленькой колонии; он толковал об улучшениях, которые намерен внести в систему военного и гражданского управления, утверждал, что географическое положение древнего Авилы ничуть не хуже положения Кальпе на противоположной стороне пролива, уверял, что нетрудно превратить Сеуту в настоящий Гибралтар, столь же неприступный, как и английский, возмущался дерзкими высказываниями господина Форда, заявившего: «Сеута должна принадлежать Англии, ибо Испания не в состоянии ее укрепить и лишь с трудом может удержать», и негодовал на этих нахалов англичан, которым стоит высадиться в каком-нибудь месте, чтобы навеки там обосноваться. Впрочем, такая словоохотливость была вполне естественной для испанца.

— Но пусть они хорошенько подумают, прежде чем отважиться на захват Сеуты, — воскликнул губернатор, — и позаботятся лучше о том, чтобы сохранить за собой Гибралтар! У нас там есть некая гора, которая в один прекрасный день может свалиться им прямо на голову!

Доктор даже не поинтересовался, каким образом испанцы вызовут такую геологическую катастрофу, и не стал оспаривать утверждений губернатора, высказанных с горячностью истого идадьго, впрочем разговор был прерван внезапной остановкой. Кучеру пришлось сдержать лошадей, так как человек пятьдесят каторжников столпились на дороге.

Губернатор сделал знак бригадиру, и тот приблизился к экипажу, шагая по всем правилам военного устава. Затем, сдвинув пятки и приложив руку к козырьку, он вытянулся перед начальством.

Все остальные — каторжане и сторожа — расступились и выстроились по бокам дороги.

— Что случилось? — спросил губернатор.

— Ваше превосходительство, — ответил бригадир, — тут один арестант валяется у обочины. Он как будто бы спит, но мы никак не могли его разбудить.

— И давно он заснул?

— С час назад.

— И никак не может проснуться?

— Никак, ваше превосходительство. Он похож на мертвеца! Парня толкали, кололи, даже выстрелили из револьвера у самого его уха: он ничего не слышит, ничего не чувствует!

— Почему же вы не вызвали тюремного врача?

— Я послал за врачом, ваше превосходительство, но его не оказалось дома, а пока он не пришел, мы не знаем, что делать с этим человеком.

— Ну так отправьте его в больницу.

Бригадир собирался выполнить приказание губернатора, когда в разговор вмешался доктор Антекирт.

— Господин губернатор, — сказал он, — разрешите мне осмотреть этого человека, спящего непробудным сном. Мне, как врачу, интересно разобраться, в чем тут дело.

— Как вам будет угодно, — ответил губернатор. — А негодюю повезло: сам доктор Антекирт займется им!

Все трое вышли из коляски, и доктор подошел к человеку, распростертому у обочины дороги. Арестант, казалось, был без чувств. Прерывистое дыхание и частый пульс были единственными признаками жизни.

Доктор жестом попросил всех отойти. Затем наклонился над неподвижно лежащим человеком и сказал что-то шепотом, пристально глядя на него, точно хотел, чтобы его воля передалась спящему.

— Пустяки! — проговорил, наконец, доктор, выпрямляясь. — Это попросту гипнотический сон!

— Неужели? — воскликнул губернатор. — Вот любопытно! А вы можете разбудить арестанта?..

— Это очень просто! — ответил доктор. Он коснулся лба Карпены и, слегка приподняв ему веки, проговорил: — Проснитесь! Я вам приказываю!

Карпена шевельнулся, открыл глаза, но все еще находился в полусонном состоянии. Тогда доктор помахал рукой перед его лицом, чтобы освежить больного, и мало-помалу оцепенение прошло. Испанец встал и, не сознавая того, что с ним произошло, подошел к группе своих товарищей.

Губернатор, доктор и Петер Батори снова сели в коляску и направились к городу.

— А не был ли этот негодяй попросту пьян? — спросил губернатор.

— Не думаю, — ответил доктор, — это самое обычное проявление сомнамбулизма, вот и все.

— Но каким образом это случилось с ним?

— Понятия не имею, господин губернатор. Быть может, он вообще подвержен таким припадкам. Но теперь, когда он на ногах, от болезни не останется и следа!

Карета вскоре очутилась у крепостных стен Сеуты, въехала в город, пересекла его из конца в конец и остановилась на маленькой площади, расположенной над пристанью.

Доктор и губернатор распростились самым сердечным образом.

— Вот и «Феррато», — проговорил доктор, указывая на яхту, слегка покачивающуюся на волнах. — Вы не забудете, конечно, господин губернатор, что обещали позавтракать в воскресенье утром на борту моего судна?

— И вы тоже не должны забывать, доктор Антекирт, что обедаете у меня в то же воскресенье!

— Я не премину воспользоваться вашим любезным приглашением!

Они дружески расстались, но губернатор оставался

на пристани до тех пор, пока вельбот доктора не вышел из гавани в море.

Вернувшись на яхту, Петер спросил доктора, все ли получилось так, как он хотел.

— Да!.. — ответил доктор Антекирт. — В воскресенье вечером Карпена будет на борту «Феррато» с разрешения самого губернатора Сеуты!

В восемь часов вечера паровая яхта снялась с якоря и взяла курс на север. Вскоре гора Эль-Хорра, господствующая в этом месте над марокканским побережьем, исчезла в ночном тумане.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Эксперимент доктора

Путешественник, который сойдет на берег в Гибралтаре, ни за что не догадается, в каком пункте земного шара он находится, если только он не знал заранее, куда направляется привезший его корабль.

Он увидит прежде всего пристань и множество причалов, потом крепостную стену с бастионом и ничем не примечательными воротами, дальше неправильной формы площадь, зажатую между высокими казармами, которые уступами поднимаются по склону холма, и начало длинной, узкой, извилистой улицы, носящей название Мэйн-стрит.

На этой улице, мостовая которой остается сырой в любую погоду, царит неизменное оживление: носильщики, контрабандисты, чистильщики сапог, продавцы сигар и спичек толпятся здесь среди повозок, телег и тележек, груженных овощами и фруктами, взад и вперед снуют мальтийцы, марокканцы, испанцы, итальянцы, арабы, французы, португальцы, немцы. В этом космополитическом смешении народов можно встретить даже граждан Соединенного королевства, представленных по большей части пехотинцами в красных мундирах и артиллеристами в голубых куртках и кро-

хотных плоских шапочках, которые каким-то чудом держатся на одном ухе.

Новоприбывший находится, однако, в Гибралтаре, на Мэйн-стрит, пересекающей весь город от Морских ворот до ворот Аламеда. Отсюда дорога ведет к мысу Европа, в четырех с лишним километрах от города, минув нарядные виллы, склады со снарядами, артиллерийские батареи различных образцов и систем и проходя под сенью высоких деревьев, среди растительности всех поясов земного шара. Эти четыре километра приблизительно и составляют длину гибралтарского утеса, похожего на безголового дромадера, который лежит, скорчившись, на песках Сан-Рока, а хвост опустил в Средиземное море.

Огромный утес, высотой в четыреста двадцать пять метров, отвесно обрывается в сторону Испании и грозит ей своими пушками — «зубами старухи», как говорят испанцы. В крепости более семисот артиллерийских орудий, жерла которых выглядывают из бесчисленных бойниц. Двадцать тысяч жителей Гибралтара и шесть тысяч солдат его гарнизона обосновались на нижних уступах горы, омываемой водами залива, но на вершине древнего Кальпе все еще живут подлинные хозяева этой земли — знаменитые бесхвостые обезьяны «топос» из семейства четвероруких, издревле населяющие юг Испании. С вершины утеса, господствующего над проливом, виден весь марокканский берег. Средиземное море с одной стороны, Атлантический океан — с другой, а в английскую подзорную трубу можно обозревать горизонт на протяжении добрых двухсот километров, исследуя малейшие извилины побережья, что, впрочем, гарнизон и делает.

Если бы, по счастливой случайности, «Феррато» прибыл на гибралтарский рейд дня на два раньше, если бы между восходом и заходом солнца доктор Антекирт с Петером Батори высадились на маленькой пристани и, выйдя через Морские ворота на Мэйн-стрит, добрались до ворот Аламеда, а затем до великолепного парка, раскинувшегося слева по склонам холма, то весьма вероятно, события, рассказанные в этой

книге, приняли бы иной оборот и развязка, пожалуй, наступила бы быстрее.

В самом деле, девятнадцатого сентября, во второй половине дня, на одной из высоких деревянных скамеек английского парка, в тени прекрасных деревьев, сидели спиной к батареям рейда два человека и разговаривали, стараясь, чтобы никто их не слышал. Это были Саркани и Намир.

Читателям уже известно, что Саркани должен был встретиться с Намир в Сицилии в тот день, когда предпринято было нападение на «Каса Инглеза», закончившееся смертью Зироне. Предупрежденный во-время Саркани изменил план действий, и доктор напрасно прождал его целую неделю в Катании. А Намир, получившая приказание немедленно покинуть Сицилию, вернулась в Тетуан, где она тогда жила. Из Тетуана она и приехала в Гибралтар — место встречи, назначенное Саркани. Он же прибыл туда накануне и рассчитывал уехать на следующий день.

Намир, суровая сообщница Саркани, была предана ему душой и телом. Она воспитала его, как мать, в дуарах Триполитании и не покидала, даже когда он был маклером в Триполи и поддерживал тайные связи со страшной сектой сенуситов, грозившей захватить Антекирту, как об этом было сказано выше.

Намир, сосредоточившая на Саркани все свои чувства и помыслы, была привязана к нему гораздо сильнее, чем когда-то Зироне — друг, деливший с ним горести и радости. По одному знаку Саркани она совершила бы преступление и не колеблясь пошла бы на верную смерть. Итак, Саркани мог вполне положиться на Намир, и теперь он вызвал свою наперсницу в Гибралтар, чтобы поговорить с ней о Карпене, который после ареста стал для него очень опасен.

Это была их первая и единственная встреча со времени приезда Саркани в Гибралтар, разговор велся на арабском языке.

Прежде всего Саркани задал Намир вопрос, который оба сообщника, очевидно, считали наиболее важным, ибо от него зависело их будущее:

— Где Сава?

— Она в Тетуане, в надежном месте, — ответила Намир, — на этот счет ты можешь быть вполне спокоен!

— Ну, а в те дни, когда ты уезжаешь?..

— Когда я уезжаю, в доме остается преданная мне старая еврейка и сторожит ее днем и ночью! Этот дом — настоящая тюрьма, туда никто не проникнет! К тому же Сава не знает, что она в Тетуане, не знает, кто я, и даже не подозревает, что находится в твоей власти!

— Ты попрежнему говоришь с ней о замужестве?

— Да, Саркани, — ответила Намир. — Я все время приучаю ее к мысли, что она должна стать твоей женой, так оно и будет!

— Это необходимо, Намир, совершенно необходимо, тем более что от состояния Торонталья остались лишь крохи!.. Что поделаться, бедняге Силасу сильно не везет в игре!

— Ты не нуждаешься в нем, Саркани: скоро ты станешь много богаче, чем прежде!

— Знаю, Намир, но свадьба должна состояться не позже известного срока, и этот срок уже приближается! Нужно, чтобы Сава добровольно согласилась стать моей женой, иначе...

— Я заставлю ее подчиниться, — воскликнула Намир. — Да, я вырву у нее согласие!.. Можешь положиться на меня, Саркани!

При этих словах на лице марокканки появилось решительное и свирепое выражение.

— Прекрасно, Намир! — ответил Саркани. — Продолжай хорошенько ее стеречь! Скоро я приеду к вам!

— Не думаешь ли ты, что нам лучше покинуть Тетуан? — спросила марокканка.

— Нет, к чему это? Ведь там никто не знает Савы, да и знать не может! А если что-нибудь изменится, я тотчас же извещу тебя.

— Ну, а теперь скажи, Саркани, — спросила Намир, — зачем ты вызвал меня в Гибралтар?

— Видишь ли, есть вещи, о которых не стоит писать, и мне лучше переговорить с тобой с глазу на глаз.

— Говори, Саркани, я готова исполнить любое твое приказание.

— Выслушай же, как обстоят мои дела, — продолжал Саркани. — Госпожа Батори исчезла, ее сын умер! Итак, из всей этой семьи мне больше некого опасаться! Госпожа Торонталь умерла, а Сава теперь в моей власти! С этой стороны мне тоже ничто не грозит! Но есть другие люди, которым известны мои тайны: один из них Силас Торонталь, мой сообщник, всецело подчинился моему влиянию, а другой, Зироне, погиб в Сицилии. Ни тот, ни другой не станет, да и не может свидетельствовать против меня!

— Чего же ты боишься в таком случае? — спросила Намир.

— Я боюсь вмешательства только двух людей. Одному из них отчасти известно мое прошлое, ну а другой, повидимому, интересуется моими делами больше, чем следует.

— Первый — Карпена?.. — задала вопрос Намир.

— Да, — ответил Саркани, — а второй — доктор Антекирт. Его связи с семейством Батори в Рагузе мне всегда казались весьма подозрительными. Впрочем, я узнал от Бенито, трактирщика из Санта-Гротта, что Антекирт, этот богач-миллионер, подстроил западню Зироне с помощью некоего Пескадора, находящегося у него в услужении. Если он так поступил, то, конечно, лишь для того, чтобы похитить Зироне — меня-то он не захватит, руки коротки! — и вырвать у него нашу тайну!

— Это ясно, как день, — ответила Намир. — Вот почему тебе следует особенно остерегаться доктора Антекирта...

— И надо по возможности знать, что он делает, а главное, где находится.

— Это не так-то легко, Саркани, — возразила Намир. — Мне говорили в Рагузе, что доктор Антекирт нынче в одном конце Средиземного моря, а завтра в другом!

— Да, этот человек кажется прямо вездесущим! — воскликнул Саркани. — Но я не позволю ему вмешиваться в мою игру и сумею с ним разделаться, даже

если мне придется отправиться за ним на остров Антекирта...

— После свадьбы, — ответила Намир, — тебе ничего будет опасаться ни его, ни других!

— Безусловно... но покамест...

— А покамест надо быть начеку! К тому же у нас есть одно важное преимущество: мы всегда можем узнать, где находится доктор Антекирт, а он ничего не знает о нас! Поговорим теперь о Карпене. Почему ты боишься этого человека, Саркани?

— Карпена осведомлен о моих отношениях с Зироне! За последние годы испанец участвовал во многих набегах, к которым и я приложил руку, он может донести...

— Пусть так, но Карпена теперь в Сеуте, он осужден на вечную каторгу!

— Вот это меня и беспокоит, Намир! Карпена способен донести на меня, ведь таким путем он может улучшить свое положение, добиться кое-каких поблажек. Если мы знаем, что он сослан в Сеуту, другие тоже могут об этом узнать. Возьмем хотя бы Пескадора, который так ловко провел его в Мальте; этот человек знает Карпену в лицо. А через него доктор Антекирт всегда сумеет установить связь с испанцем! Он может купить у него тайну ценой золота, более того — помочь ему бежать с каторги! Право же, Намир, мне даже странно, что доктор до сих пор ничего не предпринял, это же напрашивается само собой!

Саркани — человек проницательный и хитрый — отлично разгадал намерения доктора относительно испанца и сообразил, чем это может ему самому грозить.

Намир пришлось согласиться, что в своем теперешнем положении Карпена мог стать чрезвычайно опасным.

— И почему только, — воскликнул Саркани, — почему Карпена не погиб вместо Зироне!

— Ну, если этого не случилось с ним в Сицилии, — холодно заметила Намир, — то вполне может случиться в Сеуте!

Вопрос был поставлен вполне ясно. Намир тут же стала объяснять Саркани, что ей ничего не стоит при-

ездить из Тетуана в Сеуту так часто, как это требуется. От одного города до другого не более двадцати миль. Тетуан находится несколько в стороне от сеутской колонии, к югу от марокканского побережья. Намир нетрудно будет установить связь с Карпеней, с которым она была знакома и раньше: ведь заключенные работают на дорогах, а некоторые даже свободно разгуливают по Сеуте. Она уверит испанца, что хочет помочь ему бежать, и даже передаст немного денег и кое-что из еды в добавление к скудному арестантскому пайку. Ну, а если окажется, что кусок хлеба или фрукты отравлены, кто будет волноваться из-за смерти Карпены и доискиваться ее причины?

На каторге одним негодяем станет меньше, вот и все; из-за этого губернатор Сеуты не перестанет спать по ночам! Зато Саркани не придется больше опасаться испанца, в тайны которого хотел бы проникнуть доктор Антекирт.

Результат этого разговора был следующий: в то время как доктор Антекирт и его друзья готовили побег Карпены, Саркани и Намир пытались воспрепятствовать ему, отправив Карпену в тот мир, откуда нет возврата!

Выработав план действий, Саркани и Намир вернулись в город и сейчас же расстались. Вечером Саркани уехал из Испании к своему сообщнику Силасу Торонталю, а на следующий день Намир, перебравшись на противоположный берег Гибралтарской бухты, села в Альхесирасе на пакетбот, совершавший регулярные рейсы между Европой и Африкой.

Но как раз в тот момент, когда пакетбот выходил из порта, ему встретилась яхта, пересекавшая бухту, чтобы бросить якорь в английских водах.

Это был «Феррато». Намир, видевшая яхту в Катании, сразу же узнала ее.

— Как, доктор Антекирт здесь! — прошептала она. — Саркани прав, нам грозит опасность, и она не за горами!

Через несколько часов марокканка высадилась в Сеуте. Но прежде чем вернуться в Тетуан, она постаралась установить связь с испанцем. План ее был

прост, и он должен был удалться, лишь бы хватило времени его осуществить.

Однако возникло осложнение, которого Намир никак не могла предвидеть. Воспользовавшись тем, что доктор Антекирт случайно освидетельствовал его при посещении Сеуты, Карпена сказался больным, и, хотя болезнь эта была мнимая, ему удалось лечь на несколько дней в тюремную больницу. Намир напрасно бродила по улицам, проникнуть в больницу ей так и не удалось. Одно ее утешало: если она не может видеть Карпену, то доктору Антекирту с друзьями это тоже недоступно. Итак, думала Намир, непосредственной опасности пока еще нет. Ведь побега Карпены нечего опасаться, пока он не работает на дорогах колонии.

Но Намир ошибалась. Доктору было как раз на руку, что Карпена в больнице, ибо это сулило успех его замыслам.

Вечером двадцать второго сентября «Феррато» бросил якорь в Гибралтарской бухте, открытой восточным и юго-западным ветрам. Яхта должна была пробыть в Гибралтаре всего один день — субботу двадцать третьего сентября. Высадившись утром на берег, доктор и Петер тотчас же отправились в почтовое отделение на Мэйн-стрит, где их ждали письма до востребования.

Одно из них, адресованное доктору Антекирту, было послано его агентом из Сицилии; этот человек писал, что со времени отплытия «Феррато» Саркани не появлялся ни в Катании, ни в Сиракузах, ни в Мессине.

Второе письмо, на имя Петра Батори, было от Пескада, он сообщал, что чувствует себя гораздо лучше и что рана его совершенно зарубцевалась. Как только доктор Антекирт пожелает, он сможет воспользоваться услугами обоих друзей. Матифу, этот провансальский Геркулес, прекрасно отдохнул и свидетельствует свое почтение доктору и Петеру Батори.

Наконец третье письмо, на имя Луиджи, было от Марии. Строки эти дышали глубокой нежностью, почти материнской любовью.

Если бы доктор и Петер Батори прибыли в Гибралтар на полтора дня раньше и вздумали прогуляться по его прекрасному парку, они, конечно, встретились бы там с Саркани и Намир.

Весь день двадцать третьего сентября пополняли запасы угля в бункерах «Феррато»: уголь доставляли на яхту с помощью грузовых габар, забиравших его с пловучих складов на рейде. Запаслись также пресной водой для котлов и для нужд экипажа, наполнив ею водяные цистерны. Все уже было готово к отплытию, когда, пообедав в отеле на Коммерческом бульваре, доктор и Петер вернулись на борт «Феррато». Как раз в ту минуту раздался пушечный выстрел, возвещавший о закрытии городских ворот. Надо сказать, что в Гибралтаре царит не менее суровая дисциплина, чем на норфолкской или кайенской каторге.

Однако в этот вечер «Феррато» не снялся с якоря. Такому быстроходному судну требовалось не более двух часов, чтобы пересечь пролив, и оно вышло в море лишь в восемь часов утра на следующий день «Феррато» миновал английские батареи, проводившие учебную стрельбу, и на всех парах направился к Сеуте, благополучно избежав падавших в воду снарядов, так как при виде яхты артиллеристы сообразовали изменить прицел. В половине десятого «Феррато» уже находился у подножия горы Эль-Хорра, но, так как ветер был северо-западный, яхта не бросила якорь на рейде, где останавливалась три дня тому назад. Капитан приказал отдать якорь с другой стороны города, в двух кабельтовых от берега, в прекрасно защищенной маленькой бухточке.

Через четверть часа доктор Антекирт высадился на берег. Подстерегавшая его Намир наблюдала за всеми маневрами паровой яхты. Доктор не мог узнать марокканки, так как видел ее лишь мельком ночью на базаре в Которе, зато Намир, часто встречавшая его в Гравозе и Рагузе, без труда узнала владельца паровой яхты. И она тут же решила неустанно следить за ним, пока он будет находиться в Сеуте.

На пристани доктора уже поджидал губернатор колонии со своим адъютантом.

— Здравствуйте, дорогой наш гость, добро пожаловать! — воскликнул губернатор. — Поистине вы человек слова! Теперь я не отпущу вас до вечера, а может, и дольше...

— Я к вашим услугам, господин губернатор, но сперва вы побываете на борту «Феррато». Не забудьте, что завтрак уже ждет вас!

— Если так, доктор Антекирт, то, право, невежливо заставлять его ждать!

Вельбот доставил на борт яхты доктора и гостей. Стол в кают-компании был роскошно сервирован, и все оказали честь разнообразным яствам.

Во время завтрака разговор шел главным образом об управлении колонией, о нравах и обычаях ее обитателей, о взаимоотношениях, установившихся между испанцами и коренными жителями Сеуты. Доктор упомянул как бы невзначай об осужденном, которого он разбудил от гипнотического сна два или три дня тому назад, возвращаясь из резиденции губернатора.

— Надо полагать, он ничего не помнит? — поинтересовался доктор Антекирт.

— Решительно ничего, — ответил губернатор, — но в настоящее время он не работает на строительстве дорог.

— Где же он находится? — спросил доктор, но никто, кроме Петера, не заметил овладевшего им беспокойства.

— Арестанта поместили в больницу, — не без иронии сказал губернатор. — Испытанное потрясение, повидимому, подорвало его драгоценное здоровье!

— Что это за человек?

— Испанец по имени Карпена. Он самый обыкновенный убийца, доктор Антекирт, и не заслуживает участия. Даже если бы он случайно умер, потеря для колонии была бы, право, невелика!

После этих слов губернатора доктор сразу переменил разговор. Ему, конечно, не следовало проявлять интерес к Карпене, тем более что после нескольких дней, проведенных в больнице, тот должен был вполне поправиться.

После завтрака перешли на палубу, где под натянутым тентом был подан кофе. Легкий дым сигар и сигарет рассеялся в воздухе. Тут доктор предложил без промедления отправиться на берег. Теперь он был к услугам губернатора и с удовольствием собирался осмотреть испанскую колонию и все ее учреждения.

Предложение доктора было принято. До обеда у губернатора оставалось достаточно времени, чтобы показать знатному гостю все достопримечательности Сеуты.

Доктора и Петера Батори добросовестно возили по всей колонии — по городу и его окрестностям. Их заставили посетить и тюрьму и казармы. В этот день было как раз воскресенье, заключенные отдыхали от работы, и доктор мог наблюдать их уже в других условиях. Карпену он нашел в больнице, но тот, повидимому, не обратил на посетителя ни малейшего внимания.

Доктор рассчитывал уехать в ту же ночь в Антекирту, проведя большую часть вечера у губернатора. Итак, около шести часов он явился в резиденцию, где его ждал прекрасно сервированный стол: губернатор явно не хотел остаться в долгу у своего гостя.

Само собой разумеется, что во время этой прогулки *intra et extra muros*¹ за доктором неотступно следила Намир, но он и не подозревал об этом.

Обед прошел очень весело. Губернатор пригласил к себе именитых горожан, несколько офицеров с женами и двух-трех богатых негоциантов, которые были очень польщены знакомством с доктором Антекиртом. Доктор охотно рассказал собравшимся о своих путешествиях, он прекрасно знал Восток, Сирию и Аравию, а также Северную Африку. Переведя затем разговор на Сеуту, он наговорил много любезностей губернатору, так умело управлявшему испанской колонией.

— Но мне кажется, — сказал он в заключение, — что надзор за арестантами должен доставлять вам немало хлопот!

¹ Внутри и вне стен (лат.)

— Но почему же, дорогой доктор?

— Да потому, что заключенные, конечно, пытаются бежать. А преимущество при этом на их стороне, ведь они упорно помышляют о побеге, тогда как сторожа не всегда проявляют должную бдительность. В общем, я ничуть не удивлюсь, если иногда на вечерней переключке вы недосчитываетесь кое-кого из каторжан.

— Этого никогда не случается, — возразил губернатор, — никогда! Да и куда им бежать? Море-то не переплывешь! А бродить среди местного полудикого населения далеко не безопасно! Вот почему наши заключенные преспокойно остаются в Сеуте. Не думаю, чтобы это доставляло им особое удовольствие, но так оно вернее!

— Могу только поздравить вас, господин губернатор, — сказал доктор. — Я опасаясь, однако, что в недалеком будущем вам станет очень трудно охранять заключенных.

— Но по какой причине? — спросил один из приглашенных; слова доктора задели его за живое, ибо он был начальником тюрьмы.

— Видите ли, сударь, — ответил доктор, — за последнее время сделаны огромные успехи в области изучения животного магнетизма; теперь всякий может овладеть методами внушения, случаи гипноза наблюдаются все чаще, и гипноз приводит к совершенному подчинению воли одного человека воле другого.

— Ну и что же?.. — спросил губернатор.

— А вот что: если до сих пор вы наблюдали только за осужденными, то теперь будет совсем не лишнее наблюдать и за сторожами. Я много путешествовал, господин губернатор, и мне пришлось быть свидетелем поистине необычайных случаев гипноза, по-моему, они граничат с чудом. В ваших же интересах советую вам не забывать следующее: не только заключенный может попытаться бежать, бессознательно подчинившись чужой воле, но, повинувшись внушению, сторож может так же бессознательно отпустить заключенного на свободу.

— Будьте же так любезны объяснить нам, в чем состоит это явление, — попросил начальник тюрьмы.

— С удовольствием, сударь, — ответил доктор. — Проще всего будет пояснить это на примере. Представьте себе, что какой-нибудь тюремный сторож по натуре своей склонен подчиняться гипнозу, или, иначе говоря, животному магнетизму; допустите на минуту, что гипнотическое влияние на него оказывает заключенный... В таком случае заключенный станет властителем сторожа, и тот сделает все, что ему будет приказано: пойдет куда велит и даже откроет дверь тюрьмы, если эта мысль будет ему внушена.

— Конечно, конечно, — сказал начальник тюрьмы, — но предварительно надо еще усыпить сторожа...

— Вы глубоко ошибаетесь, сударь, — возразил доктор. — Сторож может и не спать под гипнозом, и все же он сделает все, что ему прикажут, сам этого не сознавая!

— Вы так думаете?

— Да, я утверждаю, что заключенный может внушить сторожу: «В такой-то день и час ты сделаешь то, что я тебе приказываю», — и он это сделает! «Ты принесешь ключи от моей камеры», — и он их принесет! «Ты откроешь двери тюрьмы», — и он их откроет! «Я пройду мимо тебя и выберусь на волю, а ты меня не заметишь!»

— И сторож даже не будет спать?..

— Конечно нет!..

При этих словах доктора присутствующие с явным недоверием посмотрели на него.

— А между тем все это более чем достоверно, — заявил Петер Батори, — лично я был свидетелем такого рода фактов!

— Итак, по-вашему, — сказал губернатор, — благодаря силе внушения один человек может оказаться невидимым для другого?

— Совершенно невидимым, — подтвердил доктор. — А у некоторых субъектов можно настолько исказить восприятия органов чувств, что они примут соль за сахар, молоко за уксус или обыкновенную воду за слабительное, действие которого не замедлит сказаться! У человека, находящегося под гипнозом, могут

появиться какие угодно иллюзии, какие угодно галлюцинации!

— Мне кажется, я выражу общее мнение, доктор Антекирт, если скажу вам: такие вещи надо видеть собственными глазами, чтобы в них поверить! — воскликнул губернатор.

— Да и то, пожалуй, не поверишь!.. — присовокупил один из присутствующих.

— Как досадно, — продолжал губернатор, — что вы недолго пробудете в Сеуте и не успеете доказать нам это на опыте.

— Но... почему же? Я могу это сделать... — ответил доктор.

— Как, сию минуту?

— Да, если вам угодно!

— Еще бы! Говорите, приказывайте!

— Вы, конечно, не забыли, господин губернатор, что три дня назад один заключенный был найден крепко спящим на дороге. Я вам тогда еще сказал, это гипнотический сон.

— Как же, как же! — воскликнул начальник тюрьмы. — Этот человек находится сейчас в больнице.

— Вы помните также, что я разбудил его, в то время как все старания сторожей были напрасны.

— Совершенно верно.

— Так вот, после этого между мной и ссыльным... не знаю, как его зовут...

— Карпена.

— ...между мной и Карпеной возникла известная связь, и теперь он — в полной моей власти.

— Но для того чтобы эта власть проявилась, он должен быть здесь, перед вами?

— Вовсе нет!

— Как! Вот вы сейчас у меня в доме, а Карпена в больнице, и все же он поддается вашему внушению? — спросил губернатор.

— Да, и если вы прикажете выпустить Карпену на свободу, откроете перед ним двери больницы, а затем ворота тюрьмы, — знаете, что он сделает?

— Очень просто, он убежит! — смеясь, ответил губернатор.

Вслед за губернатором рассмеялись и все гости.

— Нет, господа, — серьезно проговорил доктор Антекирт. — Карпена убежит лишь в том случае, если я этого пожелаю. Помимо моей воли он ничего не делает.

— Ну, а что же вы ему внушите?

— Как только он выйдет из тюрьмы, я прикажу ему, например, направиться в вашу резиденцию, господин губернатор.

— И прийти в мой дом?

— Да, и, стоит мне пожелать, он будет настаивать на том, чтобы вы приняли его.

— Я?

— Да, если вы ничего не имеете против, ведь он будет беспрекословно повиноваться моей воле. А я могу внушить ему, что вы не губернатор, а другое лицо... ну, скажем... король Альфонс Двенадцатый.

— Его величество король Испании?

— Да, господин губернатор, и он попросит вас...

— О помиловании?

— Да, о помиловании и, кроме того, если вы ничего не имеете против, о награждении его крестом Изабеллы!

Слова доктора были встречены новым взрывом смеха.

— И заключенный не будет спать, проделывая все это? — спросил начальник тюрьмы.

— Нет, конечно, сна у него не будет ни в одном глазу, как и у нас с вами!

— Но... это просто невозможно, невероятно! — воскликнул губернатор.

— Сделайте опыт!.. Прикажите предоставить Карпене полную свободу действий!.. А из предосторожности велите, чтобы один или два полицейских издали следовали за арестантом после того, как он выйдет из ворот тюрьмы... Поверьте, он сделает все, что я вам сказал!

— Решено, а когда вы хотите...

— Скоро восемь часов, — ответил доктор, взглянув на часы. — Ну что же, в девять часов?

— Хорошо, а после эксперимента...

— После эксперимента Карпена преспокойно вернется в больницу, не сохранив ни малейшего воспоминания о том, что с ним случилось. Повторяю вам, — и это единственно возможное объяснение, — Карпена будет действовать в состоянии гипноза, и в сущности не он все это сделает, а я!

Губернатор, явно не веривший в гипноз, написал записку смотрителю тюрьмы, приказав ему выпустить на свободу заключенного Карпену, но все же учредить за ним слежку. Записку вручили одному из всадников конной стражи, который тут же отвез ее по назначению.

После обеда гости встали из-за стола и по приглашению губернатора перешли в гостиную.

Разговор попрежнему вертелся вокруг различных явлений животного магнетизма, или гипноза, которые дают поводы к таким горячим спорам между людьми, верящими в них, и неисправимыми скептиками. Воздух наполнился дымом сигар и сигарет, которыми не пренебрегают даже прелестные испанки, подали кофе, а доктор Антекирт все продолжал говорить о гипнозе, приводя очевидные, неопровержимые факты, случившиеся на его глазах, но они, повидимому, никого не убеждали.

Доктор добавил, что возможность гипноза должна бы серьезно волновать законодателей, криминалистов и судей, ибо внушением можно воспользоваться также в преступных целях. Кроме того, во многих случаях будет почти невозможно установить, кто совершил преступление.

Вдруг без двадцати семи минут девять доктор прервал свой рассказ, заявив:

— Карпена как раз покидает больницу! — И через минуту добавил: — Он только что вышел из ворот тюрьмы!

Тон, которым были произнесены эти слова, произвел сильное впечатление на гостей. Только губернатор продолжал недоверчиво покачивать головой.

Все опять заговорили, перебивая друг друга, иные опровергали мнение доктора, а другие соглашались

с ним, когда без пяти минут девять доктор опять заявил:

— Карпена сейчас стоит у дверей губернаторского дома.

Почти тотчас же в гостиную вошел слуга и доложил губернатору, что какой-то человек в арестантском платье желает с ним говорить.

— Впустите его, — сказал губернатор, готовый отказать от своего скептицизма перед столь очевидными фактами.

Было как раз девять часов, когда Карпена появился на пороге гостиной. Видимо, не замечая никого из присутствующих, — хотя глаза у него были широко открыты, — он направился прямо к губернатору и упал перед ним на колени.

— Ваше величество, — проговорил он, — прошу вас о помиловании!

Губернатор был так поражен, словно перед ним появилось привидение, он даже не знал, что отвечать.

— Вы смело можете помиловать этого человека, — сказал, улыбаясь, доктор, — он не сохранит ни малейшего воспоминания о том, что здесь произошло!

— Я милую тебя! — ответил губернатор с достоинством настоящего короля Испании.

— Не откажите мне еще в одной милости, ваше величество, — продолжал все еще коленопреклоненный Карпена, — пожалуйста меня крестом Изабеллы...

— Жалую тебя крестом Изабеллы!

Карпена протянул руку, взял воображаемый крест из рук губернатора, приколол его к своей куртке, встал и, пятась, вышел из комнаты.

Гости, пораженные всем происшедшим, проводили его до парадного входа.

— Я хочу пойти вслед за ним, хочу видеть, как он вернется в больницу! — воскликнул губернатор, который все еще боролся с собой, не желая сдаваться перед очевидностью.

— Идемте! — предложил доктор.

Губернатор, Петер Батори, доктор Антекирт и несколько человек гостей направились за Карпеной по дороге в город. Намир, неустанно следившая за

заключенным с тех пор, как он вышел из ворот тюрьмы, продолжала наблюдать за ним, крадучись в темноте.

Ночь была довольно темная. Испанец шел ровным, твердым шагом. Губернатор и сопровождающие его лица следовали за ним на расстоянии каких-нибудь тридцати шагов вместе с полицейскими, получившими приказ не терять из виду заключенного.

Не доходя до города, дорога огибает небольшую бухточку, где находится второй сеутский порт. На черной глади воды трепетали разноцветные блики. Это было отражение сигнальных огней «Феррато», очертания которого смутно выступали в темноте, отчего корабль казался гораздо больше, чем на самом деле.

Дойдя до этого места, Карпена сошел с дороги и повернул направо к причудливому нагромождению скал, которые вздымались футов на двенадцать над поверхностью моря. Повидимому, никем не замеченный жест доктора или мысленно переданное им приказание заставили испанца изменить путь.

Полицейские хотели было ускорить шаг, чтобы догнать Карпену и отправить его в больницу, но губернатор приказал им не вмешиваться, зная, что побег заключенного невозможен.

Между тем Карпена остановился на вершине скалы точно под влиянием какой-то неодолимой силы. Пожелай он поднять ногу или сделать хотя бы один шаг, это оказалось бы для него невозможным. Воля доктора, которой он всецело подчинился, приковала его к земле.

Губернатор, наблюдавший за заключенным, проговорил, обращаясь к доктору Антекирту:

— Да, дорогой доктор, приходится волей-неволей сдаться перед очевидностью!

— Вы убедились, что я прав, господин губернатор, вполне убедились?

— Да, я убедился, что существуют явления, в которые надо верить слепо, не рассуждая! А теперь, доктор Антекирт, внушите этому человеку, что он должен немедленно вернуться в тюрьму! Альфонс Двенадцатый приказывает вам это!

Не успел губернатор произнести последних слов, как Карпена, даже не вскрикнув, бросился с вершины скалы в воду. Был ли это несчастный случай, самоубийство, или же преступник на мгновение освободился из-под власти доктора? Неизвестно.

Все тотчас же поспешили к месту происшествия, а полицейские сбежали вниз, чтобы осмотреть узкий песчаный берег, окаймлявший бухточку... Карпена исчез бесследно. Спешно приплыли несколько рыбаков на своих лодках, спустили шлюпки и с паровой яхты... Все было напрасно! Не нашли даже труп заключенного: очевидно, течением его унесло в открытое море.

— Я очень сожалею, господин губернатор, что наш опыт окончился так трагически, — сказал доктор Антекирт, — но, право же, этого никак нельзя было ожидать!

— Как же вы объясните то, что случилось? — спросил губернатор.

— Очевидно, в области гипнотических явлений, которые вы теперь никак не можете отрицать, есть еще много неизученного, непонятного. Бесспорно одно: этот человек на мгновение ускользнул из-под моей власти и упал с высоты этих скал либо оттого, что закружилась голова, либо по какой-нибудь другой причине! Все же это очень досадно, так как мы потеряли ценный объект для наблюдений!

— Мы потеряли лишь негодяя, вот и все, — с философским спокойствием ответил губернатор.

Такова была надгробная речь, которой удостоился Карпена.

Доктор и Петер Батори тут же простились с губернатором: еще до восхода солнца яхта должна была сняться с якоря и направиться в Антекирту. Оба горячо поблагодарили полковника Гиарре за любезный прием, оказанный им в испанской колонии.

Пожимая руку доктора, губернатор пожелал ему счастливого плавания, взял с него слово, что он опять навестит Сеуту, и вернулся в свою резиденцию.

Быть может, читатели найдут, что доктор Антекирт несколько злоупотребил доверчивостью губернатора Сеуты. Пусть так. Можно критиковать, можно

даже осуждать его поведение, но не следует забывать, какому великому делу посвятил свою жизнь граф Матиас Шандор. Не лишнее вспомнить и то, что он сказал однажды: «Тысяча дорог... к одной цели!»

Все случившееся в этот день и было одной из «тысячи дорог».

Через несколько минут шлюпка с «Феррато» доставила доктора и Петера Батори на борт судна. Луиджи уже ждал их у сходни.

— Где этот человек? — спросил доктор.

— Согласно вашему приказанию, — ответил Луиджи, — наша шлюпка, курсировавшая у подножия скал, подобрала его, как только он упал в воду. Я велел отнести его в носовую каюту.

— Он ничего не сказал? — спросил Петер.

— Да как он может говорить? Он спит, и его никак не добудишься!

— Отлично! — сказал доктор. — Я хотел, чтобы Карпена упал с высоты этих скал, и он упал!.. Я хотел, чтобы он заснул, и он спит!.. Когда я захочу, чтобы он проснулся, он проснется!.. А теперь, Луиджи, прикажите сниматься с якоря, и в путь!

Пары уже были подняты, приготовления к отплытию быстро закончили, и через несколько минут «Феррато» вышел в открытое море и взял курс на остров Антекирту.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Семнадцать раз

— Семнадцать раз?..

— Семнадцать!

— Да, да! Красное вышло семнадцать раз подряд!

— Возможно ли?

— Возможно или нет, но это так!

— Неужели игроки все время упорно ставили на черное?

— Банк выиграл более девятисот тысяч франков.

— Семнадцать раз!.. Семнадцать раз!..

— В рулетку или в «тридцать и сорок»?

— В «тридцать и сорок»!

— Этого не бывало целых пятнадцать лет!

— Пятнадцать лет, три месяца и две недели! — холодно заметил завсегдатай рулетки, принадлежавший к почтенной категории дотла разорившихся игроков. — И вот что любопытно, сударь, то же самое случилось в тысяча восемьсот шестьдесят седьмом году... в разгар лета. Мне ли не помнить этого дня!

Такие восклицания раздавались в холле и даже под колоннадой Клуба иностранцев в Монте-Карло вечером третьего октября, ровно через неделю после исчезновения Карпены с сеутской каторги.

В толпе игроков стоял гул восторженных голосов. Мужчины и женщины всех национальностей, старые и молодые, богатые и бедные, готовы были чествовать «красное», как лошадь, взявшую первый приз на скачках в Лоншане или Эпсоме! Поистине «серия семнадцати» приобрела в глазах этого разношерстного сброда, ежедневно пополняемого новоприбывшими из Старого и Нового Света, значение крупного политического события, нарушившего равновесие Европы.

Выигрыш «красного» при совершенно непонятном упрямстве игроков, повидимому, многим принес разорение, ибо сумма, полученная банком, была весьма значительна. «Около миллиона», — перешептывались в толпе. Это объяснялось тем, что почти все игроки упорствовали в борьбе с неудачей, продолжая ставить на «черное».

Двое иностранцев отдали исключительную дань тому, что рыцари зеленого стола называют «невезением». Первый казался спокойным и сдержанным, хотя его побледневшее лицо хранило следы пережитых волнений, у второго был вид безумца или самоубийцы: растрепанные волосы, перекошенное лицо, блуждающий взгляд. Они сошли со ступеней колоннады, направились в сторону тира, где стреляют по голубям, и скоро исчезли в темноте.

— Эта проклятая серия обошлась нам более четырехсот тысяч франков! — воскликнул старший из игроков.

— Точнее четыреста тринадцать тысяч! — поправил младший тоном кассира, подсчитывающего крупную сумму.

— И теперь у меня осталось каких-нибудь двести тысяч франков... да и того меньше! — продолжал первый игрок.

— Всего-навсего сто девяносто семь, — уточнил второй с невозмутимым спокойствием.

— Да!.. И это из двух миллионов, которые у меня были, когда вы силой увлекли меня за собой!

— Из одного миллиона семисот семидесяти пяти тысяч франков!

— И это за какие-нибудь два месяца...

— За один месяц и шестнадцать дней!

— Саркани!.. — воскликнул старший из игроков, выведенный из терпения хладнокровием спутника и его насмешливой манерой уточнять цифры.

— В чем дело, Силас?

Действительно, этот разговор происходил между Силасом Торонталем и Саркани. Со времени своего отъезда из Рагузы, три месяца назад, оба сообщника дошли почти до полного разорения. Промотав все деньги, полученные им в награду за подлость, Саркани приехал за Силасом Торонталем в Рагузу. Затем они покинули город вместе с Савой. Под влиянием Саркани Силас Торонталь увлекся игрой и с головой ушел в развлечение, что в скором времени пагубно отразилось на его громадном состоянии. Впрочем, Саркани нетрудно было превратить сообщника в отчаянного игрока — завсегдатая клубов, а затем и притонов, так как бывший банкир, авантюрист по натуре, не раз рисковал своим положением, участвуя в различных финансовых операциях, где все зависело от случая.

Да и мог ли сопротивляться Силас Торонталь? Не находился ли он всецело во власти бывшего триполитанского маклера? А когда у банкира бывали вспышки гнева, Саркани властно, неумолимо подавлял их; к тому же незадачливый игрок так низко пал, что уже не имел сил подняться. Саркани больше не беспокоили попытки сообщника стряхнуть с себя ненавистное иго,

и со свойственной ему резкостью и железной логикой он тут же ставил Силаса Торонталья на место.

Покинув Рагузу при обстоятельствах, о которых читатели, конечно, не забыли, сообщники первым делом постарались спрятать Саву в надежном месте и поручили Намир сторожить ее. Теперь, когда Сава находилась в Тетуане, на окраине марокканских владений, разыскать ее было бы трудно, пожалуй, даже невозможно. Безжалостная наперсница Саркани обязалась побороть твердую решимость девушки и вырвать у нее согласие на брак с ним. До сих пор Сава упорно противилась этому браку: она испытывала непреодолимое отвращение к Саркани и никак не могла забыть Петера. Но надолго ли хватит у нее сил?

Между тем Саркани увлек своего спутника в водоворот игры, хоть и оставил там все свое состояние. Силас Торонталь всюду покорно следовал за Саркани, они побывали во Франции, в Италии, в Германии, во всех крупных городах, где процветают азартные игры, на бирже, на скачках, в столичных клубах, на минеральных водах, на морских курортах, и вскоре от огромного состояния банкира осталось лишь несколько сот тысяч франков. Силас Торонталь рисковал собственными деньгами, Саркани — деньгами сообщника, и они еще быстрее катились по наклонной плоскости, приближаясь к полному разорению. К тому же партнеры явно оказались в полосе «невезения» (слово, которым игроки обозначают собственную чудовищную глупость), и, несмотря на все их старания, счастье так и не поворачивалось к ним лицом. В конце концов они проиграли большую часть миллионов, полученных за предательство графа Матиаса Шандора. Пришлось пустить в продажу особняк Торонталья на улице Страдоне в Рагузе.

Устав от сомнительных притонов, где традиционный выкрик крупье: «Игра назначена» — звучит на греческом языке, сообщники решили, наконец, поискать счастья в более «честных» играх — рулетке и «тридцать и сорок». Если они опять проиграют, то теперь придется пенять лишь на себя и на свое упорство в борьбе против злой судьбы.

Вот почему оба партнера уже три недели подвизались в Монте-Карло, где целыми днями просиживали у игорных столов. Они прибегали к различным и всегда неудачным ходам, увеличивали в определенной пропорции ставки, наблюдали за вращением колеса рулетки, когда в конце вечера рука крупье начинает дрожать от усталости, ставили деньги на максимальное количество номеров, которые так и не выходили, прибегали к простым и сложным комбинациям, прислушивались к советам промотавших свое состояние игроков, этих глубоких знатоков рулетки, — словом, пользовались всякими дурацкими системами и талисманами, вера в которые превращает игрока в ребенка, еще не научившегося рассуждать, или в идиота, навсегда потерявшего эту способность. И хотя бы игроки рисковали только деньгами! Но нет, они растрачивают свои душевные силы, изобретая нелепые комбинации, и роняют собственное достоинство, поневоле вращаясь в сомнительном обществе посетителей казино.

После этого вечера, увековеченного в летописях Монте-Карло, когда оба игрока упорно боролись против «красного», семнадцать раз подряд выходившего в «тридцать и сорок», у них осталось менее двухсот тысяч франков. Если так будет продолжаться, им вскоре грозит нищета.

Правда, сообщники дошли почти до полного разорения, но еще не потеряли рассудка. Пока они беседовали на террасе, по саду мимо них пробежал отчаявшийся игрок, дико вопя:

— Оно все вертится!.. Вертится!

Бедняга воображал, что поставил деньги на счастливый номер, а колесо рулетки никак не может остановиться в своем фантастическом движении и не остановится до скончания веков!.. Эта мысль и свела его с ума.

— Ну как, успокоились вы, наконец, Силас? — спросил Саркани своего спутника, который никак не мог прийти в себя. — Ну разве не поучителен пример этого безумца? Никогда не следует терять голову!.. Мы проиграли, это правда, но счастье вернется, оно должно вернуться, даже без всяких усилий с нашей сторо-

ны!.. Только не надо бороться против неудачи!.. Это опасно, да и бесполезно!.. Если нам не везет, поправить дело все равно не удастся, но зато, стоит улыбнуться счастьем, и его уже ничто не спугнет! Подождем, пока оно вернется, и тогда смело продолжим игру!

Слушал ли Силас Торонталь эти советы, нелепые, как и все советы, какие даются в азартной игре? Нет, не слушал. Он был слишком подавлен и думал только об одном: надо вырваться из-под власти Саркани и бежать, бежать возможно дальше, чтобы уйти от своего прошлого! Но решимость недолго владела душой этого опустившегося и слабого человека. К тому же сообщник неусыпно следил за ним. Прежде чем бросить Торонталь на произвол судьбы, Саркани должен был жениться на Саве. Потом он отделается от бывшего банкира, забудет о нем, более того — даже никогда не вспомнит, что этот слабовольный человек жил на свете и что их связывали когда-то деловые узы! А до тех пор он не выпустит Торонталь из рук!

— Послушайте, Силас, — заговорил опять Саркани, — нам чертовски не везло сегодня, и счастье непременно должно вернуться!.. Вот увидите, завтра оно нам улыбнется!

— А если я потеряю последнее, что у меня осталось? — возразил Силас Торонталь, тщетно боровшийся с желанием последовать этим пагубным советам.

— У нас еще есть Сава Торонталь! — горячо возразил Саркани. — Это главный козырь в нашей игре, и такой, который никогда не будет бит!

— Да, завтра!.. Завтра!.. — пробормотал банкир, который находился в том состоянии, когда игрок готов рискнуть собственной головой.

Оба сообщника вернулись в отель, стоявший на полдороге между Монте-Карло и Кондамином.

Монакский порт, ограниченный с одной стороны мысом Фочинана, а с другой — фортом Антония, представляет собой бухту, открытую северо-восточным и юго-восточным ветрам. В глубине бухты на плоскогорье раскинулась столица Монакского государства, а на возвышенности, у подножия великолепной горы

Ажель, расположились отели, виллы и знаменитый игорный дом.. С вершины этой горы, в тысячу сто метров высотой, открывается чудесная панорама лигурийского побережья. Миниатюрная столица Монако, в которой насчитывается тысяча двести жителей, напоминает дорогой сервиз, расставленный на плоском, похожем на стол, монакском утесе, с трех сторон омываемом морем. Дома ее утопают в зелени пальм, эвкалиптов, фиговых, гранатовых, апельсиновых, лимонных и мастиковых деревьев, прячутся среди древовидных кустов герани, алоэ, мирт и клещевины, растущих в живописнейшем беспорядке.

По другую сторону бухты, как раз напротив монакской столицы, стоит Монте-Карло, привлекая взор причудливым нагромождением домов, выросших на каждом пригорке, лабиринтом узких, крутых, зигзагообразных улочек, которые карабкаются до горной дороги Корниш, пестрыми квадратами садов и парков, где круглый год благоухают цветы, кокетливыми коттеджами и виллами самой разнообразной архитектуры, спускающимися к прозрачным водам этого средиземноморского залива.

Между Монако и Монте-Карло в глубине бухты приютился третий город — Кондамин, он начинается у самого берега и тянется до конца извилистой долины, рассекающей горную цепь.

Вправо высится величественная вершина, прозванная «Собачьей головой» — название вполне оправданное, если смотреть на нее со стороны моря. На этой горе, высотой в пятьсот сорок два метра, в наши дни стоит крепость, которая по праву считает себя неприступной и имеет честь принадлежать Франции. Здесь проходит граница монакских владений.

Из Кондамина в Монте-Карло экипажи поднимаются по превосходной пологой дороге, вдоль которой выстроились частные дома и отели; в одном из них и остановился Саркани с Силасом Торонталем. Из их окон открывался прекрасный вид на Кондамин, Монако и «Собачью голову», напоминающую сфинкса ливийской пустыни, о чем-то вопрошающего волны Средиземного моря.

Саркани и Силас Торонталь удалились каждый в свою комнату и стали обдумывать случившееся. Неужели судьба, приковавшая их друг к другу пятнадцать лет тому назад, теперь разъединит их?

Войдя к себе в спальню, Саркани заметил прежде всего письмо из Тетуана и тут же разорвал конверт.

Письмо было от Намир. Она сообщала вкратце важные новости: во-первых, о смерти Карпены, утонувшего при довольно странных обстоятельствах в гавани Сеуты, а во-вторых, о появлении доктора Антекирта на марокканском побережье, о его встречах с испанцем и почти мгновенном исчезновении.

Прочитав эти строки, Саркани распахнул окно. Опершись на подоконник, он стал размышлять, смотря вдаль невидящим взглядом.

«Карпена утонул?.. Это как нельзя более кстати!.. Теперь все тайны погребены вместе с ним!.. В этом отношении я спокоен! Опасаться больше нечего!»

Затем он перешел ко второй части письма:

«Появление доктора Антекирта в Сеуте — вещь неприятная. Что это за человек? Мне в сущности нет до него дела, но с некоторых пор он становится мне поперек дороги. В Рагузе — его сношения с семейством Батори!.. В Катании — западня, которую он поставил Зироне!.. В Сеуте — его вмешательство, стоившее жизни Карпене!.. От Сеуты недалеко и до Тетуана, но вряд ли он туда отправился и открыл убежище Савы! Для меня это был бы ужасный удар, и мы еще от него не застрахованы... Посмотрим, нельзя ли что-нибудь предпринять теперь же, не мешкая! Скоро секта сенуситов будет хозяйничать во всей Киренаике. Ее приверженцам надо лишь переплыть залив, чтобы напасть на остров Антекирту!.. А что, если их подстрекнуть?.. Мне это ничего не стоит...»

Очевидно, на горизонте Саркани было немало черных туч. Он шаг за шагом подвигался к своей мрачной цели, и вот она уже близка, до нее рукой подать, но именно в этих условиях малейший камень преткновения мог повергнуть наземь негодяя, и у него, возможно, уже не хватило бы сил подняться. Между тем Саркани беспокоило не только вмешательство в его

дела доктора Антекирта, но и теперешнее положение Силаса Торонталя.

«Да, — размышлял он, — мы с ним приперты к стене. Завтра мы поставим на карту все, что у нас осталось... Мы сорвем банк, или сами взлетим на воздух!.. Если бы я разорился один, то сумел бы вновь подняться на ноги! Но Силас — другое дело! Он станет опасен, когда разорится, может выдать меня, раскрыть тайну, на которой зиждется все мое будущее! До сих пор он был в моей власти, теперь роли могут перемениться!»

Саркани правильно оценивал создавшееся положение. Ему была хорошо известна моральная неустойчивость сообщника. Он сам давал ему прежде советы: Силас Торонталь не преминет ими воспользоваться, когда ему уже нечего будет терять.

«Что делать?» — спрашивал себя Саркани и, углубившись в размышления, не видел того, что происходило у входа в монахскую гавань, недалеко от отеля.

На расстоянии полукабельтова от берега по морю скользило длинное веретенообразное судно без трубы и мачты, корпус которого выступал из воды на два-три фута. Приблизившись к мысу Фочинана, а именно к тому месту, над которым расположена площадка, где посетители Монте-Карло стреляют по голубям, судно бросило якорь в спокойных водах бухты, защищенной от морского прибоя. Тогда от его борта отделился легкий стальной ялик, который до сих пор в темноте сливался с кораблем. В ялике находилось трое людей. Несколько взмахов весел, и они пристали к маленькому пляжу, двое спрыгнули на берег, а третий вернулся в ялик на корабль. Вслед за тем таинственное судно бесследно исчезло во мраке; ничто не выдавало его присутствия в этих водах — ни вспышка света, ни шум.

Двое людей, сошедших на берег, пересекли пляж, направились вдоль прибрежных скал в сторону железнодорожной станции и стали подниматься по авеню Спелюг, огибающему парк Монте-Карло.

Саркани ничего не заметил. В эту минуту он мысленно был далеко от Монако, в Тетуане... Но он видел себя там не одного: сообщник принужден был последовать за ним.

«Неужели Силас возьмет верх надо мной!.. — повторял он. — Ведь ему достаточно одного слова, чтобы помешать мне достигнуть цели!.. Нет, этому не бывать никогда!.. Если завтра рулетка не вернет нам всего, что отняла, я заставлю его последовать за мной... Да!.. Мы вместе поедem в Тетуан, а там, на марокканской земле, кто станет беспокоиться об исчезновении Силаса Торонталья!»

Как известно, Саркани был не робкого десятка. Он, конечно, не остановится перед новым преступлением, особенно если совершить его не составит труда, ведь все будет благоприятствовать негодяю: обстоятельства, отдаленность страны, дикость ее населения и невозможность найти виновного.

Выработав план действий, Саркани закрыл окно, лег в постель и тотчас же уснул сном человека, которому неведомы угрызения совести.

Иначе чувствовал себя Силас Торонталь. Банкир провел ужасную ночь. Что осталось от его бывшего состояния? Каких-нибудь двести тысяч франков, уцелевших от игры, да и те уже не принадлежат ему! Завтра он все поставит на карту! Этого хотел его сообщник, этого хотел он сам. Разум его ослабел, Торонталь устал от фантастических расчетов и потерял способность спокойно и трезво рассуждать. Банкир уже не мог — по крайней мере в эту минуту — осознать свое положение, как это сделал Саркани. Он не понимал, что роли переменились и теперь тот, кто так долго властвовал над ним, сам находится у него в руках. Он предвидел неминуемое разорение и думал лишь о завтрашнем дне. Да, завтра он либо разбогатеет, либо впадет в нищету.

Так провели эту ночь Саркани и Торонталь. Если один крепко проспал несколько часов, то другой промучился до утра, борясь с бессонницей.

На другой день, около десяти часов утра, Саркани зашел к Силасу Торонталью. Банкир сидел за

столом и упрямо исписывал цифрами и формулами страницы своей записной книжки.

— Ну как, Силас, — спросил его Саркани беззаботным тоном человека, не придающего значения превратностям судьбы, — чему вы отдали предпочтение во сне — красному или черному?

— Я не спал ни одной минуты! Даже глаз не сомкнул! — ответил банкир.

— Тем хуже, Силас, тем хуже для вас!.. Сегодня мы должны держать себя в руках, и несколько часов отдыха вам бы не помешали! Взгляните на меня! Спал я немного и все же чувствую себя достаточно бодро, чтобы сразиться с фортуной. Ведь что там ни говори, а фортуна — женщина и любит людей, способных властвовать над ней!

— Однако она нам изменила!

— Ба!.. Простой каприз!.. Каприз пройдет, и фортуна улыбнется нам!

Силас Торонталь ничего не ответил. Да и слышал ли он то, что говорил Саркани? Во всяком случае, он не отрывал глаз от листка записной книжки, покрытого никому не нужными формулами.

— Что вы тут пишете? — спросил Саркани. — Что это, выкладки, ставки?.. Черт возьми!.. Вы, право же, больны, дорогой Силас!.. Случай не подчиняется расчетам, а ведь только случай решит сегодня нашу судьбу!

— Вы правы! — ответил Силас Торонталь, пряча записную книжку.

— В этом нет никакого сомнения, Силас!.. Я знаю способ руководить случаем, — добавил иронически Саркани. — Но для этого требуется специальное образование, а мы с вами хромаем на этот счет! Итак, давайте вверим свою судьбу случаю!.. Вчера повезло банку! Возможно, сегодня счастье отвернется от него!.. А если так, Силас, мы вернем все, что потеряли!

— Все!..

— Да, все, Силас! Только не надо падать духом. Наоборот. Побольше смелости и хладнокровия!

— А вдруг сегодня вечером мы окончательно разоримся? — спросил Силас, глядя в упор на Саркани.

— Ну что же, мы уедем из Монако!

— Но куда?.. — воскликнул Силас Торонталь. — Да будет проклят тот день, когда я познакомился с вами, Саркани, тот день, когда я воспользовался вашими услугами!.. Не будь вас, я никогда не пал бы так низко!

— Ваши упреки несколько запоздали, милейший! — иронически заметил Саркани. — Право же, некрасиво обвинять человека, услугами которого вы успели воспользоваться.

— Берегитесь! — крикнул банкир.

— Я и так берегусь! — пробормотал Саркани.

Эта угроза Силаса Торонталья еще больше укрепила Саркани в намерении отделаться от сообщника.

— Ну, не будем ссориться, дорогой Силас, — сказал он громко, — к чему это? Споры возбуждают нервы, а сегодня мы не должны нервничать!.. Берите пример с меня: верьте в судьбу и не отчаивайтесь!.. Если нас опять постигнет неудача, не забудьте, что миллионы ждут нас в другом месте, ведь вы тоже получите свою долю этих богатств!

— Да!.. Да!.. Я должен отыграться! — твердо сказал Силас Торонталь, в котором вновь пробудился азарт. — Да, банку слишком уж везло вчера, и сегодня вечером...

— Сегодня вечером мы будем богаты, очень богаты! — воскликнул Саркани. — Я вам это обещаю, Силас, но теперь мы уже не потеряем своего выигрыша! Однако что бы там ни было, а завтра мы покинем Монте-Карло! Мы уедем...

— Куда?

— В Тетуан, и сыграем там последнюю партию, на этот раз беспроигрышную! Да, беспроигрышную!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Последняя ставка

Клуб иностранцев, обычно называемый казино, открывался в одиннадцать часов утра. Игроков было мало, но рулетка уже начала функционировать.

Столы были установлены в строго горизонтальном положении. Малейший наклон их поверхности мог бы повлиять на движение шарика, брошенного на вращающееся колесо рулетки, а игроки воспользовались бы этим в ущерб банку.

На каждом из шести столов, где играли в рулетку, лежало по шестидесяти тысяч франков золотом и ассигнациями, на каждом из двух столов, где велась карточная игра «тридцать и сорок», — по сто пятьдесят тысяч. Это была обычная ставка банка до открытия сезона, и администрации редко приходилось возобновлять ее. Ведь банк всегда остается в выигрыше, взяв хотя бы выход нуля в рулетке и рефет в игре «тридцать и сорок». Таким образом, азартная игра не только безнравственна сама по себе, но еще и бессмысленна, так как шансы в ней не равны.

Вокруг столов рулетки уже стояло по восемь крупье с лопаточками в руках. Около них теснились игроки и зрители. По залам расхаживали инспектора, наблюдавшие как за крупье, так и за игроками, а лакеи неслышно прислуживали гостям и служащим, которых насчитывается в казино не менее ста пятидесяти человек.

Около полудня поезд, прибывший из Ниццы, привез новую партию игроков, среди которых находилось немало завсегдатаев казино. В этот день пассажиров было, пожалуй, больше обычного: серия семнадцати красных произвела сильное впечатление. Это был как бы новый аттракцион, и все те, кто живет азартной игрой, собрались в казино, чтобы, затаив дыхание, следить за всеми перипетиями битвы за зелеными столами.

Через час все залы уже были полны. Разговаривали вполголоса, главным образом о последнем необычайном выигрыше банка. Трудно представить себе что-нибудь более мрачное, чем эти огромные залы, несмотря на обилие позолоты, на богатые украшения, многочисленные газовые люстры, заливающие все кругом ярким светом, и масляные лампы с зеленоватыми абажурами, свисающие с потолка над игорными столами. Публики собралось очень много, и все же пре-

обладал не гул голосов, а звон золотых и серебряных монет, бросаемых на столы, шуршание банковых билетов и непрестанно раздававшиеся равнодушные возгласы то одного, то другого шефа партии: «Красный выиграл», «Семнадцать! Черный! Нечет! Меньше восемнадцати!»

Однако два иностранца, прославившиеся накануне своим чудовищным проигрышем, пока не появлялись в казино. Некоторые посетители уже пытались поймать счастье, — кто в рулетку, а кто в «тридцать и сорок». Но игра шла с переменным успехом, выигрыши и проигрыши чередовались, и ничто не предвещало, что вчерашнее «чудо» может повториться.

Саркани и Силас Торонталь явились в казино лишь около трех часов. Но прежде, чем войти в игорный зал, они несколько раз прошлись по обширному холлу, привлекая к себе всеобщее внимание. На них смотрели, их подстерегали, и любопытные спрашивали себя, возобновят ли эти игроки борьбу со случайностью, которая обошлась им так дорого накануне. Некоторые игроки-«профессионалы» охотно продали бы им свои непогрешимые системы, но вид у иностранцев был неприступный. Банкир смотрел по сторонам блуждающим взглядом, вряд ли замечая, что делается вокруг. Саркани был еще холоднее и сдержаннее, чем обычно. Оба пытались сосредоточиться перед решающей битвой.

Среди лиц, наблюдавших за ними с тем любопытством, с каким обычно глазают на больных или осужденных, выделялся иностранец, повидимому решивший не покидать их ни на минуту.

Это был молодой человек лет двадцати двух — двадцати трех, с тонким подвижным лицом, с лукавой искоркой в глазах и острым носом, который, казалось, многое мог пронюхать. Его на редкость живые глаза прятались за стеклами очков. Юноша засунул руки в карманы пальто, а пятки сдвинул, словно для того, чтобы умерить порывистость своих движений: видимо, в жилах у него текла не кровь, а ртуть. Одет он был вполне прилично, но не по последней моде и без претензий на дендизм. И все же казалось,

что он чувствует себя не совсем ловко в своем хорошо сшитом платье.

Впрочем, это и не удивительно: молодой человек был не кто иной, как Пескад.

А в саду казино его ожидал Матифу.

Послал обоих друзей в этот монашеский рай или ад доктор Антекирт.

Доставил их накануне в Монте-Карло «Электро-2» из флотилии острова Антекирты.

Вот с какой целью они приехали сюда.

После двух дней принудительного пребывания на борту «Феррато» Карпена был высажен на берег и, несмотря на его протесты, заключен в один из казематов острова. Здесь бывший каторжанин без труда понял, что лишь сменил одну тюрьму на другую. Избавившись от сеутской каторги, он, сам того не ведая, попал во власть доктора Антекирта. Где он находится? Выиграл ли он, или нет от этой перемены? Вот те вопросы, которые с беспокойством задавал себе Карпена. Впрочем, он твердо решил сделать все возможное, чтобы улучшить свое положение.

Поэтому он ответил с полной откровенностью на первый же вопрос, заданный ему доктором.

Знаком ли он с Силасом Торонталем и Саркани?

Саркани он знает, хотя встречался с ним очень редко. А Силаса Торонталья не знает.

Продолжал ли Саркани поддерживать отношения с Зироне и его шайкой после того, как они перебрались в окрестности Катании?

Да, ибо Саркани ожидали в Сицилии, и он несомненно приехал бы туда, если бы эта злосчастная экспедиция не закончилась гибелью Зироне.

Где теперь Саркани?

В Монте-Карло, если только он не успел уехать из этого города, где жил последнее время, и, по всей вероятности, вместе с Силасом Торонталем.

Ничего больше Карпена не знал, но и сказанного было достаточно, чтобы продолжать поиски.

Испанец, конечно, понятия не имел, с какой целью его заставили бежать с каторги, а потом захватили в плен, не подозревал, что его предательство по отно-

шению к Андреа Феррато известно допросившему его доктору. Впрочем, он даже не знал, что Луиджи сын рыбака из Ровинья. В крепости Антекирты Карпена оказался под более строгим надзором, чем на сеутской каторге. Узника совершенно изолировали от внешнего мира в ожидании того дня, когда судьба его будет решена.

Итак, из трех предателей, которые привели триестский заговор к кровавой развязке, один оказался в руках доктора. Оставалось захватить остальных, а Карпена только что указал место, где их можно было найти.

Но Саркани знал в лицо Петера, а Силас Торонталь — и доктора и Петера, поэтому решили, что выступать лично им не стоит, пока такое вмешательство не будет иметь известных шансов на успех. Теперь, когда следы обоих сообщников найдены, надо только не терять их из виду в ожидании той минуты, когда обстоятельства позволят открыто действовать против негодяев.

Вот почему Пескад и Матифу были посланы в Монако: первый, чтобы неотступно следовать за банкиром и Саркани, второй, чтобы в нужный момент прийти на помощь другу. Доктор, Петер и Луиджи должны были прибыть туда же на борту «Феррато», как только потребуется.

Высадившись ночью на берег, друзья тотчас же принялись за дело. Они без труда узнали, в каком отеле остановились Силас Торонталь и Саркани. Пока Матифу гулял неподалеку, Пескад подстерегал сообщников; около часу пополудни он увидел, как они вышли из отеля. Ему показалось, будто у банкира очень удрученный вид и говорит он мало, хотя Саркани что-то оживленно ему объясняет. Пескад слышал еще утром о том, что произошло накануне в залах казино, слышал о невероятном выигрыше банка, разорившем многих игроков, среди которых особенно пострадали Саркани и Силас Торонталь. Очевидно, об этой исключительной неудаче сообщники и говорили. Узнав, кроме того, об огромных суммах, потерянных за последнее время обоими игроками, Пескад рассудил вполне здра-

во, что от их состояния остались, наверно, лишь крохи и близок день, когда доктор сможет с успехом вмешаться в дело.

Все эти сведения Пескад изложил в телеграмме, никого, впрочем, не называя, и отправил ее утром в город Ла-Валлетта на Мальте, с просьбой передать по специальному проводу в Антекирту.

Когда Саркани и Силас Торонталь вошли в холл казино, Пескад последовал за ними; едва они переступили порог зала, где шла игра в рулетку и в «тридцать и сорок», как он проскользнул туда же.

Было три часа пополудни. Игра становилась все оживленнее. Банкир и Саркани обошли все игорные залы. Они лишь ненадолго задерживались у столов, наблюдали за ставками, но не принимали участия в игре.

Пескад ходил взад и вперед, с любопытством глядя по сторонам, но не терял из виду сообщников. Чтобы не привлекать к себе внимания, он поставил несколько пятифранковых монет на дюжины и колонны рулетки, но, как и следовало ожидать, проиграл, впрочем, с поразительным хладнокровием. Право, ему следовало бы прислушаться к превосходному совету, который дал ему по секрету весьма достойный игрок, большой знаток этого дела:

— Чтобы иметь удачу в игре, сударь, надо стараться проигрывать маленькие ставки и выигрывать крупные. В этом весь секрет!

Когда пробило четыре, Саркани и Силас Торонталь решили, что настало время попытать счастья. У одного из столов рулетки оказались свободные места. Сообщники сели друг против друга, и тотчас же их окружили плотным кольцом не только игроки, но и зрители, жаждавшие узнать, чем кончится этот реванш двух игроков, потерявших накануне целое состояние.

Пескад поместился, естественно, в первом ряду любопытных и с не меньшим интересом, чем остальные, стал следить за перипетиями этой битвы за зеленым столом.

В течение первого часа игра шла с переменным успехом. В погоне за удачей Силас Торонталь и Сар-

кани разделились. Каждый пантировал отдельно и рисковал довольно крупными деньгами, ставя их на простые или сложные комбинации рулетки, а иногда на несколько комбинаций сразу. Судьба не благоприятствовала ни игрокам, ни банку.

Но между четырьмя и шестью часами счастье, казалось, улыбнулось сообщникам. Они ставили несколько раз подряд на один номер и неизменно выигрывали на каждую ставку максимальную сумму в шесть тысяч франков.

Руки Силаса Торонталя дрожали, когда он протягивал их над столом, бросая деньги или выхватывая золото и банковые билеты прямо из-под лопаточки крупье.

Саркани попрежнему прекрасно владел собой, на лице негодая не отражались бушевавшие в нем чувства. Он лишь ободряюще посматривал на сообщника, ибо счастье благоприятствовало именно Силасу Торонталю.

Пескад, несколько опьяненный видом золота и банковых билетов, продолжал все так же внимательно наблюдать за сообщниками. В руки партнеров плывет целое состояние, но хватит ли у них осторожности вовремя остановиться?

Потом в голову Пескаду пришла такая мысль: допустим, что Саркани и Силас Торонталь проявят должную осторожность (впрочем, это более чем сомнительно) и, разбогатев, уедут из Монте-Карло. Они укроются в каком-нибудь отдаленном уголке Европы, куда придется следовать за ними. Недостатка в деньгах у них не будет, и они окажутся вне досягаемости для доктора Антекирта.

«Право же, — решил он, — в конечном итоге лучше, если они разорятся; впрочем, я уверен, что этот негодай Саркани не способен во-время остановиться, когда ему везет!»

Что бы там ни думал, на что бы ни надеялся Пескад, удача не покидала сообщников. Раз а три они могли бы сорвать банк, если бы шеф партии не вносил туда дополнительно по двадцати тысяч франков.

Это было целое событие для зрителей, следивших

за перипетиями борьбы, причем большинство было явно на стороне игроков. Разве их выигрыш не был реваншем, взятым у администрации казино, после того как накануне она широко попользовалась этой наглой «серией семнадцати»?

Наконец, в половине седьмого, когда Силас Торонталь и Саркани прекратили игру, у них на руках оказалось больше двадцати тысяч луидоров. Они встали из-за стола и покинули казино. Силас Торонталь шел неверными шагами, точно он был пьян, пьян от волнения и усталости. Спутник бесстрастно посматривал на него, опасаясь главным образом, как бы Силас Торонталь не попытался бежать со своим состоянием, завоеванным с таким трудом, и не ускользнул из-под его власти.

Оба молча пересекли холл и, спустившись по лестнице, направились к себе в отель.

Пескад издали следовал за ними. Выйдя из казино, он заметил Матифу, сидящего на скамье возле садовой беседки.

Пескад подошел к другу.

— Ну как, пора? — спросил Матифу.

— Что пора?

— Выходить..

— Выходить на сцену?.. Нет еще, дружище!.. Равновато!.. Оставайся за кулисами. Ты пообедал?

— Да, Пескад.

— С чем тебя и поздравляю. Ну, а у меня живот подвело, я же не люблю, когда меня подводят. Но погоди, я свое наверстаю... Итак, не двигайся отсюда, пока я тебя не позову!

И Пескад бросился вслед за Саркани и Силасом Торонталем, спускавшимися вниз по дороге. Убедившись, что оба сообщника велели подать обед к себе в комнату, Пескад решил подкрепиться в ресторане отеля. За какие-нибудь полчаса он, по его выражению, вполне наверстал свое и ощутил приятную сытость.

Затем Пескад вышел из отеля с превосходной сигарой в зубах и занял неподалеку наблюдательный пост.

— Я, положительно, родился, чтобы быть сыщиком! — прошептал он. — Но прозевал свое призвание.

Его интересовал в эту минуту только один вопрос: вернутся или не вернутся эти джентльмены в казино?

Около восьми часов вечера в дверях отеля появились Силас Торонталь и Саркани. Пескаду показалось, что они горячо о чем-то спорят. Повидимому, банкир пытался в последний раз воспротивиться настойчивым уговорам и даже требованиям сообщника, ибо Саркани, наконец, воскликнул повелительно:

— Это необходимо, Силас!.. Я так хочу!

И оба направились по дороге в казино. Пескад шел вслед за ними, но, к своему сожалению, не мог больше расслышать ни единого слова.

А между тем Саркани говорил банкиру не допускающим возражения тоном:

— Было бы безумием бросить игру сейчас, когда счастье нам вновь улыбнулось!.. Вы просто потеряли голову. Послушайте, когда нам не везло, мы упорствовали в игре, как безумцы, неужели же теперь, когда нам везет, мы откажемся от нее, как простофили! Послушайте, нам представляется возможность, — а она, пожалуй, больше никогда не повторится, — стать богачами, хозяевами своей судьбы! Неужели мы упустим ее по своей глупости!.. Разве вы не чувствуете, Силас, что счастье...

— А что, если счастье нам изменит? — прошептал Силас Торонталь, который уже начинал сдаваться.

— Нет, тысячу раз нет! — воскликнул Саркани. — Предчувствий не объяснишь, черт возьми! Но они охватывают вас, проникают вам в душу!.. Миллион ждет нас сегодня вечером на столах казино. Да, миллион, и я ни за что не упущу его!

— Так играйте сами, Саркани!

— Мне!.. Играть одному?.. Нет! Только с вами, Силас!.. Да!.. И если бы пришлось выбирать между нами, я уступил бы место вам!.. Счастье улыбается не всякому, и сейчас оно благосклонно только к вам!.. Играйте, и вы выиграете!.. Я этого хочу!

Чего же в сущности добивался Саркани? Он хотел, чтобы Силас Торонталь не удовольствовался выигрышем в несколько сот тысяч франков, ведь они позволили бы ему вырваться из-под власти сообщника. Он

был заинтересован в том, чтобы Торонталь стал миллионером или нищим. Получив миллион, банкир вернется к своей прежней жизни. Оказавшись нищим, он последует за Саркани всюду, куда ему прикажут. В обоих случаях его нечего будет опасаться.

Но хотя Силас Торонталь все еще пытался сопротивляться, в нем снова властно заговорил игрок. Он так низко пал, что одновременно и желал и боялся вернуться в казино. От слов Саркани огонь разливался у него по жилам. Судьба, видно, и вправду благосклонна к нему, ведь за последние часы бывшему банкиру удивительно везло, и было бы непростительно остановиться на полпути!

Безумец! Как и все игроки, он смешивал прошедшее с настоящим! Вместо того чтобы сказать: «Мне везло!» — он говорил: «Мне везет!» Первое было правдой, второе ложью. И, однако, все люди, полагающиеся на случай, рассуждают именно так! Они слишком часто забывают слова одного великого французского математика: «У случая бывают капризы, но не привычки!»

Тем временем Саркани и Силас Торонталь дошли в сопровождении Пескада до казино и на минуту задержались у входа.

— Нечего вам больше раздумывать, Силас! — сказал Саркани. — Ведь вы решили продолжать игру, не так ли?

— Да!.. Я твердо решил рискнуть своим выигрышем. Все или ничего! — ответил банкир, который отбросил всякие колебания, как только очутился на лестнице казино.

— Не мне советовать вам! — продолжал Саркани. — Прислушайтесь к своему внутреннему голосу, а не к моему! Этот голос вас не обманет! Вы хотите играть в рулетку?..

— Нет, в «тридцать и сорок»! — ответил Силас Торонталь, входя в холл.

— Вы правы, Силас! Прислушивайтесь только к себе!.. Рулетка дала вам целое состояние!.. «Тридцать и сорок» сделают вас миллионером!

Они вошли в казино и сначала прошлись по его залам. Десять минут спустя Пескад увидел, как они сели у одного из столов, где шла игра в «тридцать и сорок».

Надо сказать, что это еще более рискованная игра, чем рулетка. При простых шансах приходится опасаться лишь рефета, максимальный выигрыш на ставку равняется двенадцати тысячам, и в иных случаях можно сразу выиграть или проиграть крупную сумму. Вот почему «тридцать и сорок» — излюбленное поле деятельности так называемых крупных игроков. Здесь с головокружительной быстротой составляют себе состояние или теряют его, точь-в-точь как на биржах Парижа, Нью-Йорка и Лондона.

Усевшись за игорный стол, Силас Торонталь тут же забыл все свои опасения. Теперь он играл уже не «со страхом», а с увлечением, или, точнее, как человек, который «закусил удила». Впрочем, можно ли утверждать, что существуют разные приемы игры, разные приемы «рисковать деньгами»? Конечно, нет, — что бы там ни говорили завсегдатаи игорных домов, ведь в таких играх все зависит от случая. Итак, банкир играл под внимательным взглядом Саркани, который был кровавно заинтересован в исходе этой решающей битвы.

В течение первого часа выигрыши и потери более или менее уравновешивались. Но в конце концов чаша весов стала клониться в сторону Силаса Торонталья.

Тогда банкир и Саркани решили, что успех обеспечен. Они стали, как говорится, «подстрекать» друг друга и делать максимальные ставки. Но вскоре перевес оказался на стороне банка, хладнокровие которого ничто не может поколебать, ибо он не знает безумства страстей и в значительной мере оградил свои интересы «максимумом», установленным для игроков.

Последовал ряд ужасных проигрышей. Недавний выигрыш Силаса Торонталья мало-помалу растаял. На банкира было страшно смотреть: лицо побагровело, глаза блуждали, пальцы судорожно цеплялись за край стола, за стул, за пачки банковых билетов, за столбики золотых монет, с которыми он не в силах был расстаться. Судорожные движения, дрожь, пробегающая по телу, нервное подергивание делали его похожим

на утопающего! И некому удержать безумца на краю пропасти! Никто не протянет ему руку помощи! Саркани и пальцем не шевельнет, чтобы оторвать его от игорного стола и увести прочь, пока он окончательно не погиб и разум его не помутится от этой внезапной катастрофы.

В десять часов вечера Силас Торонталь рискнул последним, что у него было. Сначала он выиграл, затем проиграл. Когда банкир встал из-за стола, вне себя, охваченный безумным желанием, чтобы потолок казино рухнул и раздавил вместе с ним всех находящихся здесь людей, у него не оставалось ничего из всех миллионов банкирского дома Торонталья, восстановленного на миллионы графа Шандора.

В сопровождении Саркани, походившего в эту минуту на его тюремщика, Силас Торонталь поспешно покинул игорный зал и, пробежав через холл, выскочил из казино. Затем оба пересекли парк и устремились по тропинке, которая ведет в селение Тюрби.

Пескад последовал за ними. Мимоходом он разбудил дремавшего на скамейке Матифу, крикнув ему:

— Тревога!.. В оба глядеть! Ушки на макушке!

И Матифу бросился вместе с ним по следу, который теперь нельзя было терять.

Между тем Саркани и Силас Торонталь продолжали подниматься по извилистой тропинке, петляющей по склону горы среди оливковых и апельсиновых садов. Благодаря этим капризным поворотам Пескад и Матифу ни на минуту не теряли из виду сообщников, хотя и не могли слышать, о чем они говорят.

— Вернитесь в отель, Силас! — повелительно повторил Саркани. — Вернитесь и возьмите себя в руки!

— Нет!.. Мы разорены!.. Расстанемся!.. Я не хочу больше видеть вас!.. Не хочу!..

— Зачем нам расставаться?.. К чему?.. Вы поедете вместе со мной, Силас!.. Завтра мы покинем Монако!.. У нас достаточно денег, чтобы добраться до Тетуана. Там мы завершим начатое дело!

— Нет!.. Нет!.. Оставьте меня, Саркани, оставьте меня! — отвечал Силас Торонталь.

И он резко отталкивал сообщника, когда тот хо-

тел схватить его за руку. Затем бросался бежать со всех ног, и Саркани едва поспевал за ним. Не глядя перед собой, Силас Торонталь рисковал на каждом шагу свалиться в один из глубоких оврагов, между которыми извивается горная тропинка. Его преследовала одна мысль: бежать из Монте-Карло, где он окончательно разорился, бежать от Саркани, который своими советами довел его до нищеты, бежать куда глаза глядят, а там будь что будет!

Саркани прекрасно понимал, что ему уже не справиться со своим сообщником и тот ускользает из-под его власти! Ах, если бы банкир не знал тайны, которая могла погубить Саркани или же окончательно испортить ему последнюю игру! Тогда негодяй даже не вспомнил бы о человеке, которого сам увлек на край пропасти. Но прежде чем скатиться в пропасть, Силас Торонталь мог крикнуть, и нужно было во что бы то ни стало заглушить этот крик!

Оставался лишь один шаг от мысли о преступлении до самого преступления, и Саркани не колеблясь решился на этот шаг. Разве не мог он совершить теперь, в эту ночь, где-нибудь в пустынном месте то, что собирался сделать по дороге в Тетуан, в марокканской глуши?

Но в этот час между Монте-Карло и Тюрби еще встречались запоздалые пешеходы, спускавшиеся или поднимавшиеся по склону горы. На крик Силаса Торонталья могли явиться люди, а преступник, конечно, хотел избежать кары. Отсюда необходимость ждать. Там, выше, за селением Тюрби и монахской границей, на дороге Корниш, проходящей на высоте двух тысяч футов по отрогам Приморских Альп, Саркани уже нечего было опасаться. Никто не придет на помощь его жертве! Невозможно будет даже найти труп на дне пропасти, обрывающейся у края дороги.

И все же Саркани в последний раз попытался воздействовать на сообщника, убедить его, чтобы он вернулся в Монте-Карло.

— Идем же, Силас, идем! — воскликнул он, хватая банкира за руку. — Завтра мы снова начнем игру!.. У меня еще есть немного денег...

— Нет!.. Оставьте меня, оставьте!.. — крикнул Силас Торонталь в бешенстве.

И будь он в силах бороться с Саркани или подвернись ему под руку оружие, банкир не задумался бы отомстить своему бывшему триполитанскому агенту, который причинил ему столько зла.

От гнева силы Торонталья удвоились, он оттолкнул Саркани, добежал до конца тропинки и стал взбираться по грубо высеченной в скале лестнице, которая поднималась среди садилов, лепившихся по склону горы. Вскоре он добрался до главной улицы селения Тюрби, расположенного на узком перевале между «Собачьей головой» и горой Ажелъ, — здесь некогда проходила граница между Италией и Францией.

— Ступай же, Силас! — крикнул в последний раз Саркани. — Ступай, но далеко тебе не уйти!

Затем, свернув направо, он перескочил через невысокую каменную ограду, быстро пересек расположенный уступами садик и бросился наперерез Силасу Торонталу, чтобы выйти раньше него на дорогу.

Пескад и Матифу, хотя и не могли слышать этого спора, прекрасно видели, что банкир яростно оттолкнул Саркани, и тот скрылся в темноте.

— Сам черт вмешался в дело! — воскликнул Пескад. — Такая ценная дичь, и вдруг от нас ускользнула!.. Как бы и другую не упустить! Во всяком случае, Торонталем пренебрегать не стоит!.. Да и выбора у нас нет!.. Вперед, Матифу, вперед!

И, ускорив шаг, они тут же нагнали Силаса Торонталья.

Банкир быстро поднимался по улице Тюрби. Оставив влево небольшой холм, увенчанный башней Августа, он бегом миновал ряд домиков с закрытыми на ночь ставнями и очутился, наконец, на дороге Корниш.

Пескад и Матифу шли за ним на расстоянии каких-нибудь пятидесяти шагов.

Но Саркани исчез бесследно. Он либо свернул направо по гребню холма, либо окончательно покинул сообщника и спустился обратно в Монте-Карло.

Корниш — остаток древней римской дороги, соединяющей Тюрби с Ниццей; она проходит среди причудливых скал, конусообразных утесов, по краю глубоко

ких пропастей и спускается к линии железной дороги, проложенной вдоль побережья. В эту звездную ночь, при серебристом сиянии луны, поднимавшейся на востоке, вдали смутно виднелись остров Сент-Оспис, устье Вара, полуостров Гаруп, мыс Антиб, залив Жуан, острова Лерен, бухта Напуль, Канский залив и на заднем плане горная цепь Эстерель. Поблескивали огоньки двух портовых городов — Болье у отрогов Малой Африки и Вильфранша у подножия горы Лэза; светлыми точками горели фонари рыбацких лодок, отражаясь в спокойной глади моря.

Было уже за полночь. Выйдя из Тюрби, Силас Торонталь свернул с Корнишского шоссе на дорогу, которая ведет к дикому горному селению Эза, похожему на орлиное гнездо, отважно прилепившееся к скалистой вершине над густым лесом сосен и рожковых деревьев.

На дороге не было ни души. Безумец шел некоторое время, не замедляя шага и не оборачиваясь, вдруг он свернул налево, на узенькую тропинку, извивающуюся по гребню прибрежных скал, в которых пробит туннель для железнодорожного полотна и шоссейной дороги.

Пескад и Матифу последовали за банкиром.

Пройдя еще шагов сто, Силас Торонталь остановился на вершине скалы возле отвесного обрыва, у подножия которого плескалось море.

Что задумал Силас Торонталь? Не пришла ли ему мысль о самоубийстве? Не собирался ли он положить конец своему ничемному существованию, бросившись в эту бездну?

— Тысяча чертей! — воскликнул Пескад. — Мы должны взять его живым!.. Хватай его, Матифу, и держи крепче!

Не успели они сделать и двадцати шагов, как справа от тропинки показался какой-то человек; он, крадучись, пробирался в зарослях мирт и мастиковых деревьев, затем стал ползком подниматься на скалу, на вершине которой стоял Силас Торонталь.

Это был Саркани.

— Тьфу ты пропасть! — пробормотал Пескад. — А ведь он собирается оказать услугу сообщнику и

отправить его в лучший мир!.. Хватай одного, Матифу!.. А я справлюсь с другим!

Вдруг Саркани остановился. Он заметил людей и испугался, что его узнают...

У него вырвалось проклятие. Он метнулся направо и исчез в кустарнике.

В тот же миг Матифу схватил Силаса Торонталья, собиравшегося броситься в бездну, и отнес на дорогу.

— Оставьте меня! Оставьте меня! — вопил банкир.

— Неужели я допущу, чтобы вы оступились, господин Торонталь? — ответил Пескад. — Никогда!

Смышленный малый поступил правильно, хотя и не подготовился к этому случаю, который невозможно было предвидеть. Правда, Саркани скрылся, но Силас Торонталь был схвачен, и теперь оставалось только отвезти его на остров Антекирту, где пленника встретят со всеми подобающими почестями.

— Берешься ли ты доставить этого господина по назначению?.. Плата за доставку по прейскуранту! — обратился Пескад к своему другу Матифу.

— Охотно.

Силас Торонталь едва ли сознавал, что происходит, и не оказывал ни малейшего сопротивления. Пескад стал первым спускаться к берегу по довольно крутой тропинке, извивавшейся над пропастью, за ним следовал Матифу, который то тащил волоком, то нес на спине обессилевшего банкира...

Спуск оказался чрезвычайно трудным, и, если бы не поразительная ловкость Пескада и не исключительная сила его спутника, оба скатились бы под откос и разбились бы насмерть.

Раз двадцать они рисковали жизнью, но все же добрались до прибрежных скал. Известняковый берег был сплошь изрезан маленькими бухточками, отгороженными от моря высокими утесами и подводными камнями, набегая на которые, волны окрашивались в цвет крови, так как в этих горных породах содержится значительная примесь железа.

Начинало светать, когда Пескад отыскал в глубине одного из таких заливчиков небольшой грот, образовавшийся в отдаленную эпоху геологических перево-

ротов, и решил оставить там Силаса Торонталья под охраной Матифу.

Провансальский Геркулес перенес туда банкира, который, повидимому, ни на что не обращал внимания и был совершенно равнодушен к своей участи.

— Ты побудешь здесь, Матифу? — спросил своего друга Пескад.

— Побуду, сколько потребуется!

— Даже двенадцать часов, если я не вернусь до вечера?

— Даже двенадцать часов.

— И есть не согласишься?

— Ну, если я не позавтракаю, то наверстаю это вечером... и пообедаю за двоих.

— А если не пообедаешь за двоих, то поужинаешь за четверых!

После этого Матифу уселся на скале, не спуская глаз с пленника. А Пескад пустился в путь по направлению в Монако, тщательно исследуя каждую бухточку.

Вернулся Пескад скорее, чем предполагал. Через какие-нибудь два часа он обнаружил «электро», стоявший на якоре в пустынном заливчике, защищенном рифами от морского прибой. А час спустя быстроходное судно подошло к маленькой бухте, где неподвижно сидел на утесе Матифу, похожий на мифического Протея, пасущего стада Нептуна.

Вскоре Силас Торонталь и Матифу уже были на борту «электро», который тут же взял курс на Антекирту, не замеченный ни таможенниками, ни местными рыбаками.

ГЛАВА ПЯТАЯ

На волю божью

А теперь да будет нам позволено бросить беглый взгляд на остров Антекирту и на его обитателей.

Силас Торонталь и Карлена были во власти доктора, и он ждал лишь сведений о Саркани, чтобы вновь

пуститься по его следам. Все усилия агентов доктора, которым было поручено разыскать убежище госпожи Батори, оказались тщетными, но поиски все же продолжались. С тех пор как его мать исчезла вместе со старым Бориком — своей единственной опорой, глубокое отчаяние овладело Петером Батори. И даже доктору не удавалось успокоить его, ведь сердце юноши таило две неизлечимых раны. Когда Петер говорил с ним о матери, разве не думали они оба о Саве Торонталь, имя которой никогда не упоминалось?

В Артенаке, маленькой столице Антекирты, Мария Феррато занимала хорошенький домик вблизи Ратуши. В благодарность за прошлое доктор постарался как можно лучше обставить ее жизнь. Луиджи расставался с сестрой, лишь когда уходил в море или был занят какой-нибудь другой работой в колонии. Не проходило дня, чтобы брат и сестра не навестили доктора или чтобы он сам не зашел к ним. Чем ближе узнавал доктор детей рыбака из Ровиня, тем сильнее привязывался к ним.

— Как были бы мы счастливы, — часто повторяла Мария, — если бы Петер разделял нашу радость.

— Он будет счастлив лишь в тот день, когда найдет свою мать! — отвечал Луиджи. — Но я не теряю надежды, Мария! Ведь у доктора такие огромные возможности! Рано или поздно мы обнаружим убежище госпожи Батори, узнаем, куда Борик увез ее из Рагузы!

— Я тоже надеюсь на это, Луиджи! Но утешится ли Петер, когда найдет свою мать?

— Нет, Мария, не утешится, ведь Сава Торонталь никогда не будет его женой!

— Видишь ли, Луиджи, — говорила Мария, — то, что невозможно для человека, возможно для бога!

Когда Петер сказал Луиджи, что будет для него братом, он еще не знал Марии Феррато, не думал, что обретет в ней нежную и преданную сестру! Но, оценив редкие качества ее души, Петер не колеблясь поведал девушке свое горе. Он находил успокоение, беседуя с ней. То, что Петер не хотел, не решался сказать доктору, он открывал Марии. У нее было любящее, чуткое

и сострадательное сердце, способное дать утешение, и душа, исполненная веры в бога, а потому не ведающая отчаяния. Когда Петеру бывало особенно тяжело, когда он чувствовал потребность излить перед кем-нибудь свою скорбь, он бежал к Марии, и ей не раз удавалось вернуть юноше веру в будущее!

А между тем в крепости Антекирты сидел человек, который должен был знать, где находится Сава и по-прежнему ли она во власти Саркани. Это был Силас Торонталь, выдававший ее за свою дочь. Но из уважения к памяти отца Петер ни за что не стал бы спрашивать об этом негодяя.

К тому же после своего похищения Торонталь был так подавлен, так ослабел физически и морально, что, пожалуй, ничего не мог бы сказать даже ради облегчения своей участи. Да и зачем было банкиру открывать убежище Савы? Ведь он не знал, что находится в плену у доктора, не знал, что Петер Батори жив и находится на острове Антекирты, о котором заключенный никогда даже не слышал.

Да, Мария Феррато была права, утверждая, что один бог мог прийти на помощь в столь запутанном положении.

Описание Антекирты оказалось бы неполным, если бы мы не упомянули в этом кратком обзоре маленькой колонии о Пескаде и Матифу.

Правда, Саркани удалось бежать и след его был потерян, но захват Силаса Торонталья имел такое значение, что Пескада просто захвалили. Подумать только, предоставленный сам себе, славный малый сделал именно то, что подобало. Ну, а раз доктор был доволен, друзьям ничего другого и не требовалось. Итак, они опять зажили в своем хорошеньком домике, ожидая, когда потребуются их услуги. Оба крепко надеялись, что им еще представится случай принести пользу общему делу.

Вернувшись в Антекирту, Пескад и Матифу тотчас же зашли к Марии и Луиджи, а также нанесли визиты некоторым именитым жителям Артенака. Повсюду друзей ожидал самый радушный прием, ибо они завоевали всеобщую любовь. Надо было видеть

Матифу в этой торжественной обстановке, когда он, смущаясь, старался казаться поменьше и все же занимал своей внушительной особой чуть ли не всю гостиную!

— Зато я такой маленький, что это возмещает твой огромный рост, — утешал его приятель.

Пескад был душой колонии, он веселил обитателей Антекирты, все восхищались его неистощимой жизнерадостностью, остроумием и ловкостью. Ах, если бы все устроилось к общему благополучию, какие бы празднества он устроил в городе и его окрестностях, какие бы придумал развлечения и аттракционы! Матифу и Пескад, не задумываясь, вернулись бы к своему прежнему ремеслу акробатов, лишь бы порадовать население острова Антекирты!

В ожидании этого счастливого дня друзья занимались украшением своего садика, осененного великолепными деревьями, и своей утопающей в цветах виллы. Работы над искусственным бассейном тоже значительно продвинулись. Матифу перетаскивал огромные каменные глыбы, и было ясно, что провансальский Геркулес отнюдь не потерял своей удивительной силы.

Между тем агентам доктора ничего не удалось разузнать о госпоже Батори, такая же неудача постигла и тех, которым было поручено разыскать Саркани. Невозможно было выяснить, куда скрылся негодяй, бежавший из Монте-Карло.

Известно ли Силасу Торонталю, где нашел пристанище его сообщник? Вряд ли. Вспомним, при каких обстоятельствах они расстались на дороге в Ниццу. Но, даже если банкир это знает, согласится ли он что-нибудь сказать?

Итак, доктор с нетерпением ждал дня, когда банкир будет в состоянии говорить, чтобы расспросить его.

Силас Торонталь и Карпена находились в одиночном заключении в небольшой крепости, построенной на северо-западном краю Артенака. Они знали друг друга только понаслышке, ибо банкир никогда не принимал личного участия в делах Саркани в Сицилии. Вот почему был дан строжайший наказ: пленники ни в коем случае не должны заподозрить, что находятся в одной и той же крепости. Их камеры были расположены да-

леко друг от друга, и они выходили на прогулку в совершенно изолированные дворы. На верность сторожей — это были два сержанта милиции Антекирты — доктор вполне мог положиться: они не допустили бы никаких сношений между заключенными.

Опасаться чьей-нибудь болтовни тоже не приходилось: на все вопросы о том, где они находятся, Силас Торонталь и Карпена никогда не получали и не получали ответа. Итак, ни тот, ни другой не могли даже предположить, что оказались во власти таинственного доктора Антекирты, которого банкир несколько раз встречал в Рагузе.

Но как найти Саркани, как похитить этого негодяя, который один из всей шайки оставался на свободе, — эта мысль не давала покоя доктору. Вот почему шестнадцатого октября он решил приступить к допросу Силаса Торонталья, который к этому времени достаточно поправился и уже мог отвечать на задаваемые ему вопросы.

Прежде всего доктор, Петер и Луиджи собрались на совещание, к ним присоединился и Пескад, с мнением которого нельзя было не считаться.

Доктор сообщил друзьям о своем намерении.

— Ну, а если при упоминании о Саркани, — заметил Луиджи, — Силас Торонталь заподозрит, что мы хотим захватить его сообщника?

— Не все ли равно, пусть себе заподозрит! — возразил доктор. — Ведь Силас Торонталь теперь в наших руках!

— Нет, не все равно, господин доктор, — ответил Луиджи. — А вдруг Силас Торонталь не захочет ничего сказать из боязни повредить Саркани.

— Но почему?

— А потому, что тем самым он повредит и себе.

— Могу ли я высказать свое мнение? — спросил Пескад, державшийся несколько в стороне из боязни показаться назойливым.

— Конечно, друг мой! — воскликнул доктор.

— По-моему, господа, — заявил Пескад, — эти два джентльмена не станут щадить друг друга, — не забывайте, при каких обстоятельствах они расстались. Гос-

подин Силас должен всем сердцем ненавидеть господина Саркани, ибо сообщник довел его до разорения. Итак, если господин Торонталь знает, где сейчас находится господин Саркани, он без колебаний сообщит нам об этом. По крайней мере я так думаю. Если же он ничего не скажет, значит ему попросту нечего сказать.

В самом деле, доводы Пескада были очень основательны. Если банкир знает, где укрылся Саркани, он, по всей вероятности, откроет им это. Не станет он хранить молчание, которое в его же интересах нарушить.

— Мы сегодня узнаем, в чем тут дело, — заметил доктор. — Если Торонталью ничего не известно или он ничего не пожелает сказать, тогда мы решим, как поступить. Пусть его допрашивает Луиджи, ведь Торонталь не подозревает, что находится во власти доктора Антекирта и что Петер Батори жив.

— Я в вашем полном распоряжении, господин доктор, — ответил молодой человек.

Луиджи отправился в крепость, и его провели в камеру Силаса Торонталья.

Банкир сидел в углу, у стола. Повидимому, он только что встал с постели. Его душевное состояние явно улучшилось. Он не думал ни о разорении, ни о Саркани. Торонталья волновали другие вопросы: где он находится, почему его здесь держат и кто приказал его похитить? Он терялся в догадках и боялся всего на свете.

Увидев входящего Луиджи Феррато, банкир встал, но, по молчаливому приглашению юноши, тотчас же опустился на прежнее место. Вот к чему сводился допрос.

— Вы Силас Торонталь, бывший триестский банкир, живший в последнее время в Рагузе?

— Мне незачем отвечать на этот вопрос. Тем, кто держит меня в плену, должно быть известно, кто я.

— Да, они это знают.

— Кто они такие?

— Вы узнаете это в свое время.

— А вы кто?..

— Человек, которому поручено вас допросить.

-- Кто поручил вам это?

-- Те, кому вы должны дать отчет в своих поступках!

— Еще раз прошу вас сказать, кто они?

-- Я не обязан вам этого говорить.

— В таком случае я не обязан вам отвечать.

— Оставим это. Вы были в Монте-Карло с человеком, с которым давно знакомы, а после отъезда из Рагузы он находился при вас безотлучно. Он родом из Триполитании, и зовут его Саркани. Он исчез в ту минуту, когда вас схватили на дороге в Ниццу. Итак, мне поручено спросить вас: знаете ли вы, где находится Саркани, а если знаете, то желаете ли это сказать?

Силас Торонталь поостерегся отвечать. Если у него хотели выпытать, где укрылся Саркани, то, очевидно, с тем, чтобы похитить и его сообщника. Но для чего? Не было ли все это связано с их прошлым, или, точнее, с триестским заговором, который они когда-то выдали. Но как могли узнать об этом предательстве и кому пришла охота мстить за графа Матиаса Шандора и за его двух друзей, погибших более пятнадцати лет тому назад? Вот какие мысли промелькнули в голове банкира. С другой стороны, трудно было себе представить, чтобы его и Саркани преследовало правосудие. И все же эта мысль сильно беспокоила банкира. Вот почему он решил молчать, хотя и не сомневался, что Саркани нашел убежище в Тетуане, в доме Намир, где ему предстояло вскоре сыграть решающую партию. Если впоследствии окажется, что выгоднее заговорить, он все откроет. А до тех пор лучше быть настороже.

— Ну, что же вы скажете?.. — спросил Луиджи, дав банкиру время подумать.

— Я мог бы сказать вам, сударь, — произнес Силас Торонталь, — что знаю, где находится Саркани, но не хочу вас обманывать! В действительности мне ровно ничего не известно.

— И вам больше нечего сказать?

-- Нет, потому что я сказал истинную правду.

Луиджи вышел из камеры и отправился к доктору Антекирту, чтобы дать ему отчет о своем разговоре с Силасом Торонталем. Ответ банкира был в сущности

вполне правдоподобен, пришлось им удовлетвориться. Итак, чтобы открыть убежище Саркани, следовало еще энергичнее продолжать розыски, не жалея ни труда, ни денег.

В ожидании, когда какие-нибудь сведения наведут его на след предателя, доктор занялся другими более срочными вопросами, так как колонии Антекирты грозила серьезная опасность.

Из Киренаики были недавно получены секретные сообщения. Агенты доктора советовали ему внимательно следить за судами, появляющимися в заливе Большой Сирт. По их словам, страшная секта сенуситов стягивала свои силы к границам Триполитании. Отряды фанатиков медленно, но неуклонно двигались к берегам залива. Доверенные лица великого магистра спешно развозили его послания по всей Северной Африке. Были получены из-за границы партии оружия. Неприятель стягивал свои войска к вилайету Бенгази, находившемуся неподалеку от Антекирты.

Предвидя опасность, доктор принял необходимые меры предосторожности. За последние три недели Петер и Луиджи деятельно помогали ему вместе с остальными колонистами. Несколько раз Пескада тайно посылали на побережье Киренаики, чтобы установить личный контакт с агентами доктора. Оказалось, что угроза вполне реальна. Пираты Бенгази, получившие мощное подкрепление после мобилизации сенуситов в этой провинции, готовили поход против острова Антекирты. Скоро ли состоится предполагаемый поход? Никто не мог этого сказать. Во всяком случае, руководители секты еще находились в южных вилайетах, и военные действия вряд ли начнутся, пока они не прибудут на место, чтобы стать во главе пиратов. Вся флотилия «электро» Антекирты все же получила приказ крейсировать в районе залива Большой Сирт и вести наблюдение за берегами Киренаики, Триполитании и даже Туниса вплоть до мыса Бон.

Как известно, оборонительные укрепления еще не были достроены. Но хотя и невозможно было во-время закончить все работы, в арсеналах Антекирты храни-

лось достаточно оружия и боевых припасов, чтобы достойно встретить врага.

Не менее двадцати миль отделяло Антекирту от побережья Киренаики, и остров был бы совершенно изолирован в глубине залива, если бы в двух милях от его юго-восточного мыса не лежал маленький островок Кенкраф, имевший триста метров в окружности. По мысли доктора, этот островок должен был служить местом ссылки, если бы кому-нибудь из колонистов вынесли такой приговор — чего до сих пор ни разу не случалось. Все же на островке было построено несколько барачков.

По существу говоря, Кенкраф не был укреплен, и, если бы вражеская флотилия вздумала напасть на Антекирту, островок представлял бы серьезную опасность для колонистов. Стоило неприятелю произвести там высадку, и этот клочок суши стал бы его прочным плацдармом. Действительно, осаждающим не составило бы труда перебросить на Кенкраф провиант и боевые припасы, а установив там батарею, они получили бы великолепный опорный пункт. Поэтому лучше всего было уничтожить островок, ведь укрепить его все равно не хватило бы времени.

Местоположение Кенкрафа, преимущества, которые он мог предоставить неприятелю, очень беспокоили доктора. Взвесив все обстоятельства, он решил уничтожить островок, но так, чтобы это повлекло за собой гибель сотен пиратов, если бы они рискнули завладеть им.

Этот план тотчас же привели в исполнение. В результате произведенных работ островок Кенкраф был превращен в огромную минную камеру, связанную подводным кабелем с Антекиртой. Достаточно было пустить по этому кабелю электрический ток, чтобы островок разлетелся в прах.

В самом деле, доктор решил произвести взрыв не при помощи пороха, пироксилина или динамита. Ему было известно недавно открытое взрывчатое вещество опромной разрушительной силы: оно во столько же раз превосходит динамит, во сколько динамит превосходит обыкновенный порох. Обращаться с ним легче, чем с нитроглицерином, а перевозить удобнее, ибо новое

вещество состоит из двух жидкостей, которые смешивают лишь перед использованием: замерзает оно при 20 градусах ниже нуля, а не при 5—6, как динамит, и взрывается от сильного сотрясения, например от взрыва капсули гремучекислой соли, — словом, пользовался этим страшным орудием разрушения не составляет никакого труда.

Получается оно при взаимодействии жидкой обезвоженной окиси азота, с одной стороны, и различных углеродистых соединений, минеральных, растительных или животных масел, с другой. Две жидкости, в отдельности совершенно безобидные, смешивают в нужной пропорции, как вино и воду, причем человек, производящий эту операцию, не подвергается ни малейшей опасности. В результате получается вещество под названием «панкластит», что означает «все уничтожающий», и действительно оно все уничтожает.

Итак, начинив этим веществом множество фугасов, их установили по всему острову. Каждый фугас снабдили капсулем гремучекислой соли и присоединили к подводному кабелю, идущему от Антекирты. Ток, пущенный по кабелю, мгновенно вызвал бы чудовищной силы взрыв. Из предосторожности — ведь кабель мог быть поврежден — несколько других взрывателей соединили проводами с фугасами и зарыли в землю. Стоило случайно надавить ногой пластинку хотя бы одного из этих взрывателей, чтобы произошло замыкание и островок взлетел на воздух. Словом, если крупные неприятельские силы высадутся на Кенкрафе, он вряд ли избежит уничтожения.

В первых числах ноября, когда работы по минированию островка уже подходили к концу, непредвиденное событие заставило доктора покинуть на несколько дней Антекирту.

Третьего ноября утром грузовое судно, обычно доставлявшее колонии уголь из Кардифа, бросило якорь в порту Антекирты. Во время плавания дурная погода заставила его сделать остановку в Гибралтаре, где капитан получил на почте письмо до востребования, адресованное доктору. Это письмо давно пересылалось

из одной почтовой конторы в другую, но до сих пор так и не дошло по назначению.

Доктор взял письмо, испещренное штемпелями Мальты, Катании, Рагузы, Сеуты, Отранто, Малаги, Гибралтара.

Адрес был написан крупным неровным почерком: очевидно, человек, начертавший эти каракули, разучился писать или у него уже не было сил водить пером по бумаге. К тому же на конверте стояла только фамилия доктора и трогательная приписка:

*«Доктору Антекирту,
на волю божью».*

Доктор разорвал конверт, развернул письмо — пожелтевший листок бумаги — и прочел следующие строки:

«Господин доктор,

Да поможет господь, чтобы это письмо попало к вам в руки!.. Я очень стар!.. Я могу умереть!.. Она останется совсем одна на свете!.. Сжальтесь над госпожой Батори, ее скорбная жизнь уже подходит к концу!.. Помогите ей!.. Помогите!

Ваш покорный слуга

Борик».

В уголке письма стояло слово «Карфаген», а ниже — «Тунис».

Доктор был один в гостиной Ратуши, когда чигал это письмо. У него вырвался крик, в котором слышались одновременно и радость и отчаяние. Он обрадовался, что нашел, наконец, следы госпожи Батори, и тут же пришел в ужас, заметив, что письмо послано более месяца тому назад!

Тотчас же был вызван Луиджи.

— Немедленно предупреди капитана Кестрика, Луиджи, — сказал доктор. — Пусть он прикажет поднять пары. «Феррато» должен быть готов к отплытию ровно через два часа!

— Через два часа яхта выйдет в море, — ответил Луиджи. — Вы сами едете, господин доктор?

- Да.
- Переход предстоит долгий?
- Он займет не более трех-четырех дней.
- Вы кого-нибудь берете с собой?
- Да, разыщи Петера, он будет сопровождать меня.
- Петер руководит работами на острове Кенкраф, но он вернется через час, самое большее.
- Я хочу также, Луиджи, чтобы и твоя сестра поехала с нами. Пусть она тотчас же приготовится к отъезду.
- Будет сделано.
- И Луиджи поспешно вышел из комнаты, чтобы исполнить полученные приказания.
- Через час Петер был уже в Ратуше.
- На, прочти, — сказал доктор, протягивая ему письмо Борика.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Встреча

Паровая яхта снялась с якоря незадолго до полудня и вышла в море под командованием капитана Кестрика и его помощника, Луиджи Феррато. Пассажиров на борту было немного: доктор, Петер и Мария, которой предстояло ухаживать за госпожой Батори в случае, если ее невозможно будет сразу же перевезти из Карфагена на остров Антекирту.

Нетрудно себе представить, какие чувства обуревали Петера Батори. Он знал, где его мать, знал, что скоро ее увидит!.. Но почему Борик так поспешно увез госпожу Батори из Рагузы на этот далекий тунисский берег? И в каком положении найдет он их обоих?

Мария, которой Петер поверял свои сомнения и страхи, неизменно отвечала ему словами, исполненными надежды и благодарности всевышнему. Она усматривала вмешательство провидения в том, что письмо Борика попало в руки доктора.

По приказу капитана «Феррато» развил максимальную скорость. Давление в котлах было доведено до предела, и судно делало в среднем пятнадцать миль в

час. Расстояние между заливом Большой Сирт и мысом Бон, на северо-востоке Туниса, не превышает тысячи километров, а от мыса Бон до Ла-Гуллетт, в Тунисском заливе, всего полтора часа плавания на быстроходной яхте. Итак, если не разыграется буря и не случится аварии, «Феррато» прибудет через тридцать часов к месту назначения.

Море было спокойно, и волнение не усилилось, когда яхта вышла из залива Большой Сирт. Ветер дул с северо-запада, но не грозил перейти в шторм. Капитан Кестрик держал курс на мыс Бон и даже несколько южнее этой точки, чтобы легче было подойти к берегу, если ветер посвежеет. Он собирался обогнуть мыс Бон, держась как можно ближе к суше, а потому не хотел приближаться к острову Пантеллерия, который лежит на полпути между этим мысом и Мальтой.

Западнее залива Большой Сирт берег, плавно закругляясь, выдается в море. Здесь тянутся владения Триполитании. Дальше, между островом Джерба и городом Сфаксом, расположен залив Габес; затем береговая линия несколько отклоняется к востоку, образуя за мысом Диниас залив Хаммамет, и дальше идет на север до крайней точки мыса Бон.

«Феррато» шел по направлению к заливу Хаммамет, где он должен был приблизиться к суше и затем уже плыть вдоль берега до своего места назначения — Ла-Гуллетт.

В течение третьего ноября и в ночь на четвертое волнение значительно усилилось. В самом деле, достаточно в этих местах подняться даже небольшому ветру, чтобы море разбушевалось — ведь в районе залива Большой Сирт проходят наиболее изменчивые течения Средиземного моря. На следующий день, часов в восемь утра, как раз на широте мыса Диниас показалась земля, и под защитой высокого берега плыть можно было легче и быстрее.

«Феррато» шел в каких-нибудь двух милях от суши, и путешественникам все было видно как на ладони. За заливом Хаммамет судно еще ближе подошло к берегу и на широте Келибии оказалось у бухточки Сиди-Юсуф, защищенной с севера длинной грядой скал. Ее

окаймлял красивый песчаный пляж, а за ним тянулась цепь невысоких холмов, покрытых чахлым низкорослым кустарником, с трудом пробивавшимся среди камней. Вдали вырисовывались отроги горного массива, пересекающего эту страну. Выделяясь белым пятном на фоне зелени, то там, то тут виднелась заброшенная мечеть. На переднем плане показались развалины небольшой старинной крепости, а над ними, на вершине холма, закрывающего с севера доступ в бухту Сиди-Юсуф, стоял сравнительно хорошо сохранившийся форт.

Однако местность не была пустынна. Под защитой скал, в полукабельтове от берега, укрылось несколько левантинских кораблей — шебек и полак. Вода в этом месте так прозрачна, что в глубине ее можно было различить черные камни, слегка волнистое песчаное дно и врезавшиеся в него якоря, которые, преломляясь в зеленоватой толще воды, принимали самые причудливые очертания.

На берегу, у подножия небольших дюн, поросших мастиковыми деревьями и тамариндами, раскинулось кочевье — дуар, состоявшее из каких-нибудь двадцати желтых полосатых палаток, сильно выцветших на солнце. Можно было подумать, что это широкий арабский бурнус, небрежно брошенный на песок. Вокруг дуара паслись бараны и овцы, похожие издали на черных воронов, и казалось, достаточно одного выстрела, чтобы вся стая унеслась прочь с пронзительными криками. Возле узкой кромки скал, очевидно служивших пристанью, виднелось несколько верблюдов: одни лежали на песке, другие пережевывали жвачку, стоя неподвижно, словно замороженные.

Когда яхта проходила мимо бухточки Сиди-Юсуф, доктор заметил, что там выгружали на берег боевые припасы, оружие и даже несколько полевых орудий. По своему положению на этом отдаленном берегу Туниса бухточка как нельзя более подходила для такой контрбандной торговли.

Луиджи обратил внимание доктора на оживление, царившее на берегу.

— Если я не ошибаюсь, Луиджи, — ответил доктор, — арабы приезжают сюда за оружием. Может

быть, оно предназначается горцам для борьбы против французских войск, только что высадившихся в Тунисе. А вернее всего, им снабжают многочисленных сенуситов — этих разбойников на море и на суше, которые как раз сосредоточивают свои силы в Киренаике. Мне кажется, эти люди скорее похожи на уроженцев Центральной Африки, чем на жителей Туниса!

— Но почему тунисские власти и французская администрация не препятствуют переброске оружия и боевых припасов? — спросил Луиджи.

— В столице Туниса ничего не знают о том, что происходит по эту сторону мыса Бон, — объяснил доктор, — и даже когда французы завладеют территорией Туниса, можно опасаться, что восточное побережье еще нескоро будет завоевано! Как бы то ни было, выгрузка оружия кажется мне весьма подозрительной; если бы не быстроходность «Феррато», эта флотилия непременно напала бы на нас. Но арабам нас не догнать.

И в самом деле, будь у арабов такое намерение, опасаться их не приходилось. Менее чем за полчаса паровая яхта миновала бухточку Сиди-Юсуф. Потом, приблизившись к мысу Бон, точно высеченному чьей-то могучей рукой на африканском материке, она быстро обогнула маяк, освещающий по ночам причудливую россыпь скал, которой заканчивается этот мыс.

И вот уже «Феррато» несется на всех парах по Тунисскому заливу, ограниченному с одной стороны мысом Бон, а с другой Карфагенским мысом. Слева тянутся отроги горных цепей Бон-Карнин, Росса, Загуан, а в глубине ущелий приютились кое-где маленькие деревушки. Справа во всем блеске раскинулся священный город Сиди-бу-Саид с его великолепными старинными дворцами; повидимому, в древности он был предместьем Карфагена. Дальше, весь белый в лучах жгучего солнца, сверкает Тунис. Его дома высятся над лагуной Эль-Бахира, позади канала, гостеприимно открытого для путешественников, прибывающих из Европы.

В двух-трех милях от Ла-Гуллетт на якорях стояла французская эскадра, а ближе к берегу покачивались на волнах несколько коммерческих судов, прида-

вавших нарядный вид рейду своими разноцветными флагами.

Был час пополудни, когда «Феррато» бросил якорь в трех кабельтовых от порта Ла-Гуллетт. После посещения карантинных властей и обычных формальностей пассажирам паровой яхты было разрешено сойти на берег. Доктор Антекирт, Петер и Луиджи с сестрой сели в вельбот, который тотчас же отвалил от яхты. Обогнув мол, он проскользнул по узкому каналу, между двумя тесными рядами лодок, барж и шлюпок, и причалил к берегу у обсаженной деревьями площади, на которую выходят фасады вилл, контор, кафе; здесь, в начале главной улицы Ла-Гуллетт, все время толпятся мальтийцы, евреи, арабы, французские и туземные солдаты.

На письме Борика стояло слово «Карфаген». Это название да жалкие развалины — вот все, что осталось от древнего города Ганнибала.

Желающим добраться до Карфагена вовсе не надо ехать по железной дороге, проведенной между Ла-Гуллетт и Тунисом и огибающей лагуну Эль-Бахира. До небольшого холма, на котором стоит часовня св. Людовика и монастырь алжирских миссионеров, нетрудно дойти пешком по ровному песчаному берегу или по пыльной дороге, выходящей по долине.

Когда вельбот пристал к берегу, на площади стояло несколько наемных экипажей, запряженных маленькими лошадаками. Наши друзья мигом вскочили в один из них, приказав кучеру ехать как можно скорее в Карфаген. Лошади пробежали крупной рысью по главной улице Ла-Гуллетт, и вскоре экипаж выехал на дорогу, по обеим сторонам которой выстроились роскошные виллы тунисских богачей, где они проводят жаркое время года. А ближе к морю, там, где некогда находился порт древнего города, возвышались дворцы Кередин и Мустафа. Две с лишним тысячи лет тому назад Карфаген — этот соперник Рима — занимал все побережье от косы Ла-Гуллетт до Карфагенского мыса.

Часовня св. Людовика построена на холмике высотой в двести футов, в том месте, где, по преданию, умер в 1270 году король Франции. Место это огорожено ре-

шеткой, но там гораздо меньше деревьев и кустов, чем обломков античных статуй, ваз, пилястров, колонн, капителей и стел. Позади часовни находится монастырь миссионеров, настоятелем которого был в то время ученый-археолог, отец Делатр. Отсюда открывается вид на все побережье от Карфагенского мыса до предместья Ла-Гуллетт.

У подножия холма расположились несколько дворцов в арабском стиле, но с английскими «пирсами», к причалам которых, изящно выдвинутым в море, могут приставать самые различные суда. Вдалеке виднеется великолепный залив, где, правда, нет античных развалин, зато каждая коса, каждый мыс, каждая гора связаны с каким-нибудь историческим воспоминанием.

Дворцы и виллы разбросаны по всему побережью до того места, где некогда находился карфагенский порт; кое-где на дне оврагов, среди каменных россыпей, или на сероватой земле, почти непригодной к обработке, примостились жалкие домишки бедняков. Большинство их обитателей зарабатывают себе на жизнь тем, что подбирают или выкапывают из земли более или менее ценные предметы карфагенской эпохи — бронзу, камни, глиняные изделия, медали, монеты, которые монастырь покупает для своего археологического музея скорее из жалости к этим беднякам, чем по необходимости.

У иных лачуг всего две-три стены. Можно подумать, что это развалины древних мечетей, сохранившие свою белизну в этой солнечной стране.

Доктор и его спутники подъезжали к каждому дому, тщательно осматривали его, разыскивая повсюду госпожу Батори, хотя им трудно было поверить, что она могла впасть в такую нищету.

Вдруг экипаж осановился у полуразрушенного дома, где вместо двери зияло отверстие, пробитое в заросшей травой и кустами стене.

Перед лачугой сидела старуха в темном плаще.

Петер узнал ее!.. У него вырвался крик!.. Это была его мать!.. Он подбежал к ней, бросился на колени, обхватил ее руками!.. Но она не отвечала на ласки сына и, казалось, не узнавала его!

— Матушка!.. Матушка!.. — повторял он. Доктор, Луиджи и Мария обступили госпожу Батори.

В этот миг из-за угла дома показался старик.

Это был Борик.

Прежде всего он узнал доктора Антекирта, и ноги у него подкосились. Потом заметил Петера... Петера, которого сам проводил в последний путь на кладбище в Рагузе!.. Это было уж слишком! Старик замертво упал на землю, успев только прошептать:

— Она потеряла рассудок.

Итак, Петер нашел свою мать, но тело ее было лишено души! И даже внезапное появление сына, которого она считала мертвым, не пробудило в ней воспоминаний о прошлом!

Госпожа Батори встала, глаза ее, еще не совсем потухшие, растерянно блуждали по сторонам. Никого не узнав, не промолвив ни слова, она вошла в лачугу, куда по знаку доктора за ней последовала Мария.

Петер остался недвижно стоять на пороге: он не мог, не смел сделать ни одного шага!

Между тем доктору удалось привести в сознание Борика, и, открыв глаза, старик воскликнул:

— Вы, господин Петер!.. Вы живы?

— Да!.. — ответил Петер. — Да!.. Я жив... Но лучше бы мне было умереть!

В нескольких словах доктор передал Борiku все, что произошло в Рагузе, после чего старый слуга слабым, прерывающимся голосом с трудом рассказал обо всех бедствиях, пережитых им за последние два месяца.

— Скажите, Борик, — спросил еще до этого доктор, — госпожа Батори потеряла рассудок после смерти сына?

— Нет, сударь, нет! — ответил Борик.

И вот что он поведал.

Оставшись одна на свете, госпожа Батори решила переехать из Рагузы в деревушку Винтичелло, где у нее были дальние родственники. Перед отъездом она распорядилась продать свой скромный домик вместе со всем имуществом, ибо жить там не собиралась.

Через полтора месяца она вернулась вместе с Бориком в Рагузу, чтобы закончить свои дела, и в почто-

вом ящике на улице Маринелла нашла какое-то письмо.

Прочитав это письмо, госпожа Батори громко вскрикнула, бросилась со всех ног на улицу Страдоне и постучалась в дверь особняка Торонталя, которая тут же отворилась.

— Мать пошла к Торонталю?! — воскликнул Петер.

— Да! — подтвердил Борик. — И когда я нагнал госпожу Батори, она меня не узнала!.. Она потеряла...

— Но зачем же мать пошла к Торонталю?.. За чем? — повторял Петер, с недоумением глядя на старого слугу.

— Может, она хотела поговорить с господином Торонталем, — высказал предположение Борик. — Но оказалось, что он уехал вместе с дочерью два дня тому назад, и никто не мог сказать, куда именно.

— Ну, а письмо?.. Письмо?..

— Я так его и не нашел, господин Петер, — ответил старик. — Думаю, госпожа Батори потеряла письмо или уничтожила, а возможно, оно было похищено у нее, только я никогда не узнал, о чем там говорилась!

Здесь крылась какая-то тайна. Доктор, слушавший Борика в полном молчании, не знал, что и подумать о странном поведении госпожи Батори. Что заставило ее отправиться в особняк на улице Страдоне, которого она должна была бы всячески избегать, и почему отъезд Торонталя так потряс несчастную женщину, что она сошла с ума?

Старый слуга закончил в нескольких словах свой рассказ. Ему удалось скрыть от людей душевное заблуждение хозяйки, и он распродал все их имущество. Тихое, спокойное помешательство вдовы Иштвана Батори позволило ему действовать, не вызывая подозрений. Он хотел только одного: укрыться в каком-нибудь месте, безразлично где, только бы подальше от этого проклятого города. Через несколько дней он сел с госпожой Батори на пассажирский пароход, совершающий рейсы по Средиземному морю, и добрался до Туниса, или, точнее, до Ла-Гуллетт. Здесь он и решил поселиться.

Они заняли эту заброшенную лачугу, и старик посвятил себя уходу за своей хозяйкой, которая, повиди-

тому, потеряла не только рассудок, но и дар речи. Теперь денег у Борика оставалось так мало, что им грозила полная нищета.

Тут старый слуга вспомнил о докторе Антекирте и о сочувствии, которое тот всегда оказывал семейству Иштвана Батори. Но Борик не знал, где искать доктора. Все же он написал несколько строк и послал на волю божью свой отчаянный призыв. Оказалось, что провидение довольно хорошо справилось с задачей почтового ведомства, ибо письмо дошло до адресата!

Само положение подсказывало, что надо предпринять. Госпожу Батори усадили в коляску с Петером, Бориком и Марией, которая отныне должна была неотлучно оставаться при ней. Впрочем, несчастная больная не оказала ни малейшего сопротивления. Экипаж покатил по дороге в Ла-Гуллетт, между тем как доктор и Луиджи направились туда же пешком по песчаному берегу.

Час спустя все были на борту яхты. Якорь тут же подняли, и «Феррато», обогнув мыс Бон, взял курс на маяк острова Пантеллерия. Через день, на рассвете, судно уже входило в порт Антекирты.

Госпожу Батори тотчас же высадили на берег, отвезли в Артенак и поместили в одну из комнат Ратуши, куда переселилась и Мария, чтобы ухаживать за ней.

Как страдал Петер Батори! Его мать потеряла рассудок при обстоятельствах, которые, повидимому, так и не удастся выяснить. Ах, если бы узнать причину болезни госпожи Батори, тогда еще можно было бы вызвать какую-нибудь спасительную реакцию! Но никто этой причины не знал и вряд ли когда-нибудь узнает!

— Необходимо вылечить больную!.. Да!.. Необходимо! — решил доктор и посвятил себя этой задаче.

Дело было, однако, трудное, ибо госпожа Батори по-прежнему ничего не слышала, не замечала, и прошлое никогда не всплывало в ее памяти.

Но разве нельзя было использовать в лечебных целях ту огромную силу внушения, которой обладал доктор? Разве не следовало прибегнуть к животному магнетизму, чтобы вернуть рассудок несчастной женщине, — погрузить ее в гипнотический сон и не про-

буждать до тех пор, пока не наступит желаемая реакция?

Петер Батори заклинал доктора сделать все возможное, чтобы вылечить его мать.

— Видишь ли, — отвечал доктор, — здесь гипноз не поможет! Душевнобольные как раз сильнее всего противятся внушению. Чтобы поддаться гипнозу, Петер, твоя мать должна была бы иметь собственную волю, которую я заменил бы своей! Повторяю, на нее гипноз не подействует!

— Не может быть! — твердил Петер, который никак не мог примириться с этой мыслью. — Нет, я ни за что не поверю, чтобы мать так и не узнала меня. Придет день, и она узнает сына... сына, которого считает умершим!

— Да!.. Считает умершим! — повторил доктор. — Но... если бы она считала тебя живым... или очутилась перед твоей могилой... а ты вдруг появился бы перед ней...

Доктор ухватился за эту мысль. Ведь при благоприятных обстоятельствах такое нервное потрясение могло оказать прекрасное действие на госпожу Батори!

— Да, я попытаюсь! — воскликнул он.

И когда доктор объяснил, каким образом он надеется вылечить госпожу Батори, Петер бросился в его объятия.

Начиная с этого дня стали тщательно готовить задуманную доктором инсценировку. Речь шла о том, чтобы вызвать у госпожи Батори тяжелые воспоминания, стертые болезнью, и сделать это в обстановке, поражающей воображение, — тогда можно было надеяться, что в ее сознании произойдет благотворный сдвиг.

Итак, доктор обратился к Борику и Пескаду с просьбой воспроизвести как можно точнее рагузское кладбище и склеп семейства Батори.

На кладбище острова, в какой-нибудь миле от Артенака, стояла под купами вечнозеленых деревьев часовенка, очень похожая на ту, которая находилась в Рагузе. Оставалось внести кое-какие изменения, чтобы придать еще больше сходства этим двум памятникам. Затем во внутреннюю стену часовни вделали черную

мраморную доску, где были начертаны имя Иштвана Батори и дата его смерти — 1867 год.

Тринадцатого ноября все было готово, оставалось приступить к испытаниям и постараться постепенно пробудить рассудок госпожи Батори.

Часов в семь вечера Мария и Борик вывели вдову из Ратуши и проводили на кладбище. На пороге часовенки госпожа Батори остановилась, равнодушная и безразличная, как всегда, хотя при свете лампады ясно выделялось имя Иштвана Батори, выгравированное на мраморной доске. Только когда Мария и старик слуга опустились на колени, в глазах больной блеснула искра сознания, но тотчас же потухла.

Через час госпожа Батори вернулась в Ратушу, а вместе с нею и все те, кто наблюдал хотя бы издали за этим опытом.

Прогулка повторялась изо дня в день, но безрезультатно. Петер Батори, сильно волнуясь, присутствовал на всех испытаниях и уже отчаивался в успехе, хотя доктор твердил ему, что время — их лучший помощник. Вот почему он намеревался нанести последний удар, лишь когда госпожа Батори будет достаточно подготовлена, чтобы ощутить всю его силу.

И все же при каждом посещении кладбища в душевном состоянии госпожи Батори наблюдалась некоторая перемена. Так, однажды вечером, когда Борик и Мария опустились на колени на пороге часовни, госпожа Батори, остановившаяся позади них, медленно приблизилась к железной ограде, положила на нее руку и, взглянув на мраморную доску, освещенную лампадой, поспешно удалилась.

Мария, следовавшая за ней, услышала, как старуха несколько раз прошептала чье-то имя.

Впервые за долгое время госпожа Батори заговорила!

Но каково было удивление, более того, недоумение тех, кто расслышал, что она сказала!

Госпожа Батори произнесла не имя своего сына, не **имя** Петера!.. Нет, она назвала Саву!

Легко понять, что испытал при этом Петер Батори, но кто опишет бурю, поднявшуюся в душе доктора при

столь неожиданном упоминании имени Савы Торонталь? Однако он ничего не сказал, и на лице его не отразилось ни малейшего волнения.

Вскоре опыт опять повторили. На этот раз госпожа Батори, словно ею руководила чья-то невидимая рука, сама опустилась на колени на пороге часовни. Голова ее поникла, глубокий вздох вырвался из груди, слеза скатилась по щеке. Но в этот вечер ни одно слово не слетело с ее уст, можно было подумать, что старуха забыла имя Савы.

По возвращении в Ратушу больной овладело необычное для нее нервное возбуждение. Апатия, столь характерная для состояния госпожи Батори, сменилась странной экзальтацией. Очевидно, душа ее оживала, и это давало надежду на выздоровление.

Ночь прошла беспокойно, тревожно. Госпожа Батори бормотала какие-то невнятные слова, которых Мария так и не разобрала, но было ясно, что больная говорит во сне. А если она видит сны, значит рассудок возвращается к ней, значит она выздоровеет, необходимо только, чтобы ее душевная жизнь не замерла после пробуждения!

Поэтому доктор решил сделать на следующий же день новую попытку, но обставить все так, чтобы про-извести на больную потрясающее впечатление.

Весь день восемнадцатого ноября госпожа Батори находилась в состоянии сильнейшего нервного возбуждения, что очень удивляло Марию. А у Петера, почти не разлучавшегося с матерью, сердце замирало от предчувствия счастья.

После жаркого дня, какие бывают на широте Антекирты, наступила ночь, ночь темная и душная, без малейшего ветерка.

Госпожа Батори вышла из Ратуши около половины девятого в сопровождении Марии и Борики. Доктор шел сзади с Луиджи и Пескадом.

Вся маленькая колония с тревогой ожидала, что будет дальше. Факелы озаряли красноватым светом высокие деревья кладбища и вход в часовню. Вдалеке, в церкви Артенака, однообразно, уныло звонил колокол, точно созывая всерующих на похороны.

В процессии, медленно двигавшейся по дороге, доставало только Петра Батори. Но если он и опередил своих друзей, то лишь для того, чтобы появиться в конце этого решающего испытания.

Было около девяти часов, когда госпожа Батори пришла на кладбище. Внезапно она отстранила Марию Феррато, на руку которой опиралась, и поспешно направилась к маленькой часовне.

Никто не удерживал больную, было ясно, что она действует под влиянием непреодолимого чувства, внезапно овладевшего ею.

Среди глубокой тишины, прерываемой лишь звоном колокола, госпожа Батори замерла у двери часовенки, затем опустилась на колени на первой же ступеньке и закрыла лицо руками... Послышались рыдания.

В эту минуту решетка часовни медленно открылась. Озаренный ярким светом, на пороге появился Петер в белом саване, как мертвец, восставший из гроба...

— Сын!.. Сын мой! — воскликнула госпожа Батори, протягивая к нему руки, и тут же упала без чувств.

Но какое это имело значение! Важно было, что воспоминание, мысль пробудились в ней! Сердце матери заговорило: она узнала сына!

Доктору вскоре удалось привести в чувство больную, и когда госпожа Батори окончательно очнулась и глаза ее встретились с глазами сына, она воскликнула:

— Ты жив, Петер!.. Жив!

— Да!.. Я остался жив, матушка, для тебя, родная, чтобы любить тебя...

— И ее тоже!..

— Кого?

— Саву!..

— Саву Торонталь?.. — крикнул доктор.

— Нет!.. Саву Шандор!

И госпожа Батори, вытащив из кармана смятое письмо, написанное перед смертью госпожой Торонталь, протянула его доктору.

Эти строчки не оставляли ни малейшего сомнения относительно того, кто были родители Савы!.. Сава в младенческом возрасте была похищена из замка Арте-нак!.. Сава была дочерью графа Матиаса Шандора!

Часть пятая

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Пожатие руки Матифу

Как известно, граф Матиас Шандор пожелал остаться доктором Антекиртом для всех членов маленькой колонии, кроме Петера, до тех пор, пока его задача не будет окончательно выполнена. Вот почему, когда госпожа Батори неожиданно произнесла имя его дочери, он огромным усилием воли подавил волнение. И все же сердце отца на минуту перестало биться, и, потеряй доктор Антекирт власть над собой, он рухнул бы у порога часовни, как человек, пораженный молнией.

Итак, его дочь жива! Она любит Петера и любима юношей! Он же, Матиас Шандор, сделал все, чтобы помешать их союзу! И тайна, благодаря которой он вновь обрел свою дочь, никогда не была бы открыта, если бы рассудок, словно чудом, не вернулся к госпоже Батори!

Что же произошло пятнадцать лет тому назад в замке Артенак? Теперь все было ясно! Девочка, единственная наследница графа Матиаса Шандора, была похищена из замка и передана в руки Силасу Торонталью, вот почему труп ее так и не удалось обнаружить. А несколько позже, когда банкир переселился в Рагузу, госпожа Торонталь, повидимому, уже воспитывала Саву Шандор как родную дочь.

Таков был преступный замысел Саркани, выполненный его сообщницей Намир! Саркани прекрасно

знал, что по достижении восемнадцати лет Сава может вступить во владение огромным состоянием. Ему надо лишь жениться на девушке, а там он уже заставит признать ее права на наследство Шандора. Он станет хозяином поместья Артенак. В самом деле, это было бы достойным завершением его омерзительной жизни!

Но удалось ли довести до конца этот гнусный план? Очевидно, нет. Если бы брак состоялся, Саркани поспешил бы использовать его в своих корыстных целях.

Как горько упрекал себя теперь доктор Антекирт! Разве не он виновник этого пагубного сцепления обстоятельств? Сначала он отказал в помощи Петеру, потом предоставил полную свободу действий Саркани, тогда как в Катаро мог бы совершенно обезвредить этого негодяя, и, наконец, не вернул госпоже Батори сына, вырванного им из когтей смерти! Сколько несчастий удалось бы избежать, если бы Петер находился подле своей матери в ту минуту, когда письмо госпожи Торонталь было получено в доме на улице Маринелла! Зная, что Сава дочь прафа Шандора, Петер сумел бы спасти ее от Саркани и Торонталья!

Что случилось с Савой Шандор? Конечно, она была во власти Саркани! Но где он прятал ее? Как вырвать девушку из рук похитителя? А между тем через несколько недель дочери графа Шандора исполнится восемнадцать лет, она станет совершеннолетней, что даст ей право на получение отцовского наследства. Саркани пойдет на что угодно, лишь бы принудить ее к браку с ним, хотя этот брак и внушает девушке отвращение.

Эти мысли мгновенно пронеслись в голове доктора Антекирта. Обратившись к прошлому, он понял, какие упреки, правда не заслуженные, могли ему бросить вдова и сын Иштвана Батори! И, однако, если бы все обстояло так, как он предполагал, разве имел право граф Шандор допустить женитьбу Петера на девушке, которая была для всех, да и для него самого дочерью банкира Торонталья?

А теперь надо было во что бы то ни стало разыскать Саву, воспоминание о которой все эти годы жило в сердце доктора Антекирта. Ведь это в ее честь он окрестил свою шкуну «Саварена», присоединив имя дочери

к имени жены, графини Рены, подобно тому, как паровую яхту назвал именем рыбака Феррато! Нельзя было терять ни одного дня.

Госпожа Батори уже находилась в Ратуше, когда доктор молча вернулся туда в сопровождении Петера, который то и дело переходил от бурной радости к глухо-бокому отчаянию.

Сильно ослабевшая после испытанного потрясения, но совершенно исцеленная, госпожа Батори сидела у себя в комнате, когда доктор и Петер вошли к ней.

Мария, побоявшись оказаться лишней, вышла в большой зал Ратуши.

Доктор подошел к вдове, опираясь на плечо Петера.

— Госпожа Батори, — произнес он, — я уже давно питаю к вашему сыну отцовские чувства, но отныне я сделаю все возможное, чтобы он стал моим настоящим сыном, женившись на Саве.. моей дочери ..

— На вашей дочери?! — воскликнула госпожа Батори.

— Да, я граф Матиас Шандор!

Госпожа Батори привстала с кресла, протянула вперед руки и непременно упала бы, если бы сын не поддержал ее. Она не в силах была говорить, но зато могла слушать. Петер в нескольких словах рассказал ей то, чего она не знала; объяснил, каким образом Матиас Шандор был спасен благодаря самоотверженности рыбака Андреа Феррато, почему граф целых пятнадцать лет считался умершим и каким образом появился в Рагузе под именем доктора Антекирта Юноша открыл ей также, что триестских заговорщиков предали Саркани и Силас Торонталь, сообщил о подлости Карпены, погубившего Андреа Феррато и Иштвана Батори, и о том, как доктор спас его, Петера, погребенного заживо на кладбище в Рагузе, чтобы сделать борцом за правое дело. Он добавил в заключение, что двое негодяев — банкир Силас Торонталь и испанец Карпена — уже находятся в их власти и недостает только третьего — Саркани, намеревающегося жениться на Саве Шандор!

Целый час беседовали доктор, госпожа Батори и ее сын, которых должны были вскоре соединить еще

более тесные узы, подробно обсуждая все, что касалось несчастной молодой девушки. Саркани не отступит ни перед чем, лишь бы принудить Саву к браку, который должен принести ему состояние графа Шандора. Этот вопрос особенно беспокоил трех друзей. Правда, в прошлом все усилия негодяя ни к чему не привели, но что ее ждет впереди — страшно подумать. Итак, надо поскорее разыскать Саву, хотя бы для этого пришлось перевернуть небо и землю!

Прежде всего решили, что ни один человек, кроме госпожи Батори и Петера, не должен знать о том, кто скрывается под именем доктора Антекирта. Открыть тайну — значило бы признать, что Сава является дочерью графа Матиаса Шандора, а в интересах дела следовало пока молчать об этом.

— Но где же Сава?.. Где искать ее?.. У кого узнать, где она скрывается? — с беспокойством спрашивала госпожа Батори.

— Мы это узнаем, — ответил Петер, отчаяние которого сменилось бурным приливом энергии.

— Да, узнаем! — отозвался доктор. — Допустим даже, что Силасу Торонталю неизвестно, куда скрылся Саркани, но он должен знать, где негодяй прячет мою дочь...

— Ну, а если он это знает, мы заставим его сказать! — воскликнул Петер.

— Да!.. Заставим! — повторил доктор.

— Сию минуту!

— Да! Сию минуту!

Доктор Антекирт, госпожа Батори и Петер не могли дольше оставаться в неизвестности.

Тотчас же был вызван Луиджи, находившийся в большом зале вместе с Марией, Пескадом и Матифу. Он получил приказ отправиться с Матифу за Силасом Торонталем и немедленно привести его из крепости.

Через четверть часа банкир покинул камеру, в которую был заключен, и пошел по главной улице Артенака вслед за Матифу, крепко державшим его за руку. По дороге Торонталь спросил Луиджи, куда его ведут, но не получил ответа. Беспкойство Торонталья все

возрастало, ведь он даже не знал, в чьей власти находился все это время.

Все трое вошли в зал, впереди — Луиджи, за ним — Торонталь и Матифу, не выпускавший руки банкира. Прежде всего пленник увидел Пескада, так как госпожа Батори с сыном отошли в сторону. Неожиданно перед банкиром вырос доктор Антекирт, с которым он напрасно пытался встретиться во время останковки яхты «Саварена» в Рагузе.

— Это вы!.. Вы! — воскликнул Торонталь, затем, с трудом овладев собой, добавил: — Так это доктор Антекирт захватил меня на территории Франции!.. Это он держит меня в плену! Зачем, по какому праву?

— Чтобы совершить правосудие! — ответил доктор.

— Что я вам сделал? — спросил банкир, которого присутствие доктора несколько ободрило. — Скажите, что я вам сделал?

— Мне?.. Вы сейчас узнаете, — проговорил доктор. — Но вспомните прежде, сколько зла вы причинили этой несчастной женщине..

— Госпожа Батори! — вскрикнул банкир, отступая перед подошедшей к нему вдовой.

— А также ее сыну! — прибавил доктор.

— Петер!.. Петер Батори! — пробормотал Силас Торонталь.

И он, наверно, упал бы, если бы Матифу не поддерживал его своей могучей рукой.

Итак, Петер Батори, которого он считал мертвым, Петер, тело которого провезли на катафалке мимо особняка банкира, Петер, похороненный на кладбище в Рагузе, предстал перед ним как выходец из загробного мира! Неожиданное появление этого человека повергло в ужас Силаса Торонталья. Он понял, что ему не избежать кары за свои преступления, и почувствовал, что погиб.

— Где Сава? — неожиданно спросил доктор.

— Моя дочь?..

— Сава не ваша дочь!.. Сава дочь графа Матнаса Шандора, которого вы с Саркани послали на смерть,

подлю предав его самого и двух его соратников — Иштвана Батори и Ладислава Затмара!

Выслушав это гневное обвинение, банкир совершенно пал духом. Доктор Антекирт знает, что Сава не дочь банкира, что ее отец граф Матиас Шандор! Ему известно, как и кем выданы заговорщики из Триеста! Все отвратительное прошлое Силаса Торонталья стало против него.

— Где Сава? — повторил доктор, едва сдерживая себя. — Где Сава, которую Саркани, ваш преступный сообщник, похитил пятнадцать лет назад из замка Артенак?.. Где Сава? Ведь негодяй спрятал ее, он хочет вырвать у девушки согласие на брак с ним, хотя этот брак и внушает ей отвращение!.. Вы знаете, где она сейчас, вы должны это знать!.. В последний раз спрашиваю вас, где Сава?

Вид доктора был страшен, в его голосе звучала угроза, и все же Силас Торонталь не ответил. Он понимал, что его будут шадить до тех пор, пока никому не известно, где находится молодая девушка. Он чувствовал, что эта тайна служит ему защитой.

— Слушайте же, — продолжал доктор, которому с трудом удалось взять себя в руки, — слушайте меня хорошенько, Тсронталь! Быть может, вы считаете себя обязанным шадить сообщника! Бойтесь заговорить, чтобы не повредить ему! Так знайте же, что, разорив вас, Саркани решил вас убить, как некогда Петера Батори в Рагузе! Негодяй хотел обеспечить этим ваше молчание!.. Да, он собирался убить вас в ту минуту, когда мои агенты схватили вас на дороге в Ниццу!.. Неужели вы и теперь будете упорствовать в своем молчании?

Но Силас Торонталь не отвечал, цепляясь за мысль, что молчать для него — спасение.

— Где Сава?.. Где Сава?.. — твердил доктор, уже не владея собой.

— Не знаю!.. Не знаю!.. — отвечал Силас Торонталь, твердо решив хранить тайну.

Вдруг он вскрикнул и, корчась от боли, попытался сттолкнуть Матифу, но это ему не удалось.

— Пощадите!.. Пощадите!.. — завопил он.

Дело в том, что Матифу, быть может сам того не сознавая, крепко сдвинул его руку.

— Пощадите! — повторил банкир.

— Будете вы отвечать или нет?

— Да... да!.. Сава... Сава... — пролепетал, запинаясь, Силас Торонталь, — Сава в Тетуане... в доме Намир... наперсницы и шпионки Саркани...

Матифу выпустил руку Торонталья, которая повисла, как плеть.

— Уведите пленника! — приказал доктор. — Мы узнали все, что хотели!

И Луиджи тотчас же вывел Силаса Торонталья из Ратуши и препроводил обратно в крепость.

Сава в Тетуане! Так, значит, около двух месяцев назад, когда доктор Антекирт и Петер Батори были в Сеуте, где они подготавливали побег испанца, всего несколько миль отделяли их от дома, где марокканка держала под замком молодую девушку!

— Сегодня же ночью, Петер, мы едем в Тетуан! — решительно заявил доктор.

В те времена не было прямой железнодорожной связи с Тунисом и Марокко. Поэтому, чтобы поскорее добраться до Тетуана, лучше всего было сесть на один из быстроходных «электро», входивших в состав флотилии Антекирты.

Еще до полуночи «Электро-2» снялся с якоря и стремительно понесся по заливу Большой Сирт.

На борту корабля находились только доктор, Петер, Луиджи, Пескад и Матифу (из них Саркани знал в лицо только Петера). По прибытии в Тетуан друзья решают, что предпринять: надо ли будет пустить в ход хитрость или прибегнуть к силе. Все будет зависеть от обстоятельств: где именно живет Саркани в этом городе с исключительно туземным населением, водворился ли он в доме Намир и есть ли у него еще сообщники. Но прежде всего надо добраться до Тетуана.

От залива Большой Сирт до марокканской границы насчитывается две тысячи пятьсот километров, что составляет около тысячи трехсот пятидесяти морских миль. При всей своей быстроходности «Электро-2» делал не более двадцати семи миль в час. Но ведь далеко

не все поезда достигают такой скорости! Итак, это длинное стальное веретено, не страшившееся ни ветра, ни волн, ни бури на море, могло в двое суток добраться до места назначения.

На следующий день до рассвета «Электро-2» уже обогнул мыс Бон. Еще несколько часов плавания, и судно, миновав Тунисский залив, потеряло из виду Бизерту. Порты Каль и Бон, мыс Дю-Фер, скалы которого содержат столько металла, что, как говорят, вызывают отклонение стрелки компаса, берега Алжира, залив Стора, города Бужи, Деллис, Алжир, Шершель, Мостаганем, Оран, Немур, горный хребет Эр-Риф, порт Мелилья, принадлежащий, как и Сеута, испанцам, мыс Трес-Форкас, за которым береговая линия делает плавный изгиб и заканчивается мысом Кабо-Негро, — вся эта панорама африканского побережья прошла перед глазами путешественников двадцатого и двадцать первого ноября. За это время не было никаких событий, никаких приключений. Никогда еще машина, приводимая в движение электрическим током, не сообщала судну такой скорости. Если бы «Электро-2» был замечен с одного из наблюдательных постов, когда он шел вдоль берега, пересекал залив или огибал мыс, его, наверно, приняли бы за корабль-призрак или за гигантского кита, которого не догнать в море ни одному пароходу.

Около восьми часов вечера доктор Антекирт, Петер, Луиджи, Пескад и Матифу сошли на берег возле устья маленькой речки, где только что бросило якорь их быстроходное судно. Шагах в ста стоял небольшой караван-сарай, где им удалось раздобыть мулов и нанять проводника-араба, который обязался довести их до Тетуана, находящегося в четырех милях от берега. Цену, запрошенную арабом, дали не торгуясь, и маленький отряд тут же тронулся в путь.

В этой части страны европейцам не приходится опасаться ни оседлого населения, ни даже кочевников. Жителей здесь мало, земля почти не обрабатывается. Дорога проходит по равнине, усеянной чахлыми кустами, и проложена она вьючными животными, а не рукою человека. По левую сторону от нее вьется речка,

и с ее илистых берегов доносится кваканье лягушек и стрекотание кузнечиков. Изредка попадаются рыбацьи лодки, которые стоят на якоре или лежат на берегу. По правую сторону тянутся плешивые холмы, постепенно переходящие к югу в горный массив.

Ночь стояла великолепная. Все кругом было залито лунным светом. Гладь реки ослепительно сверкала. На севере выступали призрачные очертания гор. Вдалеке в стлавшемся по земле тумане белел Тетуан.

Проводник-араб быстро вел маленький отряд. Два-три раза пришлось остановиться перед сторожевым постом, из окошка которого, не освещенного луной, лился желтоватый свет. Обычно из домика выходили двое марокканцев с тусклым фонарем в руках и вступали в разговор с проводником. Затем после краткого обмена приветствиями путешественники снова пускались в путь.

Доктор и его друзья молчали. Углубившись в свои мысли, они не обращали внимания на мулов, и животные, привыкшие к этой неровной каменистой дороге с выступавшими на ее поверхности корнями, уверенно шли вперед. Однако самый выносливый из мулоз иногда отставал от каравана. И, право, его не стоило ругать, — ведь на нем ехал Матифу.

Это дало повод Пескаду сострить:

— Уж лучше бы мул ехал на Матифу, чем Матифу на муле!

Около половины десятого проводник остановился перед увенчанной башенками белой зубчатой стеной, защищавшей Тетуан от нападений. В стене виднелась низенькая дверь, украшенная арабесками в марокканском стиле. Из бойниц выглядывали дула пушек, похожие на длинных кайманов, лениво дремлющих при свете луны.

Дверь была заперта. Пришлось вступить в переговоры со стражей, подкрепив свои доводы горстью монет; после этого дверь распахнулась, и путники углубились в лабиринт узких, извилистых улочек, местами перекрытых сводами; порой им преграждала путь дверь с железной решеткой, которую открывали все тем же способом.

Через четверть часа доктор и его спутники добрались до единственного в городе постоянного двора, называемого на местном наречии «фонда», который содержала немолодая еврейка, пользовавшаяся услугами некрасивой одноглазой девицы.

Отсутствие удобств в этой «фонде», убогие комнатухи которой выходили во внутренний двор, объяснялось тем, что европейцы редко заглядывают в Тетуан. В городе на несколько тысяч населения, преимущественно туземного, имеется только один представитель европейских государств — испанский консул.

Как ни хотелось доктору Антекирту узнать, где находится дом Намир, и поскорее отправиться туда, он не поддавался искушению. Действовать следовало с величайшей осторожностью. В тех условиях, в каких, вероятно, находилась Сава, похищение было делом рискованным. Друзья основательно взвесили все доводы за и против. Быть может, представится случай выкупить девушку? Однако никто не должен был знать о приезде доктора и Петера, особенно Саркани, который, возможно, находится в городе. Для него Сава служит залогом будущего богатства, и он будет крепко за нее держаться. К тому же наши путешественники находились в Марокко, а не в культурном европейском государстве, где правосудие и полиция могли бы вмешаться в дело. Как доказать в этой стране рабов, что Сава не является законной собственностью марокканки? Как доказать, что она дочь графа Шандора, ведь нет никаких документов, подтверждающих это, если не считать письма госпожи Торонталь и устного признания банкира? Дома в арабских городах так неприступны, так строго охраняются! Проникнуть в них нелегко! Тут сам кади, пожалуй, ничего не добьется, если они даже заручатся его содействием.

Итак, было решено прежде всего установить тщательное наблюдение за домом Намир, но так, чтобы не возбуждать подозрений. С утра Пескад пойдет на разведку вместе с Луиджи, который за время своего пребывания на острове Мальта, где можно встретить представителей всех стран, научился объясняться по-арабски. Они постараются выведать, в каком квартале,

на какой улице живет Намир, ведь здесь марокканку должны знать. А там будет видно, что делать.

В ожидании дальнейших событий «Электро-2» укрылся в одной из маленьких бухточек побережья, возле устья реки Тетуан, откуда по первому сигналу должен выйти в море.

Эта ночь на постоялом дворе показалась бесконечной доктору и Петеру Батори. А если Пескад и Матифу когда-нибудь мечтали спать на кроватях с фаянсовой инкрустацией, то на этот раз их желание исполнилось.

На другой день Луиджи и Пескад отправились прежде всего на базар, куда уже стекались со всех сторон горожане. Пескад знал Намир, которую много раз видел в Рагузе, когда она выслеживала кого-нибудь на улицах города по поручению Саркани. Возможно, он встретит ее здесь, беды в этом не будет, так как Намир не знает его, и Пескаду останется только последовать за марокканкой.

На главном базаре Тетуана теснятся лавчонки, сараи, навесы и низкие грязные лачуги, разделенные узкими сырыми проходами. Куски разноцветного холста, натянутые на веревках, защищают торговцев от палящих лучей солнца. В полутемных лавках продают вышитые шелковые ткани, разноцветный позумент, домашние туфли, кошельки, бурнусы, посуду, драгоценности — ожерелья, браслеты и кольца, всевозможные изделия из меди — люстры, курильницы, фонари, — словом, все те предметы, которые можно приобрести в магазинах больших европейских городов.

На базаре уже толпился народ. Люди спешили воспользоваться утренней прохладой. Сновали взад и вперед мавританки, закуганные в покрывала до самых глаз, еврейки с открытыми лицами, арабы, кабилы, марокканцы, можно было также встретить и европейцев. Вот почему Луиджи Феррато и Пескад не опасались привлечь к себе внимание.

Целый час бродили друзья по базарной площади, надеясь встретить Намир в этой пестрой толпе. Напрасно! Марокканка так и не появилась, не видно было и Саркани.

Тогда Луиджи решил расспросить полуголых мальчишек, которыми кишат все марокканские базары, причем разнообразные типы этих детей свидетельствуют о смешении всех африканских рас от горного хребта Эр-Риф до границ Сахары.

Сначала никто не мог ответить на его вопросы. Наконец, юный кабил лет двенадцати, с подвижным лицом парижского гамена, заявил, что знает дом марокканки, и предложил за несколько мелких монет проводить туда иностранцев.

Предложение было принято, и все трое направились по запутанным улочкам, ведущим к городским укреплениям. Минут через десять они добрались до пустынной части города, где редкие низкие домишки выходят на улицу глухими стенами без единого окна.

Между тем доктор и Петер Батори с лихорадочным нетерпением ждали возвращения Луиджи и Пескада. Раз двадцать они порывались выйти из «фонды» и отправиться на поиски. Но Саркани и марокканка знали в лицо обоих. Неожиданная встреча могла спугнуть негодея и его наперсницу, а разыскать их вновь было бы нелегко. Итак, доктор и Петер остались дома, хотя они места себе не находили от беспокойства. В девять часов Луиджи и Пескад вернулись на постоянный двор.

При виде их опечаленных лиц нетрудно было догадаться, что посланцы принесли дурные вести.

В самом деле, Саркани и Намир в сопровождении неизвестной молодой девушки покинули Тетуан пять недель тому назад, оставив дом под присмотром какой-то старухи.

Доктор и Петер, не ожидавшие такого удара, были буквально сражены.

— Однако причину этого отъезда легко понять! — заметил Луиджи. — Саркани, наверно, опасался, как бы Силас Торонталь из мести или по какой-нибудь другой причине не выдал его убежища!

До сих пор доктор Антекирт, неустанно преследовавший предателей, ни разу не усомнился в своих силах. Но теперь, когда ему предстояло вырвать из рук Саркани родную дочь, он потерял прежнюю уверенность!

И все же они с Петером решили тотчас же отправиться в дом Намир. И не только для того, чтобы предаваться воспоминаниям о Саве. Быть может, какая-нибудь мелочь подскажет им, что случилось с молодой девушкой? Быть может, старая еврейка, которой поручено стеречь это жилище, сообщит, или, вернее, продаст, пришельцам сведения, необходимые для дальнейших поисков?

Луиджи тотчас же отвел их в дом марокканки. Доктор, говоривший по-арабски так, словно он родился в пустыне, выдал себя за друга Саркани. По его словам, он был проездом в Тетуане и очень хотел бы познакомиться с приятелем или хотя бы осмотреть его дом.

Сначала старуха заупрямилась, но, получив горсть цехинов, сразу стала любезнее. А главное, согласилась отвечать на вопросы, которые задавал ей доктор под видом живейшего участия к Саркани.

Девушка, привезенная марокканкой, должна была выйти замуж за Саркани. Брак этот был давно решен, и, по всей вероятности, свадьба состоялась бы в Тетуане, если бы не поспешный отъезд жениха с невестой и Намир. За время, проведенное в Тетуане, то есть за три месяца, девушка ни разу не выходила из дома. Говорили, что в жилах ее течет арабская кровь, но старуха считала ее европейкой. Впрочем, она видела девушку очень редко, лишь в те дни, когда марокканка отлучалась из города, и ничего больше не могла сказать о ней.

На вопрос, куда Саркани увез обеих женщин, старуха ничего не ответила. Она знала только, что они уехали недель пять назад с караваном, который шел на восток. Теперь дом находится под ее присмотром, и она должна здесь жить до тех пор, пока Саркани не продаст его. Из этих слов можно было заключить, что негодяй не собирается возвращаться в Тетуан.

Доктор холодно выслушивал ответы старухи и тут же переводил их Петеру Батори.

Ясно было одно: Саркани не сел на пакетбот, заходящий в Танжер, не отправился он и по железной дороге, конечная станция которой находится в Оране. Он присоединился к каравану, уходившему из Тетуана. Но куда? В какой-нибудь оазис, затерянный в пустыне,

или еще дальше в глубь этой полудикой страны, где Сава будет окончательно в его власти? Как знать? На дорогах Северной Африки трудно найти следы каравана.

Доктор стал еще настойчивее расспрашивать старую еврейку. Дело в том, что он получил важные для Саркани новости, речь идет о продаже дома, от которого друг хочет отделаться. Но, как ни старался доктор, он ничего больше не выведал. По всей вероятности, старуха не знала, куда бежал Саркани, чтобы ускорить развязку этой драмы.

Доктор, Петер и Луиджи попросили разрешения осмотреть дом, устроенный по арабскому обычаю так, что все его комнаты выходили во внутренний четырехугольный двор, окруженный галереей.

Вскоре они добрались до комнаты, вернее, тюремной камеры, которую занимала Сава. Сколько часов провела здесь несчастная девушка в полном отчаянии, потеряв всякую надежду на помощь! Доктор и Петер молча оглядывали комнату: не наведет ли их что-нибудь на след беглецов?

Вдруг Антекирт быстро подошел к маленькой медной жаровне, стоявшей на треножнике в углу комнаты. На дне ее лежали наполовину обгоревшие клочки бумаги.

Быть может, это письмо написала Сава, а потом, захваченная врасплох внезапным отъездом, решила сжечь его, прежде чем покинуть Тетуан? Или же — что не менее вероятно — письмо было найдено у Савы и сожжено Саркани или Намир?

Петер внимательно следил за доктором, наклонившимся над жаровней. Что он нашел там?

На этих обрывках бумаги, которые от одного дуновения могли обратиться в пепел, ясно проступали несколько, к сожалению, неполных слов, между прочим: «Гос... Бат...»

Сава не знала, да и не могла знать об отъезде госпожи Батори из Рагузы и, очевидно, решила обратиться к единственному человеку в мире, от которого ждала помощи.

Вслед за именем госпожи Батори можно было разобрать другое имя, имя ее сына...

Петер, затаив дыхание, пытался найти еще хоть одно слово, не уничтоженное огнем!.. Но глаза его застилали слезы... Он ничего не видел!..

А между тем на этом разорванном, обуглившемся письме сохранилось слово, которое могло навести их на след Савы, слово, почти не тронутое огнем, и доктор в конце концов отыскал его.

— Триполитания! — воскликнул он.

Так, значит, Саркани решил укрыться в Триполитании, у себя на родине, где он мог жить в полной безопасности! Туда-то и направлялся караван, к которому он примкнул пять недель тому назад.

— Едем в Триполи! — заявил Антекирт.

В тот же вечер «Электро-2» вышел в море. Если Саркани и успел добраться до столицы Триполитании, наши друзья надеялись прибыть туда через несколько дней после него.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Праздник аистов

Странное зрелище представляла собой двадцать третьего ноября равнина Сунг-Эттелате, расстилающаяся за стенами Триполи. Невозможно было бы сказать в этот день, бесплодна или плодородна ее почва. Землю скрывали разноцветные шатры, украшенные кистями и яркими, кричащими флагами, а также жалкого вида шалаши, покрытые полинявшей заплатанной холстиной, которая, очевидно, плохо защищала обитателей от резкого южного ветра. То там, то тут виднелись лошади в богатой восточной сбруе, лежали верблюды, вытянув на песке плоскую голову, напоминавшую полупустой бурдюк, сновали маленькие ослики величиной с большую собаку и большие собаки величиной с маленького ослика, стояли мулы, похожие издали на двугорбых верблюдов благодаря громоздким арабским седлам с огромной лукой. Рискую кого-нибудь раздавить, в толпе мужчин, женщин и детей гар-

цевали всадники с ружьем за плечами и обоюдоострой саблей за поясом; они так пригибались к седлу, что колени их почти касались груди, а ноги были вдеты в стремяна, походившие на восточную туфлю. Наконец, взгляд привлекали туземцы, почти все одетые в своеобразные плащи «хаули», под которыми трудно отличить мужчину от женщины, — вся разница в том, что мужчины скалывают плащ на груди огромной медной булавкой, а женщины прикрывают одной половиной лицо, оставляя на виду лишь левый глаз. У представителей различных классов эта одежда видоизменяется: бедняки набрасывают грубый шерстяной плащ прямо на голое тело, люди зажиточные носят под ним куртку и широкие арабские шаровары, а богачи — великолепное одеяние в белую и голубую клетку, шитую золотыми блестками рубашку и второй полупрозрачный «хаули», сотканный из блестящего шелка и матовой белой шерсти.

Одни ли триполитанцы наводняли в этот день равнину? Нет. У стен столицы теснились торговцы из Гадамеса и Сокны, явившиеся в сопровождении черных невольников, евреи, прибывшие из других городов, со своими дородными женами, которые не закрывают лиц и носят длинные шаровары, негры, покинувшие жалкие хижины из тростника и пальмовых ветвей в соседней деревне, чтобы присутствовать на этом народном празднестве, и нацепившие на себя вместо одежды всевозможные украшения: толстые медные браслеты, ожерелья из раковин и звериных зубов, серебряные кольца, продетые в уши и в нос. Здесь были также люди из племени бенулье и авагир, живущие на побережье залива Большой Сирт, которым родная финиковая пальма дает вино, фрукты, хлеб и варенье. Наконец, среди этого скопления мавров, берберов, турок, бедуинов и «мусафиров», как здесь называют европейцев, расхаживали паши, шейхи, кади и кайды, расталкивая простолюдинов, и толпа покорно расступалась перед обнаженными саблями солдат и палками полицейских, когда те прокладывали дорогу величественному генерал-губернатору этой провинции турецкой империи, подведомственной самому султану.

Во всей Триполитании насчитывается около полутора миллионов жителей, включая шесть тысяч солдат, причем на плато Джебель приходится миллион, а на Киренаику пятьсот тысяч; в самом Триполи живет не больше двадцати пяти тысяч человек. Однако можно смело сказать, что в этот знаменательный день население столицы удвоилось благодаря наплыву любопытных со всех концов страны. По правде говоря, пришельцы не искали убежища внутри незыблемого кольца крепостных стен. Плохонькие городские дома (они построены из неважного материала и быстро превращаются в развалины), узенькие, извилистые улочки, лишенные не только мостовых, но даже, если можно так выразиться, и неба, соседний с молот квартал, где находятся консульства, западный квартал, населенный исключительно евреями, да и остальная часть города, предоставленная мусульманам, — словом, весь Триполи никогда не вместил бы этих огромных толп.

Зато на равнине Сунг-Этелате вполне могли найти приют зрители, собравшиеся на праздник аистов, легенду о которых до сих пор с благоговением рассказывают в Восточной Африке. Эта песчаная равнина в километр шириной не что иное, как часть Сахары, заливаемая морем при сильных восточных ветрах. Она охватывает город с трех сторон. Яркий контраст с ее бесплодной почвой представляет оазис Менхье на юге. Здесь все радует глаз — ослепительно белые домики, сады, орошаемые при помощи примитивного сооружения, колесо которого без усталости вращает тощая корова, плантации апельсиновых, лимонных деревьев и финиковых пальм, зеленый кустарник, яркие красивые цветы, антилопы, газели, лисицы, фламинго, — недаром в этом обширном оазисе живет не менее тридцати тысяч человек. Дальше тянется пустыня, которая в этом месте Африки ближе всего подступает к Средиземному морю, пустыня со своими движущимися дюнами и бескрайними песками, где, по словам барона Крафта, «ветер так же легко вздымает волны, как на море», — настоящий безбрежный океан, и он тоже покрывается иногда туманом, только состоящим из мельчайшей, невесомой пыли.

Триполитания почти равняется по величине Франции, она граничит с Тунисом, Египтом и Сахарой, а ее средиземноморское побережье имеет в длину триста километров.

В эту мало исследованную провинцию Северной Африки, где можно долго прожить, не страшась преследований, и поспешил перебраться Саркани, уехав из Тетуана.

Саркани был родом из Триполитании, там он начал свою деятельность и теперь лишь вернулся в родной край. Как известно, Саркани был членом одной из самых страшных сект Северной Африки и мог рассчитывать на деятельную поддержку сенуситов, тем более что все еще состоял их агентом по приобретению за границей боевых припасов и оружия. Вот почему, прибыв в Триполи, Саркани поселился в доме мокаддема Сиди Хазама, признанного главы сенуситов этого округа.

После похищения Силаса Торонталья на дороге в Ниццу, похищения совершенно необъяснимого для Саркани, он покинул Монте-Карло. Несколько тысяч франков, выигранных за последнее время в казино, — эти деньги были предусмотрительно им отложены, — как нельзя более пригодились для путешествия и всяких непредвиденных расходов. Следовало в самом деле опасаться, что доведенный до отчаяния Силас Торонталь захочет отомстить сообщнику, открыв либо его прошлое, либо убежище Савы. Ведь банкиру было известно, что девушка находится в Тетуане, в доме Намир. Поэтому Саркани решил как можно скорее уехать из Марокко.

И действительно, он поступил предусмотрительно, ибо Силас Торонталь вскоре сообщил доктору Антекирту, в какой стране и в каком городе живет девушка под охраной марокканки.

Итак, Саркани решил укрыться в Триполитании, где он мог рассчитывать и на защиту и на поддержку. Но отправиться туда морем или по алжирской железной дороге было бы слишком рискованно, и доктор прекрасно понял это. Поэтому Саркани предпочел присоединиться к каравану сенуситов, которые эми-

грировали в Киренаику, а по дороге намеревались завербовать новых приверженцев в крупнейших вилайетах Марокко, Алжира и тунисской провинции. Этот караван отправился в путь двенадцатого октября и должен был быстро преодолеть расстояние в пятьсот лье между Тетуаном и Триполи, следуя вдоль северной границы пустыни.

Сава была теперь в полной власти своих похитителей. Но девушка оставалась непреклонной. Ни угрозы Намир, ни гневные вспышки Саркани не пугали ее.

Покидая Тетуан, караван насчитывал человек пятьдесят сектантов, организованных по-военному под руководством имама. Впрочем, никто и не помышлял о том, чтобы идти через провинции, подчиненные французам, где могли встретиться кое-какие затруднения в пути.

Береговая линия Алжира и Туниса изгибается дугой до залива Большой Сирт, где она резко поворачивает к югу. Кратчайшая дорога от Тетуана до Триполи совпадает, естественно, с хордой этой дуги, проходя через Лагуат, один из последних французских городов на границе Сахары.

Караван, выйдя из пределов марокканской территории, направился вдоль границы богатых провинций Алжира, который недаром было предложено назвать «Новая Франция»; действительно, есть больше оснований считать его Францией, чем Новую Каледонию, Новую Голландию и Новую Шотландию — Каледонией, Голландией и Шотландией, ибо только тридцать часов езды по морю отделяют эти африканские владения от Франции.

В Бени-Матане, в Улад-Найле и в горах Шарфатэль-Хамеле караван пополнился новыми приверженцами секты сенуситов. И когда он вышел к морю недалеко от залива Большой Сирт, в состав его входило уже более трехсот человек. Прошли еще немного к югу, вдоль берега, вербуя новых членов секты в деревнях тунисской провинции, и наконец после полуторамесячного пути двадцатого ноября караван пересек границу Триполитании.

Итак, к тому времени, когда в Триполи начали готовиться к торжественному празднику аистов, Саркани и Намир уже три дня гостили в доме мокаддема Сиди Хазама, ставшего тюрьмой для Савы Шандор.

Это увенчанное стройными минаретами здание несколько напоминало крепость. Чтобы убедиться в этом, стоило только взглянуть на бойницы, продельные в глухих белых стенах, на террасы с зубчатой оградой и на узкую низенькую дверь. Это и была в сущности крепость, расположенная за городом, на границе песчаной равнины и зеленого оазиса Менхие, во владения которого врезалась высокая ограда садов Сиди Хазама.

Расположение комнат было такое же, как и во всех арабских жилищах, только в доме мокаддема имелся не один, а три внутренних двора, или патио. Вокруг каждого двора шла галерея с колоннами и арками, на которую и выходили двери всех комнат, по большей части богато обставленных. В глубине второго двора имелась обширная «скифа» — нечто вроде прихожей или холла, где Сиди Хазам принимал своих посетителей и созывал собрания.

Эта маленькая крепость была защищена не только высокой оградой, ее охраняла многочисленная стража, которая всегда могла отразить нападение полудиких кочевников и даже справиться с триполитанскими властями, стремившимися обуздать сенуситов. Человек пятьдесят сектантов, живших в доме, были прекрасно вооружены как для обороны, так и для нападения.

В крепость вела только одна дверь, но дверь очень толстая, очень прочная, обитая железом, и проломить ее было бы нелегко, но даже если бы это удалось, немногие переступили бы через ее порог.

Саркани нашел в доме Сиди Хазама прекрасное убежище. Здесь он надеялся довести свое дело до конца. Брак с Савой должен был дать ему огромное состояние, и в случае необходимости он мог рассчитывать на помощь секты, непосредственно заинтересованной в успехе задуманного им плана.

Что касается сенуситов, прибывших из Тетуана и

завербованных по дороге, то они разбрелись по оазису Менхие, готовые вновь собраться по первому сигналу. Секта намеревалась использовать праздник аистов в своих интересах, о чем триполитанская полиция даже не подозревала. Именно здесь, на равнине Сунг-Эттелате, сенуситы Северной Африки должны были получить напутствие муфтиев и приступить к стягиванию своих сил в Киренаике, где предполагалось создать настоящее царство пиратов под верховной властью калифа.

Обстоятельства благоприятствовали этому объединению, ибо в вилайете Бенгази, в Киренаике, их секта насчитывала наибольшее число приверженцев.

В день праздника аистов трое иностранцев расхаживали среди толпы, собравшейся на равнине Сунг-Эттелате. Никто не принял бы их за европейцев, так как все они были одеты по-арабски. К тому же старший из них держался в этом платье так непринужденно, что, очевидно, уже давно привык носить его.

Это был доктор Антекирт в сопровождении Петера Батори и Луиджи Феррато. Пескад и Матифу остались в городе, где они занялись какими-то приготовлениями, и, по всей вероятности, должны были появиться на сцене, когда настанет время сыграть свою роль.

Прошли сутки с тех пор, как «Электро-2» бросил якорь под прикрытием длинной гряды скал, которая образует естественный мол в порту Триполи.

Переход из Тетуана был проделан так же быстро, как и в Тетуан. Остановились только в Филиппвиле, в маленькой бухточке Филфила, и то на какие-нибудь три часа, чтобы достать арабское платье, после чего «Электро-2» тотчас же отправился в путь, причем его появление даже не было замечено в Нумидийском заливе.

Когда доктор и его спутники сошли на триполитанский берег — не на пристани, а среди скал за портом Триполи, — это уже не были пять европейцев, а пять жителей Востока, одежда которых не могла привлечь внимание. Возможно, Петер и Луиджи, не привыкшие носить арабское платье, держались в нем, несколько

принужденно, зато Пескад и Матифу, профессия которых требовала постоянных переодеваний, нисколько не были смущены таким маскарадом.

С наступлением ночи «Электро-2» укрылся в уединенной бухточке, которая почти не охранялась, как, впрочем, и все это побережье. Здесь он должен был стоять наготове, чтобы выйти в море в любой час дня и ночи. Очутившись на суше, доктор и его спутники взобрались на скалистый берег, прошли по набережной, сооруженной из огромных каменных глыб, до Баб-эль-Бара, иначе говоря, до Морских ворот, и углубились в лабиринт узких городских улочек. Первая же гостиница, которая им встретилась, — выбирать здесь не приходилось, — показалась путешественникам весьма сносным убежищем, тем более что им предстояло провести там всего несколько дней, а быть может, и несколько часов. Они выдали себя за людей скромного достатка, обыкновенных тунисских торговцев, прибывших в Триполи, чтобы принять участие в празднике аистов. Доктор так же хорошо говорил по-арабски, как и на других североафриканских наречиях, и никто не догадался бы, что это европеец.

Хозяин принял с распростертыми объятиями пятерых путников, которые оказали ему великую честь, остановившись в его гостинице. Это был весьма болтливый толстяк. В завязавшемся оживленном разговоре доктор узнал немало интересного. Оказывается, из Марокко в Триполитанию недавно пришел караван; с ним прибыл, по словам хозяина, человек, хорошо известный в стране, по имени Саркани, и поселился в доме Сиди Хазама.

В тот же вечер доктор, Петер и Луиджи, приняв кое-какие меры предосторожности, смешались с толпой пришельцев, расположившихся лагерем на равнине. Прогуливаясь, они наблюдали за домом мокаддема, стоящим на границе оазиса Менхие.

Так вот где находилась взаперти Сава Шандор! Со времени пребывания доктора в Рагузе еще ни разу отец и дочь не были так близко друг от друга! И все же их разделяла неприступная стена. Конечно, ради освобождения Савы Петер был готов на все, даже на

делку с Саркани. И он и граф Матиас Шандор не задумываясь отдали бы негодяю состояние, на которое он так зарился! Но они считали своим долгом совершить акт правосудия, покарав негодяя, предавшего Иштвана Батори и Ладислава Затмара!

Они прекрасно понимали, что захватить Саркани и вырвать Саву из дома Сиди Хазама чрезвычайно трудно, почти невысказимо. Быть может, следует пустить в ход хитрость, а не силу? Нельзя ли воспользоваться для похищения завтрашним праздником? Да, конечно, таков и был придуманный Пескадом план, разработке которого доктор, Петер и Луиджи посвятили весь этот вечер. Выполнить его взялся Пескад, хотя и знал, что рискует при этом жизнью. Но если славному малому удастся пробраться в жилище мокаддема, быть может, он сумеет освободить Саву Шандор? Он отличался такой ловкостью и отвагой, что для него, казалось, не было ничего невозможного.

Итак, на следующий день, часа в три пополудни, доктор Антекирт, Петер и Луиджи заняли наблюдательные посты на равнине, в то время как Пескад и Матифу готовились сыграть свою роль в самый разгар праздника.

Пока еще не было никаких признаков, что с наступлением вечера равнина наполнится шумом, движением, озарится светом бесчисленных факелов. Едва можно было заметить сновавших в густой толпе просто одетых сенуситов, которые передавали друг другу ма-сонскими знаками приказы своих главарей.

Теперь следует вкратце рассказать восточную, или, вернее, африканскую, легенду, основные эпизоды которой будут представлены на празднике аистов, имеющем огромную притягательную силу для мусульман.

В давно минувшие времена на африканском материке жило племя джиннов. Именовали их тогда бу-лхебрами, и они занимали обширную территорию на границе пустыни Хамада-эль-Хамра, между Триполитанией и Феццанским царством. Это был могущественный, грозный, несправедливый, вероломный, воинственный и свирепый народ. Ни один африканский властитель не мог справиться с джиннами.

Настал день, и пророк Сулейман решил не напасть на джиннов, нет, но обратить их на путь истинный. Он послал к ним одного из своих проповедников, чтобы научить их любить добро и ненавидеть зло. Напрасный труд! Дикие джинны схватили миссионера и убили его. Дерзость джиннов объяснялась тем, что ни один соседний король — они знали это — не решился бы послать свои войска для завоевания их пустынной и малодоступной страны. Они думали, что никто не сообщит Сулейману, какой прием они оказали его проповеднику. Но они глубоко ошибались.

В царстве джиннов водилось много аистов. А, как известно, эти птицы отличаются благонравием, поразительным умом и, главное, здравым смыслом, ибо, по словам легенды, они никогда не водятся в стране, название которой обозначено на монетах, ведь деньги являются источником всех бед и увлекают человека в бездну пагубных страстей.

Видя, что джинны погрязли в пороках, аисты созвали совещание и решили послать гонца к пророку Сулейману, чтобы навлечь его справедливый гнев на убийц миссионера.

Пророк тотчас же призвал своего любимца удода и приказал ему собрать в заоблачных высях африканского неба всех аистов, живущих на земле.

Приказание было исполнено, и, когда целые сонмища аистов слетелись к пророку Сулейману, они, говорит легенда, «походили на огромную тучу, которая покрыла своей тенью всю страну от Мизды до Мурзука».

Каждый аист взял в клюв по камню, и все они полетели в страну джиннов. Там, паря над землей, птицы побили камнями этих злых людей, чьи души заключены теперь на веки веков в глубине пустыни Хамада-эль-Хамра.

Такова легенда, которую добрые мусульмане собирались представить в лицах на празднике. Сотни аистов были пойманы с этой целью и ожидали часа своего освобождения, стоя по большей части на одной ноге под защитой огромных сетей, растянутых на равнине Сунг-Эттелате. Порой птицы издавали странный

звук, похожий на барабанную дробь, который разносился далеко кругом. По сигналу аисты должны были подняться в воздух и сбросить на толпу верующих безобидные комья земли, в то время как на равнине вспыхнут разноцветные огни факелов и под крики толпы грянут музыкальные инструменты и ружейные выстрелы.

Пескад знал программу праздника, и это навело его на мысль сыграть в нем известную роль. Быть может, ему удастся пробраться в дом Сиди Хазама.

Как только закатилось солнце, с крепости прогремел пушечный выстрел — это был сигнал, которого с нетерпением ждали люди, собравшиеся у городских стен.

Доктор, Петер и Луиджи были оглушены поднявшимся вокруг шумом, ослеплены мириадами вспыхнувших огней.

Когда прозвучал выстрел, народ еще ужинал. Турки и выдававшие себя за турок ели жареного барана или пилав из курицы, арабы, что позажиточнее, угощались «кускусом», а бедняки, у которых в карманах больше медных, чем золотых монет, утоляли голод похлебкой из ячменной муки, сдобренной растительным маслом. Но всюду лился рекой «лагби» — сок финиковой пальмы, который, перебродив, доводит людей до буйного опьянения.

Через несколько минут после пушечного выстрела мужчины, женщины и дети, турки, арабы, негры уже бесновались без всякого удержу. Очевидно, их варварские инструменты обладали поразительной звучностью, так как их не мог заглушить даже рев толпы. Всадники, подпрыгивая в седле, стреляли в воздух из ружей и пистолетов, ракеты и хлопушки грохотали, как артиллерийские орудия, среди шума и неразберихи, не поддающихся никакому описанию.

При свете факелов, под звуки деревянных колошечек и заунывного гортанного пения танцевал причудливо одетый негритянский вождь. На нем был пояс из гроыхающих костей, на лице — маска демона, и он жестами увлекал за собой в пляс человек тридцать

чернокожих, которые кривлялись и гримасничали в кругу женщин, судорожно хлопавших в ладоши.

В другом месте неистовствовали охваченные религиозным экстазом пьяные члены мусульманской секты айсау. Они грызли дерево, глодали железо, наносили себе удары ножом, жонглировали раскаленными углями, обвивали вокруг шеи змей, которые кусали им руки, щеки, губы, а фанатики с пеной у рта и выпученными глазами пожирали окровавленные хвосты пресмыкающихся.

Но внезапно толпа хлынула к дому Сиди Хазама, где ее ожидало новое зрелище.

Там показывали чудеса силы и ловкости два акробата, один — огромного роста, другой — маленький и подвижной; зрители окружили их плотным кольцом, выражая свое одобрение громогласными криками «ура».

Это были Пескад и Матифу. Они избрали местом своих артистических подвигов площадку, расположенную всего в нескольких шагах от дома Сиди Хазама. Ради такого случая друзья вернулись к своему прежнему ремеслу ярмарочных акробатов. Соорудив себе костюмы из ярких арабских тканей, они решили завоевать признание этой необычной для них публики.

— Ты не слишком отяжелел? — спросил перед выступлением Пескад своего друга Матифу.

— Нет, Пескад.

— И ты пойдешь на все, чтобы привести в восторг это дурачье? Ничего не побоишься?

— Это я-то... побоюсь?!

— И ты готов грызть камни и глотать змей?..

— Вареных? — спросил Матифу.

— Нет... сырых?

— Сырых?!

— И даже живых!

Матифу поморщился, но все же твердо решил, что, если понадобится, он съест змею, как рядовой член секты айсау.

Доктор, Петер и Луиджи, смешавшись с толпой, не теряли из виду обоих друзей.

Нет, Матифу не отяжелел. Он не потерял своей удивительной силы. Первым делом он положил на

обе лопатки пять или шесть здоровенных арабов, которые рискнули вступить с ним в единоборство.

Потом оба акробата принялись жонглировать, чем привели публику в бешеный восторг. Особенно поправился номер с горящими факелами, которые перелетали из рук Пескада в руки Матифу, скрещиваясь, словно молнии, в воздухе.

А между тем зрители были весьма разборчивы. Среди них было много поклонников полудиких туарегов, «которые не уступают в ловкости наиболее свирепым животным этих широт», как говорится в заманчивой афише знаменитой труппы Бракко. Местные знатоки не раз аплодировали бесстрашному Мустафе, или человеку-пушке, прозванному также Самсоном пустыни, «которому английская королева велела передать через камердинера, чтобы он не повторял своего номера во избежание несчастного случая!» Но Матифу был неподражаем и мог не страшиться соперников.

Последнее упражнение вызвало бурные овации разноплеменной толпы, теснившейся вокруг европейских акробатов. Этот фокус, приехавший на арене европейских цирков, еще не был известен триполитанским зевакам.

Вот почему зрители, расталкивая друг друга, старались пробраться поближе к акробатам, «работавшим» при свете факелов.

Матифу держал перед собой обеими руками шест в двадцать пять — тридцать футов длиной, а Пескад с ловкостью обезьяны взобрался на его верхушку и балансировал там, принимая такие смелые позы, что шест клонился то в одну, то в другую сторону.

Однако Матифу казался устойчивым, как монумент, и лишь слегка переступал ногами, чтобы сохранить равновесие. Очутившись возле дома Сиди Хазама, силач с усилием поднял шест на вытянутых руках, меж тем как Пескад, встав в позу аллегорической Славы, посылал воздушные поцелуи публике.

Арабы и негры, вне себя от восторга, орали, хлопали в ладоши, топали ногами. Нет, никогда Самсон пустыни, бесстрашный Мустафа, отважнейший из туарегов, не достигал подобного совершенства!

В эту минуту со стен триполитанской крепости снова грянул пушечный выстрел. По этому сигналу сотни выпущенных на свободу аистов поднялись в воздух, и комья земли градом посыпались на равнину под пронзительные крики птиц, которым вторил внизу не менее оглушительный концерт людских голосов.

Праздник достиг своего апогея. Право, можно было подумать, что обитателей всех сумасшедших домов Африки собрали на равнине Сунг-Эттелате в Триполитании.

Только дом мокаддема оставался нем и глух в эти часы народного веселья, ни один из подручных Сиди Хазама не показался ни на пороге двери, ни на плоской кровле.

Но, о чудо из чудес! В ту минуту, когда аисты тучей поднялись над равниной, а факелы погасли, исчез и Пескад, точно он улетел в небесную высь вместе с любимыми птицами пророка Сулеймана.

Куда он делся?

Этот вопрос, очевидно, несколько не беспокоил Матифу. Подбросив длинный шест, силач ловко схватил его за другой конец и принялся вертеть этой огромной тросточкой, как барабанщик своей палочкой. Исчезновение друга, повидимому, казалось Матифу явлением вполне естественным.

Ошеломленные зрители выражали свой восторг громовыми криками, которые были, наверно, слышны за пределами оазиса. Однако никто не усомнился, что ловкий гимнаст улетел вместе с аистами в их заоблачное царство.

Как известно, на толпу особенное впечатление производит то, чего она не может объяснить.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Дом Сиди Хазама

Было часов девять вечера. Пальба, музыка, крики внезапно смолкли. Люди стали расходиться. Одни возвращались в Триполи, другие в оазис Менхье, третьи

в соседние деревушки. Не пройдет и часа, как равнина Сунг-Эттелате опустеет, затихнет. Убрав шатры, сняв лагерь, негры и берберы уже разбрелись в разные стороны по дорогам Триполитании, а сенуситы направились в Киренаику, в вилайет Бенгази, где они должны были сосредоточить свои силы под начальством калифа.

Только доктору Антекирту, Петеру и Луиджи не суждено было спать в эту ночь. С тех пор как исчез Пескад, они были готовы ко всему, и каждый занял наблюдательный пост у высоких стен дома Сиди Хазама.

Что же случилось с Пескадом? В тот миг, когда Матифу высоко поднял шест, Пескад одним прыжком перескочил на плоскую кровлю и очутился у подножия минарета, венчавшего жилище Сиди Хазама.

Ночь была так темна, что его не могли видеть ни со стороны равнины, ни из второго внутреннего двора, где собрались сенуситы, часть которых спала, а другая стояла на страже по приказанию мокаддема.

Пескад, естественно, не составил себе определенного плана действий, ведь смельчаку могло встретиться столько непредвиденного. Ему было незнакомо устройство дома, он не знал, где заключена Сава, находится ли она одна, или ее охраняют, и хватит ли у девушки сил последовать за своим спасителем. Приходилось действовать наугад. И вот он сказал себе:

«Так или иначе, силой или хитростью, но я должен добраться до Савы Шандор. Допустим, она не сможет пойти со мной или я не сумею ее похитить этой ночью, в таком случае придется дать ей знать, что Петер Баттори жив, что он здесь, у стен дома, что доктор Антекирт и его спутники готовы прийти ей на помощь, — словом, она не должна уступать угрозам, ведь рано или поздно мы ее освободим!.. Правда, меня могут схватить, прежде чем я доберусь до нее!.. Ну, да там посмотрим, что делать!»

Перескочив через белую зубчатую ограду, в которой были проделаны многочисленные бойницы, Пескад первым делом вытащил веревку с узлами, которую он предусмотрительно спрятал под своим легким одея-

нием клоуна; потом привязал веревку к угловому зубцу стены так, что конец ее свесился до самой земли. Это была лишь мера предосторожности, но принять ее не мешало. Затем Пескад лег ничком на кровлю и, прижавшись к ограде, замер. Ведь если его заметят, тут же сбегутся люди Сиди Хазама, и Пескаду останется только воспользоваться веревкой, приготовленной для спасения Савы Шандор.

Кругом царила глубокая тишина. Ни Сиди Хазам, ни Саркани, ни остальные обитатели дома не принимали участия в празднике аистов, и дверь жилища не открывалась с раннего утра.

Переждав несколько минут, Пескад дополз до угла кровли, где возвышался минарет. Лестница внутри минарета вела, очевидно, в первый двор. Тут же была и дверь, через которую можно было пробраться сперва на лестницу, а затем в дом. Но она была заперта изнутри, правда не на ключ, а на засов. Чтобы отодвинуть его, пришлось бы проделать дыру в створке двери. Пескад легко справился бы с этой задачей, ведь в кармане у него лежал нож с несколькими лезвиями — драгоценный подарок доктора. Однако такая работа заняла бы слишком много времени и Пескад наделал бы шуму.

Впрочем, этого и не потребовалось. Футах в трех над террасой, в стене минарета, было пробито оконце, напоминающее по форме бойницу. Окно, правда, маленькое, но ведь и Пескад был невелик. К тому же он приходился сродни кошкам и мог пролезть, вытянувшись в струнку, там, где это казалось на первый взгляд невозможным. Итак, он рискнул и, слегка поцарапав себе плечи, очутился внутри минарета.

«Матифу ни за что не удалось бы это проделать!» — вполне резонно решил Пескад.

Затем он добрался ощупью до двери и отодвинул засов, на случай, если придется возвращаться тем же путем.

Спускаясь по винтовой лестнице минарета, Пескад не шел, а скользил из боязни, как бы не заскрипели деревянные ступени. Внизу он остановился перед вто-

рой дверью, но стоило слегка толкнуть ее, и она отворилась.

Эта дверь вела на галерею с колоннами, опоясывавшую первый внутренний двор, куда выходили и другие двери комнат минарета. После крошечной тьмы здесь казалось несколько светлее. Впрочем, нигде не было видно света, не слышно ни малейшего шума.

В середине двора находился круглый бассейн с проточной водой, вокруг которого росли в огромных глиняных кувшинах различные кустики и деревца: переречники, пальмы, лавры, кактусы, образуя зеленый островок.

Пескад обошел на цыпочках галерею, останавливаясь возле каждой комнаты. Можно было подумать, что все люди вымерли. Однако за одной дверью ясно слышались негромкие голоса.

Пескад сперва отпрянул назад. Он узнал голос Саркани, так как несколько раз слышал его в Рагузе. Затем приложил ухо к двери и все же не разобрал того, что говорилось в комнате.

В эту минуту шум голосов стал явственнее, и Пескад едва успел отскочить от двери и спрятаться позади громадного кувшина, стоявшего возле бассейна.

Из комнаты вышел Саркани в сопровождении высокого араба. Они продолжали разговор, прогуливаясь по галерее.

К несчастью, Пескад не понимал, о чем говорили Саркани и его спутник, ибо он не знал арабского языка. Два слова, или, точнеc, два имени, все же поразили его: имя Сиди Хазама — в самом деле, сам мокаддем беседовал с Саркани — и название острова Антекирты, несколько раз повторявшееся в разговоре.

«Что за притча! — подумал Пескад. — Почему они говорят об Антекирте?.. Неужели Сиди Хазам, Саркани и все триполитанские разбойники собираются напасть на наш остров? Тысяча чертей! Какая жалость, что я не понимаю языка этих негодяев!»

И Пескад всеми силами старался уловить еще хоть одно знакомое слово, прятаясь среди зелени,

когда Саркани и Сиди Хазам приближались к бассейну. Но было так темно, что они не могли его заметить.

«Вот если бы Саркани был один, — продолжал рассуждать сам с собой Пескад, — пожалуй, я схватил бы его за горло, и негодяю пришел бы конец! Впрочем, это не спасло бы Саву Шандор, а ведь только ради нее я совершил этот опасный прыжок!.. Но терпение!.. Очередь Саркани еще придет!»

Разговор Сиди Хазама и Саркани продолжался минут двадцать. Имя Савы было названо несколько раз и к нему прибавлено слово «арус», — тут Пескад вспомнил, что это означает по-арабски «невеста». Очевидно, мокаддему были известны намерения Саркани, и он содействовал их выполнению.

Собеседники, наконец, удалились в глубину двора, прикрыв за собою дверь. За ней находилась, очевидно, другая часть дома.

Как только Саркани и Сиди Хазам вышли, Пескад двинулся крадучись по галерее и остановился перед той же дверью. Толкнув ее, он очутился в узком коридоре и ощупью стал пробираться дальше. В конце коридора оказалась двойная арка с небольшой колонной посередине, а за ней второй внутренний двор.

Освещенные окна «скифы» выходили во двор, и свет яркими пятнами ложился на плиточный пол. Было бы неосторожно идти дальше, тем более что за дверью этого помещения слышался гул многочисленных голов.

Пескад колебался. Он искал комнату, служившую тюрьмой Саве. Помочь ему мог только случай.

В противоположном конце двора неожиданно блеснул свет. Женщина с фонарем в руках, украшенным по арабской моде кистями и медными завитушками, вышла из угловой комнаты и направилась по галерее прямо к «скифе».

Пескад тотчас же узнал женщину... Это была Намир.

Уж не шла ли марокканка в спальню Савы? Если это действительно так, то необходимо проследить за Намир, но прежде всего надо дать ей пройти, оставаясь

невидимым. От этой минуты зависело все: и счастливый исход смелой попытки Пескада и судьба Савы Шандор.

Намир приближалась. Фонарь, который она несла в руке, отбрасывал яркий свет на плиточный пол, оставляя в темноте верхнюю часть галереи. Женщина неминуемо должна была пройти под двойной аркой, и Пескад не знал, что ему делать, как вдруг луч фонаря озарил верхнюю часть этого архитектурного сооружения — каменное кружево мавританских арабесок.

В один миг Пескад взобрался на небольшую колонну, зацепился за каменную резьбу и, подтянувшись на руках, поместился в овальном углублении арки, как святой в нише.

Намир прошла под аркой и, не заметив его, перешла на другую сторону галереи. Дойдя до двери «скифы», она открыла ее.

Поток света хлынул во двор, но едва только дверь закрылась, как опять наступила крошечная тьма.

Пескад размышлял, ведь место, где он находился, как нельзя более подходило для такого рода занятий.

«Намир только что вошла в этот зал, — думал он. — Ясно, что она направляется не в комнату Савы Шандор! Но, может быть, она вышла оттуда?.. В таком случае комната Савы находится в противоположном конце двора!.. Необходимо выяснить это!»

Пескад переждал несколько минут, прежде чем покинуть свое убежище. В «скифе» становилось все темнее, и гул голосов переходил в неясное бормотание. Очевидно, в этот час слуги Сиди Хазама отправлялись на покой. Еще немного, и можно будет что-нибудь предпринять, ведь в доме наступит полная тишина, даже если и не погаснет последний луч света. Так оно и случилось.

Пескад скользнул вниз по колонне, пробрался ползком по плиточному полу галереи, миновал «скифу», обогнул внутренний двор и очутился перед дверью той комнаты, из которой вышла Намир.

Отважный юноша приоткрыл дверь, которая оказалась незапертой, и при свете арабской лампы с матовым стеклом быстро оглядел комнату.

Стены, обтянутые шелком, несколько табуретов в мавританском стиле, груды подушек по углам, два ковра на мозаичном полу, низкий стол с остатками трапезы и в глубине комнаты диван, покрытый шерстяной тканью, — вот что увидел сначала Пескад.

Он вошел и затворил за собою дверь.

На диване лежала женщина, прикрытая одним из тех бурнусов, в которые арабы закутываются с ног до головы. Повидимому, она дремала.

Это была Сава Шандор.

Пескад без труда узнал девушку, которую не раз видел в Рагузе. Но как она изменилась! Сава показалась ему такой же бледной, как в ту минуту, когда ее свадебная карета повстречалась с погребальными дрогами Петера Батори. Поза девушки, грустное выражение ее лица, болезненное забытие — все говорило о том, как много она выстрадала.

Нельзя было терять ни секунды!

В самом деле, если Намир не заперла дверь на ключ, значит она скоро вернется. Марокканка, наверно, день и ночь сторожит свою пленницу. Но даже если бы Саве удалось выбраться из комнаты, она не могла бы бежать без посторонней помощи. Дом Сиди Хазама был для нее настоящей тюрьмой!

Пескад наклонился над диваном и, взглядевшись в лицо девушки, был поражен ее сходством с доктором Антекиртом!

Сава открыла глаза.

Увидев незнакомца, который стоял перед ней в пестром костюме акробата, приложив палец к губам, и взглядом умолял ее молчать, девушка была скорее удивлена, чем испугана. Она вскочила с дивана, но все же не закричала.

— Тише! — прошептал Пескад. — Не бойтесь меня!.. Я пришел вас спасти. Возле дома вас ждут друзья, они готовы пожертвовать жизнью, чтобы вырвать вас из рук Саркани!.. Петер Батори жив...

— Петер... жив? — воскликнула Сава, прижимая руки к сердцу.

— Прочтите!

И Пескад протянул девушке записку, на которой стояло всего несколько слов:

«Сава, доверьтесь тому, кто рискнул жизнью, чтобы добраться до вас!.. Я жив!.. Я здесь!..

Петер Батори».

Петер жив!.. Он там, за стенами этого дома! Каким чудом все это случилось?.. Не важно... Сава узнает это потом!.. Главное, Петер здесь!

— Бежим... — сказала она.

— Да, бежим, — ответил Пескад, — но надо все обдумать! Один вопрос: ночует ли Намир в этой комнате?

— Нет, — ответила Сава.

— А когда она уходит, запирает ли дверь на ключ?

— Да!

— Значит, она вернется?

— Да!.. Бежим!

— Сию минуту.

Пескад соображал: прежде всего надо будет взобраться по лестнице минарета, потом выйти на плоскую кровлю, а там с помощью каната, привязанного к зубчатой стене, легко будет спуститься на землю.

— Идем! — прошептал Пескад, хватая девушку за руку.

Он уже собирался открыть дверь комнаты, когда слышались шаги, гулко отдававшиеся по каменным плитам галереи, и чей-то властный голос произнес несколько слов. Пескад узнал голос Саркани и остановился на пороге.

— Это он!.. он!.. — прошептала девушка. — Если он найдет вас здесь, вы погибли!..

— Ну нет, ему меня не найти! — ответил Пескад.

И ловкий малый, растянувшись на полу, привычным движением завернулся в один из ковров — этот номер он часто показывал на сцене ярмарочных балаганов — и откатился в самый темный угол комнаты.

В этот миг дверь отворилась, и в комнату вошли Саркани и Намир.

Сава уже лежала на диване. Зачем Саркани пришел к ней в такой поздний час? Не для того ли, чтобы

сломить ее сопротивление какими-нибудь новыми доводами?.. Но Сава теперь ничто не сломит! Она знает, что Петер жив и ждет ее на воле!

Сквозь ковер Пескад ничего не видел, зато слышал каждое слово.

— Сава, — сказал Саркани, — завтра утром мы уедем отсюда в другое место. Но до отъезда я хочу получить от вас согласие на брак и немедленно совершить церемонию. Все готово, и сию же минуту мы с вами...

— Этому никогда не бывать! — холодно и решительно проговорила девушка.

— Сава, — продолжал Саркани, словно не слыша ее слов, — в наших общих интересах вы должны добровольно дать согласие на брак, поймите же, это необходимо в наших общих интересах!..

— У нас с вами нет и не может быть общих интересов!

— Берегитесь!.. Разрешите вам напомнить, что вы дали мне это согласие в Рагузе.

— На то были причины, которых теперь нет!

— Выслушайте меня, Сава, — продолжал Саркани, стараясь говорить спокойно, хотя в голосе его звучало крайнее раздражение, — в последний раз прошу вас дать мне согласие...

— Я всегда буду отказывать вам, пока у меня еще есть силы.

— Так у вас их скоро не будет! — воскликнул Саркани. — Не доводите меня до крайности! Да, Намир сумеет сломить ваше сопротивление, если это потребуется! Вы слишком злоупотребляете своей властью надо мной! Не упрямитесь, Сава! Имам здесь, он готов освятить наш брак по обычаям этой страны — моей родины!.. Следуйте за мной!

Саркани приблизился к молодой девушке, но Сава вскочила с места и отбежала в глубину комнаты с криком:

— Негодяй!

— Идемте!.. Идемте же, — повторял Саркани, уже не владея собой.

— Никогда!

— Ах так!.. Ну, берегитесь!

И Саркани, схватив девушку за руку, хотел вместе с Намир увлечь ее в «скифу», где их уже ждали Сиди Хазам и имам.

— На помощь!.. На помощь!..— закричала Сава. — Ко мне, Петер Батори!

— Петер Батори?! — насмешливо спросил Саркани. — Ты вздумала звать мертвеца!

— Нет!.. Он жив!.. Ко мне, Петер!

Эти слова повергли в ужас Саркани: он словно увидел свою жертву, вставшую из гроба. Но тотчас же опомнился. Как? Петер Батори жив?! Петер, которого он поразил собственной рукой и чей труп похоронен на разгуском кладбище!.. Пустое, это лишь бред сумасшедшей девчонки: Сава, возможно, помешалась от горя!

Пескад между тем слышал весь разговор. Заявив Саркани, что Петер Батори жив, Сава поставила на карту свою жизнь — это не подлежало сомнению. И Пескад готов был выскочить из своего убежища с ножом в руке, если бы негодяй решился на крайние меры. Тот, кто думает, что славный малый не решился бы убить Саркани, просто не знает Пескада!

Но до этого не дошло. Саркани вдруг схватил Намир за руку и выбежал с ней из комнаты. Было слышно, как снаружи щелкнул замок. Сава осталась взаперти в ожидании своей участи.

Развернув ковер, Пескад в мгновение ока появился перед девушкой.

— Идемте! — прошептал он.

Вынуть дверной замок, отвинтив его отверткой, — в замечательном ноже, подаренном доктором, были всякие инструменты, — оказалось для Пескада самым простым делом: он выполнил эту работу быстро и бесшумно.

Открыв дверь, Пескад неслышно двинулся по галерее, держась у самой стены. Сава шла за ним.

Было около половины двенадцатого. В окнах «скифы» еще виднелся свет. Пескад решил, что не стоит проходить мимо этого зала, и направился в противоположную сторону, откуда надеялся выйти по коридору в первый внутренний двор.

Беглецы дошли уже до конца коридора. Осталось несколько шагов до лестницы минарета, как вдруг Пескад замер на месте и удержал Саву, схватившую его за руку.

Трое мужчин расхаживали в первом дворе возле бассейна. Один из них — это был Сиди Хазам — отдал какой-то приказ своим спутникам. Они тотчас же побежали вверх по лестнице минарета, а мокаддем вошел в одну из соседних комнат. Пескад понял, что Сиди Хазам решил установить наблюдение за окрестностями дома. Следовательно, когда они с девушкой поднимутся на кровлю, там уже будет выставлена стража.

— Ну что же, рискнем жизнью! — сказал Пескад.

— Да, рискнем! — отозвалась Сава.

Пройдя по галерее небольшое расстояние, отделявшее их от минарета, беглецы с крайней осторожностью поднялись по лестнице. На последней ступеньке Пескад остановился.

Ни малейшего шума на кровле, не слышно даже шагов часового.

Пескад тихонько отворил дверь и в сопровождении Савы стал осторожно пробираться вдоль зубчатой стены.

Вдруг с верхней площадки минарета раздался крик часового. В тот же миг другой часовой набросился на Пескада. Намир устремилась на кровлю, а за ней из всех внутренних дворов спешила стража Сиди Хазама.

Неужели Сава отдастся в руки врагам? Ни за что!.. В плену у Саркани она погибнет!.. В тысячу раз лучше смерть!

И, вручив свою душу богу, отважная девушка подбежала к краю кровли и бросилась вниз.

Пескад даже не успел ее удержать. Оттолкнув набросившегося на него стражника, он ухватился за канат и мгновенно очутился у подножья стены.

— Сава!.. Сава!.. — крикнул он.

— Вот она, барышня! — ответил хорошо знакомый голос. — Цела и невредима!.. Я во-время подоспел, чтобы...

Крик бешенства и шум падения заглушили слова Матифу.

Не помня себя от ярости, Намир бросилась вслед за ускользающей от нее добычей и разбилась насмерть, как разбилась бы и Сава, если бы ее не подхватили могучие руки Матифу.

Доктор Антекирт, Петер и Луиджи догнали Матифу и Пескада, бежавших по направлению к морскому берегу. Сава, хотя и была без чувств, казалась легче перышка несшему ее на руках провансальскому Геркулесу.

Через несколько минут Саркани и два десятка вооруженных людей бросились по следам беглецов.

Когда эта банда добралась до маленькой бухточки, где стоял на якоре «Электро-2», доктор и его спутники уже были на борту. Несколько оборотов винта, и быстросходное судно оказалось вне досягаемости для преследователей.

Придя в сознание, Сава увидела склонившихся над ней доктора и Петера Батори. Узнав, что она дочь графа Матиаса Шандора, девушка бросилась в объятия отца!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Остров Антекирта

Через пятнадцать часов после того, как «Электро-2» покинул берега Триполитании, он был замечен сигнальщиками Антекирты и в тот же день к вечеру бросил якорь в гавани острова.

Легко себе представить, какая встреча ожидала доктора и его отважных спутников!

Сава была теперь вне опасности, и все же решили до поры до времени никому не говорить, в каком родстве она находится с доктором Антекиртом.

Граф Матиас Шандор не хотел открывать своего настоящего имени до завершения дела всей его жизни. Но уже одна весть о том, что приемный сын доктора, Петер, объявлен женихом Савы Шандор, вызвала в Ратуше и в городке Артенаке всеобщую радость.

Нетрудно понять, что пережила госпожа Батори, когда Сава была возвращена ей после стольких испытаний! Силы девушки быстро восстанавливались, ведь счастье — лучший лекарь.

Всем было ясно, что Пескад рисковал жизнью. Но он находил это вполне естественным, и не было никакой возможности благодарить славного малого. Однако Петер Батори так крепко обнял спасителя Савы, а доктор Антекирт так выразительно посмотрел на него, что Пескад не помнил себя от счастья. К тому же, по своему обыкновению, он приписывал всю честь этого подвига Матифу.

— Вот кого надо благодарить, — повторял Пескад. — Ведь это он все сделал! Если бы мой Матифу не был так ловок в упражнении с шестом, я ни за что бы не проник в дом этого мерзавца Сиди Хазама, кроме того Сава Шандор убилась бы насмерть при падении, — кто, как не Матифу, подхватил ее!

— Полно!.. Полно!.. — бормотал в ответ Матифу. — Ты здорово преувеличиваешь, ведь тебе же пришла мысль...

— Молчи, Матифу, — возражал Пескад. — Черт возьми! Я недостаточно силен, чтобы выдерживать такие тяжеловесные комплименты, зато ты... Идем-ка лучше копать в садике!

Матифу умолкал, покорно плелся домой и нехотя выслушивал похвалы, «чтобы не огорчать этого славного Пескада»!

Было решено отпраздновать свадьбу Петера Батори и Савы Шандор как можно скорее, а именно девятого декабря. Став мужем Савы, Петер добьется признания прав жены на наследство графа Матнаса Шандора. Посмертное письмо госпожи Торонталь не оставляло никаких сомнений относительно того, кто родители Савы, а если понадобится, можно будет потребовать соответствующих показаний и от банкира. Однако с этим придется повременить, ибо Сава Шандор еще не достигла совершеннолетия. Восемнадцать лет ей должно было исполниться только через полтора месяца.

Следует добавить, что перемены в политике, происшедшие за последние пятнадцать лет, весьма благо-

приятно отразились на венгерском вопросе, и атмосфера значительно разрядилась. О заговоре графа Матиаса Шандора, так быстро подавленном властями, сохранилось лишь смутное воспоминание у некоторых государственных деятелей.

Судьба испанца Карпены и банкира Торонталья, находившихся в крепости Артенака, должна была окончательно решиться лишь после того, как к ним присоединится Саркани. Тогда акт правосудия будет совершен.

Вот о чем напряженно думал доктор Антекирт. Между тем ему пришлось серьезно позаботиться о безопасности колонии. Агенты доносили из Киренаики и Триполитании, что движение сенуситов приняло угрожающие размеры, особенно в ближайшем к острову вилайете Бенгази. Гонимцы то и дело прибывали в Джарабуб — эту африканскую Мекку, названную господином Дюверье «новым полюсом мусульманского мира», где находились тогда не только руководители секты, но и сам ее глава, Сиди Мухаммед эль-Махди. Зная, что сенуситы, эти достойные потомки древних африканских пиратов, питают лютую ненависть к европейцам, доктор должен был проявлять крайнюю осторожность.

В самом деле, разве не сенуситами совершены все убийства, зарегистрированные за последние двадцать лет на африканском континенте? Погибли Берман в Канеме (1863 год), Ван дер Декен и его спутники на реке Джуба (1865 год), мадмуазель Алексина Тинне и ее родные в Уади Абеджухе (1865 год), Дурно-Дюперре и Жубер близ колодца Ин-Азхар (1874 год), преподобные отцы Польмье, Бушар и Меноре за Ин-Калахом (1876 год); были убиты севернее Азджера преподобные отцы Ришар, Мора и Пуплар — члены миссии, направлявшейся в оазис Гадамес, а на пути в Уарглу — полковник Флаттерс, капитаны Массон и Дианус, доктор Гиар, инженеры Беренже и Рош (1881 год). Кроважадные члены секты расправились со всеми этими отважными исследователями!

Вот почему доктор часто совещался с Петером Батори и Луиджи Феррато, с капитанами флотилии

Антекирты, начальниками милиции и должностными лицами.

Может ли маленькая колония отбить нападение пиратов? Безусловно может, хотя укрепления Антекирты еще не достроены, только число нападающих не должно быть слишком велико. Заинтересованы ли сенуситы в том, чтобы овладеть островом? Несомненно, ибо остров занимает ключевую позицию в заливе Большой Сирт, на берегах которого расположены владения Киренаики и Триполитании.

Как уже известно, к юго-востоку от Антекирты, на расстоянии каких-нибудь двух миль от нее, лежал островок Кенкраф. Этот островок, который так и не успели укрепить, представил бы серьезную угрозу для колонистов в случае, если бы неприятельская флотилия превратила его в свою военную базу. Вот почему доктор велел из предосторожности заминировать Кенкраф. И теперь в каменистой почве островка были заложены фугасы, начиненные сильнейшим взрывчатым веществом.

Достаточно было пустить ток по подводному кабелю, соединявшему этот клочок суши с Антекиртой, чтобы островок взлетел на воздух и погибло все живое, находящееся на его поверхности.

Какими же средствами обороны располагала Антекирта? Береговые батареи были приведены в боевую готовность и ожидали только канониров, подготовленных из состава милиции острова. Крепость, построенная на центральной возвышенности, могла в любую минуту открыть огонь из своих дальнобойных орудий. Многочисленные мины, поставленные в проливе, охраняли вход в маленькую гавань. «Феррато» и три «электро» были всегда наготове и могли защитить остров или напасть на вражескую флотилию.

Однако в оборонительной системе острова Антекирты имелось одно уязвимое место — его юго-западное побережье. Именно здесь мог высадиться неприятель, ибо эта часть острова была недоступна для огня береговых батарей и дальнобойных орудий крепости.

Вот где крылась главная опасность, и, пожалуй,

было уже слишком поздно предпринимать какие-нибудь новые работы.

Да и действительно ли сенуситы намеревались напасть на Антекирту? Ведь это было трудное, опасное предприятие, требовавшее огромных затрат. Луиджи все еще не верил в такую возможность и однажды высказал свое мнение, осматривая с доктором и Петером укрепления острова.

— Я не согласен с тобой, — возразил доктор. — Наш остров не только богат, он занимает ключевую позицию в заливе Большой Сирт. Поэтому сенуситы рано или поздно нападут на Антекирту, для них она лакомый кусочек!

— Да, это более чем вероятно, — подтвердил Петер, — и нам надо быть настороже!

— Я опасюсь немедленного нападения еще и потому, — продолжал доктор, — что Саркани член этой секты и, насколько мне известно, состоит даже агентом сенуситов за границей. Вспомните, друзья мои, что слышал Пескад в доме мокаддема. Ведь в разговоре с Сиди Хазаом Саркани несколько раз упомянул наш остров. А ему ли не знать, что Антекирта принадлежит доктору, то есть человеку, которого он боится и ненавидит! Не сам ли Саркани натравил на меня Зироне на склонах Этны! Нет ни малейшего сомнения, что он попытается возместить неудачу, которую потерпел в Сицилии, напав на меня здесь и притом с некоторыми шансами на успех!

— Разве ненависть Саркани направлена именно на вас? — спросил Луиджи. — Он же вас не знает!

— Возможно, Саркани встречал меня в Рагузе, — ответил доктор, — во всяком случае, он не может не знать о связях, которые я там поддерживал с семейством Батори. Более того, перед своим бегством из дома Сиди Хазама Сава открыла Саркани, что Петер жив. Негодяй, конечно, сопоставил все эти факты и не сомневается, что Петер и Сава нашли убежище на острове Антекирта. Разве у него мало оснований напустить на нас орду сенуситов? Ну, а если им удастся овладеть островом, нам нечего ждать пощады!

Все эти опасения были вполне справедливы.

Конечно, Саркани не догадывался, что доктор и граф Матиас Шандор — одно и то же лицо, но все же он знал достаточно, чтобы постараться вырвать из рук Антекирта наследницу поместья Артенак. Весьма возможно, что он убедит калифа предпринять экспедицию против колонии Антекирты.

Наступило третье декабря, но ничто еще не предвещало близкого нападения на остров.

Впрочем, наши друзья были так счастливы, собравшись наконец вместе, что за исключением доктора никто и думать не хотел о чем-нибудь дурном. Мысль о предстоящей свадьбе Петера Батори и Савы Шандор наполняла радостью все сердца. Каждый старался убедить себя, что тяжелые времена прошли и никогда больше не вернутся.

По правде сказать, Пескад и Матифу разделяли общую уверенность в будущем. Они всей душой радовались счастью окружающих и находились в каком-то восторженном опьянении.

— Это просто невероятно! — твердил Пескад.

— Что невероятно?.. — спрашивал Матифу.

— А то, что ты стал славным толстым рантье, дружище! Право, тебя надо женить!

— Меня... женить!

— Да... на прелестной маленькой женщине!

— Почему на маленькой?

— Да, ты прав!.. На крупной, на огромной красавице!.. Что ты на это скажешь?! Госпожа Матифу!.. Мы поедем искать ее у патагонцев!

Но в ожидании свадьбы Матифу, которому друг надеялся найти достойную спутницу жизни, Пескад деятельно готовился к свадьбе Петера и Савы Шандор. С разрешения доктора он собирался устроить грандиозный праздник с играми, песнями, танцами и стрельбой из пушек. Вечер закончится торжественным банкетом на открытом воздухе, серенадой в честь новобрачных, шествием с факелами и фейерверком. На Пескада можно положиться! В таких делах он понимает толк! Праздник выйдет на славу! О нем долго будут говорить! О нем будут говорить вечно!

Но эти прекрасные замыслы так и не осуществились.

В ночь с третьего на четвертое декабря, — погода была безветренная, хотя густые тучи заволокли небо, — в кабинете доктора Антекирта в Ратуше зазвенел электрический звонок.

Было десять часов вечера.

Услышав этот сигнал, доктор и Петер поспешно вышли из гостиной, где они проводили вечер в обществе госпожи Батори и Савы Шандор. Вбежав в кабинет, они поняли, что сигнал был подан с наблюдательного поста, установленного на центральной возвышенности Антекирты. По телефону было тут же передано краткое сообщение.

Часовые заметили к юго-востоку от острова приближение флотилии, которая пока еще смутно виднелась в темноте.

— Надо немедленно созвать совет, — приказал доктор.

Не прошло и десяти минут, как доктор, Петер, Луджи, капитаны Нарсос и Кестрик, а также командующие отрядами милиции собрались в зале заседаний Ратуши. Совету тотчас же доложили о наблюдении, сделанном часовым. Через четверть часа все члены совета были уже в порту и стояли на конце длинного мола, где светился огонь маяка.

С этого наблюдательного пункта, находящегося почти на уровне моря, невозможно было рассмотреть приближение флотилии, обнаруженной наблюдателями с вершины холма. Но если ярко осветить юго-восточный горизонт, быть может, удастся определить число судов вражеской флотилии и догадаться по ее маневрам, куда она направляется.

Но не опасно ли указать неприятелю, где находится остров? Доктор не думал этого. Если замеченные враги действительно сенуситы, то они, конечно, идут не наугад и хорошо знают положение Антекирты, — ничто не мешает им добраться до острова.

Итак, электрические аппараты были приведены в действие, и два ослепительных снопа света внезапно озарили широкий горизонт.

Часовые не ошиблись. По крайней мере двести лодок — шебек, полакр, трибак и других суденышек

меньших размеров — приближались к острову в боевом порядке. Не подлежало сомнению, что это флотилия сенуситов, набранная во всех портах побережья. Было совершенно тихо, и суда шли на веслах. Сравнительно небольшой переход между Киренаикой и Антекиртой пираты могли сделать и без помощи ветра. Отсутствие волнения на море даже благоприятствовало операции, так как в такую погоду пристать к берегу было гораздо легче.

Флотилия еще находилась в четырех-пяти милях к юго-востоку. Следовательно, высадки нечего было опасаться раньше восхода солнца. К тому же в темноте было бы неосторожно нападать на Антекирту не только со стороны порта, но даже с южного берега, как нам известно, плохо защищенного.

Едва только эта первая разведка была произведена, прожекторы погасли, и все опять погрузилось во мрак. Оставалось только ждать рассвета.

Между тем, по приказанию доктора, все солдаты милиции заняли свои посты.

Необходимо было опередить неприятеля, первым нанести удар, от которого, возможно, зависел исход сражения.

Нападающие уже не могли надеяться захватить врасплох маленькую колонию: ведь ярко озаривший их электрический свет дал возможность определить и численность флотилии и направление, в каком она двигалась.

Конец ночи прошел тревожно, колонисты готовились к обороне. Несколько раз они освещали горизонт прожекторами, и это позволило точно установить расположение вражеской флотилии.

Не могло быть сомнения, что осаждающие очень многочисленны. Но достаточно ли они вооружены, чтобы справиться с батареями Антекирты? Вряд ли. По всей вероятности, у них вовсе нет артиллерии. Но сенуситы были опасны своей численностью, так как могли сразу произвести высадку в нескольких пунктах острова.

Наконец стало светать, и первые солнечные лучи понемногу рассеяли туман на горизонте.

Все взгляды устремились вдаль, на восток и на юг.

Флотилия выстроилась широким полукругом и грозила взять остров в клещи. В нее входило около двухсот судов, самые крупные из которых были водоизмещением в тридцать — сорок тонн. Всего на их борту насчитывалось полторы — две тысячи человек.

В пять часов утра флотилия приблизилась к островку Кенкраф. Собирались ли нападающие высадиться на этом клочке суши, прежде чем атаковать Антекирту? Хорошо, если так. Ведь по приказанию доктора островок был заминирован, и, высадись на нем сенуситы, они понесли бы большой урон, и, может быть, это предрешило бы исход сражения.

Полчаса прошло в неопикуемой тревоге. Можно было ожидать, что, приблизившись к островку, неприятель начнет высадку. Но нет. Ни одна лодка не бросила якоря у его берега, и строй вражеских судов еще более вытянулся к югу, так что Кенкраф остался направо. Было ясно, что не пройдет и часа, как враги нападут на Антекирту, или, вернее, вторгнутся на ее территорию.

— Теперь нам остается только защищаться, — сказал доктор начальникам отрядов милиции.

Был подан сигнал, и колонисты, рассыпавшись по берегу, поспешно вернулись в город, где каждый занял свой боевой пост.

По приказанию доктора Петер принял командование над южной частью укреплений, а Луиджи — над восточной. Защитники острова, солдаты милиции, — их было не более пятисот человек, — разместились таким образом, чтобы достойно встретить врага всюду, где он попытается прорваться сквозь пояс городских укреплений. Доктор взял на себя общее руководство боевыми действиями: он будет находиться всюду, где потребуется его присутствие.

Госпожа Батори, Сава Шандор и Мария Феррато остались в большом зале Ратуши. Если город будет захвачен, все остальные женщины и дети укроются в крепости, где им ничто не грозит: неприятелю не взять ее, даже если у него имеются полевые орудия.

Вопрос об островке Кенкрафе разрешился, к сожалению, не в пользу защитников Антекирты. Оставался

вопрос о гавани. Если флотилия попытается прорваться в гавань, то ей не поздоровится: суда попадут под перекрестный огонь двух фортов, под снаряды «Феррато» и «электро», или взорвутся на минах, поставленных в проливе. Какая удача была бы для колонистов, если бы неприятель напал на них с этой стороны!

Но было ясно, как день, что главарю сенуситов известна оборонительная система острова, а также и то, насколько слабо защищен его южный берег. Атаковать порт с моря — значило бы идти на верную смерть. И он выработал другой план — высадиться на южном побережье Антекирты, где все благоприятствовало этой операции. Миновав порт, так же как и островок Кенкраф, флотилия направилась к наиболее уязвимому пункту острова, причем гребцам было приказано не жалеть сил.

Разгадав замыслы неприятеля, доктор тотчас же принял все необходимые меры. Капитаны Кестрик и Нарсос спешно вывели из порта два «электро», на каждом из которых находилось по несколько человек матросов.

Через четверть часа оба военных корабля напали на флотилию и, прорвав линию ее судов, потопили пять или шесть лодок и протаранили целую дюжину. Однако число нападающих было так велико, что оба капитана, боясь, как бы их суда не были взяты на абордаж, вернулись в порт.

Между тем «Феррато» тоже вступил в бой и принялся громить неприятеля из своих орудий. Но ни его огонь, ни огонь береговых батарей не мог помешать пиратам произвести высадку — до того они были многочисленны. Хотя судов двадцать было потоплено и немало нападающих погибло, более тысячи человек все же высадились на скалистом южном берегу, пристать к которому оказалось легко благодаря отсутствию волнения на море.

Тут защитники острова обнаружили, что у сенуситов нет недостатка в артиллерии. На самых крупных шебеках находились походные полевые орудия, и вытаскать их на берег не представляло труда, так как сюда не достигал ни огонь орудий, установленных в горах, ни огонь, открытый с центральной возвышенности.

Доктор занял наблюдательный пост на ближайшем к неприятелю бастионе и внимательно следил за операцией высадки. Помешать ей он не мог ввиду малочисленности своего войска. Но, как только защитники укрылись за стенами Артенака, они стали во много раз сильнее, а задача осаждающих, несмотря на их численный перевес, значительно осложнилась.

Сенуситы построились в две колонны и, таща за собой легкие орудия, двинулись вперед с беспечной и дерзкой отвагой фанатиков-арабов, которые бесстрашно идут в бой, так как презирают смерть, ненавидят европейцев и надеются на богатую добычу.

Когда нападающие оказались на расстоянии выстрела, на них градом посыпались ядра, снаряды и картечь. Более ста человек пали, но остальные продолжали наступать. Полевые орудия неприятеля были установлены и стали пробивать брешь в южном углу городской стены, там, где укрепления были еще не совсем достроены.

Предводитель сенуситов спокойно руководил боевыми операциями, хотя смерть и косила кругом него солдат. Стоя подле военачальника, Саркани уговаривал его бросить на штурм города несколько сот человек.

Доктор Антекирт и Петер Батори издали узнали Саркани. Он тоже узнал их.

Но вот часть городской стены обрушилась, и осаждающие устремились к образовавшейся брешии. Если им удастся ворваться в город, осажденные будут уничтожены. При кровавых наклонностях пиратов победа неизбежно закончится чудовищной резней.

При попытке сенуситов пробиться сквозь линию укреплений произошла жаркая схватка. Под командованием доктора, равнодушного к опасности и неуязвимо для пуль, Петер Батори и его соратники проявляли чудеса храбрости. Пескад и Матифу отважно сражались бок о бок с ними, счастливо избегая пуль и ударов врага.

С кинжалом в одной руке и с топором в другой Геркулес производил ужасные опустошения в неприятельских рядах.

— Смелей, Матифу, смелей!.. Бей их! — кричал Пескад, то заряжая свой револьвер, то разряжая его с таким грохотом, словно стрелял картечью.

Но враг не отступал. Его несколько раз отгоняли от брешки, и все же осаждающие грозили ворваться в город, как вдруг в их задних рядах произошло смятение.

«Феррато» стоял под парами менее чем в трех кабельтовых и, наведя на берег все свои орудия — каронады, длинные погонные орудия, револьверные пулеметы Гочкиса, митральезы Гатлингса, — громил осаждающих, которые падали, как колосья, срезанные серпом. Снаряды били им в спину, настигали у самого моря, топили суда, стоявшие на якоре или пришвартованные у подножия скал.

Это был страшный, неожиданный удар для сенуситов. На них не только напали с тыла, но и грозили отрезать путь к отступлению в случае, если пиратские суда будут уничтожены снарядами «Феррато».

Осаждающие остановились перед брешью, которую упорно защищали солдаты милиции. Уже более пяти-сот врагов нашли смерть на острове Антекирта, тогда как число осажденных почти не уменьшилось.

Вражеский военачальник понял, что необходимо немедленно выйти в море, если он не хочет погубить всех своих людей. Напрасно Саркани убеждал его штурмовать Артенак, — был дан приказ отступить к берегу, и сенуситы столь же беспрекословно отошли от города, как ринулись бы на верную смерть, если бы им велено было умереть.

Но следовало дать пиратам урок, который они запомнили бы надолго.

— Вперед, друзья!.. Вперед!.. — крикнул доктор.

Под командованием Петера и Луиджи человек сто солдат бросились преследовать беглецов, спешивших добраться до берега. Попав с одной стороны под огонь «Феррато», а с другой — под пули защитников города, сенуситы дрогнули. В их рядах произошло замешательство, и уцелевшие опрометью кинулись к лодкам, менее других пострадавшим от снарядов.

В пылу сражения Петер и Луиджи стремились завладеть только одним человеком. Этот человек был Саркани. Но они хотели захватить его живым и лишь чудом избежали пуль, так как негодяй несколько раз стрелял в них из револьвера.

Казалось, однако, что судьба еще раз спасет его от справедливого возмездия.

Саркани и начальнику сенуситов удалось вскочить вместе с десятью спутниками в небольшую полакру, они уже отдали швартовы и теперь маневрировали, стараясь выйти в открытое море. «Феррато» был слишком далеко, и там не заметили сигнала о нападении на эту лодку. Еще немного, и беглецы ускользнули бы от преследования.

В эту минуту Матифу увидел полевое орудие без лафета, валявшееся на песке.

Подбежать к этому заряженному орудью, втащить его на вершину скалы, подпереть плечом, держа за цапфу для равновесия, оказалось для нашего Геркулеса минутным делом.

— Ко мне, Пескад, ко мне! — крикнул он громовым голосом.

Пескад услышал друга и понял его намерение. Он подбежал к полевому орудью, стоявшему на живом лафете, навел его на полакру и выстрелил.

Снаряд попал в судно и разнес его в щепки... А Матифу даже не покачнулся, несмотря на сильную отдачу.

Начальник сенуситов и его спутники бросились в воду и почти все тут же утонули. Саркани боролся с прибоем, когда Луиджи подплыл к нему и вытащил его на берег.

Вскоре Саркани был передан Матифу, который крепко схватил его в свои могучие объятия.

Победа была полная. Из двух тысяч врагов, напавших на остров, всего несколько сот избегло гибели и добралось до побережья Киренаики.

Теперь можно было надеяться, что остров Антекирта надолго избавлен от нападения пиратов.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Возмездие

Граф Матиас Шандор уплатил свой долг благодарности Марии и Луиджи Феррато. Госпожа Батори, Петер и Сава, наконец, соединились. Достойные были вознаграждены, оставалось лишь покарать предателей.

В течение нескольких дней, следовавших за разгромом сенуситов, колонисты усиленно работали, приводя остров в порядок. Петер, Луиджи, Пескад и Матифу, то есть все главные герои этой драмы, были целы и невредимы, если не считать пустячных ранений. И, однако, как мы видели, они не берегли себя. Зато какая была радость, когда доблестные воины вернулись в большой зал Ратуши, где их ожидали Сава Шандор, Мария Феррато, госпожа Батори и ее старый слуга Борик. Оставалось отдать последний долг тем, кто пал в борьбе, и маленькая колония опять заживет своей счастливой жизнью, которую отныне, по всей вероятности, ничто больше не нарушит. Сенуситы потерпели полное поражение на острове Антекирта, а главное, среди них уже не будет Саркани, чтобы разжигать ненависть в сердцах пиратов и призывать их к мести. К тому же доктор собирался вскоре усовершенствовать оборонительную систему острова. Предстояло не только обезопасить Артенак от нападения, но и укрепить всю береговую полосу, чтобы на острове больше не могли высадиться неприятельские войска. Кроме того, решено было привлечь в Антекирту новых колонистов, которым плодородная почва острова сулила полное благоденствие.

А в ожидании этого ничто не мешало отпраздновать свадьбу Петра Батори и Савы Шандор. Бракосочетание назначили на девятое декабря, и теперь уже не было причин его откладывать. Пескад снова принялся за приготовления к празднеству, прерванные нападением разбойников, прибывших из Киренаики.

Однако следовало без промедления решить судьбу Саркани, Силаса Торонталя и Карпены. Они сидели

в одиночных камерах крепости и даже не знали, что все трое оказались во власти доктора Антекирта.

Шестого декабря, через два дня после разгрома сепаратистов, доктор приказал привести заключенных в большой зал Ратуши; сам он вместе с Петером и Луиджи держался в стороне.

Пленники впервые увидели друг друга перед трибуналом Артенака, состоящим из самых уважаемых судей города. Зал охранялся отрядом солдат.

Карпена казался взволнованным, хотя лицо его сохраняло все то же плутоватое выражение. Он искоса поглядывал по сторонам, не смея поднять глаза на судей.

У Силаса Торонталья был очень подавленный вид, он стоял, опустив голову, и инстинктивно сторонился своего бывшего сообщника.

Душу Саркани переполняло одно чувство — ярость, ведь он попал в руки своего врага, доктора Антекирта.

Луиджи первый приблизился к судьям и проговорил, обращаясь к испанцу:

— Карпена, я Луиджи Феррато, сын рыбака из Ровинья. Ты донес на моего отца, он был сослан на какому-то там погреб!

Карпена выпрямился. У него потемнело в глазах от злобы. Так, значит, он действительно встретил Марию на улице Мандераджо на Мальте, а теперь ее брат Луиджи Феррато бросил ему в лицо это обвинение!

Тут выступил Петер и, протянув руку по направлению к банкиру, сказал:

— Силас Торонталь, взгляните на меня, я Петер Батори, сын венгерского патриота Иштвана Батори. Это вы со своим сообщником Саркани выдали моего отца австрийской полиции Триеста, это вы послали его на смерть!

Затем, обращаясь к Саркани, он заявил:

— Я Петер Батори, на жизнь которого вы покушались в Рагузе! Я жених Савы, дочери графа Матиаса Шандора, которую вы похитили пятнадцать лет назад из замка Артенак!

Торонталь был потрясен, узнав Петера Батори, ведь он считал его мертвым!

Саркани стоял с наглым видом, скрестив на груди

руки, он мог бы показаться спокойным, если бы не легкое дрожание век, выдававшее его волнение.

Ни Торонталь, ни Саркани ничего не ответили на предъявленные им обвинения. Да и что могли они сказать своим жертвам, которые, казалось, вышли из могилы, чтобы потребовать у них ответа.

Но их ожидал новый удар! С места поднялся доктор Антекирт и сказал глухим голосом:

— Я — товарищ Ладислава Затмара и Иштвана Батори, которые по вашему доносу были расстреляны в замке Пизино! Я — отец Савы, которую вы похитили, чтобы завладеть ее состоянием!.. Я — граф Матиас Шандор!

Эти слова как гром поразили обвиняемых: у Силаса Торонталья подкосились ноги, а Саркани весь съехался, точно хотел провалиться сквозь землю.

Последовал допрос обвиняемых. Преступления всех троих были слишком очевидны, чтобы их отрицать, слишком велики, чтобы можно было просить о снисхождении. Председатель трибунала напомнил Саркани, что во время нападения на остров, предпринятого им в корыстных целях, погибло много колонистов, кровь которых вопиет о мщении, и предоставил преступникам возможность защищаться. После чего был объявлен приговор, вынесенный в строгом соответствии с существующими законами.

— Силас Торонталь, Саркани, Карпена, — провозгласил председатель трибунала, — вы повинны в смерти Иштвана Батори, Ладислава Затмара и Андреа Феррато! Суд приговаривает вас к смертной казни!

— Можете хоть сейчас казнить меня! — нагло бросил Саркани.

— Пощадите! — вырвалось у Карпены.

Торонталь был не в силах говорить.

Всех троих отвели обратно в крепость и оставили там под строжайшим надзором.

Но какую казнь избрать для приговоренных? Расстрелять их где-нибудь в глухом уголке острова? Нет, это значило бы осквернить землю Антекирты кровью предателей. Вот почему казнь решено было произвести на островке Кенкраф.

В тот же вечер один из «электро», экипаж которого состоял из десяти человек под командованием Луиджи Феррато, перевез осужденных на островок, куда на рассвете должен был прибыть карательный отряд.

Саркани, Торонталь и Карпена, очевидно, думали, что их смертный час уже пробил. Поэтому, когда их высадили на берег, Саркани прямо обратился к Луиджи.

— Вы расстреляете нас сегодня вечером? — спросил он.

Луиджи ничего не ответил. Трех негодяев оставили одних. Было уже темно, когда «электро» вернулся в Антекирту.

Остров Антекирта был избавлен от предателей. Бежать же с Кенкрафа они не могли, так как целых двадцать миль отделяли этот клочок суши от континента.

— Они сожрут друг друга за ночь, как пауки в банке! — заметил Пескад.

— Тьфу, гадость какая! — с отвращением плюнул Матифу.

Ночь прошла без происшествий. Однако граф Шандор ни на минуту не уснул. Он провел ночь, запершись в своей комнате, а в пять часов утра спустился в большой зал Ратуши, куда тотчас же вызвал Петера Батори и Луиджи.

Отряд солдат уже стоял наготове во дворе, оставалось послать его на островок Кенкраф.

— Ответьте мне, Петер Батори и Луиджи Феррато, — попросил граф Шандор, — справедливо ли осуждены на смерть трое предателей.

— Да, они заслужили смерть! — ответил Петер.

— Разумеется, справедливо, — подтвердил Луиджи, — нет и не может быть пощады негодяям!

— В таком случае пусть свершится правосудие, и да простит бог тем, кого не могут простить люди!..

Граф Шандор едва успел произнести эти слова, как раздался чудовищный взрыв. Пол Ратуши, вся почва острова заколебалась под ногами, словно началось землетрясение.

Граф Шандор, Петер и Луиджи выскочили на улицу; из домов выбегали испуганные люди.

Огромный столб дыма, пламени, камней и обломков скал взвился к небу. Затем каменный град посыпался в море, волны вздыбились, и густая черная туча повисла над островом.

От острова Кенкраф и трех осужденных ничего не осталось: взрыв все уничтожил.

Что же случилось?

Читатели, конечно, не забыли, что в ожидании высадки сенуситов островок Кенкраф был минирован и соединен подводным кабелем с Антекиртой. А на случай, если бы кабель вышел из строя, в каменистую почву островка зарыли также взрыватели, соединенные электрическим проводом с фугасами. Стоило коснуться одного из взрывателей ногой, чтобы все фугасы разом взорвались.

Это и случилось. Кто-то из осужденных наступил на взрыватель, и островок взлетел на воздух.

— Богу угодно было избавить нас от ужасов казни! — воскликнул граф Матиас Шандор.

Через три дня после описанных событий в церкви Артенака состоялось бракосочетание Петера Батори и Савы Шандор. По этому случаю доктор Антекирт впервые расписался своим настоящим именем — Матиас Шандор. Теперь, когда правосудие свершилось, он отказался от псевдонима Антекирт.

Остается сказать всего несколько слов, чтобы довести рассказ до конца.

Три недели спустя Сава Батори была признана наследницей графа Шандора. Чтобы установить личность Савы, достаточно было письма госпожи Торонталь и письменного заявления банкира, где излагались обстоятельства и цель похищения девочки. Ввиду того, что молодой женщине исполнилось восемнадцать лет, ей было возвращено поместье Шандоров в Трансильвании.

Впрочем, и сам граф Шандор мог бы вступить во владение своими землями, так как он подпал под амнистию, объявленную всем политическим заключенным.

Но хотя граф принял официально имя Матиаса Шандора, он пожелал попрежнему остаться главой большой и дружной семьи, населяющей остров Антекирту. Здесь он собирался окончить свои дни среди любящих и уважающих его людей.

Благодаря заботам графа маленькая колония сильно разрослась. Меньше чем за год ее население удвоилось. Ученые, изобретатели, приглашенные Матиасом Шандором, использовали на Антекирте свои открытия, которые так и не были бы осуществлены, если бы не деньги и советы графа. Итак, Антекирте предстояло стать в недалеком будущем важнейшей колонией в заливе Большой Сирт, а по окончании оборонительных работ колонистам уже не придется опасаться нападений.

Что еще сказать о госпоже Батори, Марии и Луиджи Феррато или о Петере и Саве, счастье которых не поддается описанию? Что еще сказать о Пескаде и Матифу, принадлежащих теперь к числу самых почетных граждан Антекирты? Друзья жалеют только об одном, что им больше не представляется случая пожертвовать собой ради человека, которому они всем обязаны.

Граф Матиас Шандор выполнил свою задачу, и, если бы не воспоминание о погибших друзьях — Иштване Батори и Ладиславе Затмаре, он был бы счастлив, как только может быть счастлив на этом свете великодушный человек, который любит доставлять радость окружающим.

Во всем Средиземном море, да и нигде на земном шаре, даже в группе островов, называемых Счастливыми, не найти такого благословенного уголка, как остров Антекирта!..

Иногда Матифу говорил от избытка чувств своему другу:

— Право же, Пескад, мы не заслужили такого счастья...

— Конечно, нет, Матифу! Но что поделаешь?.. Приходится с этим мириться, — отвечал Пескад.

**ПОВЕСТИ
И
РАССКАЗЫ**

ДРАМА В ВОЗДУХЕ

В сентябре 185... года я прибыл в Франкфурт-на-Майне. Мое турне по главным городам Германии ознаменовалось блистательными полетами на аэростате. Тем не менее до сих пор еще ни один подданный Федерации не выразил желания сопутствовать мне в моих полетах. Даже изумительные эксперименты, проделанные в Париже Грином, Эженом Годаром и Пуатевеном, не увлекли степенных немцев, и никто из них не решился пуститься в воздушные странствования.

И все же, как только по Франкфурту разнесся слух, что я намерен в ближайшее время совершить полет, три именитые горожанина обратились ко мне с просьбой удостоить их чести полететь вместе со мной. Мы должны были подняться через два дня с площади Театра комедии. Я стал немедленно приводить в порядок свой аэростат. Он был сделан из шелка, пропитанного гуттаперчей, веществом, не подверженным действию кислот и абсолютно непроницаемым для газов. Объем моего шара достигал трех тысяч кубических метров, что позволяло взлететь на огромную высоту.

День, назначенный для полета, совпадал с большой франкфуртской ярмаркой, ежегодно привлекающей в город множество народу. Светильный газ превосходного качества и исключительной подъемной силы своевременно мне доставили, и к одиннадцати часам утра шар был уже наполнен на три четверти всего объема. Эта предосторожность необходима, ибо по мере того как поднимаешься, атмосфера становится

все более разреженной, газ, заключенный в оболочке аэростата, начинает с силой на нее давить и легко может прорвать шелк. Сделав надлежащие вычисления, я определил, какое количество газа необходимо, чтобы поднять меня и моих спутников.

Полет был назначен на двенадцать часов дня. Площадь являла великолепное зрелище. Возбужденная толпа теснилась за отведенной для меня оградой, заполняя все пространство вокруг; все окрестные улицы были запружены народом. Дома на площади были унижены людьми от нижних этажей до коньков черепичных крыш. Свиристествовавшие последние дни ветры стихли. Безоблачное небо дышало палящим зноем. В воздухе ни малейшего дуновения. В такую погоду можно опуститься как раз на то место, откуда поднялся.

Я захватил с собой триста фунтов балласта, рассыпанного по мешкам. Круглая гондола, диаметром в четыре фута и глубиной в три, была превосходно оборудована. Пеньковая сетка равномерно облежала всю поверхность верхнего полушария аэростата; компас находился на своем месте, барометр был подвешен к кольцу, стягивавшему канаты гондолы, и якорь был в полной исправности. Мы могли лететь.

В толпе, теснившейся вокруг ограды, мое внимание привлек молодой человек с бледным, взволнованным лицом. Его вид поразил меня. Он был усердным посетителем моих полетов; я уже примечал его в различных немецких городах. С тревогой в глазах он жадно всматривался в диковинный аппарат, неподвижно повисший в воздухе в нескольких футах над землей. Из всей толпы он один наблюдал молча.

Часы пробили двенадцать. Пора было подниматься. Но спутников моих все нет как нет.

Я послал на дом за всеми тремя и узнал, что один уехал в Гамбург, другой отлучился в Вену, а третий направился в Лондон.

В последний момент у них не хватило духу, и они уклонились от предприятия, которое благодаря искусству современных аэронавтов стало совершенно

безопасным. Так как они в какой-то мере являлись участниками празднества, то и испугались, как бы их не заставили выполнить программу празднеств до конца! Они удрали из театра в момент, когда должен был взлететь занавес. Их храбрость, очевидно, была обратно пропорциональна квадрату скорости... их бегства.

Толпа, обманутая в своих ожиданиях, проявляла недовольство... Я не колеблясь решил подниматься один. Чтобы восстановить необходимое соотношение между подъемной способностью шара и изменившейся нагрузкой, я возместил необходимый вес добавочными мешками с песком и взобрался в гондолу. Двенадцать рабочих, державших аэростат за тросы, прикрепленные к нему по его наибольшей окружности, слегка потравили их. Шар поднялся на несколько футов над землей. Стоял абсолютный штиль. Тяжелый воздух был точно налит свинцом.

— Готово? — крикнул я.

Рабочие встали по местам. Я еще раз бегло осмотрел аэростат, — пора давать сигнал к отлету.

— Внимание!

В толпе произошло какое-то движение: мне показалось, что кто-то проник в ограду.

— Отдать концы!

Шар стал медленно подниматься, но тут я ощутил толчок и упал на дно гондолы.

Когда я поднялся на ноги, то очутился лицом к лицу с непредвиденным спутником. Это был тот бледный молодой человек, которого я заметил в толпе.

— Милостивый государь, я приветствую вас! — проговорил он с величайшим хладнокровием.

— Какое вы имели право?

— Прыгнуть сюда?.. Что там говорить о правах! Попробуйте-ка прогнать меня отсюда!

Я был прямо-таки озадачен его самоуверенностью и не знал, что ответить.

Я устремил гневный взгляд на наглеца, но он никак не реагировал на мое возмущение.

— Я своей тяжестью нарушаю равновесие, не так ли, сударь? — сказал он. — Вы позволите...

И, не дожидаясь моего согласия, он облегчил воздушный шар, выбросив в пространство два мешка балласта.

— Сударь, — обратился я к нему, приняв единственно возможное при таких обстоятельствах решение, — раз уж вы здесь... так и быть! Оставайтесь здесь... Делать нечего!.. Но управление аэростатом принадлежит мне одному...

— Сударь, — ответил он, — вы учтивы, как истинный француз. Я родом из той же страны, что и вы! Мысленно я жму вашу руку, ту самую, которую вы отказываетесь мне протянуть. Делайте все, что вы находите нужным! Я подожду, пока вы закончите...

— Чтобы...

— Чтобы с вами побеседовать.

Барометр упал до двадцати шести дюймов. Мы находились на высоте примерно шестисот метров над городом. Незаметно было, чтобы аэростат двигался в горизонтальном направлении, так как обволакивающая его масса воздуха перемещалась вместе с ним. Земля под нами тонула в смутной дымке. Предметы приобрели расплывчатые очертания.

Я стал вновь разглядывать своего спутника. Это был человек лет под тридцать, скромно одетый. Резкие черты лица изобличали неукротимую энергию. Он казался очень сильным. Теперь он стоял неподвижно, видимо потрясенный этим беззвучным подъемом, и разглядывал предметы на земле, сливавшиеся в неясное пятно.

— Весьма неприятный туман, — произнес он через некоторое время.

Я ничего не ответил.

— Вы на меня сердитесь! — продолжал он. — Есть из-за чего! Я не мог заплатить за свое путешествие, и мне волей-неволей пришлось прибегнуть к хитрости!

— Никто, сударь, и не предлагает вам сейчас отсюда убираться!

— Еще бы! Разве вам неизвестно, что то же самое случилось с графами Лоренсином и Дампиером, когда

они поднялись в Лионе пятнадцатого января тысяча семьсот восемьдесят четвертого года. Один молодой купец, некто Фонтен, вскочил в гондолу, рискуя опрокинуть шар! Он пропутешествовал с ними, и... никто от этого не умер!

— Мы объяснимся, когда спустимся на землю, — ответил я, уязвленный его легкомысленным тоном.

— Пустое! Не будем говорить о возвращении!

— Вы, может быть, думаете, что я буду медлить со спуском?

— Со спуском! — удивленно протянул он. — Со спуском! Начнем лучше с подъема!

Я и ахнуть не успел, как он выбросил за борт два мешка балласта, даже не потрудившись высыпать из мешков песок.

— Сударь! — воскликнул я вне себя от гнева.

— Я знаю, как вы опытни в этом деле, — невозмутимо ответил незнакомец. — Ваши прекрасные полеты наделали немало шума. Но если опыт — родной брат практики, то и теория ему несколько сродни. Я же долгое время изучал аэронавтику, и это даже повредило мне мозги, — добавил он с грустью. Тут он замолчал и погрузился в раздумье.

Шар неподвижно висел в воздухе, — он больше не поднимался. Взглянув на барометр, незнакомец сказал:

— Ну вот мы и достигли восьмисот метров! Право же, люди похожи на насекомых! Взгляните! Чтобы постигнуть, что такое человек, его следовало бы всегда рассматривать именно с такой высоты! Площадь Театра комедии напоминает огромный муравейник. Посмотрите на толпу, запрудившую набережную и улицу Зейль! Мы находимся как раз над городским собором. Майн превратился в светлую линию, рассекающую город, а вот тот мост, Майн-Брюкке, кажется ниткой, протянутой между берегами.

Между тем стало прохладнее.

— Я готов сделать для вас все что угодно, дорогой хозяин, — заявил мой спутник. — Если вам холодно, я сниму свой плащ и отдам его вам.

— Благодарю вас, — сухо ответил я.

— Экий вы! Необходимость — мать закона. Протяните мне руку, ведь я ваш соотечественник: вы можете многому от меня научиться, и я уверен, что вы скоро простите мне мою выходку.

Ни слова не говоря, я уселся на противоположном конце гондолы. Молодой человек вынул из кармана своего плаща объемистую тетрадь. Это был трактат по аэронавтике.

— У меня имеется весьма любопытная коллекция рисунков и карикатур на тему о нашем увлечении воздухоплаванием. Сколько восторгов и насмешек вызвало это замечательное открытие! К счастью, уже позади те времена, когда братья Монгольфьер пытались создать искусственные облака из водяных паров и получать газ, содержащий электричество, путем сжигания мокрой соломой и мелкорубленной шерсти.

— Вы, что же, хотите преуменьшить заслуги первых воздухоплавателей? — спросил я, невольно вовлеченный в беседу. — Разве не замечательная у них была цель? Доказать на своем опыте, что можно подняться на воздух!

— Полноте, сударь! Кто отрицает значение первых воздухоплавателей! Требовалось огромное мужество, чтобы подниматься на таких ненадежных шарах, наполненных подогретым воздухом! Но позвольте вас спросить: далеко ли шагнула вперед наука воздухоплавания со времени полетов Бланшара, другими словами — почти за столетие? Взгляните-ка сюда, сударь!

Незнакомец вынул из папки рисунок.

— Вот, — сказал он, — первое путешествие по воздуху, предпринятое Пилатром де Розье и маркизом д'Арландом через четыре месяца после изобретения воздушного шара. Людовик Шестнадцатый не отпускал их в этот полет. Первыми воздухоплавателями должны были стать два приговоренных к смерти преступника. Это возмутило Пилатра де Розье, и он правдами и неправдами добился разрешения на полет. Тогда еще не была изобретена круглая площадка, окруженная бортами, в которой так удобно лежать под шаром. Аэронавтам приходилось неподвижно сидеть на противоположных концах площадки, которая

вся была завалена сырой соломой. Под отверстием шара подвешивалась жаровня. Когда воздухоплаватели хотели взлететь, они подбрасывали в жаровню солому, рискуя при этом спалить весь аппарат. Подъемная сила шара возрастала, когда он наполнялся нагретым воздухом. Двадцать первого ноября тысяча семьсот восемьдесят третьего года отважные воздухоплаватели поднялись из парка Мюэтт, предоставленного дофином в их распоряжение. Аэростат величественно взмыл в высоту, некоторое время летел вдоль Лебединого острова, затем пролетел близ заставы Конференции. Потом, проплыв между куполом Дома инвалидов и Военным училищем, он стал приближаться к церкви св. Сульпиция. Тут аэронавты усилили огонь, пролетели над бульваром и спустились за заставой Анфер. Когда шар коснулся земли, из него вышел воздух, и пустой мешок, распластавшись, накрыл Пилатра де Розье, которого несколько мгновений не было видно.

— Дурное предзнаменование! — воскликнул я, невольно заинтересовавшись подробностями, столь близко меня касавшимися.

— Да, это предвещало катастрофу, в результате которой и погиб этот бедняга! — грустно промолвил незнакомец. — Ну, а вам не случалось терпеть аварию?

— Ни разу.

— Да что там говорить! Несчастья обрушиваются на нас и без всяких предзнаменований, — прибавил мой спутник.

Некоторое время он сидел молча.

Между тем мы направлялись к югу. Франкфурт уже давно исчез из поля нашего зрения.

— Мне кажется, надвигается гроза, — сказал молодой человек.

— Мы успеем спуститься до грозы, — ответил я.

— Зачем? Куда лучше подняться еще выше — тогда уж мы наверняка от нее уйдем.

И еще два мешка с балластом полетели за борт.

Шар стал быстро подниматься и остановился на высоте тысячи двухсот метров. Значительно похоло-

дало. Но все же солнечные лучи, нагревая оболочку шара, вызывали расширение находящегося в ней газа, и его подъемная сила возрастала.

— Не бойтесь, — сказал незнакомец. — Человек может дышать даже на высоте трех тысяч пятисот сажень. Но я просил бы вас предоставить мне управление шаром.

Я хотел было встать, но сильная рука удержала меня, придавив к сиденью.

— Кто вы такой? — спросил я.

— Вы хотите знать мое имя? На что оно вам?

— Скажите, как вас зовут!

— Можете звать меня Геростратом или Эмпедоклом, — как вам больше нравится.

Такой ответ не обещал ничего хорошего. Да и вообще хладнокровие незнакомца мне казалось странным, и я не без тревоги задавал себе вопрос: с кем я имею дело?

— Сударь, — заговорил он снова, — со времен физика Шарля не изобретено решительно ничего нового. Через четыре месяца после изобретения аэростатов этот талантливый человек изобрел клапан, дающий возможность выпускать газ, когда шар переполнен или когда надо спуститься, гондолу, сидя в которой так легко управлять аппаратом, сетку, которая обтягивает шар, причем тяжесть гондолы распределяется равномерно по всей его поверхности. Он применил также балласт, позволяющий регулировать подъем и выбирать место спуска, стал пропитывать оболочку каучуковым составом, что сделало ее непроницаемой; стал применять барометр, чтобы определить, на какую высоту поднялся аэростат. Наконец, Шарль стал первый надувать шар водородом; этот газ в четырнадцать раз легче воздуха и позволяет подняться в самые высокие слои атмосферы; вдобавок, пользуясь водородом, можно не бояться, что аппарат загорится в воздухе. Первого декабря тысяча семьсот восемьдесят третьего года трехтысячная толпа собралась возле Тюильри. Шарль удачно поднялся. Солдаты дворцового караула отдали ему честь. Он пролетел девять лье, причем управлял своим шаром с искусством, непревзойденным

и современными воздухоплавателями. Король пожаловал ему пенсию в две тысячи ливров, так как в те времена, сударь, открытия еще поощрялись.

Я заметил, что мой собеседник начинает проявлять беспокойство.

— Да, сударь, — продолжал он, — изучая этот вопрос, я убедился, что уже первые аэронавты умели управлять своими шарами. Не будем говорить о Бланшаре, которому я не слишком склонен доверять. Назовем хотя бы Гитона де Морво, который при помощи весел и руля заставлял свой аппарат двигаться в желаемом направлении; затем господина Жюльена, парижского часовщика, который не так давно проделал на Ипподроме весьма убедительные опыты: его воздушный аппарат удлинной формы благодаря особому механизму двигался против ветра. Наконец, господин Петэн создал конструкцию из четырех соединенных вместе шаров; он надеется с помощью горизонтально установленных парусов изменять направление полета. Правда, в последнее время подняли вопрос о двигателях, преодолевающих сопротивление воздуха, — таких, как гребной винт. Но этот винт, вращаясь в воздухе, не даст нужного эффекта. Да будет вам известно, сударь, что я изобрел единственно возможный способ управления воздушным шаром, но ни одна академия не пришла мне на помощь, мои подписные листы так и остались незаполненными, и ни одно правительство не захотело меня выслушать! Чудовищно!

Незнакомец делал резкие движения, отчаянно жестикулируя, гондола сильно раскачивалась. Мне стоило немалого труда его успокоить.

Тем временем наш аэростат попал в довольно быстрое воздушное течение, и мы продвигались к югу на высоте полутора тысяч метров.

— Под нами Дармштадт, — сказал мой спутник, нагибаясь над бортом гондолы. — Видите вы его цитадель? Ее не так-то легко разглядеть, правда? Иначе и быть не может: надвигается гроза, и в знойном воздухе очертания предметов колеблются и расплываются; только опытный глаз может распознавать местность.

— Вы уверены, что это Дармштадт? — спросил я.

— Не сомневаюсь. Мы в шести лье от Франкфурта.
— В таком случае нужно спускаться.
— Спускаться! Уж не собираетесь ли вы садиться вот на те колокольни? — насмешливо спросил незнакомец.

— Я имею в виду окрестности города.

— Ну, что ж, удалимся от колоколен!

С этими словами мой спутник схватил два мешка с балластом. Я бросился к нему, но он отпихнул меня, и я упал на дно гондолы. Облегченный аэростат взмыл на высоту двух тысяч метров.

— Успокойтесь, — сказал он. — Вспомните, что Бриоски, Био, Гей-Люссак и Барраль поднимались значительно выше, чтобы производить свои наблюдения.

— Сударь, нам нужно спускаться, — сказал я спокойным голосом, надеясь подействовать на него кротостью. — Собирается гроза. Было бы неблагоприятно...

— Вздор! Мы поднимемся выше грозы, и она будет нам не страшна! — воскликнул мой спутник. — Что может быть прекраснее полета над тучами, которые громоздятся над землей? Какую гордость испытываешь, когда плывешь по воздушным волнам! Ведь самые высокопоставленные особы путешествовали так же, как и мы. Маркиза и графиня де Монталамбер, графиня Подена, девица ла Гард и маркиз де Монталамбер отправились из Сент-Антуанского предместья в неведомые просторы. Герцог Шартрский очень искусно управлял шаром и проявил замечательное присутствие духа во время своего полета пятнадцатого июля тысяча семьсот восемьдесят четвертого года. В Лионе граф де Лоренсин и граф де Дампиер, в Нанте господин де Линь, в Бордо д'Арблэ де Гранж, в Италии кавалер Андриани, в наши дни — герцог Брауншвейгский, — все это славные завоеватели воздуха. Чтобы сравняться с этими знатными особами, мы должны вознестись выше их в небесные просторы! Чем ближе мы будем к бесконечности, тем глубже ее постигнем.

Вследствие разреженности воздуха водород в шаре значительно расширился. Я заметил, что нижняя часть

шара, намеренно оставленная пустой, стала раздуваться. Необходимо было открыть клапан. Однако мой товарищ, казалось, не хотел, чтобы я управлял аэростатом. Видя, что он увлекся своим красноречием, я решил незаметно дернуть за веревку, привязанную к клапану. Я уже начал догадываться, с кем имею дело, но мне все еще не хотелось верить. Это было бы так ужасно!

Было примерно без четверти час. Прошло уже сорок минут после нашего отлета из Франкфурта. С юга надвигались тяжелые тучи, плывшие против ветра. Мы неминуемо должны были с ними столкнуться.

— Неужели вы уже не надеетесь добиться признания своих идей?.. — спросил я незнакомца с участием... не совсем бескорыстным.

— Потерял всякую надежду! — глухо промолвил он. — Мало того, что меня обидели отказами, они меня осмеяли: меня доконали карикатуры, эти удары ослиных копыт! Эта пытка уготована всем новаторам! Взгляните-ка на эти карикатуры, относящиеся к различным эпохам, — мой портфель набит ими!

Пока мой спутник перелистывал свои бумаги, я незаметно схватил веревку, привязанную к клапану. Я опасался, как бы его внимание не привлёк свист выходящего газа, напоминающий шум водяной струи.

— А как потешались над аббатом Миоланом! — продолжал незнакомец. — Он должен был подняться с Жанинэ и Бреденом. Его шар вспыхнул в момент подъема, и невежественная толпа разнесла его в клочья. А потом карикатурист изобразил незадачливых воздухоплавателей в виде каких-то диковинных зверей, названия которых напоминают имена аргонавтов.

Я дернул за веревку и увидел, что барометр поднимается. Это было как нельзя более кстати. С юга уже доносились отдаленные раскаты грома.

— Посмотрите на этот рисунок, — продолжал ничего не замечавший незнакомец. — Гигантский воздушный шар поднимает целый корабль, замки, дома, все что угодно. Карикатуристы не подозревали, что их вздорная выдумка станет со временем правдой! Чего только нет на этом огромном корабле! Слева вы

видите руль и будку пилота; на носу — беседку, колоссальный орган и пушку: выстрелы и музыка должны привлекать внимание жителей Земли и Луны. На корме помещается обсерватория и находится небольшой воздушный шар, заменяющий шлюпку. В трюме помещаются солдаты. На носу — фонарь, наверху — галереи для прогулок и паруса. В трюме находятся также кафе и склады продовольствия. Посмотрите, какая широковежательная программа. «Этот шар, изобретенный на благо человечества, направится в ближайшее время в гавани Леванта. По возвращении будут предприняты путешествия к обоим полюсам, а также на крайний запад. Пассажирам не о чем заботиться: решительно все предусмотрено и все пойдет как по маслу. Проездная плата вычислена по совершенно точному тарифу. Любое из перечисленных путешествий будет стоить тысячу луидоров. Цена одинаковая, куда бы вы ни полетели, хоть в самые отдаленные страны. Принимая во внимание быстроту передвижения, удобства и развлечения, каким будут предаваться путешественники, следует признать эту цену весьма умеренной. Воздушное путешествие сулит пассажирам наслаждения, неведомые на земле: на нашем корабле каждый обретет то, о чем мечтает, — без малейшего преувеличения. Одни будут веселиться на балу, другие стоять на вахте; те будут вкушать самые утонченные яства, а эти поститься; желающий поговорить с умными людьми найдет собеседников; глупцы также обретут сколько угодно себе подобных. Итак, девизом воздушного общества будет: «Наслаждайтесь!» Над этими выдумками смеялись... Но если бы дни мои не были сочтены, все эти фантастические проекты осуществились бы очень скоро!

Мы значительно приблизились к земле. Мой собеседник не замечал этого.

— А вот здесь что-то вроде игры в воздушные шары, — продолжал он, раскладывая передо мной еще несколько рисунков, принадлежавших к его обширной коллекции. — Эта игра охватывает, пожалуй, всю историю воздухоплавания. Предназначается она для умов возвышенных и производится при помощи костей и

жетонов; их стоимость устанавливается по соглашению. Проигрыш и выигрыш зависят от того, добрались ли вы до той или иной клетки.

— Мне кажется, — прервал я его, — вы довольно основательно изучили аэронавтику.

— О да, сударь! Вы правы! Я изучил все! Решительно все, всю историю воздухоплавания, начиная с Фазтона, с Икара, с Архитаса. Если бы господу было угодно продлить мои дни, аэронавтика принесла бы благодаря мне огромную пользу человечеству. Но, увы, этого не будет.

— Почему же?

— Потому что меня зовут Эмпедоклом или Геростратом!..

Между тем наш шар благополучно приближался к земле; впрочем, падение с высоты ста футов так же опасно, как и с высоты пяти тысяч!

— Слыхали вы про битву при Флерусе? — продолжал мой собеседник. Его лицо все более и более оживлялось. — Именно тогда Кутель, по распоряжению правительства, организовал роту аэростатчиков! При осаде Мобёжа генерал Журдан с большим успехом применял этот новый способ разведки: Кутель дважды в день поднимался на воздух вместе с генералом. Аэронавты сигнализировали людям, державшим шар внизу, при помощи белых, красных и желтых флажков. Когда шар поднимался, по нему нередко стрелял неприятель из ружей и пушек, но ни разу в него не попадал. Собираясь овладеть Шарлеруа, Журдан направил туда Кутеля. Кутель поднялся с Жюмейской равнины. Его сопровождал генерал Морло, производивший наблюдения; они оставались в воздухе около восьми часов. Эти полеты значительно содействовали победе при Флерусе. Впоследствии генерал Журдан заявил об этом во всеуслышание. И что же! Несмотря на услуги, оказанные аэронавтами в этом сражении и во время бельгийской кампании, их военная карьера продолжалась не больше года. Вернувшись из Египта, Бонапарт закрыл школу, основанную правительством в Медоне. А между тем что можно ждать от новорожденного? —

как говорил Франклин. Дитя родилось жизнеспособным, его не следовало душить!

Незнакомец схватился руками за голову и задумался. Потом, не поднимая головы, сказал:

— Несмотря на мое запрещение, сударь, вы все же открыли клапан?

Я выпустил из рук веревку.

— К счастью, — продолжал он, — у нас есть еще триста фунтов балласта!

— Каковы же ваши планы? — спросил я его.

— Вам не случалось перелетать через море? — ответил он мне вопросом.

Я почувствовал, что бледнею.

— Как досадно, — добавил мой спутник, — что ветер гонит нас к Адриатическому морю! Ведь это всего-навсего лужа! Но если мы поднимемся повыше, то, быть может, встретим более благоприятные течения.

Не взглянув на меня, он сбросил еще несколько мешков песка. Затем заговорил угрожающим тоном:

— Я позволил вам открыть клапан, потому что напор газа грозил прорвать оболочку! Но не вздумайте повторять свои проделки! Вы слышали о перелете Бланшара и Джеффериса из Дувра в Кале? — продолжал он. — Это было великолепное путешествие! Седьмого января тысяча семьсот восемьдесят пятого года они наполнили свой шар газом близ побережья Дувра. Дул северо-западный ветер. Как только они поднялись, обнаружилось, что они допустили ошибку в расчете равновесия своего шара. Пришлось выбросить часть балласта, иначе им грозило падение. У них осталось всего тридцать фунтов песка. Этого было недостаточно, так как ветер был слабый и они очень медленно приближались к берегам Франции. «Что делать?» — сказал Джефферис. «Мы проделали всего четверть пути, — ответил Бланшар, — и летим очень низко! Необходимо подняться выше — быть может, мы встретим там более благоприятный ветер». — «Надо выбросить остатки балласта!» Шар немного поднялся, однако ненадолго. Вскоре он снова стал опускаться. Примерно на половине пути аэронавты выбросили в море книги и инструменты. Через четверть часа Бланшар спросил Джеф-

фериса: «Ну, как барометр?» — «Поднимается! Мы погибаем, хотя французский берег уже виден!» Тут раздался сильный шум. «Что такое? Лопнул шар?» — воскликнул Джефферис. «Нет! Из-за утечки газа сжалась нижняя часть шара! Мы продолжаем снижаться. Нам грозит гибель! За борт все лишнее!»

Провизия, весла, руль — все полетело в воду. Аэронавты находились на высоте всего ста метров.

«Кажется, мы опять поднимаемся», — заметил доктор. «Нет, это был лишь короткий рывок вверх, он вызван выброшенным грузом. Ни одного корабля в поле зрения, ни одной лодки на горизонте! Надо избавиться и от одежды!»

Несчастные сбросили с себя верхнее платье, но шар продолжал падать!

«Бланшар, — сказал тогда Джефферис, — вы собирались лететь одни, потом согласились захватить меня. Я пожертвую собой и брошусь в море! Тогда облегченный шар поднимется!» — «Нет, нет! Какой ужас!»

Оболочка шара все больше сжималась. Мало-помалу шар принял форму парашюта, и сдавленный газ стал еще больше давить на стенки. Утечка его усилилась.

«Прощайте, мой друг! — сказал доктор. — Да хранит вас бог!»

Он хотел было выпрыгнуть из гондолы, но Бланшар удержал его.

«У нас остается еще одно средство, — сказал он. — Мы можем перерезать веревки гондолы и уцепиться за сетку. Может быть, шар поднимется! Будем готовы! Но... смотрите! Барометр падает! Мы идем вверх! Ветер свежеет! Мы спасены!»

Путешественники увидели Кале! Ими овладела безумная радость, через несколько минут они опустились в Гинском лесу!

— Я не сомневаюсь, — добавил рассказчик, — что, окажись мы в таких же обстоятельствах, вы последуете примеру доктора Джеффериса!

Под нами клубились огромные зловещие тучи. Шар

отбрасывал на них длинную тень, его окружало какое-то сияние, кое-где под гондолой рокотал гром. Меня охватил ужас.

— Давайте спускаться! — воскликнул я.

— Спускаться, когда нас наверху ожидает солнце! Долой мешки!

Груз наш убавился еще на пятьдесят фунтов.

Достигнув высоты трех тысяч пятисот метров, мы перестали подниматься. Незнакомец говорил без умолку. Я терял последние силы, а мой спутник, казалось, находился в своей стихии.

— С хорошим ветром мы могли бы далеко улететь! — воскликнул он. — Над Антильскими островами есть воздушные течения, обладающие скоростью до ста лье в час! Во время коронации Наполеона Гарнерен выпустил в одиннадцать часов вечера освещенный воздушный шар с цветными стеклами. Дул норд-норд-вест. На следующее утро, на рассвете, жители Рима встретили шар криками восторга, когда он пролетал над куполом святого Петра! Мы полетим дальше и... выше!

Я с трудом его слышал. В ушах шумело! Но вот в тучах открылся просвет.

— Посмотрите на этот город, — сказал незнакомец. — Это Шпейер!

Я высунулся из гондолы и заметил внизу какие-то темные пятна. Это был Шпейер. Рейн, такой широкий в этом месте, походил на развернутую ленту. Небо над нами было темносинее. Птиц уже давно не было видно: они не могут летать в таком разреженном воздухе. Мы были затеряны в пространстве — я оставался с глазу на глаз с незнакомцем!

— Вам незачем знать, куда я направлю шар, — вдруг сказал мой спутник и швырнул компас в облака. — О, какое великолепное зрелище представляет падение! Вы знаете, что со времен Пилатра де Розье до лейтенанта Галя аэронавтика насчитывает не так уж много жертв. Несчастные случаи всякий раз бывают вызваны неосторожностью. Пилатр де Розье отправился с Ромэном из Булони тринадцатого июня тысяча семьсот восемьдесят пятого года. К своему шару, на-

полненному газом, он подвесил монгольфьер, наполненный нагретым воздухом. Очевидно, он надеялся таким образом устранить потерю газа, а также избавиться от необходимости выбрасывать балласт. Это было все равно, что поднести факел к бочонку с порохом! Безумцы поднялись на четыреста метров и были подхвачены противным ветром, их понесло в открытое море. Чтобы спуститься, Пилатр решил открыть клапан аэростата, но привязанная к нему веревка запуталась в веревочной сетке и прорвала оболочку шара, газ мгновенно из него вышел. Шар упал на монгольфьер и закружился, увлекая его. Несчастные полетели стремглав вниз и разбились. Ужасно, не правда ли?

Я еще мог вымолвить:

— Сжальтесь! Спустимся!

Тучи обступили нас со всех сторон. Раздавались оглушительные раскаты, наш аэростат весь сотрясаясь.

— Вы положительно меня раздражаете! — воскликнул незнакомец. — Теперь вы больше не будете знать, поднимаемся ли мы, или идем вниз!

С этими словами он вышвырнул за борт барометр, а за ним — еще несколько мешков балласта. Мы находились, очевидно, на высоте примерно пяти тысяч метров. На стенках гондолы кое-где образовались льдинки. Что-то вроде снежной пыли оседало на одежду, и я продрог до мозга костей. В это время под нами разразилась страшная гроза. Мы находились выше нее.

— Не бойтесь, — ободрял меня незнакомец. — Погибают только неосторожные. Вот, например, Оливари, он поднялся близ Орлеана на бумажном монгольфьере; над его гондолой была подвешена жаровня, ему пришлось захватить с собою пропашть топлива, и все-таки гондолой загорелась. Оливари упал и разбился! Мосман поднялся в Лилле на неустойчивой площадке: она качнулась, и он потерял равновесие; Мосман упал и разбился! У Битторфа в Мангейме бумажный шар загорелся в воздухе: Битторф упал и разбился! Гаррис поднялся на дурно сконструированном шаре: клапан был слишком велик и плохо закрывался. Гаррис упал и разбился! Садлер, пролетев несколько часов, оказался без балласта: его отнесло в сторону Бостона. Шар уда-

рился о трубу. Садлер упал и разбился! Кокинс спустился на очень выпуклом парашюте, конструкцию которого усовершенствовал. Кокинс упал и разбился! Ну, что ж! Мне дороги эти отважные жертвы неосторожности! И я умру, как они! Выше! Выше!

Казалось, надо мной пронеслись тени злополучных аэронавтов. Разреженный воздух и яркие солнечные лучи способствовали расширению газа, и шар все поднимался! Я снова попытался открыть клапан. Тогда незнакомец обрезал веревку в нескольких футах над моей головой... Спасения не было!

— Вы не присутствовали при падении госпожи Бланшар? — спросил он. — А вот я его наблюдал, да-с! Собственными глазами! Шестого июля тысяча восемьсот девятнадцатого года я находился в Тиволи. Госпожа Бланшар поднималась на воздушном шаре небольших размеров, к которому пришлось прибегнуть в целях экономии. Она вынуждена была надуть его полностью, и газ вырывался в нижнее отверстие. За шаром тянулось что-то вроде дорожки из водорода. Под гондолой был подвешен проволоочный обруч, покрытый горючим составом, — основа для огненного колеса. Она собиралась зажечь его высоко над землей. До этого госпожа Бланшар уже несколько раз проделывала такой фокус. В этот полет она, кроме колеса, захватила с собой еще небольшой парашют, к которому был привязан шар, заключавший в себе «серебряный дождь». Она должна была поджечь этот шар с помощью факела на длинном шесте, а затем метнуть в пространство. В назначенное время она поднялась. Ночь была темная. Поджигая шар, она неосторожно провела факелом под струей водорода, выбивавшейся из шара. Я не отрываясь смотрел на нее. Внезапно яркая вспышка прорезала темноту. Мне пришло в голову, что это какой-то новый трюк искусной воздухоплавательницы. Пламя все разгоралось, потом вдруг погасло, а в следующий миг над парашютом взвился огненный султан — это горела струя газа. Этот зловеющий пожар осветил бульвар и весь Монмартрский квартал. Тут я увидел, как несчастная бросилась к отверстию шара и

стала судорожно его сжимать, стараясь потушить горевший газ, но это ей не удалось. Тогда она снова уселась и стала управлять спуском шара, — он все еще не падал. Газ горел несколько минут. Шар все сжимался и постепенно приближался к земле — но это не было падение! Северо-западный ветер относил его в сторону Парижа. В то время находившийся на Прованской улице дом номер шестнадцать был окружен огромным садом. Аэронавт мог опуститься там без риска. Но надо же было так случиться: гондола задела за крышу дома. Толчок был не очень сильный. «Помогите!» — закричала несчастная. Я уже подбежал к месту катастрофы. Гондола скользнула по крыше и задела за железную скобу. Толчок выбросил госпожу Бланшар из гондолы. Она упала на мостовую и разбилась насмерть!

От этих рассказов у меня кровь застыла в жилах. Незнакомец стоял передо мной с непокрытой головой, растрепанный, и в глазах у него пылал огонь безумия.

Сомнений не было! Я наконец понял, в чем дело! Передо мной был сумасшедший.

Он выбросил остатки балласта, и мы устремились ввысь. Шар достиг, вероятно, высоты девяти тысяч метров! У меня носом и горлом шла кровь!

— Как прекрасен подвиг мучеников науки! — воскликнул безумец. — Потомки будут чтить их память.

Но я больше ничего не слышал. Сумасшедший огляделся, потом встал на колени и зашептал мне на ухо:

— Разве вы забыли катастрофу, постигшую Замбекарри? Ну, так слушайте. В начале октября тысяча восемьсот четвертого года стояла ветреная, дождливая погода. Но вот седьмого числа как будто прояснилось. Замбекарри не мог дольше откладывать объявленный им полет. Враги над ним издевались. Лететь было необходимо, чтобы спасти свою честь и честь аэронавтики. Дело было в Болонье. Никто не помогал ему наполнить шар.

Он взлетел в полночь вместе с Андреоли и Гросетти. Шар поднимался медленно, так как дождь повредил его оболочку и газ просачивался наружу. Трое

отважных путешественников следили за барометром при свете потайного фонаря. Замбекарри не ел уже сутки, Гросетти был также голоден.

«Друзья мои, — сказал Замбекарри, — я весь продрог. Я теряю последние силы. Я умираю».

Он упал без чувств на площадке. То же самое случилось и с Гросетти. На ногах оставался один Андреоли. С немалым трудом ему удалось привести в чувство Замбекарри.

«Что нового? Где мы летим? Откуда ветер? Который час?» — «Два часа». — «Где компас?» — «Я его уронил». — «Боже мой! В фонаре потухла свеча!» — «Она не может гореть в таком разреженном воздухе!»

Луна еще не поднялась, кругом — непроглядная мгла.

«Как холодно! Я замерзаю! Андреоли, что нам делать?»

Шар медленно опускался, проходя сквозь завесу каких-то белесых облаков.

«Тише! — сказал Андреоли. — Слышишь?» — «Что?» — спросил Замбекарри. — «Какой-то странный шум!» — «Тебе почудилось». — «Нет!»

— Вы представляете себе, с каким ужасом аэронавты в глубокой темноте прислушивались к этому непонятному шуму! Быть может, они разобьются, ударившись о башню? Или упадут на крышу?

«Слышишь? Как будто шум моря!» — «Не может быть!» — «Это ревут волны!» — «Света! Света!»

С грехом пополам Андреоли удалось зажечь фонарь. Было три часа утра. Шум волн раздавался все громче. Аэронавты находились над самой водой.

«Мы погибли!» — воскликнул Замбекарри и выбросил за борт большой мешок с балластом. «Помогите! Спасите!» — закричал Андреоли.

Гондола погрузилась в воду, их захлестывали волны.

«За борт инструменты, одежду, деньги!»

Аэронавты сбросили с себя часть одежды, обувь и выкинули за борт все предметы. Облегченный аэростат, как птица, взмыл вверх. У Замбекарри поднялась

рвота. У Гросетти пошла из носа кровь. Несчастные с трудом дышали и не в силах были говорить. Они продрогли до костей. Одежда покрылась коркой льда. Над морем поднялась кроваво-красная луна.

С полчаса аэростат плавал в высоких слоях атмосферы, затем стал снижаться. Они опять над самым морем! Было четыре часа утра. Гондолу заливала вода. Шар раздувался, как парус, и несколько часов несчастных носило по волнам.

На рассвете они очутились против Пезаро, в каких-нибудь четырех милях от берега. Они чуть было не пристали к берегу, но ветер переменялся, и их унесло в открытое море.

Гибель была неизбежна. Правда, им встречались лодки, но рыбаки в суеверном страхе спешили прочь от них!.. К счастью, один из рыбаков оказался цивилизованнее других. Он взял несчастных на борт и доставил в Ферраду.

Ужасное происшествие, не правда ли? Но Замбекарри был человек мужественный и энергичный. Едва оправившись после этой передряги, он стал снова летать. Во время одного из полетов, спускаясь, он наткнулся на дерево. Спиртовая лампа разбилась, его облило спиртом, и одежда на нем вспыхнула. Начал загораться и шар. Все же Замбекарри удалось спуститься. Он получил серьезные ожоги.

Наконец двадцать первого сентября тысяча восемьсот двенадцатого года Замбекарри совершил еще один полет близ Болоньи. Его шар снова ударился о дерево, и спирт вновь вспыхнул. На этот раз он упал и разбился насмерть!

И перед лицом таких фактов мы еще колеблемся! Нет, нет! Чем выше мы поднимемся, тем более славной будет наша гибель!

Все предметы полетели за борт. Облегченный шар поднимался все выше. Аэростат содрогался. Малейший звук вызывал оглушительное эхо в слоях разреженной атмосферы. Наш аэростат, как крохотная планета, затерялся в безбрежном пространстве.

Над нами простиралась только синевая, пронизанная звездами.

Внезапно безумец поднялся во весь рост.

— Час настал! — крикнул он. — Умрем со славой! Мы с вами отверженцы! Люди презирают нас! Так раздавим же их!

— Сжальтесь! — вырвалось у меня.

— Перережем канаты! Пусть наша гондола свободно несется в мировом пространстве! Мы попадем в сферу притяжения Солнца, и мы пристанем к Солнцу!

Отчаяние придало мне силу. Я бросился на сумасшедшего. Завязалась отчаянная борьба. Он опрокинул меня навзничь и, придавив мне грудь коленом, принялся обрезать канаты гондолы.

— Один! — произнес он.

— Боже!..

— Второй!.. Третий...

Собрав последние силы, я вскочил на ноги и с силой оттолкнул безумца.

— Четвертый! — крикнул он.

Гондола оторвалась. Я инстинктивно уцепился за сетку и, как паук, повис в ее ячейках.

Безумец рухнул вниз и исчез в тумане...

Шар поднялся еще на некоторую высоту! Послышался страшный треск!.. Чрезмерно расширившись, газ прорвал оболочку!.. Я невольно зажмурился...

Но вот меня охватило какое-то влажное тепло, и я пришел в себя. Кругом теснились облака, освещенные странным сиянием. Шар кружился с невероятной быстротой. Его подхватил ветер, и он мчался со скоростью ста лье в час в горизонтальном направлении. Вокруг меня полыхали молнии.

Однако я падал не слишком быстро. Когда я снова открыл глаза, передо мной была земля. Я находился в каких-нибудь двух милях от моря. Яростный ветер мчал меня прямо к морю. Внезапно резкий толчок заставил меня разжать пальцы. Канат выскользнул у меня из рук, и я стремглав полетел вниз...

Оказывается, волочившийся по земле якорный канат застрял в какой-то расселине. Мой шар, освободившись от груза, умчался в морской простор.

Когда я очнулся, я увидел, что лежу на кровати в домике какой-то крестьянки. Я находился в Хардerville, это маленький городок в пятнадцати лье от Амстердама на берегу Зюдерзее.

Я спасся чудом. Во время этого полета моим спутником был совершен ряд безумств, которые мне не удалось предотвратить.

Пусть же этот страшный рассказ послужит к назиданию читателей и не расхолаживает исследователей воздушных путей!

1851 г.

ЗИМОВКА ВО ЛЬДАХ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Черный флаг

Двенадцатого мая 18... года кюре старой церкви города Дюнкерка проснулся в пять часов утра и собиравшись, как всегда, служить раннюю обедню, на которую приходило несколько благочестивых рыбаков.

Облачившись, он направился было к алтарю, но тут в ризницу вошел человек, явно чем-то взволнованный и обрадованный. Это был моряк лет шестидесяти, еще крепкий и бодрый, с открытым и честным лицом.

— Господин кюре, — крикнул он, — подождите, пожалуйста!

— Что вас привело сюда в такую рань, Жан Корнбют? — с удивлением спросил кюре.

— Что меня привело? До смерти захотелось обнять вас, господин кюре!

— Что ж, я не возражаю, но лишь после того, как вы прослушаете обедню.

— Обедня! — засмеялся в ответ старый моряк. — Вы думаете, вам теперь удастся отслужить обедню? Так я и позволю вам!

— А почему бы мне не отслужить обедню? — спросил кюре. — Ну-ка, объясните! Уже ударили в третий раз...

— Сколько бы раз там ни звонили, — ответил Жан Корнбют, — сегодня еще придется звонить, господин

кюре. Ведь вы обещали сами обвенчать моего сына Луи с моей племянницей Мари!

— Так он вернулся?! — радостно воскликнул кюре.

— Можно сказать, вернулся, — отвечал Корнбют, потирая руки. — Сегодня на рассвете нам сообщили с наблюдательного поста о приближении нашего брига, которому вы сами нарекли прекрасное имя «Юный смельчак».

— Поздравляю вас от всей души, милейший Корнбют, — проговорил кюре, снимая ризу и епитрахиль. — Я не забыл о нашем уговоре. Обедню за меня отслужит викарий, и как только ваш сын прибудет, — я к вашим услугам.

— Будьте уверены, что он не заставит вас ждать слишком долго, — отвечал моряк. — Вы уже оглашали предстоящую свадьбу, и теперь вам остается отпустить ему грехи, а много ли может нагрешить человек, обретаясь между небом и водой во время плаванья в северных морях! А ведь ловко я придумал отпраздновать свадьбу в самый день прибытия брига! Луи с корабля отправится прямо в церковь!

— Так идите же, Корнбют, и готовьте все, что нужно.

— Бегу, господин кюре. До скорого свидания!

Моряк быстро зашагал к своему дому, стоявшему на набережной торгового порта. Из его окон открывался вид на Северное море, и старый моряк этим очень гордился.

Жану Корнбюту в свое время удалось сколотить кое-какое состояние. Прослужив несколько лет капитаном на кораблях одного богатого гаврского судовладельца, он решил обосноваться в своем родном городе, где на собственные средства построил бриг «Юный смельчак». Он совершил целый ряд рейсов на север, всякий раз выгодно сбывая весь свой груз строевого леса, железа и дегтя. Затем Жан Корнбют передал командование кораблем своему сыну Луи, отважному тридцатилетнему моряку. По словам всех местных капитанов каботажных судов, Луи был лучшим мореходом в Дюнкерке.

Луи Корнбют отправился в плавание, испытывая самые нежные чувства к племяннице своего отца, Мари. Молодая девушка с нетерпением ожидала его возвращения. Мари едва исполнилось двадцать лет. Это была красивая фламандка с легкой примесью голландской крови. Мать Мари, умирая, поручила ее своему брату, Жану Корнбюту. Добряк любил ее, как родную дочь, и надеялся, что ее брак с Луи будет прочным и счастливым.

Прибытие брига, замеченного в открытом море, означало завершение крупной торговой операции, которая должна была принести Жану Корнбюту значительную прибыль. Быстро закончив свой рейс, «Юный смельчак» возвращался с последней своей стоянки в порту Бодэ, на западном побережье Норвегии.

Когда Жан Корнбют пришел из церкви, весь дом был на ногах. Сияя от счастья, Мари одевалась к венцу.

— Только бы нам успеть собраться до прихода брига, — твердила она.

— Да, да, поторапливайся, малютка! — отвечал Жан Корнбют. — Ветер с севера, а под полным бакштагом «Юный смельчак» идет хорошо.

— А вы всех наших друзей известили, дядя? — спросила Мари.

— Всех извещил.

— И нотариуса и кюре?

— Не беспокойся! Смотри, как бы не пришлось ждать тебя.

В эту минуту вошел кум Клербо.

— Ну, друг Корнбют, — воскликнул он, — вот так удача! Твой корабль приходит как раз вовремя: правительство только что объявило торги на большие поставки строевого леса.

— А что мне до того? — отвечал Жан Корнбют. — Это дело правительства.

— Так оно и есть, господин Клербо, — добавила Мари. — Сейчас для нас важнее всего возвращение Луи.

— Не спорю... — продолжал кум Клербо. — Но все же эти поставки леса...

— И вы тоже попируете у нас на свадьбе, — преврал торговца Жан Корнбют, до боли стискивая ему руку.

— Эти поставки леса...

— И вместе со всеми нашими друзьями, что придут и с суши и с моря. Я уже предупредил гостей и приглашу всю команду корабля!

— А мы пойдем встречать его на набережную? — спросила Мари.

— А как же! — отвечал Жан Корнбют. — Все пойдем, пара за парой, с музыкой во главе.

Гости явились без опоздания. Несмотря на ранний час, никто не пренебрег приглашением. Все наперебой поздравляли славного моряка, которого искренне любили. Тем временем Мари, стоя на коленях у себя в комнате, горячо благодарила создателя за то, что он услышал ее мольбы. Вскоре, красивая и нарядная, она вошла в зал.

Женщины поцеловали ее в щеку, а мужчины крепко пожали ей руку. Затем Жан Корнбют подал сигнал к выступлению.

Любопытное зрелище представляло собой свадебное шествие, направлявшееся к морю на восходе солнца. Весть о прибытии брига успела облететь весь порт, и множество любопытных в ночных колпаках выглядывало из окон и полуоткрытых дверей. Со всех сторон слышались поздравления и добрые пожелания.

Под этот хор приветствий и благословений процессия приблизилась к пристани. Погода была великолепная. Казалось, солнце радовалось вместе с людьми. Дул свежий северный ветер, нагоняя небольшую волну, и рыбацьи лодки, выходявшие из порта, быстро скользили между причалами, оставляя за собой длинный след.

Две дамбы, начинавшиеся у набережной Дюнкерка, выдавались далеко в море. Свадебная процессия широкими рядами двигалась по северной дамбе и вскоре подошла к стоявшему на ее оконечности маленькому домику, где дежурил начальник порта.

Контуры брига Жана Корнбюта вырисовывались все отчетливее. Ветер крепчал, и «Юный смельчак» шел полным бакштагом под марселями, фоком, контр-би-

занью, брамселями и бом-брамселями. Повидимому, на борту царила та же радость, что и на берегу. Жан Корнбют с подзорной трубой в руках весело отвечал на вопросы друзей.

— Вот он, мой красавец бриг! — воскликнул он. — Цел и невредим, словно только что из Дюнкерка. Никаких аварий! Ни малейшего повреждения.

— Вы видите своего сына, Корнбют? — спрашивали его.

— Пока еще нет. Ну, да он занят своим делом.

— Почему же он не поднимает флага? — удивился Клербо.

— Этого я не знаю, дружище, но уж, наверное, у него есть на то свои причины.

— Дядюшка, дайте мне подзорную трубу, — сказала Мари, выхватывая у Корнбюта из рук инструмент. — Я первая хочу его увидеть!

— Но ведь это мой сын, сударыня!

— Вот уже тридцать лет, как он ваш сын, — смеясь, отвечала девушка, — но моим женихом он стал только два года назад.

Теперь «Юный смельчак» был виден совершенно отчетливо. Команда уже готовилась бросить якорь. Верхние паруса были убраны. Уже можно было узнать кое-кого из матросов, устремившихся к снастям, но напрасно искали глазами Мари и Жан Корнбют капитана, чтобы помахать ему рукой.

— Ей-богу, я вижу помощника капитана Андрэ Васлинга! — вдруг крикнул Клербо.

— А вон плотник Фидель Мизон! — отозвался один из присутствующих.

— И наш друг Пенеллан! — прибавил второй, делая знаки моряку, носившему это имя.

«Юный смельчак» находился уже в каких-нибудь трех кабельтовых от порта, когда на гафеле появился черный флаг... На борту был траур!

Страшная мысль мелькнула у присутствующих; сердце молодой невесты сжалось от недоброго предчувствия.

Бриг печально входил в порт. На борту царило гробовое молчание. Вскоре корабль миновал оконечность

эстакады. Мари, Жан Корнбют и гости бросились на набережную, к которой подходил корабль, и через минуту были на борту.

— Мой сын! — только и мог выговорить Жан Корнбют.

Матросы, обнажив головы, молча указали ему на траурный флаг.

Отчаянно вскрикнув, Мари без чувств упала на руки старого Корнбюта.

«Юного смельчака» привел в порт Андрэ Васлинг. Жениха Мари Луи Корнбюта на борту больше не было.

ГЛАВА ВТОРАЯ

План Жана Корнбюта

Как только сердобольные соседки увели молодую девушку, помощник капитана, Андрэ Васлинг, рассказал Корнбюту о печальном событии, лишившем старика радости свидания с сыном. В корабельном журнале об этом можно было прочесть следующее:

«26 апреля, на широте Мальстрима, когда дул свирепый зюйд-вест, с корабля, вынужденного лечь в дрейф во время шторма, были замечены сигналы бедствия, подаваемые какой-то шкуной. Увлекаемая течением, шкуна без фок-мачты и парусов неслась по направлению к Мальстриму. Капитан Луи Корнбют, видя, что судну грозит неминуемая гибель, решил прийти ему на помощь. Несмотря на возражения команды, он распорядился спустить на воду шлюпку, в которую вошел вместе с матросом Кортруа и рулевым Пьером Нукэ. Команда следила за ними глазами до тех пор, пока они не скрылись в тумане. Наступила ночь. Шторм все усиливался. «Юный смельчак» каждую минуту мог быть подхвачен течениями, проходившими поблизости от этих мест, и затянут в Мальстрим. Корабль был вынужден идти по ветру. Напрасно кружил он несколько дней в районе места происшествия: ни шлюпки, спу-

щенной с брига, ни шкуны, ни капитана Луи и ни одного из его спутников нигде не было видно. Тогда Андрэ Васлинг созвал матросов, взял на себя командование кораблем и повел его на Дюнкерк».

Прочитав эту запись, сухую и лаконичную, как всякий судовой документ, Жан Корнбют долго плакал. Единственным утешением ему служила мысль, что сын его погиб, стремясь спасти своих ближних. Вскоре несчастный отец ушел с брига, на который ему было больно смотреть, и возвратился в свой осиротевший дом.

Печальная новость мгновенно разнеслась по всему Дюнкерку. Многочисленные друзья старого моряка наперерыв спешили выразить ему свое горячее, искреннее сочувствие. Пришли и матросы с «Юного смельчака» и сообщили подробности печального происшествия. Мари заставила Андрэ Васлинга рассказать все, что ему было известно о самоотверженном поступке ее жёниха.

Пролив немало горьких слез, Жан Корнбют погрузился в глубокое раздумье. На следующее утро он спросил заглянувшего к нему Андрэ Васлинга:

— Скажите, Андрэ, вы вполне уверены, что мой сын погиб?

— Увы, это так, господин Жан! — ответил Андрэ Васлинг.

— И вы сделали решительно все, что могли, чтобы разыскать его?

— Абсолютно все, господин Корнбют! К сожалению, не приходится сомневаться, что ваш сын и его спутники погибли в пучине Мальстрима.

— Андрэ, согласились бы вы остаться помощником капитана?

— Это будет зависеть от капитана, господин Корнбют.

— Капитаном буду я, Андрэ, — ответил старый моряк. — Я быстро разгрузу корабль, наберу команду и отправлюсь на поиски сына.

— Но ваш сын погиб, — настойчиво повторил Андрэ Васлинг.

— Возможно, что так оно и есть, Андрэ, — с живостью возразил Жан Корнбют, — но возможно также, что ему удалось спастись. Я хочу обшарить все норвежские порты, куда его могло забросить. И только, когда для меня станет ясно, что я больше не увижу его, я вернусь домой, чтобы умереть.

Почувствовав, что решение Жана Корнбюта непоколебимо, Андрэ Васлинг перестал возражать и ушел.

Тотчас же после его ухода Жан Корнбют принялся излагать племяннице намеченный им план. Вскоре он увидел в ее глазах сквозь слезы, постоянно их застилавшие, проблеск слабой надежды. До этого момента девушка не сомневалась в гибели жениха. Но как только в ее сердце зародилась надежда, — Мари отдалась ей всей душой.

Старый капитан решил, что «Юный смельчак» должен немедленно выйти в море. Прочно построенный бриг не перенес еще ни одной аварии и не нуждался в ремонте.

Жан Корнбют заявил, что если матросы согласны снова пуститься в плавание, то состав команды останется прежним. Единственное изменение состояло в том, что вместо сына командовать кораблем должен был сам Жан Корнбют.

Ни один из спутников Луи Корнбюта не отказался от предложения. А среди них были такие brave моряки, как Алэн Тюркьет, плотник Фидель Мизон, бретонец Пенеллан, заменивший погибшего рулевого Пьера Нукэ, и такие храбрые, испытанные матросы, как Градлен, Опи и Жервик.

Жан Корнбют еще раз предложил Андрэ Васлингу занять прежний пост на борту. Приведя бриг обратно в порт в целости и сохранности, помощник капитана показал себя искусным мореходом. Но по каким-то неизвестным причинам Андрэ Васлинг медлил с ответом и попросил несколько дней на размышление.

— Как вам угодно, Андрэ Васлинг, — отвечал Корнбют. — Но знайте, что, если вы согласитесь, мы примем вас с радостью.

На преданность бретонца Пенеллана Жан Корнбют мог вполне рассчитывать, — немало рейсов совершили

они вместе на своем веку. В прошлом, когда рулевой почему-либо оставался на берегу, маленькая Мари проводила у него на руках долгие зимние вечера. Понятно, что старик навсегда сохранил к ней отцовскую нежность, и молодая девушка со своей стороны отвечала ему дочерней привязанностью. Пенеллан изо всех сил старался как можно скорее снарядить корабль. По его мнению, Андрэ Васлинг недостаточно усердно разыскивал потерпевших крушение, хотя его образ действий был вполне оправдан: он не мог рисковать кораблем, за который нес ответственность как капитан.

Не прошло и недели, как «Юный смельчак» был готов к новому рейсу. Только на этот раз груз его состоял не из товаров, а из всякого рода провизии: бриг до отказа был загружен солониной, сухарями, мешками с мукой и картофелем, ветчиной, вином, водкой, кофе, чаем, табаком.

Отплытие было назначено на 22 мая. Накануне этого дня к Жану Корнбюту явился Андрэ Васлинг, до сих пор не давший окончательного ответа. Он все еще был в нерешительности, не зная, что предпринять.

Хотя Жана Корнбюта не было дома, дверь была открыта. Когда Андрэ Васлинг вошел в залу, смежную с комнатой молодой девушки, его внимание привлекли доносившиеся оттуда голоса. Он прислушался и узнал голоса Мари и Пенеллана.

Повидимому, они разговаривали уже давно, так как молодая девушка, казалось, была решительно не согласна с какими-то доводами бретонца.

— Сколько лет дяде Корнбюту? — спрашивала Мари.

— Что-нибудь около шестидесяти, — отвечал Пенеллан.

— Вот видите, и, несмотря на это, он не боится никаких опасностей и без колебаний отправляется на розыски сына.

— Но наш капитан еще очень крепкий человек, — возразил моряк. — У него тело точно из дуба, а мускулы что колосники. Уж за него-то я ничуть не боюсь.

— Мой добрый Пенеллан, — продолжала Мари, — когда любишь, найдутся силы. А потом я надеюсь, что

господь не оставит нас. Вы меня понимаете, так помогите же мне.

— Нет, Мари, это невозможно, — не сдавался Пенеллан. — Кто знает, куда забросит нас судьба и какие страдания доведется нам испытать. Ты и представить себе не можешь, сколько мужественных людей погибло в северных морях!

— Но поймите, — настаивала молодая девушка, — от этого ничего не изменится, а если вы мне откажете, я подумаю, что вы меня разлюбили.

Андрэ Васлинг догадался, на что решалась молодая девушка. Минута размышления, и его ответ был готов.

— Жан Корнбют, — сказал он, направляясь на встречу старому моряку, входившему в дом, — я принимаю ваше предложение. Обстоятельства изменились, и теперь я вполне могу остаться на корабле. Вы можете на меня рассчитывать.

— Я никогда не сомневался в вас, Андрэ Васлинг, — ответил Жан Корнбют, протягивая ему руку. — Мари, дитя мое! — позвал он.

Мари и Пенеллан тотчас вошли в комнату.

— Мы выходим завтра на рассвете с отливом, — сказал старый моряк. — Моя бедная Мари, мы проводим вместе последний вечер.

— Дядюшка! — воскликнула Мари, бросаясь к Жану Корнбюту.

— Бог даст, я разыщу твоего жениха, Мари.

— Конечно, мы разыщем Луи, — прибавил Андрэ Васлинг.

— Так вы тоже с нами? — с живостью спросил Пенеллан.

— Да, Пенеллан, Андрэ Васлинг будет моим помощником, — отвечал Жан Корнбют.

— О, — протянул бретонец с каким-то странным выражением в глазах.

— Его советы нам очень пригодятся, он ловок и предприимчив.

— Да вы, капитан, всех нас за пояс заткнете, — ответил Андрэ Васлинг. — И опытности и здоровья у вас хоть отбавляй.

— Итак, друзья мои, до завтра. Идите скорее на корабль и заканчивайте приготовления. До свидания, Андрэ! До свидания, Пенеллан!

Помощник капитана и матрос вышли вместе. Жан Корнбют и Мари остались вдвоем. Немало слез было пролито в этот печальный вечер. Чтобы еще больше не расстраивать и без того опечаленную Мари, Жан Корнбют решил уйти на следующий день не прощаясь. Он в последний раз поцеловал Мари, а в три часа утра незаметно вышел из дому.

По случаю отплытия корабля на эстакаде собрались все друзья старого моряка. Кюре, еще недавно собиравшийся благословить союз Мари и Луи, пришел дать последнее напутствие кораблю. Обменявшись с приятелями крепкими молчаливыми рукопожатиями, Жан Корнбют поднялся на борт.

Команда была в сборе. Андрэ Васлинг отдавал последние распоряжения. Но вот паруса поставлены, и бриг стал быстро удаляться под крепким северо-западным бризом. Кюре, стоя посреди коленопреклоненной толпы, поручал отплывающих божьей милости.

Куда стремится этот корабль? Он идет по пути, полному лишений, на котором погибло столько мореплавателей! Не имея определенного места назначения, он должен быть готов к любым опасностям и бороться с ними. Его ведет бог! Одному богу известно, где бригу суждено бросить якорь.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Проблеск надежды

Это время года особенно благоприятно для плавания, и можно было надеяться, что бриг без задержек прибудет на место кораблекрушения.

Жан Корнбют наметил следующий маршрут: прежде всего он рассчитывал сделать остановку у Фарерских островов, куда северный ветер мог прибить потерпевших кораблекрушение. Затем он намеревался

обойти все окрестные порты и, выйдя за пределы Северного моря, обследовать все западное побережье Норвегии вплоть до порта Бодэ, ближайшего к месту кораблекрушения пункта, а если понадобится — отправиться и дальше.

Андрэ Васлинг, напротив, считал, что прежде всего надо обследовать берега Исландии. Но Пенеллан возразил ему, что во время катастрофы буря надвигалась с запада, поэтому можно надеяться, что несчастные, благополучно миновав Мальстрим, были отброшены к берегам Норвегии.

Таким образом, решено было по возможности придерживаться ранее намеченного маршрута до тех пор, пока не будут обнаружены какие-либо следы.

На другой день Жан Корнбют сидел над картой, погруженный в размышления. Вдруг на плечо его опустилась маленькая рука и нежный голос прошептал ему на ухо:

— Мужайтесь, дядюшка!

Он быстро обернулся и ошеломлен от изумления. Мари обвила его шею руками.

— Мари, девочка моя! — воскликнул он. — Ты здесь!

— Если отец идет в море, чтобы спасти сына, то и жена может отправиться на розыски мужа.

— Несчастливая Мари! Как перенесешь ты все лишения и трудности, какие нам предстоят? Неужели ты не понимаешь, что с тобою нам будет гораздо труднее в пути!

— Нет, дядюшка, ведь я сильная.

— Но кто знает, куда нас занесет, Мари? Взгляни на эту карту! Мы приближаемся к местам, небезопасным даже для нас, моряков, привыкших ко всему на свете. Но что будет с тобою, слабое дитя!..

— Нет, дядюшка, я родилась в семье моряка! С детства я наслушалась рассказов о крушениях и штормах! Я хочу быть вместе с вами и моим старым другом Пенелланом.

— Пенеллан! Так это он спрятал тебя здесь?

— Да, дядюшка, но ведь он знал, что я и без его помощи сумела бы пробраться на корабль.

— Пенеллан! — позвал Жан Корнбют.

Вошел рулевой.

— Что сделано, того не исправишь, Пенеллан. Но помни, за жизнь Мари отвечаешь ты.

— Будьте спокойны, капитан, — ответил Пенеллан. — Малютка достаточно сильна и мужественна. Она будет нашим ангелом-хранителем. А вдобавок, капитан, все, что ни делается, делается к лучшему.

Молодую девушку поместили в каюту, которую матросы постарались уютно обставить.

Восемь дней спустя «Юный смельчак» встал на якорь у Фарерских островов. Однако самые тщательные расследования оказались безуспешными. За все это время на побережье не было обнаружено никаких обломков корабля, никаких следов потерпевших крушение. Вообще о кораблекрушении там ничего не знали.

После десятидневной стоянки 10 июня корабль двинулся дальше. Море было спокойное. Дул благоприятный ветер, и корабль быстро достиг берегов Норвегии, но и здесь поиски не дали никаких результатов.

Жан Корнбют решил направиться в Бодоз. Возможно, там удастся узнать название погибшего корабля, на помощь которому поспешил Луи Корнбют с двумя матросами.

Бриг бросил якорь в Бодоз 30 июня. Здесь местные власти вручили Жану Корнбюту бутылку, найденную на берегу и содержащую следующий документ:

«26 апреля, на борту «Фрейерна». После того как к нам подошла шлюпка с «Юного смельчака», нас стало относить течением в сторону льдов. Да сжалится над нами господь!»

Жан Корнбют возблагодарил небеса. Наконец-то он напал на след! Без сомнения, «Фрейерн» и был той самой пропавшей без вести норвежской шкуной, которая, повидимому, была унесена течением на север.

Нельзя было терять ни одного дня. «Юный смельчак» был спешно подготовлен к борьбе с опасностями, ожидавшими его в северных морях. Плотник Фидель Мизон, тщательно осмотрев корабль, убедился, что он

достаточно прочной конструкции и можно не бояться встречи со льдами.

Пенеллан, не раз охотившийся на китов в арктических морях, позаботился о том, чтобы сделан был необходимый запас шерстяных одеял, меховой одежды, обуви из тюленьих шкур и досок для изготовления саней, без которых невозможно пробираться по ледяным равнинам. Запасы винного спирта и каменного угля были значительно увеличены на тот случай, если бы пришлось зазимовать где-нибудь в Гренландии. С великим трудом и за большие деньги удалось раздобыть порядочное количество лимонов, необходимых для борьбы с цынгой, обычно поражающей мореплавателей в полярных районах. Теперь запасы солонины, сухарей и водки уже не умещались в провизионных кладовых, и пришлось заполнить часть трюма. Не забыли захватить в большом количестве и пеммикан¹, содержащий много питательных веществ. Достаточно съесть небольшое количество этого индейского продукта, чтобы насытиться.

По распоряжению Жана Корнбюта приобрели несколько пил, чтобы распиливать лед. Захватили также ломы и клинья, чтобы раздвигать льдины. В Гренландии собирались купить собак для санной упряжки.

Вся команда корабля была занята этими приготовлениями и энергично работала. Матросы Опик, Жервик и Градлен во всем следовали наставлениям рулевого Пенеллана, который советовал до поры до времени не надевать теплого платья, хотя температура воздуха под этими широтами за полярным кругом была уже достаточно низкой.

Все это время Пенеллан, не говоря никому ни слова, внимательно наблюдал за поведением Андрэ Васлинга. Человек этот, голландец по происхождению, появился у них в порту неизвестно откуда; он был неплохим моряком и два рейса плавал на борту «Юного смельчака». Покамест Пенеллану не в чем было его упрекнуть, разве только в излишнем внимании к Мари. Тем не менее рулевой решил продолжать свои наблюдения.

¹ Смесь мясного порошка с пряностями.

Благодаря энергичной работе всего экипажа бриг был снаряжен к 16 июля, то есть через две недели после прибытия в Бодоэ. Это время года особенно благоприятно для плавания в арктических морях. Уже два месяца как началась оттепель, и розыски становились менее затруднительными. Итак, «Юный смельчак» снялся с якоря и взял курс на мыс Брустер, находящийся на восточном побережье Гренландии, на 70 градусе широты.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Во льдах

Вечером 23 июля над поверхностью моря был замечен отблеск, возвещающий о приближении первых айсбергов, двигавшихся к Датскому проливу и затем устремлявшихся в океан. С этой минуты от вахтенного на мачте требовалась неусыпная бдительность: нужно было следить за тем, чтобы корабль не столкнулся с какой-нибудь глыбой.

Команда была разделена на две смены. Первая состояла из Фиделя Мизона, Градлена и Жервика, во вторую входили Андрэ Васлинг, Опик и Пенеллан. Вахта должна была длиться не более двух часов, так как в суровом полярном климате силы человека быстро убывают. Хотя «Юный смельчак» находился всего лишь на 63 градусе северной широты, термометр показывал уже 9° ниже нуля.

Не переставая шел дождь, смешанный со снегом. Когда ветер немного утихал, Мари поднималась на палубу. Глаза ее постепенно привыкали к безрадостному северному ландшафту.

Первого августа Мари, по своему обыкновению, прогуливалась на кормовой палубе корабля, беседуя с дядей, Андрэ Васлингом и Пенелланом. В это время «Юный смельчак» входил в проход шириной не более трех миль, образовавшийся между двумя ледяными полями; обломки льдин неслись по проходу на юг.

— Когда же мы увидим землю? — спросила молодая девушка.

— Дня через три или четыре, — ответил Жан Корнбют.

— Может быть, мы узнаем там что-нибудь о моем бедном Луи!

— Все возможно, Мари, но боюсь, что нам еще долго придется плавать. Сдается мне, что «Фрейерн» был унесен еще дальше на север.

— Я думаю, вы правы, — заметил Андре Васлинг. — Ведь шторм, во время которого мы потеряли из виду норвежское судно, продолжался целых три дня, а за это время корабль могло отнести далеко, ведь он не в состоянии бороться с ветром.

— Позвольте вам заметить, господин Васлинг, — возразил Пенеллан, — что дело было в апреле, когда оттепель еще не начиналась. Поэтому шкуну должны были задержать льды.

— И, без сомнения, она разбита в щепки. Ведь команда не могла управлять кораблем.

— Однако по ледяной равнине, — продолжал Пенеллан, — им было нетрудно добраться до земли, до которой было не так уже далеко.

— Будем надеяться, что так и было, — проговорил Жан Корнбют, прерывая спор, ежедневно возникавший между помощником капитана и рулевым. — Я думаю, вскоре мы увидим землю.

— Вот она! — воскликнула Мари. — Посмотрите на эти горы!

— Нет, дитя мое, — отвечал Жан Корнбют, — это ледяные горы. Мы встречаем их впервые на своем пути. Если мы окажемся между ними, они раздавят нас, как стеклышко. Пенеллан, Васлинг, внимательнее следите за управлением корабля.

На горизонте появилось более пятидесяти айсбергов; они медленно приближались к бригу. Пенеллан взялся за руль. Жан Корнбют поднялся на мачту и стал оттуда указывать путь.

К вечеру бриг был окружен со всех сторон движущимися ледяными горами, против натиска которых было бы бесполезно бороться. Кораблю предстояло

пробраться сквозь эту флотилию пловучих гор: благо-разумие заставляло двигаться вперед. Тут возникло еще одно затруднение: не было возможности точно определить направление корабля. Этому мешало непрестанное движение окружающих судно ледяных глыб, которые не могли служить сколько-нибудь надежным ориентиром. Туман сгустился, и стало еще темнее, Мари спустилась к себе в каюту. По приказу капитана восемь человек, составлявших экипаж брига, остались на палубе. Они были вооружены баграми с металлическим наконечником и должны были отталкивать попадавшие на пути льдины.

Через некоторое время «Юный смельчак» вошел в такой узкий проход, что плывшие по течению ледяные горы могли задеть ноки нижних рей; из осторожности грота-рей поставили так, чтобы он касался вантов. К счастью, на скорость брига это не повлияло — верхние паруса хорошо наполнялись ветром, и корабль двигался быстро. Благодаря небольшой ширине своего корпуса корабль, несмотря на туман, без особого труда продвигался по узкому проходу, осторожно лавируя между льдинами, которые то и дело сталкивались со зловеющим грохотом.

Жан Корнбют спустился на палубу. Он уже ничего не мог разглядеть с мачты в окружающем мраке. Верхние паруса необходимо было взять на гитовы: корабль каждую минуту мог натолкнуться на льдину, и тогда гибель была бы неминуема.

— Проклятое плавание! — ворчал Андрэ Васлинг, стоявший среди матросов, которые отталкивали баграми льдины.

— Если нам удастся проскочить, мы поставим самую большую свечу богоматери, спасающей во льдах, — сказал Опик.

— А сколько еще впереди таких пловучих гор! — повернул помощник капитана.

— И что нас ждет за этими горами! — отозвался матрос.

— Заткнись, болтун! — оборвал его Жервик. — Лучше следи за своим багром! Успеешь поворчать, когда мы выберемся отсюда.

В этот миг они заметили огромную глыбу льда, быстро надвигавшуюся на «Юного смельчака». Казалось, столкновение было неизбежно. Айсберг занимал почти всю ширину канала, и бриг не мог обойти его ни с той, ни с другой стороны.

— Судно слушается руля? — спросил Пенеллана Жан Корнбют.

— Нет, капитан. Судно уже не слушается руля.

— Эй, ребята! — крикнул капитан команде. — Не робейте! Покрепче упритесь баграми в планшир!

Айсберг был высотой в добрых шестьдесят футов. Если он обрушится на бриг, то мигом его раздавит. Наступил момент томительного ожидания. Этому ужасному мгновению, казалось, не будет конца. Не слушая приказаний капитана, матросы покинули свои места и сгрудились на корме.

Но, когда ледяная гора находилась на расстоянии не более полукабельтова от «Юного смельчака», вдруг раздался глухой шум, и огромный каскад воды обрушился на нос корабля, очутившегося на гребне чудовищной волны.

У матросов вырвался крик ужаса, но когда они взглянули вперед, ледяной горы уже не было. Она исчезла, и проход был свободен. Впереди расстилалось необозримое водное пространство, освещенное лучами заходящего солнца. Корабль выходил, наконец, на свободный путь.

— Все, что ни делается, делается к лучшему! — воскликнул Пенеллан. — Ставьте марсель и фок!

Произошло обычное в этих широтах явление: когда пловучие массы льда раскалываются во время таяния, айсберги плывут, сохраняя равновесие; но, оказавшись в океане, где вода значительно теплее, ледяные горы начинают подтаивать у основания и постепенно оседают. Сталкиваясь с соседними льдинами, они теряют равновесие; наступает момент, когда центр тяжести айсберга перемещается, и он опрокидывается. Если бы ледяная гора перевернулась на две минуты позже, она всей своей тяжестью обрушилась бы на бриг и потопила бы его.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Остров Ливерпуль

Теперь бриг плыл по водному пространству, почти свободному ото льда. Только белесый и на этот раз неподвижный отблеск на горизонте говорил о том, что там начинается область сплошных льдов.

Жан Корнбют продолжал вести корабль на мыс Брустер. Они приближались уже к широтам, где температура воздуха чрезвычайно низка, ибо туда доходят лишь наклонные, очень слабые лучи солнца.

Третьего августа бриг подошел к сплошным, неподвижным льдам. Проходы между ними зачастую были не больше кабельтова шириной, и «Юный смельчак» вынужден был делать множество поворотов, заставлявших иной раз лавировать против ветра.

Пенеллан с отеческой нежностью заботился о Мари. Несмотря на мороз, он заставлял ее ежедневно два-три часа прогуливаться по палубе, что было необходимо для сохранения здоровья.

Впрочем, Мари не теряла мужества, напротив — она всячески старалась подбодрить матросов, чем заслужила их искреннее уважение. Андрэ Васлинг вертелся около нее больше, чем когда-либо. Он искал случая заговорить с Мари, но молодая девушка, как бы предчувствуя что-то неладное, довольно холодно принимала его услуги. Разумеется, Андрэ Васлинг предпочитал беседовать с нею о будущем, он не скрывал от Мари, что оставалось мало надежды на спасение Луи и его спутников. По его мнению, в их гибели не было сомнений и молодой девушке рано или поздно придется найти себе другого спутника жизни.

Однако Мари все еще не догадывалась об истинных намерениях Андрэ Васлинга, так как, к великому неудовольствию помощника капитана, им никак не удавалось разговаривать. Пенеллан всякий раз под тем или иным предлогом вмешивался в разговор, ловко разбивал хитрые доводы Андрэ Васлинга и возрождал надежду в сердце девушки.

Между тем Мари тоже не теряла времени даром. По совету рулевого она занялась подготовкой зимней одежды. Необходимо было изменить покрой платья. Обыкновенная женская одежда не подходила для зимовки во льдах, и Мари пришлось смастерить себе нечто вроде меховых шаровар, которые она обшила внизу тюленьим мехом; узкая короткая юбка не должна была касаться снега — надвигалась зима, и вскоре можно было ожидать снегопадов. Верхнюю часть туловища защищал меховой плащ с капюшоном, туго стянутый в талии.

В перерывах между работами матросы также занимались изготовлением теплой одежды. Прежде всего они сшили себе высокие сапоги из тюленьих шкур, в которых им предстояло пробираться по сугробам. Таким образом, во время плаванья во льдах у матросов не было ни одной свободной минуты.

Андрэ Васлинг был искусный стрелок, и ему нередко удавалось настрелять морских птиц, бесчисленные стаи которых постоянно носились над кораблем. Вкусное мясо гаг и снежных куропаток позволило путешественникам отдохнуть от солонины.

После множества поворотов бриг стал, наконец, приближаться к мысу Брустер. На воду была спущена шлюпка. Жан Корнбют и Пенеллан подошли к ней к берегу, но он оказался пустым и безлюдным.

Не теряя времени, бриг направился к острову Ливерпуль, открытому в 1821 году капитаном Скорсби. Когда корабль приблизился к берегу, матросы закричали от радости при виде туземцев, собравшихся на отмели. Пенеллан знал несколько слов на их языке, а им были знакомы кое-какие выражения, бывшие в ходу у китобоев, часто посещавших эти места; это помогло довольно быстро наладить связь.

Гренландцы были приземисты, коренасты; их рост в среднем не превышал четырех футов десяти дюймов, у них были круглые красноватые лица и низкий лоб; прямые пряди черных волос падали на плечи. У всех были испорченные зубы. Казалось, туземцы страдали какой-то болезнью, похожей на проказу, которой подвержены племена, питающиеся преимущественно рыбой.

В обмен на кусочки стали и меди, от которой они пришли в неописуемый восторг, бедняги приносили шкуры медведей, котиков, тюленей, дельфинов, морских волков и других животных. Таким образом, все эти шкуры, имевшие большую ценность для путешественников, достались почти даром.

Затем капитан кое-как объяснил туземцам, что он разыскивает потерпевший крушение корабль, и спросил, знают ли они что-нибудь об этом судне. Один из туземцев тотчас же нарисовал на снегу предмет, похожий на корабль, и объяснил, что такое судно месяца три тому назад было унесено на север, но оттепель и разрушение полей льда помешали им отправиться на розыски. Действительно, их утлые и чересчур легкие челноки, управляемые лопатообразным веслом, не могли выйти в море при создавшихся условиях.

Полученные ими сведения, хотя и не совсем точные, воскресили в сердцах матросов угасшую надежду, и Жану Корнбюту легко было уговорить их плыть дальше в полярные моря.

Перед тем как покинуть остров Ливерпуль, капитан приобрел упряжку из шести эскимосских собак, которые быстро акклиматизировались на корабле. Бриг снялся с якоря утром 10 августа и под крепким бризом двинулся, лавируя между льдами, дальше на север.

В эту пору под высокими широтами бывают самые длинные дни в году. Незаходящее солнце достигает самой высокой точки спирали, по которой оно движется над горизонтом. Впрочем, отсутствие ночи было не слишком заметно: нередко туман, дождь и снег заменяли ночную тьму.

Жан Корнбют, решивший идти до последней возможности вперед, позаботился о том, чтобы на корабле соблюдались правила гигиены. Межпалубное пространство было наглухо закрыто, и его открывали только по утрам для проветривания. Установили печи, причем трубы расположили так, чтобы внутри помещения сосредоточивалось как можно больше тепла. Матросам было приказано поверх хлопчатобумажной одежды надевать только одну шерстяную рубаху и наглухо застегивать кожаные плащи. Впрочем, печи еще не то-

пились: запас дров и угля берегли для более сильных морозов.

Утром и вечером матросы обязательно получали какое-нибудь горячее питье, кофе или чай, а так как для поддержания сил нужна была мясная пища, то не упускали случая поохотиться на диких уток и чирков, в изобилии водившихся в этих местах.

Жан Корнбют установил на верхушке грот-мачты так называемое «воронье гнездо», нечто вроде бочки с выбитым днищем, где постоянно находился вахтенный, следивший за состоянием льдов.

Через два дня после того, как остров Ливерпуль скрылся из поля зрения, внезапно подул сухой ветер, и стало значительно холоднее; появились первые признаки приближения зимы.

«Юный смельчак» не мог терять ни минуты, так как вскоре сплошные льды должны были закрыть ему путь. Бриг шел вперед между ледяными полями; толщина льда достигала тридцати футов.

Утром 3 сентября «Юный смельчак» достиг широты бухты Гаэл-Хамкес. Земля должна была находиться примерно в тридцати милях с подветренной стороны. Здесь бриг впервые вынужден был остановиться перед ледяным барьером шириной в милю, в котором не было никакого, хотя бы самого узкого, прохода. Тут-то и пришлось пустить в ход ледовые пилы, чтобы как-нибудь расчистить дорогу. На работу с пилами были назначены Пенеллан, Опик, Градлен и Тюрккет. Колку льда производили с таким расчетом, чтобы куски льда уносились течением.

На эту работу команда потратила в общей сложности около двадцати часов. Было очень трудно стоять на льду; часто приходилось работать по пояс в воде. Одежда из тюленьих шкур быстро промокала.

Вдобавок под этими широтами всякая физическая работа быстро утомляет, и человек начинает задыхаться. Даже самые здоровые вынуждены были постоянно делать передышку.

Наконец путь был расчищен, и бриг смог пробраться сквозь эту долго задерживавшую его ледяную преграду.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Колебания льдов

Борьба «Юного смельчака» с такими труднопреодолимыми препятствиями продолжалась еще несколько дней. Люди почти не выпускали из рук ледовых пил. Чтобы разбивать ледяные торосы, преграждавшие дорогу кораблю, приходилось даже прибегать к пороху.

Двенадцатого сентября море представляло собой уже сплошную ледяную равнину без единого промежутка или трещины. Лед так плотно окружал со всех сторон корабль, что он не мог ни продвигаться вперед, ни податься назад. Средняя температура воздуха была 16° ниже нуля. Одним словом, настало время зимовки. Пришла зима со всеми своими лишениями и опасностями.

«Юный смельчак» находился у входа в бухту Гаэл-Хамкес, то есть приблизительно на 21 градусе западной долготы и 76 градусе северной широты.

Жан Корнбют занялся приготовлениями к предстоящей зимовке. Прежде всего ему хотелось разыскать небольшую бухту, где корабль мог бы укрыться от ветра и сжатия льдов. Самое надежное убежище можно было найти только у берега, находящегося примерно в десяти милях к западу, и Жан Корнбют решил отправиться на поиски.

Двенадцатого сентября он двинулся в путь в сопровождении Андрэ Васлинга, Пенеллана и двух матросов, Градлена и Тюркьета. Каждый нес с собой груз, состоящий из двухдневного запаса провизии, так как все были уверены, что поход продлится не более двух дней. Кроме того, каждый захватил с собой по буйволово́й шкуре, которая должна была служить постелью.

Снег, в изобилии выпавший за последнее время, еще не покрылся коркой льда и чрезвычайно затруднял передвижение. Путники часто проваливались в снег по пояс, и все время приходилось быть начеку, чтобы не упасть в трещину. Пенеллан, шедший впереди, тщательно исследовал дорогу, прощупывая ее длинной палкой с металлическим наконечником.

К пяти часам вечера туман начал сгущаться, и отряд вынужден был остановиться. Пенеллан принялся разыскивать льдину, за которой можно было бы укрыться от ветра.

Отдохнув несколько минут, путники подкрепились едой и очень пожалели, что у них не было горячего питья; потом они расстелили на снегу шкуры, завернулись в них, тесно прижались друг к другу и крепко заснули.

На следующее утро Жан Корнбют и его товарищи проснулись под снежным покровом толщиной более фута. К счастью, совершенно непромокаемые буйволовые шкуры защитили их от сырости, а слой снега сохранил их собственное тепло.

Жан Корнбют тотчас же подал знак к выступлению. К полудню они, наконец, увидели едва заметную полосу берега.

Берег был окаймлен высокими ледяными горами; их вершины, различной формы и высоты, имели вид гигантских кристаллов. При приближении моряков стаи морских птиц с шумом разлетелись в разные стороны, а лениво растянувшиеся на льду тюлени поспешно скрылись в воде.

— Честное слово, — заметил Пенеллан, — у нас тут не будет недостатка ни в мехе, ни в дичи.

— Эти животные, — ответил Жан Корнбют, — кажутся, уже знакомы с человеком. Видно, здесь уже побывал кто-то прежде нас, иначе они не были бы так пугливы.

— Сюда заходят только гренландцы, — отозвался Андрэ Васлинг.

— Однако здесь нет никаких следов их пребывания, — возразил Пенеллан, поднимавшийся на холм. — Вокруг не видно ни остатков лагеря, ни покинутой хижины.

— Эй, капитан! — вдруг крикнул он. — Идите-ка сюда, я вижу подходящее местечко, где можно будет укрыться от норд-оста.

— За мной, ребята! — воскликнул Жан Корнбют.

Товарищи последовали за ним, и вскоре все присоединились к Пенеллану. Моряк был прав. За довольно

высоким скалистым мысом была небольшая закрытая бухта длиной примерно в милю. В бухте плавало несколько льдин. Защищенная от холодных ветров вода еще не успела замерзнуть. Это было как нельзя более подходящее место для зимовки. Оставалось только провести туда корабль. Однако Жан Корнбют заметил, что слой льда чрезвычайно толст и почти невозможно прорубить в нем канал, чтобы провести бриг к месту зимовки.

Итак, приходилось искать другую бухту. Жан Корнбют прошел дальше к северу, но и там ему ничего не удалось найти. Почти на всем протяжении берег представлял собой непрерывную стену скал. К тому же с этой стороны побережье было открыто восточным ветрам.

Это сильно огорчило капитана, тем более что Андре Васлинг, пользуясь случаем, изо всех сил старался преувеличить трудность создавшегося положения. Даже Пенеллан теперь начал сомневаться в справедливости своей любимой поговорки: все, что ни делается, делается к лучшему.

Оставался только один выход: поискать место для зимовки в южном направлении. Для этого нужно было вернуться назад, но раздумывать не приходилось, и маленький отряд тронулся в обратный путь. Старались идти как можно быстрее, потому что запасы провизии кончались.

Все это время Жан Корнбют присматривался к ледяной равнине, надеясь обнаружить какой-нибудь подходящий проход или хотя бы трещину, которую можно было бы расширить и превратить в канал. Но все его старания были напрасны.

К вечеру моряки вернулись на то место, где ночевали накануне. День прошел без снегопада, и они даже разглядели отпечатки своих ног на снегу. Все было готово к ночлегу, и путники улеглись, подстелив под себя буйволовые шкуры. Пенеллан был сильно раздосадован результатами разведки, и ему не спалось.

Внезапно его внимание привлек какой-то глухой рокот. Он стал прислушиваться, этот звук показался ему

таким странным, что он толкнул локтем Жана Корнбюта.

— Что такое? — спросил Жан Корнбют, мгновенно проснувшись: как и все моряки, он спал очень чутко.

— Слышите, капитан? — спросил Пенеллан.

Звук повторился еще явственнее.

— Едва ли под этими широтами может быть гром, — заметил Жан Корнбют, поднимаясь на холм. — Скорее всего это стадо белых медведей.

— Черт возьми, до сих пор нам еще не приходилось с ними встречаться.

— Да, но рано или поздно они нанесут нам визит, — ответил Пенеллан. — Постараемся же оказать им достойный прием.

Пенеллан, захватив ружье, быстро взобрался на холм, у подножия которого они расположились. Небо заволочли тучи, и в темноте было трудно что-либо разглядеть. Но когда звук повторился, Пенеллан понял, что он доносится совсем не издалека. Вскоре к Пенеллану присоединился Жан Корнбют, и они с ужасом убедились, что рокот, разбудивший теперь и всех остальных, раздавался где-то у них под ногами.

Им угрожала новая опасность. Теперь шум, похожий на раскаты грома, сопровождался сильным колебанием льда. Некоторые матросы потеряли равновесие и упали.

— Внимание! — крикнул Пенеллан.

— Слушаем! — раздалось в ответ.

— Тюркьет! Градлен! Где вы?

— Я здесь, — ответил Тюркьет, стряхивая с себя снег.

— Сюда, Васлинг! — крикнул Жан Корнбют помощнику. — Где Градлен?

— Здесь, капитан! Мы пропали! — в ужасе закричал Градлен.

— Ничуть не бывало, — возразил Пенеллан. — Мне думается, мы спасены.

Не успел он это сказать, как раздался ужасающий треск. Ледяное поле раскололось на несколько частей, и матросам пришлось ухватиться за шатающуюся ледяную глыбу. Вопреки словам рулевого они оказались

в исключительно опасном положении. Весь лед кругом колебался. Образовавшиеся торосы, как говорят моряки, «снялись с якоря». Колебание льда продолжалось около двух минут. Злосчастные матросы опасались, как бы лед не разъехался у них под ногами. Так, в постоянном страхе и волнении, они дожидались наступления дня. Каждый шаг мог оказаться роковым, и люди старались лежать неподвижно, чтобы не сорваться в пучину.

Когда рассвело, глазам их представилась картина, совершенно отличная от той, какую они наблюдали накануне. Необозримое ледяное поле раскололось на тысячи ледяных обломков. Волны, поднявшиеся в результате подводного землетрясения, взломали скрывающий их толстый слой льда.

Жан Корнбют первый вспомнил о бриге.

— Мой бедный корабль! — вскричал старый моряк. — Он наверняка погиб.

Лица его товарищей выражали беспредельное отчаяние. Гибель корабля должна была вскоре повлечь за собой их собственную гибель.

— Не падайте духом, друзья мои, — тихо проговорил Пенеллан. — Будем надеяться, что разрушение льдов откроет нам путь через льды, по которому мы сможем провести наш корабль в бухту, удобную для зимовки. Э, глядите-ка, если я не ошибаюсь, вот он, наш «Юный смельчак», на целую милю ближе к нам, чем раньше.

Забыв от радости всякую осторожность, все устремились вперед. Тюркьет поскользнулся и провалился в трещину; если бы Жан Корнбют не ухватил его за капюшон, матрос неминуемо бы погиб. К счастью, он отделался только холодной ванной.

На расстоянии каких-нибудь двух миль от путников виднелся бриг, плывший по ветру. Преодолев множество препятствий, маленький отряд добрался, наконец, до корабля. Корабль был в хорошем состоянии, только руль, который забыли во-время поднять, был разбит льдинами

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Приготовления к зимовке

Итак, Пенеллан и на этот раз оказался прав: все устроилось как нельзя лучше, подводное землетрясение расчистило кораблю путь до самой бухты, намеченной для зимовки. Морякам оставалось только подталкивать баграми льдины с таким расчетом, чтобы они уносились течением и не загораживали им дорогу.

Девятнадцатого сентября бриг вошел в бухту, предназначенную для зимовки, и в двух кабельтовых от берега бросил якорь, который прочно засел в твердом грунте. На следующий день вода вокруг судна начала затягиваться тонким льдом. Вскоре лед стал уже настолько крепок, что легко выдерживал тяжесть челювека. Теперь можно было установить непосредственную связь с сушей.

По обычаю северных мореходов такелаж оставили на своих местах. Что касается парусов, то они были тщательно сложены, закреплены на реях и покрыты чехлами. «Воронье гнездо» также оставили на месте, чтобы оттуда производить наблюдения и, заметив какое-нибудь судно, сигнализировать ему.

Солнце уже едва поднималось над горизонтом. Со времени июньского солнцестояния светило описывало по небосклону все более пологие дуги и вскоре должно было надолго скрыться за горизонтом.

Экипаж спешно готовился к зимовке. Работами руководил Пенеллан.

Лед становился все крепче и толще; сжимая корабль со всех сторон, он угрожал его раздавить. Плошучие льдины находились в непрерывном движении; примыкая друг к другу, они спаивались, образуя ледяное поле. Когда лед достиг футов двадцать в толщину, Пенеллан заставил команду наискось вырубить его вокруг корпуса корабля. Лед сомкнулся под килем и принял форму судна. Теперь оно покоилось на надежном ложе, и можно было не опасаться напора льдов.

Моряки возвели вдоль баркоута снежную стену, поднимавшуюся до высоты фальшборта, толщиной в

пять-шесть футов. В скором времени снег стал твердым, как камень. Благодаря этой защитной ограде тепло не излучалось из жилого помещения наружу. Над палубой во всю ее длину был натянут парусиновый тент. Закрытая наглухо со всех сторон палуба служила для команды местом прогулок.

На берегу построили из снега склад, куда сложили все предметы, загромождавшие корабль. Переборки между каютами были разобраны, и теперь внутренность корабля от носа до кормы представляла собой одно большое помещение, которое легче было отопить, чем несколько маленьких кают, не говоря о том, что там было меньше углов, где всегда скапливается сырость и нарастает лед. К тому же это помещение можно было легко проветривать посредством парусиновых рукавов, выведенных наружу.

Вся команда работала не покладая рук, и 25 сентября приготовления к зимовке были закончены. Андрэ Васлинг не отставал от других. Он всячески старался угодить молодой девушке. Поглощенная мыслями о своем несчастном женихе, Мари ничего не замечала, зато Жан Корнбют быстро раскусил, в чем тут дело. Он решил поговорить с Пенелланом. Ему припомнились кое-какие факты, и он понял, куда клонит его помощник. Андрэ Васлинг любит Мари и, конечно, будет просить ее руки у Жана Корнбюта, когда тот удостоверится в гибели сына и его спутников. Было ясно, что помощник капитана мечтает поскорее вернуться в Дюнкерк и жениться на красивой и богатой девушке, которая станет единственной наследницей Жана Корнбюта.

Но в своем нетерпенье Андрэ Васлинг порой забывал об осторожности и выдавал себя: уж слишком часто рассуждал он о бесполезности поисков. Пенеллану доставляло удовольствие разбивать шаткие доводы помощника капитана, естественно, Андрэ Васлинг всей душой ненавидел старика рулевого. Впрочем, Пенеллан платил ему той же монетой. Он опасался только, как бы Андрэ Васлинг не посеял раздора среди команды, поэтому он посоветовал Жану Корнбюту до поры до времени воздерживаться от определенного ответа.

Когда приготовления к зимовке были закончены, капитан стал принимать меры для сохранения здоровья экипажа. Каждое утро матросы должны были проветривать помещение и тщательно протирать стены, которые отсыревали за ночь. Утром и вечером матросы получали горячий чай или кофе. Каждый день по несколько человек отправлялись на охоту и должны были доставлять на борт свежую пищу.

Капитан заставлял всех ежедневно делать гимнастику и запретил оставаться слишком долго на холоде без движения, так как при температуре -30° легко отморозить лицо или конечности. В таком случае единственный способ спасти обмороженное место — это энергично растереть его снегом. Пенеллан советовал также каждое утро умываться холодной водой. Поистине нужно было обладать изрядным мужеством, чтобы решиться погрузить лицо и руки в ледяную воду, которую получали, нагревая снег в помещении. Пенеллан храбро проделал это на глазах у всех, и Мари одна из первых последовала его примеру.

Жан Корнбют не забывал также о чтении и молитве: надо было позаботиться о том, чтобы люди не скучали и не впадали в уныние. Зимующим в этих безотрадных краях чрезвычайно опасно терять бодрость духа. Вечно пасмурное небо нагоняло тоску. Постоянно свирепствовавшие снежные бури приводили людей в отчаяние. Солнце вскоре должно было совсем скрыться. Если бы не облака, все время застилавшие небо, лунный свет мог бы в известной мере заменить путешественникам солнце во время долгой полярной ночи.

Однако западный ветер приносил снеговые тучи. Каждое утро приходилось отгребать сугробы, наметенные за ночь вокруг корабля, и заново прорубать во льду ступеньки для спуска на снежную равнину. Для этого пускали в ход ломы. Прорубив ступеньки, их обливали водой, которая тотчас же замерзала.

Пенеллан заставил матросов сделать во льду прорубь близ корабля. Каждое утро приходилось разбивать тонкий лед, образующийся в проруби. Вода, которую черпали на значительной глубине, была далеко не так холодна, как на поверхности.

Все эти приготовления заняли около трех недель. Затем стали думать о дальнейших поисках. Корабль был заперт во льдах на добрых шесть-семь месяцев и мог продолжать свой путь лишь с наступлением оттепели. Необходимо было воспользоваться этой вынужденной остановкой и отправиться на поиски в северном направлении.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

План поисков

Девятого октября Жан Корнбют созвал совещание, чтобы выработать план дальнейших действий; желая поднять дух участников экспедиции, он пригласил на совещание всю команду. Достав карту, он показал товарищам, где находится корабль.

Восточное побережье Гренландии простирается к северу почти по меридиану. Вся эта область была тщательно исследована целым рядом мореплавателей. На водном пространстве шириной в пятьсот лье, отделяющем Гренландию от Шпицбергена, не удалось обнаружить ни одного острова. Единственный остров, под названием Шаннон, находился на расстоянии ста миль к северу от бухты Гаэл-Хамкес, где предстояло провести зиму «Юному смельчаку».

Таким образом, если предположить, что норвежский корабль был отнесен в этом направлении, то Луи Корнбют и его спутники должны были искать убежища на зиму именно на этом острове.

Все согласились с мнением капитана, и, несмотря на возражения Андрэ Васлинга, решено было направиться на поиски к острову Шаннон.

Тотчас же начали готовиться. На норвежском берегу удалось приобрести сани, типа эскимосских, с полозьями, загнутыми с обоих концов. Благодаря такой конструкции они легко скользили как по льду, так и по снегу. Сани эти были двенадцати футов в длину и четырех футов в ширину, и на них можно было перевозить запасы провизии, рассчитанные на несколько не-

дель. Фидель Мизон быстро их наладил. Он работал на складе, построенном из снежных глыб, куда были перенесены все его инструменты. Чтобы создать необходимую для работы температуру, на складе поставили печь. Трубу вывели наружу сквозь отверстие, сделанное в снеговой стене. Однако это устройство оказалось малоприспособленным, так как снег начал таять вокруг горячей трубы, и отверстие стало заметно увеличиваться. Тогда Жан Корнбют обернул трубу проволоочной сеткой, что устранило таяние.

Пока Мизон работал над санями, Пенеллан с помощью Мари заготавливал одежду в дорогу. К счастью, сапоги из тюленьих шкур имелись в достаточном количестве. Жан Корнбют и Андре Васлинг отбирали необходимую провизию. Они решили взять с собой небольшой бочонок спирта для переносной жаровни, нужное количество чая и кофе, небольшой ящик с сухарями, двести фунтов пеммикана и несколько флажков водки. Охотники должны были ежедневно доставлять свежее мясо. Порох рассыпали по мешочкам. Компас, секстант и подзорную трубу тщательно упаковали, оберегая их от толчков.

Одиннадцатого октября солнце впервые не поднялось над горизонтом. В кубрике все время горела лампа. Экспедицию никак нельзя было откладывать по следующим соображениям.

В январе начнутся такие холода, что опасно будет выходить из помещения. В течение добрых двух месяцев команда будет обречена на полное затворничество. Затем начнется оттепель, которая и позволит кораблю выйти из льдов. Разумеется, таяние льдов мешает производить поиски. Вдобавок Луи Корнбют и его товарищи, если они остались в живых, едва ли перенесут полярную зиму. Итак, необходимо было немедленно их выручать.

Андре Васлинг прекрасно это понимал. Именно поэтому он решил всеми средствами препятствовать экспедиции.

Сборы в путь были закончены к 20 октября. Оставалось только подобрать людей. Молодую девушку нельзя было оставлять без опеки Жана Корнбюта или

Пенеллана, а между тем они должны были участвовать в экспедиции.

Предстояло решить вопрос, сможет ли Мари выдержать все трудности такого путешествия. До сих пор она довольно легко переносила все лишения; ведь она была дочерью моряка и с детства привыкла к морю. Поэтому Пенеллан и не побоялся взять ее с собой в полярное плавание.

После долгих споров решили наконец, что молодая девушка тоже отправится в экспедицию, но на всякий случай ей оставить место в санях. С этой целью на санях построили небольшой шалаш из досок. Мари так и рвалась в поход и ни за что не хотела разлучаться со своими друзьями.

Итак, в экспедиции приняли участие: Мари, Жан Корнбют, Пенеллан, Андрэ Васлинг, Опик и Фидель Мизон. На корабле оставались Жервик, Градлен и Ален Тюркьет, которому и поручили охрану брига. Пришлось захватить с собой в значительном количестве добавочные припасы, так как Жан Корнбют, стремясь пройти как можно дальше, решил каждые семь-восемь дней делать по пути склады продовольствия.

Как только сани были приведены в готовность, их тотчас же нагрузили и прикрыли поклажу буйволовой шкурой. Общий вес груза составлял около семисот фунтов; пять собак без труда везли этот груз по льду.

Двадцать второго октября, как и предвидел капитан, температура внезапно изменилась. Небо очистилось, ярко заблистали звезды, над горизонтом поднялась луна и целых полмесяца не покидала небосклона. Термометр показывал —25°.

Выступление было назначено на следующий день.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Снежная хижина

Двадцать третьего октября в 11 часов утра, при ярком лунном свете, караван тронулся в путь. На этот раз были приняты все необходимые меры на тот слу-

чай, если путешествие затянется. Жан Корнбют направился к северу, придерживаясь побережья. Идти приходилось по голому льду, на котором не оставалось ни малейших следов. Чтобы не сбиться с пути, капитану приходилось намечать впереди те или иные ориентиры: он держал направление то на какой-нибудь холм, врезавшийся в небо острыми зубцами, то на огромный торос, под напором льдов поднявшийся над равниной.

Пройдя около пятнадцати миль, сделали привал, и Пенеллан начал разбивать лагерь. Первым делом установили палатку, прислонив ее к ледяному торосу. Хотя Мари и не слишком страдала от холода, — к счастью, ветер утих, и стало легче переносить мороз, — ей не раз приходилось спускаться с саней, чтобы поразмять онемевшие ноги. Ей было довольно уютно в маленьком шалашике, который Пенеллан обил внутри шкурами.

Когда наступила ночь, или, вернее, подошло время отдыха, шалашик перенесли в палатку, и он служил молодой девушке спальней. Ужин состоял из свежего мяса, мясного порошка и горячего чая. Чтобы предупредить заболевание цынгой, Жан Корнбют дал всем участникам экспедиции по нескольку капель лимонного соку. Затем, помолившись, все крепко уснуло.

После восьмичасового сна участники экспедиции, плотно позавтракав и накормив собак, заняли свои места в караване и снова пустились в путь. Собаки без малейшего напряжения везли сани по гладкой ледяной поверхности, и люди иногда с трудом поспевали за ними.

Вскоре у некоторых моряков обнаружилась так называемая офтальмия, то есть воспаление глаз. Первыми заболели Опик и Мизон. При лунном свете ослепительный блеск ледяных и снежных пространств вызывал нестерпимую резь в глазах.

Преломление лунных лучей создавало любопытный обман зрения. Иной раз путникам казалось, что они видят перед собой бугорок, и, поднимая ногу выше, чем следовало, они падали. К счастью, они при этом не ушибались, и Пенеллан всякий раз добродушно подшучивал над товарищами. И все же он советовал не

делать ни одного шага, не ошупав предварительно дорогу палкой с железным наконечником, которая была у каждого в руках.

К 1 ноября, через десять дней после выступления из лагеря, отряд прошел уже пятьдесят лье в северном направлении. Все участники экспедиции испытывали крайнюю усталость. Жан Корнбют жестоко страдал от офтальмии и с трудом различал окружающие предметы. Опик и Фидель Мизон могли передвигаться только ощупью, глаза у них воспалились, и ослепительный блеск льдов причинял им невыносимую боль. Мари удалось избежать этой болезни, так как она почти все время находилась в шалаше. Пенеллан преодолевал все невзгоды со свойственным ему мужеством. Лучше всех чувствовал себя Андрэ Васлинг: он был совершенно здоров и казался неутомимым. Его железный организм, казалось, был создан для борьбы со всеми этими трудностями, и он с тайной радостью наблюдал, как самые сильные из его спутников мало-помалу теряли бодрость духа, и не сомневался, что вскоре они будут вынуждены повернуть назад.

И вот 1 ноября, когда путники окончательно выбились из сил, пришлось сделать остановку, чтобы отдохнуть денек-другой. Выбрав место для лагеря, все немедленно принялись за работу. Решили построить снежную хижину. Одной стеной хижина должна была примыкать к прибрежному утесу. Фидель Мизон быстро начертил на льду план хижины, которая должна была иметь пятнадцать футов в длину и пять футов в ширину. Пенеллан, Опик и Мизон ледовыми пилами нарезали огромные куски льда, перенесли их к намеченному месту и, как заправские каменщики, начали складывать из них стену. Вскоре передняя стена поднялась на высоту пяти футов. Она была почти такой же толщины: материала было хоть отбавляй, а постройку следовало сделать как можно прочнее, чтобы она могла продержаться несколько дней. Часов через восемь были возведены все четыре стены. С южной стороны находился вход. Домик был покрыт парусиновым тентом, который свешивался над входом и полностью его закрывал. Оставалось только наложить сверху большие куски льда, ко-

торые должны были служить кровлей этому недолговечному строению.

Еще три часа изнурительного труда, и домик был закончен; путники вошли в него, изнемогая от усталости, в состоянии, близком к отчаянию. Жан Корнбют еле волочил ноги. Воспользовавшись этим, Андрэ Васлинг заставил его дать слово, что он прекратит поиски.

Пенеллан не знал, какого святого молить о помощи. Он считал, что с их стороны будет величайшей подлостью бросить потерпевших аварию на произвол судьбы, пока еще не удостоверились в их гибели. Но как ни старался он убедить в этом товарищей, все было напрасно.

Хотя и принято было решение возвращаться, все были так утомлены, что в течение трех дней нечего было думать о сборах в обратный путь.

Четвертого ноября Жан Корнбют решил зарыть в намеченном им месте на берегу часть продуктов, без которых они могли обойтись. Над складом был оставлен опознавательный знак на случай, если паче чаяния будут предприняты новые розыски в этих местах. По дороге сюда он оставлял такого рода склады каждые четыре дня, чтобы обеспечить отряду питание на обратном пути и не везти лишний груз в санях.

Выступить должны были 5 ноября в 10 часов утра. Все члены маленького отряда находились в глубочайшем унынии. Мари с трудом сдерживала слезы, видя, какое отчаяние овладело ее дядюшкой. Столько напрасных мучений! Столько потрачено даром сил! Пенеллан выходил из себя. Он посылал всех к черту и не переставая возмущался слабостью и малодушием своих товарищей. Он уверял, что они менее выносливы и куда трусливее, чем Мари, которая без единого слова жалобы готова была пойти на край света.

Андрэ Васлинг с трудом скрывал свою радость. Он все время вертелся возле молодой девушки и успокаивал ее, говоря, что весной можно будет предпринять новые поиски. Он отлично знал, что весной эти розыски будут уже не нужны.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Заживо погребенные

Накануне выступления, пока товарищи ужинали, Пенеллан раскалывал на топливо пустые ящики. Вдруг он почувствовал, что задыхается от густого дыма. В этот миг домик содрогнулся, словно от подземного толчка. Все вскрикнули от испуга. Пенеллан выбежал из домика.

Кругом царил непроглядный мрак. Оттепели еще не было и в помине. В ледяных просторах свирепствовала пурга. Яростно кружились снежные вихри. Мороз был жестокий, и у рулевого мгновенно заledenели руки. Быстро растерев руки и лицо снегом, он вернулся в помещение.

— Вот так буря! — проговорил он. — Дай бог, чтобы наш домик уцелел. Если ураган снесет его, мы погибли.

Из-под льда доносился ужасающий гул. Обломки разбившихся о скалистый выступ ледяных глыб сталкивались с оглушительным грохотом, громоздились друг на друга. Ветер налетал бешеными порывами, и порой казалось, что он вот-вот снесет хижину. По временам снежные вихри пронизывались вспышками фосфорического света, — странное явление, которое до сих пор еще не поддается объяснению.

— Мари, Мари! — крикнул Пенеллан, хватая за руки молодую девушку.

— Плохо наше дело, — пробормотал Фидель Мизон.

— Да, едва ли нам удастся выпутаться из беды, — отозвался Опик.

— Уйдем отсюда! — предложил Андрэ Васлинг.

— Это невозможно, — возразил Пенеллан. — Там лютый мороз, и только здесь мы можем спастись от него.

— Дайте-ка мне термометр, — сказал Андрэ Васлинг.

Опик передал ему инструмент. Термометр показывал — 10°, несмотря на разведенный огонь. Андрэ Васлинг приподнял парусину над входом и быстро высушил термометр наружу, остерегаясь, как бы ему не поранили руку ледяные осколки, градом сыпавшиеся сверху.

— Ну как, господин Васлинг? — спросил Пенеллан. — Вы все еще собираетесь уходить отсюда? Теперь вы убедились, что здесь мы в относительной безопасности?

— Да, да, — подхватил Жан Корнбют. — И надо как можно лучше укрепить наш дом.

— Вы забываете, что здесь нам угрожает другая, еще более серьезная опасность, — возразил Андрэ Васлинг.

— Какая же? — удивился Жан Корнбют.

— А вот какая. Буря может взломать лед, на котором мы находимся, ведь она взломала льды возле мыса, и тогда нас отнесет далеко в сторону или же мы попросту утонем.

— Это, по-моему, маловероятно, — возразил Пенеллан. — При таком морозе вода не может не замерзнуть. Посмотрим, какова температура.

Он приподнял парусину, осторожно высунул руку и некоторое время искал термометр в снегу. Наконец ему удалось его нащупать. Поднеся термометр к лампе, он объявил:

— Тридцать два градуса ниже нуля! Такого холода до сих пор еще не было.

— Еще десять градусов, — добавил Андрэ Васлинг, — и ртуть замерзнет.

Наступила зловещая тишина.

Около восьми часов утра Пенеллан решил еще раз выйти из хижины, посмотреть, что делается снаружи. К тому же необходимо было выпустить дым, который ветер несколько раз загонял обратно в хижину. Моряк закутался в плащ, крепче привязал носовым платком капюшон и приподнял парусину.

Вход был плотно забит снегом. Схватив палку с металлическим наконечником, Пенеллан попытался вон-

зить ее в плотную снежную массу. Каков же был его ужас, когда он почувствовал, что железный наконечник палки упирается в твердый лед.

— Корнбют, — сказал он подошедшему к нему капитану. — Мы погребены под снегом.

— Что ты говоришь! — вскричал Жан Корнбют.

— Я говорю, что мы заживо погребены под огромным обледеневшим сугробом.

— Попробуем отодвинуть эту грудку снега, — ответил капитан.

Друзья изо всех сил налегли на сугроб, заваливший вход, но сдвинуть его с места не было никакой возможности. Вероятно, домик был покрыт слоем льда толщиной футов в пять.

У Жана Корнбюта вырвалось громкое восклицание. Это разбудило Мизона и Андрэ Васлинга. Помощник капитана выругался, и лицо его исказилось от ужаса. В этот миг густая волна дыма заполнила помещение.

— Проклятье! — крикнул Мизон. — Печная труба забита льдом.

Пенеллан опять схватил палку и стал разламывать печь, предварительно набросав в очаг снега, чтобы потушить пламя. Но тут поднялся такой дым, что свет лампы еле пробивался сквозь его густую завесу. Пенеллан попробовал было прочистить дымоход, но палка попрежнему наталкивалась на лед.

Люди были обречены на ужасную смерть после долгой и мучительной агонии. Дым, проникая в дыхательные пути несчастных, причинял им невыносимую боль, дышать становилось все труднее.

Проснулась Мари. При виде девушки Жан Корнбют совсем приуныл, зато мужество вернулось к Пенеллану. Разве он мог допустить, чтобы бедное дитя погибло такой ужасной смертью!

— Что это? — удивилась девушка. — Вы развели слишком сильный огонь? Домик полон дыма.

— Да, да, — пробормотал в замешательстве рулевой.

— Как хорошо вы натопили, — продолжала Мари. — Давно у нас не было так тепло.

Никто не решился открыть ей правду.

— Ну, Мари, — сказал Пенеллан нарочито бодрым тоном, — помоги нам приготовить завтрак. Выходить нельзя — слишком холодно. Вот спиртовка, вот спирт, вот кофе. А что, ребята, не закусить ли нам сперва пеммиканом? При такой дьявольской погоде нечего и думать об охоте.

Его слова несколько подбодрили товарищей.

— Сперва подкрепимся, — прибавил Пенеллан, — а потом постараемся выбраться отсюда.

Пенеллан первый проглотил свою порцию. Товарищи последовали его примеру, запив свой скудный завтрак чашкой горячего кофе. Все заметно подбодрились. Жан Корнбют, со свойственной ему энергией, хотел тотчас же взяться за дело, но Андрэ Васлинг заметил:

— Если буря все еще продолжается, — а это вполне вероятно, — то мы, наверное, находимся под слоем льда не менее десяти футов толщиной. Снаружи не доносится ни единого звука.

Пенеллан взглянул на Мари. Девушка поняла, в чем дело, но даже не вздрогнула.

Накалив докрасна над пламенем спиртовки металлический наконечник своей палки, Пенеллан попытался вонзить ее в ледяные стены, но ни в одну из них она так и не вошла. Тогда Жан Корнбют предложил проделать выход через дверное отверстие. Лед оказался до того крепким, что нож с трудом в него вонзился. Вскоре все помещение было завалено обломками льда, которые кое-как удавалось отколоть. После двух часов изнурительного труда был прорыт туннель всего в каких-нибудь три фута длиной.

Необходимо было придумать более быстрый и безопасный способ, ибо чем дальше продвигались по туннелю, тем тверже становился лед, и приходилось бить с такой силой, что от толчков мог обрушиться домик. Пенеллану пришло в голову попробовать растопить лед с помощью спиртовки. Это была довольно рискованная затея, так как запас спирта у них был невелик, и, если бы их заключение затянулось, могло не хватить спирта для приготовления пищи. Однако предложение Пенел-

лана приняли и тотчас же привели в исполнение. Первым делом вырыли яму глубиной в три фута и диаметром в один фут, куда должна была собираться вода, образующаяся при таянии льда. Эта предосторожность была далеко не лишней, так как под действием огня снег начал быстро таять.

Туннель постепенно углублялся, но подолгу работать со спиртовкой не приходилось, так как у работающих быстро намокала одежда. Через четверть часа Пенеллан был вынужден прекратить работу, чтобы немного обсохнуть. На его место встал Мизон, который принялся за дело с не меньшей энергией. Через два часа туннель достиг уже пяти футов в длину. Однако палка попрежнему упиралась в лед.

— Едва ли за одну ночь могло выпасть столько снега, — заметил Жан Корнбют. — Очевидно, этот сугроб намело ветром с одной стороны. Не попробовывать ли нам прорыть выход в другом месте?

— Не знаю, право, — сказал Пенеллан. — Но мне думается, нам нужно продолжать начатую работу, а не то наши товарищи совсем падут духом. Мы должны во что бы то ни стало выбраться отсюда.

— А спирта нам хватит? — спросил капитан.

— Думаю, хватит, — ответил Пенеллан. — Только, может быть, придется отказаться от горячего кофе. Но, по правде сказать, меня сейчас беспокоит не это, а совсем другое.

— Что же такое, Пенеллан? — спросил Жан Корнбют.

— А то, что скоро из-за недостатка масла погаснет наша лампа, да и запасы провизии подходят к концу. Но будь что будет!

И Пенеллан пошел сменить Андрэ Васлинга, который трудился наряду с остальными.

— Господин Васлинг, — сказал он. — Я встану вместо вас, но смотрите в оба, как бы не произошло обвала. При малейшей угрозе дайте мне знать, чтобы вовремя предупредить беду.

Наступило время отдыха, и Пенеллан, удлинив туннель еще на один фут, улегся рядом с товарищами.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Дымок

На следующее утро, когда моряки проснулись, в домике царил непроглядный мрак. Лампа погасла. Жан Корнбют разбудил Пенеллана и попросил у него огня, которое тот ему и передал. Пенеллан встал, чтобы зажечь спиртовку, но, поднимаясь, ударился головой о ледяной потолок. Это испугало его: еще накануне он мог стоять в помещении во весь рост. При бледном свете спиртовки он увидел, что потолок опустился примерно на один фут.

Пенеллан с ожесточением принялся за работу. Как ни слаб был свет спиртовки, молодая девушка, взглянув на суровое лицо рулевого, поняла, что он уже начинает впадать в отчаяние. Она подошла к нему, взяла его за руку и с нежностью ее пожала. Тотчас мужество снова вернулось к Пенеллану.

— Она не должна погибнуть! — воскликнул он и, захватив спиртовку, снова пополз в узкий коридор. Потом он с размаху вонзил палку в ледяную толщу и на этот раз уже не почувствовал сопротивления.

Может быть, они уже добрались до слоев рыхлого снега?

Пенеллан выдернул палку, и мгновенно луч света ворвался в ледяную хижину.

— Ко мне, друзья мои! — закричал Пенеллан.

Работая руками и ногами, он быстро разрыв на- ружный слой снега, который, как он думал, не был покрыт ледяной коркой. Но вместе с потоками света в хижину ворвалась волна морозного воздуха. Пенеллан, орудуя ломом, расширил отверстие и с наслаждением вдохнул свежий воздух. Выбравшись наружу, он упал на колени и стал горячо благодарить создателя за их спасение. К нему присоединились и остальные.

Кругом все было залито лунным сиянием. Мороз был трескучий, моряки не могли долго оставаться под открытым небом и вернулись в ледяной дом. Но Пенеллан, прежде чем войти в хижину, огляделся по сторонам. Скалистого мыса больше не было. Ледяной дом находился среди беспредельной ледяной равнины.

Пенеллан направился было в ту сторону, где стояли сани с провизией. Сани исчезли!

Холод заставил Пенеллана войти в хижину. Он ничего не сказал своим товарищам. Прежде всего следовало просушить над спиртовкой одежду. Термометр, на секунду выставленный наружу, показал — 30°.

Через час Андрэ Васлинг и Пенеллан решили снова выйти наружу. Одежда на них еще не просохла. Закутавшись в еще сырые плащи, они выбрались через прорытый ими туннель, стены которого уже стали твердыми, как камень.

— Как видно, нас отнесло к северо-востоку, — заметил Андрэ Васлинг, пытаясь ориентироваться по звездам.

— Это бы еще не беда, если бы у нас были сани.

— Как, сани пропали? — воскликнул Андрэ Васлинг. — Тогда мы погибли!

— Будем искать, — отвечал Пенеллан.

Васлинг и Пенеллан обошли вокруг хижины. Она превратилась в ледяную глыбу высотой более пятнадцати футов. Во время пурги единственное возвышение на равнине было замечено снегом. Ледяная тюрьма, в которой были заживо погребены путники, вместе с обломками льдов была отнесена миль на двадцать пять к северо-востоку. Сани, оказавшиеся на другой льдине, без сомнения были унесены в другую сторону, так как их нигде не было видно. А собаки скорее всего погибли во время бури.

Отчаяние овладело Васлингом и Пенелланом. У них не хватало духа вернуться в дом и сообщить ужасную новость товарищам по несчастью. Они решили взобраться на ледяной холм, образовавшийся над хижинкой, и еще раз внимательно осмотреть окрестности, но и оттуда не было видно ничего, кроме беспредельной белой равнины. Вскоре у них начали замерзать руки и ноги, а влажная одежда покрылась сосульками. Спускаясь с ледяного холма, Пенеллан случайно взглянул на Андрэ Васлинга и заметил, что тот пристально всматривается вдаль; вот он вздрогнул и побледнел.

— Что это с вами, господин Васлинг? — спросил Пенеллан.

— Так, ничего, — ответил помощник капитана. — Спустимся вниз и поскорее уйдем отсюда. Ведь нам здесь все равно ничего не найти.

Но Пенеллан не последовал совету Васлинга; он снова взобрался на холм и стал всматриваться в ту сторону, куда только что глядел помощник капитана. То, что он увидел, произвело на него совсем иное впечатление.

— Слава тебе, господи! — радостно воскликнул он.

На северо-востоке он заметил поднимавшийся к небу дымок. Сомнений не было — там находились люди. Услышав радостный возглас Пенеллана, все выбежали из хижины и собственными глазами убедились, что рулевой сказал правду. Не теряя ни минуты, забыв о голоде, на свирепом морозе, все, нахлобучив капюшоны, быстрыми шагами направились к северо-востоку, где виднелся дымок. Им предстояло пройти по крайней мере миль пять. Было чрезвычайно трудно придерживаться намеченного направления. Внезапно дымок исчез, а впереди не было ни одного возвышения, которое могло бы служить ориентиром среди ледяной пустыни. Как тут не сбиться с пути?

— Вот беда — не на что нам ориентироваться, — сказал Жан Корнбют. — Придется вот что сделать: Пенеллан пойдет впереди, за ним в двадцати шагах — Васлинг, я — в двадцати шагах от Васлинга. Таким образом я сразу увижу, если Пенеллан отклонится от прямой линии.

Так шагали они добрых полчаса. Вдруг Пенеллан остановился и стал прислушиваться.

— Вы ничего не слышите? — спросил старик, когда товарищи подошли к нему.

— Решительно ничего, — ответил Мизон.

— Как странно! — продолжал Пенеллан. — Мне показалось, что я только что слышал какие-то крики, — они доносились вон с той стороны.

— Крики? — воскликнула молодая девушка. — Так, значит, мы недалеко от цели.

— Это ровно ничего не значит, — ответил Андрэ Васлинг. — На крайнем севере при сильном морозе звуки слышны на большом расстоянии.

— Что бы там ни было, — сказал Жан Корнбют, — идемте вперед, а не то мы замерзнем.

— Нет, — возразил Пенеллан. — Постойте минутку и прислушайтесь.

В самом деле, в этот момент издалека донеслись слабые, но совершенно отчетливые крики. Казалось, это были вопли страдания и тоски. Они повторялись вновь и вновь. Можно было подумать, что кто-то вызывает о помощи. Потом крики затихли, и воцарилась мертвая тишина.

— Я не ошибся, — сказал Пенеллан. — Вперед!

И он бросился бежать в том направлении, откуда доносились крики. Так он пробежал около двух миль. Каково же было его удивление, когда внезапно он увидел перед собой человека, лежащего на снегу. Пенеллан подбежал к лежащему, приподнял ему голову и в ужасе поднял руки к небу.

В следующий миг подбежали Андрэ Васлинг и матросы.

— Это один из наших! Матрос Кортруа! — крикнул Васлинг.

— Он умер, — проговорил Пенеллан. — Замерз...

Когда подошли Жан Корнбют и Мари, труп уже успел заледенеть. Все лица выражали отчаяние. Погибший был одним из спутников Луи Корнбюга!

— Вперед! — крикнул Пенеллан.

Еще полчаса путники шли в мрачном молчании. Но вот вдалеке показалось какое-то возвышение, очевидно, то была земля.

— Это остров Шаннон, — заявил Жан Корнбют.

Пройдя еще милю, они увидели дымок, поднимавшийся над снежной хижинкой. Вскоре можно было разглядеть в стене хижины деревянную дверь. Тут все стали громко кричать. На их крики из хижины выбежали двое мужчин. Пенеллан сразу узнал Пьера Нукэ.

— Пьер! — воскликнул он.

Нукэ стоял в каком-то странном оцепенении, как будто не понимая, что происходит вокруг него.

Андрэ Васлинг с беспокойством всматривался в

спутника Пьера Нукэ; в глазах его блеснула радость: это не был Луи Корнбют.

— Пьер! Это я! — кричал Пенеллан. — Посмотри, здесь твои друзья!

Наконец Пьер Нукэ опомнился и в порыве радости бросился в объятия своего старого товарища.

— А мой сын? А Луи? — вскричал Жан Корнбют, и в голосе его прозвучала смертельная тревога.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Возвращение на корабль

В этот момент из хижины вышел человек. Пошатываясь от слабости, он побрел по снегу навстречу путникам, у него был вид умирающего. Это был Луи Корнбют.

— Сын мой!

— Любимый мой!

Эти два восклицания раздались одновременно. Луи Корнбют упал без сознания, но Жан Корнбют и молодая девушка успели его подхватить и, втащив Луи в хижину, привели его в чувство.

— Отец! Мари! — пробормотал Луи Корнбют. — Все-таки я увидел вас перед смертью.

— Ты не умрешь! — сказал Пенеллан. — Ведь с тобой друзья.

Как видно, Андре Васлинг крепко ненавидел Луи Корнбюта, он даже не протянул ему руки.

Пьер Нукэ не помнил себя от радости. Он обнимал всех подряд. Затем он подбросил в печку дров, и вскоре в помещении стало значительно теплее.

В хижине находились еще двое незнакомцев. Это были норвежские матросы, Джокки и Херминг, только они и уцелели из экипажа «Фрейерна».

— Друзья мои! Так, значит, мы спасены, — проговорил Луи Корнбют. — Отец! Мари! Сколько лишений вам пришлось перенести, дорогие мои!

— Мы ничуть не жалеем об этом, Луи, — ответил Жан Корнбют. — Ты знаешь, твой бриг «Юный смель-

чак» прочно засел во льдах милях в шестидесяти отсюда. Мы вернемся туда все вместе.

— То-то обрадуется Кортруа! Он скоро вернется, — сказал Пьер Нукэ.

Слова его были встречены гробовым молчанием. Затем Пенеллан сообщил Пьеру Нукэ и Луи Корнбюту о гибели их товарища, которого они нашли замерзшим на снегу.

— Знаете что, друзья мои, — сказал Пенеллан. — Нам придется обождать, пока спадут морозы. Есть у вас провизия и топливо?

— Пока что есть. Мы топим печку обломками «Фрейерна».

Оказывается, шкуну «Фрейерн» отнесло в сторону острова Шаннон. Затем корабль был раздавлен пловучими льдами, и потерпевшие крушение вместе с обломками шкуны были выброшены на восточное побережье острова; из этих обломков они и построили себе хижину.

В живых остались только пять человек: Луи Корнбют, Кортруа, Пьер Нукэ, Джокки и Херминг. Остальные матросы, пересевшие с корабля на шлюпку, погибли.

Когда Луи Корнбют увидел, что льды, среди которых он очутился, начинают смыкаться со всех сторон, он стал энергично готовиться к зимовке. Луи отличался незаурядным мужеством и предприимчивостью. И все-таки организм его не выдержал лютого полярного климата, и когда отец, наконец, разыскал его, молодой человек был на волосок от смерти. Все это время ему приходилось не только бороться с бурями и холодами, но и преодолевать сопротивление норвежских матросов, которые относились к Луи враждебно, хотя и были обязаны ему жизнью. Этим грубым существам были недоступны человеческие чувства.

Отозвав в сторону Пенеллана, Луи Корнбют посоветовал ему остерегаться норвежцев. Пенеллан в свою очередь рассказал ему о поведении Андрэ Васлинга. Луи не верил своим ушам, он не ожидал от Васлинга такого коварства и был потрясен рассказом старого рулевого.

Этот радостный день был посвящен отдыху. Не отходя от дому (удаляться от него было опасно), Фидель Мизон и Пьер Нукэ подстрелили несколько морских птиц. Свежее мясо и тепло очага, куда беспрерывно подбрасывали дрова, быстро вернули силы самым больным и слабым. Даже Луи Корнбют почувствовал себя значительно лучше. То была первая радость, которую довелось испытать этим славным людям за все время путешествия. В жалкой хижине, затерянной среди льдов, в шестистах лье от побережья Северного моря, был настоящий праздник. Позабыли даже о жестоком тридцатиградусном морозе.

Холода стали спадать, когда луна во вторую половину месяца пошла на убыль. Только 17 ноября, то есть через восемь дней после встречи с Луи, можно было выступить в путь. Правда, луны не было на небе, и приходилось идти при свете звезд, но значительно потеплело и даже выпало немного снега.

Перед тем как покинуть эти места, похоронили беднягу Кортруа. С тяжелым чувством совершили зимовщики этот печальный обряд.

Для перевозки провизии Мизон соорудил сани, вытащив доски из стен хижины. Сани тащили поочередно. Жан Корнбют повел отряд по прежнему пути. Во время остановок поспешно разбивали лагерь. Жан Корнбют надеялся разыскать оставленные им склады провизии, которые теперь были бы как нельзя более кстати — ведь приходилось кормить еще четырех человек.

Благодаря счастливой случайности Жан Корнбют нашел сани: они застряли в сугробе недалеко от мыса, возле которого разыгралась катастрофа. Изголодавшиеся собаки сначала изгрызли ременную упряжь, а затем принялись за уложенные в санях продукты. Благодаря этому они уцелели. В санях еще оставалось порядочное количество провизии.

Собак запрягли в сани, и маленький отряд тронулся дальше. Никаких особых происшествий на протяжении дальнейшего пути не было. Но вскоре заметили, что Опик, Андрэ Васлинг и норвежцы держатся особняком и перешептываются между собой. За ними стали

незаметно наблюдать. Поведение их беспокоило Луи Корнбюта и Пенеллана, — дело пахло бунтом.

К седьмому декабря, через тридцать дней после встречи, путники достигли бухты, где зимовал «Юный смельчак».

К своему великому удивлению, они увидали бриг на вершине ледяных глыб, на высоте добрых четырех метров над уровнем моря. В страшной тревоге за товарищей они бросились к судну, но их встретили радостными возгласами Жервик, Тюркбет и Градлен. Все трое были совершенно здоровы, хотя им также пришлось испытать немало напастей.

Страшная буря пронеслась над полярным морем и взломала сковавший его лед. Отколовшиеся льдины взгромодились друг на друга и приподняли корабль.

В первые минуты путешественники не помнили себя от радости. На корабле все было в порядке. Это обещало им хотя и нелегкую, но вполне сносную зимовку. Бриг ничуть не пострадал от давления льдов. С наступлением оттепели зимовщикам предстояло только осторожно спустить его по наклонной плоскости в освобожденную ото льда воду.

Лишь одна печальная новость омрачила радость Жана Корнбюта и его товарищей. Во время ужасной бури склад, построенный из снега на берегу, был разрушен до основания. Ураган разметал все запасы хранившихся на складе продуктов, и не удалось решительно ничего спасти. Услыхав об этом несчастье, Жан и Луи Корнбюты наведались в трюм и в камбуз, чтобы узнать, на что им можно рассчитывать.

Оттепель должна была наступить только в мае, и до этого времени бриг не мог выйти из бухты, где он зимовал. Таким образом предстояло провести среди льдов пять долгих месяцев, в течение которых экипажу, состоявшему теперь из четырнадцати человек, необходимо было чем-то питаться. Произведя подсчет припасов, Жан Корнбют увидел, что, даже если они перейдут на половинный паек, им не хватит продуктов до весны. Все надежды возлагались на охоту.

Из опасения, как бы беда не повторилась, решили больше не складывать продукты на берегу, а оставить

их в трюме. Постели для вновь прибывших устроили в кубрике. Во время отсутствия товарищей Тюркбет, Жервик и Градлен вырубили во льду ступени, по которым без труда можно было взбираться на палубу корабля.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Соперники

Андрэ Васлинг быстро сдружился с норвежскими матросами. Вскоре к ним присоединился и Опик. Они держались обособленно и открыто выражали неудовольствие новыми порядками. Но Луи Корнбют, которому отец передал командование бригам, и не думал мириться с таким положением вещей. Несмотря на совет Мари действовать как можно осторожнее, он заявил, что требует беспрекословного повиновения. Однако дня через два норвежцы захватили ящик с солониной. Луи Корнбют приказал возвратить ящик, но Опик выступил в защиту норвежцев, а Андрэ Васлинг заявил, что они больше не намерены голодать.

Невозможно было им доказать, что капитан действует в общих интересах. Впрочем, они это прекрасно понимали и искали только предлога для мятежа. Пенеллан направился было к норвежцам, но те выхватили ножи; только с помощью Мизона и Тюркбета Пенеллану удалось их обезоружить и отобрать у них ящик с солониной. Андрэ Васлинг и Опик сделали вид, что они тут ни при чем. Но все же Луи Корнбют отозвал помощника в сторону и сказал:

— Андрэ Васлинг, вы негодяй. Мне известно ваше поведение, и я знаю, чего вы добиваетесь. Но я отвечаю за жизнь всего экипажа и собственной рукой убью всякого, кто будет нам вредить.

— Луи Корнбют, — ответил помощник капитана. — Вы можете сколько угодно разыгрывать хозяина, — но знайте, что ни начальников, ни подчиненных здесь больше нет. Здесь распоряжается тот, кто сильнее.

Молодая девушка до сих пор не падала духом

перед лицом опасностей, но эта ненависть, причиной которой была она сама, привела ее в ужас. Даже мужество Луи Корнбюта не могло ее успокоить. Несмотря на открытую вражду, все обедали и ужинали в определенные часы и попрежнему вместе. Пока еще удавалось иногда подстрелить снежного тетерева или полярного зайца, но с наступлением сильных холодов они должны были исчезнуть.

Двадцать второго декабря, в день зимнего солнцестояния, начались морозы. В этот день ртуть в гермометре упала до -35° . Зимовщики начали испытывать сильную боль в ушах, в носу, в голове, ныли конечности. Все погрузились в какое-то оцепенение. Дышать становилось все труднее. В таком состоянии нечего было и думать об охоте или хотя бы о прогулке. Зимовщики неподвижно сидели вокруг чуть теплой печки; стоило от нее отойти, как человек начинал мерзнуть.

Здоровье Жана Корнбюта окончательно расстроилось, и он уже не выходил из своей каюты. Вскоре у него появились все признаки цынги, ноги его покрылись беловатыми пятнами. Молодая девушка была здорова и самоотверженно ухаживала за больными, как сестра милосердия. Добрые моряки благословляли ее.

Первое января было для зимовщиков одним из самых тяжелых дней. Ветер дул с невероятной силой, стоял лютый мороз. Невозможно было выглянуть наружу. Даже самые храбрые и сильные вынуждены были отказаться от сколько-нибудь продолжительных прогулок на палубе, хотя она и была защищена тентом. Жан Корнбют, Жервик и Градлен не поднимались с коек, Опик, Андрэ Васлинг и его сообщники чувствовали себя значительно лучше остальных и бросали свирепые взгляды на слабеющих товарищей. Однажды Луи Корнбют вызвал Пенеллана на палубу и попросил показать ему запасы топлива.

— Уголь мы сожгли давным-давно, — ответил Пенеллан, — а дрова кончаются на днях.

— Если мы не раздобудем топлива, — сказал Луи Корнбют, — мы погибли.

— Единственное, что нам остается, — ответил Пенеллан, — это пустить на топливо все деревянные части корабля, от фальшбортов до самой ватерлинии. В крайнем случае придется разобрать даже весь корпус корабля, а позже построить новый бриг, поменьше.

— Это крайняя мера, — ответил Луи Корнбют. — Мы всегда успеем это сделать, когда наши люди немного поправятся. Но вот что меня удивляет, — добавил он шепотом, — мы быстро теряем силы, а у наших врагов сила с каждым днем все прибавляется.

— Это верно, — согласился Пенеллан. — И если мы не будем следить за ними день и ночь, то дело может кончиться плохо.

— А теперь, — сказал Луи Корнбют, — возьмем топоры и попробуем раздобыть дров.

Несмотря на трескучий мороз, моряки взобрались на носовой фальшборт и срубили все деревянные части, без которых корабль мог обойтись. Вернувшись с новым запасом дров, они растопили печь, и один из зимовщиков остался следить за огнем.

Вскоре Луи Корнбют и его друзья оказались в довольно затруднительном положении. Они не могли доверить своим врагам ни одного, даже самого незначительного дела и обо всем должны были заботиться сами. Силы их быстро падали. Жан Корнбют слег, он жестоко страдал от цынги. Вслед за ним заболели Жервик и Градлен. Если бы не благотворное действие лимонного сока, который им давали в изобилии, несчастные наверняка не выдержали бы этих страданий.

Но пятнадцатого января, когда Луи Корнбют спустился в трюм, чтобы взять несколько лимонов, он остолбенел от изумления: бочонки с лимонами исчезли. Отыскав Пенеллана, он сообщил ему о новом несчастии. Была совершена кража, и виновников нетрудно найти. Теперь Луи Корнбют понял, почему здоровье его врагов ничуть не пошатнулось. Но друзья его так ослабели, что не могли помочь ему вернуть лимоны, от которых зависела их жизнь. В первый раз за все это время Луи Корнбют пришел в отчаяние.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Бедственное положение

Двадцатого января почти никто из зимовщиков не мог встать с постели. Шерстяные одеяла и буйволо-вые шкуры до известной степени защищали их от холода, но стоило высунуть руку из-под одеяла, как начинались такие жестокие боли, что приходилось немедленно прятать ее. Однако, когда Луи Корнбют затопил печь, Пенеллан, Мизон и Андрэ Васлинг встали и подошли к огню. Приготовленный Пенелланом горячий кофе несколько подбодрил моряков. Мари тоже встала и выпила кофе.

Луи Корнбют подошел к постели своего отца. Ноги старого моряка были поражены болезнью, и он лежал почти без движения. С болью в сердце слушал Луи его бессвязное бормотание.

— Луи, — говорил он, — я умираю! О, какая мука! Спаси меня!

Луи Корнбют больше не раздумывал. Он подошел к помощнику капитана и, едва владея собой, спросил:

— Вы знаете, где лимоны, Васлинг?

— Должно быть, в трюме, — ответил тот, ничуть не смущаясь.

— Вы прекрасно знаете, что там их нет, потому что вы их украли.

— Вы здесь хозяин, Луи Корнбют, — насмешливо ответил Андрэ Васлинг. — Вы можете говорить и делать, что вам заблагорассудится.

— Сжальтесь над моим отцом, Васлинг, он умирает. Только вы можете его спасти. Отвечайте же!

— Мне нечего вам сказать, — проговорил Андрэ Васлинг.

— Негодай! — закричал Пенеллан, бросаясь на помощника капитана с ножом в руке.

— Ко мне, друзья! — крикнул в свою очередь Васлинг, пятясь назад.

Опик и норвежские матросы спрыгнули с коек и встали позади него. Мизон, Тюркбет, Пенеллан и Луи

Корнбют приготовились к защите. Пьер Нукэ и Градлен, несмотря на болезнь, пришли к ним на помощь.

— Пока еще вы слишком сильны для нас, — проворчал Андрэ Васлинг. — Мы будем бить только на-верняка.

Моряки до того ослабли, что не решились сразиться с четырьмя негодьями, так как в случае неудачи их ожидала верная гибель.

— Андрэ Васлинг, — мрачно сказал Луи Корнбют, — если мой отец умрет, в его смерти будешь виновен ты, и я убью тебя как собаку.

Андрэ Васлинг и его сообщники молча отошли на другой конец кубрика.

Тем временем топливо кончилось, и Луи Корнбют, несмотря на холод, снова поднялся на палубу и принялся рубить фальшборт. Однако через четверть часа холод заставил его спуститься. Перед тем как войти в кубрик, он взглянул на наружный термометр. Ртуть замерзла. Это означало, что температура воздуха была ниже 42°. Воздух был чист и сух. Ветер дул с севера.

Двадцать шестого января направление ветра изменилось. Теперь он дул с северо-востока. Наружный термометр показывал —35°. Жан Корнбют был в агонии. Сын напрасно старался как-нибудь облегчить его страдания. Однако в тот же день Луи Корнбюту удалось вырвать из рук Андрэ Васлинга лимон. Он набросился на негодяя в ту минуту, когда тот собирался отправить лимон в рот. Андрэ Васлинг и пальцем не шевельнул, чтобы вернуть лимон. Очевидно, он считал, что еще не пришло время действовать.

Лимонный сок несколько помог Жану Корнбюту, но лечение необходимо было продолжать. Молодая девушка на коленях умоляла Андрэ Васлинга дать несколько лимонов, но тот даже ей ничего не ответил. Вскоре Пенеллан услышал, как негодяй говорил своим товарищам:

— Старик протянет недолго. Не лучше обстоит дело с Жервиком, Градленом и Пьером Нукэ. Остальные также слабеют с каждым днем. Скоро все они будут в наших руках.

Луи Корнбют и его друзья решили действовать, пока у них еще оставались какие-то силы. Они понимали, что если не расправятся с негодяями, те непременно их уничтожат.

Между тем температура воздуха немного повысилась, и Луи Корнбют решил выйти наружу. В надежде подстрелить какую-нибудь дичь он захватил ружье. Незаметно он удалился от брига на три с лишним мили, — гораздо дальше, чем предполагал. Это было небезопасно, так как на снегу виднелись следы диких зверей. Однако Луи Корнбюту не хотелось возвращаться без дичи, и он шел все дальше. Вдруг он начал испытывать какое-то неприятное чувство, похожее на дурноту, это было так называемое «головокружение от белизны».

Действительно, куда бы Луи ни бросил взгляд, повсюду он видел только блестящую ледяную равнину. Эта белизна ослепляла капитана, его начинало мутить, он терял ориентацию. Ему казалось, что он сходит с ума. Не понимая, что с ним творится, Луи Корнбют шел вперед. Вскоре ему посчастливилось поднять белую куропатку, и он с увлечением преследовал ее, пока не подстрелил. Чтобы скорее схватить упавшую на снег птицу, Луи Корнбют прыгнул с ледяного холмика и упал на снег. Луи думал, что холмик совсем низенький, а он оказался высотой в десять футов. К счастью, Луи не ушибся, хотя головокружение усилилось после падения. Бессознательно он стал звать на помощь; несколько минут он пролежал на снегу. Наконец он почувствовал, что коченеет от холода, и, опасаясь замерзнуть, с трудом поднялся на ноги.

Внезапно Луи Корнбюту почудился запах горелого жира. Ветер дул со стороны корабля, и, повидимому, запах доносился оттуда. Однако Луи было непонятно, зачем на корабле жгли жир. Во всяком случае, это было чрезвычайно опасно, так как запах горелого жира мог привлечь белых медведей.

Луи Корнбют направился обратно к брига; его волнение вскоре перешло в страх. Ему стало мерещиться, что огромные массы льда на горизонте пришли в движение, и он спрашивал себя, не начинают ли снова ко-

лебаться льды. Некоторые из этих движущихся ледяных глыб очутились между ним и бригам, и ему показалось, что они уже приближаются к кораблю. Луи остановился и стал присматриваться. Им овладел смертельный ужас, когда он понял, что движущиеся ледяные глыбы не что иное, как стадо громадных белых медведей. Случилось то, чего он опасался: животных привлек запах горелого жира. Спрятавшись за ледяным торосом, Луи Корнбют стал наблюдать за зверями. Вскоре трое медведей начали карабкаться на ледяной холм, служивший ложем «Юному смельчаку».

Как видно, на корабле и не подозревали о грозившей опасности. Мучительная тревога сжала сердце Луи. Что предпринять? Как избавиться от страшного врага? Можно ли рассчитывать на помощь Андре Васлинга и его товарищей?.. Пенеллан и все товарищи, полуголодные, полузамерзшие, смогут ли дать отпор свирепым хищникам? Не застигнет ли их врасплох нападение? Все это в одно мгновение пронеслось у него в голове. Тем временем медведи взобрались на возвышение и двинулись к кораблю. Луи вышел из-за тороса, за которым укрывался, и пополз к бригу. Приблизившись, он увидел, что огромные животные рвут тент своими страшными когтями и спрыгивают на палубу. Луи Корнбют хотел было выстрелом предупредить товарищей. Но что, если они выйдут на палубу безоружными! Звери мгновенно растерзают их на клочки! Между тем на корабле, повидимому, и не подозревали о новой опасности.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Белые медведи

После ухода Луи Корнбюта Пенеллан затворил за ним люк и возвратился к печке, у которой дежурил. Остальные улеглись на койки, чтобы хоть немного согреться.

Было шесть часов вечера, и Пенеллан решил заняться приготовлением ужина. Он спустился в трюм за солониной, собираясь бросить ее в кипяток, чтобы она немного оттаяла. Когда он снова поднялся наверх, на его месте сидел Андрэ Васлинг и кипятил в котелке сало.

— Ведь я же сидел здесь раньше вас, — резко сказал Пенеллан. — Почему вы заняли мое место?

— Я готовлю себе ужин, — ответил Андрэ Васлинг.

— Сейчас же уходите, — заявил Пенеллан, — или будет плохо.

— Ничего мне не будет, — ответил Андрэ Васлинг. — Я хочу ужинать, и мне наплевать на вас.

— Вам едва ли придется поужинать, — крикнул Пенеллан, бросаясь на Андрэ Васлинга. Но тот, выхватив нож, закричал:

— Ко мне, норвежцы! Ко мне, Опики!

В один миг его сообщники подоспели к нему. Они были вооружены пистолетами и кинжалами. Как видно, этот маневр был заранее обдуман. Пенеллан бросился на Андрэ Васлинга, который, очевидно, хотел сразиться с ним один на один. Товарищи Васлинга подбежали к койкам, на которых лежали Мизон, Тюркьет и Пьер Нукэ; последний даже не в силах был сопротивляться. Но плотник схватил топор и, прыгнув с койки, ринулся навстречу Опику. Тюркьет ожесточенно дрался с норвежцем Джокки. Жервик и Градлен были в таком тяжелом состоянии, что даже не вполне понимали, что происходит. Херминг живо справился с Пьером Нукэ, всадив ему в бок кинжал, и поспешил на помощь Васлингу, который схватил Пенеллана поперек тела.

В драке кто-то задел котелок с салом, тот опрокинулся, сало упало на раскаленные угли, и помещение мгновенно наполнилось удушливым смрадом. Проснувшаяся Мари с отчаянными воплями бросилась к постели умирающего Жана Корнбюта.

Андрэ Васлинг был слабее Пенеллана и вскоре почувствовал, что рулевой разжимает ему пальцы, пытаясь выхватить кинжал. Противники с такой силой

сжали друг друга, что даже не могли пустить в ход оружие. Васлинг, заметив Херминга, закричал:

— Ко мне, Херминг!

— Ко мне, Мизон! — в свою очередь крикнул Пенеллан.

Но Мизон катался, схватившись с Опиком, который угрожал ему ножом. Топором было не так удобно защищаться, и Мизон с трудом отражал удары противника.

Лилась кровь, слышались стоны и вопли раненых. Тюркьет, сброшенный с койки на пол и раненный ножом в плечо, тщетно пытался выхватить пистолет из-за пояса у Джокки. Противник сдавил его словно железными тисками, и он не мог пошевелиться. На крики Андре Васлинга, прижатого к входной двери, подбежал Херминг. Но в тот миг, когда он собирался вонзить нож в спину бретонца, тот пинком ноги свалил его на пол. Андре Васлингу удалось высвободить правую руку из рук рулевого, однако дверь, на которую он навалился всей своей тяжестью, внезапно выскочила из проема, и Васлинг упал навзничь.

В то же время послышалось свирепое рычание, и на ступеньках трапа показался огромный медведь. Андре Васлинг первый заметил его. Медведь находился от него в каких-нибудь четырех футах, когда грянул выстрел, и раненный или испуганный зверь повернул назад; бросив Пенеллана, Васлинг ринулся вслед за медведем.

Рулевой быстро вставил дверь в проем и осмотрелся. Мизон и Тюркьет, крепко связанные и брошенные в угол, изо всех сил старались освободиться от уз. Пенеллан поспешил было к ним на помощь, но был отброшен норвежцем и Опиком. Силы начали изменять Пенеллану. Навалившись на рулевого, противники так крепко его связали, что он не мог шевелиться. Затем, услышав вопли помощника капитана, они бросились на палубу, решив, что вернулся Луи Корнбют и схватился с Васлингом.

Но Андре Васлинг боролся с медведем, которому успел нанести два удара ножом. Разъяренное чудовище било по воздуху огромными лапами, угрожая

вот-вот схватить Васлинга. Прижатый к фальшборту, помощник капитана считал себя погибшим, как вдруг раздался второй выстрел, и медведь тяжело рухнул на палубу. Подняв голову, Андрэ Васлинг увидел на выбленках фокмачты Луи Корнбюта, в руках у которого было ружье. Пуля пронзила медведю сердце.

Однако ненависть, овладевшая Васлингом, была так велика, что заглушила в нем чувство признательности. Он огляделся по сторонам. Опик с проломленным черепом валялся на палубе. Джокки, вооруженный топором, боролся с медведем, убившим Опика. Раненый зверь яростно отбивался. К носовой части корабля приближался третий медведь.

Но Васлингу было не до него, вместе с Хермингом он бросился на выручку Джокки. Однако медведь уже основательно помял норвежца, и, когда Васлинг и Херминг свалили зверя выстрелами, в лапах у него оказался труп.

— Теперь нас только двое, — сказал Андрэ Васлинг с мрачным и свирепым видом. — Но мы дорого продадим свою жизнь.

Херминг молча зарядил пистолет. Прежде всего нужно было избавиться от третьего медведя. Андрэ Васлинг взглянул на нос корабля, но медведя там уже не было. Подняв глаза, он увидел его на вантах. Медведь карабкался по выбленкам, стараясь добраться до Луи Корнбюта. Андрэ Васлинг тотчас опустил ружье, которое он направил было на животное, и его глаза блеснули жестокой радостью.

— Ага! — закричал он. — Вот кто отомстит за меня!

Однако Луи Корнбют перебрался на фор-марс. Медведь продолжал карабкаться. Он был уже в каких-нибудь шести футах от Луи, когда тот, вскинув ружье, прицелился в зверя. Тогда Андрэ Васлинг в свою очередь поднял ружье и прицелился в Луи, готовясь выстрелить, как только медведь будет убит. Луи Корнбют выстрелил, но, повидимому, пуля не задела медведя. Сделав огромный прыжок, зверь очутился на фор-марсе. Мачта содрогнулась. Андрэ Васлинг вскрикнул от радости.

— Херминг! — крикнул он норвежцу. — Приведи сюда Мари! Приведи мою невесту!

Херминг спустился в кубрик.

Между тем разъяренное животное бросилось на Луи Корнбюта, которому удалось увернуться, спрятавшись за мачту. Лапа чудовища была уже над головой Луи Корнбюта, но тот, схватившись за фордун, соскользнул по нему на палубу; в этот миг у самого его уха просвистела пуля. Андрэ Васлинг выстрелил в него, но промахнулся.

И вот соперники очутились лицом к лицу, в руках у них сверкнули ножи. Этот поединок должен был решить все. Желая в полной мере насладиться местью и заколоть Луи в присутствии его невесты, Андрэ Васлинг лишил себя помощи Херминга и теперь должен был рассчитывать только на себя.

Луи Корнбют и Андрэ Васлинг, вцепившись друг другу в горло, на минуту застыли на месте. Один из них должен был погибнуть. Затем они стали наносить друг другу удары. Брызнула кровь, Андрэ Васлинг попытался свалить противника на палубу, но Луи Корнбют, зная, что, кто падает, тот погибает, во-время схватил его за руку, но при этом выронил кинжал.

В ту же минуту до него донеслись пронзительные вопли. Он узнал голос Мари, которую Херминг тащил на палубу. Ярость придавала силы Луи Корнбюту, и он снова попытался свалить Васлинга. Вдруг оба они очутились в чьих-то могучих объятиях. Медведь, спустившийся в это время с фор-марса, кинулся на них.

Андрэ Васлинг изо всех сил отталкивал медведя. Луи Корнбют почувствовал, как когти чудовища вонзаются ему в грудь. Медведь сдавил их обоих в своих лапах.

— Ко мне, ко мне, Херминг! — громко крикнул помощник капитана.

— Ко мне, Пенеллан! — в свою очередь закричал Луи Корнбют.

На трапе послышались шаги. Появился Пенеллан. Быстро зарядив пистолет, он выстрелил животному в ухо. Взревев от боли, медведь разжал лапы. Луи

Корнбют без сознания упал на палубу. Животное рухнуло на пол, придавив своей тушей злополучного Андрэ Васлинга.

Пенеллан бросился на помощь Луи Корнбюту. К счастью, раны молодого моряка были не опасны, и вскоре его привели в чувство.

— Мари... — прошептал он, открывая глаза.

— Она в безопасности, — ответил рулевой, — а Херминг валяется с распоротым животом.

— А медведи?

— С ними покончено, Луи, — убиты и все наши враги. Но нужно признаться, если б не эти зверюги, нам бы несдобровать. Они спасли нам жизнь! Возблагодарим же судьбу!

Луи Корнбют и Пенеллан спустились вниз, где Мари бросилась им в объятия.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Заключение

Мизон и Тюркьет, которым удалось, наконец, освободиться от уз, перенесли смертельно раненного Херминга на койку. Несчастный уже хрипел, и моряки занялись Пьером Нукэ, раны которого, к счастью, не представляли серьезной опасности.

Однако Луи Корнбюта ожидало большое горе: отец его не подавал признаков жизни. Умер ли он от волнения, опасаясь за участь сына, или еще до того, как разыгралась эта ужасная сцена, — неизвестно. Бедного старика уже не было в живых!

Луи Корнбют и Мари были потрясены этим ударом. Они опустились на колени возле постели умершего и, рыдая, молили всевышнего принять его душу.

Пенеллан, Мизон и Тюркьет оставили их наедине с покойником и поднялись на палубу. Туши медведей перетаскивали на нос корабля. Пенеллан решил сохранить шкуры, которые должны были им очень пригодиться на обратном пути, но ему не пришлось в голову

использовать в пищу мясо медведей. Впрочем, теперь людей стало гораздо меньше. Трупы Андрэ Васлинга, Опики и Джокки были опущены в яму, вырытую на берегу. Вскоре за ними последовало и тело Херминга. Норвежец умер ночью с пеной ярости на губах, не испытывая ни раскаяния, ни угрызений совести.

Затем трое моряков починили тент, разорванный в нескольких местах и пропускавший на палубу снег. Сильные морозы держались до того дня, когда солнце показалось над горизонтом, это было 8 января. Жана Корнбюта похоронили на берегу. Он покинул родину, чтобы разыскать своего сына, и ему пришлось расстаться с жизнью в этой холодной, негостеприимной стране! Его могила находилась на холме, где моряки поставили простой деревянный крест.

Луи Корнбюту и его товарищам суждено было пережить еще немало испытаний; однако лимоны, которые им удалось разыскать, постепенно восстановили их здоровье.

Недели через две после описанных ужасных событий Жервик, Градлен и Пьер Нукэ могли уже подниматься и выполнять легкую работу. Вскоре, с возвращением водяных птиц, охота стала менее трудной. Нередко удавалось подстрелить дикую утку, мясо которой было превосходно на вкус. Охотники очень сожалели о потере двух собак, погибших во время разведки, которую они предприняли в южном направлении, чтобы узнать, на какое расстояние простираются льды.

Начало февраля ознаменовалось сильнейшими бурями и обильными снегопадами. Средняя температура все еще была —25°; впрочем, зимовщики хорошо переносили холод. Солнце с каждым днем поднималось все выше и выше, и в сердце их пробуждалась надежда. И небо сжалось над зимовщиками. Тепло наступило в этом году гораздо раньше, чем обычно. В начале марта зимовщики заметили стаю ворон, круживших над кораблем, а Луи Корнбюту посчастливилось даже поймать несколько журавлей, залетевших слишком далеко на север. На юге нередко виднелись вереницы диких гусей.

Возвращение птиц предвещало скорое потепление. Однако не приходилось этим обольщаться, так как с изменением ветра в периоды новолуния и полнолуния температура внезапно падала, и моряки вынуждены были снова принимать серьезные меры для защиты от холодов. К этому времени был сожжен уже весь фальшборт, несколько внутренних переборок и большая часть верхней палубы. Зимовка подходила к концу. К счастью, в марте температура редко опускалась ниже -16° . Мари занялась изготовлением летней одежды. В этом году лето пришло раньше обычного. И вот наступило равноденствие, солнце перестало скрываться за горизонтом, и начался восьмимесячный полярный день. Лды стали таять.

Теперь нужно было спустить «Юного смельчака» с ледяного ложа на воду. Корабль крепко сидел во льду, и, казалось, разумнее было бы подождать оттепели. Но нижние слои льда, подмываемые более теплыми течениями, постепенно таяли, и бриг стал незаметно опускаться. К началу апреля он оказался уже на воде.

В апреле начались сильные ливни и грозы. Обрушиваясь на ледяные поля, дождь ускорял таяние. Температура поднялась до -10° . Кое-кто из зимовщиков сбросил одежду из тюленьих шкур. Поддерживать огонь в помещении теперь не было необходимости, и спирт, запасы которого еще не иссякли, употребляли только на готовку пищи.

Вскоре с глухим треском начал ломаться лед; трещины образовывались с такой быстротой, что ходить по льду стало небезопасно. Чтобы не угодить в одну из трещин, извивавшихся по всем направлениям, необходимо было ощупывать дорогу палкой. Однажды несколько моряков провалились в трещину, но, к счастью, они отделались только холодной ванной.

Стали охотиться на тюленей, жир которых весьма пригодился.

Теперь зимовщики чувствовали себя превосходно. Усиленно готовились к отплытию и занимались охотой, время проходило незаметно. Луи Корнбют часто сходил с корабля и совершал небольшие раз-

ведки. Изучив очертания южного берега, он решил пройти дальше на юг.

Кое-где уже началось движение льдов. Пловучие льдины направлялись в открытое море. Двадцать пятого апреля корабль был уже готов к отплытию. Паруса прекрасно сохранились в чехлах и не требовали починки. Легко представить, какая радость охватила моряков, когда они увидели, как паруса наполняются ветром. Погрузившись в воду до ватерлинии, корабль вздрогнул; он еще не мог двигаться, но вновь находился в родной стихии.

В мае месяце таяние льдов усилилось. Снег, покрывавший берега, растаял и превратился в густую грязную массу. Из-под снега робко выглянули маленькие розовато-палевые кустики вереска. Казалось, они радостно улыбались бледным лучам полярного солнца. Температура значительно поднялась, было уже несколько градусов тепла.

В двадцати милях от корабля, в южном направлении, льдины уже окончательно отделились друг от друга и устремились в Атлантический океан. Хотя море вокруг корабля еще не совсем очистилось от льда, уже образовались проходы, которыми и хотел воспользоваться Луи Корнбют.

Двадцать первого мая, посетив последний раз могилу отца, Луи Корнбют, наконец, покинул бухту, где они зимовали. На душе у моряков было радостно и в то же время грустно. Ведь никто не может без чувства сожаления покинуть места, где он похоронил друга. Северный ветер надувал паруса. Однако путь часто преграждали обширные ледяные поля, и моряки пускали в ход ледовые пилы. Порой приходилось взрывать ледяные глыбы, встававшие на пути. Целый месяц они боролись с опасностями. Иной раз корабль был на волосок от гибели. Но отважные моряки преодолевали все трудности. Пенеллан, Пьер Нукэ, Тюркьет и Фидель Мизон работали за десятерых. Лицо Мари освещала радостная улыбка.

На широте острова Ян-Майен «Юный смельчак» выбрался из льдов и вышел в открытое море. 25 июня бриг повстречался с кораблями, направлявшимися на

север для охоты на тюленей и китов. Но еще с месяца пришлось бригам плыть по полярным морям.

Шестнадцатого августа с «Юного смельчака» стал уже виден Дюнкерк. Корабль сигнализировал порту флагом. Все население городка собралось на набережной, встречая бриг. Вскоре отважные моряки уже обнимали своих друзей и близких. Старый кюре прижал к сердцу Луи Корнбюта и Мари. Через два дня он отслужил две обедни: первую — за упокой души Жана Корнбюта и вторую — в честь новобрачных, которые после долгих страданий, наконец, соединились в счастливом союзе.

1855 г.

ОПЫТ ДОКТОРА ОКСА

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

*повествующая о том, что бесполезно искать даже на
лучших картах городок Кикандон*

Если вы станете искать на старой или новой карте Фландрии маленький городок Кикандон, то, по всей вероятности, вы его не найдете. Так, значит, Кикандон — исчезнувший город? Ничуть не бывало! Город будущего? Тоже нет. Он существует, вопреки географам, уже добрых восемьсот или девятьсот лет. Он насчитывает две тысячи триста девяносто три души, считая по одной душе на каждого жителя. Он расположен в тринадцати с половиной километрах к северо-западу от Ауденаарде и в пятнадцати с четвертью километров к юго-востоку от Брюгге, в самом сердце Фландрии. Ваар, небольшая речка, впадающая в приток Шельды, протекает под тремя его мостами, на которых, как и в Турнэ, до сих пор сохранилась средневековая кровля. В Кикандоне можно любоваться старым замком, который заложил в 1197 году граф Балдуин, будущий император Константинопольский, ратушей с готическими бойницами и зубчатыми стенами, увенчанной сторожевой башней, высотой в триста пятьдесят семь футов. С этой башни ежедневно разносится мелодичный перезвон часов; это своего рода воздушный рояль, еще более прославленный, чем перезвон в Брюгге. Если бы иностранец ненароком заглянул в Кикандон, он непременно осмотрел

бы зал штатгальтеров, украшенный портретом Вильгельма Нассауского, работы Брандона, амвон церкви св. Маглуара, этот шедевр архитектуры XVI века, колодец из кованого железа посреди площади св. Эрнуфа, восхитительные орнаменты которого исполнены художником-кузнецом Квентином Метсу, гробницу, некогда воздвигнутую для Марии Бургундской, дочери Карла Смелого, почивающей ныне в церкви Божьей Матери в Брюгге, и т. д. Наконец Кикандон славится производством сбитых сливок и леденцов. Это производство уже несколько столетий составляет привилегию фамилии Ван-Трикасс. И все же Кикандон не значится на карте Фландрии! Следует ли это приписать забывчивости географов или намеренному упущению, не могу сказать, но Кикандон существует вполне реально со своими узкими улицами, с поясом укрепления, со старинными испанскими домами, с рынком и с бургомистром. В этом городке и разыгрались не так давно события, удивительные, необычайные, невероятные, но тем не менее истинные, и о них-то и будет подробно рассказано ниже.

О жителях западной Фландрии положительно не скажешь ничего дурного. Это люди добропорядочные, рассудительные, бережливые, радушные, гостеприимные, хотя и несколько отсталых взглядов, и не слишком бойкие на язык, но все это не объясняет, почему один из интереснейших городов на их территории до сих пор не обозначен на географической карте.

О таком упущении можно искренне пожалеть. Если бы только история, или за отсутствием истории хроника, или, наконец, за отсутствием хроники местные предания упоминали о Кикандоне! Но нет, ни атлас, ни путеводители не говорят о нем. Разумеется, такое молчание должно сильно вредить торговле и промышленности этого города. Но поспешим добавить, что в Кикандоне не существует ни торговли, ни промышленности и что городок прекрасно обходится и без них. Сбитые сливки и леденцы поедает местное население, и нет надобности их вывозить. Вдобавок кикандонцы вовсе не нуждаются в иностранцах. Круг их интересов весьма ограничен, и они ведут тихое и

мирное существование, они отличаются спокойствием, умеренностью, хладнокровием, флегматичностью, — словом, это типичные «фламандцы», каких до сих пор еще можно порою встретить в районе между Шельдой и Северным морем.

ГЛАВА ВТОРАЯ,

в которой бургомистр Ван-Трикасс и советник Никлосс беседуют о городских делах

— Вы так думаете? — спросил бургомистр.

— Да, я так думаю, — ответил советник, помолчав несколько минут.

— Но ведь легкомысленные поступки совершенно недопустимы, — продолжал бургомистр.

— Вот уже десять лет как мы обсуждаем этот важный вопрос, — заметил советник Никлосс, — и должен вам сказать, уважаемый Ван-Трикасс, я никак не могу принять решения.

— Я понимаю ваши колебания, — проговорил бургомистр, поразмыслив с четверть часа, — и не только понимаю, но и разделяю их. Благоразумнее всего будет обстоятельно изучить этот вопрос и только тогда уже принимать то или иное решение.

— Без сомнения, — ответил Никлосс, — должность гражданского комиссара совершенно бесполезна в таком спокойном городе, как Кикандон.

— Ваш предшественник, — многозначительно изрек Ван-Трикасс, — ни при каких обстоятельствах не решился бы сказать «без сомнения». Всякое утверждение может быть опровергнуто.

Советник покачал головой в знак согласия, потом умолк на добрых полчаса. Все это время и бургомистр и советник пребывали в полной неподвижности. Наконец Никлосс спросил Ван-Трикасса, не приходила ли его предшественнику — лет этак двадцать тому назад — в голову мысль об упразднении должности гражданского комиссара. Эта должность обходилась

Кикандону в тысячу триста семьдесят пять франков и несколько сантимов в год.

— Конечно, приходила, — ответил бургомистр, с величавой медлительностью поднося руку к своему ясному челу, — но сей достойный муж так и умер, не дерзнув принять решения по данному вопросу, да и вообще не решился провести ни одного административного мероприятия. Это был мудрец. Почему бы и мне не поступать подобно ему?

Советник Никлосс ничего не нашел возразить бургомистру.

— Человек, который умирает, не приняв никакого решения за всю свою жизнь, — важно прибавил Ван-Трикасс, — весьма близок к совершенству, какое только доступно на земле.

Сказав это, бургомистр нажал мизинцем кнопку звонка с приглушенным звуком, и раздался скорее вздох, чем звон. Тотчас же послышались легкие шаги. Казалося, прошлестела мышь, пробежав по толстому ковру. Дверь отворилась, беззвучно поворачиваясь на смазанных петлях. Появилась белокурая девушка с длинными косами. Это была Сюзель Ван-Трикасс, единственная дочь бургомистра. Она подала отцу набитую табаком трубку и маленькую медную жаровню и, не вымолвив ни слова, тотчас же исчезла так же бесшумно, как и вошла.

Достопочтенный бургомистр закурил свою внушительную трубку и вскоре скрылся в облаке голубоватого дыма, а советник Никлосс попрежнему пребывал в глубоком раздумье.

Эти два почтенных лица, облеченных административной властью, беседовали в гостиной бургомистра, стены которой были облицованы темным дубом, покрытым богатой резьбой. Грандиозный камин с огромным очагом, где можно было бы сжечь целый дуб или изжарить быка, занимал всю стену напротив окна с мелким переплетом, расписные стекла которого приятно смягчали дневной свет. Над камином висела картина в старинной раме, приписываемая кисти Гемлинга, портрет пожилого мужчины, одного из предков Ван-Трикасса, родословная которого восходила к

XIV веку, к той эпохе, когда фламандцы во главе с Ги де Дампьером боролись против императора Рудольфа Габсбургского.

Дом бургомистра был очень видным зданием в Кикандоне. Построенный во фламандском вкусе и в то же время со всеми ухищрениями, капризами, неожиданностями и причудами готики, он считался одним из интереснейших зданий города. Там царил вечное безмолвие, как в Картезианском монастыре или в приюте для глухонемых. Ничто не нарушало тишины: здесь не ходили, а скользили, не говорили, а шептались. А ведь в доме жили женщины — супруга бургомистра госпожа Бригитта Ван-Трикасс, его дочь Сюзель Ван-Трикасс и служанка Лотхен Янсен. Нужно упомянуть также о сестре бургомистра, тетушке Эрманс, старой деве, откликавшейся также на имя Татанеманс, данное ей племянницей Сюзелью, когда та была маленькой девочкой. И как это ни странно, все эти женщины жили в мире — ни раздоров, ни шума, ни болтовни: в доме бургомистра царил тишина, как в безлюдной пустыне.

Бургомистру было около пятидесяти лет; его нельзя было назвать ни толстым, ни худощавым, ни высоким, ни приземистым, ни молодым, ни старым, ни румяным, ни бледным, ни веселым, ни печальным, ни благодушным, ни желчным, ни энергичным, ни слабохарактерным, ни гордым, ни смиренным, ни добрым, ни злым, ни щедрым, ни скупым, ни храбрым, ни трусливым — никаких крайностей, умеренность во всем. Но физиономист, глядя на его замедленные движения, на слегка отвисшую нижнюю челюсть, неподвижные веки, гладкий, как медная пластинка, лоб и несколько дряблые мускулы, без труда определил бы, что бургомистр Ван-Трикасс — олицетворение флегмы. Ни разу в жизни гнев и другие страсти не заставляли бурно биться его сердце, на щеках у него никогда не выступали красные пятна; его зрачки никогда не суживались от гнева, хотя бы мимолетного. Он всегда был хорошо одет, платье на нем было ни слишком узкое, ни чересчур просторное, и ему никогда не удавалось износить своей одежды. Он ходил в тяжелых башмаках с

тупыми носками, тройной подошвой и серебряными пряжками, и эта обувь своей прочностью приводила в отчаяние его сапожника. Носил он широкополую шляпу фасона той эпохи, когда Фландрия окончательно отделилась от Голландии, — следовательно, этому почтенному головному убору было около сорока лет. Но это и не удивительно. Известно, что и тело, и душа, и платье быстро изнашиваются, когда человека обуревают страсти, а наш достойный бургомистр, апатичный, невозмутимый, равнодушный, не знал страстей. Он решительно ничего не изнашивал, не изнашивался и сам, и именно потому был вполне подходящим человеком для управления городом Кикандоном и его невозмутимыми обитателями.

Действительно, город был не менее спокоен, чем дом Ван-Трикасса. Именно в этом мирном обиталище бургомистр рассчитывал достигнуть самых преклонных лет и пережить свою добрую супругу Бригитту Ван-Трикасс, которой и в могиле не суждено было вкушать более глубокий покой, чем тот, каким она наслаждалась на земле вот уже шестьдесят лет.

Это требует кое-каких пояснений.

Семейство Ван-Трикасс с полным правом могло бы именоваться «семейством Жанно». И вот почему.

Нож этого господина столь же знаменит, как и его хозяин, и этот предмет можно назвать вечным, так как он постоянно восстанавливается: когда изнашивается ручка, ее заменяют новой, точно так же поступают и с лезвием. Подобная же процедура с незапамятных времен имела место в семействе Ван-Трикассов, и сама природа, казалось, принимала в этом благосклонное участие. Начиная с 1340 года каждый Ван-Трикасс, овдовев, вступал в брак с девицей из рода Ван-Трикасс моложе себя; последняя, овдовев, в свою очередь выходила вторично замуж за одного из Ван-Трикассов моложе себя, который, овдовев... и т. д. без конца. Каждый из них умирал в положенный ему срок с точностью часового механизма. Достойная госпожа Ван-Трикасс была уже за вторым мужем и, как особа добропорядочная, должна была переселиться в лучший мир раньше своего супруга, который был на десять

лет моложе ее, и освободить место новой Ван-Трикасс. На это достопочтенный бургомистр безусловно рассчитывал, ибо вовсе не желал нарушать семейные традиции.

Таков был этот дом, мирный и молчаливый, где двери и полы не скрипели, стекла не дребезжали, замки не шелкали, мебель не издавала треска, флюгера вращались беззвучно, а обитатели производили не больше шума, чем тени. Бог молчания Гарпократ наверное избрал бы эту обитель для храма Безмолвия.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

в которой комиссар Пассоф появляется столь же шумно, сколь и неожиданно

Выше приведенный любопытный разговор советника с бургомистром начался без четверти три пополудни. Было три часа сорок пять минут, когда Ван-Трикасс закурил свою внушительную трубку, вмещавшую четверть фунта табаку, а выкурил он ее только без двадцати пяти шесть.

За это время собеседники не обменялись ни единым словом.

Около шести часов советник, всегда изъяснявшийся обиняками или многозначительными намеками, начал снова:

— Итак, мы принимаем решение ..

— Ничего не решать, — отвечал бургомистр.

— Я думаю, что вы в конце концов правы, Ван-Трикасс.

— Я тоже так думаю, Никлосс. Мы примем решение относительно гражданского комиссара, когда поосновательнее разберемся в этом вопросе... Ведь над нами не каплет...

— Отнюдь, — ответил Никлосс, развертывая носовой платок, которым он обошелся на редкость благопристойно.

Снова наступило молчание, продолжавшееся добрый час. Ничто не нарушало тишины, даже появление домашнего пса, доброго старого Ленто, не менее флегматичного, чем его хозяин, который из вежливости навестил гостиную. Достойный пес! Высокий образец для всего собачьего рода! Он двигался совершенно бесшумно, как если бы был сделан из папье-маше и катился на колесиках.

Около восьми часов вечера, когда Лотхен внесла старинную лампу с матовым стеклом, бургомистр сказал советнику:

— У нас больше нет важных дел, требующих обсуждения, Никлосс?

— Нет, Ван-Трикасс, насколько мне известно, таковых не имеется.

— Но разве мне не говорили, — сказал бургомистр, — что башня Ауденаардскихворот грозит рухнуть?

— Так оно и есть, — ответил советник, — и я, право, не удивлюсь, если она в один прекрасный день кого-нибудь раздавит.

— О! — промолвил бургомистр. — Я надеюсь, что мы успеем во-время принять решение относительно башни, и такого несчастья не произойдет.

— Я тоже надеюсь, Ван-Трикасс.

— Есть и более спешные вопросы.

— Несомненно, — отвечал советник, — например, вопрос о складе кожи.

— А он все еще горит? — спросил бургомистр.

— Горит, вот уже три недели.

— Разве мы не решили на совете, что следует оставить его гореть?

— Да, Ван-Трикасс, по вашему предложению.

— Разве это не самый простой и верный способ справиться с пожаром?

— Без сомнения.

— Ну, хорошо, подождем. Это все?

— Все, — ответил советник, потирая себе лоб, словно стараясь припомнить какое-то важное дело.

— А вам известно, — продолжал бургомистр, — что прорвана плотина и кварталу святого Иакова угрожает наводнение?

— Как же, — отвечал советник. — Какая досада, что плотина не была прорвана выше кожевенного склада! Тогда вода, конечно, залила бы пожар, и это избавило бы нас от всяких хлопот.

— Что поделаешь, Никлосс, — отвечал достойный бургомистр. — Несчастные случаи не подчинены законам логики. Между ними нет никакой связи, и мы не можем воспользоваться одним из них, чтобы устранить другой.

Это глубокомысленное замечание Ван-Трикасса лишь через несколько минут дошло до его собеседника и друга и было им оценено.

— Так-с, — заговорил опять советник Никлосс. — Мы с вами сегодня даже не затронули основного вопроса.

— Основного вопроса? Так у нас имеется основной вопрос? — спросил бургомистр.

— Несомненно. Речь идет об освещении города.

— Ах, да, — отозвался бургомистр. — Если не ошибаюсь, вы имеете в виду проект доктора Окса?

— Вот именно.

— Дело движется, Никлосс, — отвечал бургомистр. — Уже начата прокладка труб, а завод совершенно закончен.

— Может быть, мы немного поспешили с этим делом, — заметил советник, покачав головой.

— Может быть, — ответил бургомистр. — Но наше оправдание в том, что доктор Окс берет на себя все расходы, связанные с этим опытом. Это не будет стоить нам ни гроша.

— Это действительно служит нам извинением. Вдобавок нужно идти в ногу с веком. Если опыт удастся, Кикандон первый из городов Фландрии будет освещен газом окси... Как он называется, этот газ?

— Оксигидрический.

— Ну, пускай себе оксигидрический газ.

В этот момент дверь отворилась, и Лотхен доложила бургомистру, что ужин подан.

Советник Никлосс поднялся, чтобы проститься с Ван-Трикассом, у которого после длительного обсуждения дел и принятия целого ряда важных решений

разыгрался аппетит. Затем они договорились, что в недалеком будущем придется созвать совет именитых людей города, чтобы решить, не принять ли какое-нибудь предварительное решение по неотложному вопросу об Ауденаардской башне.

После этого достойные администраторы направились к выходной двери, бургомистр провожал гостя. На нижней площадке советник зажег маленький фонарик, чтобы пробираться по темным улицам Кикандона, которые еще не были освещены газом доктора Окса. Ночь была темная, был октябрь месяц, и легкий туман окутывал город.

Приготовления советника Никлосса к отбытию потребовали не менее четверти часа, так как, засветив фонарик, он должен был обуться в огромные галоши из воловьей кожи и натянуть на руки толстые перчатки из бараньей кожи; потом он поднял меховой воротник сюртука, нахлобучил шляпу на глаза, вооружился тяжелым зонтиком с загнутой рукояткой и приготовился выйти на улицу.

Но когда Лотхен, светившая своему хозяину, собралась отодвинуть дверной засов, снаружи неожиданно послышался шум.

Да! Как это ни казалось невероятным, шум, настоящий шум, какого город не слыхал со времени взятия крепости испанцами в 1513 году, ужасающий шум разбудил давным-давно уснувшее эхо в старинном доме Ван-Трикасса. В дверь постучали, — в дверь, которая до сих пор еще не испытала ни одного грубого толчка. Удары следовали один за другим, изо всех сил колотили каким-то тупым орудием, очевидно узловатой дубиной. Вперемежку с ударами раздавались крики, отчаянные призывы. Можно было расслышать слова:

— Господин Ван-Трикас! Господин бургомистр! Откройте, откройте поскорей!

Бургомистр и советник, вконец ошеломленные, уставились друг на друга, не говоря ни слова. Это превосходило их воображение. Если бы внезапно выпалила старая замковая пушка, не стрелявшая с 1385 года, и ядро попало в гостиную, обитатели дома Ван-Трикасса едва ли были бы так ошарашены. Да

простит нам читатель это грубое словечко, но оно здесь как нельзя более уместно.

Между тем удары, крики, призывы раздавались с удвоенной силой. Придя в себя, Лотхен отважилась заговорить.

— Кто там? — спросила она.

— Это я! я! я!

— Кто вы?

— Комиссар Пассоф.

Комиссар Пассоф! Тот самый, об упразднении должности которого толковали уже десять лет! Но что же такое произошло? Уж не вторглись ли в город бургундцы, как в XIV веке? Должно было произойти событие не меньшей важности, чтобы взбудоражить комиссара Пассофа, столь же уравновешенного и флегматичного, как и сам бургомистр.

По знаку Ван-Трикасса — сей достойный муж не мог выговорить ни слова — засов был отодвинут, и дверь отворилась.

Комиссар Пассоф ворвался в переднюю, как ураган.

— Что случилось, господин комиссар? — спросила Лотхен, мужественная девушка, ни при каких обстоятельствах не терявшая присутствия духа.

— В чем дело! — повторил Пассоф, круглые глаза которого были расширены от возбуждения. — Дело в том, что я прямо от доктора Окса, у него было собрание, и там...

— Там? — повторил советник.

— Там я был свидетелем таких споров, что... Господин бургомистр, там говорили о политике!

— О политике! — повторил Ван-Трикасс, ероша свой парик.

— О политике, — продолжал комиссар Пассоф. — Этого в Кикандоне не случилось, может быть, уже сто лет. Там начался спор. Адвокат Андрэ Шют и врач Доминик Кустос доспорились до того, что дело может окончиться дуэлью.

— Дуэлью? — вскричал советник. — Дуэль! Дуэль в Кикандоне! Но что же наговорили друг другу адвокат Шют и врач Кустос?

— Вот что, слово в слово: «Господин адвокат, — заявил врач своему противнику, — вы себе слишком много позволяете, не взвешиваете своих слов».

Бургомистр Ван-Трикасс всплеснул руками. Советник побледнел и выронил из рук фонарик. Комиссар покачал головой. Такие вызывающие слова в устах столь почтенных людей!

— Этот врач Кустос, — прошептал Ван-Трикасс, — как видно, опасный человек, горячая голова! Идемте, господа.

И советник Никлосс, комиссар и бургомистр Ван-Трикасс простествовали в гостиную.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,

в которой доктор Окс оказывается первоклассным физиологом и смелым экспериментатором

Кто же такой был человек, носивший столь странное имя? Доктор Окс, без сомнения, был оригиналом, но вместе с тем смелым ученым, физиологом, работы которого известны всем ученым Европы и высоко им ценятся, — счастливый соперник Дэви, Дальтона, Бостока, Менци, Годвина, Фирордта, этих великих людей, поднявших физиологию на неслыханную высоту.

Доктор Окс был мужчина не слишком полный, среднего роста, лет... но мы не можем указать точно ни его возраста, ни национальности. Впрочем, это и неважно. Достаточно знать, что это был странный субъект, с горячей, мятежной кровью, настоящий чудак, словно соскользнувший со страниц Гофмана и представлявший полный контраст обитателям Кикандона. В себя, в свои теории он верил непоколебимо. Этот вечно улыбающийся человек, с высоко поднятой головой и широкими плечами, с походкой свободной и уверенной, с ясным, твердым взглядом, с раздувающимися ноздрями, с крупным ртом, жадно глотающим воздух, производил приятное впечатление. Он был полон жизни, прекрасно владел своим телом и двигался

так быстро, словно в жилах у него была ртуть, а в пятках — иголки. Он не мог ни минуты оставаться спокойным, бурно жестикулировал и рассыпался в торопливых словах.

Значит, он был богат, этот доктор Окс, задумавший на свои средства осветить целый город?

Вероятно, да, если он мог позволить себе такие расходы, — вот все, что мы можем ответить на столь нескромный вопрос.

Доктор Окс прибыл в Кикандон пять месяцев тому назад в сопровождении своего ассистента, Гедена Игена, длинного, сухопарого, тощего, долговязого, но столь же подвижного, как и его начальник.

Спросим теперь: почему это доктору Оксу вздумалось организовать, да еще на свой счет, освещение города? Почему он избрал именно мирных кикандонцев, этих истых фламандцев, и захотел облагодетельствовать их город необычайным освещением? Не намеревался ли он под этим предлогом произвести какой-нибудь крупный физиологический опыт, для каких обычно используют животных? И, наконец, что собирался предпринять этот оригинал? Этого мы не знаем, ибо у доктора Окса не было других поверенных, кроме его ассистента Игена, который слепо ему повиновался.

Как бы там ни было, доктор Окс заявил, что берет осветить город, который в этом весьма нуждался, «особенно ночью», по тонкому замечанию комиссара Пассофа. Итак, был построен завод для производства светильного газа. Газометры были уже установлены, трубы проложены под мостовой, и вскоре должны были загореться газовые рожки в общественных зданиях и даже в частных домах, принадлежащих поклонникам прогресса.

Бургомистр Ван-Трикасс, советник Никлосс и другие знатные люди города, чтобы не уронить своего достоинства, сочли нужным провести новое освещение в свои жилища.

Как, вероятно, помнит читатель, бургомистр и советник упомянули в своей столь затянувшейся беседе о том, что город будет освещен не вульгарным светильным газом, получающимся при перегонке каменного

угля, но новейшим газом, который ярче в двадцать раз, — оксигидрическим газом, образующимся при смешении кислорода с водородом.

Доктор Окс, замечательный химик и искусный физик, умел получать этот газ в больших количествах и без особых затрат, причем он не пользовался марганцевокислым натрием по методу Тессье дю Мотэ, а попросту разлагал слегка подкисленную воду с помощью изобретенной им батареи. Таким образом, ему не требовалось ни дорогих веществ, ни платины, ни реторт, ни горючего, ни сложных аппаратов для выработки того и другого газа в отдельности. Электрический ток проходил сквозь большие чаны, наполненные водой, которая и разлагалась на составные элементы, кислород и водород. Кислород направлялся в одну сторону, водород, которого было вдвое больше, чем его бывшего союзника, — в другую. Оба газа собирались в отдельные резервуары, — существенная предосторожность, так как их смесь, воспламенившись, непременно вызвала бы страшный взрыв. Затем каждый газ в отдельности должен был направляться по трубкам к рожкам, устроенным так, чтобы предотвратить всякую возможность взрыва. Должно было получиться замечательное пламя, не уступающее яркостью электрическому свету, который, как доказывают опыты Кассельмана, равняется свету тысячи ста семидесяти одной свечи.

Конечно, благодаря этому счастливому изобретению Кикандон должен был получить великолепное освещение. Но, как мы увидим из дальнейшего, меньше всего этим интересовались доктор Окс и его ассистент.

На другой день после шумного вторжения комиссара Пассофа в гостиную бургомистра Гедеон Иген и доктор Окс беседовали в рабочем кабинете, находившемся в нижнем этаже главного корпуса завода.

— Ну что, Иген, ну что! — восклицал доктор Окс, потирая руки. — Вы видели их вчера у нас на собрании, этих благодушных невозмутимых кикандонцев, которые в отношении страстей представляют собой нечто среднее между губками и кораллами? Вы видели, как они спорили, как бросили друг другу вызов словами и

жестами! Они уже преобразились физически и морально! А ведь это только начало! Посмотрите, что будет, когда мы вкатим этой публике настоящую дозу!

— Вы правы, учитель, — ответил Гедеон Иген, почесывая пальцем свой острый нос, — первый опыт удался на славу, и не закрой я из осторожности выпускной кран, прямо не знаю, чем бы все это кончилось.

— Вы слышали, что говорили друг другу адвокат Шют и врач Кустос? — продолжал доктор Окс. — В их словах, собственно говоря, не было ничего обидного, но в устах кикандонца они сто́ят всех оскорблений, какими перебрасываются герои Гомера, прежде чем обнажить меч. Ах, эти фламандцы! Вот увидите, что мы из них сделаем в один прекрасный день!

— Неблагодарных скотов, — отвечал Гедеон Иген тоном мудреца, оценившего род человеческий по достоинству.

— Наплевать! — воскликнул доктор. — Пусть себе проявляют неблагодарность, лишь бы наш опыт удался!

— А мы не рискуем, — вернул с лукавой улыбкой ассистент, — возбуждая таким образом их дыхательный аппарат, повредить легкие этим славным жителям Кикандона?

— Тем хуже для них, — ответил доктор Окс. — Это делается в интересах науки. Что было бы, если бы собаки или лягушки вдруг отказались подчиняться опытам?

Весьма возможно, что если бы спросить собак и лягушек, то у этих животных нашлись бы возражения против вивисекции, но доктор Окс был уверен в неоспоримости приведенного им аргумента, и у него вырвался глубокий вздох удовлетворения.

— В конце концов вы правы, учитель, — твердо проговорил Гедеон Иген. — Эти кикандонцы — самый подходящий для нас материал.

— Самый подходящий, — многозначительно сказал доктор.

— Вы проверяли пульс у этих созданий?

— Сто раз.

— Каков же он у них в среднем?

— Меньше пятидесяти ударов в минуту. Подумайте только: город, где за целое столетие не было и тени раздоров, где грузчики не бранятся, кучера не переругиваются, лошади не брыкаются, собаки не кусаются, кошки не царапаются! Город, где суд бездействует весь год напролет! Город, где не ведут горячих споров об искусстве, не препираются из-за деловых вопросов! Город, где жандармы стали мифом, где уже сто лет не составлялось ни одного протокола! Город, где вот уже триста лет не закатили ни одного тумака, ни единой пощечины! Вы понимаете, Иген, что так не может продолжаться, и нам необходимо изменить все это.

— Прекрасно! прекрасно! — восторженно твердил ассистент. — Ну, а воздух этого города? Вы его исследовали?

— Разумеется. Семьдесят девять частей азота и двадцать одна часть кислорода, углекислота и водяные пары в переменных количествах. Это нормальные пропорции.

— Отлично, доктор, отлично, — ответил Иген. — Опыт будет произведен в большом масштабе и будет иметь решающее значение.

— А если он окажется решающим, — прибавил доктор Окс с торжествующим видом, — то мы перевернем весь мир!

ГЛАВА ПЯТАЯ,

в которой бургомистр и советник наносят визит доктору Оксу, и что из этого проистекает

Советник Никлосс и бургомистр Ван-Трикасс, наконец, познали на своем опыте, что такое тревожная ночь. Важное событие, происшедшее в доме доктора Окса, вызвало у них настоящую бессонницу. Какие последствия будет иметь эта история? Следует ли принять какое-нибудь решение? Будут ли вынуждены вмешаться муниципальные власти? Будут ли изданы соот-

ветствующие предписания, дабы предотвратить такого рода скандалы.

Жестокие сомнения так и обуревали этих безвольных людей. Расставаясь поздно вечером, они «решили» встретиться на следующий день.

Итак, на другой день перед обедом бургомистр Ван-Трикасс самолично направился к советнику Никлосу. Друг его уже пришел в равновесие, да и сам он уже успел оправиться от пережитого потрясения.

— Ничего нового? — спросил Ван-Трикасс.

— Решительно ничего, со вчерашнего дня, — ответил Никлосс.

— А врач Доминик Кустос?

— Я ничего не слышал о нем, так же как и об адвокате Шюте.

После разговора, длившегося час, но который можно было бы передать в нескольких словах, советник и бургомистр решили навестить доктора Окса, чтобы незаметно выпытать у него кое-какие подробности происшествия.

Вопреки своему обыкновению, приняв это решение, они захотели выполнить его немедленно и направились к заводу доктора Окса, расположенному за городом, близ Ауденаардских ворот, тех самых, башня которых грозила падением.

Бургомистр и советник шествовали медленным, торжественным шагом, проходя не более тринадцати дюймов в секунду. Впрочем, с такой скоростью ходили все горожане. Никто и никогда еще не видел на улицах Кикандона бегущего человека.

Время от времени на тихом, спокойном перекрестке, на углу мирной улицы, нотабли останавливались, чтобы поздороваться со встречными.

— Добрый день, господин бургомистр, — говорил прохожий.

— Добрый день, друг мой, — отвечал Ван-Трикасс.

— Ничего нового, господин советник? — спрашивал другой.

— Ничего нового, — отвечал Никлосс.

Однако по любопытству, звучавшему в голосе, по вопросительным взглядам можно было догадаться, что

вчерашнее столкновение известно всему городу. Глядя, куда направляется Ван-Трикасс, самые тупые кикандонцы догадывались, что бургомистр собирается предпринять некий важный шаг. Инцидент, разыгравшийся между Кустосом и Шютом, занимал все умы, но никто еще не становился ни на ту, ни на другую сторону. И адвокат и врач пользовались всеобщим уважением. Адвокат Шют, ни разу не выступавший в городе, где суд и присяжные существовали только в памяти старожил, не проиграл ни одного процесса. А врач Кустос был почтенный практик, который, по примеру своих собратьев, излечивал больных от всех болезней, кроме той, от которой они умирали. Досадная привычка, свойственная, впрочем, всем врачам, в какой бы стране они ни практиковали.

Приблизившись к Ауденаардским воротам, советник и бургомистр предусмотрительно сделали небольшой крюк, чтобы не очутиться «в радиусе падения» башни. Зато они внимательно осмотрели ее издали.

— Я думаю, что она упадет, — произнес Ван-Трикасс.

— Я тоже, — ответил Никлосс.

— Если только ее не подопрут, — прибавил Ван-Трикасс. — Но нужно ли ее подпирать? Вот в чем вопрос.

— Да, вот в чем вопрос, — ответил Никлосс.

Через несколько минут они стояли уже у дверей за-
вода.

— Можно видеть доктора Окса? — спросили они.

Доктора Окса всегда можно было видеть отцам города, и их тотчас же ввели в кабинет знаменитого физиолога.

Нотаблям пришлось дожидаться доктора добрый час. Первый раз в жизни бургомистр и советник проявили признаки нетерпения.

Наконец вошел доктор Окс и первым делом извинился, что заставил себя ждать; но ему необходимо было проверить чертеж газометра, установить развилку труб... Впрочем, дело было на полном ходу! Трубопроводы, предназначенные для кислорода, уже проложены. Через несколько месяцев город будет великолепно

освещен; уже можно было видеть трубы, введенные в кабинет доктора.

Засим доктор осведомился, чему обязан удовольствием видеть у себя бургомистра и советника.

— Нам просто захотелось навестить вас, доктор, — отвечал Ван-Трикасс. — Мы так давно вас не видели. Ведь мы редко выходим из дому, рассчитываем каждый свой шаг, каждое движение и так счастливы, когда ничто не нарушает однообразия нашей мирной жизни...

Никлосс с удивлением смотрел на своего друга. Бургомистру еще никогда не случалось так много говорить без передышек и длительных пауз. Ван-Трикасс так и посыпал словами, что было ему совершенно несвойственно, да и сам Никлосс испытывал неодолимую потребность говорить.

Между тем доктор Окс внимательно и лукаво поглядывал на бургомистра.

Ван-Трикасс, который привык разговаривать, прочно расположившись в комфортабельном кресле, внезапно вскочил. Им овладело какое-то нервное возбуждение, столь чуждое его темпераменту. Правда, он еще не жестикулировал, но видно было, что он вот-вот начнет размахивать руками. Советник то и дело потирал себе икры и глубоко вздыхал. У него заблестели глаза, и он «решил», если понадобится, поддержать своего закадычного друга.

Ван-Трикасс поднялся, сделал несколько шагов и остановился перед доктором.

— Когда же, — спросил он слегка возбужденным тоном, — будут закончены ваши работы?

— Месяца через три-четыре, господин бургомистр, — ответил доктор.

— Ой, как долго ждать! — воскликнул Ван-Трикасс.

— Ужасно долго! — подхватил Никлосс; он был не в силах усидеть на месте и тоже вскочил.

— Мы не можем закончить работы раньше этого срока, — возразил доктор. — Ведь кикандонские рабочие не слишком-то проворны.

— Как, вы считаете, что они слишком медленно работают? — вскричал бургомистр, казалось, задетый за живое этими словами.

— Да, господин бургомистр, — твердо ответил доктор. — Один французский рабочий стоит десятерых кикандонцев. Ведь они — истые фламандцы!..

— Фламандцы! — вскричал советник Никлосс, сжимая кулаки. — Что вы хотите этим сказать, милостивый государь?

— Ничего дурного. То, что говорят о них все на свете, — ответил, улыбаясь, доктор.

— Вот как, доктор! — воскликнул Ван-Трикасс, шагавший из угла в угол. — Я не потерплю таких намеков! Да будет вам известно, что наши кикандонские рабочие ничуть не хуже всяких других и ни Париж, ни Лондон нам не указка! Я настоятельно прошу вас ускорить работы, которые вы взяли на себя. Все улицы разрыты для прокладки трубопроводов, и это мешает уличному движению. Это наносит ущерб и торговле. Как бургомистр, я несу ответственность за благоустройство города и вовсе не желаю подвергаться нареканиям.

Достойный бургомистр! Он разглагольствовал о торговле, об уличном движении, и эти непривычные слова непринужденно слетали с его уст! Но что же с ним произошло?

— К тому же, — добавил Никлосс, — городу совершенно необходимо освещение!

— Однако, — возразил доктор, — он обходился без освещения добрых девятьсот лет.

— Что из того, сударь! — продолжал бургомистр, отчеканивая слова. — Времена меняются. Человечество идет вперед, и мы не хотим отставать от всех! Если через месяц улицы не будут освещены, вам придется платить неустойку за каждый просроченный день! А что, если в темноте приключится драка?

— Этого всегда можно опасаться! — воскликнул Никлосс. — Ведь фламандец — настоящий порох! Вспыхивает от любой искры!

— Между прочим, — перебил приятеля бургомистр, — комиссар Пассоф, начальник полиции, сооб-

шил нам, что вчера вечером у вас в доме произошел спор. Правда ли, что спорили о политике?

— Так оно и было, господин бургомистр, — отвечал доктор Окс, с трудом сдерживая улыбку.

— И у врача Доминика Кустоса произошло столкновение с адвокатом Андрэ Шютом?

— Да, господин советник, но, к счастью, дело обошлось без оскорблений.

— Без оскорблений? — вскричал бургомистр. — Разве это не оскорбление, когда один заявляет другому, что тот не взвешивает своих слов! Да у вас рыба кровь, доктор! Разве вы не знаете, что в Кикандоне нельзя безнаказанно произнести такие слова? Попробуйте только сказать это мне...

— Или мне! — вставил советник Никлосс.

С этими словами нотабли, взъерошенные и багровые от гнева, скрестив руки на груди, уставились на доктора Окса; казалось, они вот-вот ринутся на него.

Но доктор и глазом не сморгнул.

— Во всяком случае, сударь, — продолжал бургомистр, — вы отвечаете за то, что творится у вас в доме. Я несу ответственность за этот город и не позволю нарушать общественное спокойствие. Инциденты вроде вчерашнего не должны повторяться, иначе я буду вынужден принять самые крутые меры. Вы слышали? Отвечайте же, сударь!

Бургомистр, охваченный необычайным возбуждением, все больше повышал голос. Достойный Ван-Трикасс был прямо вне себя и говорил так громко, что его было слышно даже на улице. Наконец, видя, что доктор не отвечает на его вызовы, он яростно крикнул:

— Идемте, Никлосс!

И, хлопнув изо всех сил дверью, так, что весь дом затрясся, бургомистр вышел, увлекая за собой советника.

Пройдя шагов двадцать, достойные друзья начали успокаиваться. Теперь они уже двигались медленнее, походка их стала более размеренной. Погас багровый румянец, заливавший их щеки, и лицо их приобрело обычную розовую окраску.

Через четверть часа после того, как они покинули завод, Ван-Трикасс мягко заметил:

— Какой приятный человек этот доктор Окс! Видеть его — истинное удовольствие!

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

где Франц Никлосс и Сюэль Ван-Трикасс строят кое-какие планы на будущее

Читателю известно, что у бургомистра была дочь Сюэль; но даже самый проникательный из читателей не мог бы догадаться, что у советника Никлосса имелся сын Франц. А если бы читатель и догадался об этом, то едва ли ему пришлось бы в голову, что Франц обручен с Сюэль. А между тем эти молодые люди, казалось, были созданы один для другого и любили друг друга, как любят в Кикандоне.

Не следует думать, что в этом необычайном городе молодые сердца вовсе не бились: нет, они бились, но достаточно медленно. Там женились и выходили замуж, как и во всех других городах, но совершали это не торопясь. Будущие супруги, прежде чем связать себя нерушимыми узами, хотели изучить друг друга, и это изучение продолжалось не менее десяти лет, как обучение в коллеже. Редко-редко свадьба совершалась раньше этого срока.

Да, десять лет! Десять лет ухаживания! Но разве это так уж долго, если речь идет о союзе на всю жизнь? Нужно обучаться десять лет, чтобы стать инженером или врачом, адвокатом или советником, и разве можно в меньший срок приобрести познания, необходимые для каждого супруга? Это никому не под силу, и нам думается, что кикандонцы поступают весьма разумно, так долго и обстоятельно занимаясь взаимным изучением. Как увидишь, что в других городах, где царит распушенность, браки заключаются в несколько месяцев, так пожмешь плечами и отправишь своих детей в Кикандон, чтобы сыновья обучались в местном коллеже, а дочери — в пансионе.

За последние пятьдесят лет только один брак был заключен в два года, да и тот едва не оказался несчастным.

Итак, Франц Никлосс любил Сюэль Ван-Трикасс, но любил спокойно, как любят, зная, что любимая станет твоей через десять лет. Раз в неделю, в условленный час, Франц приходил за Сюэль и уводил ее на берег Ваара. Молодой человек брал с собою удочки, а Сюэль никогда не забывала захватить канву, на которой под ее хорошенькими пальчиками возникали фантастические цветы.

Нужно сказать, что Францу было двадцать два года и на щеках у него пробивался легкий пушок, как на спелом персике, а голос только что перестал ломаться.

У Сюэль были белокурые косы и розовые щеки. Ей минуло семнадцать лет, и она не питала отвращения к рыбной ловле. Странное это занятие, когда приходится состязаться в хитрости с уклейкой! Но Францу оно нравилось, ибо соответствовало его темпераменту. Он отличался невероятным терпением и любил следить мечтательным взглядом за колеблющимся поплавком. Он умел ждать, и когда, после шестичасового ожидания, какая-нибудь скромная уклейка, сжалившись над ним, позволяла себя поймать, он был искренне счастлив, но умел сдерживать свою радость.

В этот день будущие супруги сидели рядышком на зеленом берегу. У их ног протекал, журча, прозрачный Ваар. Сюэль безмятежно вкалывала иглу в канву. Франц машинально водил удочкой слева направо, потом снова пускал ее по течению, справа налево. Уклейки водили в воде причудливые хороводы, сновали вокруг поплавка, а между тем крючок бесплодно скитался в речной глубине.

— Кажется, клюет, Сюэль, — время от времени говорил Франц, не поднимая глаз на молодую девушку.

— Вы так думаете, Франц? — отвечала Сюэль, отрываясь на миг от рукоделия и следя глазами за удочкой своего жениха.

— Нет, нет, — продолжал Франц. — Мне только показалось, я ошибся.

— Ничего, Франц, клюнет, — утешала его Сюзель своим ясным, нежным голоском. — Но не забывайте во-время подсечь. Вы всегда запаздываете на несколько секунд, и уклейка успевает сорваться.

— Хотите взять удочку, Сюзель?

— С удовольствием, Франц.

— Тогда дайте мне вашу канву. Посмотрим, может быть я лучше управлюсь с иглой, чем с удочкой.

И девушка брала дрожащей рукой удочку, а молодой человек продевал иглу в клетки канвы. Так сидели они, обмениваясь нежными словами, и сердца у них трепетали, когда поплавок вздрагивал. Восхитительные, незабываемые часы! Как отрадно было, сидя рядышком, слушать журчанье реки!

Солнце уже заходило, но, несмотря на объединенные усилия высокоодаренных Франца и Сюзели, ни одна рыбка так и не клюнула. Уклейки оказались безжалостными и прямо издевались над молодыми людьми, которые ничуть не сердились на них за это.

— В другой раз мы будем удачливее, Франц, — сказала Сюзель, когда молодой рыболов вколол петронутый крючок в еловую дощечку.

— Будем надеяться, Сюзель, — ответил Франц.

Затем они направились домой, безмолвные, как тени, которые плыли перед ними, постепенно удлиняясь. Сюзель не узнавала себя, такой длинной была ее тень. А силуэт Франца был узким, как тонкая удочка, которую он нес на плече.

Молодые люди подошли к дому бургомистра. Блестящие булыжники были окаймлены пучками зеленой травы, которую никто не выпалывал, так как она устилала улицу ковром и смягчала звук шагов.

В тот момент, когда дверь отворялась, Франц счел нужным сказать своей невесте:

— Вы знаете, Сюзель, великий день приближается.

— В самом деле, приближается, Франц, — ответила девушка, опуская длинные ресницы.

— Да, — продолжал Франц, — через пять или шесть лет...

— До свиданья, Франц, — сказала Сюзель.

— До свиданья, Сюэль, — ответил Франц.

И когда дверь затворилась, молодой человек направился ровным, спокойным шагом к дому советника Никлосса.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ,

*в которой andante превращается в allegro, а allegro
в vivace*¹

Волнение, вызванное столкновением адвоката Шюта с врачом Кустосом, постепенно улеглось. Дело так и осталось без последствий. Можно было надеяться, что в Кикандоне, ненадолго взбудораженном странным происшествием, вновь водворится невозмутимый покой.

Тем временем работы по проводке оксигидрического газа в главнейшие здания города шли полным ходом. Под мостовой спешно прокладывались трубы. Но рожков еще не было, ибо изготовить их было не так-то просто, пришлось их заказывать за границей. Казалось, доктор Окс был вездесущим, он и его ассистент Иген не теряли ни минуты, они подгоняли рабочих, устанавливали тонкие механизмы газометров, день и ночь наблюдали за гигантскими батареями, где под действием мощного электрического тока разлагалась на составные элементы вода. Да, доктор уже выработывал свой газ, хотя проводка еще не была закончена, — это, между нами говоря, было несколько странным. Но можно было надеяться, что в недалеком будущем доктор Окс продемонстрирует свое великолепное освещение в городском театре.

Да, в Кикандоне имелся театр, прекрасное здание самой причудливой архитектуры, где представлены были все стили — и византийский, и романский, и готический, и ренессанс, там были двери в виде арок, стрельчатые окна, стены украшены причудливыми розетками, крыша увенчана фантастическими шпи-

¹ Andante — средний по скорости темп; allegro — быстрый темп; vivace — очень быстрый темп (итал.).

лями, — словом, невообразимое смешение, что-то среднее между Парфеноном и Большим Кафе в Париже. Но в этом нет ничего удивительного, ибо, начатый в 1175 году при бургомистре Людвиге Ван-Трикассе, театр был закончен лишь в 1837 году при бургомистре Наталисе Ван-Трикассе. Строился он добрых семьдесят лет и последовательно приспосаблился к архитектурной моде целого рода эпох. Тем не менее это было прекрасное здание, и его романские колонны и византийские своды не должны были особенно противоречить новейшему газовому освещению.

В кикандонском театре исполняли все что угодно, но чаще всего оперы. Но, по правде сказать, ни один композитор не узнал бы своего произведения, до того все темпы были изменены.

Жизнь медленно текла в Кикандоне, и, естественно, драматические произведения должны были применяться к темпераменту его обитателей. Хотя двери театра обычно открывались в четыре часа, а закрывались в десять, за эти шесть часов успевали сыграть не более двух актов. «Роберт Дьявол», «Гугеноты» или «Вильгельм Телль», как правило, занимали три вечера, до того медленно исполнялись эти шедевры. «Vivace» в кикандонском театре звучали как настоящие «adagio»¹, а «allegro» тянулось до бесконечности. Восьмушка звучала здесь как целая нота. Самые быстрые рулады, пропетые в кикандонском вкусе, смахивали на плавные переливы церковных гимнов. Веселые трели невероятно затягивались в угоду местным любителям. Бурная ария Фигаро в первом акте «Севильского цирюльника» исполнялась в темпе тридцать три метронома и продолжалась пятьдесят восемь минут.

Разумеется, приезжим артистам приходилось применяться к этой моде, но так как им хорошо платили, то они не жаловались и послушно следовали дирижерской палочке, отбивавшей в «allegro» не более восьми ударов в минуту.

Но зато сколько аплодисментов выпадало на долю этих артистов, приводивших в восхищение жителей

¹ Медленно, спокойно (*итал.*).

Кикандона! Зрители все до одного аплодировали, хотя и с порядочными промежутками, а газеты на другой день сообщали, что артист заслужил «бурные аплодисменты»; раз или два здание театра сотрясали оглушительные крики «браво», и зал только потому не рухнул, что в XII столетии на постройки не жалели ни цемента, ни камня.

Впрочем, чтобы не слишком возбуждать восторженных фламандцев, представления давались только раз в неделю. Это давало возможность актерам тщательнее разрабатывать свою роль, а зрителям глубже пережить всю их мастерскую игру.

Так велось в Кикандоне с незапамятных времен. Иностранные артисты заключали контракты с директором кикандонского театра, когда им хотелось отдохнуть после выступлений в других театрах, и, казалось, эти обычаи останутся навсегда неизменными. Но вот недели через две после столкновения Шюта с Кустом город был возбужден новым инцидентом.

Была суббота; в этот день всегда давалась опера. На новое освещение еще нельзя было рассчитывать. Правда, трубы были уже проведены в зал, но газовых рожков по вышеупомянутой причине еще не имелось, и горевшие в люстрах свечи попрежнему изливали кроткий свет на многочисленных зрителей. Двери для публики были открыты с часу пополудни, и к четырем часам зал уже был наполовину полон. У билетной кассы образовалась очередь, тянувшаяся через всю площадь св. Эрнуфа до самой лавки аптекаря Жосса Лифринка. Такое скопление публики доказывало, что ожидается недюжинный спектакль.

— Вы идете сегодня в театр? — спросил в это утро бургомистра советник.

— Непременно, — ответил Ван-Трикасс, — и госпожа Ван-Трикасс, и моя дочь Сюзель, и наша милая Татанеманс, — все они обожают серьезную музыку.

— Так мамзель Сюзель будет? — спросил советник.

— Без сомнения, Никлосс.

— Тогда мой сын Франц будет первым в очереди, — ответил Никлосс.

— Ваш сын — пылкий юноша, Никлосс, — важно

изрек бургомистр, — горячая голова! Не мешает за ним присматривать.

— Он влюблен, Ван-Трикасс, влюблен в вашу прелестную Сюзель.

— Ну что ж, Никлосс, он на ней женится. Мы решили заключить этот брак, — так чего же ему еще надо?

— Ему больше ничего не надо! Но все же этот пылкий юноша будет одним из первых в очереди у билетной кассы.

— О, счастливая, пылкая юность! — с улыбкой проговорил бургомистр, охваченный воспоминаниями. — И мы были такими, мой дорогой советник! Мы тоже любили! Мы ухаживали! Итак, до вечера. Кстати, вы знаете, этот Фиоравенти — великий артист. Как восторженно его у нас встретили! Он долго не забудет кикандонских оваций!

Речь шла о знаменитом теноре Фиоравенти, вызывавшем восхищение местных меломанов. Этот виртуоз обладал пленительным голосом и прекрасной манерой петь.

Вот уже три недели Фиоравенти пожинал лавры в «Гугенотах». Первый акт, исполненный в кикандонском вкусе, занял целый вечер. Второй акт, поставленный через неделю, был настоящим триумфом для артиста. Успех еще возрос с третьим актом мейерберовского шедевра. Но самые большие ожидания возлагались на четвертый акт, и его-то и должны были исполнять в этот вечер. О, этот дуэт Рауля и Валентины, этот двухголосый гимн любви, где звучали томные вздохи, где *crescendo* сменялось *stringendo* и переходило в *piu crescendo*¹, этот дуэт, исполнявшийся медленно, бесконечно протяжно. Ах, какое наслаждение!

Итак, в четыре часа зал был полон. Ложи, балкон, партер были битком набиты. В аванложе восседали бургомистр Ван-Трикасс, мамзель Ван-Трикасс, госпожа Ван-Трикасс и добрейшая Татанеманс в салатного цвета чепце. В соседней ложе сидели советник Никлосс и его семейство, в том числе влюбленный Франц. В дру-

¹ *Crescendo* — постепенное увеличение звука; *stringendo* — ускоряя; *piu crescendo* — с нарастающей силой (итал.).

гих ложах можно было увидеть семью врача Кустоса, адвоката Шюта, главного судьи Онорэ Синтакса, директора страхового общества, толстого банкира Коллерта, музыканта-любителя, помешанного на немецкой музыке, сборщика податей Руппа, президента академии Жерома Реша, гражданского комиссара и множество других знатных лиц, перечислять которых мы не будем, дабы не утомлять внимания читателей.

Обычно до поднятия занавеса кикандонцы сидели очень тихо: читали газеты, вполголоса беседовали с соседями, бесшумно разыскивали свои места или бросали равнодушные взгляды на красавиц, занимавших ложи.

Но в этот вечер посторонний наблюдатель заметил бы, что еще до поднятия занавеса в зале царило необычайное оживление. Суетились люди, всегда отличавшиеся крайней медлительностью. Веера дам как-то лихорадочно трепетали. Казалось, все дышали полной грудью. Глаза сверкали, соперничая с огнями люстр, горевшими удивительно ярко. Как жаль, что освещение доктора Окса запоздало!

Наконец оркестр собрался в полном составе. Первая скрипка прошла между пюпитрами, собираясь осторожным «ля» дать тон своим коллегам. Струнные инструменты, духовые инструменты, ударные инструменты настроены. Дирижер, подняв палочку, ожидает звонка.

Звонок прозвенел. Начался четвертый акт. Начальное *allegro appassionato*¹ сыграно, по обыкновению, с величавой медлительностью, от которой великий Мейербер пришел бы в ужас, но кикандонские любители приходят в восторг.

Но вскоре дирижер почувствовал, что он не владеет оркестром. Ему трудно сдерживать музыкантов, всегда таких послушных, таких спокойных. Духовые инструменты стремятся ускорить темп, и их нужно обуздывать твердой рукой, а не то они обгонят струнные и возникнет форменная какофония. Даже бас, сын аптекаря Жосса Лифринка, такой благовоспитанный молодой человек, вот-вот сорвется с цепи.

¹ *Appassionato* — страстное (итал.).

Тем временем Валентина начинает свой речитатив:

Я сегодня одна .

Но и она торопится. Дирижер и музыканты следуют за ней, сами того не замечая. В дверях в глубине сцены появляется Рауль, и с момента встречи влюбленных до того момента, когда она прячет его в соседней комнате, не проходит и четверти часа, а между тем до сего времени в кикандонском театре этот речитатив из тридцати семи тактов всегда продолжался ровно тридцать семь минут.

Сен-Бри, Невер, Каван и представители католической знати появляются на сцене слишком поспешно. На партитуре обозначено «*allergo romposo*»¹, но на сей раз торжественности нет и в помине, сцена заговора и благословения мечей проходит прямо-таки в бурном темпе. Певцы и музыканты уже не знают удержу. Дирижер больше не пытается сдерживать их. Впрочем, публика и не требует этого, напротив: каждый чувствует, что он безумно увлечен, что этот темп отвечает порывам его души.

Готовы ль вы от смут избавить край родной?

На злых еретиков пойдете ль вы за мной?

Обещания, клятвы. Невер едва успевает протестовать и спеть, что «среди предков его есть солдаты, но убийц не бывало вовек», его хватают, он взят под стражу. Вбегают старшины и эшеваны и скороговоркой клянутся «ударить разом». Сен-Бри с разгону берет барьер речитатива, призывая католиков к мщению. В двери врываются три монаха, которые несут корзину с белыми шарфами, они совершенно позабыли, что им надлежит двигаться медленно и величаво. Уже все присутствующие выхватили шпаги и кинжалы, и капуцины одним взмахом благословляют их. Сопрано, тенора, басы приходят в полное неистовство и *allergo furioso*² бурно развивается, драматический речитатив звучит в кадрилином темпе. Наконец заговорщики убегают, вопя:

В полночный час —
Бесшумной толпой!

¹ Быстро и торжественно (итал.).

² Быстро и бурно (итал.).

Господь за нас!
В бой
В полночный час!

Все зрители повскакивали с мест. В ложах, в партере, на галерке волнение. Кажется, вся публика, с бургомистром Ван-Трикассом во главе, готова ринуться на сцену, чтобы присоединиться к заговорщикам и уничтожить гугенотов, чьи религиозные убеждения они, впрочем, разделяют. Аплодисменты, вызовы, крики! Татанеманс, как безумная, размахивает своим чепцом салатного цвета. Лампы разливают жаркий блеск...

Рауль, вместо того чтобы медленно приподнять завесу, срывает ее великолепным жестом и оказывается лицом к лицу с Валентиной.

Наконец-то! Вот он, знаменитый дуэт, но он идет в слишком быстром темпе. Рауль не ждет вопросов Валентины, а Валентина не ждет ответов Рауля. Очаровательная ария: «Близка гибель, уходит время» — превращается в веселенький мотивчик, под который заговорщики произносят клятву в оперетте Оффенбаха. «*Andante amoroso*»: ¹

О, повтори
Слова любви .

превратилось в *vivace furioso* ², и виолончель забывает, что должна вторить голосу певца, как стоит в партитуре. Напрасно Рауль взывает:

О, промолви еще, дорогая,
Сердца сон несказанный продли!

Валентина не может продлить! Чувствуется, что ее пожирает какой-то внутренний огонь. Она берет невероятно высокие ноты, превосходит самое себя. Рауль мечется по сцене, жестикулирует, он пылает страстью.

Раздаются удары колокола. Но какой задыхающийся колокол! Звонарь, очевидно, вышел из себя. Этот ужасающий набат не уступает оркестру.

И наконец ария, завершающая этот замечательный акт: «Этот час роковой я могу ль перенести!..» — раз-

¹ Плавнo и нежно (*итал*)

² Очень быстро и бурно (*итал*).

вивается в темпе *prestissimo*¹ и своей бешеной скоростью напоминает мчащийся экспресс. Вновь раздается набат, Валентина падает без чувств. Рауль выскакивает в окно!..

И во-время. Обезумевший оркестр не в состоянии продолжать. Дирижерская палочка разбита в щепки, с такой силой она ударялась о пюпитр. На скрипках порваны струны, скручены грифы. Войдя в раж, литавщик разбил свои литавры. Контрабасист вскарабкался на свой грандиозный инструмент. Первый флейтист подавился флейтой, гобоист с ожесточением грызет клапаны своего инструмента, у тромбона вырвана трубка, а злополучный трубач тщетно силится вытящить руку, которую глубоко запихнул в недра трубы!

А публика! Публика, запыхавшаяся, разгоряченная, жестикулирует, вопит! У всех покраснели лица, словно их внутри пожирает пламя! У выхода толкотня, давка, мужчины без шляп, женщины без мантилий. В коридорах толкаются, в дверях теснятся, споры, драки! Нет больше властей! Нет бургомистра! Все равны в этот миг дьявольского возбуждения...

А через несколько минут, выйдя на улицу, кикандонцы понемногу успокаиваются и мирно расходятся по домам, смутно вспоминая пережитое волнение.

Четвертый акт «Гугенотов», прежде продолжавшийся целых шесть часов, начался в этот вечер в половине пятого и окончился без двенадцати минут пять.

Он продолжался восемнадцать минут!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ,

в которой старинный, торжественный вальс превращается в бешеный вихрь

Хотя зрители, выйдя из театра, вновь обрели спокойствие и мирно разошлись по домам, все же пережитое волнение давало себя знать, и, усталые, раз-

¹ Самый скорый темп (*итал.*).

битые, как после веселой пирушки, они поспешно улеглись в постели.

На следующий день все смутно вспоминали недавние происшествия. Вскоре обнаружилось, что один потерял в суতোке шляпу, у другого оборвали в свалке полу сюртука. У одной дамы недоставало изящной прюнелевой туфельки, другая лишилась нарядной накидки. Почтенные горожане окончательно опомнились, и теперь им становилось стыдно своего поведения, как будто они принимали участие в какой-то оргии. Они избегали об этом говорить, им даже не хотелось об этом думать.

Но больше всех был смущен и сбит с толку бургомистр Ван-Трикасс. Проснувшись на другое утро, он не мог найти свой парик. Лотхен искала его повсюду. Напрасно. Парик остался на поле битвы. Послать за городским глашатаем? Нет, лучше уж пожертвовать этим украшением, чем становиться посмешищем всего города, ведь он как-никак первое лицо в Кикандоне.

Достойный Ван-Трикасс размышлял обо всем этом, лежа у себя в постели, все тело у него ныло и голова была непривычно тяжела. Ему не хотелось вставать. В это утро мысль его лихорадочно работала, еще ни разу за последние сорок лет ему не случалось так напряженно думать. Почтенный отец города пытался восстановить в памяти все подробности разыгравшихся накануне событий. Он сопоставлял их с фактами, имевшими место не так давно на вечере у доктора Окса. Он старался разгадать, чем вызвана столь странная возбудимость, уже дважды проявлявшаяся у самых почтенных горожан.

«Что же такое происходит? — спрашивал он себя. — Что за мятежный дух овладел моим мирным городом? Уж не сходим ли мы с ума и не придется ли превратить город в огромный госпиталь? Ведь вчера вечером мы все были в театре — советники, судьи, адвокаты, врачи, академики, и решительно все, если память мне не изменяет, были охвачены яростным безумием! Что за колдовство было в этой музыке? Непонятно! Ведь я же ел, не пил ничего, что могло бы так меня возбу-

дить. Вчера за обедом кусок вываренной телятины, несколько ложек шпината с сахаром, взбитые белки и два стаканчика разбавленного пива, которые никак не могли ударить в голову! Нет. Тут есть что-то необъяснимое, и так как я отвечаю за поведение наших горожан, то я должен расследовать это дело».

Однако расследование, предпринятое муниципальным советом, осталось без результатов. Факты были твердо установлены. Впрочем, в городе снова водворилось спокойствие, но премудрые чиновники так и не смогли объяснить этих фактов. Вскоре все позабыли о бурном инциденте. Местные газеты глухо молчали, и в отчете о представлении, появившемся в «Кикандонском вестнике», не было и намека на овладевшую зрителями лихорадку.

Но хотя в Кикандоне вновь воцарилось безмятежное спокойствие и он попрежнему казался типичным фламандским городком, чувствовалось, что характер и темперамент его обитателей как-то странно изменились. Поистине можно было сказать, вместе с врачом Домиником Кустосом, что «у них появились нервы».

Однако следует оговориться, что эти ярко выраженные изменения происходили только в известных условиях: когда кикандонцы расхаживали по улицам и площадям или гуляли на свежем воздухе вдоль берегов Ваара, это были все те же почтенные люди, спокойные и методичные. Таковыми же они оставались и у себя дома, когда одни работали руками, другие головой, а большинство ровно ничего не делало и ни о чем не думало. Они были попрежнему молчаливы, инертны, это была не жизнь, а какое-то прозябание. В доме ни ссор, ни перебранок, сердце бьется ровно, мозг пребывает в состоянии спячки, пульс остается таким же, как в доброе старое время: от пятидесяти до пятидесяти двух ударов в минуту.

Но надо отметить странное, необъяснимое явление, которое озадачило бы самых глубокомысленных физиологов: если в домашнем быту кикандонцев не произошло никаких перемен, то общественная жизнь города резко изменилась.

Стоило кидандонцам собраться в каком-нибудь общественном здании, как «дело портилось», по выражению комиссара Пассофа. На бирже, в ратуше, в академии, на заседаниях совета и на собраниях ученых начиналось какое-то оживление, всеми овладевала странная лихорадка. Через час замечания становились едкими, через два — обсуждение превращалось в спор. Люди начинали горячиться и придирались друг к другу. Даже в церкви верующие не могли хладнокровно слушать проповеди пастора Ван-Стабеля, который метался на кафедре и обличал своих прихожан сурово, как никогда. Кончилось тем, что произошли новые столкновения, более серьезные, чем между врачом Кустосом и адвокатом Шютом, и если не потребовалось вмешательства властей, то лишь потому, что поссорившиеся, вернувшись домой, быстро успокаивались и совершенно забывали о нанесенных другим и полученных ими самими оскорблениях.

Но все эти странности не заставляли задуматься горожан, неспособных к самонаблюдению. Только гражданский комиссар Мишель Пассоф, тот самый, должность которого совет уже тридцать лет как собирався упразднить, обратил внимание, что в обычное время столь спокойные граждане, попадая в общественные места, приходили в крайнее возбуждение, и с тревогой думал о том, что будет, если эта лихорадка охватит и частные дома, если эпидемия, — так именно он выражался, — вспыхнет на улицах города. Тогда конец невозмутимому покою, никто не будет прощать обид, и, охваченные нервным возбуждением, горожане все передерутся между собой.

«Что же тогда с нами будет? — с ужасом спрашивал себя комиссар Пассоф. — Как предотвратить эти вспышки ярости? Как обуздать этих взбудораженных людей? Похоже на то, что моя должность перестанет быть синекурой и совет должен будет удвоить мне жалованье... если только не арестует меня самого... за нарушение общественной тишины и спокойствия».

Не прошло и двух недель после скандального представления «Гугенотов», как опасения комиссара начали

сбиваться. С биржи, из церкви, из театра, из академии, с рынка болезнь проникла в частные дома.

Первые симптомы эпидемии проявились в доме местного богача банкира Коллерта.

Незадолго перед тем ему удалась на славу одна весьма выгодная финансовая операция, и он решил ознаменовать ее балом.

Известно, что представляют собой фламандские празднества, мирные и спокойные, с пивом и сиропами вместо вина. Беседы о погоде, о видах на урожай, о садах, об уходе за цветами, особенно за тюльпанами; время от времени танец, медленный и размеренный, как менуэт; иногда вальс, один из тех немецких вальсов, в которых танцующие не делают и двух оборотов в минуту и держатся друг от друга на почтительном расстоянии, — вот каковы в Кикандоне балы. Там так и не удалось привить польку, переделанную на четыре такта, ибо танцоры вечно отставали от оркестра, в каком бы медленном темпе он ни играл.

Эти мирные сборища, во время которых молодежь чинно и степенно веселилась, проходили без малейших инцидентов. Почему же в этот вечер у банкира Коллерта безобидные сиропы, казалось, превратились в шипучие вина, в искристое шампанское, в пылающий пунш? Почему в разгар празднества всеми приглашенными овладело какое-то непостижимое опьянение? Почему плавный менуэт превратился в безумную тарантеллу? Почему музыканты вдруг ускорили темп? Почему, как и в театре, свечи стали разливать необычный блеск? Почему по залам банкира пронесся электрический ток? Почему пары сближались, кавалеры крепче обнимали дам, а иные из них отваживались на смелые па во время этой пасторали, всегда такой торжественной, такой величавой, такой благопристойной?

Увы! Какой Эдип смог бы ответить на эти вопросы? Комиссар Пассоф, присутствовавший на празднестве, увидал, что гроза приближается, но не мог ее предотвратить, не мог бежать от нее, и ему ударило в голову, как от крепкого вина. Прооснулись инстинкты и дремавшие страсти. Несколько раз он жадно набра-

сывался на лакомства и опустошал подносы, словно только что перенес длительную голодовку.

А вечер становился все оживленнее. Голоса сливались в непрерывное глухое жужжание. Танцевали с огоньком: туфли скользили по паркету с небывалой быстротой. У танцоров разбурянились лица, как у пьяных силенов. Глаза сверкали, как угли. Общее возбуждение достигло апогея.

Когда же расходившиеся музыканты заиграли вальс из «Фрейшютца», то танцующие потеряли голову. Этот типичный немецкий вальс, всегда исполнявшийся в медленном темпе, — о! это был безумный вихрь, бешеный хоровод, которым, казалось, руководил сам Мефистофель, отбивая такт пылающей головней. Потом начался галоп, адский галоп, неудержимый, не знающий преград, бешеный ураган проносился по залам, салонам, передним, по лестницам, от подвалов до чердаков обширного дома, увлекая молодых людей, девиц, отцов, матерей, лиц всех возрастов, любого веса, обоего пола, — и толстого банкира Коллерта, и госпожу Коллерт, и советников, и отцов города, и главного судью, и Никлосса, и госпожу Ван-Трикасс, и бургомистра Ван-Трикасса, и самого комиссара Пассофа, который потом никак не мог вспомнить, с кем вальсировал в эту сумасшедшую ночь.

Но «она» не забыла. И с этого дня она то и дело видела во сне пылкого комиссара, страстно ее обнимающего. Это была прелестная Татанеманс!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ,

в которой доктор Окс и его ассистент Иген обмениваются несколькими словами

— Ну, Иген, как дела?

— Все готово, учитель. Прокладка труб закончена.

— Наконец-то! Итак, мы приступаем к работе в больших масштабах, отныне будем воздействовать на массы!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ,

где повествуется о том, как эпидемия охватила весь город и что из этого последовало

Прошло два-три месяца. Эпидемия заметно усилилась. Из частных домов она проникла на улицы. Город Кикандон стал неузнаваем.

Удивительнее всего было то, что зараза распространилась не только на мир животных, но и на растительный мир.

Обычно не бывает универсальных эпидемий. Те, что поражают человека, щадят животных, те, что поражают животных, щадят растения. Лошади никогда не болеют оспой, а люди — бычьей чумой, овцам не угрожают заболевания картофеля. Но теперь все законы природы, казалось, были нарушены. Изменились не только характер, темперамент, образ мыслей жителей Кикандона, но эпидемия перекинулась на домашних животных, собак и кошек, быков и лошадей, ослов и коз. Даже растения «эмансипировались», если можно так выразиться.

Действительно, в садах, в огородах, в виноградниках можно было наблюдать весьма любопытные явления. Вьющиеся растения распространялись с удивительной быстротой; кусты буйно разрастались; деревья превращались в деревья. Стоило бросить в землю семечко, как из него поднимался зеленый стебелек, который рос не по дням, а по часам. Спаржа достигала двух футов в высоту; артишоки вырастали величиной с дыню, дыни — величиной с тыкву, тыквы достигали неслыханных размеров, смахивая на колокол сторожевой башни, имевший девять футов в поперечнике. Кочаны капусты превращались в кусты, а грибы становились величиной с зонтик.

Фрукты не отставали от овощей. Ягоду клубники можно было одолеть только вдвоем, а грушу — вчетвером. Гроздья винограда не уступали по величине грандиозной грозди на картине Пуссена «Возвращение из Земли обетованной».

То же происходило и с цветами: огромные фиалки разливали в воздухе опьяняющий аромат; гигантские розы блистали ослепительными красками; сирень в несколько дней образовала непроходимую чашу; герань, маргаритки, далии, камелии, рододендроны наводняли аллеи, душили друг друга! Садовники ничего не могли с ними поделать. А тюльпаны, эти великолепные представители семейства лилейных, радость фламандцев, какие волнения они причиняли любителям! Достойный Ван-Бистром однажды чуть не упал в обморок, увидев у себя в саду чудовищный, гигантский тюльпан, в чашечке которого приютилось семейство малиновок!

Весь город сбежался смотреть на этот необычайный цветок, который был назван учеными «*tulipa quiquendonia*» (Кикандонский тюльпан).

Но — увы! — если все эти растения, фрукты и цветы росли на глазах, принимали колоссальные размеры, если они радовали глаз чудесной окраской и разливали упоительный аромат, — они быстро блекли и умирали, сожженные, истощенные, обессиленные.

Такова была судьба и знаменитого тюльпана, который увял, покрасовавшись несколько дней.

То же самое стало вскоре происходить и с домашними животными, от дворового пса до свиньи в хлеву, от канарейки в клетке до индюка на птичьем дворе.

В обычное время эти животные были не менее флегматичны, чем их хозяева. Собаки и кошки скорее прозябали, чем жили, не проявляли ни радости, ни гнева. Хвост у них был неподвижен, словно отлит из бронзы. С незапамятных времен не было слышно ни об укусах, ни о царапинах. Что касается бешеных собак, то их считали чем-то вроде грифов и прочих мифических животных.

Но сколько перемен произошло за эти месяцы! Собаки и кошки начали показывать зубы и когти. Они бросались на людей, и те жестоко их избивали. Впервые на улице Кикандона увидели лошадь, закусившую удила, быка, который ринулся, опустив рога, на своих сородичей, осла, который опрокинулся на спину, задрал ноги и испускал совсем человеческие вопли, и даже

баран отважно оборонялся от мясника, задумавшего превратить его в котлеты!

Бургомистру Ван-Трикассу пришлось предписать строгий надзор за обезумевшими домашними животными, которые становились прямо опасными.

Но, увы, если животные сошли с ума, то и с людьми дело обстояло не лучше. Ни один возраст не был пощажен болезнью.

Дети, до сих пор столь покорные, сделались совершенно невыносимыми, и впервые главный судья Онорэ Синтакс был вынужден выпороть своего отпрыска.

В коллеже произошла настоящая смута, и словари летали по классу, чертя в воздухе причудливые траектории. Учеников невозможно было удержать взаперти. Впрочем, и учителя находились в состоянии крайнего возбуждения и задавали им уроки выше человеческих сил!

Еще одно удивительное явление! Все кикандонцы, до сих пор столь умеренные, питавшиеся главным образом сбитыми сливками, стали теперь форменными обжорами. Обычный режим не удовлетворял их. Желудок становился бездонной бочкой, которую никак не удавалось наполнить. В городе стали потреблять в три раза больше продуктов. Вместо двух раз в день. ели шесть раз. Появились желудочные заболевания. Советник Никлосс испытывал ненасытимый голод. Бургомистр Ван-Трикасс, которого мучила неутолимая жажда, все время находился под хмельком и чуть что приходил в гнев.

Наконец появились и совсем уже тревожные симптомы, и с каждым днем их становилось все больше.

На улицах стали встречаться пьяные, и в числе их весьма почтенные лица.

У врача Доминика Кустоса значительно возросла практика, так как его постоянно вызывали к желудочным больным.

Появились невриты и всевозможные неврозы, — нервная система у жителей Кикандона была вконец расшатана.

Ссоры и столкновения стали самым обыденным явлением на улицах Кикандона, которые еще не так

давно были пустынно, а теперь кишели народом, так как никто не мог усидеть дома.

Пришлось увеличить число полицейских, дабы обуздывать нарушителей порядка.

В одном из общественных зданий теперь помещался полицейский участок, который был день и ночь битком набит провинившимися. Комиссар Пассоф прямо выбивался из сил.

Состоялась скоропалительная свадьба, — случай совершенно небывалый. Да! Сын учителя Руппа женился на дочери местной красавицы Августины де Ровер всего через пятьдесят семь дней после того, как получил ее согласие.

Были решены и другие браки, которые в обычное время обсуждались бы целыми годами. Бургомистр был вне себя, он чувствовал, что его дочь, прелестная Сюэль, ускользает у него из рук.

Очаровательная Татанеманс мечтала о брачном союзе с комиссаром Пассофом. Это сулило ей богатство, почет, блаженство.

В довершение всего — о ужас! — произошла дуэль! Да, дуэль на больших пистолетах, расстояние между барьерами в семьдесят пять шагов, число выстрелов не ограничено! И между кем? Читатели мне не поверят! Между Францем Никлоссом, кротким рыболовом, и молодым Симоном Коллертом, сыном богатого банкира.

Дуэль разыгралась из-за дочери бургомистра, — Симон вспылал к ней любовью и не хотел уступать ее наглому сопернику.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ,

в которой кикандонцы принимают героическое решение

Вот в каком отчаянном положении оказались жители Кикандона. Появились новые идеи. Люди не узнавали друг друга, да и самих себя. Самые мирные буржуа превратились в забияк. За один косой взгляд могли поколотить. Некоторые мужчины отрастили усы,

а самые воинственные победоносно закручивали их кверху.

В таких условиях управлять городом и поддерживать порядок на улицах и в общественных зданиях было крайне трудно, — ведь катастрофа нагрянула так неожиданно. Достойный Ван-Трикасс, этот кроткий, равнодушный человек, не способный принять никакого решения, теперь только и делал, что гневался. Раскаты его голоса так и разносились по дому. Он отдавал по двадцать распоряжений в день, бранил своих подчиненных и готов был сам выполнять свои предписания.

Сколько перемен! Тихий, уютный дом бургомистра, это почтенное фламандское жилище, утратил покой! Какие семейные сцены разыгрывались теперь в нем! Госпожа Ван-Трикасс стала желчной, взбалмошной, сварливой. Правда, мужу иной раз удавалось перекрычать супругу, но заставить ее умолкнуть было невозможно. Эта сердитая дама придиралась решительно ко всему. Все было не по ней! Слуги ничего не делали! Обед вечно запаздывал! Она обвиняла Лотхен и даже Татанеманс, свою золовку, которая теперь на ее придирки довольно энергично огрызалась. Ван-Трикасс обычно заступался за Лотхен. Это выводило из себя его супругу, вызывало попреки, ссоры, нескончаемые сцены.

— Да что же это с нами творится? — восклицал злополучный бургомистр. — Какое пламя нас пожирает? Уж не вселился ли в нас дьявол? Ах, госпожа Ван-Трикасс, госпожа Ван-Трикасс! Вы прямо изводите меня! Кончится тем, что я умру раньше вас, вопреки всем семейным традициям!

Читатель, вероятно, помнит, что Ван-Трикасс должен был овдоветь и вторично жениться, чтобы не нарушить освященного веками порядка.

Между тем всеобщее возбуждение принесло и другие любопытные и примечательные плоды. Необъяснимый нервный подъем стимулировал мозговую деятельность, у многих проявились те или иные способности. Выдвинулись таланты, которые в другое время остались бы незамеченными. Артисты, до сих пор считавшиеся посредственными, явились в новом блеске. В политике и в литературе появились новые

имена. В бесконечных горячих спорах выдвинулись ораторы, с жаром обсуждавшие все современные проблемы и зажигавшие аудиторию, которая всегда готова была воспламениться. Общественное движение развивалось, беспрестанно происходили собрания; в Кикандоне возник клуб и целых двадцать газет, — «Кикандонский страж», «Кикандонский беспартийный», «Кикандонский радикал», «Кикандонский крайний» и другие горячо дебатировали всякие злободневные вопросы.

О чем же они писали? Да обо всем на свете и ни о чем. Об Ауденаардской башне, грозившей упасть: одни хотели ее снести, другие выпрямить; о предписаниях, издаваемых советом, о прочистке русла речушек и сточных труб и о многом другом. И если бы еще эти ярые обличители ограничивались городскими делами! Но нет, увлеченные своим красноречием, они шли дальше и вполне могли накликать на город войну.

В самом деле, уже восемьсот или девятьсот лет кикандонцы лелеяли мечту о мщении, у них был самый что ни на есть настоящий «casus belli»¹, но город хранил его бережно, как некую обветшавшую реликвию.

Вот в чем состоял сей casus belli.

Никому не известно, что Кикандон граничит с городком Виргамен.

В 1135 году, незадолго до отъезда графа Балдуина в крестовый поход, виргаменская корова, принадлежавшая не горожанину, а общине, забрела на территорию Кикандона. Едва ли это несчастное животное успело «разочка три щипнуть травы зеленой, сочной», — но нарушение, злоупотребление, преступление было совершено и надлежащим образом засвидетельствовано в протоколе, ибо в ту эпоху чиновники уже научились писать.

— Мы отомстим в свое время, — сказал Наталис Ван-Трикасс, тридцать второй предшественник теперешнего бургомистра. — Рано или поздно виргаменцы получат по заслугам.

¹ Повод к войне (лат.).

Виргаменцы были предупреждены. Они ждали, что будет дальше, рассчитывая не без оснований, что память об оскорблении со временем изгладится. И действительно, несколько веков они поддерживали добрососедские отношения с весьма похожими на них кикандонцами.

Вероятно, так продолжалось бы и дальше, если бы не странная эпидемия, в результате которой характер кикандонцев резко изменился и в их сердцах проснулась жажда мщения.

В клубе по улице Монстреле пылкий адвокат Шют внезапно поднял этот вопрос и, пустив в ход цветы красноречия и соответствующие метафоры, разжег бурные страсти. Он напомнил о преступлении, об ущербе, нанесенном общине, о том, что народ, «для которого священны его права», не должен считаться с юридической давностью. Он доказал, что оскорбление все еще в силе и рана все еще кровоточит; он напомнил своим слушателям, что виргаменцы имеют обыкновение как-то двусмысленно покачивать головой, выражая этим свое презрение к кикандонцам, он умолял своих соотечественников, которые «по недостатку сознательности», столько веков терпели эту смертельную обиду, заклинал «сынов древнего города» оставить все другие дела и добиться реванша! В заключение он воззвал «к их национальной чести и гордости!»

Эти тирады, столь непривычные для слуха кикандонцев, вызвали неопишуемый восторг, который невозможно передать словами. Все слушатели вскочили с мест, отчаянно размахивали руками и громко кричали, требуя объявления войны. Адвокат Шют еще никогда не имел такого успеха, и надо признать, что он был прямо-таки великолепен.

Бургомистр, советники, все нотабли, присутствовавшие на этом памятном собрании, не в силах были бы сдержать этот всеобщий порыв. Впрочем, они и не пытались этого сделать и вопили, не отставая от остальных.

— На границу! На границу!

А так как граница проходила всего в трех километрах от Кикандона, то виргаменцам грозила серьезная опасность: их могли застигнуть врасплох.

Достопочтенный аптекарь Жосс Лифринк, который лишь один из всей аудитории сохранил рассудок, дерзнул напомнить кикандонцам, что ведь у них нет ни ружей, ни пушек, ни генералов.

Ему ответили, угостив его тумачами, что можно обойтись без генералов, пушек и ружей, что сознание своей правоты и любовь к отечеству обеспечат победу их народу.

Тут взял слово сам бургомистр и произнес великолепную импровизированную речь, в которой с рвением патриота разоблачал людей, под маской осторожности скрывающих свое малодушие.

Казалось, зал вот-вот обрушится от аплодисментов.

Решили проголосовать вопрос о войне.

Все, как один человек, завопили:

— На Виргамен! На Виргамен!

Бургомистр сам взялся вести армию и от имени города обещал устроить генералам, которые вернутся с победой, триумфальный въезд, как это водилось в древнем Риме.

Однако аптекарь Жосс Лифринк был человек упрямый и, не считая себя разбитым, — хотя фактически и был бит, — попробовал снова выступить с возражением. Он напомнил, что в Риме устаивались триумфы лишь те победители, которые изничтожили не менее пяти тысяч врагов.

— Ну и что же? — возбужденно закричали слушатели.

— ...А между тем в виргаменской общине числится лишь три тысячи пятьсот семьдесят пять человек, и никакому генералу не удастся укокошить пять тысяч, если только не убивать одного человека по несколько раз...

Но бедняге не дали кончить. Его избили до полусмерти и вышвырнули за дверь.

— Граждане, — заявил бакалейщик Пульмахер, — что бы там ни болтал этот подлый аптекарь, я самолично берусь убить пять тысяч виргаменцев, если вам угодно принять мои услуги.

— Пять тысяч пятьсот! — крикнул еще более решительный патриот.

— Шесть тысяч шестьсот! — возразил бакалейщик.

— Семь тысяч! — вскричал кондитер с улицы Хемлинг, Жан Орбидек, наживший себе состояние на сбитых сливках.

— Присуждено Орбидеку! — возгласил бургомистр Ван-Трикасс, видя, что больше никто не набавляет.

Таким образом кондитер Жан Орбидек стал главным командующим кикандонскими войсками.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ,

в которой ассистент Иген высказывает разумное мнение, однако отвергнутое доктором Оксом

— Итак, учитель? — спрашивал на другой день ассистент Иген, наливая ведрами раствор серной кислоты в сосуды огромных батарей.

— Итак, — повторил доктор Окс, — разве я не прав?

— Без сомнения, но...

— Но?..

— Не думаете ли вы, что мы зашли слишком далеко и что не следует возбуждать этих бедняг сверх меры?

— Нет! Нет! — вскричал доктор. — Нет! Я доведу дело до конца!

— Как вам угодно, учитель! Во всяком случае, этот опыт кажется мне решающим, и я думаю, уже пора...

— Что пора?

— Закрывать кран.

— Вот еще! — воскликнул доктор Окс. — Попробуйте только, и я задушу вас!

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ,

в которой еще раз доказывается, что с высоты легче господствовать над человеческими слабостями

— Что вы говорите? — обратился бургомистр Ван-Трикасс к советнику Никлосу.

— Я говорю, что война необходима, — твердо ответил советник, — и что пришло время отомстить за нанесенное нам оскорбление.

— Ну, а я, — желчно возразил ему бургомистр, — я утверждаю, что, если жители Кикандона не сумеют защитить свои права, они навлекут на себя вечный позор!

— А я вам заявляю, что мы должны немедленно же двинуть армию на врага.

— Прекрасно, сударь, прекрасно! — ответил Ван-Трикасс. — И вы это говорите мне?

— Да, вам, господин бургомистр, и вам придется выслушать правду, хоть она и колет глаза!

— Сперва выслушайте правду вы, господин советник, — отпарировал Ван-Трикасс, теряя терпение, — хотя вы с ней не слишком в ладу! Да, сударь, да, промедление смерти подобно! Вот уже девятьсот лет, как Кикандон лелеет мечту о реванше, и что бы вы там ни говорили, нравится вам это или нет, мы все равно пойдем на врага!

— Ах, так! — воскликнул в ярости советник Никлосс. — Ну, сударь, мы пойдем и без вас, если вам неохота идти.

— Место бургомистра в первых рядах, сударь!

— Там же и место советника, сударь!

— Вы оскорбляете меня! Вы отказываетесь выполнить мой приказ! — закричал бургомистр, которому казалось, что его кулаки превратились в пушечные снаряды.

— Это вы оскорбляете меня, — ведь вы сомневаетесь в моем патриотизме! — завопил советник Никлосс, занимая оборонительную позицию.

— Я вам говорю, сударь, что кикандонская армия выступит не позже чем через два дня!

— А я вам повторяю, что и сорока восьми часов не пройдет, как мы двинемся на врага!

Нетрудно заметить из этого отрывка разговора, что оба собеседника защищали одно и то же. Оба рвались в бой и спорили только от избытка возбуждения. Никлосс не слушал Ван-Трикасса, Ван-Трикасс не слушал Никлосса. Если бы они отстаивали противоположные мнения, едва ли спор их был бы ожесточеннее. Старые друзья обменивались свирепыми взглядами. Сердце так и прыгало в груди, лицо покраснелось, мускулы

судорожно напряглись, крик переходил в рычание, и видно было, что нотабли готовы броситься друг на друга.

К счастью, в эту минуту раздался бой башенных часов.

— Час настал! — воскликнул бургомистр.

— Какой час? — спросил советник.

— Пора на сторожевую башню!

— Верно. И, нравится вам это или нет, я пойду, сударь!

— Я тоже!

— Идем!

— Идем!

Читатель, пожалуй, подумает, что башня — это место, выбранное ими для дуэли, но дело объяснялось проще. Бургомистр и советник, первые нотабли города, собирались пойти в ратушу, подняться на высокую башню и осмотреть окрестные поля, с тем чтобы избрать наиболее выгодные позиции для войск.

Хотя, по правде сказать, бургомистру и советнику было не о чем спорить, по дороге они не переставали ссориться и осыпать друг друга оскорблениями. Раскаты их голосов разносились по улице; но в таком тоне теперь разговаривали решительно все, их возбуждение казалось вполне естественным, и никто не обращал на них внимания. При таких обстоятельствах на спокойного человека посмотрели бы, как на какое-то чудище.

Когда бургомистр и советник приблизились к башне, они были уже не красными, а смертельно бледными. Этот ужасный спор, где оба отстаивали одно и то же, довел их до бешенства; известно, что бледность указывает на крайнюю степень ярости.

У подножья тесной лестницы произошло бурное столкновение. Кто войдет первым? Кто первый поднимется по ступенькам винтовой лестницы? Справедливость требует сказать, что завязалась драка и советник Никлосс, забывая, сколь многим он обязан своему начальнику, с силой отпихнул Ван-Трикасса и первым устремился вверх по темной лестнице.

Оба поднимались, перепрыгивая через четыре ступеньки и при этом награждая друг друга самыми

обидными эпитетами. Страшно было подумать, что может разыграться на вершине башни, возвышавшейся над мостовой на триста пятьдесят семь футов.

Но противники скоро запыхались и, достигнув восьмидесятой ступеньки, уже еле шли, тяжело дыша.

Может быть, они утомились? Во всяком случае, их гнев уже больше не выражался в бранных словах. Теперь они поднимались молча, и, — странное дело, — казалось, что возбуждение их снижается по мере того, как они поднимаются все выше над городом. На душе становилось спокойнее. Мысли перестали бурлить в мозгу, кипение прекратилось, как в кофейнике, снятом с огня. Почему бы это?

На этот вопрос мы не можем ответить; но, достигнув площадки на высоте двухсот шестидесяти шести футов над уровнем города, противники уселись и взглянули друг на друга без тени гнева.

— Как высоко! — промолвил бургомистр, вытирая платком раскрасневшееся лицо.

— Ужасно высоко! — ответил советник. — Знаете, мы сейчас находимся на четырнадцать футов выше колокольни святого Михаила в Гамбурге?

— Знаю, — не без гордости ответил отец города.

Передохнув, они продолжали восхождение, по временам бросая любопытный взгляд в бойницы, проделанные в стенах. Бургомистр теперь шел впереди, и советник покорно следовал за ним. На триста четвертой ступеньке Ван-Трикасс окончательно выбился из сил, и Никлосс начал тихонько подталкивать его в спину. Бургомистр принимал его услуги и, добравшись, наконец, доверху, благосклонно промолвил:

— Спасибо вам, Никлосс. Я отблагодарю вас за это.

У подножья башни это были дикие звери, готовые растерзать друг друга, на ее вершине они стали опять друзьями.

Погода была превосходная. Сиял майский день. На небе ни облачка. Воздух был чист и прозрачен. Взгляд улавливал мельчайшие предметы на значительном расстоянии. Всего в нескольких милях ослепительно блестели стены Виргамена, виднелись его красные остроконечные крыши и залитые солнцем коло-

кольной. И этот город был обречен на ужасы войны, на пожар и разгром!

Бургомистр и советник уселись рядышком на каменной скамье как два старых друга. Все еще отдуваясь, они оглядывались по сторонам.

— Какая красота! — воскликнул бургомистр, помолчав несколько минут.

— Чудесный вид! — согласился советник — Не правда ли, дорогой Ван-Трикасс, человечество призвано парить высоко в эфире? Разве его удел — пресмыкаться во прахе земном?

— Я согласен с вами, мой добрый Никлосс, — ответил бургомистр. — Вы глубоко правы. Здесь как-то глубже чувствуешь природу. Как легко и свободно дышится! Здесь философ должен созерцать гармонию мироздания! Здесь, высоко над житейской суетой, должны обитать мудрецы!

— Хотите, обойдем вокруг площадки? — предложил советник.

— Что ж, обойдем, — ответил бургомистр.

И друзья, взявшись под руку, стали обходить вокруг площадки. Они шли медленно, лениво перебрасываясь фразами, то и дело останавливаясь, чтобы полюбоваться широким простором.

— Я уже добрых семнадцать лет не поднимался на сторожевую башню, — заметил Ван-Трикасс.

— А я, кажется, ни разу не поднимался, — ответил советник Никлосс, — и жалею об этом: отсюда такой замечательный вид! Посмотрите, друг мой, как красиво извивается между деревьями Ваар!

— А там вдалеке горы Святой Германдад! Как они живописны! Взгляните на эти рощи, как чудесно они обрамляют равнину. Во всем этом чувствуется рука природы. Ах, природа, природа, Никлосс! Может ли человек соперничать с нею?

— Это прямо восхитительно, мой добрый друг, — отвечал советник. — Посмотрите, там, на зеленых лугах, пасутся быки, коровы, овцы...

— А вот и земледельцы направляются на поля! Со всем как аркадские пастухи! Не хватает только волынки!

— А над этой цветущей равниной чудесное синее

небо, без единого облачка! Ах, Никлосс, здесь можно стать поэтом! Знаете, я, право, удивляюсь, как это святой Симеон Столпник не сделался величайшим поэтом в мире.

— Может быть, его столп был недостаточно высок, — заметил советник, кротко улыбаясь.

В этот момент начался кикандонский перезвон. Нежная мелодия колоколов далеко разносилась в прозрачном воздухе.

Друзья пришли в умиление.

— Скажите, друг Никлосс, — задумчиво спросил бургомистр своим невозмутимым голосом, — зачем это мы поднялись на башню?

— В самом деле зачем? — повторил советник. — Мы с вами унеслись в мир мечтаний.

— Зачем мы пришли сюда? — повторил бургомистр.

— Мы пришли, — ответил Никлосс, — подышать чистым воздухом, который не отравлен земными страстями.

— Ну что ж, спустимся вниз, друг Никлосс?

— Спустимся, друг Ван-Трикасс.

Друзья бросили последний взгляд на роскошную панораму, расстилавшуюся перед ними; потом бургомистр, идя впереди, начал спускаться медленным, мерным шагом. Советник следовал за ним на некотором расстоянии. Они дошли до площадки, где отдыхали при восхождении, и стали спускаться дальше.

Через минуту Ван-Трикасс попросил Никлосса уметь шаг; он-де чувствует его у себя за спиной и ему это неприятно.

Очевидно, это было очень неприятно, так как, пройдя еще двадцать ступенек, он приказал советнику остановиться и дать ему пройти немного вперед.

Советник отвечал, что вовсе не намерен стоять на одной ноге ради удовольствия бургомистра, и продолжал продвигаться.

Ван-Трикасс огрызнулся на него.

Советник ядовито намекнул на возраст бургомистра и поздравил его с предстоящим ему в недалеком будущем вторым браком, к которому его обязывают семейные традиции.

Бургомистр буркнул, что это ему даром не пройдет.

Никлосс ответил, что во всяком случае он выйдет первым; и вот на узкой лестнице в глубоком мраке завязалась перебранка.

Они перебрасывались оскорблениями, только и слышалось: «Скотина, неуч!»

— Посмотрим, глупая тварь, — кричал бургомистр, — посмотрим, какую рожу вы скорчите, когда вас погонят на войну!

— Уж конечно, я пойду впереди вас, жалкий дурак! — отвечал Никлосс.

Тут раздались пронзительные крики и шум падающих тел...

Что приключилось? Чем была вызвана такая быстрая смена настроений? Почему эти люди, кроткие, как овечки, на вершине башни, превратились в тигров, спустившись на двести футов?

Услышав шум, башенный сторож отворил нижнюю дверь и увидел, что противники, все в синяках, выпучив глаза, вырывают друг у друга волосы, — к счастью, из париков!

— Я требую удовлетворения! — кричал бургомистр, поднося кулак к носу противника.

— Когда угодно! — прорычал советник Никлосс, яростно топая ногой.

Сторож, находившийся также в крайнем возбуждении, ничуть не удивился этому вызову. Его так и подмывало ввязаться в ссору, но он сдержался и пошел трубить по всему кварталу, что между бургомистром Ван-Трикассом и советником Никлоссом в скором времени состоится дуэль.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ,

в которой дело заходит так далеко, что жители Кикандона, читатели и даже сам автор требуют немедленной развязки

Из этого инцидента мы видим, как велико было возбуждение, охватившее жителей Кикандона. Два старинных друга, самых кротких на свете человека, вдруг

впали в такую ярость! А ведь всего несколько минут назад, на площадке башни, они мирно беседовали, как и подобает друзьям, и предавались лирическим излияниям.

Узнав об этом происшествии, доктор Окс не мог сдерживать своей радости. Он не соглашался с доводами своего ассистента, уверявшего, что дело принимает дурной оборот. Впрочем, они заразились общим настроением и тоже постоянно ссорились.

Но в данный момент на первом месте было дело государственной важности, и приходилось отложить все дуэли, пока не будет разрешен виргаменский вопрос. Никто не имел права безрассудно проливать свою кровь, когда она до последней капли принадлежала находившемуся в опасности отечеству.

В самом деле, ситуация была весьма напряженная, и было поздно отступать.

Бургомистр Ван-Трикасс, при всем своем воинственном пыле, считал, что нельзя нападать на врага без предупреждения. Поэтому он направил в Виргамен полевого сторожа Хоттеринга, который от лица бургомистра потребовал возмещения за ущерб, нанесенный Кикандону в 1135 году.

Виргаменские власти сперва не поняли, в чем дело, и полевого сторожа, несмотря на его официальный сан, весьма вежливо вывели из города.

Тогда Ван-Трикасс послал одного из адъютантов генерала-кондитера, некоего Хильдеверта Шумана, занимавшегося производством леденцов, человека волевого и решительного, который и предъявил виргаменским властям копию протокола, составленного в 1135 году бургомистром Наталисом Ван-Трикассом.

Виргаменские градоправители расхохотались и с адъютантом обошлись точно так же, как и с полевым сторожем.

Тогда бургомистр созвал городских нотаблей. Было написано письмо, красноречивое и внушительное, содержащее ультиматум: провинившимся виргаменцам предоставлялось двадцать четыре часа, чтобы загладить нанесенную кикандонцам обиду.

Письмо отправили, и через несколько часов его принесли назад — оно было изорвано на мелкие клочки. Виргаменцы прекрасно знали, насколько медлительны кикандонцы, и потому послание, ультиматум и угрозы вызывали только смех.

Теперь осталось одно: довериться военному счастью, воззвать к богу войны и по примеру пруссаков напасть на виргаменцев, не дав им вооружиться.

Такое решение было принято на торжественном заседании, зал сотрясаясь от яростных криков, упреков, проклятий. Можно было подумать, что и тут происходит сборище одержимых или буйнопомешанных.

Как только война была объявлена, генерал Жан Орбидек созвал свои войска; население Кикандона, состоявшее из двух тысяч девятисот девяноста трех душ, поставило две тысячи девятьсот девяноста три солдата. Женщины, дети и старики присоединились к взрослым мужчинам. Всякое орудие, тупое или острое, превратилось в оружие. Разыскали все имевшиеся в городе ружья. Их оказалось пять, из них два без курка; ружьями вооружили авангард. Артиллерия состояла из старой замковой кулеврины, захваченной кикандонцами в 1339 году при штурме города Кенца; это была едва ли не первая пушка, упоминаемая в летописи, и из нее не стреляли уже пятьсот лет. Снарядов для кулеврины не оказалось, к счастью для ее прислуги; но предполагалось, что пушка одним своим видом устроит неприятеля. Холодное оружие извлекли из музея древностей, — кремневые топоры, шлемы, палицы, алебарды, копья, бердыши, дротики, рапиры, — а также из частных arsenalov, известных под названием кладовых и кухонь. Отвага, сознание своей правоты, ненависть к иноземцам и жажда мщения должны были заменить (так по крайней мере надеялись полководцы) более совершенное оружие, вроде пулеметов и современных пушек.

Был произведен смотр. Горожане, все как один, явились на зов. Генерал Орбидек плохо держался в седле, а скакун у него был ретивый, — полководец трижды падал с коня на глазах у всей армии, но всякий раз поднимался цел и невредим, что сочли благоприятным предзнаменованием. Бургомистр, советник, граждан-

ский комиссар, главный судья, учитель, банкир, ректор — словом, все городские нотабли возглавляли войска. Ни единой слезы не было пролито матерями, женами, дочерьми. Они не вдохновляли на битву мужей, отцов и братьев, а сами следовали за армией, образуя арьергард, которым командовала супруга бургомистра.

Городской глашатай Жан Мистроль оглушительно протрубил, — армия всколыхнулась и, покинув площадь, с воинственными криками двинулась к Ауденардским воротам.

В тот момент, когда голова колонны вступила в городские ворота, какой-то человек бросился навстречу войску.

— Остановитесь! Остановитесь! Сумасшедшие! — кричал он. — Отмените поход! Дайте мне закрыть кран! Ведь вы не кровопийцы! Вы добрые, мирные граждане! Если вы пришли в такую ярость, то виноват в этом мой учитель, доктор Окс! Это только опыт! Он обманул вас: обещал осветить город оксигидрическим газом, а сам напустил...

Ассистент был вне себя; но ему не удалось договорить. В тот миг, когда тайна должна была слететь с его уст, доктор Окс в неописуемом бешенстве ринулся на беднягу Игена и заткнул ему рот кулаком.

Завязалось форменное сражение. Бургомистр, советник и нотабли, остановившиеся при виде Игена, не помня себя от ярости, накинулись на чужеземцев, не слушая ни того, ни другого. Доктора Окса и его ассистента избили до потери сознания и уже собирались, по приказанию Ван-Трикасса, бросить в тюрьму, как вдруг...

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ,

в которой внезапно наступает развязка

...раздался чудовищный взрыв. Казалось, весь воздух загорелся. Огромное, ослепительное пламя взметнулось, как метеор, под небеса. Случись это ночью,

вспышка была бы видна на расстоянии десяти миль.

Кикандонские воины все до одного повалились наземь, как картонные солдатики. К счастью, жертв не оказалось, ничего, кроме синяков и царапин. Генерал-кондитер, по странной случайности не упавший с коня, отделался только испугом, и вдобавок у него обгорел султан на шлеме.

Что же такое произошло?

Как вскоре стало известно, взорвался газовый завод. Очевидно, в отсутствие директора и его помощника была допущена какая-то оплошность. Находившиеся в различных резервуарах кислород и водород внезапно соединились. Получилась взрывчатая смесь, которая тут же и воспламенилась.

Это событие вскоре изменило все. Но когда кикандонские вояки поднялись на ноги, доктора Окса и ассистента Игена уже не было и в помине, — они исчезли бесследно.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ,

в которой догадливый читатель видит, что он не ошибся, несмотря на все недомолвки автора

После взрыва в Кикандоне тотчас же водворились мир и тишина, и город вернулся к своему прежнему существованию.

После взрыва, который, впрочем, не слишком взволновал население, кикандонцы, сами не зная почему, машинально разошлись по домам — бургомистр под руку с советником, адвокат Шют с врачом Кустосом, Франц Никлосс со своим соперником Симоном Коллертом; шагали размеренно, бесшумно, даже не сознавая, что произошло, позабыв про Виргамен и оставив мечты о реванше. Генерал вернулся к своему ваянию, а его адъютант — к своим леденцам.

В городе вновь воцарился сонный покой, все зажило прежней жизнью — люди, животные и растения, даже башня Ауденаардских ворот, которая после взрыва, —

эти взрывы порой дают удивительные результаты! — заметно выпрямилась.

И с тех пор в Кикандоне нельзя было услышать ни единого выкрика и никто ни о чем не спорил. Прощайте, клубы, политика, тяжбы, полицейские! Место комиссара Пассофа опять сделалось совершенно излишним, и если ему не урезали жалованья, то лишь потому, что бургомистр и советник никак не могли принять решения по этому вопросу. Впрочем, время от времени комиссар, сам того не подозревая, являлся в сновидениях безутешной Татанеманс.

Соперник Франца великодушно уступил прелестную Сюзель ее возлюбленному, который и поспешил на ней жениться — лет через пять или шесть после описанных событий.

Госпожа Ван-Трикасс умерла через десять лет, в надлежащий срок, и бургомистр заключил брак со своей кузиной, девицей Пелажи Ван-Трикасс, на весьма выгодных условиях... для счастливой особы, которая должна была его пережить.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ,

в которой объясняется теория доктора Окса

Что же проделал этот таинственный доктор Окс? Всего лишь фантастический опыт.

Проложив трубы, он наполнил чистейшим кислородом, без единого атома водорода, сперва общественные здания, потом частные жилища и, наконец, выпустил его на улицы Кикандона.

Этот газ, совершенно бесцветный, лишенный запаха, вдыхаемый в большом количестве, вызывает ряд серьезных нарушений в организме. Человек, живущий в атмосфере, перенасыщенной кислородом, приходит в крайнее возбуждение и быстро сгорает.

Но вернувшись в обычную атмосферу, он снова приходит в норму, как это было с советником и бургомистром, когда они поднялись на башню, где им не

приходилось вдыхать кислорода, который остался в нижних слоях атмосферы.

Человек, постоянно вдыхающий этот газ, столь губительный для организма, быстро умирает, подобно тем безумцам, которые предаются всякого рода излишества!

Поэтому остается только порадоваться, что благодетельный взрыв положил конец опасному опыту, уничтожив завод доктора Окса.

В заключение зададим вопрос: неужели же доблесть, мужество, талант, остроумие, воображение — все эти замечательные свойства человеческого духа — обусловлены только кислородом?

Такова теория доктора Окса, но мы вправе не принимать ее, и мы решительно ее отвергаем со всех точек зрения, вопреки фантастическому опыту, которому подвергся почтенный городок Кикандон.

1872 г.

БЛЕФ

Американские нравы

В марте 1863 года я сел на пароход «Кентукки», который курсирует между Нью-Йорком и Олбани.

В это время года особенно оживляются деловые связи между этими двумя городами; впрочем, это самое обычное для Америки явление. Нью-йоркские коммерсанты поддерживают через своих агентов постоянные торговые сношения даже с самыми отдаленными странами и таким образом широко распространяют изделия, доставляемые из стран Старого Света, одновременно вывозя за границу предметы отечественного производства.

Стоя на палубе, я невольно дивился деловому оживлению, царившему на пристани. Со всех сторон сюда стекались путешественники: одни торопили носильщиков, нагруженных всевозможными свертками и чемоданами, другие, как заправские английские туристы, обходились собственными силами, уместив все необходимое в крохотном саквояже. Пассажиры суетились. Каждый спешил занять свое место на борту пакетбота, который был набит до отказа, как это обычно бывает в Америке, где господствует страсть к наживе.

Первые же удары гонга вызвали смятение среди опаздывающих. Пристань накренилась под тяжестью хлынувшей на пакетбот толпы; по большей части это были дельцы, для которых не попасть на пароход значит понести крупные убытки.

Наконец толпа растаяла. Тюки были разложены, и пассажиры разместились. Пламя гудело в топке котла, палуба «Кентукки» содрогалась. Солнце, проглядывая сквозь утренний туман, слегка прогревало мартовский воздух. В такое утро невольно поднимаешь воротник, спрячешь руки в карманы, но все же скажешь: «А погода сегодня будет великолепная».

Поездка моя не носила делового характера, в чемодане имелось все, что только можно пожелать, а голова не была занята никакими коммерческими планами и торговыми расчетами; поэтому я беззаботно предался размышлениям, положившись на волю случая, этого лучшего друга путешественников, который нередко доставляет нам в пути разные удовольствия и развлечения. Внезапно в нескольких шагах от себя я увидел миссис Мелвил, которая мило мне улыбалась.

— Как! Это вы, миссис Мелвил! — воскликнул я с радостным удивлением. — Неужели вы отважились пуститься в опасное плавание и вас не испугала эта толпа на гудзонском пароходе!

— Как видите, мой друг, — ответила она, крепко, на английский манер, пожимая мне руку. — Впрочем, я не одна; меня сопровождает моя добрая старая Арсиноя.

И она указала мне на свою верную негритянку, которая, сидя на тюке шерсти, с нежностью смотрела на госпожу.

— Я не сомневаюсь, что Арсиноя будет вам полезна в пути, миссис Мелвил, — сказал я, — но сочту своим долгом оберегать вас во время этой поездки.

— Если это ваш долг, — ответила она смеясь, — то мне не за что будет вас благодарить. Но вы-то каким образом очутились здесь? Помнится, вы говорили мне, что собираетесь выехать из Нью-Йорка только через несколько дней. Почему же вы вчера не сказали нам, что уезжаете?

— Признаться, вчера я еще не думал о поездке, — ответил я. — Мне вздумалось поехать в Олбани только потому, что гудки пакетбота разбудили меня в шесть утра. Вот вам и объяснение. Проснись я часом позже, возможно, я направился бы в Филадельфию! Но вы-то,

вы, миссис Мелвил! Ведь еще вчера мне казалось, что вы домоседка, каких мало.

— Так оно и есть. Но перед вами сейчас не миссис Мелвил, а старший приказчик Генри Мелвила, нью-йоркского неогцианта и судовладельца, направляющийся в Олбани, чтобы наблюдать за прибытием груза. Вы родились в чересчур цивилизованной стране Старого Света, и вам этого не понять!.. Дела не отпустили сегодня утром моего мужа из Нью-Йорка, и вместо него отправилась я. Уверяю вас, торговые книги от этого не пострадают и подсчеты будут не менее точными.

— Теперь я больше ничему не удивляюсь! — воскликнул я. — Но если бы нечто подобное случилось во Франции, если бы жены вдруг вздумали заниматься делами своих мужей, то и мужья непременно занялись бы делами своих супругов, — стали бы играть на фортепиано, вырезать цветочки для аппликаций и вышивать подтяжки...

— Вы не слишком-то лестно отзываетесь о своих соотечественниках, — засмеявшись, ответила миссис Мелвил.

— Ничуть не бывало! Ведь я готов допустить, что жены вышивают им подтяжки.

В этот момент раздался третий удар гонга. Последние пассажиры ринулись на палубу «Кентукки» под крики матросов, которые, вооружившись длинными баграми, собирались оттолкнуть пароход от пристани.

Я предложил руку миссис Мелвил и отвел ее в сторону, где не было такой толчеи.

— Я дала вам рекомендательное письмо в Олбани... — начала она.

— Ну да. Я готов еще раз поблагодарить вас за него.

— Незачем. Оно вам теперь не понадобится. Ведь я еду к моему отцу, которому и было адресовано это письмо, и, надеюсь, вы разрешите мне не только представить ему вас, но и предложить вам от его имени гостеприимство.

— Выходит, я был прав, — сказал я, — рассчитывая на счастливый случай, который скрасит мне путешествие. А между тем мы с вами могли и не уехать.

— Почему же?

— Какой-то путешественник, один из тех чудаков, которых до открытия Америки можно было встретить только в Англии, пожелал занять «Кентукки» для себя одного.

— Верно, это какой-нибудь знатный индус, путешествующий со свитой слонов и баядерок?

— Вовсе нет. Я присутствовал при споре этого оригинала с капитаном, который так и не пошел ему навстречу, и при этом ни один слон не вмешался в их беседу. Это — жизнерадостный толстяк, и ему попросту не хотелось ехать в давке... Да, впрочем, вот и он! Я узнаю его!.. Видите, к пристани бежит человек, он яростно жестикулирует и надрывается от крика! Он еще может нас задержать, хотя пароход и отчаливает.

Какой-то пассажир среднего роста, с непомерно большой головой, с огненно-рыжими бакенбардами, в длинном сюртуке со стоячим воротником и в высокой широкополой шляпе, подбегал, запыхавшись, к пристани, с которой уже были убраны сходни. Он жестикулировал, бесновался, вопил, не обращая внимания на смех толпы, собравшейся вокруг него:

— Эй, вы, там, на «Кентукки»!.. Тысяча чертей! Мое место заказано, отмечено, оплачено, а меня оставляют на берегу! Черт вас поberi! Капитан, вы будете отвечать перед судом и присяжными!

— Опоздали, так пеняйте на себя! — ответил капитан, поднимаясь на мостик. — Мы должны прибыть в назначенный час, а прилив кончается.

— Черт вас поberi! — снова завопил толстяк. — Я добьюсь того, что с вас взыщут сто тысяч долларов или даже больше в возмещение убытков! Бобби, — крикнул он одному из двух негров, сопровождавших его, — займись-ка ты багажом и беги в гостиницу, а ты, Дакопа, тем временем отвяжи какую-нибудь лодку, чтобы нагнать этот проклятый «Кентукки».

— Бесполезно! — бросил капитан, уже приказавший отдать концы.

— Живей, Дакопа! — заревел толстяк, подгоняя негра.

Чернокожий успел ухватиться за конец каната и быстро прикрутил его к одному из причальных колец

как раз в тот момент, когда канат потянулся за отваливающим пароходом. В ту же минуту настойчивый пассажир прыгнул в лодку и под одобрительные возгласы толпы в несколько взмахов весел достиг трапа «Кентукки». Взобравшись на палубу, он подбежал к капитану и стал бурно с ним объясняться, производя при этом столько шума, как будто кричали сразу десять мужчин и тараторили двадцать кумушек. Убедившись, что ему не удастся вставить ни одного словечка, и видя, что пассажир все равно добился своего, капитан решил прекратить разговор и, взяв рупор, направился к машинному отделению. Но в тот момент, когда капитан собирался дать сигнал к отплытию, толстяк снова подбежал к нему и заголосил:

— А мои ящики, черт вас побери?

— Как, еще и ящики! — возмутился капитан. — Уж не их ли там везут?

Пассажиры начали роптать, — новая задержка вывела их из терпения.

— В чем дело? — закричал настойчивый пассажир. — Разве я не свободный гражданин Соединенных Штатов Америки? Мое имя Огастес Гопкинс, и если оно вам ничего не говорит...

Не знаю, произвело ли это имя должное впечатление на присутствующих, но, как бы там ни было, капитан «Кентукки» был вынужден снова пристать к берегу, чтобы погрузить багаж Огастеса Гопкинса, свободного гражданина Соединенных Штатов Америки.

— Что за странный субъект! — сказал я миссис Мелвил.

— Не более странный, чем его багаж, — ответила она, указывая на приближавшиеся к пристани подводки с двумя громадными ящиками в двадцать футов высотой, покрытыми клеенкой и опутанными целой сетью веревок и узлов. Верх и низ были обозначены красными литерами, а слова: «Осторожно, стекло!» — выведенные огромными буквами, еще издали приводили в трепет служащих пароходной компании, отвечающих за сохранность грузов.

Появление этих чудовищных ящиков вызвало у пассажиров новый прилив негодования, но Гопкинс так

энергично орудовал ногами, руками, головой и глоткой, что его багаж был погружен на палубу, хотя это стоило огромных трудов и заняло немало времени. Наконец «Кентукки» отчалил и пошел вверх по Гудзону, пробираясь среди всевозможных судов, сновавших по реке.

Оба негра Огастеса Гопкинса встали на страже у ящиков своего господина, возбуждавших всеобщее любопытство. Пассажиры все время толпились возле этого поразительного багажа, высказывая самые невероятные предположения, какие способны породить лишь необузданное воображение американцев. Миссис Мелвил, как видно, тоже была сильно заинтригована. Что до меня, то, как и подобает французу, я из всех сил старался казаться совершенно равнодушным.

— Какой вы странный человек! — сказала миссис Мелвил. — Неужели вам не интересно знать, что в этих громадинах? Я прямо-таки сгораю от любопытства.

— Признаюсь, — ответил я, — все это меня мало интересует. При виде этих поразительных сооружений я сделал самое невероятное предположение: либо там спрятан пятиэтажный дом со всеми его обитателями, либо они вовсе пусты. И хотя то и другое одинаково неправдоподобно, я ничуть бы не удивился, если бы одно из моих предположений оправдалось. Впрочем, если вам угодно, я все же попытаюсь что-нибудь разузнать, а потом расскажу вам.

— Пожалуйста, — ответила миссис Мелвил, — а я тем временем проверю свои счета.

Я предоставил своей удивительной спутнице проверять счета. Она делала это с быстротой нью-йоркских банковских кассиров, о которых говорят, что стоит им взглянуть на колонку цифр, как они тут же подведут итог.

Размышляя о причудливой психической организации прелестных американок, отличающихся такой двойственностью, я направился к человеку, привлекавшему все взгляды и служившему предметом всех разговоров.

Хотя колоссальные ящики мешали рудевому следить за фарватером Гудзона, он уверенной рукой управлял пароходом, не заботясь о препятствиях. А ме-

жду тем их было немало, ибо ни одна река Европы, даже Темза, до такой степени не забита судами, как любая река в Соединенных Штатах. В ту пору, когда Франция насчитывала не более двенадцати — тринадцати тысяч судов, когда Англия обладала примерно сорока тысячами, у Соединенных Штатов их было уже шестьдесят тысяч, в том числе две тысячи пароходов, которые бороздили все моря земного шара. Эти цифры дают представление о развитии мировой торговли, и, вникая в них, легко понять, чем вызваны многочисленные несчастные случаи, имеющие место на американских реках.

Правда, все эти катастрофы, столкновения, кораблекрушения ничуть не пугают предприимчивых негоциантов. Более того, они даже на руку страховым компаниям, чьи дела не шли бы в гору, если бы страховые премии не были так высоки. В Америке человек представляет меньше ценности и значения, чем равный ему по весу и объему мешок каменного угля или тюк кофе.

Быть может, американцы по-своему и правы, но я, коренной француз, готов был бы отдать все угольные шахты и кофейные плантации в мире за свою ничем не замечательную особу! Признаться, я испытывал некоторую тревогу, видя, что пароход несется на всех парах по реке, загроможденной судами.

Казалось, Огастес Голкинс не разделял моих опасений. Вероятно, он принадлежал к той породе людей, которые скорее потеряют рассудок, взлетят на воздух, пойдут ко дну, чем упустят выгодную аферу. Во всяком случае, он не обращал ни малейшего внимания на живописные берега Гудзона, быстро пронесившиеся мимо нас. Проплыть от Нью-Йорка, места отправления, до Олбани, места назначения, означало для него только потерять восемнадцать часов драгоценного времени. Ни восхитительные виды, открывавшиеся по берегам реки, ни красиво расположенные городки, ни рощицы, разбросанные то здесь, то там по равнине, как букеты у ног примадонны, ни быстрое течение величественной реки, ни свежая весенняя зелень — ничто не могло отвлечь этого человека от его коммерческих забот.

Он шагал взад и вперед по палубе «Кентукки», бормоча себе под нос какие-то бессвязные фразы; по временам он словно впопыхах присаживался на тюк с товаром и, обшарив свои многочисленные карманы, вытащил пухлый бумажник, набитый всевозможными деловыми бумагами. Мне пришло в голову: уж не нарочно ли он выставляет напоказ всю эту деловую переписку? Мне даже показалось, что он с каким-то наигранным рвением перебирает свою огромную корреспонденцию, пробегая глазами убогие строчки писем, помеченных названиями разных городов и стран, проштемпелеванных почтовыми конторами всего мира.

Поэтому я никак не мог решиться приступить к нему с вопросами. Тщетно пытались любопытные пассажиры вовлечь в разговор двух негров, стоявших на посту у таинственных ящиков; хотя это и не свойственно сынам Африки, стражи хранили гробовое молчание.

Я уже собирался вернуться к миссис Мелвил и поделиться с ней своими наблюдениями, как вдруг натолкнулся на группу пассажиров, окружавших капитана «Кентукки», который о чем-то пространно повествовал. Речь шла о Гопкинсе.

— Повторяю, — говорил капитан, — этот чудак всегда выкидывает такие штуки. Вот уже десятый раз он поднимается по Гудзону от Нью-Йорка до Олбани, вот уже десятый раз он ухитряется прибыть с опозданием, вот уже десятый раз он перевозит все тот же груз. Что все это значит? Я и сам не знаю. Ходят слухи, будто мистер Гопкинс основывает какое-то крупное предприятие в окрестностях Олбани и что со всех концов света ему шлют какие-то неизвестные товары.

— Должно быть, это один из главных агентов индийской компании, — сказал кто-то из присутствующих, — и, наверное, он прибыл, чтобы основать в Америке филиал.

— А может, это владелец золотых приисков в Калифорнии, — заметил второй. — И у него там, наверно, еще какие-нибудь коммерческие дела.

— Или подвернулись крупные торги, на которые он собирается взять подряд, — ввернул третий. — Не так

давно в «Нью-Йорк геральд», кажется, были на этот счет какие-то намеки.

— Вот увидите, — заявил четвертый, — скоро выпустят акции новой компании с капиталом в пятьсот миллионов. Я первый подпишусь на сто акций по тысяче долларов.

— Почему же первый? — раздался чей-то голос. — Разве вам уже обещаны пай? Что до меня, то я готов закупить двести акций, а если понадобится, то и больше.

— Если что-нибудь останется на вашу долю! — крикнул издали какой-то делец, лица которого я не мог разглядеть. — Ясное дело, речь идет о строительстве железной дороги из Олбани в Сан-Франциско, а банкир, который будет финансировать это акционерное общество, — мой лучший друг.

— При чем тут железная дорога! Мистер Гопкинс собирается проложить электрический кабель через озеро Онтарио, и в этих здоровенных ящиках — гуттаперча и целые мили проводов.

— Прокладывает кабель через Онтарио? Да ведь это золотое дно! Где же этот джентльмен? — крикнули в один голос несколько дельцов, которых обуял дух стяжательства. — Пусть сам мистер Гопкинс изложит нам свой проект. Мне первые акции!

— Мне, мистер Гопкинс, прошу вас!

— Нет, мне! Я даю тысячу долларов премиальных!

Вопросы и ответы сыпались попеременно; волнение охватило весь пароход. Хотя спекуляция меня ничуть не прельщала, я направился вместе с группой дельцов к герою «Кентукки». Вскоре Гопкинс был окружен густой толпой, которую он не удостоивал даже взглядом. Его бумаги пестрели цифрами, которые выстраивались длинными рядами, многие из них сопровождала внушительная свита нулей. Карандаш его порхал по бумаге, производя различные вычисления. С губ его срывались астрономические цифры. Казалось, он был охвачен неистовой лихорадкой расчетов. Воцарилось молчание, хотя в душах американцев, страдаемых жаждой наживы, бушевала буря.

Но вот мистер Огастес Гопкинс разрешил некую головоломную арифметическую задачу (при этом он трижды обламывал карандаш, выводя величественную единицу, возглавлявшую отряд из восьми великолепных нулей) и произнес два сакраментальных слова:

— Сто миллионов!

Затем он быстро спрятал бумаги в свой чудовищный бумажник и извлек из кармана часы, обрамленные двумя рядами настоящих жемчужин.

— Девять часов! Уже девять! — воскликнул он. — Этот проклятый пароход ползет как черепаха! Капитан!.. Где же капитан?

Тут Гопкинс сорвался с места и, расталкивая обступивших его людей, приблизился к капитану, который, склонившись над люком машинного отделения, отдавал какие-то распоряжения машинисту.

— Известно ли вам, капитан, — многозначительно изрек Гопкинс, — известно ли вам, что из-за десятиминутного опоздания у меня может сорваться важное дело?

— И вы смеете еще говорить про опоздание! — огрызнулся капитан, возмущенный такой наглостью. — Кто, как не вы, задержал пароход?

— Если бы вы так упорно не оставляли меня на берегу, — завопил Гопкинс, — то не потеряли бы столько драгоценных минут, ведь в эту пору года время — на вес золота!

— А если бы вы со своими ящиками потрудились не опаздывать, — отпарировал капитан, — мы воспользовались бы приливом и теперь были бы уже на добрых три мили дальше.

— Это меня не касается. Я должен еще до полуночи быть в Олбани в гостинице «Вашингтон». Если я попаду туда позже, то мне не имело смысла уезжать из Нью-Йорка. Предупреждаю вас, что если так случится, то я потребую от вашей администрации и лично от вас возмещения убытков.

— Да отвяжетесь ли вы от меня, наконец?! — зарычал раздосадованный капитан.

— И не подумаю. Пока вы тут будете скряжничать и беречь топливо, я могу потерять целое состояние!..

Эй, вы, кочегары, подкиньте-ка в топку четыре или пять добрых лопатин угля, а вы, машинисты, поддайте пару, и мы живо наверстаем потерянное время!

И Гопкинс швырнул в машинное отделение кошелек, в котором зазвенели доллары.

Это вконец разъярило капитана, но взбешенный пассажир кричал куда громче и долго еще продолжал орать после того, как капитан умолк.

Я поспешил удалиться от спорящих: мне было ясно, что брошенное машинисту приказание поддать пары и увеличить скорость парохода может привести к взрыву котла.

Но, разумеется, наши спутники не нашли в поступке Гопкинса ничего из ряда вон выходящего. Поэтому я решил не рассказывать об этом инциденте миссис Мелвил, которую только рассмешили бы мои нелепые страхи.

Когда я к ней вернулся, она уже закончила свои сложные вычисления, и деловые заботы больше не омрачали ее прелестного чела.

— Итак, мой друг, я уже больше не коммерсанта, — сказала она, — а снова светская женщина, и теперь вы можете беседовать со мной, о чем угодно: об искусстве, о любви, о поэзии...

— Говорить об искусстве, о возвышенных мечтах и поэзии после того, что я видел и слышал! — воскликнул я. — Нет, нет! Я насквозь пропитался меркантильным духом, теперь я больше ничего не слышу, кроме звона долларов, я ослеплен их обжигающим блеском. Теперь для меня эта прекрасная река — только удобный торговый путь, ее чудесные берега — только рынок для сбыта товаров, эти живописные прибрежные городишки — лишь многочисленные склады сахара и хлопка, и я уже начинаю всерьез подумывать о том, не построить ли на Гудзоне плотину, чтобы его воды вертели кофейную мельницу!

— Что ж! Если отбросить в сторону кофейную мельницу, — то это недурная идея.

— А почему, скажите на милость, меня не может осенить блестящая идея, чем я хуже других?

— Так вы в самом деле заразились деловой лихорадкой? — смеясь, спросила миссис Мелвил.

— Судите сами, — ответил я.

И я рассказал ей о тех сценах, свидетелем которых мне довелось быть. Внимательно выслушав мой рассказ, как подобает рассудительной американке, она углубилась в размышления. Любая парижанка оборвала бы меня на середине.

— Итак, миссис Мелвил, что же вы скажете об этом Гопкинсе?

— Этот человек, — ответила она, — либо великий коммерсант, затеявший какое-то колоссальное предприятие, либо попросту какой-нибудь шарлатан с захудалой балтиморской ярмарки.

Я засмеялся, и разговор перешел на другие темы.

Наше путешествие завершилось без дальнейших осложнений, если не считать того, что Гопкинс чуть было не свалил в воду один из своих громадных ящиков, решив, во что бы то ни стало, невзирая на запрещение капитана, передвинуть его на другое место. Вызванный этим спор дал ему повод еще раз заявить во всеуслышание, какие важные у него дела и какой ценный он везет груз.

Он завтракал и обедал, как человек, который стремится не столько утолить голод, сколько вышвырнуть как можно больше денег.

Когда мы, наконец, достигли цели нашего плавания, на пароходе только и было толков, что об этом необыкновенном субъекте, — каждый рассказывал о нем всякие небылицы.

«Кентукки» пришвартовался к Олбанийской пристани еще до полуночи — этого рокового для Гопкинса часа. От души радуясь, что схожу на берег цел и невредим, я предложил руку миссис Мелвил. А Огастес Гопкинс, выгрузив с великим шумом свои таинственные ящики, в сопровождении многочленной толпы торжественно проследовал в гостиницу «Вашингтон».

Я был принят мистером Френсисом Уилсоном, отцом миссис Мелвил, весьма радушно и приветливо, — только такое гостеприимство и приходится ценить. Сколько я ни отговаривался, мне пришлось уступить настояниям почтенного негодяя и занять в его доме

преlestную комнатку, оклеенную голубыми обоями. Этот громадный дом не слишком-то походил на особняк; его просторные апартаменты казались совсем скромными по сравнению с колоссальными складскими помещениями, которые были переполнены товарами, привезенными со всех концов света. Целая армия служащих, рабочих, конторщиков, грузчиков сновала, суетилась в этом доме-городе, о котором не могут дать представления даже самые крупные торговые дома Гавра и Бордо. Хотя хозяин дома и был поглощен разнообразными делами, ко мне отнеслись с удивительным вниманием и предупреждали малейшие мои желания. К тому же мне прислуживали негры, а тот, кому пришлось хоть раз иметь с ними дело, прекрасно знает, что нет на свете более заботливых и исполнительных слуг.

На другой день я совершил прогулку по очаровательному Олбани, само название которого меня всегда чем-то пленяло. Но и здесь я обнаружил точно такую же деловую атмосферу, как и в Нью-Йорке. И здесь та же неугомонная предприимчивость, то же многообразие коммерческих интересов, жажда наживы, деловой пыл, стремление извлечь деньги из всего на свете, используя все возможности промышленности и торговли. Но у дельцов Нового Света все это не выглядит столь уродливо, как у их заокеанских коллег. В их образе действий есть даже нечто внушительное. Невольно подумаешь — как же этим дельцам не загребать огромные деньги, когда они идут на такие огромные траты?

И завтрак и обед были роскошно сервированы; за едой, а также вечером сперва шел общий разговор, а потом речь зашла о жизни города, о его увеселениях и театрах. Мистер Уилсон оказался в курсе всех светских развлечений и проявил себя как истый американец, когда речь зашла о странных нравах, царящих в американских городах и вызывающих удивление у нас в Европе.

— Вы намекаете, — спросил мистер Уилсон, — на наше отношение к знаменитой Лоле Монтез?

— Совершенно верно, — ответил я. — Только американцы могут принимать всерьез эту графиню Лансфельд.

— Мы ее приняли всерьез, — ответил мистер Уилсон, — потому что она показала себя серьезной особой. Имейте в виду, что мы не придаем никакого значения даже самым важным делам, если к ним относятся легкомысленно.

— Вас, конечно, шокирует, — насмешливо сказала миссис Мелвил, — что Лола Монтеc посетила также и наши пансионаты для молодых девиц.

— По правде сказать, — ответил я, — это мне показалось странным: вряд ли прелестная танцовщица может служить подходящим примером для молодых девушек.

— Наши молодые девушки, — возразил мистер Уилсон, — приучаются в пансионе к самостоятельности, не в пример вашим. Когда Лола Монтеc появлялась в пансионатах, они принимали ее не как парижскую танцовщицу и не как баварскую графиню Лансфельд, а как знаменитую женщину, которой они искренно любовались. Для воспитанниц, смотревших на нее с любопытством, это не могло иметь никаких дурных последствий. Для них это был своего рода праздник, удовольствие, развлечение, вот и все. Что же тут плохого?

— Плохо то, что эти чрезмерные восторги портят крупных артистов. Они зазнаются и станут прямо невыносимы, когда вернутся из турне по Соединенным Штатам.

— Разве эти овации им не нравятся? — с удивлением спросил мистер Уилсон.

— Напротив, — ответил я. — Вот, например, Женни Линд, — разве она сможет оценить европейское гостеприимство, если здесь самые почтенные люди впрягаются в ее карету? И какая реклама может сравниться с той, какую ей создал антрепренер, когда учредил, да еще с таким шумом, на ее средства госпиталь?

— В вас говорит ревность, — иронически заметила миссис Мелвил. — Вы сердитесь на эту знаменитую певицу потому, что она не пожелала дать ни одного концерта в Париже.

— И не думаю сердиться, миссис Мелвил. А впрочем, я и не посоветовал бы ей ехать в Париж, потому что она никогда не встретит там такого приема, как у вас.

— Что ж, вы много потеряете, — заметил мистер Уилсон.

— По-моему, больше потеряет она.

— И уж во всяком случае у вас не будет новых госпиталей, — смеясь, сказала миссис Мелвил.

Разговор продолжался в шутовском тоне. Через некоторое время мистер Уилсон снова обратился ко мне:

— Я вижу, что вас интересуют наши зрелища и наша реклама, — так вот вы попали к нам как раз вовремя. Завтра состоится продажа с аукциона первого билета на концерт госпожи Зонтаг.

— Продажа с аукциона! Можно подумать, что речь идет по крайней мере о железной дороге!

— Вот именно, и представьте себе: до сих пор на таких аукционах победителем оказывался не кто иной, как олбанийский торговец шляпами.

— Он, наверное, меломан? — спросил я.

— Он!.. Джон Тернер!.. Да он ненавидит музыку! Он воспринимает ее как весьма неприятный шум.

— Так зачем же он это делает?

— Чтобы располжиться к себе публику. Это своего рода реклама. О нем будут говорить не только в нашем городе, но и во всех штатах, не только в Америке, но и в Европе; все будут покупать у него шляпы, и он легко сбудет свой залежавшийся товар и снабдит своими шляпами весь мир!

— Не может быть!

— Завтра вы сами убедитесь, что это именно так, и если вам понадобится шляпа...

— То я ни за что не куплю ее у этого человека! Должно быть, его шляпы отвратительны!

— Вот завзятый парижанин! — воскликнула миссис Мелвил, вставая и протягивая мне руку.

Я простился со своими хозяевами и перед сном размышлял о странностях американцев.

На следующий день я присутствовал на продаже с аукциона пресловутого первого билета на концерт госпожи Зонтаг, и при этом у меня был такой серьезный вид, как у самого флегматичного из граждан Соединенных Штатов. Все взгляды были устремлены на торговца шляпами, героя этой новой причуды. Его окружали

друзья, восхвалявшие его так усердно, как будто он, Джон Тернер, — национальный герой, борец за независимость родины. Одни ставили на него, другие — на его многочисленных соперников.

Аукцион начался. Стоимость первого билета быстро поднялась с четырех долларов до двухсот и трехсот. Джон Тернер был уверен, что последняя надбавка останется за ним. К цене, объявленной его соперниками, он все время прибавлял самые ничтожные суммы. Чтобы идти впереди всех, этот добрый малый накидывал каждый раз по одному — по два доллара, но если понадобится, готов был поступиться и целой тысячей для приобретения драгоценного билета.

Цена быстро поднималась: триста, четыреста, пятьсот, шестьсот долларов. Публика была крайне возбуждена и приветствовала одобрительным гулом каждого, кто делал новую смелую надбавку. Этот первый билет казался всем необычайно ценным, а остальными никто не интересовался. Это был, так сказать, вопрос чести.

— Тысяча долларов! — выкрикнул вдруг Джон Тернер громовым голосом.

Раздались громкие и продолжительные крики «ура».

— Тысяча долларов, — повторил аукционист. — Кто больше? Тысяча долларов за первый билет на концерт!.. Кто накинет?

Воцарилась напряженная тишина, по залу пронесся какой-то трепет. Признаюсь, я и сам был невольно захвачен всем происходившим. Торговец шляпами, предвкушая триумф, обвел самодовольным взглядом своих почитателей. Он высоко поднял над головой пачку банкнот одного из шестисот американских банков и потряс ею в воздухе. В это время еще раз прозвучали слова:

— Тысяча долларов!..

— Три тысячи долларов! — раздался чей-то голос, и я невольно обернулся.

— Урраа! — загремел весь зал, охваченный энтузиазмом.

— Три тысячи долларов, — повторил аукционист.

Перед таким покупателем торговцу шляпами пришлось спасоваться, и он незаметно ретировался среди всеобщего ликования.

— Продано за три тысячи долларов! — объявил аукционист.

И тут я увидел выступившего вперед Огастеса Гопкинса, свободного гражданина Соединенных Штатов Америки. Было ясно, что он уже успел приобщиться к сонму великих мира сего, и теперь оставалось только слагать гимны в его честь.

Я с трудом выбрался из зала, и мне стоило также немалых усилий проложить себе дорогу сквозь десяти тысячную толпу, которая поджидала торжествующего победителя у дверей. Его появление было встречено овацией. Во второй раз за истекшие сутки восторженная толпа проводила его в гостиницу «Вашингтон». Он отвечал на приветствия с видом скромным и величественным, а вечером, уступив настойчивым требованиям публики, Гопкинс показался на балконе гостиницы и снова был встречен шумными аплодисментами.

— Ну-с, что вы скажете об этом? — спросил меня мистер Уилсон, когда после обеда я рассказал ему о сегодняшнем случае.

— Я думаю, что мне, как французу и парижанину, госпожа Зонтаг сама догадается предложить место, и мне не придется платить за него пятнадцать тысяч франков.

— Пусть так, — ответил мистер Уилсон. — Но если этот Гопкинс действительно ловкий малый, то три тысячи долларов принесут ему сто тысяч. Человеку, который завоевал такую репутацию, стоит только нагнуться, чтобы подобрать миллион.

— Интересно, кто он такой, этот Гопкинс? — спросила миссис Мелвил.

Этот вопрос занимал в те дни всех до одного жителей Олбани.

На него ответили последовавшие затем события. Спустя несколько дней из Нью-Йорка прибыли на пароходе новые ящики, еще более удивительные по форме и по размерам. Случайно или преднамеренно, один из них, величиною с дом, въехал в какой-то узкий переулочек олбанйского предместья и там застрял. Его так и не удалось сдвинуть с места, и он высился поперек дороги, неподвижный, как скала. В течение целых

суток население всего города непрерывным потоком устремлялось к месту происшествия. Гопкинс воспользовался этим сборищем, чтобы блеснуть новыми сногшибательными тирадами. Он громил безграмотных олбанийских архитекторов и предлагал, ни больше ни меньше, как изменить планировку улиц, дабы очистить проход для его ящиков.

Всем стало ясно, что придется выбрать одно из двух: либо разбить ящик, содержимое которого разжигало всеобщее любопытство, либо снести домишко, стоявший на его пути. Любопытные жители Олбани предпочли бы, конечно, первое, но Гопкинс придерживался иного мнения. Так дальше продолжаться не могло. В квартале застопорилось движение, и полиция угрожала, что на законном основании сломает этот проклятый ящик. Тогда Гопкинс нашел выход: он купил мешавший ему дом, а затем приказал его снести.

Легко догадаться, в какой степени это происшествие приумножило славу Гопкинса. Его имя и его история служили темой всех разговоров в городе. Только о нем и спорили в клубе Независимых и в клубе Единства. В олбанийских кафе заключались новые пари относительно проектов этого таинственного человека. Уверяли даже, будто между каким-то коммерсантом и каким-то чиновником произошла дуэль и что победу одержал приверженец Гопкинса. Газеты пустили в ход самые смелые домыслы, которые тотчас же отвлекли внимание публики от конфликта, возникшего между Соединенными Штатами и Кубой.

Поэтому на концерте госпожи Зонтаг, в котором я, разумеется, не принимал столь шумного участия, как наш герой, появление его чуть было не изменило программы вечера. Во всяком случае, внимание публики было надолго отвлечено от знаменитой певицы.

Наконец тайна была раскрыта, и вскоре сам Огастес Гопкинс перестал ее скрывать. Оказалось, что это предприниматель, задумавший организовать своего рода Универсальную выставку в окрестностях Олбани. Он брал на себя смелость осуществить за собственный страх и риск одно из колоссальных начинаний, которые до сих пор оставались государственной монополией.

С этой целью он купил в нескольких километрах от Олбани огромный участок не возделанной земли. На этой заброшенной территории возвышались лишь развалины форта Уильям, который некогда прикрывал английские фактории на канадской границе. Гопкинс начал уже вербовать рабочих, чтобы приступить к осуществлению своего грандиозного замысла. В его огромных ящиках, должно быть, находились орудия и машины, необходимые для предстоящих сооружений.

Как только об этой затее узнали на олбаньской бирже, сногшибательная новость приковала к себе внимание всех дельцов. Каждый хотел войти в долю с великим предпринимателем и стремился приобрести у него акции. Гопкинс на все предложения отвечал уклончиво, тем не менее на бирже вскоре установился фиктивный курс на несуществующие акции, и дело стало принимать широкий размах.

— Этот малый, — сказал мне однажды мистер Уилсон, — большой ловкач. Не берусь судить, миллионер он или нищий, ибо, чтобы решиться на подобную авантюру, нужно быть таким бедняком, как Иов, или таким богачом, как Ротшильд, но несомненно он наживет огромное состояние.

— По правде сказать, я не знаю, дорогой мистер Уилсон, кто достоин большего удивления: человек, который отваживается на подобные дела, или страна, которая их поддерживает и рекламирует, не требуя от него никаких гарантий.

— Потому-то у нас и преуспевают, дорогой друг.

— Или, вернее сказать, разоряются, — ответил я.

— Так знайте же, — возразил мистер Уилсон, — что в Америке банкротство обогащает всех, не разоряя никого.

Я мог бы доказать мистеру Уилсону свою правоту только фактами. Поэтому я с нетерпением ожидал, к чему приведут все эти махинации и вся эта шумиха. Я старался как можно больше разузнать о предприятии Огастеса Гопкинса, о котором газеты ежедневно сообщали все новые и новые подробности. Первая партия рабочих была уже отправлена на строительство, и развалины форта Уильям быстро исчезли с лица земли.

Всюду только и было речи, что об этих работах, цель которых вызывала неподдельный энтузиазм. Предложения поступали со всех сторон — из Нью-Йорка и Олбани, из Бостона и Балтимора. «Музыкальные инструменты», «Художественные дагерротипы», «Гигиенические набрюшники», «Центробежные насосы», «Мелодичные фортепиано» спешили заблаговременно закрепить за собой на выставке самые выигрышные места. Воображение американцев разыгралось не на шутку. Уверяли, будто вокруг выставки вырастет целый город. Говорили, что Огастес Гопкинс намерен основать новый город, который будет назван его именем и сможет соперничать с Новым Орлеаном. Предсказывали даже, что этот город, который из стратегических соображений (близость границы) будет укреплен, в скором времени станет столицей Соединенных Штатов и т. д. и т. п.

Каждый день приносил все новые сенсационные известия, слухи приобретали все более фантастический характер, а между тем виновник всей этой кутерьмы хранил глубокое молчание. Регулярно посещая олбанийскую биржу, он наводил справки о положении дел, собирал сведения о привозе товаров, но даже не заикался о своих широких замыслах. Всех удивляло, почему человек с таким коммерческим размахом не прибегает к рекламе. Быть может, он пренебрегает этим заурядным способом организации дела, надеясь, что оно будет говорить само за себя?

Таково было положение вещей, когда в одно прекрасное утро газета «Нью-Йорк геральд» поместила на своих страницах следующее сообщение:

«Всем известно, что работы по строительству Универсальной выставки в Олбани идут полным ходом. Уже исчезли руины старого форта Уильям, и закладывают фундаменты величественных зданий, на стройке царит ликование. На днях заступ одного из рабочих натолкнулся на останки гигантского животного, повидимому, пролежавшего под землей в течение тысячелетий. Спешим добавить, что это открытие отнюдь не задержит работ, которые преподнесут Соединенным Штатам восьмое чудо света».

Я отнесся к этим строчкам с равнодушием, с каким

обычно воспринимаешь бесконечные сенсации американских газет. Я и не подозревал, какие выгоды сулило это открытие Огастесу Гопкинсу. Зато в устах самого предпринимателя оно приобрело исключительное значение. Насколько он был сдержан, когда речь заходила о будущем его великого предприятия, настолько же словоохотлив в своих пояснениях, соображениях и выводах относительно находки необыкновенного ископаемого. Можно было подумать, что именно с этой находкой он связывает свои деловые расчеты и виды на обогащение.

Надо полагать, что открытие и в самом деле было из ряда вон выходящим. Для того чтобы найти противоположный конец скелета допотопного животного, по приказанию Гопкинса были предприняты раскопки. Они продолжались три дня, но не дали никакого результата. Невозможно было предсказать, каковы будут размеры этого поразительного ископаемого. Тогда Гопкинс произвел глубокую разведку в двухстах футах от того места, где было начато рытье, и ему удалось добраться до противоположного конца колоссального скелета. Новость распространилась с молниеносной быстротой, и этот исключительный в летописях геологии факт был воспринят как событие мирового значения.

Со свойственной им впечатлительностью, живостью воображения и склонностью к преувеличениям американцы тотчас же распространили эту сенсацию и истолковали ее на свой лад. Чтобы установить происхождение гигантских останков, обнаруженных в окрестностях города, Олбанийским научным обществом были предприняты специальные изыскания.

Признаюсь, все это занимало меня куда больше, чем блестящее будущее Дворца индустрии и деловая горячка американцев. Я старался не пропустить ни малейших деталей этого события, что было нетрудно, так как газеты обсуждали его со всех сторон. Впрочем, мне посчастливилось узнать все подробности из уст самого Гопкинса.

Как только этот удивительный человек появился в Олбани, он был принят в высшем обществе. Естественно, что в Соединенных Штатах, где господствует

финансовая аристократия, предприимчивому дельцу оказывались почести, соответствующие его рангу. Его с подлинным энтузиазмом принимали в клубах и в семейных домах. Однажды вечером я встретил его в салоне мистера Уилсона. Разумеется, разговор вертелся исключительно вокруг нашумевшего события. И надо сказать, мистер Гопкинс проявил такую словоохотливость, что его не приходилось ни о чем расспрашивать.

Он сделал любопытное, содержательное, научно обоснованное и не лишенное остроумия сообщение о своем открытии, рассказал, при каких обстоятельствах оно произошло и каковы будут его неисчислимы последствия. При этом он довольно прозрачно намекнул, что собирается извлечь из этого немалую выгоду.

— К сожалению, — добавил Гопкинс, — наши работы пришлось временно приостановить, так как на участке, под которым погребены недостающие части скелета, уже возвышаются мои новые сооружения.

— А вы уверены, — спросил его один из присутствующих, — что недостающие части скелета находятся именно под этим еще не исследованным участком земли?

— В этом нет ни малейшего сомнения, — отвечал Гопкинс с апломбом. — Судя по уже извлеченным костям, ископаемое значительно превосходит размерами знаменитого мастодонта, некогда открытого в долине Огайо.

— Да неужели?! — воскликнул мистер Корнат, по профессии натуралист или что-то в этом роде, обделывавший научные дела так же ловко, как его соотечественники — дела торговые.

— Я в этом уверен, — заявил Гопкинс. — Структура костяка доказывает, что чудовище принадлежит к породе многокопытных, оно обладает всеми признаками этих животных, досконально описанных Гумбольдтом.

— Как жаль, — воскликнул я, — что его нельзя раскопать целиком!

— А кто может этому помешать? — живо спросил Корнат.

— Но... эти только что воздвигнутые здания...

Произнеся эти слова, на мой взгляд вполне уместные, я заметил на лицах гостей презрительные улыбки. По мнению этих бравых коммерсантов, можно было не задумываясь снести любое здание, любой памятник, лишь бы извлечь современника всемирного потопа. Поэтому никого не удивило, когда Гопкинс сообщил, что уже отдал на этот счет соответствующие распоряжения. Все его сердечно поздравляли, считая, что судьба благоприятствует людям предприимчивым и отважным. Я искренно поблагодарил Гопкинса и выразил желание одним из первых увидеть чудесную находку. Я хотел незамедлительно отправиться в Выставочный парк (это название уже вошло в обиход), но он попросил меня повременить, пока раскопки будут доведены до конца, ибо в настоящее время еще нельзя составить точное представление о размерах колоссального скелета.

Спустя четыре дня в «Нью-Йорк геральд» появились новые подробности об огромном ископаемом. Оказывается, остов не принадлежал ни мамонту, ни мастодонту, ни мегатерию, ни птеродактилю, ни плезиозавру. Все эти редкостные палеонтологические названия не подходили к этому животному. Упомянутые ископаемые относятся к третичному или даже ко вторичному геологическому периоду, в то время как раскопки, предпринятые Гопкинсом, велись в глубоких слоях земной коры, относящихся к палеоцену, где, как известно, до сих пор еще не было обнаружено ни одного ископаемого животного. Весь этот ассортимент научных терминов, в которых негоцианты Соединенных Штатов не слишком-то много смыслили, произвел колоссальный эффект. Из сообщения явствовало, что чудовище не было ни моллюском, ни многокопытным, ни грызуном, ни жвачным, ни панцирным, ни земноводным... Так что же? Оставалось лишь допустить, что это был человек, и притом человек-гигант, ростом более сорока метров? Итак, теперь уже нельзя было отрицать существование расы титанов, предшествовавшей нашей. Если этот факт подтвердится и его признают неоспоримой истиной, — то даже самые устойчивые геологические теории полетят кувырком. Ископаемое

Гопкинса находилось значительно глубже наносных отложений, следовательно, обитало на земле в эпоху, предшествовавшую всемирному потопу...

Помещенная в «Нью-Йорк геральд» статья вызвала настоящий фурор. Она была перепечатана всеми американскими газетами. Открытие сделалось злобой дня, и самые хорошенькие женщины без запинки повторяли все эти неудобопроизносимые ученые названия. Поднялись бурные дискуссии. Это открытие составляло гордость Америки. Теперь уже не Азия, а Новый Свет становился колыбелью рода человеческого. На ученых конгрессах и в академических кругах было весьма убедительно доказано, что Америка, населенная людьми с самого сотворения мира, была отправным пунктом всех последующих миграций... Новый континент похищал у Старого Света прерогативы старшинства. Этому важнейшему вопросу были посвящены пространные труды, продиктованные чисто американским тщеславием. Наконец одна ученая сессия, протокол которой был опубликован и затем обсуждался всеми органами американской печати, показала как дважды два, что земной рай находился между Пенсильванией, Виргинией и озером Эри, на территории нынешнего штата Огайо.

Признаюсь, меня очень забавляли все эти фантазии. Я уже представлял себе Адама и Еву, повелевающих дикими зверями, которые, как это теперь было доказано, в седой древности обитали именно в Америке, а вот на берегах Евфрата не обнаружено никаких следов их пребывания! Библейский змей-искуситель в моем воображении превращался в обыкновенного удава или гремучую змею. Но больше всего меня поражало, что все с удивительной готовностью и охотой приняли на веру это открытие. Никому и в голову не приходило, что пресловутый скелет мог оказаться лишь дутой рекламой, надувательством, блефом, как говорят американцы. И ни один из этих ученых, пришедших в такой неопиcуемый восторг, даже не потрудился посмотреть своими собственными глазами на чудо, так изуморажившее его воображение.

Я поделился этой мыслью с миссис Мелвил.

— Есть из-за чего беспокоиться! — сказала она. — Придет время, и мы узрим наше прелестное чудовище. Что касается его строения и внешнего вида, то они уже достаточно хорошо знакомы всей Америке, — на каждом шагу можно встретить его изображения.

Вот тут-то и развернулся во всем блеске талант этого дельца. Огастес Гопкинс был весьма сдержан, когда речь заходила о его выставке, но с величайшим пылом и красноречием расписывал достоинства замечательного скелета, стараясь поразить воображение соотечественников. Он сделался любимцем публики и теперь мог позволить себе решительно все.

Вскоре стены городских домов покрылись огромными разноцветными афишами, на которых чудовище было изображено во всех видах. Гопкинс использовал все возможности этого рода рекламы. Он подбирал самые яркие цвета. Он заклеивал своими афишами стены, парапеты набережных, стволы деревьев на бульварах. На одних афишах строчка шла по диагонали, на других бросались в глаза метровые буквы. По улицам расхаживали живые манекены в блузах и в пальто, на которых был намалеван скелет ископаемого. А по вечерам его контуры четко вырисовывались на огромных светящихся транспарантах.

Но Гопкинс не довольствовался этими обычными для Америки видами рекламы. Афиши и столбцы объявлений в газетах уже перестали его удовлетворять. Он начал читать настоящий курс «скелетологии», причем ссылаясь на Кювье, Блюменбаха, Букланда, Линка, Штемберга, Броньяра и добрую сотню других ученых, трактовавших проблемы палеонтологии. Эти лекции имели такой успех и проходили при таком колоссальном стечении публики, что однажды двое слушателей были раздавлены при выходе из зала...

Разумеется, мистер Гопкинс устроил им самые пышные похороны и даже траурные знамена были украшены вездесущим изображением модного ископаемого.

Эти виды рекламы давали превосходный результат в Олбани и его окрестностях, но не в состоянии были взбудоражить всю Америку. Во время гастролей в Англии Женни Линд некто Ламле предложил парфюмерам

новый вид шаблона для формовки мыла, на котором был выдавлен портрет знаменитой примадонны. Вскоре сказались результаты этой замечательной выдумки: вся Англия мыла руки мылом с изображением прославленной певицы. Гопкинс применил аналогичный прием. Он заключил соглашение с фабрикантами, и покупателям был предложен богатый выбор тканей с изображением доисторического животного. Его можно было увидеть на подкладках шляп. И даже на тарелках был запечатлен этот потрясающий феномен! Где только его не было! От скелета положительно некуда было скрыться. Одевались ли вы, причесывались, или обедали, — вы неизменно пребывали в его приятном обществе.

Таким путем удалось добиться колоссального эффекта. Когда, наконец, газеты, барабаны, фанфары, ружейные залпы торжественно оповестили, что чудесный скелет будет вскоре выставлен для публичного обозрения, поднялось бурное ликование. Оставалось только оборудовать огромный зал. По словам рекламы он «не был предназначен для толпы восторженных зрителей, коим несть числа, но должен вмещать скелет одного из тех гигантов, которые, если верить легенде, хотели взобраться на небо...»

Через несколько дней я должен был покинуть Олбани. Я очень сожалел, что не смогу попасть на это единственное в своем роде зрелище. Мне было досадно уезжать, так ничего и не повидав, и я решил тайком пробраться в Выставочный парк.

Рано утром я отправился туда, захватив ружье. Я прошагал добрых три часа в северном направлении, но мне все не удавалось узнать, где находится пресловутая выставка. В конце концов, пройдя пять или шесть миль и все время ориентируясь на старинный форт Уильям, я добрался до цели своего путешествия.

Я очутился на обширной равнине; лишь на небольшом участке виднелись кое-какие следы недавно производившихся здесь земляных работ, впрочем, весьма незначительных. Довольно большое пространство было обнесено глухим забором. Я не был уверен, что именно здесь будет находиться выставка, но это подтвердил

повстречавшийся мне охотник на бобров, который направился к канадской границе.

— Да, это здесь, — сказал он, — но я не знаю, что тут происходит. Сегодня утром я слышал, как в ограде стреляли из карабина.

Я поблагодарил охотника и продолжал свои поиски.

Перед оградой не было видно ни малейших следов каких бы то ни было земляных работ. Глубокая тишина царила на этой заброшенной территории, которую со временем должны были оживить огромные постройки.

Чтобы удовлетворить свое любопытство, мне оставалось только проникнуть за ограду, и вот я решил обойти ее кругом и посмотреть, нельзя ли как-нибудь пробраться внутрь. Долго расхаживал я вдоль забора, но так и не обнаружил ничего похожего на вход. Вконец обескураженный, я мечтал лишь об одном — разыскать хоть какую-нибудь щель или дырочку, куда можно было бы заглянуть, как вдруг увидал за поворотом, что в заборе выломано несколько досок и столбов.

Не колеблясь, я пролез в отверстие и долго бродил по пустырю. Там и сям валялись осколки взорванных камней. Кругом виднелось множество бугорков, и земля напоминала здесь поверхность волнующегося моря. Наконец я дошел до глубокой канавы, на дне которой лежала груда костей.

Так вот из-за чего была поднята эта невообразимая шумиха!

Зрелище не представляло решительно ничего интересного — куча всевозможных костей, разломанных на тысячи кусков, причем некоторые из них были, как видно, разломаны совсем недавно. Я не заметил здесь ничего похожего на человеческие кости сверхъестественных размеров, о которых кричала реклама. Нетрудно было догадаться, что это и была та самая фабрика, на которой изготовлялись «чудеса» мистера Гопкинса.

Мне стало как-то не по себе. Я уже начал думать, что произошло какое-то недоразумение, как вдруг на склоне холма, испещренном следами ног, я заметил несколько капель крови. Идя по этим следам, я с удив-

лением обнаружил в рытвине новые пятна крови, на которые раньше не обратил внимания. Рядом с этими пятнами мне попался на глаза клочок бумаги, почерневший от пороха и, очевидно, служивший пыжом для какого-то огнестрельного оружия. Все это совпадало с тем, что рассказал мне охотник на бобров.

Я поднял клочок бумаги. Не без труда мне удалось разобрать на нем отдельные слова. Это был счет на какой-то товар, доставленный мистеру Огастесу Гопкинсу неким мистером Баркли. Но что это был за товар? Новые клочки бумаги, валявшиеся кругом, помогли мне понять, о чем шла речь. Как ни велико было мое разочарование, я не мог удержаться от смеха. Да, передо мной в самом деле находился гигантский скелет, но скелет, составленный из самых разнообразных костей, принадлежавших буйволам, телятам, быкам и коровам, которые еще недавно паслись на пастбищах Кентукки. Мистер Баркли, заурядный нью-йоркский мясоторговец, поставлял знаменитому Гопкинсу огромные партии костей. Итак, эти кости отнюдь не принадлежали титану, одному из титанов, которые, взгромоздив Пелион на Оссу, устремлялись на приступ Олимпа. Все эти останки попали сюда благодаря стараниям ловкого мошенника, задумавшего «случайно» открыть их при рытье котлована для Дворца индустрии, которому не суждено было появиться на свет.

Я от души хохотал, размышляя обо всем этом, признаюсь, я смеялся и над самим собой: как ловко меня одурачили!

Вдруг за оградой послышались крики.

Я поспешил к пролому и увидел достопочтенного Огастеса Гопкинса, который с карабином в руке бежал ко мне навстречу, сияя от радости и возбужденно жестикулируя. Я направился к нему. Застав меня на месте своих подвигов, он не проявил ни малейшего смущения.

— Победа!.. Победа!.. — крикнул он мне.

Оба негра — Бобби и Дакопа — шли позади, на некотором расстоянии. Уже наученный опытом и боясь, как бы наглый обманщик не оставил меня в дураках, я решил держать ухо востро.

— Какое счастье! — воскликнул он. — Вы будете свидетелем. Перед вами человек, который возвращается с охоты на тигра.

— С охоты на тигра?! — повторил я, заранее решив не верить ни одному слову.

— Да, на красного тигра, — добавил он. — Другими словами, на кугуара, это на редкость свирепый хищник. Проклятый зверь, как вы сами можете в этом удостовериться, пробежал за ограду. Он сломал забор, который до сих пор ограждал меня от любопытных, и разнес на мелкие куски мой чудесный скелет. Узнав об этом, я без колебаний пустился в погоню за зверем, чтобы его уничтожить. Я настиг его в лесной чаще в трех милях отсюда. Я смерил его взглядом; он впился в меня своими желтыми глазами. Он сделал гигантский прыжок, но перевернулся в воздухе, сраженный моей пулей прямо в сердце. Это был мой первый выстрел из ружья, но — черт побери! — он принесет мне славу, и я не променял бы его на миллиард долларов!

«Да, теперь доллары к тебе потекут», — подумал я.

Тут подошли негры, которые в самом деле тащили огромного мертвого кугуара — зверя, почти неизвестного в этих краях. Он был рыжевато-желтой масти, уши и кончик хвоста были у него черные. Я не собирався выяснять, застрелил ли кугуара сам Гопкинс, или же это было чучело, своевременно доставленное ему каким-нибудь мистером Баркли. Но меня поразило, с какой легкостью и равнодушием этот делец говорил о своем скелете. А ведь было ясно, что это дельце уже влетело ему в сто с лишним тысяч франков!

Не открывая Гопкинсу, что мне удалось раскрыть его мистификацию, я сказал:

— Ну, а как вы думаете выбраться из этого тупика?

— Черт побери! — ответил он. — О каком это тупике вы говорите? За что бы я теперь ни взялся, мне обеспечен успех. Правда, зверь уничтожил чудесное ископаемое, которое вызвало бы восхищение всего человечества, — оно было уникально. Но зверь не уничтожил моего престижа, моего влияния, и я сумею извлечь выгоду из своего положения — положения знаменитого человека.

— Но как же вы отделаетесь от восторженной и нетерпеливой публики? — спросил я не без любопытства.

— Я скажу правду, только правду.

— Правду! — воскликнул я, недоумевая, что он подразумевает под этим словом.

— Ну, конечно, — продолжал он невозмутимо. — Разве не правда, что тигр сломал забор? Разве не правда, что он разнес на куски чудесный костяк, выкопать который мне стоило таких трудов? Разве не правда, что я преследовал и убил этого хищника?

«Я не поручился бы за достоверность этих фактов!» — подумал я.

— Публика, — продолжал он, — не может предъявить мне никаких претензий, потому что ей будут известны все подробности этого события. И вдобавок я приобрету репутацию храбреца, — слава моя прогремит на весь мир!

— Но что даст вам эта слава?

— Богатство, если я сумею им воспользоваться! Человеку известному все дается легко. Он может решиться на что угодно, взяться за любое дело. Если бы Джорджу Вашингтону после победы у Йорктауна вздумалось демонстрировать двухголового теленка, то он мог бы без труда заработать кучу денег.

— Возможно, — ответил я совершенно серьезно.

— Наверняка, — возразил Гопкинс. — Теперь мне остается только одно — отыскать подходящий объект, который можно было бы показывать, выставлять, демонстрировать...

— Да, — ответил я, — но найти такой объект не так-то легко. Знаменитые тенора уже пропили свои голоса, танцовщицы отплясали свое, а за воспоминания об их ножках ничего не платят; сиамских близнецов уже не существует, а тюлени останутся немymi, сколько их ни дрессируй.

— Меня не прельщают такого рода диковинки. Пусть тенора пропили свои голоса, танцовщицы вышли из моды, сиамских близнецов нет в живых, а тюлени навсегда останутся немymi! И все-таки из всего этого может еще выйти толк, если за дело возьмется такой

человек, как я! А потому я не сомневаюсь, сударь, что еще буду иметь удовольствие видеть вас в Париже.

— Так, значит, именно в Париже вы надеетесь разыскать какую-нибудь заваль, из которой вы сделаете знаменитость, пустив в ход свои дарования?

— Возможно, — ответил Гопкинс многозначительно. — Если бы я взялся, например, за дочку какой-нибудь парижской привратницы, которая и мечтать не смеет о консерватории, я превратил бы ее в самую знаменитую певицу обеих Америк.

На этом мы расстались, и я вернулся в Олбани. В тот же день город облетела ужасная новость. Все решили, что Гопкинс разорен. Была объявлена подписка в его пользу, и ему жертвовали большие суммы. Каждому захотелось побывать в Выставочном парке, чтобы удостовериться своими глазами в постигшей Гопкинса катастрофе, и это в свою очередь принесло немало долларов ловкому обманщику. Кроме того, он продал за бешеную цену шкуру кугуара, разорившего его так удачно и упрочившего за ним репутацию самого предприимчивого дельца Нового Света.

Я вернулся в Нью-Йорк, затем во Францию, покинув Соединенные Штаты, которые, сами того не ведая, обогатились еще одним великим авантюристом. Но разве их сосчитаешь! Я пришел к убеждению, что судьба разного рода бездарностей и шарлатанов — бесталанных артистов, безголосых певцов, танцоров с негнушимися коленями и канатоходцев, умеющих переступать только по земле, — была бы поистине плачевной, если бы Христофор Колумб не открыл Америку.

Опубликовано в 1910 г.

КОММЕНТАРИЙ

МАТИАС ШАНДОР

Роман «Матиас Шандор»¹ был впервые издан в 1885 году в трех томах и в том же году вышел в одном томе с рисунками Леона Бенетта.

Большой успех романа побудил драматургов Вильяма Бюснаха и Жоржа Морена предложить Жюлю Верну написать в соавторстве с ними пьесу по мотивам «Матиаса Шандора». Премьера состоялась в театре Амбигю 26 ноября 1887 года. Однако инсценировка оказалась неудачной, и пьеса вскоре была снята с репертуара.

К работе над «Матисом Шандором» Жюль Верн приступил осенью 1883 года. В письме к Этцелю от 3 декабря писатель сообщал, что его новый роман будет походить на «Графа Монте-Кристо» Александра Дюма, но «без адюльтера и преувеличенных страстей», так как он стремится и в этом произведении соединить географию с наукой. Вместе с тем Жюль Верн с огорчением сообщает, что все необыкновенные сюжеты уже исчерпаны и ему приходится теперь придумывать «комбинированные сюжеты». «То ли меня толкает к этому инстинкт драматурга, то ли желание захватить публику, но я стараюсь, насколько это возможно, усложнить интригу. Да и что мне еще остается и какими другими средствами может меня обогатить воображение в той ограниченной среде, в какой я теперь вынужден действовать?.. Я донельзя увлечен моим «Монте-Кристо», но интриговать читателей на протяжении трех томов теми средствами, какими я располагаю, может быть, труднее, чем это было для Дюма с его десятью томами. Но не в этом суть. Главное — суметь заинтересовать».

Летом 1884 года, когда «Матиас Шандор» был уже в основном закончен, Жюль Верн предпринял на своей яхте «Сен-Мишель»

¹ Настоящий роман включен в Собрание сочинений в связи с многочисленными пожеланиями читателей (*ред.*).

большую поездку по Средиземному морю, поставив своей целью побывать в тех местах, где разворачивается действие его нового романа. Во время путешествия Жюль Верн вносил уточнения в географические описания и под свежим впечатлением поездки вдоль берегов Алжира и Туниса, пребывания на Мальте, Сицилии и экскурсии на кратер Этны включил в роман несколько новых страниц.

Восемнадцатого июля писатель прибыл в Париж и вручил Этцелю рукопись первого тома «Матиаса Шандора». Второй и третий томы издатель получил к концу года. Ознакомившись с полным текстом романа, Этцель попросил автора внести в рукопись некоторые изменения и сделать Матиаса Шандора не столько мстителем, сколько борцом за справедливость. Жюль Верн согласился с предложением издателя. «Не беспокойтесь, — писал он Этцелю в начале 1885 года, — я переделываю Шандора, и он будет жаждать справедливости, а не только мести».

Второго марта писатель сообщил Жюлю Кларети, что полностью закончил работу над трехтомным романом «Матиас Шандор».

Летом того же года Жюль Верн послал Александру Дюма (сыну) корректурные листы «Матиаса Шандора» вместе с посвящением:

«Александру Дюма.

Эту книгу я посвящаю Вам и одновременно посвящаю ее памяти гениального рассказчика, каким был Ваш отец Александр Дюма. В этом произведении я попытался сделать из Матиаса Шандора Монте-Кристо «Необыкновенных путешествий». Я прошу Вас принять это посвящение, как свидетельство моей глубокой дружбы.

Жюль Верн».

В ответном письме от 23 июня 1885 года Александр Дюма, поблагодарив автора «Матиаса Шандора» за оказанную ему честь, заметил следующее:

«У Вас были все основания объединить в Вашем посвящении память к отцу и дружбу к сыну. Никто не приходил в больший восторг от чтения Ваших блестящих, оригинальных и увлекательных фантазий, чем автор «Монте-Кристо». Между ним и Вами столь явное литературное родство, что, говоря литературным языком, скорее Вы являетесь его сыном, чем я».

Французские критики не раз пытались сопоставить творчество обоих романистов. Жюль Кларети в своей брошюре «Жюль Верн» (1883), доказывая, что автора «Необыкновенных путешествий» можно считать учеником и последователем Дюма, ссылается на слова его сына, сказанные еще за несколько лет до выхода «Матиаса Шандора»: «С моим отцом его роднит воображение, молодой задор, чудесный юмор, неистощимая выдумка, здоровый дух, ясность мысли и еще одна добродетель, которую не признают слабосильные, — плодovitость».

Действительно, Жюль Верн высоко ценил творчество писателя, который, можно сказать, был его крестным отцом в литературе, поставив в 1850 году на сцене «Исторического театра» водевиль «Сломанные соломинки». Жюлю Верну был близок по духу жизнерадостный талант Дюма. Его всегда восхищало удивительное искусство прославленного романиста строить увлекательную, полную жизни и движения, стремительно развивающуюся фабулу, расцветивать повествование блестящими остроумными диалогами, создавать привлекательные образы безупречно благородных и отважных героев. Поставив целью своей жизни написать многотомную серию «научных романов», Жюль Верн стремился воспринять и усвоить эти лучшие стороны литературного мастерства Александра Дюма. Если говорить о национальных традициях остро сюжетного приключенческого повествования, на которые мог опереться автор «Необыкновенных путешествий», то, разумеется, он многим был обязан романам Дюма.

Однако, по сравнению со своим предшественником, Жюль Верн создал новый тип романа с особыми задачами и художественными приемами. Сходство между обоими романистами только внешнее, и афоризм Жюля Кларети — «Жюль Верн — это Александр Дюма, действующий в эпоху, когда красноречие Цицерона можно передать по телефону и руководить военными операциями по телеграфу» — хоть и эффектная, но довольно поверхностная аналогия.

Даже такой роман, как «Матиас Шандор», написанный по мотивам «Графа Монте-Кристо» в тот период, когда у Жюль Верна, по его собственному признанию, иссякли необыкновенные (то есть научно-фантастические) сюжеты и ему приходилось прибегать к «комбинированным сюжетам» с усложненной интригой, — даже и этот роман имеет не так уж много общего с произведениями Александра Дюма.

Несмотря на общность сюжетной схемы (осуждение героя

из-за предательства, бегство из тюрьмы, месть предателям), героями обоих романов движут разные чувства и побуждения.

Если делом жизни Монте-Кристо становится жестокая и утонченная месть предателям, повинным в его страданиях, то для Матиаса Шандора, венгерского революционера и патриота, покарать предателей, выдавших правительству руководителей антиавстрийского движения, — значит восстановить справедливость и продолжить в иной форме политическую борьбу.

Если в романе «Граф Монте-Кристо» большая часть действия разворачивается в Париже, в аристократических особняках и салонах, и существенную роль в композиции произведения занимают блестящие монологи и остроумные реплики героя, характеризующие его как избранника судьбы, то в романе «Матиас Шандор» действие разворачивается на широком географическом фоне, охватывая чуть ли не весь бассейн Средиземного моря. Отсюда и обычные для Жюль Верна географические описания, занимающие в романе немало страниц.

Дело мести не становится для Матиаса Шандора единственным смыслом существования. Он организует на острове Антекирте процветающую колонию и во всех своих действиях проявляет человеколюбие. Что касается научной стороны замысла, то она занимает в этом «комбинированном» сюжете не главное, а второстепенное место. Исключительные способности Матиаса Шандора, как гипнотизера, его электроходные корабли и всевозможные технические усовершенствования, которыми он располагает, помогают автору мотивировать наименее правдоподобные события («воскрешение» Петера, похищение Карпены и т. п.). При этом психологическое обоснование действия, мысли, чувства, переживания героев — все это отступает в приключенческом романе Жюль Верна на задний план.

Но при всех отмеченных особенностях и сюжетных совпадениях с «Графом Монте-Кристо» «Матиас Шандор» все же выдержан в обычной художественной манере «Необыкновенных путешествий» Жюль Верна.

Роман «Матиас Шандор» был впервые напечатан на русском языке в 1885 году в журнале «Вокруг света» (перевод Е. Киселева) и в том же году вышел отдельным изданием.

Е. Брандис

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

Жюль Верн начал писать рассказы в 1851 году, задолго до того, как он задумал свою знаменитую серию научно-фантастических и географических романов. Еще в юношеские годы, будучи студентом юридического факультета, он живо интересовался естественными науками и техникой, историей географических открытий, навигацией и воздухоплаванием, завел картотеку, куда заносил всевозможные сведения о научных открытиях и изобретениях, знакомился с учеными и путешественниками, посещал научные диспуты и доклады. Начинаящий писатель черпал материал для своих произведений из таких, казалось бы, далеких от художественной литературы источников, как книги по воздухоплаванию, научные труды по истории и географии стран Латинской Америки, отчеты арктических экспедиций и т. п.

Уже в первых рассказах и повестях, публиковавшихся в пятидесятых годах на страницах журнала «Мюз де фамий», чувствуется стремление молодого автора увлечь читателей новизной тем и необычностью сюжетов. Однако ранние рассказы и повести Жюль Верна были еще вещами незрелыми и в литературном отношении оставляли желать лучшего. Почти в каждом рассказе чувствуется преобладающее влияние одного из тех писателей, будь то Эдгар По, Фенимор Купер, Эрнст-Теодор Гофман или капитан Марриэт, которыми он в то время увлекался. Отсюда и большая стилистическая пестрота первых опытов Жюль Верна — прозаика, писавшего до этого только стихи и водевили.

Если рассказ «Первые корабли мексиканского флота», по признанию самого писателя, — «обычное приключение в духе Купера», то фантастическая повесть «Мастер Захарнус» и по сюжету и по стилю напоминает «кошмарные» новеллы немецкого романтика Гофмана.

Но, как бы то ни было, рассказы и повести пятидесятых годов были первыми шагами к «Необыкновенным путешествиям».

В 1874 году, после того как была уже опубликована лучшая из повестей Жюль Верна «Опыт доктора Окса», издатель Этцель выпустил со своим предисловием сборник его повестей и рассказов под заглавием «Доктор Окс».

«Эта новая книга Жюль Верна,— говорится в предисловии,— состоит из новелл, написанных им в разные периоды его литературной деятельности. «Доктор Окс», который появился совсем недавно, был задуман автором под влиянием одного очень интересного эксперимента, сделанного в Париже. Другие новеллы, как «Мастер Захарнус», «Зимовка во льдах» и «Драма в воздухе», были написаны более двадцати лет тому назад и, следовательно, предшествовали серии романов, по справедливости прославившей Жюль Верна. Мы сочли нужным включить эти новеллы в коллекцию его произведений, полагая, что она от этого не пострадает. В некоторых из них читатели заметят и почувствуют как бы в зародыше сюжеты таких значительных романов, как «Пять недель на воздушном шаре», «Приключения капитана Гаттераса» и «В стране мехов», публикация которых сопровождалась огромным успехом. Интересно проследить, как эти сюжеты жили в сознании автора и как впоследствии его созревший талант дал им возможность развернуться под влиянием более углубленных научных занятий. После того как читатели познакомились с большими полотнами, им небезынтересно будет ознакомиться с эскизами».

В этих словах, как нам кажется, правильно подмечено значение и место в творчестве Жюль Верна его первых рассказов.

В последующие годы писатель опубликовал еще более десяти рассказов и очерков, весьма разнообразных по содержанию и художественной манере. Наряду с юмористическими, а иногда и сатирическими фантазиями о больших городах и технике будущего («Амьен в 2000 г.», «В XXIX веке»), мы находим миниатюрные новеллы-юморески, выдержанные в гротескном стиле («Фритт-Флакк» и «Жиль Бралтар»), рассказ об одном трагикомическом происшествии из жизни самого автора («Десять часов на охоте»), новеллу, основанную на реальном эпизоде из истории английского флота («Мятежники с «Баунти»»), и, наконец, фантастические литературные сказки («Семья Ратон» и «Г-н Редиез и м-ль Ми-бемоль»).

В 1910 году сын писателя Мишель Верн пополнил серию «Необыкновенных путешествий» публикацией второго сборника рассказов и повестей Жюль Верна. Несколько произведений из этого сборника, изданного под заглавием «Вчера и завтра», было напечатано еще при жизни автора, который, однако, не пожелал включить их в свою знаменитую серию. Три произведения, вошедшие в сборник (рассказы «Судьба Жана Морена», «Блеф. Американские нравы» и повесть «Вечный Адам»), были опубликованы впервые.

Начиная с 1851 года и до конца жизни Жюль Верн написал свыше двадцати рассказов и повестей. Хотя произведения в этом жанре и не занимают первостепенного места в творческом наследии романиста, но лучшие из них безусловно заслуживают внимания.

ДРАМА В ВОЗДУХЕ

Рассказ «Драма в воздухе» был опубликован в августе 1851 года в журнале «Мюз де фамий» под заглавием «Путешествие на воздушном шаре» и затем в 1874 году был включен в сборник повестей и рассказов «Доктор Окс», входящий в серию «Необыкновенных путешествий».

Этот рассказ — одно из первых произведений Жюль Верна, напечатанного до этого лишь водевиль «Сломанные соломинки» (1850) и рассказ «Первые корабли мексиканского флота» (июнь, 1851). Оба рассказа были написаны весной 1851 года, после того как Жюль Верн получил приглашение от редактора «Мюз де фамий» Питр-Шевалье сотрудничать в его журнале.

Тема рассказа «Драма в воздухе» была подсказана молодому автору его живым интересом к воздухоплаванию. В стремлении автора соединить волнующий драматизм повествования с подробным описанием устройства аэростата и познавательными сведениями о воздухоплавании уже намечается творческое направление Жюль Верна и его собственная повествовательная манера. Благодаря этому рассказ «Драма в воздухе» следует рассматривать как своего рода прелюдию к воздушным эпопеям доктора Фергюссона («Пять недель на воздушном шаре»), и Робура-Завоевателя из одноименного романа.

В русском переводе «Драма в воздухе» впервые была напечатана в 1875 году в сборнике повестей и рассказов «Доктор Окс».

ЗИМОВКА ВО ЛЬДАХ

Повесть «Зимовка во льдах. История обрученных из Дюнкерка» была опубликована в мартовском и апрельском номерах журнала «Мюз де фамий» за 1855 год. Жюль Верн впервые упоминает об этом произведении весной 1853 года в письме к родителям, сообщая, что «Зимовка во льдах» будет напечатана в трех или четырех номерах журнала. Отсюда можно заключить, что повесть в то время еще не была написана, так как автору был не ясен ее действительный объем. Весной следующего года Жюль Верн отдыхал на берегу Северного моря, возле Дюнкерка, где начинается и завершается действие в «Зимовке во льдах». В весенние и летние месяцы 1854 года, повидимому, и была доведена до конца работа над повестью, печатание которой по не зависящим от автора причинам задержалось еще на один год. Позже «Зимовка во льдах» вместе с некоторыми другими ранними произведениями Жюль Верна была включена в серию «Необыкновенных путешествий» (Сборник повестей и рассказов «Доктор Окс»).

«Зимовка во льдах» — наиболее значительная вещь из всего, что было написано Жюлем Верном до начала работы над «Необыкновенными путешествиями».

В пятидесятых годах, когда была задумана, написана и опубликована эта повесть, газеты всего мира были заполнены статьями о загадочной судьбе без вести пропавшей экспедиции английского полярного исследователя Джона Франклина и сообщениями о новых спасательных экспедициях, которые следовали одна за другой на поиски несчастного Франклина и его спутников. Тема «Зимовки во льдах», конечно, была подсказана этими событиями.

Знакомство с записками полярных мореплавателей помогло Жюлю Верну нарисовать достаточно правдивую картину суровой природы Крайнего Севера, с его ледяными пустынями, снежными бурями, бесконечной полярной ночью, оптическими обманами, вызванными особенностью рефракции и т. п.

В этой ранней повести, как и в последующих романах Жюль Верна, большое место занимают географические описания и изображение борьбы человека со стихиями природы. Здесь намечен также и характерный для Жюль Верна сюжет: благородные побуждения увлекают героев навстречу тяжелым испытаниям; горстка храбрецов упорно борется за жизнь в нечеловечески

трудных условиях; раздоры среди участников экспедиции приводят к драматическим событиям; кончается произведение гибелью преступников и торжеством положительных героев, достигающих своей цели ценою величайших жертв и страданий. Подобный же сюжет Жюль Верн положил в основу многих приключенческих романов, выполненных с несравненно большим художественным мастерством (например, «Дети капитана Гранта»).

В этой ранней повести чувствуется тяготение автора к протокольно-четкому, деловому стилю изложения, не допускающему каких бы то ни было украшательств речи и романтической взволнованности. Автор как бы стремится доказать, что сухой язык корабельного журнала, где каждая строчка уже сама по себе говорит о непреклонной воле и беззаветном мужестве участников экспедиции, способен воздействовать на воображение читателей сильнее, чем заведомо приукрашенное описание событий. Таким образом Жюль Верн пытается в своей ранней повести преодолеть литературные шаблоны и проявить самостоятельность не только в выборе темы, но и в поисках необычных художественных средств.

Хотя эта попытка и не увенчалась полным успехом (повесть написана несколько вялым слогом, да и сами герои довольно бесцветны), но в творческом развитии молодого Жюль Верна она была важным этапом на пути к «Необыкновенным путешествиям».

«Зимовку во льдах» можно рассматривать как своеобразную прелюдию к таким известным романам о покорении Арктики, как «Путешествия и приключения капитана Гаттераса» и «В стране мехов», в которых многие эпизоды и географические описания, едва только намеченные в «Зимовке во льдах», получили свое дальнейшее развитие и талантливое художественное воплощение.

В русском переводе «Зимовка во льдах» впервые была напечатана в 1875 году в сборнике повестей и рассказов «Доктор Окс».

ОПЫТ ДОКТОРА ОКСА

Юмористическая повесть «Опыт доктора Окса» была опубликована в 1872 году в мартовском и апрельском номерах журнала «Мюзе де фамий» и затем в 1874 году вошла в одноименный сборник повестей и рассказов. В 1877 году в театре *Варьете*

на сюжет этой повести была поставлена оперетта Жака Оффенбаха «Доктор Окс» (либретто Жюль Верна, Филиппа Жилиа и Арнольда Мортье). По отзывам критики, это была самая удачная из всех инсценировок, сделанных по сюжетам Жюль Верна.

Замысел «Доктора Окса» был подсказан автору экспериментами, которые проводились в те годы французскими химиками и физиологами, изучавшими воздействие кислорода на людей и животных. Однако научная сторона опыта используется здесь главным образом ради создания комических ситуаций: если бы кислород действительно обладал теми свойствами, какие ему приписывают, вот как выглядел бы тогда в результате опыта доктора Окса не существующий на географической карте фламандский городок Кикандон...

Вся эта веселая буффонада вместе с тем дает автору возможность остроумно развенчать мещанские «добродетели» и показать, до какой степени отсталая обывательская психология чужда всему новому, враждебна всякому прогрессу. Едва только опыт доктора Окса, помимо его воли, закончился и подача кислорода прекратилась, в Кикандоне все вернулось в прежнюю колею. В заключение автор обращается к читателям с шутливым вопросом: «Неужели же доблесть, мужество, талант, остроумие, воображение — все эти замечательные свойства человеческого духа — обусловлены только кислородом?» — и сам же отвечает на это: — «Такова теория доктора Окса, но мы вправе не принимать ее, и мы решительно ее отвергаем со всех точек зрения, вопреки фантастическому опыту, которому подвергся почтенный городок Кикандон».

Жюль Верн пользуется в этой повести часто встречающимися и в других его произведениях приемом характеристики персонажей через их имена. Имена доктора Окса и его препаратора Игена составляют вместе название кислорода — *кислород*.

Окс и *Иген* — фигуры аллегорические, как бы олицетворяющие свойства кислорода. Этим, должно быть, объясняется, почему ученый и его помощник очерчены автором так неясно и расплывчато, в отличие от живых, детально обрисованных образов бургомистра Ван-Трикасса, советника Никлосса, полицейского комиссара Пассофа и других кикандонских «существователей».

На русском языке «Доктор Окс» был впервые напечатан в 1875 году.

БЛЕФ. АМЕРИКАНСКИЕ ПРАВЫ

Рассказ «Блеф. Американские нравы» опубликован в по-
смертно изданном сборнике повестей и рассказов Жюль Верн
«Вчера и завтра» (1910). Сын писателя Мишель Верн сопроводи-
публикацию рассказа таким примечанием: «Эта неизданная при-
чудливая вещица написана приблизительно в 1863 году».

Однако при внимательном чтении легко убедиться, что рас-
сказ был написан значительно позже: во многих деталях отрази-
лись живые впечатления автора от его поездки в Соединенные
Штаты Америки в 1867 году. Но и эта дата не является опреде-
ляющей. В конце рассказа упоминается о том, что сиамских близ-
нецов уже нет в живых. Сиамские близнецы умерли в 1874 году.
Следовательно, Жюль Верн мог написать этот рассказ в сере-
дине семидесятых или даже в восьмидесятых годов, когда в его
творчестве заметно нарастало критическое отношение к теневым
сторонам политической жизни и деловой практики американской
буржуазии. В этом смысле рассказ стоит в одном ряду с такими
произведениями, как «В XXIX веке», «Вверх дном», «Пловучий
остров».

Образ наглого мошенника Гопкинса, а отчасти и самый сю-
жет рассказа, повидимому, были навеяны Жюль Верну шум-
ными затеями известного американского антрепренера Ф.Т. Бар-
нума, который нажил огромное состояние демонстрацией всевоз-
можных «дикинов», вроде «морской женщины-сирены» или кар-
лика Тома Пуса, устройством выставок красивых детей и поро-
дистых собак и т. п. В один из дней своего кратковременного
пребывания в Нью-Йорке в 1867 году Жюль Верн посетил театр
Барнума, в котором по ходу действия пьесы «настоящие» пожар-
ные тушили «настоящий» пожар, что и создало этому спектаклю
сенсационный успех. Историю своей «деятельности» Барнум из-
ложил в хвастливой «Автобиографии», которая, возможно, и на-
вела Жюль Верна на мысль об этом рассказе.

Что касается самой аферы Гопкинса, то Жюль Верн изобра-
жает ее как естественное порождение и следствие специфических
условий американской деловой практики.

Рассказ «Блеф. Американские нравы» был впервые напеча-
тан на русском языке в «Ленинградском альманахе» (№ 7, 1954).

Е. Браноис

ЖЮЛЬ ВЕРН В РОССИИ

Еще при жизни Жюль Верна его «Необыкновенные путешествия» нашли в России вторую родину. Нигде за границей его романы не были так широко распространены и не выдержали такого числа изданий, как в России. Книги Жюль Верна всегда привлекали внимание передовых представителей русской общественной и научной мысли. Наши ученые и писатели высоко ценили научно-познавательное и воспитательное значение его романов. Широта кругозора и смелость мысли французского писателя, его неистощимая фантазия и оригинальность художественного вымысла, талант популяризатора и мастерство рассказчика, живой юмор и легкость изложения — все эти лучшие стороны творчества Жюль Верна в свое время были замечены такими писателями, как М. Е. Салтыков-Щедрин, И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой, Н. С. Лесков, В. Я. Брюсов, М. Горький, такими учеными, как Д. И. Менделеев, П. А. Кропоткин, К. Э. Циолковский, Н. Е. Жуковский, В. А. Обручев.

Широкому распространению книг Жюль Верна среди русских читателей немало способствовали переводы его романов, выполненные крупной писательницей, классиком украинской литературы Марко Вовчок (М. А. Маркович). С 1867 по 1877 год ею было переведено шестнадцать книг Жюль Верна (четыренадцать романов, сборник повестей и рассказов и научно-популярный труд «Знаменитые исследователи и путешественники»).

Интерес Марко Вовчка к Жюль Верну, разумеется, не был вызван случайными причинами. Как и все демократы-шестидесятники, она увлекалась естественно-научными идеями. Об этом говорит ее совместная работа с Д. И. Писаревым над переводами трудов Дарвина и Брема, а также содержание выходившего под ее редакцией журнала «Переводы лучших иностранных писа-

телей». Поэтому тематика романов Жюль Верна должна была живо интересовать переводчицу.

Кроме того, Марко Вовчок считала делом исключительно важным содействовать созданию в России обширного фонда лучших произведений детской литературы, и этому она немало способствовала и своими переводами и собственными произведениями для детей.

Желая оградить сочинения Жюль Верна от дурных переводчиков и бессовестных книгопродавцев, иногда выпускавших под его именем книги других авторов, Этцель, по совету Марко Вовчка, сделал своим представителем в Петербурге издателя Звонарева. Когда в Париже выходил очередной роман Жюль Верна, Этцель пересылал в Петербург клише иллюстраций, которыми Звонарев украшал свои издания «Необыкновенных путешествий». По тому времени это были самые лучшие русские издания романов Жюль Верна как по качеству перевода, выполненного Марко Вовчком, так и по оформлению. Переводы Марко Вовчка доносили до читателей легкость и живость жюль-верновского слога и его специфический французский юмор. Но все же, даже и в этих хороших переводах, было немало отступлений и пропусков. Впоследствии сама переводчица так охарактеризовала свою работу над текстами Жюль Верна: «...с благословения Верна, его издатель Этцель предоставил М. Вовчку как переводы, так и *переделки, сокращения и вставки*, которых в переводах имеется немало, — например, длинноты перечней различных флор, фаун и т. п. переделаны в разговорную форму»¹.

В семидесятых годах произведения Жюль Верна вошли в поле зрения Л. Н. Толстого. Гениальный русский писатель высоко оценил не только литературный талант французского романиста, но и с увлечением обсуждал научно-технические и теоретические проблемы, выдвинутые в его романах.

В середине семидесятых годов Л. Н. Толстой каждый вечер читал своим детям одну-две главы из нового романа Жюль Верна. В эти годы особенно популярен был роман «Вокруг света в восемьдесят дней». И. Л. Толстой в своей книге «Мои воспоминания» сообщает: «Этот последний роман был без иллюстраций. Тогда папа начал нам иллюстрировать его сам. Каждый день он приготавливал к вечеру подходящие рисунки пером, и они были настолько интересны, что нравились нам гораздо больше, чем те

¹ Марко Вовчок, Твори в шести томах, т. 6. Київ, 1956, стр. 522.

иллюстрации, которые были в остальных книгах. Я как сейчас помню один из рисунков, где изображена какая-то буддийская богиня с несколькими головами, украшенными змеями, фантастичная и страшная. Отец совсем не умел рисовать, а все-таки выходило хорошо, и мы все были страшно довольны. Мы с нетерпением ждали вечера и всей кучей лезли к нему через круглый стол, когда, дойдя до места, которое он иллюстрировал, он прерывал чтение и вытаскивал из-под книги свою картинку»¹.

Сохранилось семнадцать иллюстраций Л. Н. Толстого к роману «Вокруг света в восемьдесят дней». Наброски сделаны пером, черными чернилами. Для иллюстраций, сделанных самыми простыми изобразительными средствами, выбирались главным образом комические сцены. Подписи к рисункам — на французском языке².

В 1891 году А. В. Цингер, известный физик, слышал из уст Льва Николаевича такой отзыв о Жюле Верне: «Романы Ж. Верна превосходны! Я их читал совсем взрослым, и все-таки, помню, они меня восхищали. В построении интригующей, захватывающей фабулы он удивительный мастер. А послушали бы вы, с каким восторгом отзывается о нем Тургенев! Я прямо не помню, чтобы он кем-нибудь так восхищался, как Ж. Верном»³.

И. С. Тургенев был хорошо знаком с Жюлем Верном, так же как и Марко Вовчок. Он часто встречался с ним в Париже у Этцеля, с которым поддерживал приятельские отношения. Тургенев следил с интересом за новыми произведениями Жюля Верна, отзываясь с похвалой о логической последовательности в развитии действия и естественности поведения его героев в сложившейся обстановке.

С середины семидесятых годов и до начала XX века в России пользовались исключительным успехом инсценировки романов Жюля Верна. Почти во всех крупных городах долгое время не сходила с подмостков «большая обстановочная приключенческая

¹ И. Л. Толстой, Мои воспоминания, Изд-во «Мир», М. 1933, стр. 75.

² Записки отдела рукописей Всесоюзной гос. библиотеки имени Ленина, вып. IV, М. 1939, стр. 56. Здесь же воспроизведены некоторые из рисунков. См. также П. Эттингер, Л. Н. Толстой — иллюстратор Жюля Верна. «Детская литература», 1940, № 10, стр. 37—41.

³ См. журнал «Мироведение», 1928, № 3, стр. 131.

феерия» «Восемьдесят дней вокруг света». Кроме того, часто ставилась «оперетта-феерия» Оффенбаха «Путешествие на Луну», а также инсценировки других романов: «Двадцать тысяч лье под водой», «Дети капитана Гранта», «Таинственный остров», «Путешествие к Северному полюсу» и др. В Петербурге спектакли-феерии давались в Народном доме, Зоологическом саду, цирках «Модерн» и Чинизелли, а в дни народных гуляний — на Марсовом поле и в Михайловском манеже. В Москве те же пьесы ставились в Общедоступном театре, цирке Соломонского, Эрмитаже Лентовского и т. п.¹

В Ленинградской Театральной библиотеке имени А. В. Луначарского имеется обширный рукописный фонд пьес, поступивший из цензурного архива. Среди многочисленных инсценировок романов Жюль Верна здесь сохранилось около десятка пьес только по роману «Вокруг света в восемьдесят дней», а также запрещенный цензурой перевод пьесы Жюль Верна и Деннери «Михаил Строгов».

Интерес русских читателей к творчеству Жюль Верна был так велик, что почти все его романы переводились у нас в том же самом году, когда они появлялись в оригинале. Популярность Жюль Верна в России продолжала непрерывно увеличиваться и в последние два десятилетия XIX и в начале XX века, когда на родине писателя его новые романы уже не привлекали особенно большого внимания. Все, что появлялось нового под именем Жюль Верна, в России немедленно попадало на страницы детских и юношеских журналов: «Задушевное слово», «Вокруг света», «Природа и люди».

«Жюль Верн существует во множестве переводов, — писал в 1904 году известный библиограф-книговед Н. А. Рубакин. — Некоторые его книги, наиболее популярные, например, «Приключения капитана Гаттераса», «80 000 верст под водой», «Дети капитана Гранта», имеются на рынке в 7—10 переводах... Одно время было даже настоящее наводнение книжного рынка произведениями популярного автора. Наводнение это было устроено главным образом трудами Вольфа. Было это в 1890 году. В общей сложности тогда было напечатано 27 выпусков сочинений Жюль Верна в количестве 675 000 экземпляров. Некоторые книги выходили при этом 12—16 изданиями»².

¹ А. Я. Алексеев-Яковлев, Русские народные гулянья, Л. — М. «Искусство», 1948, стр. 100, 138, 157.

² «Русская мысль», 1904, № 4, стр. 169—170.

Баснословный успех сочинений Жюль Верна и коммерческий ажиотаж издателей-конкурентов, наперебой выпускавших его романы часто в дурных переводах, дали А. П. Чехову материал для блестящей пародии «Летающие острова», которая была напечатана в 1883 году в журнале «Будильник». Тонко пародируя романы астрономического цикла, Антоша Чехонте иронизирует в то же время над незадачливыми переводчиками.

Из дореволюционных изданий самым распространенным было собрание сочинений Жюль Верна, выпущенное П. П. Сойкиным в 88 книгах в качестве приложения к журналу «Природа и люди» за 1906—1907 годы. Это издание до сих пор остается наиболее полным на русском языке, несмотря на то, что здесь отсутствуют историко-географические труды, пьесы, некоторые рассказы и такой значительный роман, как «Найденый с погибшей «Цинтии», не говоря уже о посмертных романах. Однако относительная полнота сойкинского издания не искупает его существенных дефектов. Переводы здесь почти сплошь тусклые, с большими пропусками и ошибками, подчас приближающиеся к пересказу. Тот же недостаток присущ и собранию сочинений Жюль Верна, выпущенному в 1917 году И. Д. Сытиным в виде приложения к журналу «Вокруг света». Но обаяние жюль-верновского творчества доходило до юных читателей даже и в дурных переводах. Долгое время французский писатель был настоящим кумиром русской молодежи. Известно немало случаев, когда гимназисты младших классов, начитавшись романов Жюль Верна, Купера и Майн-Рида, удирали из дому в «американские прерии» и «африканские джунгли» — до того заразной была, по словам А. Н. Толстого, эта «здоровая романтика, раскрывающая новые горизонты.. в унылые и бездеятельные годы царствования Александра III»¹.

В то же время увлечение Жюлем Верном — об этом свидетельствуют воспоминания известных ученых — заставляло многих его читателей выбирать жизненное поприще еще на школьной скамье. «В качестве примера я могу сказать, — писал академик В. А. Обручев, — что сделался путешественником и исследователем Азии благодаря чтению романов Жюль Верна, Купера, Майн-Рида, которые пробудили во мне интерес к естествознанию, к изучению природы далеких малоизвестных стран»².

¹ А. Н. Толстой, Собрание сочинений, т. 14, М. Гослитиздат, 1950, стр. 349—350.

² «Детская литература», 1939, № 1, стр. 39—40.

Любовь в России к Жюлью Верну особенно ярко проявилась после его смерти, когда почти все газеты и многие журналы почтили память великого фантаста прочувствованными некрологами.

«Из окованной цепями русской действительности французский писатель звал на свободу», — так писал автор некролога, помещенного в журнале «Родная нива» (1905).

В статьях, появившихся в связи с сообщением о смерти знаменитого писателя, указывалось также, что его романы в течение нескольких десятилетий пробуждали у русской молодежи жажду знаний, страстное желание путешествовать, живой интерес к природе. «Такие профессора, как Тимирязев и покойный Столетов, многими лучшими учениками своими обязаны Жюлью Верну», — было сказано в одном из некрологов, подписанном псевдонимом Борей.

Отношение к Жюлью Верну передовых людей дореволюционной России, пожалуй, лучше всего выражено в стихотворении поэта и ученого В. Я. Брюсова «При электричестве» (1912). Французского писателя Брюсов воспринимает, как поэта науки и гениального фантаста, который не только предугадывал грядущие пути научного и технического прогресса, но и будил творческую мечту:

Я мальчиком мечтал, читая Жюля Верна,
Что тени вымысла плоть обретут для нас,
Что поплывет судно, громадней «Грет-Истерна»,
Что полюс покорит упрямый Гаттерас,
Что новых ламп лучи осветят тьму ночную,
Что по полям пройдет влекомый паром Слон,
Что «Наутилус» нырнет свободно в глубь морскую,
Что капитан Робюр прорежет небосклон.
Свершились все мечты, что были так далеки.
Победный ум прошел за годы сотни миль,
При электричестве пишу я эти строки,
И у ворот, гудя, стоит автомобиль...

Стихотворение Брюсова заканчивается гимном науке и выражением уверенности, что рано или поздно воплотится в жизнь и такая заветная мечта Жюля Верна, как установление связи между космическими мирами:

Я жду, что, наконец, увижу шар блестящий,
Как точка малая, затерянный в огнях,
Путем намеченным к иной земле летящий,
Чтоб братство воссоздать в разрозненных мирах.

После Великой Октябрьской социалистической революции сочинения Жюль Верна наряду с другими классиками зарубежной литературы нашли значительное место в издательских планах. В первые годы советской власти по необходимости практиковалась стереотипная перепечатка старых переводов. Несколько позже те же самые переводы стали выходить в отредактированном и исправленном виде.

Таково было и собрание сочинений Жюль Верна, выпущенное в 1927—1929 годах издательством «Земля и фабрика». Достоинством этого издания было наличие во всех томах научно-популярных пояснительных статей и примечаний. Хотя эти сопроводительные материалы часто давались в отрыве от текста произведений, самый опыт создания комментированного свода сочинений Жюль Верна имел положительное значение и был использован в последующих изданиях.

Большое значение для издательской практики имело известное постановление Центрального Комитета партии от 9 сентября 1933 года «Об издательстве детской литературы». В постановлении было сказано, в частности, о необходимости переиздания лучших произведений мировой детской классики и назывались имена трех иностранных писателей — Дефо, Свифта и Жюль Верна, произведения которых рекомендовалось переиздать в первую очередь¹.

С середины 30-х годов резко увеличивались тиражи и заметно улучшалось качество изданий книг Жюль Верна. К концу 30-х годов лучшие его романы появились в новых переводах с содержательными сопроводительными статьями.

В послевоенные годы интерес к творчеству Жюль Верна у нас еще больше возрос. Его книги нашли в Советском Союзе несравненно более широкую читательскую аудиторию, нежели в царской России: они переводились и переводятся на многие языки народов СССР.

По статистическим данным, на которые ссылается французская газета «Les lettres françaises» (от 24—31 марта 1955 года), ни в одной стране так много не издают и так интенсивно не читают Жюль Верна, как в СССР.

¹ О партийной и советской печати. Сборник документов. М. Изд-во «Правда», 1954, стр. 437—438.

Сюжеты его самых известных произведений неоднократно использовались у нас на сцене молодежных театров и в кинофильмах, а образ самого романиста и мотивы его творчества — в советской художественной литературе.

Любовь к Жюль Верну первого поколения советской молодежи, закалявшегося в боях гражданской войны, прекрасно выразил Николай Островский: «Он был не только моим спасителем в детстве, — он был для меня чем-то большим!.. Какое место в моей душе занимали чудесные выдумки Жюль Верна! С каким трепетом читал я его объемистые книги, страдая от того, что чтение рано или поздно должно прийти к концу»¹.

Такое же точно отношение к французскому писателю чувствуется в стихотворении Виссариона Саянова «Жюль Верн» (1937). Вспоминая суровое детство своего лирического героя, совпавшее с последним периодом существования царизма, поэт заканчивает стихотворение такими словами:

За то, что ты сделал краше
Страницами дерзких книг
Холодное детство наше, —
Спасибо тебе, старик.

Впечатлениями детства навеяно и стихотворение Всеволода Рождественского «Жюль Верн» (1929), в котором

Вдохновленный мечтою учений,
Зоркий штурман, поэт и чудак

увлекает юных читателей в яркий, разнообразный и радостный мир приключений, открытий и подвигов.

Романтический образ великого фантаста и поэта науки, скромного и отзывчивого человека с неумной жадностью знаний и с горячим сердцем патриота, нарисовал в своем биографическом романе «Жюль Верн» (1955) писатель Леонид Борисов. Роман Борисова — первая книга о Жюль Верне, изданная на русском языке.

В театрах юных зрителей в течение многих лет с успехом шли инсценировки романов «Дети капитана Гранта» и «Таинственный остров».

Широко известен советский кинофильм «Дети капитана Гранта» с талантливым актером Н. К. Черкасовым в роли Паганеля.

¹ «Альманах год тридцать седьмой», № 18, М. 1954, стр. 337, 338.

В 1941 году Одесская киностудия экранизировала роман «Таинственный остров». В 1946 году был выпущен удачный приключенческий фильм по роману «Пятнадцатилетний капитан» (постановщик В. Журавлев).

Писатель Л. В. Никулин в рецензии на этот фильм так объясняет причину неослабевающей популярности французского писателя в Советском Союзе: «Ценность романов Жюль Верна не только в неожиданных и увлекательных приключениях героев, но и в том, что они будят в читателях благородные чувства, воспитывают в юношестве мужество, смелость, силу воли, интерес к дальним странствиям и познанию мира. Жюль Верн не проповедует, не поучает, — он рассказывает и показывает правдиво и жизненно, он с увлекательностью говорит об интереснейших явлениях природы, об изобретательности человеческого ума. Жизнерадостностью, юмором веет от его книг, — вот почему он остается любимым писателем юношества» («Известия» от 26 марта 1946 года)

Минувшие годовщины Жюль Верна — 125-летие со дня его рождения, в 1953 году, и 50-летие со дня смерти, в 1955 году, — нашли отражение в советской печати. У нас появилось несколько книг, посвященных жизни и творчеству писателя, и положено начало изучению его обширного наследия в связи с историей литературы и науки.

Е. Брандис

КРАТКАЯ ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ЖЮЛЯ ВЕРНА

«Труд для меня — источник единственного и подлинного счастья. Как только я кончаю одну из моих книг, я чувствую себя несчастным и не нахожу покоя до тех пор, пока не начну следующую. Праздник является для меня пыткой».

Жюль Верн

1 8 2 8

8 февраля

В три часа пополудни в бретонском городе Нанте родился Жюль-Габриэль Верн.

Его отец: Пьер Верн (1799—1871), потомственный адвокат.

Мать писателя: Софи-Анриетта Верн (1801—1887), до замужества Аллот де ла Фюйе, происходила из обедневшего дворянского рода нантских судовладельцев и моряков.

1 8 2 9

26 июня

Родился брат Жюля Верна Поль Верн (1829—1897), впоследствии морской офицер, капитан дальнего плавания и альпинист. Жюль Верн был очень дружен с братом, всегда делился с ним своими творческими замыслами и консультировался по вопросам, связанным с навигацией,

Пьер Верн определяет своих сыновей в интернат «Малой семинарии Сен-Донатьен». Здесь будущий писатель пробыл до середины 1844 года. Жюлю одинаково легко давались и точные и гуманитарные науки. Но больше всего он любил географию. Мальчик увлекался книгами Вальтера Скотта, Купера, Диккенса, Марриэта. Наибольшее впечатление произвел на него «Робинзон Крузо» Даниэля Дефо.

«Робинзоны», — вспоминал Жюль Верн в предисловии к роману «Вторая родина», — были книгами моего детства, и я сохранил о них неизгладимое воспоминание... Не подлежит сомнению, что любовь моя к этому роду приключений инстинктивно привела меня на дорогу, по которой я пошел впоследствии».

Летние каникулы Жюль и Поль проводили в живописном нантском пригороде Шантеней, где постоянно общались с рыбаками и матросами. «Я не мог равнодушно видеть пароход, военный корабль или обыкновенный рыбацкий баркас: всем своим существом я переносился на его борт», — писал Жюль Верн в романе «Зеленый луч».

Лето

Жюль убежал из дому и нанялся юнгой на трехмачтовую шкуну «Корали», отплывающую в Индию. В тот же день беглец был задержан в Пэмбефе и признанся родителям, что в Индию он хотел отправиться на поиски без вести пропавшего тридцать лет тому назад нантского капитана Самбена.

Жюль Верн поступает в нантский лицей, где учится до 1847 года. Здесь он штудировал риторику, философию, логику, латынь — дисциплины,

необходимые для будущего правоведа. Несмотря на пристрастие к литературе, театру и музыке, он готовит себя, по настоянию отца, к юридической карьере.

1 8 4 5

В кружке начинающих поэтов Жюль Верн читает свою первую драму в стихах и безуспешно пытается поставить ее в нантском театре марионеток.

1 8 4 6

Лицеист Жюль Верн удостоен второй премии по риторике.

Юный поэт сочиняет элегические стихи, навеянные неразделенной любовью к кузине, Каролине Тронсон.

1 8 4 7

Апрель

Поль Верн отправляется в свое первое плавание на Антильские острова на шкуне «Лютен»

Жюль Верн едет в Париж держать первый экзамен для получения адвокатского звания и ученой степени лиценциата прав.

Лето

Летние каникулы он проводит у родственников в Провансе, а потом возвращается в Нант, чтобы продолжать занятия по программе юридического факультета.

1 8 4 8

23—25 февраля

Свержение во Франции монархии Луи-Филиппа. Образование Временного правительства. Провозглашение Второй Республики.

Июль

Жюль Верн снова в Париже. Посещает лекции, готовится к очередным экзаменам, которые намечены на начало августа.

«Я вижу, что Вы в провинции обуреваемы страхами и боитесь всего гораздо больше, чем

мы в Париже... — пишет он родителям по поводу недавнего июньского рабочего восстания. — Я побывал в разных местах, где происходило восстание. На улицах Сен-Жак, Сен-Мартен, Сент-Антуан, Пти-Пон, Бель-Жардиньер я видел дома, изрешеченные пулями и продырявленные снарядами. Вдоль этих улиц можно проследить за направлением полета снарядов, которые разрушали и сносили балконы, вывески, карнизы. Это ужасное зрелище...» (Письмо от 17 июля.)

Август

Жюль Верн успешно выдержал экзамены за второй курс. Незадолго до отъезда из Парижа ему удалось побывать на очередном заседании в палате депутатов.

«Это заседание, — писал он отцу 6 августа, — было особенно интересным благодаря шуму, которым оно сопровождалось, и большому числу присутствовавших на нем модных знаменитостей. Один депутат, сидевший рядом со мной, показал мне всех». Далее следует перечень имен многих депутатов. Особо Жюль Верн выделяет Гюго: «...и — о счастье! — Виктор Гюго!! Виктор Гюго, которого я хотел видеть любой ценой, говорил в течение получаса. Я его знаю теперь. Чтобы лучше разглядеть его со своего места, я раздавил одну даму и вырвал из рук какого-то незнакомца лорнет. Должно быть, об этом происшествии будет упомянуто в «Монитере».

Жюль Верн гостит несколько дней у родственников в Провансе и оттуда едет на каникулы в Нант.

10 ноября

Жюль Верн и его приятель Эдуард Бонами отправляются в Париж продолжать занятия.

12 ноября

Торжественное провозглашение новой конституции на площади Согласия.

Жюль Верн и Бонами прибывают вечером в Париж и безуспешно пытаются пробраться на площадь Согласия.

В письмах к родителям Жюль Верн сообщает о своих занятиях, жалуется на дороговизну и отсутствие денег.

Дядя по материнской линии Селль де Шатобур — художник-любитель, двоюродный брат Шатобриана, открывает племяннику доступ в модные светские салоны, где бывают такие «знаменитости», как Луи-Наполеон Бонапарт и Кавеньяк. Жюль Верн посещает также литературные и студенческие кабачки Монмартра и знакомится с жизнью парижской богемы.

«Это истинное удовольствие, хоть и не очень понятное в Нанте, — пишет он отцу, — быть в курсе всех литературных событий, интересоваться новейшими веяниями, следить за различными фазами, через которые все время проходит литература, колеблясь от Шекспира к Расину, от Скриба к Клервилю. Нужно глубоко изучить современный жанр, чтобы угадать предстоящий!» (Письмо от 12 декабря.)

10 декабря

Луи-Наполеон Бонапарт избран президентом республики. Жюль Верн сообщает родителям о положении в Париже: «Хотя выборы уже прошли, вполне возможно, что еще будет шум. Вчера вечером огромные толпы народа пробегали по бульварам с ужасными криками и бранью. По улицам фланировали усиленные патрули. Повсюду собираются возбужденные группы людей... Теперь дело может кончиться не мятежом, а гражданской войной. Чью сторону держать? Кто будет представлять партию порядка? К какому флагу примкнуть?» (Письмо от 12 декабря.)

1 8 4 9

Начало
января

Жюль Верн успешно сдает очередные экзамены. Знакомство с Виктором Гюго и с Теофилом Готье.

В салоне м-м де Баррер Жюль Верн знакомится с шевалье д'Арпантиньи, приятелем романиста и драматурга Александра Дюма (1802—1870). Д'Арпантиньи знакомит Жюля Верна с Александром Дюма.

17 февраля

По приглашению Дюма Жюль Верн присутствует в его «Историческом театре» на премьере

«Юности трех мушкетеров». «Я сидел у авансцены в ложе Александра Дюма. Мне действительно посчастливилось. Это очень занятно. Его драма — инсценировка первого тома «Трех мушкетеров». В этом произведении, хоть оно и не отличается большими литературными достоинствами, чувствуется удивительный сценический талант... В нашу ложу один за другим приходили такие известные лица, как Жирарден, Теофиль Готье, Жюль Жанен и другие» (письмо от 22 февраля).

Жюль Верн часто бывает в доме Дюма и сближается с драматургом Александром Дюма-сыном (1829—1895).

Лето — осень

Продолжая изучать право, Жюль Верн пишет по ночам и отдает на суд Дюма две исторические драмы — «Пороховой заговор» и «Трагедию из времен Регентства». Первую пьесу Дюма признал неприемлемой по цензурным соображениям, а вторую — недостаточно сценичной. Обе эти пьесы не были опубликованы.

Жюль Верн защищает диссертацию и получает звание лиценциата прав. На настойчивые просьбы отца вернуться в Нант и начать адвокатскую деятельность он отвечает решительным отказом: «Твоя контора в моих руках только захиреет... Я предпочитаю стать хорошим литератором и не быть плохим адвокатом» (письмо без даты).

1 8 5 0

У композитора Адриана Талекси (1821—1881), на улице Луи ле Гран еженедельно собираются молодые писатели, композиторы, художники: Жюль Верн, Давид Пифоль, Филипп Жиль, Эрнест Буланже, Аристид Иньяр и др. Позже к ним присоединяются поэт-шансонье Гюстав Надо (1820—1893) и композитор Виктор Массе (1822—1884). Жюль Верн становится душой кружка и дает ему название «Обеды одиннадцати холостяков». Кружок существовал до начала 60-х годов.

Жюль Верн исполняет на этих «обедах» свои песенки и куплеты. Музыку к ним писал его нант-

ский друг, композитор Аристид Иньяр (1822—1898). Одна из песенок Жюль Верна «Марсовые» получила большую популярность среди французских моряков.

Май

Жюль Верн читает на «обеде одиннадцати холостяков» одноактный водевиль в стихах «Сломанные соломинки».

Отец упрекает его в письмах за «беспорядочную жизнь» и за сочинение «легкомысленных пьес». Чтобы заставить Жюля вернуться в Нант, отец урезывает ему денежную помощь. Жюль Верн терпит нужду, запутывается в долгах.

12 июня

Премьера водевиля «Сломанные соломинки» на сцене «Исторического театра». Пьеса выдерживает двенадцать представлений и выходит отдельной брошюрой с посвящением Александру Дюма-сыну. «Сломанные соломинки» — первое напечатанное произведение Жюля Верна.

*Июль —
середина
ноября*

Жюль Верн едет на летние месяцы к родителям в Нант и задерживается до глубокой осени из-за постановки «Сломанных соломинок» в нантском театре (7 ноября). Местные газеты хвалят пьесу и спектакль. Пьер Верн гордится своим сыном, хотя и считает, что его водевиль «слишком фриволен».

1 8 5 1

Январь

Жюль Верн читает обоим Дюма водевиль в стихах «Кто смеется надо мной». По совету Дюма-отца пьеса была превращена в двухактную комедию и предложена театру Жимназ; тем не менее постановка не состоялась.

Встреча с земляком, редактором популярного иллюстрированного журнала «Мюз де фамий» («Семейный альманах»), Питр-Шевалье, который пригласил Жюля Верна сотрудничать в его журнале, предложив на первый случай написать «что-нибудь о Мексике».

Весна

Дружба с кузеном Анри Гарсе, талантливым математиком, преподавателем лицея Генриха IV.

Жюль Верн посещает научные диспуты и доклады, часто бывает в Национальной библиотеке, увлекается естественными науками. Положено начало обширной картотеке географических исследований, научных открытий и изобретений, которая впоследствии станет неоценимым подспорьем в работе писателя над «Необыкновенными путешествиями».

Написана трехактная комедия «Ученые». Пьеса не увидела сцены и не была опубликована.

Полуголодное существование. Кратковременная служба — с 7 утра до 9 вечера — в качестве сверхштатного писца в конторе Гимара с окладом 600 франков в год. Литературная работа по ночам.

В письмах родителям Жюль Верн сообщает, что либретто комической оперы, которую он пишет вместе с Иньяром, продвигается успешно, как и двухактная комедия в сотрудничестве с Питр-Шевалье. Рассказ, законченный для его журнала, — «это обычное приключение в духе Купера, которое я переносу в глубь Мексики» (письмо, март 1851). На новые уговоры отца бросить литературу и вернуться в Нант он отвечает отказом, так как преисполнен радужных надежд: «Ты говоришь, дорогой папа, что Дюма и другие не имеют ни гроша и ведут беспорядочную жизнь. Это не так. А. Дюма зарабатывает 300 000 франков в год, Дюма-сын — без всякого напряжения — от 12 до 15 000 франков, Эжен Сю — миллионер, Скриб — четырежды миллионер, у Гюго — 25 000 ренты. все, все, все они имеют прекрасный достаток и нисколько не раскаиваются в том, что избрали этот путь» (письмо от марта 1851 г.). В то же время на тревожные вопросы матери о его здоровье и настроении он вынужден признаться, что и то и другое было бы великопно, если бы ему не пришлось снова урезать себе дневной рацион и ломать голову над составными частями своего изношенного гардероба...

Июнь —
август

В «Мюзее де фамий» напечатаны рассказы «Первые корабли мексиканского флота» и «Путешествие на воздушном шаре» (в последующих изданиях — «Драма в Мексике» и «Драма в воздухе»).

Знакомство и дружба с Жаком Араго (1790—1855), слепым путешественником и писателем, братом знаменитого астронома. Жюль Верн читает ему свои рассказы и пишет в соавторстве с ним пьесу. У Араго собираются географы, путешественники, писатели. Встреча у Араго с перуанским художником Игнасио Мерино (1818—1876). Замысел этнографической повести «Мартин Пас. Перуанские нравы». Мерино дает Жюлю Верну согласие предоставить свои перуанские пейзажи в качестве иллюстраций к будущей повести.

2 декабря

Государственный переворот президента Луи-Наполеона Бонапарта. Респуск Законодательного собрания. Преследование республиканцев и антибонапартистов. Эмиграция Виктора Гюго и других прогрессивных деятелей.

«Все магазины закрываются. Кое-где строят баррикады. Людей арестовывают ни за что.. Я ни во что не вмешиваюсь, но что будет дальше?» (Письмо отцу от 4 декабря.)

«В четверг жестоко сражались в нижнем конце моей улицы. Дома продырявлены орудийными снарядами! Это гнусно! Нарастает всеобщее негодование против президента и армии, которые опозорили себя такими действиями. Должно быть, это первый случай, когда право и законность могут целиком и полностью перейти на сторону вооруженного восстания. Погибло много честных порядочных людей.. Вчера я обошел весь Париж, занятый армией. Все бульвары наполнены пехотой, кавалерией, артиллерией; днем и ночью они находятся на взводе. Вплоть до Опера-Комик все дома изрешечены пулями» (письмо матери от 6 декабря).

Середина
декабря

Жюль Верн принимает предложение директора «Лирического театра» Жюля Севеста занять

место секретаря с окладом 100 франков в месяц. Служба в театре продолжается до осени 1854 года.

1 8 5 2

Апрель

В «Мюзе де фамий» напечатана повесть «Мартин Пас. Перуанские нравы» с иллюстрациями перуанского художника Игнасио Мерино. Повесть обратила на себя внимание читателей и была одобрена критикой (отзыв в журнале «Ревю де де Монд»).

Июнь

В «Мюзе де фамий» напечатана с иллюстрациями Поля Гаварни одноактная комедия «Замки в Калифорнии, или Катящийся камень мхом не обрастает». Комедия написана в соавторстве с Питр-Шевалье.

Август

Жюль Верн пишет новое драматическое произведение «Леонардо да Винчи».

2 декабря

Луи-Наполеон Бонапарт провозглашает себя императором французов под именем Наполеона III.

«В субботу мы увидим, как его величество Наполеон III въедет в свой добрый город Париж. Все это меня очень забавляет», — с иронией пишет Жюль Верн родителям.

1 8 5 3

20 апреля

Премьера одноактной оперетты «Жмурки» на сцене «Лирического театра». Либретто написано в сотрудничестве с драматургом Мишелем Карре (1819—1872). Музыка Аристиды Иньяра. Пьеса пользовалась успехом и выдержала сорок представлений.

Жюль Верн и Аристид Иньяр поселяются в двух смежных комнатах в мансарде. «Наконец-то я переселился... 120 ступенек — и вид как с настоящей египетской пирамиды».

Жюль Верн сообщает родителям, что его повесть «Зимовка во льдах» будет напечатана в трех или четырех номерах «Мюзе де фамий».

Май

Хвалебные рецензии на оперетту «Жмурки» в разных газетах и журналах. Текст оперетты издан отдельной брошюрой.

Севест заказал обоим авторам новую пьесу для следующего театрального сезона.

Служба в театре отнимает у Жюль Верна все время. Головные боли, бессонница, вызванные переутомлением.

Август

Поездка к родителям. После пятилетней разлуки встреча с братом, вернувшимся из очередного плавания.

Жюль Верн и Мишель Карре работают над комической оперой «Спутники Маржолены».

1 8 5 4

27 марта

Объявление Англией и Францией войны России (Крымская война).

Апрель — май

На страницах журнала «Мюзе де фамий» напечатана фантастическая повесть Жюль Верна «Мастер Захарнус».

Переутомление. Жюль Верн едет на отдых в Дюнкерк. Северное море производит на него неизгладимое впечатление. В деревушке Мортань он завершает работу над повестью «Зимовка во льдах. История обрученных из Дюнкерка».

Июль

Эпидемия холеры в Париже. Смерть директора «Лирического театра» Жюль Севеста. «Севест в двадцать четыре часа унесен холерой. Это был человек сильный и бодрый, но вечно преследуемый дурными предчувствиями. Я его очень любил, и он тоже был ко мне сильно привязан. Я скорблю до глубины сердца...» (Письмо от 1 июля.)

Ноябрь

С приходом нового директора Жюль Верн оставляет службу в «Лирическом театре».

1 8 5 5

Встречи с профессорами Политехнической школы и Музея природоведения. Беседы с Теофилом Лавалле (1804—1866), Жозефом Берtrandом

(1822—1902), братьями Этьеном-Анри (1818—1881) и Шарлем (1806—1859) Сен-Клер Девиль, Марселем Бергло (1827—1907) и другими облегчают Жюлю Верну приобретение необходимых знаний и расширяют его кругозор в области географии, геологии, химии, астрономии, этнографии и т. д.

*Март —
апрель
Июнь*

В «Мюзе де фамий» печатается повесть «Зимовка во льдах».

Премьера одноактной комической оперы «Спутники Маржолены» в «Лирическом театре».

1 8 5 6

Декабрь

Собираясь жениться, Жюль Верн с помощью отца занимает под проценты 50 000 франков и входит пайщиком в биржевую контору финансиста и брокера парижской биржи Фернана Эггли. Он уверяет родителей, что никогда не изменит своему призванию и будет продолжать писать, несмотря на то, что обстоятельства заставляют его заняться делом, к которому он не чувствует ни малейшей склонности.

Закончена и передана в театр «Жимназ» трехактная комедия «Сегодняшние счастливыцы». Комедия не попала на сцену и не была опубликована.

1 8 5 7

10 января

Жюль Верн женится на вдове Онорине Морель (1830—1910) и становится отчимом ее дочерей — Валентины и Сюзанны.

1 8 5 8

Жюль Верн придерживается строгого распорядка дня. С 5 до 9 утра — литературная работа; с 10 до 4 — биржевая контора Эггли; вечерние часы — чтение и встречи с друзьями. Участники кружка «Обеды одиннадцати холостяков» часто собираются на квартире Жюля Верна. Он продолжает писать водевили и либретто комических опер, исподволь накапливая знания, чтобы со временем написать «роман о науке».

1 8 5 9

26 апреля

Вступление Франции и Сардинского королевства в войну с Австрией.

24 июня

Поражение Австрии в битве при Сольферино.

8 июля

Подписание перемирия между Францем-Иосифом, австрийским императором, и Наполеоном III в Виллафранке.

«Вот и мир!.. — пишет Жюль Верн отцу. — Не стоило тратить пятисот миллионов, чтобы достигнуть такого результата... Замыслы Наполеона ясны: это — предстоящая война с Пруссией, а потом с Англией... Между тем все мои клиенты на бирже играют на повышение и не устают восхвалять мир».

Середина
июля

Альфред Иньяр, агент паровой компании в Сен-Назере, предлагает своему брату Аристиду и Жюлю Верну совершить бесплатное путешествие в Шотландию.

Конец
июля —
август

Путешествие проходило по маршруту: Сен-Назер — Ливерпуль — Гебридские острова — Эдинбург — Лондон — Сен-Назер. В Шотландии Жюль Верн спускался в угольные шахты и побывал в гроте Фингала, в Лондоне посетил судостроительную верфь, где строился гигантский трансатлантический пароход «Грейт-Истерн». Впечатления от поездки в Шотландию нашли затем отражение в романах «Зеленый луч» и «Черная Индия».

Конец
августа

Вернувшись из путешествия, Жюль Верн посетил несколько дней у своего приятеля в пикардийской деревне, где присутствовал на открытии охотничьего сезона. Воспоминания об этой единственной неудачной попытке стать охотником послужили писателю темой для юмористического рассказа «Десять часов на охоте» (1881).

1 8 6 0

Колониальные войны Наполеона III. Неудачная попытка захватить Сирию. Англо-французская экспедиция в Китай. Взятие Пекина.

Жюль Верн серьезно готовится к осуществлению своих творческих замыслов.

Февраль

«Я уверен, — пишет он отцу, — что рано или поздно достигну своей цели, но иногда меня страшит, что мне уже тридцать два года, хоть я и не потерял еще надежды к тридцати пяти годам занять прочное место в литературе».

Среди новых приятелей Жюля Верна — писатель и художник, энтузиаст фотографии и воздухоплавания, Надар (псевдоним Феликса Турнашона, 1820—1910), молодой романист Гектор Мало (1830—1907), композиторы Жак Оффенбах (1819—1880), Лео Делиб (1836—1891) и др.

Весна — лето

В театре Буфф поставлены комические оперы «Гостиница в Арденнах» (написана совместно с Мишелем Карре) и «Месье Шимпанзе». Музыка Аристиды Иньяра. Постановщик и дирижер Жак Оффенбах.

Жюль Верн пишет роман «Дядюшка Робинзон» — первый набросок «Таинственного острова». Роман не был закончен.

1 8 6 1

1 июня

В театре «Водевиль» премьера трехактной комедии «Одиннадцать дней осады», написанной совместно с Шарлем Валлю, который сменил умершего Питр-Шевалье в качестве издателя и редактора «Мюз де фамий».

9 июня

Аристид Иньяр сообщает в письме о новом предложении своего брата совершить бесплатное путешествие в Норвегию, Швецию и Данию на грузовом судне, заходящем во все порты.

15 июня

Жюль Верн и Аристид Иньяр отплывают в Скандинавию из Сен-Назера

3 августа

Родился сын Жюля Верна — Мишель-Жюль Верн (1861—1925), унаследовавший после смерти писателя весь его архив, редактировавший и издававший его неопубликованные произведения.

Незадолго до рождения сына Жюль Верн прерывает путешествие и возвращается из Копен-

гагена в Париж. Много лет спустя впечатления автора о Норвегии отразились в романах «Лотерейный билет» и «Найденый с погибшей «Цинтии».

1 8 6 2

Колониальные войны Наполеона III. Мексиканская экспедиция. Взятие Кохинхины (Вьетнам) и установление протектората Франции над Камбоджей.

Начало года

Надар разработал проект «Гиганта» — огромного воздушного шара с двойной оболочкой.

Жюль Верн приступил, наконец, к работе над первым «романом о науке», посвятив его воздухоплаванию и географическим открытиям в Африке. Идея усовершенствованного аэростата «Виктория» была навеяна проектом Надара. Воздушный рейд над Африкой воспроизводил и продолжал реальные маршруты, проложенные экспедициями Лондонского географического общества, отчеты о которых были опубликованы в том же 1862 году (Бертон, Спик и Грант).

Лето

Жюль Верн кончает работу над романом «Пять недель на воздушном шаре» и безуспешно пытается найти издателя. Редактор журнала «Ревю де де Монд» Бюло изъявляет желание опубликовать роман безвозмездно, так как «печататься в таком журнале — большая честь для молодого автора». Жюль Верн забирает рукопись.

Осень

Надар знакомит Жюля Верна с Пьером-Жюлем Этцелем (1814—1886), видным политическим деятелем-республиканцем (до государственного переворота), прогрессивным издателем и писателем для детей (псевдоним П.-Ж. Сталь). Этцель, приняв к печати роман, возвращает его автору на короткий срок для переработки.

Жюль Верн сообщает друзьям о своем решении покинуть со временем контору Эггли и целиком посвятить себя литературной деятельности в новом жанре, который должен обеспечить ему признание.

24 декабря

Выход в свет романа «Пять недель на воздушном шаре».

1 8 6 3

Январь

Большой успех романа. Этцель заключает с Жюлем Верном договор на двадцать лет. Автор обязуется ежегодно передавать издателю два новых романа или один двухтомный объемом в 20—25 печатных листов за 20 000 франков в год, а всего за двадцать лет создать серию «экскурсий в космос» из сорока томов.

Условия договора по почину издателя пять раз менялись в пользу автора. По истечении срока договор был возобновлен еще на двадцать лет и оставался в силе до конца жизни писателя.

Январь —
апрель

Многочисленные отклики на роман «Пять недель на воздушном шаре» во французских газетах и журналах. Рецензенты отождествляют «Викторию» доктора Фергюссона с «Гигантом» Надара. Общее мнение прессы совпадает с выводом журнала «Ревю де де Монд»: «Книге суждено произвести сенсацию и стать в своем роде классической».

На протяжении всего года Жюль Верн работает над романом «Путешествия и приключения капитана Гаттераса» (закончен весной 1864 года).

С середины
года

Этцель и Жан Массе (1815—1894), прогрессивный педагог, автор известных научно-популярных книг для детей, публикуют объявления с проспектом нового журнала для детей и юношества — «Magasin d'Education et de Récréation» («Журнал воспитания и развлечения»). В проспекте сообщается, что к сотрудничеству привлечены видные литераторы, ученые, художники-иллюстраторы и что первый номер «Журнала воспитания и развлечения» откроется романом Жюль Верна «Путешествие к Северному полюсу».

Журнал выходил с 1864 по 1906 год. Своей популярностью он был обязан главным образом Жюлю Верну, опубликовавшему на его страницах

тридцать романов. Иллюстрировали романы Жюль Верна талантливые художники — Эдуард Рю (1833—1900), Жюль-Декарт Фера (1829—?), Альфонс-Мари де Невиль (1835—1885), Леон Беннетт (1839—1916), Анри Мейер, Эмиль Байяр (1837—1891), Жорж Ру и др.

В «Журнале воспитания и развлечения» в разное время сотрудничали писатели: Эркман-Шатриан (псевдоним Эмиля Эрмана, 1822—1899, и Александра Шатриана, 1826—1890), Гектор Мало (1830—1907), Люсьен Биар (1829—1897), Эдуард Лабуле (1811—1883), Жюль Сандо (1811—1883), Андре Лори (псевдоним Пасшалья Груссе, 1845—1909, видного публициста и политического деятеля-коммунара), Андре Лео (псевдоним романистки, участницы Парижской коммуны, Леодиль де Бера-Шансе, 1832—1900), Камиль Лемонье (1844—1913), Марко Вовчок¹ (псевдоним М. А. Маркович, 1834—1907, знаменитой украинской и русской писательницы) и такие ученые, как Элизе Реклю (1830—1905), Анри Сен-Клер Девиль, Камиль Фламмарин (1842—1925), Вивьен де Сен-Мартен, Теофиль Лавалле и др. Со многими перечисленными лицами Жюль Верн был в приятельских отношениях.

7 августа

В газете «*La presse*» Надар опубликовал «Манифест воздушного управляемого передвижения», в котором провозглашены важнейшие принципы сторонников авиации.

Конец августа

Надар, Гюстав Понтон д'Амекур (1825—1888), Габриэль де Лаландель (1812—1886) и другие энтузиасты авиации основывают «Общество сторонников летательных аппаратов тяжелее воздуха» Имя Жюль Верна значится в списке учредителей.

Лето — осень

Оживленная полемика во французской печати, вызванная ожесточенными спорами между защитниками противоположных принципов воздуш-

¹ В журнале публиковались рассказы Марко Вовчка, написанные на французском языке, а также переведенные с украинского и русского.

ного передвижения — аппаратов легче воздуха и тяжелее воздуха.

Декабрь

Выходит в свет книга Габриэля де Лаланделя «Авиация, или воздушная навигация без аэростатов» и — двумя месяцами раньше — брошюра Понтон д'Амекура «Завоевание воздуха винтами. Набросок новой системы авиации», давшие впоследствии Жюлю Верну ценный материал для романа «Робур-Завоеватель».

В журнале «Мюз де фамий» напечатана статья Жюль Верна «По поводу «Гиганта». Сообщая о новейших опытах в области аэростатики и моделях геликоптеров Понтон д'Амекура и Лаланделя, Жюль Верн заявляет себя убежденным сторонником авиации.

1 8 6 4

Январь

Роман «Пять недель на воздушном шаре» выходит в русском переводе под заглавием «Воздушное путешествие через Африку. Составлено по запискам доктора Фергюссона Юлием Верн» (издание А. Головачева).

Февраль

В журнале «Современник» помещена неподписанная рецензия М. Е. Салтыкова-Щедрина на роман «Воздушное путешествие через Африку». Горячо рекомендуя книгу нового автора, рецензент обращает внимание на своеобразие ее сюжета и познавательную ценность для юношества.

Зима

Жюль Верн часто бывает у геолога Шарля Сен-Клер Девиля, совершившего смелый спуск в кратер вулкана Стромболи. Беседы с ученым наводят его на мысль о романе «Путешествие к центру Земли».

20 марта

Выход в свет первого номера «Журнала воспитания и развлечения» с началом романа «Англичане на Северном полюсе» (первый том «Путешествий и приключений капитана Гаттераса»). Публикация романа продолжалась в журнале до середины 1865 года.

Апрель

В журнале «Мюз де фамий» напечатан очерк

«Эдгар По и его сочинения». Разбор неоконченной повести Э. По «Приключения Артура Гордона Пима» завершается пожеланием продолжить разработку прерванного сюжета. Это намерение Жюль Верн осуществил в 1897 году, опубликовав роман «Ледяной сфинкс», являющийся продолжением незавершенной повести Э. По.

Лето

Работа над романом «Путешествие к центру Земли» (закончен осенью).

*Октябрь —
декабрь*

В журнале «Мюзе де фамий» опубликована историческая повесть, рисующая эпизод восстания в Вандее, «Граф де Шантелен» (русский перевод в журнале «Детское чтение» №№ 1—3 за 1865 год).

3 декабря

Выход в свет романа «Путешествие к центру Земли».

Статья «Эдгар По и его сочинения» напечатана на русском языке в журнале «Модный магазин».

1 8 6 5

Кузен Жюль Верна, математик Анри Гарсе, делает по его просьбе вычисления для романа «С Земли на Луну», обосновывающие возможность межпланетного путешествия, если снаряду будет придана начальная скорость 12 000 ярдов (11 километров) в секунду.

Весна — лето

Жюль Верн пишет роман «С Земли на Луну», сделав своего друга Надара (под именем Мишель Ардан) одним из героев межпланетного перелета. Математические выкладки Гарсе включены в текст романа.

Жюль Верн принят в члены французского Географического общества.

*15 сентября —
3 октября*

В фельетонах газеты «Журналь де Деба» напечатан роман «С Земли на Луну» прямым путем за 97 часов 20 минут, вызвавший живой интерес читателей и многочисленные печатные отзывы (отдельным изданием роман вышел в начале ноября).

*Октябрь —
ноябрь*

В журнале «Мюзе де фамий» напечатана повесть «Нарушители блокады». Сюжет связан с событиями гражданской войны в США.

Жюль Верн погружается в работу над романом «Дети капитана Гранта».

Роман «Путешествие к центру Земли» выходит в русском переводе с приложением научно-популярного «Очерка происхождения и развития земного шара» (перевод Е. Лихачевой и А. Сувориной).

Известный географ Вивьен де Сен-Мартен помещает в третьем томе «Журнала воспитания и развлечения» рецензию на два первых романа Жюль Верна. По словам рецензента, в романе «Путешествие и приключения капитана Гаттераса» «многие описания полярной природы так правдивы, как будто автор провел всю свою жизнь на палубе корабля в арктических морях».

Жюль Верн получает восторженное письмо от Жорж Санд. Она уверяет, что ей не приходилось читать ничего более занимательного, чем жюльверновские романы о научных открытиях и путешествиях. Жорж Санд советует ему написать книгу о путешествии в глубинах океана в подводном корабле.

Декабрь

Рецензия в журнале «Современник» на роман «Путешествие к центру Земли». Рецензент хвалит искусство автора популяризировать естественно-научные идеи в форме увлекательного фантастического романа.

1 8 6 6

Январь

Этцель предлагает Жюлю Верну довести до конца начатую умершим географом Т. Лавалле работу над большой книгой «Иллюстрированная география Франции». Этот труд поглощает у Жюль Верна массу времени и сил. Он проводит целые дни в библиотеках и совершает поездки по департаментам за сбором недостающих сведений.

9 января

«Я работаю, как каторжник, над «Иллюстрированной географией Франции», — пишет он отцу, — но все же надеюсь, что смогу одновременно выкраивать время для первого тома «Путе-

шествия под волнами океана». План романа уже разработан во всех подробностях. Это будет чудесная вещь. Мне нельзя терять ни минуты».

Роман «От Земли до Луны 97 часов прямого пути» выходит в Петербурге в переводе Л. В. Шелгуновой.

Февраль

В журнале «Дело» помещена рецензия на первое русское издание романа «От Земли до Луны».

Март

В «Журнале воспитания и развлечения» начинается печататься роман «Дети капитана Гранта».

4(16) марта

Либеральная газета А. Краевского «Голос» откликнулась злобной рецензией на русское издание романа «Путешествие к центру Земли», обвинив переводчиц в пропаганде материалистических идей.

Жюль Верн предоставляет Марко Вовчок (М. А. Маркович) право авторизованного перевода своих романов на русский язык.

Этцель заключает договор с петербургским книгопродавцем С. Звонаревым на издание романов Жюль Верна в переводах Марко Вовчка, обязуясь своевременно пересылать в Петербург клише иллюстраций. Марко Вовчок соглашается взять на себя роль посредницы в деловых отношениях между обоими издателями.

Конец марта

Жюль Верн уезжает на несколько месяцев работать в Кротуа — рыбацкий поселок в устье реки Соммы, неподалеку от Сен-Валери. Здесь он быстро заканчивает «Иллюстрированную географию Франции» и приступает к первому тому романа «Путешествие под водой», позднее озаглавленного «Двадцать тысяч лье под водой».

Лето

Купленный Жюлем Верном в Кротуа старый рыбацкий баркас, водоизмещением в восемь тонн, переоборудован в яхту «Сен-Мишель». В обществе Шарля Валлю и двух матросов, Александра Дюлонга и Альфреда Берло, Жюль Верн курсирует в водах Ла-Манша, успешно работая в своем «пловучем кабинете». Впоследствии Дюлонг и Берло неизменно сопровождают своего «капитана» во всех плаваниях на «Сен-Мишеле».

2 июня

Роман «Путешествия и приключения капитана Гаттераса» выходит отдельным изданием в двух томах.

«К этому роману, — писал Этцель в предисловии к первому тому, — с успехом присоединятся новые произведения г. Верна, о которых мы постараемся заблаговременно оповещать читателей. Произведения уже изданные и те, которые будут появляться впредь, по плану, задуманному автором, составят в своей совокупности серию романов, объединенных под общим заглавием «Путешествия в известные и воображаемые миры». Автор поставил своей целью подытожить все сведения, добытые современной наукой в области географии, геологии, физики и астрономии, и представить историю всей вселенной в живой и занимательной форме».

Жюль Верн становится соредактором «Журнала воспитания и развлечения» (вместе с Этцелем и Масе).

В переводе Л. В. Шелгуновой выходит первый том романа «Приключения капитана Гаттераса» (рецензия в журнале «Книжный вестник», № 13).

После нескольких безуспешных попыток закончена прокладка трансатлантического кабеля и установлена прямая телеграфная связь между Старым и Новым Светом. Работы производились на океанском пароходе «Грейт-Истерн», который снова оказался в центре внимания печати.

Осень

Жюль Верн сообщает отцу о своем намерении совершить поездку в Америку на борту «Грейт-Истерна».

1 8 6 7

27 февраля

Выход в свет первого тома «Детей капитана Гранта».

Март

Предписание об изъятии романа «Путешествие к центру Земли» в переводе Лихачевой и Сувориной из ученических библиотек («Циркуляр по Московскому учебному округу», 1867, № 3).

- Жюль Верн вместе с братом Полем отправляется в Америку на пароходе «Грейт-Истерн».
- 9 апреля* «Грейт-Истерн» причаливает к гавани Нью-Йорка.
- 11—12 апреля* Поездка в Олбани, Rochester, Буффало. Канадская граница. Озеро Эри. Ниагарский водопад.
- 13-го* Прогулка по Нью-Йорку. Посещение театра Барнума, где ставилась сенсационная драма с убийствами и пожаром «Улицы Нью-Йорка».
- 16-го* «Грейт-Истерн» отправляется в обратный рейс.
- Конец месяца* Путешественники прибывают в Брест. Впечатления от поездки в Америку позднее были положены в основу романа «Плавающий город».
- Середина мая* Жюль Верн возвращается в Кротуа.
- 5 сентября* В 84-ом выпуске «Журнала воспитания и развлечения» за подписью секретаря редакции напечатано объявление: «Г. Жюль Верн обещает закончить в ближайшие месяцы новую книгу «Путешествие под водой», которое будет самым необыкновенным из всех его «Необыкновенных путешествий».
- Октябрь* В фельетонах газеты «Пти журнал» печатается фантастический роман Аристида Роже (псевдоним И. Рангада) о подводном плавании — «Необыкновенные приключения ученого Тринитуса», изданный вскоре отдельной книгой под заглавием «Путешествие под волнами».
- 28 октября* В «Пти журнал» опубликовано письмо Жюль Верна редактору газеты, в котором писатель уведомляет, что он, еще задолго до появления романа г. Роже «Необыкновенные приключения ученого Тринитуса», приступил к работе над романом «Путешествие под водой», о чем уже сообщалось в рекламном объявлении «Журнала воспитания и развлечения», и просит поместить в газете его письмо, чтобы предотвратить возможные нарекания читателей, если они обнаружат в сюжете его нового романа некоторое сходство с «Необыкновенными приключениями ученого Тринитуса».

В предисловии ко второму изданию своей книги (1890) И. Рангад отдает должное таланту Жюль Верна и объясняет почти одновременное появление двух фантастических романов на одну и ту же тему исторической необходимостью развития подводной навигации.

1 8 6 8

4 января

Выходит из печати «Иллюстрированная география Франции и ее колоний» Жюль Верна и Т. Лавалле.

Весна — лето

Возобновление прерванной работы над романом «Двадцать тысяч лье под водой». Черновой вариант первого тома написан на борту яхты «Сен-Мишель». Возвращение в Кротуа после двухмесячного плавания, во время которого делались остановки в Дьепе, Гавре, Сен-Валери и других портах. Получив вызов Этцеля, Жюль Верн отправляется на «Сен-Мишеле» в Париж, с большим трудом проведя его на буксире по обмелевшей Сене до Моста искусств.

11 июля

Вышел в свет третий и последний том «Детей капитана Гранта».

Август —
сентябрь

Жюль Верн живет в Кротуа, продолжая работу над первым томом романа «Двадцать тысяч лье под водой», заново его переписав. В письме Этцелю он сообщает, что 1 октября будет в Париже и вручит ему законченный первый том.

Октябрь

Жюль Верн позирует художнику Риу, придавшему профессору Аронаксу, от лица которого ведется повествование в романе «Двадцать тысяч лье под водой», портретное сходство с автором.

Ноябрь

Роман «Дети капитана Гранта» выходит на русском языке в переводе Марко Вовчка.

Декабрь

В письме к отцу Жюль Верн осуждает военную политику Наполеона III: «Вот баланс Империи после восемнадцатилетнего царствования: в банке один миллиард, ни торговли, ни промышленности... военный закон, уводящий нас к временам

гуннов и вестготов. Всеобщее оскудение прав. Бессмысленные войны в перспективе. Неужели нельзя придумать иного довода, кроме ружья Шаспо?» (Письмо без даты).

1869

Январь В первом номере «Отечественных записок» помещена хвалебная рецензия на роман «Дети капитана Гранта».

27-го Жюль Верн получает приглашение сотрудничать в журнале «Ревю де де Монд».

Февраль Известный русский педагог В. И. Водовозов (1825—1886) в «Обзоре руководств и книг для общего образования» отмечает положительную роль Жюль Верна как популяризатора естественно-научных знаний («Отечественные записки», № 2).

Март Одиннадцатый том «Журнала воспитания и развлечения» открывается началом романа «Двадцать тысяч лье под водой» с предисловием автора, написанным для читателей журнала.

Весна — лето «Сен-Мишель» снова становится «пловучим кабинетом». Жюль Верн заканчивает второй том романа «Двадцать тысяч лье под водой» и пишет роман «Вокруг Луны».

Июнь В географическом журнале «Тур дю Монд» («Вокруг света») Вивьен де Сен-Мартен напечатал статью о возможности совершить кругосветное путешествие в восемьдесят дней.

«Сюжет этот привлек меня благодаря догадкам, высказанным в одной статье о том, какие путешествия будут возможны в конце века», — сказал Жюль Верн много лет спустя английскому журналисту Ч. Даубарну, спросившему, что навело его на мысль написать роман «Вокруг света в восемьдесят дней».

Осень — зима Работа над романом «Плавающий город» Действие происходит на борту «Грейт-Истерна», и хронология событий в точности совпадает с календарными датами путешествия автора в Америку.

13 сентября Выход в свет первого тома романа «Двадцать тысяч лье под водой».

*4 ноября —
8 декабря* В фельетонах газеты «Журналь де Деба» печатается роман «Вокруг Луны».

Декабрь В двенадцатом номере «Отечественных записок» рецензия на роман «Приключения капитана Гаттераса». Рецензент убежден, что эта книга, отличающаяся «здоровым нравственным элементом», «будет столь же любимой книгой в детском возрасте, как Робинзон Крузо или похождения Гулливера».

1 8 7 0

12 февраля Роман «Вокруг Луны» выходит отдельной книгой.

12 марта Появилось иллюстрированное издание романа «Двадцать тысяч лье под водой» в одном томе.

Редакция «Журнала воспитания и развлечения» уведомляет читателей, что Жюль Верн готовит к печати новый роман в трех частях «Дядюшка Робинзон» (роман издан под заглавием «Таинственный остров»).

18 июня Поступил в продажу первый из шести томов обширного научно-популярного труда Жюль Верна «Открытие земли. Всеобщая история великих путешествий и великих путешественников». Над этой серией книг работа велась исподволь, в продолжение многих лет. Подробное изложение истории географических открытий начинается с Ганнона Карфагенского (505 г. до н. э.) и доведено до 40-х годов XIX века. В процессе работы Жюль Верн штудировал первоисточники, пользуясь консультациями компетентного географа Габриэля Марселя, которому выразил в предисловии благодарность.

19 июля Начало франко-прусской войны.

Конец июля Приказ о мобилизации застает Жюль Верна в пригороде Нанта Шантенее. Писатель вызван по месту жительства в Кротуа, зачислен в береговую стражу и назначен командиром корабля «Сен-Мишель» с базой в Кротуа.

Вместе со своим «экипажем» он патрулирует на «Сен-Мишеле» бухту Соммы. На борту «Сен-Мишеля» написан роман «Ченслер».

9 августа — Роман «Плавающий город» печатается в
2 сентября фельетонах газеты «Журналь де Деба».

2 сентября «Седанская катастрофа». Капитуляция Наполеона III и армии маршала Мак-Магона.

4 сентября Революция в Париже. Падение Второй империи. Провозглашение Третьей республики. Образование буржуазно-республиканского «Правительства национальной обороны».

18 сентября Начало осады Парижа прусской армией.

Надар поддерживает связь с осажденной столицей, командуя «эскадрилей» воздушных шаров.

6 октября Жюль Верн сообщает отцу, что переправил свой «квартет» — жену с детьми — в Амьен, так как «пруссаки усвоили отвратительную привычку сжигать и разорять деревни». «Несмотря ни на что, — пишет он дальше, — я работаю и за этот месяц одиночества написал почти целый том» (роман «Приключения трех русских и трех англичан в Южной Африке»).

10 декабря Поездка на несколько дней в Амьен за женой и детьми и отправка их в Шантеней.

Середина Вступление прусских войск в Амьен.

декабря Жюль Верн живет в Кротуа. Время от времени он получает письма от Этцеля из осажденного Парижа, отправленные посредством голубиной почты или с помощью воздушных шаров.

В Петербурге, в переводе Марко Вовчка, вышли в течение года романы — «Восемьдесят тысяч верст под водой. Путешествие под волнами океана» и «Приключения капитана Гаттераса».

1 8 7 1

14 февраля В письме из Кротуа Жюль Верн сообщает Этцелю, что у него готовы два романа — «Крушение «Ченслера» и другой, пока еще без заглавия (речь идет о романе «Приключения трех русских

- и трех англичан в Южной Африке»). Тут же он уведомляет издателя, что приступил к работе над романом «В стране мехов» и вернется в Париж сразу же после заключения перемирия.
- 26 февраля* Подписание прелиминарного мирного договора.
- 18 марта* Жюль Верн возвращается в Париж и узнает о смерти своего друга Анри Гарсе.
- 28 марта* Пролетарская революция в Париже. Бегство правительства национальной обороны в Версаль.
- Торжественное провозглашение Коммуны.
- Типография Этцеля закрыта. Рабочие перешли на сторону Коммуны. Жюль Верн решает остаться в Париже и следить за дальнейшим развитием событий.
- 2 апреля* Начало военных действий версальцев против Коммуны.
- 10 апреля* В письме к родителям Жюль Верн жалуется, что средства его иссякли, издательская деятельность Этцеля приостановилась, готовые для печати четыре тома лежат без движения.
- 11 мая* Подписание во Франкфурте-на-Майне мирного договора между Францией и Германией.
- 21 мая* Вторжение версальских войск в Париж.
- 22—28 мая* Уличные бои. Пожары. Массовые расстрелы версальцами пленных коммунаров.
- До конца года массовые судебные процессы над коммунарами. Среди осужденных деятелей Коммуны — знакомые Жюль Верна: Элизе Реклю, Пасшаль Груссе, Луиза Мишель (1830—1905).
- Июнь* Этцель возобновляет издательскую деятельность Жюль Верн показывает ему рукопись незавершенного романа «Дядюшка Робинзон», но Этцель советует от него вовсе отказаться или «все начать сызнова».
- Жюль Верн приступил к работе над романом «Вокруг света в восемьдесят дней». «В редкие часы досуга я готовлю рассказ о путешествии, сделанном с максимальной быстротой, какая только возможна в наше время. Что касается

иллюстрированных изданий моих книг, о которых ты меня спрашиваешь, то «Плавающий город» еще не издан Роман «Вокруг Луны» с иллюстрациями пока еще также не вышел в свет» (письмо отцу без даты).

12 августа

Отдельным изданием вышел роман «Плавающий город» вместе с повестью «Нарушители блокады».

В «Журнале воспитания и развлечения» печатается роман «Приключения трех русских и трех англичан в Южной Африке».

Роман «Путешествие к центру Земли» издан на русском языке в переводе Марко Вовчка.

3 ноября

Смерть Пьера Верна.

Конец ноября

Переезд на постоянное жительство в Амьен.

«Амьен, — писал Жюль Верн Шарлю Вальлю, — настолько близок от Парижа, чтобы ощущать его блеск и в то же время находиться вдали от его невыносимого шума и сутолоки. Да, кроме того, и мой «Сен-Мишель» стоит на якоре в Кротуа!»

1 8 7 2

После переезда в Амьен у Жюля Верна сразу же и до конца дней устанавливается неизменный распорядок времени, целиком подчиненный рациональному творческому труду: с пяти утра до полудня — работа над очередным романом и правка корректур, с часу до двух — прогулка, с двух до пяти — чтение газет и журналов, выписки для пополнения картотеки в читальном зале Промышленного общества, с шести до девяти — встречи с друзьями, чтение новых книг, заседания в Амьенской академии и т. д. Этот режим нарушался только в летние месяцы, когда Жюль Верн на несколько недель отрывался от работы ради очередного морского путешествия. Первые годы он почти ежемесячно два-три дня проводил в Париже. Потом поездки в Париж стали все более редкими и с середины 80-х годов вовсе пре-

кратились. Столичных друзей и издателя он принимал у себя в Амьене. Последний бывал у него каждые две недели и держал в курсе всех дел. В круг амьенских друзей и знакомых Жюль Верна входили главным образом члены Амьенской академии, Промышленного общества и муниципалитета, а также местные литераторы и художники.

Весна — лето Работа над романом «Вокруг света в восемьдесят дней».

Март В «Журнале воспитания и развлечения» начинается печататься роман «В стране мехов» (до середины 1873 года).

Март — апрель Юмористическая повесть «Опыт доктора Окса» опубликована в журнале «Мюз де фамий».

28 июня Амьенская академия наук, литературы и искусства (старейшее научное общество Пикардии, основанное в 1750 году) избирает Жюль Верна своим действительным членом.

12 августа За серию романов «Необыкновенные путешествия» Жюлю Верну присуждена награда Французской академии (по представлению академика Патена).

В восьмом номере петербургского журнала «Дело» помещена рецензия на книгу «Открытие земель. История замечательных путешествий и великих путешественников», изданную на русском языке в сокращенном виде.

21 сентября Отдельное издание романа «Приключения трех русских и трех англичан в Южной Африке».

6 ноября — 22 декабря В фельетонах газеты «Ле тан» печатается роман «Вокруг света в восемьдесят дней». Тираж газеты возрастает от главы к главе. Американские корреспонденты ежедневно сообщают по телеграфу в Нью-Йорк последние новости о путешествии Филеаса Фогга. Американская судоходная компания просит Жюль Верна за крупное вознаграждение выбрать для героя романа один из ее лучших пароходов, но Филеас Фогг «предпочитает» приобрести пароход «Генриетту» на собственные средства...

- 29 декабря Жорж Санд в своем последнем из сохранившихся писем к Этцелю просит прислать новые романы Жюль Верна, которого она, по ее словам, «обожает».
- 1 8 7 3
- 2 февраля Жюль Верн пишет Этцелю, что работа над «Таинственным островом» продвигается успешно. Так как большое место в романе займет описание технологии химических продуктов, ему приходится проводить много времени на химических фабриках и консультироваться со специалистами-химиками.
- 15 февраля Роман «Вокруг света в восемьдесят дней» вышел отдельным изданием.
- 4 апреля В Париже, на заседании Географического общества, Жюль Верн выступил с сообщением «Меридианы и календари», в котором ответил на недоуменные запросы читателей романа «Вокруг света в восемьдесят дней» по поводу разнобоя в международном счете времени.
- 17 апреля В театре Кюни поставлена трехактная комедия «Племянник из Америки».
- 28 апреля Статья в газете «Монитор» в связи с объяснениями, данными Жюлем Верном Географическому обществу.
- Июнь В шестой книге «Русского вестника» приведены выдержки из сообщения Жюль Верна в Географическом обществе и содержание статьи в «Монитере».
- В русском переводе вышла повесть «Сквозь блокаду».
- Сентябрь Эвакуация из Франции последних частей германских оккупационных войск.
- 18 сентября Жюль Верн с воздухоплавателем Эженом Годаром поднимается над Амьеном на воздушном шаре «Метеор». Впечатления от полета описаны в очерке «24 минуты на воздушном шаре», опубликованном в виде брошюры редакцией «Амьенской газеты».
- Этцель уведомляет М. А. Маркович (Марко

Вовчок), что в ближайшее время вышлет в Петербург для перевода текст первого тома «Таинственного острова».

Ноябрь

Жюль Верн и драматург Адольф Деннери (1811—1890) поселяются в Антибе, на берегу Средиземного моря, где проводят конец осени и зиму в совместной работе над инсценировкой романа «Вокруг света в восемьдесят дней» — по предложению дирекции театра Порт-Сен-Мартен.

«Вокруг света в восемьдесят дней» в течение года выходит на русском языке в трех разных переводах.

В переводе Марко Вовчка издан роман «Путешествие в страну пушных зверей, или Приключения на пловучей льдине» («В стране мехов»).

1 8 7 4

Январь

Жюль Верн избран директором Амьенской академии наук, литературы и искусства на 1874 год.

Февраль

Рецензия во второй книге журнала «Дело» на роман «Путешествие в страну пушных зверей» («В стране мехов»).

Март

В «Журнале воспитания и развлечения» начинается печататься «Таинственный остров» (до конца 1875 года). Предисловие написано Этцелем, рекомендующим этот роман читателям в качестве «робинзонады нового типа» и одного из лучших произведений Жюль Верна.

Пьеса в пяти действиях «Вокруг света в восемьдесят дней» принята к постановке театром Порт-Сен-Мартен.

24 мая

Жюль Верн читает в Амьенской академии свое неизданное юношеское произведение — комедию в стихах «Леонардо да Винчи».

30 мая

Вышел в свет сборник повестей и рассказов «Доктор Окс» с предисловием Этцеля и с приложением очерка Поля Верна «Сороковое восхождение на Мон-Блан».

8 ноября

В театре Порт-Сен-Мартен с шумным успехом состоялась премьера спектакля-феерии в пяти дей-

ствиях и четырнадцать картинах по роману «Вокруг света в восемьдесят дней». Пьеса выдержала четыреста представлений подряд и затем давалась в течение многих месяцев в театре на Парижской выставке 1878 года. Пьеса ставилась также на протяжении нескольких десятилетий в столичных и провинциальных театрах Европы и Америки и с 1874 по 1938 год была играна в Париже 2250 раз.

Декабрь

В двенадцатой книге «Отечественных записок» рецензия на русский перевод романа «Путешествие вокруг света в восемьдесят дней» и подробный отчет парижского корреспондента журнала о постановке «волшебной-географической сказки» по этому роману, имеющей целью «поучать развлекая» Автор статьи отмечает ущерб, нанесенный произведению Жюль Верна сотрудничеством Деннери.

1 8 7 5

Январь

Жюль Верн избран директором Амьенской академии на 1875 год.

Появление первых обзорных статей о его творчестве: Л. Дюбуа — во французском журнале «Ревю де Бретань» и Г. Хоннегера — в немецком журнале «Унзере цайт».

13 февраля

Роман «Ченслер. Дневник пассажира Ж.-К. Казаллона» вместе с повестью «Мартин Пас» вышел отдельным изданием.

*Середина
февраля*

Вышел в свет первый том «Таинственного острова» («Крушение в воздухе»).

Писатель прерывает работу над романом «Солнечный мир» («Гектор Сервадак»), чтобы довести до конца роман о России «Курьер царя» («Михаил Строгов»).

*Март —
апрель*

В письмах к издателю Жюль Верн сообщает, что работает не покладая рук.

«Я не могу сейчас думать ни о чем другом — это меня в высшей степени увлекает. Сюжет чудесный и дает прекрасные сюжеты» (письмо от 29 марта)

«Я пустился в Сибирь, да так, что не могу остановиться. Я работаю со страстью» (письмо Этцелю, апрель).

Май

Отослав издателю первую часть «Курьера царя», Жюль Верн продолжает работать над второй частью в своем «пловучем кабинете» на борту яхты «Сен-Мишель».

25 мая

Вышел в свет второй том «Таинственного острова» («Покинутый»).

Июль

Писатель Н. С. Лесков посылает своему сыну из Парижа афишу театра Порт-Сен-Мартен и сообщает, что инсценировка «Вокруг света в восемьдесят дней» — «это такое представление, что глаз не отведешь» (письмо от 12 июля).

Жюль Верн поселяется на несколько недель в Ле-Трепоре, чтобы завершить без помех работу над романом. «Дорогой Этцель, — пишет он из Ле-Трепора, — я получил Ваше письмо и корректурные листы первого тома «Курьера царя». В Ваших пометках есть много ценного. Я все приведу в порядок, но после того, как получу замечания от Тургенева».

Осень

И. С. Тургенев, по просьбе Этцеля, ознакомился с рукописью и сделал много замечаний, принятых автором с благодарностью. Перед тем как начать публикацию романа в «Журнале воспитания и развлечения», издатель связался через Тургенева с русским послом в Париже, графом Орловым, и попросил его прочесть корректурные листы «Курьера царя». Посол не нашел в романе «ничего предосудительного», но порекомендовал изменить заглавие.

22 ноября

Русский посол пригласил к себе на обед Жюля Верна и Этцеля.

27 ноября

Вышел в свет третий и последний том «Таинственного острова» («Тайна острова»).

В России напечатан первый очерк о творчестве Жюля Верна с портретом писателя (журнал «Нива», № 47).

Роман «Таинственный остров» вышел на русском языке в переводе Марко Вовчка.

12 декабря

Жюль Верн прочел в Амьенской академии фантастический этюд о больших городах будущего — «Идеальный город. Амьен в 2000 г. н. э.».

В Москве на сцене Общедоступного (Народного) театра поставлена «большая обстановочная приключенческая феерия» «Вокруг света в восемьдесят дней».

1 8 7 6

Весна

Жюль Верн покупает паровую яхту в 38 тонн водоизмещением и дает ей название «Сен-Мишель II».

25 апреля

Этцель сообщает Жюлю Верну в очередном письме, что Александр Дюма-сын собирается выставить его кандидатуру в Академию. В ответном письме к издателю Жюль Верн просит передать Дюма, что он предпочитает воздержаться от баллотировки, так как ему претят унижительные визиты и хлопоты и он не намерен ничего предпринимать, заранее зная, что «сорок бессмертных» не придают большого значения его произведениям.

Очерк о творчестве Жюля Верна в книге Мариуса Топена «Современные знаменитости». Называя автора «Необыкновенных путешествий» «самым популярным романистом нашего времени», Топен считает его подлинным новатором. Новаторство Жюля Верна заключается, по мнению Топена, не в том, что он ввел науку в рамки романа, а в том, что включил в свои романы весь физический мир, всю вселенную.

Лето

Жюль Верн разработал сценарий пьесы по роману «Михаил Строгов» и предложил соавторство драматургу Феликсу Дюкенелю. Так как Дюкенель отказался, пришлось снова прибегнуть к сотрудничеству Деннери.

Подходит к концу работа над романом «Гектор Сервадак».

Роман «Ченслер» под заглавием «На море» вышел в Петербурге в переводе Марко Вовчка.

В русском переводе издана пьеса Жюль Верна и Деннери «Вокруг света в восемьдесят дней».

В Лондоне опубликована статья Роберта Льюиса Стивенсона (1850—1894) «Произведения Жюль Верна» в связи с изданием нескольких томов «Необыкновенных путешествий» на английском языке. Стивенсон восхищается силой воображения французского писателя.

25 ноября Роман «Михаил Строгов» вместе с новеллой «Драма в Мексике» вышел в свет отдельным изданием.

1 8 7 7

В «Журнале воспитания и развлечения» (тт. 25—26) печатается роман «Гектор Сервадак».

26 января В театре Варьете премьера оперетты «Доктор Окс». Либретто Филиппа Жилия и Арнольда Мортье при участии Жюль Верна. Музыка Жака Оффенбаха.

19 мая Отдельным изданием выходит роман «Черная Индия». Писатель с увлечением работает над романом «Пятнадцатилетний герой» («Пятнадцатилетний капитан»).

Середина года Закончен последний том «Всеобщей истории великих путешествий и великих путешественников».

4 августа «Гектор Сервадак» вышел из печати отдельным изданием.

Роман «Черная Индия» вышел на русском языке в трех разных переводах.

1 8 7 8

Январь «Пятнадцатилетний капитан» печатается в «Русской газете» в переводе Марко Вовчка.

«Гектор Сервадак» печатается на русском языке в журнале «Природа и люди» (№№ 2—12).

Весна Жюль Верн продает яхту «Сен-Мишель II» и приобретает в Нанте быстроходную паровую яхту

водоизмещением в 100 тонн. Экипаж «Сен-Мишеля III» состоял из десяти человек, включая капитана.

Лето

Поездка по Средиземному морю и Атлантике к местам, которые были описаны в романе «Гектор Сервадак». Путешествие проходило по маршруту: Нант, Виго, Лиссабон, Кадис, Танжер, Гибралтар, Тетуан, Оран, Мостаганем, Алжир.

10 июля

Вышел в свет первый том романа «Пятнадцатилетний капитан».

*Середина
июля*

Возвращение в Амьен. Работа над романом «Пятьсот миллионов бегумы».

15 ноября

Вышел из печати второй том романа «Пятнадцатилетний капитан».

26 декабря

В театре Порт-Сен-Мартен премьера пьесы Жюль Верна и Деннери «Дети капитана Гранта».

1 8 7 9

В «Журнале воспитания и развлечения» (тт. 29—30) печатается роман «Пятьсот миллионов бегумы».

Жюль Верн пишет роман «Треволнения одного китайца в Китае».

24 сентября

Роман «Пятьсот миллионов бегумы» вместе с новеллой «Мятежники с «Баунти» вышел в свет отдельным изданием. Новелла «Мятежники с «Баунти» была предварительно опубликована в «Журнале воспитания и развлечения».

29 ноября

Вышел в свет роман «Треволнения одного китайца в Китае».

1 8 8 0

В «Журнале воспитания и развлечения» печатается роман «Паровой дом».

Весна

Поездка на «Сен-Мишеле III» к берегам Норвегии, Ирландии и Шотландии.

8 мая

Этьель выпустил сороковое издание романа «Пять недель на воздушном шаре».

11 июня

Декрет об амнистии участников Парижской коммуны.

Паскаль Груссе возвращается из эмиграции и вскоре начинает сотрудничать в «Журнале воспитания и развлечения» под псевдонимом Андре Лори.

23 июля Вышел из печати первый том романа «Паровой дом».

5 ноября Вышел в свет второй том романа «Паровой дом».

17 ноября В театре Шатле премьера пьесы Жюль Верна и Деннери «Михаил Строгов». Большой успех спектакля, выдержавшего на сцене Шатле четырех представлений.

1881

Роман «Жангада» печатается в «Журнале воспитания и развлечения».

Январь Жюль Верн избран директором Амьенской академии на 1881 год.

Лето Поездка на «Сен-Мишеле III» по Северному и Балтийскому морям. Намерению Жюль Верна посетить Петербург помешала штормовая погода на Балтике.

Возвращение в Амьен. Работа над романом «Школа Робинзонов».

Полемика с Этцелем по поводу замысла романа. В недатированном письме к издателю Жюль Верн отвергает его совет придать произведению «философскую основу обычной робинзонады»: «Философское понимание, на которое Вы указываете, — вне моего сюжета и может его только отяжелить. Мой роман будет веселой и забавной шуткой на робинзоновскую тему и ничем больше. Я беру ходячие факты из «Робинзона Крузо», «Швейцарского Робинзона», «Двенадцатилетнего Робинзона» (воспоминание о моем детстве!), Робинзона Купера¹ и других робинзонад, чтобы все, что в этих книгах давалось всерьез, превратить в мистификацию».

19 ноября Вышел из печати сборник пьес Жюль Верна и Деннери «Путешествие в театре» («Вокруг света

¹ Имеется в виду роман Ф. Купера «Колония на кратере».

в восемьдесят дней», «Дети капитана Гранта», «Михаил Строгов»).

26 ноября

Вышел в свет отдельным изданием роман «Жангада» с приложением очерка Поля Верна «Из Роттердама в Копенгаген на борту яхты «Сен-Мишель».

18 декабря

Жюль Верн прочел в Амьенской академии юмористический рассказ «Десять часов на охоте».

1882

В «Журнале воспитания и развлечения» печатается роман «Школа Робинзонов».

Февраль

В журнале «Вестник Европы» помещена рецензия на романы «Паровой дом» и «Жангада».

26 июля

Вышел в свет отдельным изданием роман «Зеленый луч» вместе с рассказом «Десять часов на охоте».

30 октября

Вышел из печати роман «Школа Робинзонов».

25 ноября

Феерия Жюль Верна и Деннери «Путешествие в Невозможное» (*Le voyage à travers l'impossible*) первый раз поставлена в театре Порт-Сен-Мартен. Герои этой пьесы — известные персонажи романов Жюль Верна: капитан Немо, капитан Гаттерас, доктор Окс и др. По словам критика Поля Жинисли, «Путешествие в Невозможное» — нечто вроде сценического резюме «Необыкновенных путешествий». Пьеса успеха не имела.

1883

Роман «Упрямец Керабан» печатается в «Журнале воспитания и развлечения».

Январь

Договор Жюль Верна с Этцелем продлен еще на двадцать лет.

Май

В юмористическом журнале «Будильник» напечатана пародия А. П. Чехова на фантастические романы Жюль Верна и его переводчиков — «Летающие острова».

Жюль Верн работает над романом «Архипелаг в огне».

30 мая

Вышел из печати первый том романа «Упрямец Керабан».

Французский писатель Жюль Кларети выпустил брошюру «Жюль Верн» (в серии «Современные знаменитости»). «Сила Жюля Верна заключается в том, — пишет Кларети, — что он заставляет верить и детей и взрослых, ученых и писателей в реальность своих увлекательных фантазий... В его романах много познавательного для читателей любого возраста. Ко всем качествам романиста у него прибавляется редкое качество изобретателя».

3 сентября

Первое представление феерии Жюля Верна «Упрямец Керабан».

Издана брошюра Жоржа Бастара «Жюль Верн, автор «Необыкновенных путешествий». Характеризуя героев его произведений, Бастар приводит выдержки из писем Жюля Верна: «Я всегда хочу писать так, чтобы старший брат мог, не краснея, прочесть своим сестрам любой отрывок из любой моей книги... Я знаю, что я излюбленный автор людей, прикованных к одному месту, и мне это льстит...»

29 сентября

Вышел в свет второй том романа «Упрямец Керабан».

Очерк о творчестве Жюля Верна в книге Олимпии Одуар «Силуэты парижан». «Земля для Жюля Верна, — пишет автор, — то же, что небо для Фламариона. Взглядом титана он объемлет весь земной шар...»

Жюль Верн разрабатывает план романа «Матиас Шандор», который должен стать, по его словам, своего рода «Монте-Кристо Необыкновенных путешествий».

3 декабря

В письме к Этцелю по поводу романов «Архипелаг в огне» и «Матиас Шандор» Жюль Верн жалуется на то, что теперь заинтересовать читателей ему труднее, чем раньше, так как необыкновенные сюжеты, вроде приключений на воздушном шаре или капитана Немо, уже исчерпаны, и поэтому приходится прибегать к «комбинированным сюжетам». «Архипелаг в огне» и представляет собой такого рода комбинированный сюжет

и в еще большей степени — роман, над которым я сейчас работаю» («Матиас Шандор»).

1 8 8 4

- В «Журнале воспитания и развлечения» печатается роман «Южная звезда».
- Май — июль* Последняя большая поездка Жюль Верна на «Сен-Мишеле III».
- 13 мая* Отъезд из Нанта.
- 18 мая* Стоянка в Виго.
- 20 мая* Торжественная встреча Жюль Верна в Лиссабоне.
- 25 мая* «Сен-Мишель» проходит через Гибралтарский пролив.
- Географическое общество в Орне устраивает торжественное заседание по случаю прибытия Жюль Верна.
- 10 июня* Стоянка в Боне (Алжир).
- 18 июня* Прибытие на Мальту, в порт Ла-Валетта.
- Остановка в Катании (Сицилия). Экскурсия на кратер Этны. Стоянка в Неаполе, затем в Чивита-Веккиа.
- 4 июля* Прибытие Жюль Верна в Рим.
- Пребывание во Флоренции, затем в Венеции. Факельное шествие перед зданием гостиницы, где остановился знаменитый писатель.
- 18 июля* Прибытие в Париж. Жюль Верн оставляет издателю первый том «Матиаса Шандора». Некоторые описания были внесены в роман под свежим впечатлением только что проделанного путешествия.
- Жюль Верн и Андре Лори пишут роман «Найденныш с погибшей «Цинтии». Это единственный роман, написанный Жюлем Верном в соавторстве.
- 14 августа* Роман «Архипелаг в огне» вышел в свет отдельным изданием.
- 9 октября* Вышел из печати роман «Южная звезда».
- Конец года* «Архипелаг в огне» издан в русском переводе редакцией газеты «Эхо».

1 8 8 5

В «Журнале воспитания и развлечения» печатается роман Жюль Верна и Андре Лори «Найденыйш с погибшей «Цинтии».

- 13 февраля* По просьбе Этцеля Жюль Верн вносит исправления в текст романа «Матиас Шандор». Рассказ «Фритт-Флакк» прочитан Жюлем Верном в Амьенской академии.
- 2 марта* В письме к Жюлю Кларети Жюль Верн сообщает, что закончил «Матиаса Шандора».
- 27 июля* Вышел в свет первый том романа «Матиас Шандор».
- 17 августа* Вышел в свет второй том романа «Матиас Шандор».
- 23 октября* Вышел в свет третий и последний том романа «Матиас Шандор».
- 30 ноября* Издан отдельной книгой роман «Найденыйш с погибшей «Цинтии».
- Конец года* Работа над романом «Робур-Завоеватель». Первый том «Истории знаменитых путешествий и путешественников» вышел из печати на русском языке в издании Вольфа.

1 8 8 6

- В «Журнале воспитания и развлечения» печатается роман «Лотерейный билет № 9672».
- 9 марта* В 5 часов вечера Жюль Верн был тяжело ранен душевнобольным племянником.
- 16 марта* В Монте-Карло умер Пьер-Жюль Этцель. Издательская фирма перешла по наследству к его сыну Жюлю Этцелю младшему (1847—1930).
- 20 августа* Вышел в свет роман «Робур-Завоеватель».
- 16 октября* Роман «Лотерейный билет» вместе с рассказом «Фритт-Флакк» издан отдельной книгой.
- «Робур-Завоеватель» печатается в русском переводе в журнале «Вокруг света» (с № 33).
- Второй том «Истории знаменитых путешествий и путешественников» вышел из печати в издании Вольфа (третий том не был издан).

Французский историк Шарль Сеньобос публикует статью о творчестве Жюль Верна в немецком журнале «Норд унд Зюд» (1886, № 38).

1887

Роман «Север против Юга» печатается в «Журнале воспитания и развлечения».

15 февраля Смерть матери Жюль Верна, Софи-Анриетты Верн.

25 июня Выход в свет первого тома романа «Север против Юга».

Весна Поездка в Нант для продажи «Сен-Мишеля III», так как после нанесенного ему увечья писатель больше не мог путешествовать.

1 октября Издан второй том романа «Север против Юга».

15 октября Роман «Дорога во Францию» вместе с новеллой «Жиль Бралтар» вышел из печати отдельным изданием.

26 ноября Премьера спектакля «Матиас Шандор» в театре Амбигю. Инсценировка Вильяма Бюснаха и Жоржа Морена при участии Жюль Верна.

В день премьеры «Матиаса Шандора» писатель находился в Льеже и выступал в «Обществе свободного соревнования» с чтением фантастической сказки «Семья Ратон».

1888

В «Журнале воспитания и развлечения» печатается роман «Два года каникул». В предисловии автор указывает, что решил дополнить бесконечную вереницу робинзонад еще одним романом: группа детей от восьми до тринадцати лет, покинутых на необитаемом острове, ведет борьбу за жизнь, преодолевая национальную рознь.

6 мая Жюль Верн избран членом Амьенского муниципалитета.

22 июня Вышел в свет первый том романа «Два года каникул».

7 ноября Вышел из печати второй том романа «Два года каникул».

1889

- В «Журнале воспитания и развлечения» печатается роман «Семья без имени».
- Апрель* В американском журнале «Форум» опубликован на английском языке рассказ Жюль Верна «В XXIX веке. Один день американского журналиста в 2889 году».
- 6 июля* Вышел в свет первый том романа «Семья без имени».
- Август* Издатель Вольф приступил к выпуску первого в России собрания сочинений Жюль Верна.
- 3 октября* Издан отдельной книгой роман «Вверх дном» с дополнительной главой, содержащей математические расчеты инженера Бадуро.
- 14 ноября* Заметка Жюль Верна в газете «Эко де ля Сомм», вызванная спорами в Амьенской академии относительно правильности написания заглавия романа «Sans dessus dessous» («Вверх дном»).
- 12 декабря* Вышел в свет второй том романа «Семья без имени».

1890

- В «Журнале воспитания и развлечения» печатается роман «Цезарь Каскабель».
- Март* Роман «Вверх дном» издан в русском переводе.
- 9 августа* Вышел в свет первый том романа «Цезарь Каскабель».
- 22 ноября* Вышел в свет второй том романа «Цезарь Каскабель».
- Сатирический рассказ «В XXIX веке» опубликован на французском языке в «Трудах Амьенской академии» с подзаголовком «Один день из жизни американского журналиста в 2890 году».

1891

- В «Журнале воспитания и развлечения» печатается роман «Миссис Браникан».
- Январь* В газете «Фигаро иллюстрэ» опубликована фантастическая сказка «Семья Ратон».

Роман «Миссис Браникан» печатается в московском журнале «Вокруг света» (№№ 17—50) под заглавием «Героиня долга».

5 сентября

Вышел в свет первый том романа «Миссис Браникан».

19 декабря

Вышел в свет второй том романа «Миссис Браникан».

1 8 9 2

В «Журнале воспитания и развлечения» печатается роман «Замок в Карпатах».

Жюль Верн сообщает брату в недатированном письме, что один из его иностранных почитателей советует ему обратиться к политической деятельности и предлагает 500 000 франков, чтобы писатель выставил свою кандидатуру в сенат. «Какой безумец! Но я был бы еще большим безумцем, если бы пошел на это».

28 ноября

Издан отдельной книгой роман «Замок в Карпатах».

22 декабря

Вышел в свет роман «Клодиус Бомбарнак. Записки репортера, присутствовавшего на открытии великой Трансазиатской магистрали Россия — Пекин».

1 8 9 3

В «Журнале воспитания и развлечения» печатается роман «Малыш».

Июль

Статья о творчестве Жюль Верна помещена в журнале «Вокруг света» (№ 29). «В его смелых вымыслах, всегда основанных на вполне доказанных научных фактах, — пишет автор статьи, — по первому впечатлению трудно бывает отличить, где кончается гипотеза и начинается чистая фантазия. В этом, между прочим, — наряду с мастерским изложением и превосходным языком, — заключается секрет необычного успеха Жюль Верна».

28 октября

Вышел из печати первый том романа «Малыш».

Декабрь

В «Фигаро иллюстрэ» опубликован юмористический рассказ «Г-н Ре-диез и м-ль Ми-бемоль».

23 декабря

Вышел в свет второй том романа «Малыш».

1 8 9 4

В «Журнале воспитания и развлечения» печатается роман «Удивительные приключения дядюшки Антифера».

Весна — лето

Работа над романом «Пловучий остров».

5 июня

В письме к брату Жюль Верн сообщает, что первый том «Пловучего острова» уже готов, а второй будет закончен через три месяца. Одновременно он посылает на просмотр Полю Верну окончание «Дядюшки Антифера».

7 июня

Итальянский писатель и литературовед Марио Турниелло вступает с автором «Необыкновенных путешествий» в переписку, которая продолжается десять лет. В письмах к Турниелло Жюль Верн рассказывает о своей работе над очередными произведениями, что дает возможность установить время написания его поздних и посмертно опубликованных романов. В первом письме к М. Турниелло Жюль Верн сообщает: «Я написал уже семьдесят томов, и, чтобы закончить весь труд, мне остается еще написать тридцать. Но хватит ли на это времени?»

7 августа

Жюль Верн рассказывает брату о ходе своей работы. «Томы на 1895—96—97 годы уже готовы. Сейчас я занимаюсь томом на 1898 год...» (См. ниже).

8 сентября

Жюль Верн извещает брата о том, что «Пловучий остров» уже печатается, и посылает ему корректурные листы первого тома с просьбой исправить ошибки в гидрографических описаниях, тоннаже, лошадиных силах и т. п. В этом же письме автор раскрывает сатирический замысел второго тома, где «все будет соответствовать современным фактам и правам».

Осень

Жюль Верн дает согласие войти в жюри ли-

тературного конкурса, объявленного амьенским журналом для юношества «Абри».

11 октября

Вышел в свет первый том романа «Удивительные приключения дядюшки Антифера».

22 ноября

Вышел в свет второй том романа «Удивительные приключения дядюшки Антифера».

Роман «Приключения Антифера» печатается на русском языке в журнале «Вокруг света».

1895

В «Журнале воспитания и развлечения» печатается роман «Пловучий остров».

Жюль Верн время от времени принимает у себя в Амьене французских и иностранных журналистов.

Февраль

В лондонском журнале «Стрэнд Мэгэзин» напечатана большая статья английской журналистки Мэри А. Беллок «Жюль Верн у себя дома».

Мэри Беллок приводит, в частности, рассказ Жюль Верна о методе его творческой работы: «Я делаю массу выписок из книг, газет, журналов и научных отчетов. Все эти заметки тщательно классифицируются и служат материалом для моих повестей и романов.. Я никогда не начинаю писать, если не знаю начала, середины и конца своего будущего произведения. Когда сюжет достаточно созреет, я принимаюсь за работу. Окончив предварительные наброски, я составляю план отдельных глав, а затем набрасываю карандашом черновик, оставляя на полстраницы поля для дополнений и поправок. Потом я все перечитываю и обвожу чернилами. Однако настоящая моя работа начинается лишь тогда, когда набрана первая корректура, так как я исправляю почти каждую фразу и пишу заново целые главы. Издатель дает мне возможность просматривать и править корректуры до десяти раз, и даже в последнюю корректуру я вношу много поправок».

Лето

Визит к Жюлю Верну итальянского писателя Эдмондо д'Амичиса (1846—1908), который решил выяснить, «существует ли в действительности

Жюль Верн и не созданы ли «Необыкновенные путешествия» коллективом писателей, выбравших себе этот псевдоним».

Жюль Верн сообщил д'Амигису, что поставил себе задачей описать в «Необыкновенных путешествиях» весь земной шар. «Следуя из страны в страну, по установленному заранее порядку, — пишет д'Амигис, — он не возвращается без особой надобности в те страны, которые уже служили предметом описания. Его героям предстоит еще посетить много стран, и, чтобы выполнить эту задачу, писатель старается не терять ни одного дня» (статья д'Амигиса «Визит к Жюлю Верну» была опубликована в ноябре 1896 года в итальянском журнале «Нова Антологиа»).

Жюль Верн слепнет на один глаз (катаракта на левом зрачке).

15 июня

Вышел из печати первый том «Пловучего острова».

Осень

Жюль Верн продолжает работу над романом «Ледяной сфинкс». «Я лихорадочно пишу продолжение романа Э. По, о чем я тебе уже сообщал три месяца тому назад. На днях начал вторую часть» (письмо брату от 22 октября).

30 ноября

Вышел из печати второй том «Пловучего острова» с приложением критического очерка Шарля Канивеля об авторе «Необыкновенных путешествий».

Роман «Пловучий остров» печатается на русском языке в журнале «Вокруг света».

Марио Турнелло опубликовал в Неаполе свое исследование о творчестве Жюль Верна.

1 8 9 6

С начала года в «Журнале воспитания и развлечения» печатается роман «Флаг родины», с середины года — «Кловис Дардентор».

21 июля

Роман «Флаг родины» вышел отдельным изданием.

- Осень* Французский химик, изобретатель мелинита Эжен Тюрпен, усмотрев оскорбительные для себя намеки в романе «Флаг родины», возбудил против Жюль Верна и его издателя Этцеля судебное преследование.
- 19 октября* В газете «Ле друа» («Право») опубликовано сообщение о предстоящем разборе дела «Эжен Тюрпен против Жюль Верна и издателя Этцеля».
- Конец ноября* Жюль Верн в последний раз приехал в Париж по вызову суда. За отсутствием улик обвиняемые были оправданы.
- 2 декабря* Роман «Кловис Дардентор» вышел отдельным изданием.
- По мотивам этого романа, совместно с Шарлем Валлю, была написана пьеса «Приемный сын», оставшаяся неопубликованной (рукопись хранится в Париже, в Национальной библиотеке).
- Роман «Родное знамя» («Флаг родины») издан на русском языке.

1 8 9 7

- Весна* В «Журнале воспитания и развлечения» печатается роман «Ледяной сфинкс».
- В одном из последних писем к брату Полю Жюль Верн жалуется: «Я теперь совсем не двигаюсь и стал таким же домоседом, как раньше был легок на подъем. Возраст, недомогание, заботы — все это приковывает меня к дому. Ах, дружище Поль! Хорошее было время, когда мы с тобой плавали по морям. Оно уже никогда не вернется...»
- 5 мая* Жюль Верн сообщает Марио Туриелло: «Я публикую только по два тома в год и в настоящее время так далеко продвинулся вперед, что пишу для 1903 года»¹.
- 26 июня* Вышел из печати первый том романа «Ледяной сфинкс».

¹ В 1903 году печатался роман «Путешествие стипендиатов».

27 августа
7 декабря

Скончался Поль Верн.
Вышел из печати второй том романа «Ледяной сфинкс».

1 8 9 8

В «Журнале воспитания и развлечения» печатается роман «Великолепное Ориноко».

В качестве приложения к журналу «Вокруг света» в России выходит десяти томное собрание сочинений Жюль Верна.

Весна

Визит к Жюлю Верну журналиста Адольфа Бриссона, автора серии книг «Интимные портреты» (очерк о встрече с Жюлем Верном — в IV томе).

Когда в разговоре с Бриссоном речь зашла о лучших романах Жюль Верна, писатель заметил, что на мысль о романе «Двадцать тысяч лье под водой» его навела Жорж Санд. «Ей я обязан одним из самых больших моих успехов». И в подтверждение этих слов он прочел Бриссону письмо от Жорж Санд, полученное в 1865 году.

4 июня

Вышел из печати первый том романа «Великолепное Ориноко».

5 декабря

Вышел в свет второй том романа «Великолепное Ориноко».

1 8 9 9

В «Журнале воспитания и развлечения» печатается роман «Завещание чудака».

Март

В «Новом журнале иностранной литературы» (№ 3, стр. 194—205) опубликована статья В. Л. Разинькова «Пушки в отставке», посвященная трилогии «С Земли на Луну», «Вокруг Луны», «Вверх дном». Критик подчеркивает антивоенные убеждения Жюль Верна, особенно ярко проявившиеся в этой трилогии.

10 июля

Жюль Верн сообщает Марио Турниелло о том, что у него имеется в запасе двенадцать готовых томов, которые будут опубликованы в последующие годы.

1 9 0 0

В «Журнале воспитания и развлечения» печатается роман «Вторая родина», написанный как продолжение «Швейцарского Робинзона» И. Р. Виса.

Январь

Издан в двух томах роман «Завещание чудака».

На русском языке вышло первое издание романа «Михаил Строгов». Все попытки опубликовать в России этот роман или поставить одноименную пьесу до 1900 года пресекались цензурой.

1 9 0 1

В «Журнале воспитания и развлечения» печатаются романы «Великий лес» (в отдельном издании — «Деревня в воздухе») и «Истории Жана-Мари Кабидулена».

22 мая

Жюль Верн сообщил корреспонденту газеты «Эко де Пари», что начал писать свою девяносто девятую книгу.

Встреча на Амьенском вокзале с журналистом Гастоном Стиглером, который возвращался в Париж из кругосветного путешествия, проделанного за 63 дня.

Визит к Жюлю Верну русского журналиста А. Плетнева.

Вышла в свет на французском языке брошюра М. Туриелло «Приключения Артура Гордона Пима и Ледяной сфинкс» — сравнительная характеристика повести Э. По и романа Ж. Верна. Туриелло считает Жюль Верна подлинным творцом научного романа. «То, что мы называем научным романом, это — сочетание воображения и науки. Объединить то и другое — значит оплодотворить воображение эрудицией и предоставить каждому из этих двух элементов то место, которое он должен занимать. Впервые это удалось блестяще осуществить Жюлю Верну».

В письме к М. Туриелло Жюль Верн жалуется, что писать ему приходится почти вслепую из-за катаракты на обоих зрачках.

27 августа

Роман «Великий лес» («Деревня в воздухе») издан на русском языке.

1902

В «Журнале воспитания и развлечения» печатается роман «Братья Кип».

15 января

В письме к Марио Туриелло Жюль Верн сообщает, что скоро должна появиться 83-я книга из серии «Необыкновенных путешествий», что у него готово еще шестнадцать томов и он уже приступил к работе над сотым томом (речь идет о романе «Тайна Вильгельма Шторица»). «Есть все основания полагать, — заключает Жюль Верн, — что последние тома будут посмертными».

Роман «Братья Кип» печатается на русском языке в журнале «Вокруг света».

2 апреля

Вышел в свет отдельным изданием роман «Деревня в воздухе».

19 апреля

Вышел в свет отдельным изданием роман «Истории Жана-Мари Кабидулена». Героям этого романа — членам экипажа шкуны «Сент-Инах» — писатель присвоил имена своих школьных товарищей (Ромен Аллот, Эварист Буркар, Блен Дюкре, Жан-Франсуа Эрто, Ив Кокебер, Матюрен Оллив и др.).

Лето

Первый короткометражный кинофильм по роману Жюль Верна, поставленный Жоржем Мелье, — «Путешествие на Луну». По словам Жоржа Садуля, «это были не более, чем живые иллюстрации к роману» (Ж. Садуль, Жюль Верн и кино. Журнал «Эроп», 1955, апрель — май).

Жюль Верн дает интервью корреспонденту немецкого журнала «Ди вохз». На вопрос, какого рода открытия и изобретения готовит челове-

ству наука будущего, писатель ответил: «Вы требуете от меня слишком многого. Но что науке суждено открыть людям еще много удивительного и чудесного — в этом я не сомневаюсь, скажу даже больше: я убежден, что многие из этих чудесных открытий будут сделаны на глазах нынешнего поколения. Ведь, собственно говоря, наши знания о силах природы, в особенности об электричестве, находятся еще в самом зачаточном состоянии; в будущем же, когда мы вырвем у природы еще много ее тайн, все чудеса, которые описывают романисты, покажутся простыми и неинтересными в сравнении с еще более редкими и удивительными явлениями действительно, свидетелями которых, повторяю, можете быть и вы».

24 ноября

В очередном письме Жюль Верн сообщает Марио Турниелло: «Следующий том моей серии, который появится в 1903 году, будет уже 86-м, а в настоящее время я пишу 101-й том» (повидимому, речь идет о повести «Вечный Адам», вошедшей в посмертный сборник повестей и рассказов «Вчера и завтра»).

1 9 0 3

В «Журнале воспитания и развлечения» печатается роман «Путешествие стипендиатов».

Жюль Верн болен диабетом, теряет слух и почти полностью — зрение, но не прекращает творческой деятельности.

«Я вижу все хуже и хуже, моя дорогая сестра, — писал он Анне Дюкре де Вильнев, — операции катаракты еще не было... Пока еще могу писать и читать, — подожду. Кроме того, я оглох на одно ухо. Итак, я в состоянии теперь слышать только половину глупостей и злопыхательств, которые ходят по свету, и это меня немало утешает!»

11 февраля

Роман «Братья Кип» вышел отдельным изданием в двух томах.

Весна

В беседе с журналистом Фернаном Озе Жюль Верн сказал, что у него лежат для издателя в рукописях готовые произведения на десять лет вперед, из расчета по два тома на один год (газета «Журналь» от 25 марта 1905 г.).

Лето

На телеграмму Симона Лейка, сообщившего, что сконструированная им подводная лодка на колесах «Протектор» прошла под водой расстояние от Нью-Йорка до Бриджпорта, Жюль Верн ответил телеграммой следующего содержания: «Несмотря на то, что моя книга «Двадцать тысяч лье под водой» навеяна исключительно воображением, я не сомневаюсь в том, что со временем моя фантазия воплотится в жизнь».

Во второй том сборника статей Анри д'Альмера «Перед славой» включен очерк о юношеских произведениях Жюля Верна.

В журнале «Вокруг света» напечатан русский перевод романа «Путешествие стипендиатов».

1 9 0 4

В «Журнале воспитания и развлечения» печатается роман «Властелин мира».

Весна

Жюль Верна интервьюирует английский журналист Чарльз Даубарн. Когда речь зашла об английской литературе, писатель сказал: «На меня произвел сильное впечатление ваш новый писатель Уэллс. У него совершенно особая манера, и книги его очень любопытны. Но по сравнению со мной он идет совсем противоположным путем... Если я стараюсь отталкиваться от правдоподобного и в принципе возможного, то Уэллс придумывает для осуществления подвигов своих героев самые невозможные способы. Например, если он хочет выбросить своего героя в пространство, то придумывает металл, не имеющий веса... Уэллс больше, чем кто-либо другой, является представителем английского воображения».

Корреспонденту «Новой венской газеты» Жюль Верн сообщил, что у него есть десять готовых романов. «Каждый год я выпускаю по два тома. Половина их, вероятно, выйдет еще при моей жизни, остальные явятся так называемыми посмертными произведениями. В нынешнем году я печатаю новый роман. Его содержание — «автомобилизм» (имеется в виду «Властелин мира»).

Когда корреспондент спросил Жюля Верна, следит ли он за событиями русско-японской войны, писатель ответил: «О да, и это кровопролитие приводит меня в ужас. Самые новейшие смертоносные орудия и взрывчатые вещества впервые вводятся в употребление... Дипломаты должны стараться сохранить мир!»

На вопрос собеседника о перспективах науки и техники Жюль Верн высказал такие соображения: «Двадцатый век создаст новую эру. Еще немного времени, и наши телефоны и телеграфы покажутся смешными, а железные дороги — слишком шумными и отчаянно медлительными... Водопады дадут вшестеро больше двигательной энергии... Одновременно разрешатся задачи воздухоплавания. Дно океана станет предметом широкого изучения и целью путешествий... Настанет день, когда люди сумеют эксплуатировать недра океана так же, как теперь золотые россыпи. Моя жизнь была полным-полна действительными и воображаемыми событиями. Я видел много замечательных вещей, но еще более удивительные создавались моей фантазией. И все же я чувствую, что слишком рано мне приходится завершить свой земной путь, и сердце мое полно грусти, что нужно проститься с жизнью на пороге эпохи, которая сулит столько чудес!»

Апрель

В статье библиографа Н. А. Рубакина «Книжный поток» («Русская мысль», № 4) приводятся цифровые данные о распространении книг Жюля Верна в России. Автор приходит к выводу, что Жюль Верн едва ли не самый популярный иностранный писатель в России.

Жорж Мелье поставил второй кинофильм по сюжету Жюль Верна, взяв за основу пьесу «Путешествие в Невозможное».

1 августа

Вышел в свет отдельным изданием роман «Драма в Лифляндии».

В журнале «Вокруг света» (№№ 34—49) напечатан перевод романа «Властелин мира»; в журнале «Природа и люди» — «Юные путешественники» («Путешествие стипендиатов»).

1 9 0 5

В «Журнале воспитания и развлечения» печатаются романы «Маяк на краю света» и «Вторжение моря».

*Январь —
середина
марта*

Жюль Верн работает над вторым томом своего последнего романа «Удивительные приключения экспедиции Барсака» (по его подсчету — 105-й том «Необыкновенных путешествий»), который сохранился в незаконченной рукописи, наполовину обведенной чернилами, под заглавием: «Научное путешествие» (опубликован в 1914 году в фельетонах газеты «Матен» под заглавием «Последнее необыкновенное путешествие» и в 1919 году издан отдельной книгой фирмой Ашетт под заглавием «Удивительные приключения экспедиции Барсака»).

16 марта

Сильнейший приступ диабета.

В последующие дни резкое ухудшение состояния больного.

24 марта

Жюль Верн скончался в 8 часов утра.

28 марта

Похороны на амьенском кладбище Мадлен при огромном стечении народа.

25 марта

В некрологе, помещенном в газете «Ле тан», друг, ученик и последователь Жюль Верна Андре Лори (Пасшаль Груссе) писал: «И до него были писатели, начиная от Свифта и кончая Эдгаром По, которые вводили науку в роман, но они использовали ее главным образом в сатирических целях. Еще ни один писатель до Жюль Верна не делал из науки основу монументального произ-

ведения, посвященного изучению Земли и Вселенной, промышленного прогресса, результатов, достигнутых человеческим знанием, и предстоящих открытий. Благодаря исключительному разнообразию подробностей и деталей, гармонии замысла и выполнения его романы составляют единый и целостный ансамбль, и их распространение на всех языках земного шара еще при жизни автора делает его труд еще более удивительным и плодотворным».

15 апреля

Траурный номер «Журнала воспитания и развлечения».

«Этот неутомимый труженик, — писал в своем некрологе Жюль Этцель, — оставил несколько неопубликованных романов, которые согласно его воле будут выходить год за годом, пока — увы, слишком скоро! — серия «Необыкновенных путешествий» не будет исчерпана».

После смерти писателя в его архиве были найдены следующие неопубликованные произведения, написанные до 1863 года:

Девять пьес для театра в стихах.

Семь пьес для театра в прозе.

Две статьи на исторические темы.

Три новеллы.

Начатые романы под заглавием:

1. «Путешествие в Англию и Шотландию».

2. «Париж в XX веке».

Законченные романы, повести и новеллы из серии «Необыкновенные путешествия»:

1. «Вторжение моря» (1905)¹.

2. «Золотой вулкан» (1906).

3. «Агентство Томпсон и К^о» (1907).

4. «В погоне за метеором» (1908).

5. «Дунайский лоцман» (1908).

6. «Потерпевшие крушение на «Джонатане» (1909).

7. «Тайна Вильгельма Шторица» (1910).

8. Сборник повестей и новелл, изданный под

¹ В скобках указан год публикации.

заглавием «Вчера и завтра» (1910). В этом сборнике впервые были опубликованы повесть «Вечный Адам» и новеллы «Судьба Жана Морена» и «Блеф. Американские нравы».

9. «Удивительные приключения экспедиции Барсака» (1914).

* * *

В 1907 году в Амьене был поставлен надгробный памятник Жюлю Верну работы скульптора Альбера Роза с символической надписью на постаменте: «К бессмертию и вечной юности».

Е. Брандис

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

*произведений Жюль Верна, включенных в 1—12 тт.
Собрания сочинений*

	том	стр.
Архипелаг в огне	9	7
Блеф	12	625
В стране мехов	6	229
В погоне за метеором	11	345
Вверх дном	10	7
Властелин мира	11	7
Вокруг Луны	11	497
Вокруг света в восемьдесят дней	6	7
Гектор Сервадак	7	165
Двадцать тысяч лье под водой	4	7
Дети капитана Гранта	3	7
Драма в воздухе	12	479
Драма в Лифляндии	11	159
Зимовка во льдах	12	502
Матиас Шандор	12	7
Опыт доктора Окса	12	567
Пловучий остров	10	163
Путешествие и приключения капитана Гаттераса	2	229
Путешествие к центру Земли	2	7
Пятнадцатилетний капитан	8	167
Пять недель на воздушном шаре	1	45
Пятьсот миллионов бегумы	8	537
Робур-Завоеватель	9	185
С Земли на Луну	1	319
Север против Юга	9	389
Таинственный остров	5	7
Флаг родины	10	529
«Ченслер»	7	7
Черная Индия	8	7

СОДЕРЖАНИЕ

Собрания сочинений Жюль Верн в двенадцати томах

ТОМ 1

<i>К. Андреев. Жюль Верн</i>	5
<i>Пять недель на воздушном шаре. Перевод А. Бекетовой . .</i>	45
<i>С Земли на Луну. Перевод Марко Вовчок</i>	319
<i>Вокруг Луны. Перевод Марко Вовчок</i>	497
<i>Комментарий К. Андреева, инж. М. Васильева и проф. К. Станюковича</i>	687

ТОМ 2

<i>Путешествие к центру Земли. Перевод Н. Егорова</i>	7
<i>Путешествие и приключения капитана Гаттераса. Перевод под ред. Е. Бируковой</i>	229
<i>Комментарий акад. Д. Щербакова и Е. Брандиса</i>	657

ТОМ 3

<i>Дети капитана Гранта. Перевод А. Бекетовой</i>	7
<i>Комментарий Е. Брандиса</i>	639

ТОМ 4

<i>Двадцать тысяч лье под водой. Перевод Н. Яковлевой и Е. Корша</i>	7
<i>Комментарий проф. Л. Зенкевича и Е. Брандиса</i>	453

ТОМ 5

<i>Таинственный остров. Перевод Н. Немчиновой и А. Худа- довой</i>	7
<i>Комментарий Е. Брандиса и А. Казанцева</i>	624

Т О М 6

Вокруг света в восемьдесят дней. <i>Перевод Н. С. Габинского</i>	7
В стране мехов. <i>Перевод Л. Слонимской и А. Рудковской</i>	229
Комментарий <i>акад. Д. И. Щербакова и Е. Брандиса</i>	641

Т О М 7

«Ченслер». Дневник пассажира Ж.-Р. Казаллона. <i>Перевод М. Мошенко и Р. Розенталя</i>	7
Гектор Сервадак. <i>Перевод Н. Гнединой и М. Вахтеровой</i>	165
Комментарий <i>Е. Брандиса, инж. М. Васильева, проф. К. Станюковича</i>	543

Т О М 8

Черная Индия. <i>Перевод З. Бобырь</i>	7
Пятнадцатилетний капитан. <i>Перевод И. Петрова</i>	167
Пятьсот миллионов бегумы. <i>Перевод М. Богословской</i>	537
Комментарий <i>Е. Брандиса</i>	705

Т О М 9

Архипелаг в огне. <i>Перевод С. Викторовой и С. Шлапоберской</i>	7
Робур-Завоеватель. <i>Перевод Я. Лесюка</i>	185
Север против Юга. <i>Перевод под ред. Р. Гурович</i>	389
Комментарий <i>Е. Брандиса</i>	701

Т О М 10

Вверх дном. <i>Перевод Е. Лопыревой</i>	7
Пловучий остров. <i>Перевод Е. Лопыревой и Н. Рыковой</i>	163
Флаг родины. <i>Перевод О. Моисеенко</i>	529
Комментарий <i>Е. Брандиса и проф. Г. Покровского</i>	707

Т О М 11

Властелин мира. <i>Перевод А. Тетеревниковой и Д. Лившиц</i>	7
Драма в Лифляндии. <i>Перевод Г. Велле</i>	159
В погоне за метеором. <i>Перевод В. Вальдман</i>	345
Комментарий <i>Е. Брандиса, инж. Беляева, И. Нехамкина, проф. С. Дмитриева, инж. М. Васильева и проф. К. Станюковича</i>	575

Т О М 12

Матнас Шандор. <i>Перевод Е. Гунста, О. Моисеенко и Е. Шишмаревой</i>	7
Драма в воздухе. <i>Перевод О. Волкова</i>	479
Зимовка во льдах. <i>Перевод З. Архангельской</i>	502
Опыт доктора Окса. <i>Перевод З. Бобырь</i>	567
Блеф. Американские нравы. <i>Перевод Е. Брандиса</i>	625
Комментарий <i>Е. Брандиса</i>	659
Краткая летопись жизни и творчества Жюль Верна.	679

СОДЕРЖАНИЕ

МАТИАС ШАНДОР

Роман

Перевод Е. А. Гунста, О. В. Моисеенко и
Е. М. Шишмаревой

Часть первая

Глава первая. Почтовый голубь	7
Глава вторая. Граф Матиас Шандор	23
Глава третья. Банк Торонто	34
Глава четвертая. Шифрованная записка	47
Глава пятая. Перед судом, на суде и после суда	60
Глава шестая. Пизинская крепостная башня	75
Глава седьмая. Поток Фойбы	87
Глава восьмая. В доме рыбака Феррато	105
Глава девятая. Последнее усилие в последней борьбе	120

Часть вторая

Глава первая. Пескад и Матифу	127
Глава вторая. Спуск трабаколо	138
Глава третья. Доктор Антекирт	150
Глава четвертая. Вдова Иштвана Батори	164
Глава пятая. Различные происшествия	179
Глава шестая. Устье Катаро	196
Глава седьмая. Осложнения	213
Глава восьмая. Встреча на Страдьоне	226

Часть третья

Глава первая. Средиземное море	235
Глава вторая. Прошлое и настоящее	247
Глава третья. Что происходило в Рагузе	261
Глава четвертая. В водах Мальты	275
Глава пятая. Мальта	288
Глава шестая. В окрестностях Катании	304
Глава седьмая. «Каса Инглеза»	318

Часть четвертая

<i>Глава первая.</i> Сеутская каторга	335
<i>Глава вторая.</i> Эксперимент доктора	349
<i>Глава третья.</i> Семнадцать раз	368
<i>Глава четвертая.</i> Последняя ставка	379
<i>Глава пятая.</i> На волю божью	395
<i>Глава шестая.</i> Встреча	406

Часть пятая

<i>Глава первая.</i> Пожатие руки Матифу	419
<i>Глава вторая.</i> Праздник аистов	433
<i>Глава третья.</i> Дом Сиди Хазама	446
<i>Глава четвертая.</i> Остров Антекирта	457
<i>Глава пятая.</i> Возмездие	470

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

<i>Драма в воздухе. Перевод О. В. Волкова</i>	479
<i>Зимовка во льдах. Перевод З. Александровой</i>	502
<i>Глава первая.</i> Черный флаг	502
<i>Глава вторая.</i> План Жана Корнбюта	507
<i>Глава третья.</i> Проблеск надежды	512
<i>Глава четвертая.</i> Во льдах	516
<i>Глава пятая.</i> Остров Ливерпуль	520
<i>Глава шестая.</i> Колебания льдов	524
<i>Глава седьмая.</i> Приготовления к зимовке	529
<i>Глава восьмая.</i> План понсков	532
<i>Глава девятая.</i> Снежная хижина	534
<i>Глава десятая.</i> Заживо погребенные	538
<i>Глава одиннадцатая.</i> Дымок	543
<i>Глава двенадцатая.</i> Возвращение на корабль	547
<i>Глава тринадцатая.</i> Соперники	551
<i>Глава четырнадцатая.</i> Бедственное положение	554
<i>Глава пятнадцатая.</i> Белые медведи	557
<i>Глава шестнадцатая.</i> Заключение	562
<i>Опыт доктора Окса. Перевод З. А. Бобырь</i>	567
<i>Глава первая,</i> повествующая о том, что бесполезно искать даже на лучших картах городок Кикандон.	567
<i>Глава вторая,</i> в которой бургомистр Ван-Трикасс и со- ветник Никлосс беседуют о городских делах . .	569
<i>Глава третья,</i> в которой комиссар Пассоф появляется столь же шумно, сколь и неожиданно	573
<i>Глава четвертая,</i> в которой доктор Окс оказывается	

первоклассным физиологом и смелым экспериментатором	578
<i>Глава пятая, в которой бургомистр и советник наносят визит доктору Оксу, и что из этого происходит</i>	582
<i>Глава шестая, где Франц Никлосс и Сюзель Ван-Трикасс строят кое-какие планы на будущее</i>	588
<i>Глава седьмая, в которой andante превращается в allegro, а allegro в vivace</i>	591
<i>Глава восьмая, в которой старинный торжественный вальс превращается в бешеный вихрь</i>	598
<i>Глава девятая, в которой доктор Окс и его ассистент Иген обмениваются несколькими словами</i>	603
<i>Глава десятая, где повествуется о том, как эпидемия охватила весь город и что из этого последовало</i>	604
<i>Глава одиннадцатая, в которой кикандонцы принимают героическое решение</i>	607
<i>Глава двенадцатая, в которой ассистент Иген высказывает разумное мнение, однако отвергнутое доктором Оксом</i>	612
<i>Глава тринадцатая, в которой еще раз доказывается, что с высоты легче господствовать над человеческими слабостями</i>	612
<i>Глава четырнадцатая, в которой дело заходит так далеко, что жители Кикандона, читатели и даже сам автор требуют немедленной развязки</i>	618
<i>Глава пятнадцатая, в которой внезапно наступает развязка</i>	621
<i>Глава шестнадцатая, в которой догадливый читатель видит, что он не ошибся, несмотря на все недомолвки автора</i>	622
<i>Глава семнадцатая, в которой объясняется теория доктора Окса</i>	623
Блеф. Американские нравы. Перевод Е. Брандиса	625
Комментарий	659
<i>Краткая летопись жизни и творчества Жюль Верна</i>	679
<i>Алфавитный указатель произведений Жюль Верна, включенных в 1—12 тт. Собрания сочинений</i>	737
<i>Содержание Собрания сочинений Жюль Верна в двенадцати томах</i>	738

Редактор *О. Лозовецкий*
Оформление художника *Т. Цичберг*
Художественный редактор
А. Гайденов
Технический редактор
Ф. Артемьева
Корректоры *В. Брагина* и
Л. Бунчукова

*

Сдано в набор 18/VII 1957 г. Подпи-
сано к печати 3/X 1957 г.
Бумага $84 \times 108^{1/32}$ — 23,25 печ. л.
38,13 усл. печ. л. = 35,57 уч.-изд. л. +
+ 5 вкл. = 35,82 л. Тираж 390 000.
Заказ № 709. Цена 12 р.

Гослитиздат,
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19

*

Ленинградский Совет народного
хозяйства. Управление полиграфиче-
ской промышленности. Типография
№ 1 «Печатный Двор» имени
А. М. Горького. Ленинград,
Гатчинская, 26.